

Андрей Смирнов

БЕЗУМНАЯ РОЩА

Андрей Смирнов
БЕЗУМНАЯ РОЩА

Посвящается Константину Ковальчуку

БЕЗУМНАЯ РОЩА

(история первая)

В далекие времена, когда боги сходили на землю, а люди были равны богам, в числе прочих демонов и духов стихий был некто, носивший имя Мьяонель. Некогда он мог присоединиться к пантеону небожителей и стать одним из младших богов, но он пренебрег этой возможностью, ибо не желал быть младшим. Он стал могущественным магом и долго жил в уединении, совершенствуя свое искусство. Подобно многим другим небожителям, отказавшимся от блаженства — тем, кто сходил на землю до него, и тем, кто сходил на землю много позже — следуя Путям Силы, однажды он обнаружил, что Сила его не является целостной. Заклинания, которые он творил, он заимствовал у ветра и пламени, у шума морских волн и безмолвия гор, читал письма в путях облаков и в знаках, что чертили на небе парящие птицы. Заимствовал — и только, но сам Мьяонель не являлся источником волшебства, не мог сотворить ничего, что прежде не существовало бы в этом мире, на земле, в аду или под небесами, не мог соединить того, что не было соединено, или разъять того, что составляло единое целое. Осознав это, еще тысячу лет он провел, оттачивая свое искусство и продолжая искать в мире стихийных сил дорогу, что привела бы его к тому могуществу, которого он так жаждал. Но он искал — и не находил этой дороги.

Меж тем, наблюдая в своем уединенном жилище за течениями Силы, он мог видеть, что мир сущий не замкнут в числе стихий, принесенных в него изначально. Странные существа и странные силы являлись словно из ниоткуда и находили себе место под лучами солнца или под покровом темноты, или даже под сиянием черного солнца, освещающего пределы Нижних Миров. Небывалое становилось явью, а потом — неотделимой, естественной частью мироздания, и невозможное сплеталось с невозможным. Цветы из пламени, пряжа из морских волн, стеклянная земля и ветра, чьи блестящие крылья жалят, как отточенные клинки... Мир наполнился чудесами — а Мьяонель мог лишь пользоваться силой этих чудес, но не творить новые.

И вот, в один из дней, когда он исследовал сущность огня, раскладывая пламя на составляющие — на теплоту и вечно меняющуюся форму, слуги

донесли ему, что в его земли забрел какой-то путник — тяжело раненный, нуждающийся в немедленной помощи. Мьяонель приказал принести чужака в свои заклинательные покои, вооружился колдовскими инструментами — ножом для воздуха, чашей для воды, массивной печатью для земли и короткой палочкой для пламени. Вскоре распахнулись двери и четверо самых сильных слуг внесли на своих плечах чужеземца. Оставив его в центре заклинательного круга, они удалились, а Мьяонель, присмотревшись, вздрогнул, ибо узнал его лицо. По своему происхождению пришелец был равен Мьяонелю — один из тех, кто в свое время покинул небеса и поселился на земле. Звали его Рафаг. Хотя он был без сознания и медленно умирал от страшной раны в груди, Мьяонель не испытывал сомнений, что скоро сможет поставить его на ноги и расспросить, что привело собрата в столь печальное положение.

Он отсек ножом боль, затем силой чаши замкнул кровь так, чтобы она больше не изливалась из тела Рафага. Водой из чаши он очистил рану и железом вдохнул новое пламя жизни в грудь умирающего. Печатью он закрыл рану, соединив ее края.

Отложив инструменты в сторону, Мьяонель заметил, что его гость пришел в чувство. Так же он понял, что Рафаг узнал его и пытается что-то сказать, но, поскольку он еще был слишком слаб, Мьяонелю пришлось наклониться, чтобы услышать его.

— Это не поможет, — прошептал тот, кто когда-то был бестелесным духом, а теперь умирал, потому что умирала плоть, в которую он был заключен. — Старое волшебство бессильно против пришедших следом за нами... Вот, взгляни сам.

И, покосившись на грудь Рафага, Мьяонель увидел, как медленно, но неуклонно расплзаются края раны, являя всю тщету его усилий.

— Кто это сделал? — Спросил Мьяонель.

— Он называет себя Дарующим Имена. Он сумасшедший.

— Из-за чего вы поссорились?

Рафаг горько рассмеялся.

— Не было настоящей причины. Я был слишком горд, а он захотел проучить меня.

— Где я могу найти Дарующего?

— Не ищи его. Твоя магия будет бессильна против него, так же, как и моя. Наше время кончилось. Хозяева небесных сфер отзывают нас обратно.

— Посмотрим, — сказал Мьяонель, ибо верил словам, рожденным в отчаянье, так же мало, как и тем, что произносятся, когда говорящий опьянен радостью.

Однако шли дни, а он так и не смог излечить Рафага. Через семь дней тот, не в силах больше противостоять смерти, покинул свою обескровленную оболочку и ушел из поднебесного мира. Мьяонель отнес на погребальный костер его тело и в тот же день стал собираться в дорогу.

Кроме плаща, который по желанию владельца мог делать его невидимым, невесомым и неуязвимым, и дорожного посоха, который казался всякому магу могущественнейшей вещью, исполненной Силы — но на самом деле таковым не являлся — Мьяонель не взял с собой ничего.

Он долго бродил по дорогам, ведомым только бессмертным, замечая и запоминая перемены, произошедшие с миром. Издалека он видел множество удивительных мест: замок на вершине горы, окруженный силой, в которой соединились пламя и тьма; дворец, поднимающийся из морской пучины — дворец, состоящий из пены, воды и хрусталя; огромный храм с золотой крышей, парящий над шумным городом. И вот однажды он вступил под сень темного леса и шел по лесу шесть дней, пока не встретил юношу в сверкающих, отполированных доспехах. Заметив его, юноша вынул из ножен меч и преградил дорогу Мьяонелю.

— Остановись! — Промолвил юноша. — Остановись и отвечай мне: ты заплутал в лесу или намеренно идешь к его сердцу, к Башне Без Окон, где обитает Повелитель Обратней?

— А если и так, то что? — Ответил Мьяонель, подумав: «Какая удача, что этот юнец оказался болтлив! Как бы иначе я узнал, чьи это земли?!»

— Тогда, — воскликнул воин, занося меч, — мне придется тебя убить!

Но Мьяонель не сдвинулся с места и не поднял посох, чтобы защититься, ибо прочел в глазах юноши, что тот не сможет ударить безоружного. Юноша замешкался, а Мьяонель насмешливо спросил:

— Зачем ты хочешь убить меня? Ведь я не враг тебе. Мы едва знакомы. Или Повелитель Обратней приказал убивать тебе всех, кто забредет в его земли?

— Вовсе нет, — ответил юноша презрительно, — я не служу ему. Но я иду к Башне Без Окон, чтобы убить Повелителя Обратней, и не потерплю соперников. А если ты не соперник, а один из его прихвостней, будет лучше уничтожить тебя сейчас, чем потом, когда ты станешь помогать своему господину!

Но Мьяонель беззвучно рассмеялся на эти слова.

— Я не служу Повелителю Обратней и не являюсь твоим соперником. Мне нет никакого дела до Башни Без Окон. Однако если ты не будешь возражать против моего общества, я готов отправиться с тобой туда и помочь тебе в битве.

— Нет! — Сказал юноша, снова вытянув меч между ними. — Никто не встанет между мной и моей целью. Мне не нужна твоя помощь. И если ты все-таки попытаешься оказать ее, то сначала я убью тебя, а только потом — своего врага!

Мьяонель подивился безрассудству юности, но промолчал. Вместо этого он произнес, ослепительно улыбнувшись:

— Что ж, тогда я пойду с тобой только для того, чтобы стать свидетелем вашей битвы и запечатлеть ее подробности в стихах.

Некоторое время юноша задумчиво смотрел на него, а потом сказал, не убирая оружия:

— Поклянись, что не станешь вмешиваться в наш поединок.

И Мьяонель поклялся.

Дальше они шли вдвоем. Когда приблизилась ночь, они остановились отдохнуть и набраться сил перед встречей с хозяином Башни Без Окон. И тогда Мьяонель спросил юношу, которого звали Кермаль, почему тот так настойчиво отказывается от всякой помощи.

— Я совершаю странствие, — ответил Кермаль, — и если смогу повергнуть Повелителя Обратней, то получу его силу.

— Вот как? — Изумился Мьяонель. — Его силу так легко получить?

— Не всякому, — отвечивал Кермаль. — Я истребляю чудовищ и от этого становлюсь сильнее.

— Каким образом ты приобрел столь странную способность?

— Я был слабейшим в городской дружине, — начал рассказывать юноша. — Кроме того, я был самым молодым. Мои товарищи смеялись над моей слабостью и неопытностью. И тогда я пошел в пещеру, где жила старая Гветхинг и спросил ее, как обрести Силу. Она пожелала узнать, какой силы я жажду. Я ответил, что хочу стать героем, о которых слагают баллады. Тогда она мне и подсказала этот путь. Правда, я обязан совершать лишь добрые поступки, а со злом бороться везде, где я его встречу, но это оказалось не столь обременительно, как мне представлялось поначалу. Правда, ничего воистину великого я совершить еще не успел. Победа над Повелителем Обратней станет моим первым настоящим подвигом.

— Но хоть чего-то ты успел добиться? — С усмешкой спросил Мьяонель, окончательно уверяясь, что видит перед собой лишь глупого самодовольного юнца.

Юноша лишь пожал плечами, поднялся и одним ударом кулака свалил огромное столетнее дерево.

— Разве обычный человек способен на такое? — Спросил он, садясь обратно к костру. — А ведь год назад я называл лгунами тех, кто

рассказывал о чем-либо подобном.

— Да, я вижу, совет Гветхинг и в самом деле не пропал даром, — произнес Мьяонель, оправляясь от изумления. — Похоже, что ты уже достиг всего, чего хотел.

— Вовсе нет, — пренебрежительно махнул рукой юноша. — Это пустяки. Но, полагаю, что убив Повелителя Обратней, я получу бессмертие и стану равен небожителям. И вот тогда...

— Постой, — перебил его Мьяонель, — значит, ты идешь в Башню Без Окон только лишь из корысти? Это не очень-то вяжется с обликом благородного героя из баллад. И наверняка среди слушателей баллады отыщутся те, кто назовут это деяние обычным убийством, а не подвигом.

— Не отыщутся, — пренебрежительно отмахнулся юноша. — Ибо Повелитель Обратней — чудовище. Он совершил достаточно злодеяний и причинил людям немало бед, чтобы его истребление могло считаться поступком героическим, справедливым и благородным. Кроме того, известно, что в Башне Без Окон томится его единственная дочь. Приходя к ней каждое утро, Повелитель Обратней угрожает растерзать ее, и она вынуждена петь для него, чтобы успокоить его ярость. Тогда он засыпает, и, просыпаясь с новыми силами, под вечер покидает Башню и всю ночь охотится на людей. Так что ты зря пытаешься отыскать изъяны в моем деянии, о стихотворец.

— Я вижу только один изъян, — промолвил Мьяонель. — И заключается он в том, что Повелитель Обратней может не захотеть становиться твоим первым подвигом. В сравнении с этим изъяном, все прочие — несущественны. Однако давай прекратим разговор и пожелаем друг другу спокойного сна, потому как даже если завтра некоторые наши надежды могут и не оправдаться, скучать нам, как я предвижу, в любом случае не придется. Кроме того, завтра тебе понадобятся все твои силы, о герой.

С этими словами они заснули. Когда первые лучи солнца осветили небесный свод, они были уже в пути. И вот, прежде чем наступила середина утра, увидели они, выйдя из лесной чащи, высокую башню, лишенную окон и дверей. Вокруг башни царила зловещая тишина, и ни одно живое существо не осмеливалось потревожить ее. Отступив под прикрытием леса, странники стали обсуждать, что делать дальше. Оба пришли к мнению, что Повелитель Обратней уже вернулся в свой дом и теперь спит, а потому лучше всего напасть на него немедленно, пока не приблизилась ночь и хозяин Башни не набрался новых сил. Мьяонель при помощи волшебства проник сквозь каменную стену Башни и провел за

собой Кермаля. Они поднялись по длинной лестнице на вершину строения, и Кермаль, шедший впереди, без труда справлялся с оборотнями, охранявшими эту лестницу. На самой вершине располагалась комната, стены которой были увешаны разнообразными музыкальными инструментами, а на постели, вжавшись в подушки, сидела прекрасная девушка, со страхом смотревшая на пришельцев. Кермаль, первым вошедший в комнату, стремительно огляделся, но нигде не обнаружил следов пребывания чудовища.

— Где твой отец? — Спросил он у девушки, но та не отвечала, и, дрожа, не отводила от Кермаля перепуганного взгляда, ибо рыцарь, приложивший столько сил к ее освобождению, во время битвы с чудовищами с ног до головы вымазался их кровью и теперь сам больше походил на чудовище, чем на человека. Тогда Мьяонель, который благоразумно держался позади воина, выступил из-за его спины и так обратился к девушке:

— Скажите, леди, правда ли, что тот, кого называют Повелителем Оборотней, каждое утро является в эту Башню и угрожает вам смертью?

— Это действительно так, — произнесла девушка. — Правда и то, что Повелитель Оборотней — мой отец. Однако я ненавижу его всем сердцем и с радостью помогу вам, если вы пришли отнять у него жизнь и освободить меня. Но остерегайтесь — он должен явиться сюда с минуты на минуту.

— Тогда пойдемте, леди, поскорее отсюда, — сказал Мьяонель, протягивая ей руку.

Таким же путем, как пришли, они покинули Башню Без Окон. Поскольку лестница была скользкой от крови, Мьяонель подхватил девушку на руки, а Кермаль шел впереди, расчищая лестницу от новых чудовищ, что поднимались из подвалов Башни, почуяв наверху неладное.

Покинув башню, беглецы поначалу заспорили — Кермаль предлагал остаться и встретить чудовище у его логова, но Мьяонель убедил его, что прежде всего следует позаботиться о безопасности Сантрис (так звали девушку).

— Кроме того, — заверил он рыцаря, — Повелитель Оборотней несомненно почует наш след и бросится в погоню, так что тебе еще удастся показать свою доблесть.

Так и случилось. Не успели они отойти от Башни, как послышался громкий рев — чудовище возвращалось к себе домой. Через несколько минут они услышали, как чудовище заревело еще сильнее — не оставалось сомнений, что оно обнаружило исчезновение дочери и трупы охранников. Вскоре позади беглецов раздались тяжелые шаги и треск ломающихся

деревьев — Повелитель Обратной шел по их следу. Тогда Кермаль отстал от Мьяонеля, который по-прежнему нес на руках девушку, и приготовился встретить чудовище. Мьяонель же продолжал углубляться в лес.

— Почему ты не останешься и не поможешь своему другу? — Спросила его Сантрис.

— Тому есть три причины, — ответил Мьяонель. — Во-первых, я дал ему слово, что не стану вмешиваться, во-вторых, он лучше подготовлен к этой встрече, чем я, а в-третьих, Кермаль постарается убить меня, если я все-таки нарушу слово и вмешаюсь. Есть и четвертая причина: кто-то же должен вытащить тебя из этого леса прежде, чем предаться заботам о собственной славе.

И Мьяонель продолжал мчаться по лесу, прижимая к себе девушку. Свойства его плаща были таковы, что заставляли деревья и колючие кусты расступаться перед ним, а вместе с тем, поскольку плащ отнимал у Мьяонеля большую часть его веса, он, не уставая, не столько бежал, сколько летел по воздуху, едва касаясь земли.

Но вернемся к Кермалю. На берегу ручья Кермаль встретил своего врага, укрепившись сердцем, обнажив меч и подготовившись к долгому бою. Сначала Повелитель Обратной явился к нему в виде льва, но Кермаль без труда одолел его. Затем Повелитель Обратной принял облик быка, но Кермаль свалил его одним ударом. После этого Повелитель Обратной явился в своем самом ужасающем облике — в виде многоголового дракона — но витязь не отступил и тогда. Щитом он закрылся от пламени и яда, а мечом отрубил дракону все головы. Поняв, что силой противника одолеть невозможно, Повелитель Обратной превратился в рой сонных бабочек и обрушился со всех сторон на Кермалю. И хотя рыцарь, подозревая, что тут кроется какая-то хитрость, завертел мечом с такой скоростью, что тут же превратил крылья бабочек в ворох мельчайших лоскутков, пыльца, упавшая с их крыльев, накрыла его душным облаком. Кермаль, не в силах бороться со сном, упал у ручья и заснул, а Повелитель Обратной, торжествуя победу, превратился в шакала и перегрыз ему горло. Расправившись с Кермалем, он снова бросился в погоню за беглецами, приняв свой обычный облик — тысячеголового великана.

Заслышав, что великан настигает их, беглецы поняли, что Кермаль проиграл схватку. Тогда Сантрис заплакала, умоляя Мьяонеля отпустить ее и таким образом избежать неминуемой гибели — ибо оставалась надежда, что когда отец получит ее обратно, он не станет преследовать второго похитителя. Но Мьяонель только рассмеялся в ответ на ее слова. Он

бросил поперек их следа свой посох.

— Полагаю, эта могущественнейшая вещь надолго займет его внимание, а мы тем временем сумеем улизнуть, — сказал он, все еще смеясь. Далее он остановился и завязал нижние кончики своего плаща — так же, как доселе были завязаны только верхние. В эту минуту вес его и Сантрис (плащ был достаточно широк, чтобы укрыть двоих) исчез совершенно, и, подобно мыльному пузырю, они поднялись в небо и понеслись прочь, гонимые западным ветром.

И впрямь, уловка удалась. В течении дня и следующей ночи никто не тревожил их, и тогда стало ясно, что они оторвались от своего преследователя. В последующие дни они иногда двигались по земле, а иногда летели, стремясь поскорее выбраться за пределы леса. Ночью Мьяонель раскидывал плащ, как полог, и в безопасности они проводили время до утра. В одну из ночей Сантрис пришла к своему спасителю и предалась с ним любви, и Мьяонель нашел ее нежной и страстной, девственной и развращенной, скромной и ненасытной. Порок сочетался в ней с целомудрием, робость — с гордостью. Прежде Мьяонель не встречал подобных ей. Он же был для нее первым мужчиной.

Мьяонель расспросил Сантрис о ее отце и узнал, что раньше хозяин Башни Без Окон был совсем другим. Сантрис уверяла, что некогда Повелитель Обратней был обычным волшебником — могущественным, мудрым и нежно любившим свою жену и ее семерых детей. Однако поиски подлинной Силы (при этих словах Мьяонель насторожился и стал слушать вдвое внимательнее) увели его далеко от человеческой природы, и однажды он потерял власть над происходившими в нем изменениями. Его разум стал подобен разуму дикого зверя. В сердце его слились ярость льва и холодная алчность дракона, коварство шакала и бешенство медведя, пробужденного от зимней спячки. И вот, явившись в одну из ночей в Башню Без Окон, он разорвал мать Сантрис, и выставил волшебную стражу, чтобы дети его не смогли сбежать. На следующее утро он убил своего старшего сына, а еще через день — дочь. Так продолжалось до тех пор, пока в живых не осталась одна Сантрис. И вот, наступило утро, когда он явился за ней. От отчаянья она взяла в руки лютню и запела, призывая отца опомниться. И тогда Повелитель Обратней застыл на месте и растерял свою ярость. Затем он опустился на ковер и заснул. Вечером он поднялся и ушел, а утром, пресытившись крови путешественников, появился снова, и снова песня Сантрис успокоила его. И так продолжалось три года — до тех пор, пока Кермаль и Мьяонель не проникли в башню и не освободили девушку.

Вскоре они выбрались из леса. Мьяонель, считая своим долгом показать Сантрис людские поселения, отвел ее в один из красивейших городов, из тех, что были ему известны — в Инор Таклед, дворцы и стены которого возвели еще исполины-фольсхантены. Сантрис поражалась открывающемуся великолепию, а Мьяонель улыбался, наблюдая ее изумление. Ведь он, бывший одного рода с небожителями, помнил еще те времена, когда на месте Инор Такледа громоздились голые прибрежные скалы.

Некоторое время они жили в Инор Такледе — до тех пор, пока до них не дошли слухи, что один из Обладающих Силой приближается к этим местам, собираясь поработить сей город и подчинить его законам своей магии. Услышав об этом, Мьяонель стал поспешно собираться в дорогу, чтобы покинуть город до его прихода, а Сантрис спросила о причине его спешки.

— Но разве, — промолвила Сантрис, когда он объяснил ей причину, — ты не можешь воспользоваться собственной магией, чтобы противостоять ему? Ведь твой плащ делает тебя неуязвимым — чего же ты боишься?

— Мой плащ заколдован от действия всех известных мне стихий, — ответил Мьяонель. — Однако Обладающие Силой несут в себе стихии, которых не существовало прежде. Моя магия бессильна против них, а их магия поразит меня без труда.

Однако Сантрис не придавала никакого значения его словам.

— Что ж, — сказала она, невесело усмехнувшись, — мне жаль, что я полюбила труса.

И тогда лицо Мьяонеля стало чернее ночи, и, забыв о сборах, он удалился, ибо ни один мужчина, даже бывший когда-то небожителем, не может остаться равнодушным к подобным словам.

Он подробно расспросил местных жителей о том, какой Силой обладает тот, кто приближается к городу. И он узнал, что пришельца называют Повелителем Дорог, и власть его велика, поскольку любой путь он может замкнуть в кольцо, любое оружие может обернуть против нападающего, и в любую часть мира — на дно океана, на поле битвы или в сердце огненной пустыни — он может отправить того, кто осмелится встать на его пути. Так же он может ходить по пламени, не обжигаясь, по воде и по воздуху, как по земле. Более того, он может подарить или отнять удачу, изменить ход событий, определить время тех или иных событий, отдалить или приблизить день смерти — ибо, до определенной степени, властен он и над дорогами судеб смертных людей. В Инор Такледе его прихода ждали с ужасом. Поговаривали, что в городах и селах, где он останавливался

прежде, перемещаться обычным способом становилось невозможно. Дороги переставали быть прямыми и ровными — они только казались таковыми, а на деле же, сделав лишь шаг вперед, можно было оказаться на сто шагов позади. Или в небе. Или под землей. Или внутри горящего камина. Или в собачьей конуре. Или в чужом доме. Или на пороге собственного дома.

Некоторые из обитателей тех городов сошли с ума, некоторые умерли от голода, а немногим удалось вырваться — они-то и рассказали жителям Инор Такледа о том, что их ждет, когда Повелитель Дорог доберется до них. Бежать бесполезно, говорили они. Всякого, кого пожелает, Повелитель Дорог без труда возвратит к порогу его собственного дома.

Узнав таким образом о своем враге все, что было можно, Мьяонель выяснил так же, каким богам молятся нынче в Инор Такледе. Ответ его вполне удовлетворил. Не мешкая больше не минуты, он принял обличье седого старца и вышел за городские ворота. Поскольку, встав на широкий тракт, ведущий из города, он громко объявил о том, что стремится к встрече с Повелителем Дорог, нет ничего удивительного в том, что через некоторое время дорога превратилась в тропу, а тропа привела Мьяонеля к морскому побережью, где на камне сидел юноша, глаза которого походили на клубок извивающихся змей. Юноша с насмешкой смотрел на приближавшегося к нему волшебника.

— Что тебе от меня нужно, бессмертный? — Спросил он, когда Мьяонель подошел достаточно близко. — Говори побыстрее. Я тороплюсь — большой город ждет меня. Ведь не исключено, что если мне понравятся дворцы фольсхантенов, я сделаю Инор Таклед столицей своего царства.

— Не сомневаюсь в этом, о могущественный, — сказал Мьяонель, почтительно поклонившись. — Меня, неумелого старого чародея, привело к тебе желание узнать ответы на два вопроса, которые мучают меня с тех пор, как я услышал о твоей удивительной силе. Позволишь ли ты задать их?

— Ладно, говори, — пренебрежительно бросил юноша, которому польстило преклонение старого мага.

— Вот первый из них: ходят слухи, что не только обычными путями владеешь ты, но и дорогами судеб смертных. Так ли это? И если так, то не простирается ли твоя власть и на бессмертных? И если так, то не равняется или даже не превосходит ли твоя сила могущество богов, ибо никто из них, насколько мне известно, не обладает подобной властью и не властвует над судьбой?

И, задав этот вопрос, Мьяонель увидел, что юноша поморщился, будто

услышав нечто для себя неприятное.

— Нет, — сказал юноша. — Пока нет. Впрочем, сила моя день ото дня растет, и не далек тот час, когда и судьбы богов станут подвластны мне.

Мьяонель тихо порадовался такому ответу, поскольку, обладая юноша властью над судьбами бессмертных уже сейчас — то есть властью и над своей судьбой и над судьбой Мьяонеля — вся затея, которую он задумал, становилась бессмысленной.

— О могущественный, — вновь обратился к юноше Мьяонель. — Великая честь для меня беседовать с тем, кто со временем займет престол Судьи Богов. Может быть, смешным тебе покажется мой следующий вопрос — что ж, смейся, только не сочти оскорблением глупые слова старика! Дозволяешь ли ты мне говорить?

— Говори, — произнес Обладающий Силой, горделиво, как индюк, раздувшийся от лести Мьяонеля.

— Владеешь ли ты целиком магией путей и направлений? Или то, Повелителем чего величают тебя люди, на самом деле не является твоей собственностью? Правда ли то, что тебе принадлежат все пути мира, или это хитрый обман, имеющий лишь видимость правды?!

— Что?! — Закричал юноша, вскакивая с камня. — Ты сомневаешься в моей Силе? Может быть, ты хочешь, старик, чтобы я переместил тебя в жерло вулкана и замкнул все пути из него? Сейчас я так и сделаю, и посмотрим, чего будет стоить твое бессмертие, если всю оставшуюся вечность тебе предстоит провести в раскаленной лаве!..

— погоди, о великий! — воскликнул Мьяонель, молитвенно складывая перед собой руки. — Прошу, пощади!.. Или покарай меня, как тебе будет угодно, но прежде ответь на мой вопрос! Неужели я прав, и сказанное мною — истина? Опровергни это, о сильнейший из магов!

— И как же мне опровергнуть эту ложь? — Надменно спросил Повелитель Дорог. — Ну, говори же, старик! Теперь тебе нечего бояться — участь твоя не станет хуже, ибо она и без того незавидна.

— Я знаю путь, по которому не осмелишься пойти даже ты, Повелитель Путей.

— Что же это за путь? В райские кущи? Я был там. В ад? Я не нашел там ничего интересного.

— Вовсе нет, хотя дорога, о которой я говорю, может привести и туда. Хотя бы один раз по ней, рано или поздно, пройдет каждый живущий.

— О чем ты говоришь?

— Я покажу тебе.

И, поскольку юноша снисходительно кивнул, Мьяонель приготовил

все, потребное для ритуала. Он начертил на песке пентаграмму, и украсил ее углы человеческими черепами. Затем он, повернувшись на восток, север, юг и запад, обратился к надлежащим силам. Далее, пригласив юношу в центр звезды, Мьяонель неожиданно ударил его ножом. Но Повелитель Дорог рассмеялся, а Мьяонель почувствовал, как кровь вытекает из его собственного тела в том же самом месте.

— Глупец, — сказал юноша, оттолкнув колдуна. — Так это была лишь уловка? Ты дорого заплатишь за свою глупость и вероломство.

— Нет, господин! — Воскликнул Мьяонель. — Это была не уловка. Я творю магию, как умею. Может быть, мое колдовство кажется тебе слишком грубым, но у меня нет другого. Я не сомневался в том, что мой нож не причинит тебе вреда, я лишь желал получить ответ на свой вопрос. И я его получил, — добавил он поспешно, видя, как юноша поднимает руку для удара, — ты не владеешь целиком тем, что осмеливаешься называть своей Силой!

— Что ты мелешь, безумный старик? — Презрительно процедил юноша.

— Дорога Смерти! — Крикнул Мьяонель. — Дорога, по которой движутся мертвые! Ты не осмеливаешься вступить на этот путь, ибо он не подвластен тебе и ты знаешь, что не сможешь вернуться.

— Глупец! — Повторил юноша. — Я уже был в Царстве Мертвых. Это скучное место.

— Докажи! — Не уступил Мьяонель. — Я знаю, что в одной из счетных книг Бога Мертвых должна быть сделана запись о некоем Мальрибиусе из Эрнами. Покажи мне эту книгу — и я поверю тебе.

— Хорошо, — сказал Повелитель Дорог. — Ты увидишь эту книгу. Но пока я буду отсутствовать, готовься: как только я вернусь из книгохранилища Бога Мертвых, я отправлю тебя в преудивительнейшее странствие по Дорогам Боли, ибо ты, старик, разозлил меня необычайно.

И вот, юноша прикоснулся к одному из черепов и открыл путь в Царство Мертвых. Так он и ушел по этой дороге — надменно улыбаясь, исполненный презрения к никчемной магии Мьяонеля.

Как только он исчез, Мьяонель наскоро исцелил свою рану, и, превратившись в птицу, помчался обратно в город. Перед воротами мрачного серого храма он вновь принял человеческий облик, и, стремительно взбежав по ступеням, миновал длинный полутемный зал, уставленный статуэтками и корзинами, в которые прихожане бросали таблички с именами умерших, и приблизился к алтарю. Там он обратился к Богу Мертвых, которому принадлежал этот храм, с просьбой об аудиенции,

и просьба его была услышана. Храм объяло серое марево, подул холодный ветер, отовсюду слышались стоны и причитания, и Мьяонель, поднявшись словно по стеклянной лестнице над алтарем, шагнул в двери Нижнего Мира.

Он очутился в просторном помещении, вдоль стен которого высились колонны столь огромные, что вершины их не были видны, теряясь во мраке где-то высоко под потолком. Пламя в факелах, вставленных в металлические скобы, было прозрачно-серого цвета и казалось сделанным из стекла — это пламя ничего не освещало. Однако и темнота не властвовала здесь: тусклый свет, источник которого нельзя было определить, равномерно разливался по залу. В дальнем конце зала высился трон, на котором восседала величественная неподвижная фигура, словно вырезанная из камня. Это был Бог Мертвых. Мьяонель, не медля, но и не высказывая спешки, направился к нему, а неживые стражи, окружившие пришельца сразу же после его появления, сопровождали Мьяонеля на всем пути к трону.

— Что привело тебя в мой дворец, неборожденный? — С усмешкой спросил Бог Мертвых. — Тебе надоела земля? Ты решил вступить в мою свиту?

— Нет, Владыка, — сказал Мьяонель, коротко поклонившись, — полагаю, что я еще не готов к этому. Я пришел предупредить тебя. Пока ты справедливо вершишь свой суд, по твоему дворцу бродят воры и берут все, что им приглянется. Вот, например, один из них сейчас находится в помещении, где хранятся записи о судьбах умерших. Очевидно, он ищет себе какой-нибудь сувенир на память. Стоит только представить, в какой беспорядок приведет он твои книги и свитки...

— Вор?! — Грозно переспросил Бог Мертвых. — Ну, что ж, посмотрим!

И, покинув трон, он отправился в книгохранилище. Мьяонель, пряча улыбку, шел за ним следом. Он не сомневался, что Повелитель Дорог до сих пор копается в старых пыльных фолиантах, ибо Мальрибиус из Эрнами никогда не жил на свете, да и сам городок был разрушен завоевателями много столетий назад.

Обнаружив чужака, Бог Мертвых сковал его своей властью, ибо в Царстве Теней все было подвластно ему. Увидев, что юноша обладает немалой магией, Бог Мертвых приблизил его лицо к своему и приник к губам Повелителя Дорог. Вместе со своим дыханием он влил в пленника и толику своей магии, подчинив принесенную юношей Силу себе и сделав таким образом из вора покорного слугу. Также он дал юноше новое имя —

Кирульт, Проводник Мертвых. Кирульт скрежетал зубами, наблюдая, как Мьяонель покидает дворец Бога Мертвых, но не осмеливался напасть на него в присутствии своего господина. Скорой его мести Мьяонель не опасался, так как был уверен, что у Владыки Царства Мертвых найдется для нового слуги немало работы.

Вернувшись в Инор Таклед, Мьяонель объявил, что опасность миновала. В городе его приняли как героя. Царь, правивший в Инор Такледе, пригласил волшебника и его возлюбленную в свой дворец. Там в честь Мьяонеля был устроен пир, а Сантрис смотрела на своего любимого с немым восхищением. На вопросы, как ему удалось одолеть Повелителя Дорог, Мьяонель отвечал только: «Ничего сложного: он был глуп. Нетрудно было отправить его в Царство Мертвых.» Нельзя сказать, что его ответы в чем-то противоречили истине, однако все, кто слышали их, полагали, что Мьяонель одолел Повелителя Дорог в смертельном колдовском поединке. А Мьяонель молчал, не желая разочаровывать людей, считавших его героем.

И был пир. Вино лилось рекой, изысканные кушанья, подаваемые поварами, источали столь восхитительные ароматы, что могли бы пробудить алчность даже у аскета, а пляски обнаженных темнокожих рабынь завораживали взгляд и отнимали разум. Мьяонель провел время в беседе с колдунами и вельможами Инор Такледа, а когда наступила ночь, удалился с Сантрис в отведенные им во дворце покои. Там он подбросил в воздух свой плащ, и, как куполом, закрыл им всю комнату. Так Мьяонель делал каждую ночь с тех пор, как бежал с Сантрис из Башни Без Окон, чтобы защититься от чар ее отца, ибо ночью Повелитель Обратной был особенно силен. Однако во время пира он не заметил, что маленькая мышь прогрызла дыру в его плаще. Предавшись любви и насладившись друг другом, Мьяонель и Сантрис уснули. Вскоре в окно влетела сонная бабочка. Бабочка покружила над лицом Мьяонеля, а затем опустилась на пол, где превратилась сначала в мышь, потом в кошку, потом в лису, потом в леопарда, а потом обрела человеческие черты. В эту минуту Сантрис проснулась и с ужасом узнала своего отца. Она принялась трясти Мьяонеля, но тот не просыпался, а Повелитель Обратной приблизился к кровати, угрожая смертью обоим любовникам. Ногти на руках у него вытянулись, грудь раздалась вширь и вперед, голова приобрела медвежьи очертания.

— Перестань, — прорычал он дочери, — своего дружка ты все равно не разбудишь. Я разорву его у тебя на глазах, а потом убью и тебя тоже — что, впрочем, давно следовало сделать.

И тогда Сантрис запела, а Повелитель Обратной остановился. Надрывая голос, глотая слезы, Сантрис продолжала петь — в то время как в душе Повелителя Обратной злоба зверя боролась с разумом человека. И тогда он подхватил свою дочь на руки, выпрыгнул в окно, поднялся в небо и улетел на запад. Мьяонеля он не тронул.

Когда утром действие пыльцы сонной бабочки подошло к концу, вчерашний герой, проснувшись, увидел, что его возлюбленная похищена. Обнаружив дыру в колдовском пологе, он узнал, как было осуществлено похищение, а увидев на полу следы когтей — догадался, кем. Не мешкая, он собрал вещи, свернул свой волшебный плащ и попрощался с хозяевами дворца. Его уговаривали остаться, но он, поблагодарив, отказался. Еще он расспросил придворных о том, как добраться до пещеры прорицательницы Гветхинг. Ему подробно описали дорогу, ибо многие из вельмож Инор Такледа посещали Гветхинг и задавали ей свои вопросы.

И вот, спустя некоторое время, Мьяонель добрался до пещеры прорицательницы. Войдя внутрь, он встретил облезлую собаку и огромную старую крысу, кормившихся из одной кормушки. И когда он вошел, собака оторвалась от еды и зарычала на него. Из пасти у нее вырвалось пламя, а глаза плакали ледяными слезами.

— Я не желаю тебе зла, — миролюбиво сказал Мьяонель. — Я тебя не трону. Я пришел к твоей хозяйке.

— Проходите, проходите, милорд! — Тотчас закричала крыса. — Не обращайтесь внимания на Тирка. Он вас не укусит. Проходите, милорд, не бойтесь!

И Мьяонель, за долгую жизнь привыкший к разного рода чудесам, спокойно прошел мимо говорящей крысы и демонической собаки, по достоинству оценив чувство юмора старой Гветхинг.

В следующей пещере он увидел Гветхинг. Прорицательница была стара и уродлива, и выглядела как бездомная плешивая нищенка. Все же Мьяонель с почтением поклонился ей и поздоровался, обращаясь словно к знатной леди.

— Лесть, — улыбнулась в ответ прорицательница. — Сколько я слышала на своем веку лести — и что я молода, и красива, и обворожительна, и добра — а все равно на сердце делается теплее, когда какой-нибудь молодой врун вроде тебя приходит и плетет свои враки. Ну, говори, зачем пожаловал?

— Госпожа, — промолвил Мьяонель, — слава о твоей мудрости гремит во всех землях. Я пришел просить совета.

— Совета... — Потянула провидица. — Я должна предупредить тебя,

небожитель: цена моих советов всегда выше, чем польза, которую извлекают из них.

— Что ты имеешь в виду, мудрая женщина?

— Что имею — то все мое, неборожденный. О чем бы ты не спросил меня — я все равно не скажу тебе ничего нового, а раз так, то чем бы ты не заплатил мне и чем бы не стал расплачиваться потом, это все равно ведь будет больше, чем ничего, не так ли?

— Темны твои слова, мудрая Гветхинг. Скажи лучше прямо, какую цену ты потребуешь за свой совет?

— Обычно я не требую высокой цены, но раз уж ты так добр, Мьяонель — отдай мне свой плащ, который делает всякого, кто носит его, невидимым, невесомым и неуязвимым — ибо мне надоело отвечать на глупые вопросы, которые задают мне безмозглые люди и ленивые небожители, и я желаю скрыться от них.

И Мьяонель без споров снял с плеч свой волшебный плащ, и свернув его, положил на камень. Однако, складывая плащ, он незаметно зажал одну из разорванных нитей между большим и указательным пальцем.

— Как мне обрести собственную Силу? — Спросил он затем.

— Будто ты сам этого не знаешь, — насмешливо оборонила ведьма, жадно пожирая глазами подарок.

— Кермалю, истребителю чудовищ, ты дала такой же ответ?

— Глупому мальчишке Кермалю я дала такой ответ, который он смог понять.

— Неужели я хуже его, раз ты мне не даешь даже такого?

— Нет, Мьяонель, не хуже и не лучше. Мне казалось, что ты умнее.

— Отвечай, — гневно процедил волшебник. — Перестань оскорблять меня и отвечай понятно — или не получишь плаща.

— Что же ты хочешь узнать? — Горько вздохнула старая пророчица.

— Как обрести Силу? Как принести в мир новое волшебство? Как научиться творить невозможное?

— Сотворить невозможное.

— Говори! — Приказал Мьяонель, едва сдерживая ярость.

— Что же мне еще сказать, если ты не хочешь слушать? Как я могу научить тебя *твоей* Силе? Ты должен сам найти к ней дорогу. Только тогда она станет по-настоящему твоей. Ты освоил многие известные пути волшебства, Мьяонель, но к магии, которую ты жаждешь обрести, известных путей не существует. Многие гибнут на этом пути — как Кермаль; многие теряют Силу — как Повелитель Дорог, которого ты так ловко обманул; а многие, обрета Силу, теряют разум — вспомни

Повелителя Обратней! Прислушайся к волшебству, которое готово родиться в тебе, Мьяонель — и ты поймешь, что тебе следует делать. Лишь одно я скажу тебе — нельзя обрести что-то, не потеряв ничего, поэтому подумай еще раз, стоит ли тебе и дальше стремиться к могуществу.

И вдруг Мьяонелю показалось, что он и в самом деле что-то понял — или вот-вот поймет. Гнев покинул его, он низко поклонился Гветхинг и вышел из пещеры. Переступая порог, он едва не наткнулся на крысу и собаку, и понял, что они подслушивали разговор. Собака зарычала, капая на пол пещеры огненной слюной, а крыса, низко поклонившись, закричала:

— Сразу видно, милорд, что вы — воспитанный и терпеливый человек. Некоторых — вы не поверите! — силой приходится от нее отгаскивать. Ее б задушили давно, сердешную, если бы не мы с Тирком. Но, проходите, милорд, проходите. Чую я, что сюда еще один посетитель идет.

— Пускай идет, — пожал плечами Мьяонель. — Ваша хозяйка собирается на покой и больше не станет принимать посетителей.

— И я говорю: пускай идет! — Пробормотала крыса. — Потому что все равно это вы, милорд, и нечего вам во второй раз...

Но Мьяонель уже вышел из пещеры и не слышал последних слов крысы. И еще семь лет он бродил по свету, беседуя с различными мудрецами, отыскивая древние свитки, и разговаривая с демонами, занимавшими тела маленьких детей, когда души детей уходили во время сна и забывали вернуться обратно. И узнал Мьяонель, что мир стал совсем иным, чем во времена его молодости, и то, что прежде казалось незыблемым и неоспоримым, ныне превращалось в легенду и небыль, а то, чего никогда не могло случиться, случалось и прочно занимало свое место в новом миропорядке. Откуда бралось это новое? Очевидно, оно приходило извне. И тогда Мьяонель решил отправиться к пределам реального мира. Однако ему было известно только одно место, где реальное соприкасалось с нереальным, где размывались границы между ними, где таилась тайна и куда вел страх, место, где нельзя было найти ни смысла, ни бытия, но которое служило источником как первого, так и второго. Это было Царство Безумия, Земля Бреда и Хаоса. Туда он и отправился.

Его путь был долог, однако, одолев все препятствия, он достиг неопишуемого Царства Безумия, где небо плевалось горами из огня и кустами роз, а зеркальная земля пенилась и расходилась кругами при каждом шаге. Он достиг области, где облака состояли из миллионов глаз, и миновал поле, где сражались между собой кисти рук, передвигавшиеся на пальцах, как на маленьких ножках. Тут он заметил, что идет по дороге,

выложенной из свитков и глиняных табличек с непонятными надписями, и счел это неблагоприятным предзнаменованием. На обочине громоздились добродушные механизмы, зазывавшие Мьяонеля сойти с пути и завернуть к ним, но он не поддался на искушение. Оставив за спиной механизмы и миновав холмы, где умирают забытые сновидения, он достиг меняющейся долины. Рассказывать о долине особенно нечего, так как каждый новый миг она превращалась во что-то новое, но глаз не успевал увидеть во что именно, поскольку долина уже менялась вновь. Там Мьяонель вынул из своей груди тускло сияющее сердце и посадил его в прозрачную, как море, землю безумия. И стал ждать.

Через некоторое время небо над ним потемнело, а между землей и небом появилось дерево — призрачное, словно свитое из теней и снов, тьмы и древесной гнили — червоточина без внешней оболочки, паутина и плесень, рана, сочащаяся сукровицей. И Мьяонель подумал, что следует рассмеяться, потому что он наконец причастился к могуществу, которого так долго ждал, но смех умер у него на устах. И тогда он проснулся.

Он проснулся и увидел, что стоит перед пещерой Гветхинг — семь лет назад, перед тем как зайти в нее. Только волшебного плаща не было на его плечах и сердце больше не стучало в его груди. А вместо сердца Мьяонель ощутил в себе силу выполнить то, что, как ему казалось, выполнить следовало. И он вернулся в темный лес, где стояла Башня Без Окон, и без страха и волнения подошел к ее стенам. И тогда он впервые применил приобретенное в Земле Безумия волшебство. Может быть, он приблизил стены Башни к призрачному миру, а может быть — превратился в призрака сам, но он с легкостью преодолел все заслоны, которые выставил на его пути Повелитель Обратней, находившийся в это время в Башне и увидевший, что возлюбленный его дочери пожаловал снова. И Мьяонель поднялся по лестнице, заполненной чудовищами и дикими зверями, однако там, где проходил он, суть оборотней менялась. И казалось, что безумие и тьма шествуют за его спиной, изменяя бешенных животных в нечто, куда более отвратительное. Поднимались за его спиной мертвые волки, плоть которых точили трупные черви, и соединялись в единое целое львы и скорпионы, и твари, подобные призрачным псам, безмолвно мчались впереди Мьяонеля. Сила боролась с Силой, но Мьяонель побеждал, отвоевывая ступеньку за ступенькой, и, вместе с его продвижением изменялась сама Башня Без Окон — стены ее чернели, слоились, как будто состояли из обсидиана; и трещины в стенах сочились сукровицей, словно это был не камень, а живая плоть; и безголовые птицы кружились над башней; а из земли тянулись первые слабые ростки, сотканые из

призрачных теней и тончайшей паутины.

Миновав лестницу, Мьяонель вступил в спальню Сантрис. Там, раскинувшись по всему ковру, лежал тысячеголовый Повелитель Обратней. И сотни голосов — лай и рев, рычание и хриплое карканье, вой и тонкий комариный писк — наполнили комнату, когда древнее чудовище поднялось, чтобы встретить врага. И когда Мьяонель перешагнул порог, великан обрушился на него всей своей мощью. Клыки и когти диких зверей разорвали Мьяонеля в клочья, а тяжелые, как колонны, ноги втоптали пришельца в ковер. И Повелитель Обратней уже торжествовал победу, когда увидел, как по лапам его, которыми он рвал Мьяонеля, расползаются трупные пятна. Жгло ступни ног, которыми он вдавил Мьяонеля в пол, и кровоточили десны, коснувшиеся плоти пришельца. И вот, прошло еще немного времени, и Сантрис, в ужасе вжавшаяся в угол комнаты, увидела, что плоть Повелителя Обратней, как черная жижа, сминается и движется вниз, и подобно дорожному плащу растекается по полу — а в центре жижи, из гниющей плоти великана, поднимается Мьяонель. Мьяонель выпил суть своего врага одним глотком — словно умирающий от жажды, осушающий протянутый кубок, не разбирая, что там — вода или вино. И еще увидела Сантрис: когда Мьяонель поднялся, все внешние отвратительные атрибуты его колдовства исчезли, и плащ на его плечах стал просто плащом, а камзол, влажным блеском напоминавший брюшко ящерицы или змеи — обыкновенным камзолом. Исчезли и волки с вывалившимися глазами, и змеи с человеческими лицами и острыми коготками. Лишь беззвучно, как мираж, дрожал за спиной Мьяонеля призрачный лес, деревья в котором шевелились, словно живые.

И, забывая весь виденный ужас, Сантрис бросилась к любимому, обняла и зарылась лицом в его камзол. Мьяонель прикоснулся к ней — но холодно было его объятие, как будто это было объятие статуи.

— Мьяонель... — Прошептала, немея от счастья, девушка. — Ты пришел... Я думала, ты никогда не придешь...

И снова ей почудилось, что она обнимает статую.

— Я должен радоваться? — Спросил с высоты холодный голос. Казалось, Мьяонель обращается не к ней, а разговаривает сам с собой.

— Ты не рад? — Удивилась она, подняв лицо от его груди и потянувшись к губам любимого. Он не отстранился, но и не ответил на поцелуй.

— Не знаю, зачем я пришел, — сказал Мьяонель через минуту и вечность отчужденности. — Не знаю, почему прежде мне казалось, что следует поступить именно так, а не иначе. Однако теперь я вижу, что в

этом не было никакого смысла.

— Ты меня больше не любишь?

Он не помнил, как это было раньше, когда у него билось сердце. Он даже не понимал, чего лишился, однако логика подсказывала ему, что за вопросом Сантрис таится какой-то очень важный смысл. Поэтому, подумав, он коротко ответил:

— Нет.

— Я тебя ненавижу! — Крикнула Сантрис.

Он не задал вопроса «за что?» или «почему?». Он задал иной вопрос:

— Зачем?

— Тебя околдовали! — Закричала плачущая девушка.

— Я сам теперь — колдовство. Уходи — или причастишься к нему, как причастился Повелитель Обратней.

И едва слышно он прошептал:

— Беги!

И Сантрис бежала прочь из Башни Без Окон. Бежала, плача и оглядываясь через плечо, бежала, видя, как из-под земли тянутся вверх стволы призрачных деревьев, а живые деревья гниют и сочатся слизью. Бежала сквозь лес, где листья исчезали или приобретали твердость изумрудов, где ветви становились когтями, корни — змеями, а дупла деревьев — глазами. Сквозь лес, заполненный мертвыми животными и порождениями мрака, сквозь лес, затянутый паутиной и белой плесенью, сквозь лес, где прозрачные поганки дрейфовали по воздуху, а аромат цветов дарил безумие и смерть.

А Мьяонель остался жить в центре леса. Впоследствии это место назвали Безумной Рощей. Говорят, что некоторых путников Хозяин Безумной Роши наполовину превратил в деревья, а некоторым деревьям даровал голод и острые зубы. Впрочем, это место и раньше не часто посещали. Пределы Роши Мьяонель не покидал, а что он творил в ее сердце — о том умные люди предпочитали не задумываться. Однако дураки-то ведь всегда найдутся!.. И вот, наступил день, когда в Рощу отправились двое бесстрашных героев: воин, чем-то напоминающий Кермаля, и юная чародейка — такая же беспринципная и хитрая, как и сам Мьяонель когда-то...

Но это, впрочем, уже совсем другая история.

ТИРАН

(история вторая)

В некой богатой и процветающей стране, чьи земли были плодородны, воины — храбры и неподкупны, крестьяне — трудолюбивы, купцы — деловиты, а женщины — сочны и желанны, правил жестокий тиран. Смертная скука владела тираном, ибо в пределах его страны все подчинялось ему, а иные страны лежали слишком далеко, чтобы можно было желать захватить их, все же ближние соседи давным-давно покорились власти тирана. Ибо Казориус (так звали тирана) владел могущественным волшебством — любого человека он мог заставить испытывать те чувства, которые были угодны ему. Четыре десятилетия назад захватил он власть, заставив старого царя добровольно отказаться от трона в его пользу, и знатнейшие вельможи той страны, собравшие воинов, чтобы изгнать из дворца чужеземца, покорились воле захватчика и громкими радостными криками приветствовали его воцарение. Таким же образом покорил он и соседние страны, и гордые князья из древних воинственных родов со слезами благодарности посылали ему своих сыновей и дочерей в услужение. Далее Казориус пожелал истребить в своем государстве преступников, и приступил к этому. Через год или два после начала его правления дороги стали спокойны и никто даже не помышлял о том, чтобы отнять или украсть то, что принадлежало соседу. Но этого Казориусу показалось мало. Сердце его сковывал лед, а лицо кривило отвращение, когда он видел, в какой нищете живут его подданные. Он же мечтал о эпохе расцвета, эпохе, которая навсегда останется в памяти потомков как подлинный Золотой Век. И при помощи колдовства он сделал крестьян и работников трудолюбивыми, а чиновников — честными. Так же он вытравил из сердец своих подданных жадность и склонность к насилию, а также лень и зависть. На берегу моря он возвел свою столицу — город с академиями искусств и научными лабораториями, город с мощеными улицами, город, украшенный фонтанами, статуями и триумфальными арками. Сотни кузнецов, скульпторов, поэтов и живописцев трудились, создавая бессмертные творения, которыми Казориус украшал свой дворец. Десятки танцовщиц развлекали его своими танцами, и искуснейшие музыканты услаждали его слух своей игрой. Но

прогулки в город, которые изредка устраивал тиран, переодеваясь в платье обычного горожанина, все еще приносили Казориусу беспокойство. Болезни и увечья, от которых он не мог уберечь своих подданных, заставляли их забывать о своем счастье — о счастье жить в Золотом Веке. И тогда Казориус стал щедро награждать врачей и целителей, и приказал им взять себе учеников, и основать школы; тех же, от кого отказывались врачи, он приказал бросать в глубокую пропасть в четырех милях к северу от города. И всех увечных, потерявших конечности, неизлечимо больных, а так же сумасшедших, детей, родившихся уродами, и беспомощных, лишившихся разума стариков, стражники отвозили на скалы и сбрасывали вниз. Таким образом, Казориус быстро очистил столицу, да и всю страну ото всех, чей вид был ему неприятен. Теперь он шествовал по улицам приморского города с улыбкой. Не было нищих, не было калек и слепых, не было чумазных детей, выклянчивающих подаяние, не было юродивых, не было безумных стариков. Горожане цвели от счастья и благословляли имя своего повелителя. Страна процветала, ибо люди, населявшие ее, трудились не за страх, а за совесть. Не было воров, и сборщики налогов не присваивали себе часть податей. Стражники не злоупотребляли своей властью, равно как и чиновники — и те, и другие сделались вежливы и исполнительны. Отпала надобность в палачах и тюремщиках. Повсеместно возросло благосостояние горожан и селян, и даже простые люди стали одеваться в шелка и атлас. Исчез голод, исчезли болезни, дети рождались здоровыми и таковыми же росли, а за обучение в академиях и школах им самим и их родителям полагалась щедрая плата. Крыши домов в столице были сделаны из золота и серебра.

Глядя на это великолепие, Казориус с каждым днем все больше убеждался, что достиг своей цели. Эпоху его правления никогда уже не забудут благодарные потомки. Он не был настолько самонадеян, чтобы попытаться овладеть всем миром, заполучить под свою власть все существующие государства и страны. Он не был воинственен, и предпочитал отшлифовать то, чем владел, прежде чем покушаться на что-то большее. Кроме того, он знал, что в иных землях он неизбежно повстречает других магов, и опасался встречи с ними.

Все до единого солдаты Казориуса были готовы отдать за него жизнь, а женщины изнывали от желания при одном взгляде на него. Одно время он заставлял священников боготворить его, но потом ему наскучила эта забава. Одно его желания было достаточно, чтобы в миг из любого, самого гордого человека, сделать раба, и женщины, которыми он овладевал, любили его искренне, как никого другого, и солдаты искренне

были верны ему.

Установив в своем государстве Золотой Век, Казориус погрузился в омут развлечений. Красивейшие девушки служили ему, самую изысканную пищу вкушал он, самые совершенные произведения искусства радовали его глаза, а беседы с наиученейшими мужами услаждали его ум. Так проходил год за годом, и благосостояние его страны возрастало и увеличивалось.

И вот, по прошествии сорока лет, наступило время, когда беседы с мудрецами наскучили Казориусу, а изощреннейшие ласки наложниц стали вызывать лишь зевоту. Все более противоестественные удовольствия стали привлекать его. Так, например, он мог приказать стражнику совершить самоубийство, чтобы посмотреть, как тот будет, изнывая от любви к правителю, исполнять его волю. Он мог приказать построить храм, привести в храм свинью и заставить жрецов поклоняться ей в благоговении и экстазе. Он мог велеть жене и мужу зажарить и съесть у него на глазах свое дитя — заставляя при этом родителей испытывать сильнейшее удовольствие и возбуждение. Он мог запереть человека в комнате с лучшими яствами и винами и приказать не прикасаться к ним, и приходить в ту комнату каждый день, наблюдая, как слабеет пленник, а изысканные блюда покрываются плесенью. Самосохранение, честь, любовь к своим детям — все это отступало, когда он касался человеческого сердца. Он словно проверял — есть ли пределы его власти над людьми? Он искал, и не находил их.

Но прошло время, и даже эти забавы перестали доставлять ему сколько-нибудь сильную радость. И тогда он стал наслаждаться беспомощностью людей, которых освобождал от своей власти, но продолжал пытаться — их отчаянье, и ненависть, и страх, и боль забавляли его. В их криках ужаса и боли он слышал искренность, для которой не требовалось применение волшебства. Их унижение, когда они целовали его ноги, было вызвано не магией, их подчинение ему происходило только лишь по их собственной воле. Это веселило Казориуса. Он владел обеими сторонами человеческого сердца — и любовью, и ненавистью. Отнимать у людей то, чем они дорожили больше всего на свете, стало его новой забавой.

Однажды он снова неузнанным отправился в город. Он бродил по его улицам три дня, но нигде не находил гордого, которого можно было бы унижить, целомудренного, которого можно было бы искусить, или доверчивого, которого можно было бы обмануть. Все люди в городе одновременно любили своего повелителя и боялись его, и никто не осмеливался превозносить и восхвалять что-либо еще. Но вот, под одним

окном Казориус встретил юношу, певшего песню любви своей возлюбленной. Казориус заслушался, ибо ощутил в его голосе подлинную страсть, и беззвучно рассмеялся в темноте переулка. Но девушка, благосклонно выглядывавшая из окна, заметила какое-то движение и скрылась за занавеской, а Казориус неспешно подошел к влюбленному. Тот с превеликой досадой взирал на переодетого тирана.

— Как тебя зовут, юноша? — Спросил Казориус.

— Тайленар.

— Я вижу, что ты любишь эту девушку сильнее всего на свете.

И тогда юноша, готовый часами говорить о предмете своей любви, воскликнул:

— Это так, и для меня нет ничего дороже ее любви. Ее глаза — это звезды, ее губы — рубины, ее зубы — жемчужины. Нет никого прекраснее, чище и нежнее ее. Ее кожа как бархат, а волосы — как шелк.

— Как же ее зовут? — С улыбкой спросил Казориус.

— Айнелла.

— И ты полагаешь, что сможешь добиться ее любви?

— Для меня это будет величайшим счастьем. Но я знаю, что нравлюсь ей, ибо вчера, когда я пел для нее, она бросила мне вот это, — и он показал Казориусу белый цветок, приколотый к своей куртке.

— Ну, что ж, посмотрим, — сказал Казориус, сдерживая смех. Ведь не было ничего высокого, над чем бы ему не хотелось надругаться, и ничего чистого, что он не желал бы осквернить.

С тех пор он стал наблюдать за юношей и девушкой, и следить, как крепнет их любовь. Их чувства действовали на него, как одуряющий запах редчайшего вина — на гурмана. До времени он не вмешивался в их отношения и не беседовал с ними больше. Он ждал, пока любовь прочно пустит корни в их сердца. Вот миновало признание, и влюбленные с каждым днем открывали в общении с друг другом все большую радость. Они уже дышали друг другом, жили друг другом, и ничто на свете, казалось, не могло разлучить их. Родители благословили этот союз, и уже был назначен день свадьбы — однако, когда молодые отправились в храм Богини Любви, чтобы навсегда соединить свои судьбы, солдаты Казориуса остановили свадебный кортеж. Влюбленные предстали пред очами тирана. Рассмотрев девушку, Казориус спросил Тайленара, по-прежнему ли тот уверен в том, что любит ее. Юноша ответил «Да». Тогда тиран спросил о том же девушку. Но едва она разомкнула уста, чтобы ответить, как Казориус легко коснулся ее сердца. И она заколебалась. «Кого же ты любишь?» — Спросил он ее. «Тебя, мой повелитель», — ответила девушка.

А Тайленар, обернувшись к ней, увидел, что она смотрит на тирана и дрожит от терзающего ее желания. Тайленар хотел обнять ее, но она вырвалась и пошла к тирану. Стражники навалились на юношу и скрутили ему руки; Айнелла же, подойдя к трону, покорной рабыней замерла перед Казориусом. Казориус ударил ее ногой, но она, едва оправившись от удара, поползла к нему снова, извиваясь от желания, разрывающего ее естество. И тогда Казориус, развалившись на троне, позволил ей ласкать его самыми изощренными способами, которые только мог измыслить. А Тайленара он заставлял смотреть на это.

Еще долгое время возлюбленные провели в его дворце, и в те дни Казориус забыл о скуке. В его огромную спальню поставили железную клетку и приковали Тайленара изнутри к ее прутьям, вырезав ему веки, чтобы он не смог закрыть глаза. Несколько ночей Казориус развлекался с Айнеллой, и ее громкие стоны и крики достигали ушей юноши, даже если он скашивал взгляд на потолок спальни или на ковры, покрывавшие пол комнаты. С каждой ночью сцены совокупления становились все более унижительными для Айнеллы, все более противоестественных вещей требовал от нее Казориус — но, казалось, что это лишь больше разжигает ее страсть и желание повиноваться. Она спала с собаками и рабами, и иногда Казориус заставлял ее содрогаться в экстазе раз за разом, а иногда, ослабляя свою власть над ней — плакать от отвращения и кричать от боли. И в один из дней, пока Айнелла ласкала его и целовала его ноги, он спросил у Тайленара, что юноша теперь думает о своей любви.

Надо сказать, что до сих пор никто в городе не подозревал о том, что Казориус — колдун. И даже теперь Тайленар не догадывался об этом. Он едва не обезумел в клетке за эти дни; кормить его приходилось насильно. Когда стражники на время освобождали его из оков, они внимательно следили, чтобы он ничем не поранил себя, ибо больше всего на свете теперь он желал умереть. Все же юноша нашел в себе силы, чтобы ответить.

— То же, что и раньше, — сказал он. — Она боится тебя, вот и все. И я не презираю ее за это. Ты можешь владеть ее телом, но никогда не будешь владеть ее сердцем и душой.

— Глупец! — Рассмеялся Казориус. — Она моя вся, от ногтей до корней волос, от первых воспоминаний в утробе матери до последнего вздоха, от самых сильных страстей до потаеннейших желаний! Ибо я — Повелитель Сердец. И ты — тоже мой.

И тогда он приказал девушке как-нибудь выразить свою любовь к нему, и Айнелла взяла засохший цветок, до сих пор приколотый к куртке юноши,

и подала Казориусу. Тиран отложил цветок в сторону и, подав ей нож, приказал изуродовать свое прекрасное тело, что она и проделала, по-прежнему с собачьей верностью глядя на того, кто владел ее сердцем. И когда он велел ей остановиться, в ладонях, измазанных кровью, она снова протянула ему цветок, некогда подаренный юноше. И Тайленар заплакал и забился в цепях, и стражникам пришлось вставить ему в рот деревяшку, чтобы он не прокусил себе губы или не откусил язык. Тиран же, развалившись на подушках, с легким любопытством рассматривал юношу, в то время как Айнелла продолжала ласкать его.

— Видишь, — сказал Казориус юноше, — дело совсем не в страхе.

Он приказал врачам и целителям вылечить раны девушки. И когда это произошло, велел Айнелле совокупиться с Тайленаром. И плоть ответила плоти, но юноша видел, что взгляд его возлюбленной прикован к Казориусу, и глаза ее полны немного обожания. Лишь тень легкого беспокойства иногда мелькала на ее лице — все ли она делает так, как желает тиран, и не может ли она как-нибудь еще угодить ему?

После этого тиран приказал выпустить Тайленара из клетки. О, как мечтал юноша выбраться из своего узилища и вцепиться тирану в горло! Не ценя свою жизнь и не боясь смерти, он не беспокоился о том, что сделают с ним стражники. Но, к своему удивлению, он поклонился Казориусу, и, как и Айнелла, поцеловал ему ноги, и, продолжая изумляться, услышал, как его уста благодарят Казориуса. И было мгновение, когда он забыл о себе и растворился в воле колдуна. Служить тирану казалось ему верхом счастья. Но затем он снова стал свободным, и Казориус, издеваясь, отпустил его, оставив лишь смутную память о счастье Служения. И юноша ужаснулся случившемуся и зарыдал, поняв, что бессилен против своего врага, а Казориус приказал проводить Тайленара из дворца, и велел Айнелле сопровождать до ворот. И девушка много говорила во время этой дороги, но все ее речи сводились к тому, каким великим благом были заполнены для нее эти дни. В подробнейших деталях она описывала, как будет служить Казориусу, на какие жертвы пойдет ради него и что сделает, лишь бы заслужить один его снисходительный взгляд. На выходе из дворца Айнелла и слуги колдуна оставили юношу и удалились. И только тогда с Тайленара окончательно пали чары, и оцепенение покинуло его. И даже ненависть в его душе утихла, столь велико было в этот миг его отчаянье. Он проклял Казориуса, и женщину, породившую его, и отца, зачавшего колдуна, и землю, по которой ходил Казориус, и богов, допустивших жить это чудовище.

А тиран в своем дворце громко смеялся, слыша эти нелепые проклятья.

Тайленар был не первым и не последним, над кем он так потешался. Отдохнув во дворце, сполна насладившись новой наложницей — которая, впрочем, ему быстро приелась — он отправился в город на поиски новых приключений.

Прошло три года. И вот, в один день, пришел во дворец Казориуса странник. Странник не был ни стар, ни молод. Одежды его были дорогими и искусно сшитыми, но цвета этих одежд напоминали о темной древесной коре и белой пушистой плесени, покрывающей гниющие фрукты. Не было уродства ни в лице странника, ни в его теле, но было в нем нечто, заставляющее при взгляде на него содрогаться от страха и отвращения. Прямые темные волосы его почему-то напоминали паутину, а темные глаза — ямы, полные копошащихся насекомых. Слуги Казориуса разбежались при его появлении, но преданные солдаты попытались загородить дорогу пришельцу. Однако странник небрежно повел рукой — и солдаты замерли на месте. Пришелец пошел дальше, а слуги, осмелившиеся приблизиться к солдатам, увидели, что тех покрывают нити полупрозрачной белесой плесени, и гной наполняет рты солдат, и медленно сочится из глаз их, ушей и ноздрей, и из-под ногтей их пальцев также вытекает слизь.

Миновав охрану, пришелец вошел в тронный зал Казориуса, где тиран, восседая на престоле, придумывал себе новые развлечения.

— Кто ты такой? — Требовательно спросил Казориус. — И как ты осмелился явиться сюда, не испросив у меня позволения?

— Я — Мьяонель, Хозяин Безумной Рощи, — ответил пришелец. — И я не нуждаюсь в позволении находиться там, где имеется нечто, принадлежащее мне.

Тогда Казориус содрогнулся от страха, ибо понял, что один из Обладающих Силой навестил его в этот день, а встреч с другими колдунами, тем более встреч неожиданных, он всегда опасался. Но он совладел со своим страхом.

— И что же в моих владениях принадлежит тебе? — Спросил он, желая отдать это и на том распрощаться с проклятым пришельцем.

Но Мьяонель непреклонно протянул к нему свою руку.

— Ты сам. — Сказал он.

И тогда Казориус, обладавший властью приказывать сердцам, приказал сердцу Мьяонеля умереть. Но у пришельца не было сердца, и заклятье Казориуса, встретившись с ничем, рассеялось. А в ответ устремилось волшебство Мьяонеля — и на этот раз результат был иным, и власть Хозяина Безумной Рощи сковала тирана, ибо угнездившаяся в сердце самого Казориуса гниль подчинялась ему.

— Пощади, — прошептал тиран, — возьми все, что хочешь. Возьми весь этот город и все мои земли. Возьми...

— Меня призвал юноша по имени Тайленар, — сказал Хозяин Безумной Роши. — И он заплатил своей душой за мое появление. Можешь ли ты предложить большее, чем он? Думаю, что нет, ведь ты и так мой.

И, волоча за собой тирана, он вышел из дворца. Открыв дорогу волшебства, он вступил на нее со своей ношей. Легкая одежда Казориуса мгновенно пропиталась слизью и нечистотами, покрывавшими эту дорогу, а его душа содрогалась от страха, ибо разложение и смерть властвовали в месте, через которое продвигался колдун. Путь был долгим — не раз и не два за время его Казориус терял сознание от боли и ужаса. Наконец Мьяонель привел его в страну, гибельную для магов — в земли, где волшебство умирает, а душа даже в посмертии не может пересечь границ Земли Изгнанников. Не произнеся больше ни слова, Мьяонель наложил на магию своего пленника оковы, бросил его в той земле и удалился, а Казориус, стеная от боли, отряхнул одежду, поднялся и пошел по дороге. По пути он встретил человека, одетого по меньшей мере странно, но тирану в этот день было не до нарядов. Гораздо больше его интересовало другое.

— Скажи, добрый человек, — обратился он к встречному, смотревшему на него с жалостью и презрением, — что это за город далеко впереди различают мои глаза?

— Плебей, — ответил ему человек, — сын осла и собаки, рожденный на свет по ошибке родителей! Твое невежество столь глубоко, что не заслуживает даже насмешки! Знай, что дорога, по которой ты идешь, ведет к Вечному Городу, где тебя непременно бросят на растерзание диким зверям за твой отвратительный вид!

И, сказав так, человек пошел дальше, а Казориус направился к Вечному Городу. Однако там его не бросили хищникам — может быть, потому, что еще прежде он выстирал свою одежду в реке, а, может быть, потому, что незнакомец лишь напугал его и надсмеялся над ним.

Казориус стал жить в бедных кварталах города. Он поступил в услужение к какому-то мелкому торговцу. Все свободное время он тратил на то, чтобы отыскать здешних волшебников, снять оковы со своего Дара и вырваться из этих земель, но нигде — ни в храмах, ни обиталищах ведьм он не встречал подлинной магии, которая могла бы помочь ему. Меж тем, оковы, которые наложил на него Мьяонель, слабели день ото дня, ибо мир, в котором очутился тиран, разъедал любое волшебство, принесенное в него извне. Когда оковы спали окончательно, Казориус завыл от боли и

бессилия, ибо в тот же день погасла последняя искра его собственного Дара. Так он оказался запертым в этих землях, которые заселяли Изгнанники и потомки Изгнанников, и был принужден жить среди них. Текли годы, и утративший бессмертие Казориус старел и слабел наравне со всеми. Отчаявшийся, потерявший надежду вернуть себе Силу, он стал тем, чьи души когда-то презирал и мял в своих руках, словно воск — стал обычным человеком. Со временем его тоска по Силе хотя и не ослабла, но как будто притупилась. Он исправно выполнял свою работу, обзавелся собственным углом и даже женился. Женщина эта была немолода и некрасива, и супруги не любили друг друга. Сойтись их вместе заставили скорее необходимость и удобство, чем влечение друг к другу. У женщины уже были дети, а Казориусу она родила еще двоих. Хотя они оба были свободны, но жили во многом хуже рабов — ибо раб пресмыкается только перед своим господином, им же приходилось пресмыкаться перед многими. Голод был самым частым гостем в их доме, и среди соседей не находилось никого, кто бы уважал Казориуса или был с ним дружен. Его собственные дети не любили его, ибо он желал властвовать над ними, как когда-то властвовал над целой страной, но теперь он не обладал той силой, которой обладал тогда, и, становясь старше, дети все чаще отказывались подчиняться ему и все чаще награждали его своим презрением. И тогда он смирился. Это принесло бывшему тирану успокоение. Он уже ничего не желал, кроме как тихо сойти, наконец, в Страну Мертвых. Память о собственной Силе превратилась для него в сон. Так он жил — длил дни до смерти, и не помышлял о большем, но наступил 410 год, и варвары ворвались в Вечный Город. Рабы восстали против своих хозяев, и все сражались со всеми, а гунны убивали и рабов, и хозяев, и наемников. Запылали храмы и дома, всюду слышались крики умирающих. Жену Казориуса растоптала толпа, когда они пытались вырваться из города, сына убили варвары, а дочь они увели с собой в плен. На детей его жены обрушилась стена горящего храма, и лишь Казориус, из-за хромоты не успевавший за ними, остался в живых. Каким-то чудом ему удалось выбраться из Вечного Города. Остановившись на одном из его холмов, он оглянулся назад, и увидел лишь пламя и дым, вырывающиеся из-за стен. Он знал, что умрет здесь — на чужой земле, в стране слепых Изгнанников. И тогда он проклял того, кто заточил его — проклял, надеясь, что хотя бы его проклятье вырвется за стены этого мира — пусть даже прежде это не смогли сделать его разум, его душа, его магия и его плоть.

— Мьяонель, Хозяин Безумной Рощи, — прошептал он, вперившись взглядом в бездушное небо, — гордец, пусть когда-нибудь с тобой

произойдет то же, что ты сделал со мной. Да познаешь ты вкус бессилия и бремя ничтожества, сладость рабства и горечь унижения.

И, опустившись на влажную, пахнущую дымом Землю Изгнанников, Казориус умер.

НАЙДИ МНЕ СЕРДЦЕ

(история третья)

Некогда жил юноша по имени Тайленар. И была у него возлюбленная, прекрасная девушка по имени Айнелла. Тайленар просил ее руки, и получил согласие, но им не суждено было быть вместе. Страной, где жили влюбленные, правил жестокий колдун. Он подчинил себе сердце девушки и посмеялся над юношей, бессильным перед его магией.

Тайленар бежал из страны жестокого тирана и долго скитался по свету, орошая слезами дорожную пыль. Отчаянье глодало его сердце, а разлука с любимой лишала его жизнь всякого смысла. И вот, в один из тех дней, которые казались Тайленару чернее ночи, он вышел к бедной рыбацкой деревушке. Деревушка была пуста — покачивались на ветру сети, развешанные на просушку, хлопали ставни и двери, но ни единого живого человека нельзя было найти в той деревне. Заглянув в некоторые дома, Тайленар обнаружил там обглоданные кости, а в одной из хижин увидел огромную собаку с огненной пастью, терзавшую труп рыбака. Почувяв юношу, собака угрожающе зарычала и обернулась в его сторону. Тайленар в страхе бежал из деревни, а чудовище не стало преследовать его. Выйдя на дорогу меж двух скал, в скором времени юноша подошел к дому, такому же старому и неказистому, как и дома в рыбацком поселке, однако из трубы его вился дымок — из чего Тайленар сделал вывод, что обитатели этого дома избежали участи своих соседей, рыбаков. На пороге дома юноша встретил человека в темной одежде, от которого пахло плесенью и мертвечиной. Человек с усмешкой приветствовал его, и пригласил войти в дом, а сам остался на пороге.

В доме юноша увидел древнюю старуху в нищенских обносках, расхаживающую по комнате такой горделивой поступью, словно она была королевой или богиней. Старуха являла собой зрелище и смешное и жалкое. Все в том доме было грязно, запущено, и не было на нищенке ни одной вещи, которую нельзя было не назвать рваньем, и даже удивительный небесно-синий плащ, накинутый старухой поверх ее лохмотьев — плащ, который струился как вода и казался невесомым, как перышко — даже этот плащ имел внизу маленькую дырочку, которую, очевидно, прогрызла мышь или какое-то другое мелкое животное.

— Простите, бабушка, — обратился Тайленар к старухе, — не известна ли вам дорога из царства тирана Казориуса? Вот уже три месяца я брожу по границам его страны, и не могу пересечь их — тропы, по которым я иду, поворачивают обратно, а когда я схожу с троп и иду по бездорожью, всегда оказывается, что я двигаюсь вдоль, а не от границ его государства.

— Мальчик, — улыбнулась старуха беззубым ртом. — Раз уж ты нашел меня, я отвечу на любой твой вопрос — но знай, что цена моих ответов всегда выше, чем польза, которую можно извлечь из них.

— Мне все равно, — сказал Тайленар. — Казориус посредством колдовства отнял у моей возлюбленной разум и сердце. Мне незачем больше жить. Меня не страшит цена.

— Если ты больше не хочешь жить, — спросила старуха, — зачем же ты так жаждешь вырваться из царства Казориуса? Умереть можно и здесь.

И тогда в потухших глазах юноши на мгновение вспыхнуло черное пламя ненависти.

— Нет! Сначала я отомщу этому нелюдию! За все, что он сделал с моей невестой... со мной... с нами! Скажи, ведьма, как мне покинуть его царство, как мне отыскать другого волшебника, который сможет остановить действие чар Казориуса на срок, достаточный для того, чтобы я мог бы вонзить меч в его жирное брюхо?!!

— Покинуть его царство трудно, — отвечала старуха, — ибо Казориус — Повелитель Сердец: так же, как он коснулся сердца твоей возлюбленной, коснулся он и сердца этой земли. Теперь она без его приказа не выпустит тебя на волю. А такого приказа Казориус не отдаст никогда.

— Как же мне быть?!

— Возможно, тебе следует отыскать кого-нибудь, сведущего в Искусстве, не выходя из его царства.

— Но на этой земле нет волшебников, равных Казориусу! — С отчаяньем воскликнул юноша. — А тех, которые ему не ровня, он подчинил своей воле давным-давно, когда только появился в нашей стране! С тех пор вся власть здесь принадлежит только ему одному.

— Мой дом, — сказала старуха, — находится на границе его земель, и я не принадлежу Казориусу. Он даже не подозревает о моем существовании.

— Значит, ты можешь помочь мне? Ты сможешь разрушить магию Повелителя Сердец?

— Я? — Засмеялась старая ведьма. — Я всего лишь Гветхинг, старая предсказательница. Немало лет я прожила в большом мире, от которого так успешно отгородился Казориус, и зарабатывала себе на жизнь, давая

советы тем, кто в них не нуждался, и показывая карты дорог тем, кто и без того двигался туда, куда ему было нужно. Не раз меня проклинали и не раз пытались убить, однако ни то, ни другое не приносило успеха. Когда мне надоели глупые люди, приходящие со своими бедами, я решила удалиться на покой. Так я поселилась здесь, в домике на границе, равно отдаленном и от большого мира, и от царства тирана. И все же некоторые мои знакомые иногда вспоминают обо мне и навешают старую матушку Гветхинг, и некоторые из них обладают достаточной силой, чтобы без труда справиться с таким ничтожеством, как Казориус.

— Прощу тебя, мудрая Гветхинг, — воскликнул юноша, молитвенно сложив руки, — познакомь меня с одним из твоих посетителей! За это я отдам тебе все, что ты не попросишь!

— Заманчивое предложение, — сказала Гветхинг, жадно облизнув краешки губ. — Ох, заманчивое!.. Однако, мальчик, ты имеешь не так много, чтобы платить мне подобным образом. Радуйся, если того, что имеешь, хватит для расплаты с тем, кого ты хочешь нанять!

— Что же этот волшебник может от меня потребовать?

— О, многое! Слишком многое. Не лучше ли тебе забыть о своей возлюбленной и о мести тирану, тихо осесть где-нибудь неподалеку, ловить рыбу, чинить сети, и, может быть, даже найти себе жену и завести нескольких ребятишек? Поселись поблизости — тут как раз имеется все необходимое для такой жизни: пустые людские дома — выбирай любой, ничейные лодки и снасти. Я прикажу своей собаке, чтобы она не трогала тебя.

И юноша вздрогнул, поняв, кому принадлежит чудовище, истребившее целую деревню рыбаков. Но, набравшись мужества, так ответил он Гветхинг:

— Нет, благодарю. Я никогда не смогу забыть свою невесту. И никакая цена за помощь в ее освобождении не покажется мне высокой.

И тогда старуха вздохнула.

— Что ж, — сказала она, — я предупредила тебя о цене и пользе. Один из тех, кто, при желании, мог бы оказать тебе помощь, дожидается тебя на пороге моего дома. Ему потребовалось нечто, что способен раздобыть только отчаянный, безрассудный человек вроде тебя — но, полагаю, что вы сами сможете обсудить условия сделки. Поговори с ним, а потом возвращайся ко мне, ибо то, что он попросит, достать будет отнюдь не легко.

И юноша, поблагодарив старуху, вышел из ее дома. Оказалось, что за порогом дома человек в темной одежде все это время терпеливо дожидался

его появления.

Того, кто ждал юношу, звали Мьяонель, Хозяин Безумной Роши. Именно он подарил Гветхинг волшебный плащ, который позволил ей скрыться от людей и небожителей, постоянно донимавших ее своими вопросами. Взамен Гветхинг дала Мьяонелю совет, как овладеть колдовским могуществом. Мьяонель воспользовался ее советом, и взрастил из своего сердца, как из семени, колдовскую Рошу, которую люди называли Безумной, ибо деревья ее были призраками, земля покрыта плесенью, а воздух вокруг переполнен миазмами распада и гниения. Над многими могущественными, ужасающими и противоестественными силами обрел власть Мьяонель. Однако чем дольше жил он в своем царстве, тем больше убеждался в том, что потерял нечто более ценное, чем приобрел. Впрочем, понимал он это только умом — с тех пор, как его сердце растворилось в потоке волшебной силы, создавшей Рошу, никакие чувства не тревожили больше ее Хозяина — ни любовь, ни ненависть, ни даже жажда познания, которая прежде представлялась ему неотъемлемой от его существа. Нет, ничего этого теперь ему не было нужно.

Так проходили дни и недели, времена года сменяли друг друга, а Мьяонель сидел в Башне Без Окон, что высилась в центре Роши, и равнодушно созерцал свое царство. Без печали, без радости, без тревоги, без надежды. Он медленно таял в Силе, которую приобрел, он жил желаниями своих деревьев и желаниями призрачных волков, и безумными желаниями мертвых животных, и дурманящими желаниями умирающих растений, и стремлениями гнили, расплывавшейся по телу древнего леса — но сам он не желал ничего. Он застывал, становился недвижим, прорастал в средоточии Силы — подобно тому, как прорастало первое призрачное дерево, которое когда-то было посажено им в Царстве Бреда.

Однако он помнил, что прежде все было не так. Он знал, что было нечто, что заставляло его бороться, совершать поступки и безумства, не успокаиваться на достигнутом, и всегда желать чего-то большего. Мотивы, двигавшие прежним Мьяонелем, теперь представлялись ему глупыми, бессмысленными, но он не мог не осознавать того, что эта «глупость» была той самой силой, которая заставила его добиться нынешних высот в магическом искусстве. И тогда он решил снова навестить старую Гветхинг. То, что она носила волшебный плащ, позволяющей ей скрываться от глаз людей и небожителей, а так же от глаз самого Мьяонеля, не было для него помехой, ибо, даря старухе плащ, он припрятал в левой руке кончик одной из его невесомых нитей. Теперь, скатывая нить в клубок, он покинул Рошу и пересек несколько стран, населенных людьми, миновал Долину

Оборотней, и безжизненную пустыню, где обитали фантастические чудовища, не останавливаясь, прошел по Огненному Мосту — пылающему пути, протянутому между двумя древними мирами. Наконец нить привела его на морской берег, к старой разваливающейся хижине — здесь жила Гветхинг с тех пор, как покинула свое прежнее обиталище. Мьяонель вошел, не постучавшись, а поскольку слуг Гветхинг, крысы и собаки, в этот момент не было поблизости, никто ему не воспрепятствовал и не загородил дорогу.

Гветхинг не подала виду, что удивлена его приходом — напротив, с кривой усмешкой встретила она Мьяонеля, как будто ожидала, что он должен будет в сей день придти к ней.

— Ох-ох-ох, — сказала она, — нету мне на этом свете покоя. В море, что ли, утопиться, чтобы никогда больше не видеть дураков? И таких прощелыг, как ты, неборожденный, вместе с ними...

— Твой совет был с изъязном, — произнес Мьяонель, — и с изъязном был мой дар. Только лишь от тебя одной зависит, отдам ли я тебе этот клубок нитей, или заберу обратно свой плащ.

— И что же ты хочешь от меня теперь, хитрец?

— Я хочу вернуть себе то, что потерял, приобретаю Силу.

— О, это совсем нетрудно! Но помнишь ли ты о том, что цена моих советов всегда выше, чем польза, которую они приносят?

— Я не намерен больше играть в эти игры, — все тем же ровным голосом, без малейшего проблеска чувства, отвечал Мьяонель. — Прежде чем соглашаться, я хотел бы сначала узнать эту цену.

— Пока не попробуешь — не узнаешь. Ты полагал, что, отказавшись от части себя, уподобишься пшеничному семени, которое, умирая, возрождается колоском с десятью или двадцатью семенами? Как видишь, ты несколько ошибся. Не боишься ли ты теперь, вернув себе утерянное, в тот же миг страшно пожалеть об этом?

— Нет, — равнодушно отвечал Мьяонель, — не боюсь.

— Тогда слушай, глупец: чтобы вернуть в свою жизнь смысл, тебе всего-навсего нужно найти себе новое сердце.

— Как же мне найти его? Или я могу взять любое, которым смогу овладеть?

— Немного будет пользы от этого, неборожденный. Сердце тебе должны принести — как дар или как плату, ты волен лишь принять его или отвергнуть. С подобными делами лучше всего справляются герои — и я знаю, что в эту самую минуту один из них приближается к моему дому. Встреть его на пороге, Мьяонель, и оставайся там, пока мы будем

разговаривать. Я должна предупредить этого юношу, как предупреждала тебя, ибо даже такие дураки, как ты и этот мальчик, заслуживают того, чтобы им хотя бы один раз рассказали о последствиях их необдуманных поступков. Ты не услышал моего совета, но, может быть, у мальчишки ума будет побольше и он не захочет становиться героем.

Мьяонель, не споря, вышел, ибо с тех пор, как потерял сердце, ему не было никакого дела до лести или оскорблений. И он стал дожидаться юноши. А когда тот появился и вошел в дом — ждать окончания их беседы со старой Гветхинг.

...И вот юноша вышел из дома старухи, и почтительно обратился к волшебнику, лишенному сердца, моля выступить против Казориуса, поработившего душу его возлюбленной.

— Я слышал твою просьбу, — сказал Мьяонель, когда юноша замолчал, — и вот мое условие: принеси мне сердце, которое я посчитаю достойным себя, сердце, полное отваги и воли, сердце, умеющее любить и ненавидеть, сердце существа необыкновенного, незаурядного, необычайного. Как только ты добудешь такое сердце, жестокой мстостью я отомщу Казориусу за твои унижения, и сниму чары с сердца твоей невесты.

— О господин! — Воскликнул юноша, опускаясь перед Мьяонелем на колени. — Я сделаю все, что ты ни прикажешь, но молю — прежде исполни мою просьбу! Меня сводит с ума мысль, что, пока я буду разыскивать тебе то, что ты просишь, моя невеста останется жить во дворце тирана на положении последней рабыни.

— Мне неведома жалость, — сказал Мьяонель, — на которую ты, вероятно, рассчитываешь. Принеси мне сердце — и я научусь сочувствовать и поступать, не считаясь с собственной выгодой. А пока что мне нет дела до того, какое положение — стоя прямо или на коленях — ты занимаешь при разговоре со мной. Полагаю, что беспокойство за твою невесту слегка подстегнет тебя в поисках, и поэтому мой ответ тебе — нет. Позови меня, когда достанешь то, что я прошу — но не раньше.

И, назвав свое имя юноше, Мьяонель ушел из той земли по волшебной дороге, что пахла дурманящим, сладострастным, горьковато-сладким запахом тления и распада. А Тайленар с отчаяньем посмотрел ему вслед. И помыслилось ему, что можно убить первого встречного, или даже дикое животное, и принести его сердце Мьяонелю. Однако, поразмыслив, юноша усомнился в том, что волшебник примет такое сердце — ведь тот говорил о существе необычном. Кто знает, чье сердце он посчитает достойным себя? Не напрасным ли окажется жестокое преступление, которое готов был

совершить Тайленар? И, поникнув головой, он вернулся в хижину старой ведьмы.

Старуха, перебирая пальцами завязки плаща, сидела у тлеющего очага. Юноша хотел рассказать ей о своем разговоре с Обладающим Силой, но Гветхинг остановила его, дав понять, что условия Мьяонеля ей и так известны. Она долго молчала, раскачиваясь перед огнем, а потом сказала:

— В ста милях отсюда, в глубокой пещере спит огромный черный дракон. Раз в полгода он пробуждается, чтобы разорить деревушку или поохотиться на горцев. Иногда он летит вглубь страны и сжигает своим дыханием какой-нибудь город. Его сердце, как и кровь, обладают волшебными свойствами. Однако следует сказать, что дракон спит чутко, и мгновенно проснется, едва лишь ты вступишь в его пещеру, а обычное оружие не сможет причинить ему никакого вреда.

— Зачем же тогда ты рассказываешь мне об этом, Гветхинг? Ведь даже будь сон дракона менее чуток, а шкура его не так прочна, мне никогда не добраться до тех гор, ибо земля Казориуса не отпустит меня.

— Отпустит, мальчик, теперь отпустит. Ведь договор меж тобой и Обладающим Силой уже заключен. С этой минуты ты больше не находишься под властью Казориуса, и тебя защищает сила другого Лорда. Однако ж и вернуться в родную страну ты не можешь, ибо если раньше земля Казориуса не отпускала тебя, то теперь она развернет тебя обратно.

— Тогда скажи, мудрая Гветхинг, как мне убить дракона, чтобы его сердцем расплатиться с Мьяонелем и увидеть, как будет освобождена моя возлюбленная?

— Это не так-то просто сделать. Прежде всего ты должен отправиться в город Алсалаш, придти в храм Бога Войны, и попросить о посвящении. Поскольку ты не калека и не ребенок, жрецы не откажут тебе — они не отказывают никому; однако знай, что немногие из прошедших посвящение поднимаются выше уровня обычных служек. Во время обряда в храме тебе предложат на выбор сто мечей, предупредив, что ты должен будешь выбрать один из них, которым станешь биться с настоятелем храма. Тебя предупредят, что если ты проиграешь — станешь рабом храма, и только лишь через многие годы получишь шанс возвыситься сначала до ученика, потом до служителя, а потом — до жреца их Бога. Выиграть в том поединке невозможно, но тебе и не нужно будет этого делать. Присмотрись внимательно к мечам, которые тебе предложат на выбор. Там будут самые разнообразные клинки, и ты не найдешь среди них двух одинаковых. Выбери самый худший, тот, чье лезвие проржавело настолько, что станет крошиться у тебя в руках. Этот клинок себе и потребуй, и не отступай от

своего решения, когда станут предлагать другие. Жрецов изумит твой выбор. Сам настоятель храма станет разговаривать с тобой почтительно и не упомянет больше о поединке, но попытается выяснить, кто ты и чего ищешь на этой земле. Так же тебе будет предложена всевозможная помощь во всех твоих предприятиях. Не отвечай на их вопросы, ни о чем с ними не разговаривай и не проси тебе помочь. Молча выйди из храма с этим мечом — никто не осмелится тебе воспрепятствовать, потому что жрецы примут тебя за посланника их Бога, ибо только посланнику ведомы тайные свойства того меча; сохраняй спокойствие и уверенность в себе, и ты убедишь этих людей в том, что и в самом деле не являешься обычным смертным. Покинув город, омой лезвие меча в крови человека, лошади, собаки или охотничьей птицы — и ты увидишь, как спадет ржавчина, как заблестит на солнце волшебное оружие Бога Войны! Далее иди от города десять миль на север. Ты подойдешь к утесу и увидишь огромное дерево, громоздящееся на самом его краю. Заберись на утес и стань к дереву спиной. В двенадцати шагах будет лежать старый, обросший мхом камень высотой в человеческий рост. Этот камень в древние времена положил могучий богатырь на могилу своего брата. Тело витязя давно истлело, но доспехи уцелели, ибо на них наложены могущественнейшие заклинания. Когда ты облачишься в них, тебе будут не страшны ни яд, ни стрелы, ни даже драконье пламя. После чего отправляйся за сердцем змея. Иди. И поторопись, мальчик.

И Тайленар, поблагодарив старуху, ушел. Он убедился в справедливости ее слов во всем — земля Казориуса больше не подпускала его к себе, а жрецы в храме Бога Войны повели себя именно так, как предсказывала Гветхинг. Раздобыв меч, на базаре он купил собаку, и, выйдя из города, омыл меч в ее крови. Клинок тут же изменился — вместо ржавчины, рассыпающейся от одного прикосновения, явилось лезвие, что рассекало с одинаковой легкостью и падающий волос, и крепчайший доспех. Этим мечом Тайленар разрубил на части камень, установленный древним богатырем. Следует ли говорить, что лезвие волшебного меча, резавшее камень так же свободно, как будто это был пшеничный хлеб, даже не затупилось от этих ударов? Облачившись в доспехи, Тайленар отправился в горы. Там, после некоторых поисков, он нашел драконью пещеру, а в ней — ее обитателя. После долгого боя юноша одолел чудовище, разрубил ему брюхо и вырвал сердце, оказавшееся совсем не таким большим, как можно было ожидать — всего лишь в два или три раза больше человеческого. Когда он копался во внутренностях чудовища, драконья кровь проникла через доспехи и доставила Тайленару

сильнейшую боль — впрочем, боль скоро прошла, а юноша вдруг почувствовал себя преисполненным сил, как никогда раньше, и взгляд его стал различать то, что ранее оставалось незамеченным. Так, полный радужных надежд, и уверенный в том, что скоро обнимет свою возлюбленную, он позвал Мьяонеля.

— Ты добыл то, что мне нужно? — равнодушно спросил волшебник, появившись в пещере в тот же самый миг.

— Да, мой господин, — ответил юноша с достоинством и затем молча протянул Мьяонелю драконье сердце.

Тот не спеша взвесил сердце на ладони. А потом покачал головой.

— Алчность. — Сказал волшебник. — Бахвальство. В этом сердце имеется и некоторая сила, но содержащееся в нем самомнение намного перевешивает эту силу. Тупая звериная злоба в сочетании со сверхчеловеческим коварством. Нет, мне это сердце не нужно. Поищи другое.

И, сказав так, волшебник растворился в воздухе — всего лишь на секунду опередив удар, который собирался нанести ему разгневанный воин. Но делать было нечего, и Тайленар побрел обратно к хижине Гветхинг. По пути ему встретилось множество удивительных вещей. Глазами, измененными посредством драконьей крови, он видел духов цветов и трав, порхающих над своими жилищами, видел альвов, что невидимками для смертных людей бродят по лесам, видел демонов, тайно вторгающихся в человеческие сны, видел домашних духов, воюющих с этими злыми пришельцами. Однажды он видел ангела, пролетевшего по небу среди облаков. Наконец он добрался до жилища старой прорицательницы. Собака с огненной пастью зарычала на него, но он не обратил на нее никакого внимания; гигантская крыса, вторая служанка Гветхинг, почтительно заговорила с ним, но он не ответил.

— Бесплезным оказался твой совет! — Гневно бросил он Гветхинг, едва переступив порог ее дома. — Мьяонель отверг мой дар. Напрасными были все мои усилия!

— Ох, мальчик, — вздохнула старуха. — Как же ты еще глуп... «Бесплезным», «напрасными»! Неужели ты сам не замечаешь, как изменился? Ты больше не тот испуганный ребенок, который пришел на порог моего дома год назад. Ты стал героем. Драконья кровь одарила тебя несколькими чудесными свойствами — как то: волшебным зрением и кожей, о которую расколется обыкновенное оружие. Кроме того, ты владеешь мечом, сотворенным когда-то самим богом мечей, и доспехами, делающими тебя совершенно неуязвимым.

— Но я по-прежнему также далек от своей цели, как и раньше, — сказал Тайленар уже тише и с некоторым сомнением в голосе.

— Кто же мог знать, что Мьяонель откажется? Он — бессмертный, а помыслы бессмертных я вижу смутно, как будто в пелене тумана. Впрочем, сейчас и твой разум, мой драконоборец, уже не так открыт для моего взора, как раньше. Но вот что я тебе посоветую: следует предложить Мьяонелю то, от чего он не сможет отказаться. Ведь променял же он когда-то свою душу на колдовское могущество! Принеси ему сердце бога — уверена, Мьяонель не станет отказываться от такого щедрого дара!

— В своем ли ты уме, старая ведьма?! Ты что же, предлагаешь мне взобраться на небеса и убить одного из небожителей в его собственной стране?!!

— Что ты, мой мальчик! Если бы на небеса было так легко попасть, стоило бы тебе обращаться за помощью к какому-то там волшебнику! Нет, я предлагаю тебе добыть сердце мертвого божества, когда-то побежденного другим богом, более могущественным. Служители павшего отыскали и спрятали его сердце. Внешне походящее на драгоценный камень удивительной огранки, оно скрыто в тайном хранилище, в подвале одного из старых храмов мертвого бога, и охраняется бесчисленными стражами — ибо этот волшебный предмет до сих пор может наделять жрецов сверхъестественной силой.

Далее Гветхинг подробно объяснила Тайленару, как найти сердце бога и как одолеть стражу. Он во всем последовал ее советам. Путь до далекого храма занял почти год. Тайленар едва не был убит демонами и жрецами, охранявшими сердце, но драконья кровь защитила его от волшебства, а заколдованные доспехи — от алмазных клинков храмовых воинов и когтей демонов. В день, когда Тайленар пришел в храм, Бог Войны собрал богатую жатву — воистину, в достойные руки попал его меч! Оставляя позади себя дорогу из убитых, Тайленар добрался наконец до подземелья, где, на высоком алтаре, лежало сердце мертвого бога — огромный драгоценный камень, источающий силу и власть. И, подняв с алтаря сердце, воин громко выкликнул имя Хозяина Роши.

— Нашел ли ты то, что мне нужно? — Спросил Мьяонель, возникнув перед юношей.

Тайленар с затаенным гневом протянул ему мерцающее сердце.

— Если уж и это тебя не устроит, то я не знаю, что на свете сможет удовлетворить твою жадность!

Может быть, гнев помог ему расстаться с сердцем так легко — ибо сосредоточье души умершего бога манило к себе, затмевало разум,

навязывало желание никогда не расставаться с камнем и беречь его, как величайшую драгоценность. Может быть, гнев, может быть, любовь — кто знает? Сделав вдруг открытие, что ему совсем не хочется отдавать этот предмет в чужие руки, юноша все же нашел в себе силы отказаться от него. И огромный драгоценный камень упал в протянутую ладонь Мьяонеля.

Мьяонель недолго рассматривал сердце бога.

— Сила. — Сказал он. — И огромная власть. Полагаю, что не будь я совершенно лишен чувств, то не смог бы устоять перед таким искушением. Однако ныне, имея возможность выбирать, я, пожалуй, отвергну этот дар...

Не слушая дальше волшебника, Тайленар, обезумев от гнева, бросился на него с мечом. Но Мьяонель не стал соревноваться с ним в воинском искусстве или возводить колдовских преград на его пути. Он повел рукой — и юноша по плечи провалился в болотную жижу, неожиданно возникшую у него под ногами. Густой серный дух источало это болото, разлившееся в центре храмового подземелья, меж древних каменных стен, а по краям болота громоздились гниющие растения и влажные черные ветви мертвых деревьев.

Мьяонель, меж тем, продолжал объяснять:

— ...Это сердце переполнено желанием подчинять и властвовать. И хотя оно дает определенную силу для осуществления сего желания, стоит ли принимать ее? Я не вижу в этом выгоды. Стоит ли входить в замкнутый круг, из которого выбраться будет не так-то легко — да и не захочется выбираться, если я все же соглашусь стать здесь, на земле, живым божеством. Может быть, я совершаю ошибку, о которой горько пожалею впоследствии, но это сердце слишком непохоже на то, каким я обладал когда-то, и я не приму его. Найди другое.

Сказав так, он подошел к самому краю трясины, где барахтался Тайленар, и выпустил из рук драгоценный камень. Мерцающий кристалл упал в зловонную жижу и медленно исчез в ней, а Тайленар заплакал и закричал, обращаясь к волшебнику:

— Что же тебе нужно?

— Я уже сказал тебе: необычное, необыкновенное, незаурядное. Все то, что смогло возвыситься над своим естеством и стать чем-то большим, чем было изначально. Существа, сердца которых ты предлагал мне, порабощены своей собственной природой — пусть даже людям эти существа и кажутся необыкновенными и удивительными, но внутри своих собственных народов они не являются ничем выдающимся. И поэтому, о герой, если ты найдешь свинью, размышляющую о вечном, я скорее приму

ее сердце, чем сердце дракона или сердце этого глупого бога.

Помолчав, Мьяонель добавил:

— Ты уже дважды нападал на меня. Третий раз будет для тебя последним. А найти нового героя мне будет не так-то трудно, мальчик.

Он приказал болоту отпустить юношу, а сам, не обращая на него больше никакого внимания, удалился. И Тайленар зарыдал на краю вязкого темного озера, а потом, поднявшись, направился в обратный путь. И прошел еще один год, прежде чем он добрался до пещеры Гветхинг. По дороге он обращался к нескольким волшебникам, думая поменять нанимателя, но колдуны, услышав о том, что придется иметь дело с одним из Обладающих Силой, отказывались от этого предприятия. «Обратись к Обладателю какой-нибудь другой Силы, — советовали они юноше. — Мы же бессильны перед магией твоего тирана.» А когда Тайленар спрашивал о том, где можно найти одного из Повелителей Стихий, ему отвечали, что обитают они преимущественно в иных, далеких землях, и только Казориус по каким-то своим причинам поселился здесь, в глуши, в стороне от главных волшебных дорог.

И вот, настал день, когда Тайленар в третий раз увидел в конце узкой тропки меж двумя скалами старую грязную хижину. Он вошел в дом и рассказал о своей неудаче. Старуха посочувствовала ему и даже предложила еды, но он не стал есть в ее доме. На этот раз она поведала ему о некоем сокровище Морского Царя, каковое сокровище обладает воистину необычными свойствами — настолько необычными, что никому из живых неизвестно в чем они заключаются, и даже сам Морской Царь пребывает о том в неведении. Сокровище это имеет форму сердца, свитого из тонкой золотой сетки. Внутри же сетки заточена, под видом пульсирующего белого света, какая-то сильная магия.

Тайленар внимательно выслушал Гветхинг и подробно расспросил о дороге. Напоследок старуха сказала так:

— Ты должен поторопиться. Если промедлишь — все твои поиски станут напрасными, ибо твоя возлюбленная, находящаяся под властью тирана, с каждым днем приближается к смерти. Ведь Казориусу доставляют наслаждение мучения своих рабов, а ее раны с каждым разом заживают все медленнее.

И тогда юноша заскрежетал зубами от сильнейшей боли и ненависти, и отчаянье выбелило его лицо, сделав похожим на восковую маску. Через некоторое время, овладев своими чувствами, и окончательно решившись на то, что он замышлял во время всего обратного пути, он так обратился к старухе:

— Значит, если в пути меня что-нибудь задержит, или Мьяонелю не понравится и это сердце, моя возлюбленная умрет?

— Выходит, что так, мой мальчик. Тем более тебе следует оставить пустые разговоры и поскорее отправиться в дорогу.

— О нет, мудрая Гветхинг! Кажется, я нашел куда лучшее решение. Посмотрим, понравится ли Мьяонелю сердце самой лживой из всех шарлатанок, когда-либо живших на свете!

И он набросился на старуху. В тот же миг позади раздалось рычание — это собака и крыса, верные слуги Гветхинг, поспешили к ней на помощь. Но доспехи защитили Тайленара от их зубов. Волшебным мечом он убил крысу и поразил собаку, а затем снова обернулся к Гветхинг. Но ее уже не было на том месте. Воспользовавшись волшебным плащом, ведьма стала невидимой.

Долго Тайленар стоял посреди хижины, пялясь в пустоту, и пытаясь обнаружить старуху по скрипению половиц, но тщетно — потому что тот, кто носит волшебный плащ, становится неуязвимым, невидимым и невесомым. Однако когда юноша уже совсем отчаялся, то заметил крохотное серое пятнышко у самого пола — именно в этом месте в плаще имелась маленькая дырочка, прогрызенная мышью. Тайленар шагнул к этому месту, и содрал с ведьмы плащ, а потом, наступив на горло собственной чести, убил ее и вырвал из ее груди сердце. И в третий раз позвал Мьяонеля.

И когда Хозяин Безумной Рощи пришел, без слов протянул ему Тайленар еще трепещущее, теплое сердце колдуньи.

Мьяонель, взвесив в руке сей предмет, сказал так:

— Что ж, закономерное завершение жизни для такой пройдохи. Можно только удивляться тому, что прочие посетители не убили ее раньше. Скольких людей, магов и демонов одурачила Повелительница Глупости! Даже некоторые боги, говорят, были в числе ее жертв. Можно только позавидовать ее уму, хитрости и воле. Воистину, она была необычным существом даже среди нас, Обладающих Силой. Однако...

— Что на этот раз, будь ты проклят, чародей?! — Истошно закричал юноша.

— Однако, ее душа — душа женщины. Я могу уважать Гветхинг, но не приму ее сердца. Ведь если я приму его, то стану влюбляться в мужчин, а не в женщин, и начну интересоваться красивыми мальчиками, а не тем, что пристало мужчине. К чему мне такие сложности?

— Но моя невеста может умереть, пока я буду отыскивать тебе что-то новое!

— Мне нет дела до твоей невесты.

— Но как мне быть?!!

— Мне нет дела и до тебя тоже. Принеси мне сердце, которое я найду подходящим для себя — и тогда я выполню твою просьбу. Не раньше.

Все это Мьяонель произнес все тем же ровным равнодушным голосом, каким говорил с юношей и прежде, и Тайленару на миг представилось, что разговаривает он не с живым существом, а судьбой или смертью, или с ожившим чучелом, манекеном, машиной.

И тогда он прошептал:

— Может быть, мое сердце сгодится тебе?

— Возможно, — ответил Мьяонель. — Но сначала я должен его взвесить.

Тогда юноша снял доспехи и вскрыл волшебным мечом себе грудь. Он вынул из груди источник жизни и сосредоточие своей души, и, слабея с каждой секундой (ибо драконья кровь позволяла ему жить некоторое время даже и с такой раной), протянул свое сердце Мьяонелю. И Мьяонель бережно взял сей предмет из холодеющих пальцев юноши.

— Да, — сказал он. — Да. Сердце, умеющее любить и способное ненавидеть. Способное на подлость, но никогда не предающее себя само. Готовое без колебаний погубить целый город, чтобы спасти жизнь того, кого любит. Беспринципное, подлое, гордое, доверчивое, глупое. Это — лучшее из всего, что ты предлагал мне, и я принимаю твой дар. Умри с миром.

И юноша недвижно застыл у его ног. Кровь перестала бешено вытекать из его тела, теперь она лилась медленно, неохотно, широкой лужей растекаясь по хижине старой прорицательницы. Некоторое время Мьяонель еще стоял над трупом юноши, а потом сотворил волшебную дорогу и отправился в царство Казориуса. Сердце он пока поместил в хрустальную шкатулку — ибо посчитал неразумным являться в дом того, кого называют Повелителем Сердец, имея в груди нечто, подвластное его Силе.

В колдовском поединке он одолел Казориуса и подверг его страшнейшей для магов участи — сковав, отнес в Земли Изгнанников. Под небом той проклятой страны истощалась и приходила в упадок любая магия, и волшебник, поживший там некоторое время, неизбежно терял свой колдовской талант. Оставив Казориуса в Землях Изгнанников, Мьяонель поспешил обратно. Во дворце тирана, заняв его золоченое кресло, Мьяонель отыскал невидимые нити, которыми Казориус связывал сердца своих подданных и сущности тех вещей, до которых мог

дотянуться. Словно в центре грандиозной паутины оказался Мьяонель, и ощутил, как испуганно вибрируют нити, лишившиеся крепкой хватки Казориуса. Страна слабела с каждым часом, ибо из единого организма, в который превратил ее Казориус, неожиданно была вырвана самая важная часть — он сам. И земля рыдала, умоляя вернуть ей тирана, а люди, населявшие столицу, посылали проклятья тем силам, что унесли Казориуса и лишили их, его подданных, его благословленной власти.

И, наблюдая за судорожными движениями паутины, Мьяонель воззвал к своей Силе. И то, что было частью его собственной магии, то, что так презирали, боялись и отвергали люди, то, чего они гнушались и перед чем испытывали неодолимое отвращение — гниль, распад, безумие, умирание, яд и страх, и еще многое, подобное этому — вняло его призыву. Призрачные деревья Безумной Роши окружили его, ломая камни и стены дворца, тени затанцевали в сумрачном воздухе, а тяжелые гранитные глыбы, железные решетки и толстые балки исказились, как будто состояли из воска, и вот, вдруг, в центре их возник огонь и заставил воск таять и меняться. Своей Силой Мьяонель прикоснулся к волшебной сети — самому дорогому, что еще оставалось у людей той страны после исчезновения Казориуса. Сеть, как живая, корчилась и извивалась, не желая умирать, но огонь Мьяонеля, огонь гнили, огонь безумия и хаоса, огонь смерти и вырождения, уже коснулся ее, и сеть распалась, сожженная, источенная плесенью, изъеденная бесчисленными насекомыми. А потом Сила вернулась к волшебнику: будто миллиарды крохотных насекомых тел устремились к нему и скрылись в складках его плаща — и Мьяонель, оглядев разрушения, причиненные этому месту, сказал себе сам: «Договор исполнен.» И, вынув теплое сердце юноши из хрустального ларца, поместил средоточье души Тайленара себе в грудь.

По-прежнему сидя на золотом троне (это было единственное сидение в центральном зале дворца), он ждал изменений. Оболочка воли и силы, сгущенная вокруг сердца, растворялась в чародее, не оставляя следа, а его собственная магия проникала в новое сердце, переиначивая его, принимая в себя, заставляя двигаться и жить. В этот час все чувства Мьяонеля вдруг обострились — он услышал, как за окном продолжают изрыгать проклятья рабы бывшего тирана, возненавидевшие освободителя за то, что он лишил их ошейников, и презирая то особенное волшебство, к которому он был причастен; увидел — внутренним зрением — как разгораются на улицах города ссоры и драки, как подданные Казориуса бродят по улицам, словно слепые, как навеки замолкает земля, потерявшая своего господина, и засыпает, умирает, становится бесплодной. Он сидел на троне, смотрел и

слушал, оставаясь безучастным. Он ждал в себе перемен, а они медлили, и он уже стал опасаться, когда...

...Когда нечто острое ткнулось ему в грудь изнутри, наполнив пронзительной болью и всколыхнув давно забытые чувства. Он поднялся с трона, гордый, как король или бог, и почувствовал, как сердце ударило во второй раз, и в третий, и забилося ровно, став наконец его полноценной частью. И он почувствовал себя так, как будто долго спал, и наконец проснулся, был мертвым — и вдруг вернулся к жизни. Он вздохнул полной грудью и улыбнулся миру, который вновь наполнился смыслом.

После того, как произошло преобразование, он хотел сразу же покинуть дворец, и уже сплел заклятье, открывающее волшебную дорогу, как вдруг нечто остановило его. Он не мог понять природу смутного беспокойства, поселившегося в его душе, но чувствовал, что не все еще дела закончены в этом месте. И тогда он еще раз, более внимательно, чем раньше, оглядел пределы дворца колдовским зрением, подолгу задерживая взгляд на каждом предмете. Он еще не понимал, что именно ищет. Однако, заглянув в одну из комнат, он мгновенно понял, что удержало его здесь.

Он стремительно покинул тронный зал, прошел сквозь стену и, миновав несколько комнат (не затрудняя себя тем, чтобы входить в них и выходить через двери), оказался в помещении, где лежала возлюбленная Тайленара, девушка по имени Айнелла. Казориус жестоко издевался над ней все эти годы — она была страшно изувечена и сейчас медленно умирала, потеряв то единственное, что еще как-то могло поддерживать ее жизнь — ту нить колдовской сети, которая соединяя ее с Казориусом и давала силы жить для того, чтобы служить ему. Смятение и пустота царили в ее душе.

Приблизившись к ложу, Мьяонель исцелил ее тело и очистил от безумия ее разум — поскольку его Сила могла не только приносить безумие, но и изгонять его. И, глядя на эту женщину, он почувствовал, что не может жить без нее, что любит ее больше, чем свою жизнь, и чтит выше, чем честь, и что готов на все ради нее. Это сердце Тайленара потянулось к предмету своей любви — сердце безумного юноши, что пожертвовал жизнью и душой ради Айнеллы.

И когда женщина, лежавшая на ложе, придя в себя, поднялась на ноги, Мьяонель опустился перед ней на колени.

И когда она спросила его, кто он, он ей ответил. Тогда она спросила, почему он называет ее своей госпожой. Он сказал, что любит ее. Он посчитал лишним скрывать от нее то, что наполняло его душу и стало для него отныне высшей ценностью и смыслом. Однако девушка ответила, что любит другого. Заплакав, она рассказала, как Казориус своими чарами

подчинил ее, и, разлучив с женихом, заставил забыть о нем... однако теперь чары спали, и она должна найти Тайленара. Потому что она не может жить без него и любит его больше, чем свою жизнь, и чтит выше, чем честь. Может быть, Тайленар простит ее, а может быть — убьет, покарав за измену, но, так или иначе, она должна отыскать его.

И тогда душой Мьяонеля овладели смятение и жгучий стыд — ибо теперь, имея сердце, он посчитал способ, которым заполучил его, низким, бесчестным и недостойным. Он не смог скрыть от Айнеллы того, что ее возлюбленный мертв. Спроси она, что послужило причиной его смерти, он рассказал бы ей, потому что не мог ей лгать, ибо сердце Тайленара кричало от боли и сжималось от счастья, когда глаза Мьяонеля смотрели на девушку.

Но она не спросила. Она медленно вышла из комнаты и пошла по дворцу — и с каждым шагом походка Айнеллы становилась все быстрее и увереннее. Она вышла на широкий балкон, нависавший над пропастью, и некоторое время смотрела на море, разбивавшееся о прибрежные скалы, и на небо, выбеленное южным солнцем. Ветер, играя, путал ее длинные волосы. Потом она повернулась к Мьяонелю, безмолвно стоявшему за ее спиной.

— Ты говоришь, что любишь меня, — сказала она Хозяину Безумной Роши. — Насколько искренна твоя любовь?

— Для меня не существует никого, кроме тебя. Скажи — и я сделаю для тебя все, что ты захочешь, исполню все, что ты потребуешь, ибо я — волшебник, и многие недоступные людям силы подвластны мне.

— Вот как, ты волшебник? Скажи, можешь ли ты воскресить моего возлюбленного, Тайленара? Я отдам тебе за это все, что ты ни попросишь — свое тело, если ты этого хочешь, или свою душу, если она зачем-то будет тебе нужна. Может быть, тебе требуется служанка? Я готова расстаться со своей свободой. Или моя молодость и красота? Я отдам и их тоже.

— То, о чем ты просишь, невозможно, — промолвил Мьяонель, отвернувшись. — Я не властен над мертвыми.

И, отвечая так, он слегка покривил душой — при желании, с его-то фантазией и изворотливостью, он наверняка смог бы каким-нибудь образом выманить у Бога Мертвых парочку усопших, или даже попросту украсть их. Но Тайленара не было среди мертвых, ибо он добровольно отказался не только от своей жизни, но и от самой души. Вернуть его было невозможно — и в этом Мьяонель не лгал.

Айнелла ничего не сказала в ответ. Отвернувшись к морю, она еще

несколько минут смотрела на далекую, смутную линию горизонта, где сходились небо и вода. Мьяонель не беспокоил ее — он ждал, надеясь, что девушка сможет забыть того, кого теперь вернуть невозможно, и повернется к нему. Мьяонель был слеп, как слепы все влюбленные.

Наконец девушка оглянулась.

— Найди моих родителей, — сказала она спокойно, — и спроси их, согласны ли они на нашу свадьбу. Возвращайся и сообщи мне их решение. Я покорюсь их воле. Иди.

И Мьяонель ушел. Убежал. Спустя несколько секунд он уже стоял перед домом родителей девушки. Не потребовалось много времени, чтобы познакомиться с ними и обаять их: Мьяонель скрыл от них свою истинную природу, а так же то, что именно он уничтожил Казориуса и его магию. Мьяонель предстал перед родителями девушки в облике молодого человека — без сомненья, богатого, и без сомненья, благородного происхождения. Могли ли родители Айнеллы желать для нее лучшей доли в беспокойное время, наступившее после крушения власти тирана? Они согласились. И Мьяонель поспешил к девушке...

Айнелла, меж тем, отправила волшебника к своим родителям вовсе не для того, чтобы дожидаться их ответа. Ей нужно было избавиться от этого нового ухажера, чтобы без помех осуществить задуманное. Как только Мьяонель скрылся из глаз, Айнелла поднялась на широкие мраморные перила. Боль и вина не жгли ее сердце — нет, они спалили его дотла, оставив лишь пепел, ледяное безразличие и к жизни, и к смерти. Она обвиняла себя в смерти Тайленара — ведь из-за нее он стал изгнанником, из-за нее в конце концов погиб где-то на чужбине. Не улыбаясь и не плача, не боясь и не колеблясь — только надеясь, что сможет догнать своего возлюбленного на той дороге, которой следуют все мертвые — она шагнула вниз, с балкона — в бездну. Ее тело, рухнув с высоты более полумили, разбилось об острые прибрежные скалы. И когда Мьяонель возвратился на балкон, там уже давно никого не было.

Когда он понял, что произошло, пустота и пепел, оставленные на земле Айнеллой, переселились в его душу. Он взглянул на бесстрастное, холодное море, упал на колени перед небом и закричал:

— Нет!..

Но ничего не изменилось: Айнелла не воскресла из мертвых, жертва не воспылала любовью к своему палачу, волшебная дорога не унесла Мьяонеля вопреки его воле на секунду раньше, чем беспокойство заставило его продолжить поиски во дворце, Тайленар не отказался от своего решения, Гветхинг не закрыла двери перед своим старым знакомым.

Все было по-прежнему, и все оставалось так, как было.

И вот тогда, на мраморном балконе над морем, Мьяонель проклял тот час и день, когда решил вернуть себе сердце, и ту радость и счастье, которые он испытал, принимая его.

УЧЕНИК

(история четвертая)

Необычная весть облетела город: Эваррис, старый колдун, на равных общавшийся с Повелителями Стихий, знавший пути движения всех мировых сфер и неоднократно посещавший иные реальности, находящиеся за границами видимого мира, взял себе молодого ученика. Поговаривали, что ученик явился к нему ранним утром, но никто — ни стражники, стоящие на часах у городских ворот, ни нищие, выклянчивающие подавание у путников, ни мелкие торговцы и лоточники — не видели, как он подходил к городу и как проходил через ворота. Ученика заметили лишь недалеко от обители Эварриса: твердой, уверенной походкой молодой человек шел к его дому. Юноша был высок ростом, облачен в черные и серые одежды, держался прямо и смотрел так, будто в целом городе никого больше, кроме него, не существовало. У него были резкие черты лица, острый подбородок, и тонкий, чуточку слишком длинный нос. Шел он быстро, и от того черный плащ за его спиной походил на развевающиеся крылья. Подойдя к дому Эварриса, он постучался, и его пустили. Далее юноша говорил с управляющим Эварриса, и поведал тому о том, кто он и какова цель его визита. Сам волшебник в тот день не смог принять его, ибо расчеты, которые он делал для одного из Обладающих Силой, Лорда Келесайна Майтхагела, требовали всего его внимания. Юноша был терпелив, более того, он сообщил, что именно Келесайн послал его к Эваррису с тем, чтобы старый звездочет обучил его своему искусству. Управляющий отвел юноше самые лучшие гостевые комнаты в доме и обещал сообщить своему господину об этом деле, как только тот освободится. Вечером, в кабачке, управляющий рассказал о прищельце своему приятелю, приятель, под большим секретом — жене, жена — любовнику, а тот — еще кому-то. Так по городу поползли слухи. Поговаривали, что появление ученика в доме старого мага — часть таинственной сделки, заключенной между Эваррисом и жрецами Бога Света, но о подробностях той сделки никому толком ничего не было известно, и от того каждый болтал все, что ему вздумается.

Меж тем, Эваррис завершил работу с приборами, измеряющими вес солнечных и лунных лучей, а так же с теми, которые улавливали

невидимый свет, посылаемый светилами в миры духов. Произведя некоторые расчеты, он включил новые данные в систему, которой несколько месяцев назад смог заинтересовать Келесайна и прочих жрецов Бога Света; теперь он был уверен, что сможет более точно предсказать время и место некоего события, которого все они ожидали. В то время управляющий вошел в его покои и доложил о юноше. Эваррис с радостью принял гостя. Он приказал накрыть стол и пригласил юношу разделить с ним трапезу; также он осведомился об имени своего будущего ученика. Ученик назвался Гетмундом; с большим вниманием следил он за речью старого колдуна, с почтительностью обращался к нему, но не забывал и о собственном достоинстве. Эваррису понравился присланный Келесайном ученик, но он не мог не спросить, почему же сам Келесайн не пожелал учить его.

Гетмунд с грустью вздохнул.

— Увы, — сказал он, — Лорд Келесайн — в высшей степени достойный человек, но прежде всего он — жрец Света, хотя формально, став одним из Обладающих Силой, вряд ли теперь может считаться таковым. Но по духу он жрец и нетерпим ко всему, что не укладывается в веру, в которой он воспитывался с детства. Я же не признаю никакой религии, даже самой светлой и чистой, потому что быть чьим-либо рабом, даже рабом Бога — позор для всякого, рожденного свободным. С Келесайном нам трудно было найти общий язык, и во избежание непонимания он послал меня к вам, к человеку, к которому он относится с безусловным уважением; кроме того, меня чрезвычайно интересует искусство, позволяющее рассчитывать движение небесных тел и иномировых сфер, а Лорд Келесайн, Повелитель Молний, не очень силен в этом искусстве.

— Что ж, — промолвил Эваррис. — Я буду рад обучить тебя всему, что знаю, хотя должен сообщить тебе, что это потребует немало времени и терпения — ты можешь состариться, прежде чем изучишь эту науку.

— Как и каждый смертный человек, — ответил юноша, — я состарюсь не раньше и не позже отмеренного срока. Не в моих силах увеличить или уменьшить число дней, остающихся до смерти, и от того почему бы не посвятить их чему-то большему, чем шумные развлечения и однообразные удовольствия? Вдобавок, если учиться этой науке велит мне не только ум, но и сердце? Вдобавок, если учителем моим станет человек, о котором даже Обладающие Силой отзываются как о мудреце и к словам которого часто прислушиваются?

Этот ответ пришелся по душе Эваррису. Он поднял кубок за здоровье

Гетмунда. Юноша, казалось, смутился, хотя и постарался не показать этого. Затем Гетмунд так обратился к старому волшебнику и звездочету:

— Позвольте спросить вас, наставник, отчего сей город имеет столь странную форму? Одной частью он примыкает к морю, другой — к лесу, третьей — к холмам, четвертой — к пастбищам, но центр его, как я видел, пустует? Этот город подобен узкому кольцу: в его середине имеется лишь песок, разбросанные в беспорядке камни, и высокий замок с четырьмя башнями — однако, и это видно даже издалека, замок сей давным-давно необитаем.

Помрачнело лицо старика, и он скорбно покачал головой.

— Вопрос твой — как нож по застарелой ране, и нелегко мне отвечать на него. Знай, что некогда здесь был большой процветающий город, с высокими башнями, черепичными крышами, и неприступной цитаделью в своей сердцевине. В той цитадели обитал могущественный волшебник, Агравис Мудрый, и я во время оно был всего лишь одним из младших учеников его. Случилось так, что знания, которыми обладал мой учитель, вызвали сильную зависть одного из полубогов, из числа тех, чьи деяния мерзки, помыслы черны, а Силу свою заполучили они, вероятнее всего, по ошибке или благодаря удачному стечению обстоятельств. Имя того колдуна — Гасхааль, Повелитель Ворон. Прозван он так от того, что владеет сиими тварями и превращает в них тех колдунов, которых ему удастся победить в поединке, знания же их и силы он забирает себе. В один из дней он напал на замок моего учителя и сразился с ним на колдовской дуэли. Мой учитель проиграл бой и тогда Гасхааль поработил его душу и подверг той же участи, которой подвергал прочих своих врагов, и всех учеников Агрависа постигла та же судьба. Я один избежал этого, ибо в тот день не находился в замке, но я был в городе, и наблюдал, как рушится замок моего учителя, и как от сотрясения разваливаются окрестные дома, и как огромная воронья стая взлетает над замком и городом, ибо не только обитателей цитадели превратил Гасхааль в птиц, но и многих жителей города. Зачем? — спросишь ты. Со злобы, или со скуки, только лишь и всего, потому что других причин у Гасхааля не было.

Тут Эваррис ненадолго замолчал, и погрузился в тяжелые воспоминания, а юноша не спешил прерывать это молчание.

— Через некоторое время, — продолжил Эваррис, — город частично отстроили, но люди все еще боятся селиться в центре. Говорят, что там до сих пор обитают прежние горожане, превращенные в ворон, и что каждый, кто войдет в старый замок, будет проклят и станет слугой Гасхааля, ибо его чары по-прежнему действуют там. Это, конечно, только пустые слухи — я

сам неоднократно был в замке, и знаю, что никакой магии там нет, но так же я видел среди развалин огромное количество тех отвратительных птиц, которыми повелевает Гасхааль. Я так и не смог понять, что они потребляют себе в пищу вот уже многие годы — ведь эти вороны никогда не покидают стен старого замка. Одно время я пытался истребить их — магией, ловушками, ядами, стрелами — но от этого, казалось, их численность только увеличивалась.

— Но ведь среди тех птиц могли быть ваши знакомые, ваш учитель, и другие его ученики? — Осторожно молвил юноша. — Отчего же вы не попытались спасти их?

— Это бесполезно, — яростно сверкнул очами Эваррис. — Не существует чар, могущих вырвать пленников из-под власти Гасхаала. Он сотворяет с ними нечто худшее, чем обыкновенное превращение человеческого тела в птичье: он также меняет их души, а эти изменения необратимы. Если рука вывихнута из сустава, можно вправить ее, если сломана — можно наложить шину, но что делать, если она отрублена? Так же обстоит дело и с теми, кого подчинил себе Гасхааль — вернуть им прежний облик невозможно, потому что они лишены не только своих тел, но и душ.

— Отрезанную руку можно нарастить при помощи волшебства, — сказал Гетмунд. — Мне это не под силу, но опытный волшебник даже и такую рану излечит без труда.

— Не спорю. Но с помощью какого волшебства ты будешь наращивать душу?

На это Гетмунд не нашелся, что ответить.

— Однако, — сказал он затем, — если могущество Повелителя Ворон так велико, вы поступили очень смело, убивая его подданных. Неужели вы не опасались того, что он может пожелать отомстить вам?

— Отомстить мне? — Гневно переспросил Эваррис. — Нет, это он — мой кровник! И я знаю — наступит время, когда я возьму с него виру за всех своих друзей и близких. Это время уже близко. И когда оно придет, все могущество Повелителя Стихий не поможет Гасхаалу!

— Но как же вы надеетесь одолеть его, наставник?

— Ты прав, — внезапно успокоившись, сказал Эваррис. — Пока я не могу равняться в силе с Гасхаалем. Ведь он — один из Обладающих Силой. Однако и я вскоре стану одним из Обладающих, и тогда сама судьба решит, кто из нас двоих более достоин жизни, а кто — мучительной смерти.

Измумлился юноша, и с большим удивлением взглянул на старика.

— Каким же образом вы обретете Силу, мой господин?

Старик некоторое время не отвечал, пристально поглядывая на собеседника, юноша же, придя к мысли, что задал бестактный вопрос, вновь смутился и стал путано объяснять, что вовсе не пытался выведать у Эварриса никаких секретов и тайн. Так же он просил простить его чрезмерное любопытство.

— погоди, — прервал его старик. — Ведомо ли тебе, какую сделку заключили мы с твоим бывшим учителем, Келесайном Майтхагелом?

— Нет, — ответил Гетмунд. — Мне известны лишь слухи, ходившие среди младших жрецов Света. Говорили, будто где-то должны явиться к бытию новые Земли, и будто вы, лучший из звездочетов, сможете точно рассчитать место и время рождения тех Земель.

Старик кивнул, соглашаясь. Он перестал сверлить взглядом лицо собеседника, и выискивать на нем следы жадности, трусости или склонности к предательству. Кажется, он пришел к какому-то решению.

— Это так, — подтвердил он слова Гетмунда. — В скором времени должен родиться новый мир. Ты знаешь о множественности миров, ученик?

— Да, конечно. И не только из книг — я имел случай лично убедиться в истинности сего учения. Ведь наш храм находится в совсем другом мире, где небо иного цвета, но Келесайн привел меня сюда по волшебной дороге между мирами.

— Ах, да... Конечно, ты ведь должен об этом знать. Тем лучше. Слушай... Миры, или Земли, как их еще называют, имеют свое начало и свой конец. Спорят о силах, которые вызывают их к существованию: некоторые полагают, что миры — творения богов, но вот что я скажу тебе: не всегда небожители имеют отношение к образованию новых Земель. Более того — я полагаю, что они не создают их, а лишь занимают и переделывают по своему усмотрению. Боги будят их силу, приносят семена жизни, населяют своими созданиями. Так было со многими древними мирами, и в том числе — с тем, в котором мы сейчас находимся. Однако известно, что уже многие тысячелетия боги не интересуются жизнью Земель и делами тех, кто их населяет. Известно также несколько случаев, когда проходили долгие века, прежде чем небожители замечали — чаще всего благодаря какой-нибудь случайности или дотошности своих служителей — появление новых Земель. Таким образом, вряд ли старые боги сумеют опередить тех, кто захочет первыми войти в новый мир и овладеть его силой, и вряд ли разгневаются, когда узнают, что это уже произошло.

— Какой же силой овладеют те, кто прежде других вступят на твердь

новых Земель?

— Как я уже говорил, новый мир подобен спящему. А разбудить его силу может не только бог, но и волшебник, если он достаточно искусен. Ты спросишь: что произойдет тогда? Я отвечу: не знаю. Возможно, те, кто подчинят себе стихии нового мира, станут в нем богами. Возможно — лишь обретут бессмертие. Возможно — получают знания и силы, которых нет больше ни у кого в этих мирах.

— Но для чего, в таком случае, Келесайну понадобилось обращаться к вам за помощью? Ведь он — великий волшебник, и без труда найдет дорогу в любой мир.

Усмехнулся старик, услышав эти слова.

— Нетрудно попасть в мир, который давно существует и волшебные пути в который уже хорошо изведаны. Однако рождающийся мир не таков. В определенном смысле, он только приближается к упорядоченному мирозданию — чем он ближе, тем больше дорог соединяет его и остальные миры. Уже сейчас где-то есть два или три места, откуда можно открыть в новый мир волшебные дороги, но мне эти места неизвестны, а расчеты их координат заняли бы несколько десятилетий кропотливейшей работы. Поэтому я выяснил местонахождение тех точек, которыми можно будет воспользоваться только лишь через год или даже полтора, если считать от сегодняшнего дня — но и на то, чтобы произвести сии вычисления, я потратил почти восемь лет, и потрачу еще два или три месяца, чтобы окончательно убедиться в верности сделанных расчетов.

— Однако, — с сомнением сказал юноша, — в таком случае, мне трудно понять, почему вы, наставник, так легко поделились своими знаниями с Лордом Келесайном — и говорят, еще с несколькими другими Обладающими Силой.

— Мы заключили равную сделку, — покачал головой Эваррис. — Я укажу им места, откуда можно будет открыть тропу в новорожденные Земли, а твой бывший учитель и иные Лорды причастят меня к одной из тамошних стихий. Ибо я сам не в силах буду коснуться их, потому что я — не Повелитель Стихий. Твоего же учителя я выбрал потому, что он — человек чести и сдержит данное слово, и в этом я полностью доверяю ему. Да и среди остальных Лордов нет никого, кто запятнал бы в прошлом свою честь недостойными или низкими поступками. Я верю — это будет новый, чистый мир, и могущество, которое он даст своим первым насельникам, не употребиться бездарно или во зло.

— Воистину, хотелось бы верить в это, — согласился юноша, склонив голову. — Но каким образом вы определяете местоположение тех

областей, откуда, в определенное время, можно будет открыть волшебную дорогу? Чем вы руководствуетесь в своих исчислениях?

— А вот это, — назидательно молвил Эваррис, — и будет тем, чему, в числе прочего, я стану тебя учить. Теперь же, поскольку время трапезы миновало, пойдём в мою лабораторию, где ты увидишь устройства, которыми нам придется пользоваться в нашей работе, и узнаешь об их назначении.

Они встали из-за стола и отправились вглубь дома. Там они поднялись по спиральной деревянной лестнице и очутились на верхнем этаже, где перемишки между комнатами были давно снесены и весь этаж был превращен в единое помещение с тремя основными частями. В центре возвышался огромный телескоп, стоявший на круглом железном основании. Желая воспользоваться своим прибором должен был подняться по двенадцати ступеням металлической лестницы, сделанной в том основании. Сидя в кресле у телескопа, посредством хитроумных механизмов можно было поворачивать телескоп вместе с верхней частью основания, не поднимаясь с места и не прибегая к помощи слуг. Было заметно, что сложность сего устройства изумила Гетмунда, хотя он и постарался не выказать удивления. Над телескопом юноша заметил полупрозрачный купол, разделенный на две половины. Эваррис сообщил ему, что купол можно раздвигать и опускать, он даже показал юноше, как можно достичь этого. Далее они перешли в правую часть залы, где были расставлены иные приборы: серебряные весы, ловушки для воздушных потоков (выглядели они подобно изогнутым, перевитым друг с другом трубам), золотые и бронзовые зеркала, установленные напротив друг друга, солнечные часы с шестнадцатью иглами вместо одной, планшет с листом бумаги, на котором металлическая рука зажатые меж пальцев пером вычерчивала кривые линии, и ни к чему не прикрепленный хрустальный шар, вокруг которого в разных направлениях двигались металлические кольца. Крыша над этой частью залы также могла отодвигаться, и даже имелся специальный подъемник, позволявший старому колдуну подниматься на крышу, чтобы, скажем, измерить вес солнечных лучей на рассвете или на закате, когда прямой солнечный свет еще не был в силах проникнуть в комнату.

В третьей, наименьшей части комнаты находился широкий стол и два шкафа с книгами и бумагами; звездные карты и необычные диаграммы занимали почти все свободное место: свернутые или развернутые, установленные на специальных приспособлениях, или небрежно разложенные на полу и закрепленные чем попало, сложенные вдвое,

вчетверо, в восемь раз, перевязанные ремешками, порванные, почти выцветшие и совсем новые. На столе, среди карт, лежало множество иных бумаг: листы с цифрами и астрологическими символами, а также с таинственными обозначениями на неизвестных языках.

— Воистину, великую работу проделали вы, наставник, — сказал Гетмунд, созерцая эту грудку листов, исперщенных замысловатыми записями. — И мне кажется даже, что нет ничего, что могло бы ускользнуть от вашего пронизательного ума, властвующего над своими формулами. И в самом деле — существует ли что-либо, что вы не смогли бы взвесить, высчитать, разложить на составляющие, соотнести с какой-нибудь схемой, или как-нибудь еще классифицировать?

Эваррис выпрямился, улыбаясь, ибо эта похвала приятно польстила ему, но в ту же минуту улыбка исчезла с его губ, а добродушное выражение глаз сменилось яростью — ибо он заметил, что на ближнем к его рабочему столу подоконнике важно разгуливает ворона. С проклятьями Эваррис кинулся к ней, желая прогнать, однако ворона, вместо того, чтобы улететь прочь от сего дома, вывернулась из-под самых рук астролога и закужилась по комнате. Поскольку в средней части комнаты потолок был очень высок, достать ее или даже прогнать было никак невозможно. Это обстоятельство расстроило Эварриса. Пока он раздумывал, как бы прогнать ворону, Гетмунд задал ему еще один вопрос:

— Скажите, наставник, известна ли вам внешность вашего врага, Вороньего Лорда?

— Нет, — покачал головой Эваррис, все еще размышляя, как избавиться от напасти. — Мы, слава небесам, с ним никогда не встречались. Впрочем, я примерно знаю, каков его облик, по некоторым описаниям, сделанным теми, кто лично видел его.

Затем Эваррис подошел к рычагу, повернув который, можно было открыть купол над телескопом: он полагал, что ворона немедленно воспользуется появившимся отверстием и уберется из его дома. Однако, когда купол начал открываться, старик заметил, что вблизи купола находится еще несколько ее товарок — с хриплым карканьем они взлетали и снова садились на расходящиеся створки, явно недовольные тем, что их лишили опоры для ног. Некоторые из них своим пометом тут же испачкали стекло и трубу телескопа, чем привели старого звездочета в неопишное бешенство. Пока он поворачивал рычаг обратно, чтобы закрыть купол, ученик его вновь заговорил, и на этот раз в его словах сквозили насмешка и неприкрытое пренебрежение:

— Скажи, мой трудолюбивый наставник, где хранятся бумаги с

окончательными результатами твоей работы? На этом ли столе, или ты каждый раз прячешь их в какое-нибудь потайное место?

Повернувшись к ученику, Эваррис заметил, что облик Гетмунда неуловимо изменился — казалось, что он стал еще выше и сухощавее, черты его лица еще больше заострились, а волосы приобрели иссиня-черный цвет, и заблестели, как будто были намазаны жиром или покрыты тонким слоем стекла. И когда ворона, кружившая доселе по комнате, уселась к нему на плечо, Эваррис потерял всякие сомнения относительно того, кто посетил его дом. Он кинулся к письменному столу, желая собственными руками изорвать бумаги, над которыми так долго трудился, но не успел пробежать и половины расстояния, как шесть или семь крылатых бестий обрушились на него со всех сторон. Они били его крыльями, рвали когтями, вцеплялись в одежды и волосы, и безжалостно долбили голову острыми клювами. Эваррис поднял руки, защищая лицо — но вороньи клювы в несколько ударов изуродовали его руки, а когда он опустил руки — немедленно выклевали ему глаза. Тогда Эваррис упал, орошая пол лаборатории своей кровью; твари же как будто успокоились и уселись ему на живот, ноги и грудь. Гетмунд — вернее, стоит называть пришельца его истинным именем — Гасхааль подошел к ослепленному звездочету. Одежды его к тому времени стали сплошь черными, черты лица завершили изменение, явив уже не юношу, но сорокалетнего мужчину, а зрачки глаз сделались подобны птичьим. Он наклонился над побежденным стариком.

— Я задал вопрос, — сказал он, — и желал бы услышать на него ответ столь же исчерпывающий, как и на все предыдущие, что я задавал тебе за обедом.

Но поскольку старик не отвечал ему, а лишь изрыгал проклятья и мешал слезы с кровью, Гасхааль заговорил снова.

— Глупец, неужели ты полагал, что сможешь равняться со мной? Если ты задумал месть, не следовало так часто говорить о ней. Или ты думал, что моих ушей не достигает то, что слышат мои подданные? Или, может быть, ты полагал, что у меня не найдется знакомых в числе тех Лордов, которым ты открыл свои замыслы и с которыми заключил сделку? Келесайн Майтхагел могуч и искусен в магии, но по возрасту в сравнении со мной он — мальчишка, и я не раз беспрепятственно, будучи невидимым, ходил по его храму, а о большинстве его поступков и тайных предприятиях мне исправно доносили мои слуги. Спрашиваю тебя снова, звездочет: где лежат бумаги с последними расчетами, ибо на то, чтобы копаться в твоих записях и разбирать кривые закорючки у меня нет ни времени, ни желания.

Но старик снова ему не ответил.

— Хорошо же, — сказал Гасхааль, поднимаясь, — когда я спрошу тебя в четвертый раз, ты будешь более учтив со мной.

И с этими словами он распахнул плащ, внутренняя подкладка которого — темнота, и темнота эта пришла в движение. Сотни птиц покинули плащ Гасхааля и мгновенно заполнили всю комнату; там же, где лежал старик, их оказалось особенно много. Некоторое время клубок вороньих тел, образовавшийся на этом месте, шевелился и судорожно дергался, но потом эти судороги прекратилось. Спустя короткое время Гасхааль повел рукой, прерывая пиршество своих подданных. Вороны с карканьем разлетелись в разные стороны, открыв то, что осталось от звездочета — обрывки одежды и кости с лоскутками мяса. Тогда Гасхааль сделал еще один жест, и кости пришли в движение. Они сильно уменьшились, изменили форму и вновь обросли мясом. Пальцы на руках вытянулись и стали крыльями, челюсть выдалась вперед и превратилась в клюв. Затем мясо покрылось кожей, а из кожи тут же проросли пух и перья. Еще миг — и преобразование закончилось. Птица ожила: встопорщив перья, она повела головой из стороны в сторону и негромко каркнула. Она ничем не отличалась от остальных своих товарок, разве что кончики крыльев у нее были посветлее и как будто вымазаны в чем-то красном. Еще несколько мгновений Повелитель Ворон рассматривал свое новое создание, проверяя, на месте ли находятся ее внутренние органы и в согласии ли друг с другом действуют части тела, а затем, удовлетворившись осмотром, поманил ее пальцем. Ворона взлетела и уселась к нему на второе плечо, разевая клюв и поворачивая голову из стороны в сторону; Гасхааль подошел к письменному столу, согнал с него прочих птиц, и спросил:

— Где нужные мне бумаги?

— Пергамент вблизи твоей левой руки, Повелитель, — ответила ворона, сидевшая на левом плече, — нет, не этот. Дальше.

— Этот? — Спросил Гасхааль, беря следующий.

— Да, — прокаркала птица.

Гасхааль рассеянно кивнул, изучая написанные на пергаменте цифры, а временами, когда встречал какое-либо неизвестное обозначение, он советовался с вороной, сидевшей у него на левом плече. После того как ворона разъяснила ему смысл всего, что там было написано, он, в знак поощрения, погладил ей крылья и почесал шею. Затем он присоединил эту птицу к остальной стае и тут же забыл о ней.

Покинул он город сообразно с установившейся традицией: каждого, кого встречал на своем пути, он превращал в птицу и присоединял к своей

стае. После его ухода горожане, оставшиеся людьми, вскоре покинули это место, поскольку посчитали его проклятым: ведь уже дважды Гасхааль приходил сюда, и никто не желал дожидаться его третьего появления. Торговцы и путешественники стали за милю обходить это место. Прошло несколько лет, и старое название города забылось: его стали называть Вороньим Городом, ибо в домах, постепенно приходивших в негодность, и в развалинах старого замка по-прежнему обитали неисчислимые вороньи стаи.

ЗЕРКАЛА

(история пятая)

Это рассказ о Лорде Келесайне, Повелителе Молний, о Талиане, его сестре, и об отце их, чернокнижнике Валларэнсе Майтхагеле.

Отец Келесайна и Талианы был знаменитым чернокнижником в Одиноких Землях. Валларэнс Майтхагел не был Обладающим Силой и не умел путешествовать по мирам, он даже не подозревал о том, что кроме видимого мира, существуют еще многие другие, населенные созданиями из плоти и крови. Отец Келесайна и Талианы общался с тенями и обитателями Преисподней, он мог оживлять покойников и насылать порчу, убивать взглядом и подчинять своей воле. Этим, по существу, исчерпывались все его таланты, но в Клэреше, Одиноких Землях, как уже сказано, он считался великим чернокнижником. Однако ж и великие чернокнижники нуждаются в питье и сне; не чужды им и плотские желания. Келесайн был плодом связи Валларэнса с какой-то деревенской девкой. Поскольку Валларэнс был некрасив, вызывал у людей страх и отвращение, он брал силой или чарами то, что не мог добыть иными способами. Девушка, которую он обесчестил, была изгнана из деревни, а ребенок ее отдан в храм Бога Света — с тем, чтобы жрецы определили, что надлежит делать с чародеевым отродьем и как правильнее его умертвить. Однако жрецы не нашли в мальчике никакого явного зла и не стали предавать смерти невинное дитя: вместо того они воспитали его и обратили к Свету, обучили грамоте, молитвам и обрядам. Так Келесайн стал послушником, а потом и жрецом, и ничем не отличался от всех прочих служителей Бога Света, кроме разве что некоторого таланта к волшебству, с развитием которого, впрочем, его учителя были очень осторожны. В возрасте уже совершеннолетнем узнал Келесайн о своем происхождении и о том, что отец его был черным магом, и что от того должен он, Келесайн, с большой опаской ходить по краю бездны, которая есть волшебство, ибо риск сорваться в ту бездну для него более велик, чем у всех прочих смертных — а ведь даже имея самые благие цели, легко вступить на дорогу, приводящую в преисподнюю. Келесайн много молился и просил Бога Света отворотить его от зла; он не просил о силе, чтобы бороться со злом, но о том, чтобы суметь правильно воспользоваться и нынешними своими небогатыми талантами к магии, не

переступив черту, за которой добро превращается в свою противоположность. Так проходили годы; Келесайн сделался одним из доверенных лиц настоятеля храма и много разъезжал по стране; одно время он даже был советником короля и его исповедником. Тогда же он узнал и о дальнейшей судьбе своего отца.

Вскоре после описанных событий, Валларэнс, преследуемый солдатами и священниками, был изгнан из тех мест, где обитал прежде. Его неоднократно пытались изловить или убить, но удача улыбалась чернокнижнику, и он благополучно избежал всех ловушек. На границах страны он вошел в банду разбойников и вскоре занял там место главаря. Под его руководством разбойникам неизменно стал сопутствовать успех во всех их предприятиях. Банда быстро разрослась, к ней примкнули подвергнувшиеся изгнанию и опале, беглые каторжники, бродяги и иные лихие люди. Наконец, они захватили один из граничных замков тамошнего королевства; Валларэнс объявил себя местным сеньором и стал снимать с окрестных поселян большую дань. Людей под его началом служило теперь много, и война с ним должна была привести к большой крови; возможно, король и не стал бы начинать войну, однако Валларэнс не оставил своих прежних занятий, но, напротив, еще больше углубился в некромантию и чернокнижие, и от того слух короля сотрясали тысячи жалоб и просьб покончить с исадием бездны, пресечь осквернение могил и жестокие пытки, которым Валларэнс подвергал всех, попадавших в его замок. Король спрашивал совета у Келесайна и даже предлагал ему возглавить тех священников и светлых чародеев, которые отправятся в этот поход. Келесайн к тому времени был далеко уже не молод и весьма преуспел в экзорцизме, исцелении и подобных тому областях, кроме того, он был хорошим стратегом и неоценимым советником — но он отказался. Отца Келесайн ненавидел, но не желал пользоваться удобным случаем с тем, чтобы рассчитаться с ним — не желал давать ненависти над собой волю и мстить родителю хотя бы и под маской справедливости. Он вернулся в храм, а вскорости вместо него во дворец прибыл другой жрец. Грянувшая война была неудачна для служителей Бога Света и бесславна для короля — война эта затянулась надолго, и закончилась тем, что король заключил мир с чернокнижником. Его вынудила к тому порча, которую Валларэнс напустил на половину страны, и многочисленнейшие болезни, истребившие с самого начала похода куда больше солдат в королевском войске, чем полегло во время битв и сражений — а жрецы и чародеи были бессильны пресечь эту порчу. Говорят, что вскоре после того, как разошлись известия о заключении сего унижительного мира, Келесайну, во

время молитвы, была дарована Сила, но если это так, то он — единственный, кому Сила была дарована столь легко, и притом посредством обращения к божеству, что вдвойне странно, ведь Повелители Стихий не служат никому, кроме себя самих, каким бы образом не пришла бы к ним эта власть, и если Бог Света и в самом деле был тем, кто наделил Келесайна Силой, то, поступив так, он навсегда отказался от власти над его душой и исключил его из числа тех, пред кем, после смерти, откроются двери его небесных чертогов. Возможно, он признал его достойным свободы — единственного из числа своих служителей. Возможно.

Так или иначе, но, обретя Силу, Келесайн отправился в обиталище своего отца и врага. Заклятья Валларэнса не смогли сдержать его, а слуги не имели власти как-либо повредить Келесайну. Келесайн не стал убивать своего отца или пленять его, он лишь выжег у того всякие способности к магии и разрушил все чары, которыми Валларэнс оплел замок и окрестные земли, а так же души тех, кто служил ему.

Когда Келесайн уже покидал замок, ему в ноги ему бросилась некая женщина. Оказалось, что она — одна из многочисленных игрушек Валларэнса. Он взял ее силой, как брал всех женщин, которые были у него раньше; и ее, как и всех остальных, ждала мучительная смерть после того, как она надоест ему. Женщина умоляла Келесайна покарать это чудовище и воздать ему за все, и рассказывала об ужасах, которые Валларэнс творил с ее односельчанами, и столь горячи и убедительны были ее слова, что лишь великим усилием Келесайн удержался, чтобы тотчас не последовать ее мольбе.

— Этот человек, без сомненья, заслуживает наихудшей из смерти, — сказал он женщине. — Но у меня нет права ни выносить ему приговор, ни приводить его в исполнение, потому что этот человек — мой отец, пусть даже я и стыжусь родства с ним.

Он увел женщину из замка и взял ее с собой в храм, потому что второе, о чем молила женщина Келесайна — это избавить ее от бремени, ибо она не желала носить ребенка Валларэнса. Но Келесайн отказал ей, и через несколько месяцев женщина родила девочку, которую назвали Талиана. Вскоре после ее рождения мать покинула храм и никогда в нем больше не появлялась, потому что не желала признавать Талиану своим ребенком и заботиться о ней. Таким образом, Келесайн оказался единственным близким родичем девочки и принял на себя заботы по ее воспитанию.

К слову сказать, Валларэнс не прожил долго после его ухода: чернокнижника зарезали его же собственные друзья-разбойники, которыми он безжалостно помыкал все это время: без своего колдовства он был

ничтожен, и не вызывал больше страха, но только омерзение. Говорят, он ползал перед ними на коленях, умоляя сохранить ему жизнь, но этим добился только того, что выгадал себе несколько минут жизни: разбойников изрядно развеселило его нытье.

В последующие годы страна пришла к миру и процветанию — Келесайн приложил немало сил, чтобы достичь этого. Он отказался стать настоятелем храма — как уже было говорено, Обладающие Силой не служат никому, кроме себя самих — однако продолжал часто навещать храм и подолгу жил там: ведь это было место, где он вырос, населенное людьми, с которыми он был дружен. Герцоги и короли следовали его советам и добровольно подчинялись его решениям, хотя он не занимал при дворе никакой высокой должности и никого не заставлял подчиняться себе. Но люди той страны, наблюдая творимые им чудеса, повсеместно считали его скорее ангелом, нежели живым человеком. О нем ходила слава, как о великом чудотворце и посланце небес, воплощенном в человеческом теле для того, чтобы привести мир к истине и процветанию. Зло было искоренено, нищета и преступления если не исчезли совсем, то стали так редки, что вызывали скорее удивление, нежели порицание, болезни отступили, нравы смягчились, самоуправство аристократов было ограничено законами. Король, по своему желанию, не мог начинать войну или поднимать налоги, если не находил одобрения этого решения у особого совета, куда входили представители всех сословий — совет же мог без страха отказывать королю в этом, не страшась никакой кары. Было открыто множество школ и университетов. Служителей иных богов, а также еретиков и вольнодумцев, Келесайн запретил как-либо преследовать только лишь за то, что они объявляли себя таковыми. Впрочем, никакие убеждения не слагали с кого бы то ни было ответственности перед законом: ежели чернокнижник приносил кровавую жертву обитателям Преисподней, его судили и подвергали казни не за чернокнижие, но за убийство. Много учеников было у Келесайна, однако всех их он набирал из числа храмовых послушников, прошедших строгий искус, потому что он не желал одарять колдовским могуществом людей, к нему неподготовленных или склонных злоупотреблять полученной властью.

В эту-то эпоху и выросла Талиана, дочь Валларэнса, воспитанная при храме Бога Света. Брата она видела не слишком часто — даже навещая храм, он был постоянно погружен в свои дела; однако, он все-таки находил время, чтобы повидать ее и побыть с ней. Талиана росла, окруженная всеобщей любовью: к ней, сестре полубога, сестре живого пророка и мессии, относились с великим вниманием и почтением. Великая честь

была для жрецов заботиться о ее воспитании, и лишь наиболее мудрые из них допускались к тому, чтобы учить ее. Ей ничего не запрещали и никогда не применяли к ней какие-либо наказания: впрочем, и детским капризам ее потакать не стремились. Талиана выросла и превратилась из девочки в девушку редкостной красоты и ума. Однако она ничего не знала об окружающем мире. Жрецы старательно ограждали ее от всякого зла и преуспели в этом: о грязи, о несправедливости и горе она знала только из книг, в избытке имевшихся в храмовой библиотеке. Впрочем, она не выросла бесчувственной или надменной — напротив, не имея той защитной оболочки, которая нарастает со временем вокруг сердца всякого человека, вынужденного жить в мире, где жестокость мешается с состраданием, а благородство — с бесчестием, она была как нежный цветок, выращенный в теплице. Нежная, ранимая, мечтательная, она могла расплакаться над книгой с несчастливой развязкой, или пожалеть крыс и мышей, которых время от времени травили храмовые жрецы: крысы водились в подвалах храма в великом множестве и ежедневно совершали набеги на кладовые; в библиотеке они также погрызли немало книг.

Если так она относилась к крысам, исконным врагам человеческого рода, то что же говорить о людях? Талиана редко покидала храм: люди в окрестных деревушках пугали ее, хотя она никогда и никому не признавалась в этом, даже себе самой. Поселяне казались ей грубыми, циничными, невежественными, их жены и дочери — завистливыми, глупыми, скучными. Однако она всегда приходила в негодование, когда читала в книгах о том, как дворяне помыкали ими и бесцеремонно распоряжались их судьбой и даже жизнью. *Право сильного* она презирала, слова *благородная* или *высшая кровь*, вызывали у нее лишь насмешку. Одного из любимых своих поэтов, писавшего возвышенные стихи о Подвиге и рыцарской Чести, она яростно возненавидела вскоре после того, как узнала, что он, будучи владельцем значительных территорий, как-то в один день приказал повесить два десятка крестьян, промышлявших в его лесах браконьерством.

Так, проводя больше времени в библиотеке, чем на свежем воздухе, как-то раз она наткнулась в одном из нижних книгохранилищ на книги, составленные еретиками и вероотступниками — к сиим произведениям в храме допускались лишь немногие даже из числа монахов и подвижников, потому что велик был яд, содержащийся в этих книгах. Но сестре Келесайна никто не посмел чинить препятствия. Однако чистота души не спасла ее от книжного яда, потому что ересь, содержащуюся в тех фолиантах, она принимала за истину, а красивая ложь нравилась ей

больше, чем скучная правда. Так она ознакомилась с сочинениями чернокнижников о начале мира: по их писаниям выходило, что мир был сотворен теми, кого впоследствии обитатели небес заточили в преисподнюю, и заперли там, потому что единолично желали обладать всей властью над Суцим. Сказания о благородных служителях Света изрядно к тому времени успели наскучить Талиане и теперь новые герои похищали ее сердце и заполняли воображение — их одежды всегда были черны, а лица исполнены печали. Их облагораживала тень неизбежного поражения — ведь тот, кто погибает без надежды и без цели, но сохраняет гордость и не испытывает страха, невольно вызывает к себе сочувствие и уважение. Победителей же она возненавидела. Так ее мир перевернулся — тьма стала светом, а свет тьмой. Прочие хроники былых событий, хранившиеся в других частях библиотеки, она теперь называла «книгами победителей» и, читая их, мысленно подвергала строгой цензуре: ведь победители неизбежно приукрашивают собственные деяния, а на побежденных врагов своих нещадно клеветают.

С храмовыми жрецами Талиана вступала в долгие диспуты и изводила их каверзными вопросами, убедительно ответить на которые не способен ни один из живущих, потому что не существует в этом мире зла, которого нельзя было бы представить добром, или добра, которого нельзя было бы обратить ко злу. Но жрецы пытались отвечать на эти вопросы и неизбежно попадали впросак, а Талиана торжествовала. Неоднократно она была вызываема к настоятелю храма, и имела с ним долгие беседы, которые неизбежно заканчивались просьбой оставить чтение еретических книг, но просьбы эти и советы не имели никакого действия, да и лечение той духовной болезни, которой заразилась Талиана, нельзя было осуществить так просто. Что до Келесайна, то он знал о новых увлечениях своей сестры, но оставлял их без внимания, полагая девичьими выдумками и безвредными мечтами, которые со временем пройдут, не оставив следа. Он ошибался.

Как-то он взял ее с собой на бал в столицу и представил королевскому двору. Бал длился всю ночь, придворные спорили о том, кому из них танцевать с Талианой, и кое-кто из-за этого даже был вызван на дуэль. Как было уже сказано, Талиана обладала незаурядной красотой; что же касается ее происхождения, то оно, по меньшей мере, равнялось королевскому — единокровная сестра мессии имела в своих жилах кровь наиболее благороднейшую из возможных. Первым в числе ее ухажеров был один из королевских сыновей, и девушка поначалу была к нему благосклонна, ведь он был молод, красив, умен и мужественен. Во дворце вместе с

братом Талиана пробыла несколько дней, и уже собиралась к скорому отъезду из столицы, с тем, чтобы вернуться в обратном направлении в храм, когда случайно от служанки узнала о готовящейся казни преступников. Она осталась до казни. Кровавое действо, развернувшееся на ее глазах, неприятно поразило Талиану и ввергло в полуобморочное состояние. Одна из казнимых была ведьмой, и против нее не имелось неопровержимых улик, однако по личному распоряжению Келесайна ведьме был вынесен смертный приговор. Когда Талиана узнала об этом, она обвинила брата во всех смертных грехах и во всех страшнейших преступлениях: ее вера, слепленная из фантазий и лживых еретических книг, получила в этот день последнее подтверждение.

— Ты не видишь того, что вижу я, — сказал ей Келесайн. — На этой женщине — печать Мастера Леонардо. Творить зло для ее так же естественно, как и дышать. Внешне она ничем не отличается от обычного человека, но печать порчи, что лежит на ее душе, легко заметит любой из Обладающих Силой. Эта женщина уже не имеет полной свободой воли: расточение порчи вовне — ее обязанность и удовольствие. Может быть, она еще не успела никого погубить, но обязательно погубит в будущем, если мы ее отпустим.

— Ты не можешь этого доподлинно знать! — Воскликнула Талиана.

— Волку свойственно питаться мирными животными, — ответил на то Повелитель Молний. — Рабе Мастера Леонардо — творить черные чары и собирать с людского рода кровавую жатву.

— Ты даже и не допускаешь того, что можешь хоть в чем-то ошибаться! — С еще большей яростью выкрикнула девушка.

— Миледи, — сказал ей принц, стоявший неподалеку. — Ваш брат — святой человек и посланец небес: он не может ошибаться. К ведьме и так проявлено милосердия больше, чем она заслуживает: в прежние времена эту ведьму сожгли бы живьем, а в нынешние бросят в огонь только ее труп.

— И вы полагаете это милосердием? — Спросила Талиана.

— Да, — ответил принц.

Меж тем ведьму подвели к гильотине. Вид ее был жалок и невольно вызывал сочувствие, кроме того, она была еще очень юна.

— Прекратите же это, наконец! — Закричала Талиана. — Неужели в ваших сердцах нет ни капли жалости? Посмотрите — она же обычная испуганная девчонка!

— Ты полагаешь, она должна превратиться в чудовище — чтобы всем стало ясно, какова ее истинная природа и чтобы больше никто не сомневался в справедливости приговора? — С сарказмом спросил

Келесайн и силой увел сестру с площади.

Так они впервые всерьез поссорились. Келесайн горько сожалел о том, что допустил сестру увидеть эту казнь, Талиана же в глаза называла его палачом и отцеубийцей. Он задумал выдать ее замуж, надеясь, что хотя бы в замужестве она оставит свои фантазии, но Талиана, проведав о его планах, решительно им воспротивилась. Он не стал настаивать, хотя, как старший брат, по законам той страны, имел на это право. Тогда он предложил ей пожить некоторое время за стенами храма, надеясь, что реальная жизнь, которую увидит Талиана, немного отрезвит ее, но через месяц она вернулась обратно.

— Эти люди — скоты, — сказала она Келесайну, — однако это ты и тебе подобные сделали их такими. Человек — величайшее творение Вселенной, свободнейшее из ее детей, но вы поставили его на колени и заставили забыть о своем высоком происхождении — чарами, обманом, страхом из поколения в поколение вы вытравливали из людей все высокое и чистое. К чему теперь удивляться, что вокруг не осталось никого, кроме жирных обывателей, безжалостных подлецов и фанатично преданных вам невежд? Легко править стадом, когда любое свободомыслие карается слугами Света нещадно!

— Двадцать лет назад, — ответил Келесайн. — Здесь царила анархия. Никто не мог свободно путешествовать, чтобы не подвергаться угрозе со стороны разбойников. Сеньоры творили на своих землях все, что им заблагорассудится. Ведьмы наводили порчу, чернокнижники приносили кровавые жертвы, а крестьяне, собравшись, ловили, как правило, не их — до истинных чернокнижников им было не добраться — нет, обычно они сжигали всех тех, в ком подозревали нечто подобное, и как правило, это были невинные люди. Я смягчил жестокие обычаи этого королевства и дал людям новые законы, но то, что я сделал — лишь первый камень в фундаменте нового, совершенного общества. Невозможно изменить все сразу, и мгновенно истребить все несправедливости. Я накормил голодных и уничтожил самосуд, но этого мало: чтобы в полной мере стать людьми, о которых ты говоришь, сначала они должны измениться внутренне, а это произойдет еще очень и очень нескоро.

— Здание твоего рая построено на крови, — сказала Талиана.

— Ты знаешь иные способы? — Спросил Келесайн.

— Да, — ответила она, памятуя о всех мудрых книгах, которые прочла — о книгах, где повествовалось о Любви и Учении.

— Почему же ты сбежала от этих людей? — Спросил тогда Повелитель Молний. — Молчишь? Что ж, тогда я сам отвечу: ты слишком нежна для

этого мира и этого времени. Пройдут столетия, и люди, обладающие столь же чуткими сердцами, какое имеешь ты, заселят эту землю. Впрочем, я надеюсь, что они лучше, чем ты, смогут отличать истину от лжи.

— А ты сам знаешь истину? — Спросила его Талиана.

— Истину нельзя знать, — ответил Келесайн. — Можно лишь быть уверенным в ней и иметь в ней свое основание. Я — уверен.

— То есть, ты просто веришь в то, что поступаешь правильно? Но ведь и другие люди могут быть также уверены, а ты не колеблешься, уничтожая их, если находишь в них какое-либо препятствие на пути к тому раю, который ты мечтаешь построить.

— Правда всегда одна, и поэтому в подобных спорах прав может быть лишь кто-то один, и я верю, что я — на стороне правды. Рассуждая отвлеченно, нельзя исключить того, что, возможно, я глупец, который строит песочные замки и надеется изменить то, что изменить невозможно. Но нет никакой пользы от отвлеченных рассуждений, ибо они не ведут к истине, а лишь уводят от нее.

— Как же тогда ты смеешь править этим королевством и указывать всем, где истина, а где нет, если сам не знаешь ее?

— Ты не слышишь меня, — сказал Келесайн Майтхагел. — Но пусть нас рассудит тот, чье суждение непредвзято.

И вот, по волшебной дороге они отправились в иной мир, где обитал Лорд Джордмонд, называемый Законником за то, что знал все законы, изобретенные людьми, и многие из тех, что правят землей и небесами. Однако Келесайн не смог надолго задержаться в его замке — ему донесли о том, что другим Лордом, называемом Гасхаалем, Повелителем Ворон, умерщвлен один из его друзей, некий мудрец и звездочет. Не мешкая, Келесайн отправился в те земли, а Талиана осталась в замке Законника. Поначалу она подозревала, что Джордмонд состоит в сговоре с ее братом и, уловив удобный момент, начнет говорить слово-в-слово то же, что талдычили ей жрецы Бога Света на протяжении всей ее жизни. Однако ее опасения оказались напрасны. Джордмонд не спешил заводить с ней разговора и не пытался в чем-либо ее убедить. Незаметно случилось так, что Талиана стала сама вовлекать его в беседы и задавать ему каверзные вопросы, которые сбивали с толку жрецов Света.

Однако хотя Джордмонд с легкостью находил на них ответы, его ответы никогда не удовлетворяли Талиану, потому что казались ей пустой игрой слов.

Так, однажды она спросила Джордмона:

— Скажи, может ли Всемогущий сотворить камень, который не сможет

поднять?

— А чем отличается Всемогущий от камня, который сотворит? — Вопросом на вопрос ответил ей Джордмонд.

— Хорошо, — сказала она, — я спрошу иначе: может ли Всемогущий сотворить что-то, более могущественное, чем он сам?

— Собственно говоря, он только этим и занимается, — оборонил Законник.

— Темен смысл твоих слов.

— Он также прозрачен, как смысл твоих вопросов.

— Говорят, тебе ведома истина.

— Только некоторая ее часть.

— Какая же?

— Четвертая треть.

— Ты надсмеаешься надо мной.

— Отнюдь.

— Ты знаешь, зачем мой брат привел меня в твой замок?

— Он кое-что говорил об этом.

— Что же он говорил?

— Что ты не знаешь, во что верить.

— Ах, вот как это было изложено... — Помрачнела Талиана. — Что ж, пусть будет так. Ну, так расскажи мне, во что, по-твоему, мне следует верить.

— Расскажи мне сначала о том, между чем и чем ты собираешься выбирать.

И Талиана рассказала о книгах, о ведьме и ссоре с братом.

— ...На чьей же стороне истина, о мудрец? — Заключила она свой рассказ.

— Я покажу тебе истину, — ответил Джордмонд.

С этими словами он сотворил прямоугольное зеркало, в котором не было их отражений — хотя зала за их спинами отражалась очень точно и без каких-либо искажений. Затем Джордмонд провел рукой по поверхности зеркала и оно задрожало, как будто состояло из воды, а не из стекла.

— Это зеркало, — сказал он. — Отражает тот мир, который находится вне тебя. Тот мир — точная копия существующего. В нем правит сила, а добродетель никогда не вознаграждается, благие намерения обычно приводят к большим бедам, торжествует глупость, и каждый из живущих там — враг всем остальным. Хотя время от времени его обитатели склонны объединяться в сообщества, чтобы противостоять другим сообществам, однако союзы эти, основанные на необходимости, склонны быстро

разваливаться, когда необходимость исчезает. Коснись этого зеркала, войди в него — и ты сможешь жить в том мире, не мучаясь мечтами о недостижимом. Никто больше не назовет тебя наивной или глупой, никогда больше ты не будешь испытывать страха перед злобой и чужой жестокостью — напротив, люди станут бояться тебя, станут обожать, превознесут так, как ныне превозносят твоего брата...

Не дослушав, Талиана плюнула в это зеркало и отошла от него подальше.

— Вот мой ответ, — сказала она.

— Подожди, я еще не закончил, — промолвил Джордмонд.

Следом за тем он сотворил еще одно зеркало и установил его рядом с первым. В нем тоже отражалась одна только комната, но не Джордмонд с Талианой.

— Эта дверь, — сказал Законник, — приведет тебя в совершенно иное место. Войди в это зеркало, и ты попадешь в мир, который находится внутри тебя. В том мире есть смысл и высшая справедливость, в том мире добро — всегда добро, а зло — всегда зло, и не трудно различить их. Истинная любовь там способна одолеть смерть, и всякий слепец, пусть не скоро, пусть через много столетий, или в новом перерождении, неизбежно должен прозреть... Не кривись так пренебрежительно, Талиана, этот мир — отнюдь не сказка, как ты, наверное, думаешь, но благородства и чести в нем будет немного больше, чем здесь, и то, во что ты здесь продолжаешь верить наперекор всему, что окружает тебя, там будет несомненной действительностью.

— Наверное, ты полагаешь, что это заманчивая иллюзия, — презрительно усмехнулась Талиана.

— Это не иллюзия, — сказал Джордмонд.

— Я не желаю получать ухоженный садик для своих игр, — промолвила она. — Так же я не желаю становиться низменной тварью, которая легко и с удовольствием будет жить в мире, в который ее приведет первое зеркало. Я желаю видеть вещи такими, какие они есть, а не тешится миражами. Так где же зеркало, которое отразит настоящую истину? Или ты собираешься поставить эти два зеркала напротив друг друга и пичкать меня рассуждениями о том, что они отражают одно и то же?

— Отнюдь, — сказал Джордмонд, — хотя твоя мысль недурна... Итак, ты по-прежнему отказываешься войти в одно из зеркал и зажить в нем если не спокойно и счастливо, то хотя бы в некой гармонии с своим окружением?

— Отказываюсь.

— И по-прежнему желаешь увидеть настоящую, самую-самую подлинную и окончательную истину?

— Да.

— Ты ее увидишь.

С этими словами он взял трость и расколошматил оба зеркала так, что от них остались только мелкие осколки.

В некотором ошеломлении посмотрела Талиана на эту грудку осколков.

— Ты хочешь сказать, что ни смысла, ни истины не существует? — Спросила она наконец.

— Разве ты видишь перед собой пустоту?

— И во что же мне следует, в таком случае, верить? — Произнесла она надменно, но все еще желая понять смысл сей демонстрации.

— В Желтый Банан.

— Во что? — Переспросила Талиана, думая, что ослышалась.

— Верь в Желтый Банан, — повторил Джордмонд-Законник. — Вера в Желтый Банан — наивысшая из всех вер и религий, придуманных и подлинных, наилучшее основание для здания Духа, наикратчайший путь к внутренней гармонии и раскрытию своей подлинной сути, чистое, совершеннейшее, мать и отец всех вещей — так я зову ее... Верь в Желтый Банан, Талиана.

Больше Талиана ни о чем не спрашивала Законника и не заговаривала с ним. Ее брат, появившись через несколько дней, увез ее обратно в храм.

ВОРОНИЙ ОСТРОВ

(история шестая)

В числе Повелителей Стихий, которых еще называют Обладающими Силой, был некто по имени Гасхааль. Цвета одежд, в которые он облачался, всегда были черными, и черными были его волосы — прямые, недлинные, блестящие так, будто были намазаны жиром или сделаны из черного стекла. Был он худ и высок ростом. Титул он носил не высокий, но и не низкий. Люди называли его Повелителем Ворон.

Замок Гасхааля стоял на Вороньем Острове. Остров тот не был в числе островов, чьи берега омывают морские волны, ибо не высился он неколебимо посередине морской пучины, а плавал в сумрачных областях между мирами — там, где волшебные дороги подобны серебристым нитям или мостам над бездной, а миры кажутся необозримыми утесами, поднимающимися из хаоса к жизни и существованию, а берега их ласкают межзвездные ветра и течения невидимых сил. Вороний Остров в этом отношении был подобен любому из миров — происхождение их было схоже, вот только материя, из которой первоначально состоял он, была много меньше материи обыкновенного мира, и такому искусному волшебнику, как Гасхааль (а все Обладающие Силой — искусные волшебники), ничего не стоило оторвать Остров от его корней, уходивших в хаос, и заставить скользить в волшебных течениях, которыми пронизаны сумерки между мирами.

Повелитель Ворон предпочитал такое уединенное жилище вследствие некоторых склонностей своей натуры. Он не искал общества ни людей, ни альвов, ни себе подобных. Кроме того, где бы он прежде не решал поселиться, вскоре ему приходилось переезжать на новое место, вследствие дурной славы, которой скоро окружалось его жилище. Поговаривали, что он превращает людей и иных разумных и псевдоразумных существ в ворон; не избегли сей участи и многие волшебники, которые с ним встречались, и даже более того — волшебникам он всегда отдавал неоспоримое предпочтение. Так оно и было, ибо Гасхааль никого не любил, а доверял только тем, над кем был властен — а властвовал он, как следует из его титула, над одним из птичьих родов. Магическую силу своих собратьев по Искусству, которых

ему удавалось превратить в птиц, Гасхааль поглощал, и от того становился сильнее.

И вот, в один из дней, когда Гасхааль занимался исследованиями некоторых необычных сил, течение которых краем коснулось Вороньего Острова, подданные его — сотни и тысячи птиц, обитавшие в колдовской роще, которая окружала цитадель — всполошились и донесли своему господину о появлении незнакомца. Поскольку проникнуть на плавающий в пустоте остров мог лишь тот, кто умел открывать волшебные дороги, Гасхааль заинтересовался этим известием, тем более что даже и волшебники навещали его нечасто. Вороны также сообщили хозяину острова, что гость сразу же по прибытии потребовал встречи с Гасхаалем.

— Он назвал свое имя? — Спросил Гасхааль у птиц.

— Он назвал себя Лордом Зеремом, — отвечали те.

И тогда Гасхааль приказал птицам проводить пришельца к нему в замок, не чиня больше препятствий, ибо имя это ему было известно. Зерем, называемый также Творцом Чудовищ и Повелителем Бестий, был его давним знакомым. Гасхааль в совершенстве отточил искусство поглощения чужой воли, Повелитель Бестий же обожал играть с формами, видимыми и призрачными, и от того получил свой второй титул.

Внешний вид Повелителя Бестий таков: роста не очень высокого, одежды он носил желто-коричневых, коричневых и темно-синих цветов, имел бронзовые волосы и такие же глаза — всегда смеющиеся, но смех их подобен был смеху безумца или гордеца, пытаемого палачами: резок этот смех, исполнен ненавистью и презрением. Лицо Повелителя Бестий — лицо пожилого мужчины: оно исперщено морщинами, кожа местами дрябла и имеет серый оттенок. Одет он в тускло сверкающий жилет, видом своим напоминающий кожу ящерицы, пояс из металлических пластин, штаны, украшенные затейливой вышивкой, и темный плащ; обут в сапоги из выдубленной человеческой кожи. На поясе у него с левой стороны висит тяжелая кривая сабля, на правой — крюк с зазубренным острием и острыми плоскими краями, которыми можно рубить, как мечом. Доспех Зерема таков: шипастые пластины на плечах, наручи с шипами на внешней стороне локтя, и поножи, с боков также имеющие по два ряда коротких треугольных лезвий.

...Гасхааль принял Повелителя Бестий весьма сдержанно — как было уже сказано выше, Повелитель Ворон не слишком любил чье бы то ни было общество, и гостей больше терпел, нежели радовался их появлению. Зерем, зная об этой черте его характера, лишь слегка улыбался и не спешил начать разговора, а Гасхааль с каждым уходящим мгновением хмурился

все больше и все холоднее смотрел на нежданного гостя. Словно для того, чтобы еще больше разозлить Гасхааля, Зерем начал расспрашивать Вороньего Лорда о его последних делах и интересоваться общим течением его жизни: создавалось впечатление, что его визит — только светская любезность, не более. Подождав еще некоторое время, Гасхааль напрямик спросил Повелителя Бестий, что тому нужно, и только тогда гость отбросил изысканный тон и приступил к делу.

— Ты знаешь о том, что в скором времени должен родиться новый мир? — Спросил он Гасхааля уже без каких бы то ни было предисловий.

— Да. — Ответил хозяин Вороньего Острова, последние исследования которого были посвящены именно этому событию. — Я заметил некие необычные течения за пределами острова и некоторое время изучал их. Мне известно, что где-то должны образоваться новые Земли. Ты знаешь, где и когда это произойдет?

— Нет, — покачал головой Зерем. — А ты?

— Будь ответ на этот вопрос мне известен, я бы не спрашивал тебя об этом.

Зерем улыбнулся на эти слова. Помолчав, он сказал:

— Но есть кое-кто, кто знает.

Гасхааль молчал, ожидая продолжения, но Зерем не спешил продолжать. Он улыбался, измеряя пределы терпения собеседника. Однако пауза затянулась, и первым заговорил Повелитель Бестий:

— Тебя интересуют эти сведения?

— Да. — Просто сказал Гасхааль.

— Еще бы! — Рассмеялся Зерем. — Ведь те, кто прежде остальных вступят на землю нового мира, обретут власть над могущественными силами — и может быть даже, благодаря тем силам войдут в число Истинных Богов.

— Сомневаюсь, — сказал Гасхааль. — Скорее — только лишь получат власть над тамошними стихиями и некоторое преимущество в волшебстве перед теми, кто придет следом за ними. Впрочем, я могу и ошибаться, ведь рождение миров событие чрезвычайно редкое и изученное еще недостаточно хорошо. Между прочим, тот, о ком ты говоришь — тот Лорд, который знает, когда и где это случится — кто он? Он собирает союзников для того, чтобы не только захватить новые Земли, но впоследствии суметь и отстоять их? Ты пришел предложить мне присоединиться к вам? Или это — твой враг, и ты собираешься напасть на него и силой вырвать у него эту тайну?

Но Зерем покачал головой.

— Это не Лорд, — сказал он. — Не Обладающий Силой. Тот, кто знает — вернее, тот, кто скоро узнает, когда завершит свои хитроумные расчеты — это некий астролог, смертный человек, живущий в каком-то портовом городке: названия того городка я не помню, однако знаю, что это то самое место, где сто лет назад был умерщвлен Агравис Мудрый. Полагаю, что ты еще не забыл это имя.

Гасхааль кивнул, ибо мгновенно вспомнил и мудреца, и те Земли, где жил Агравис, потому что Гасхааль и был тем волшебником, который умертвил его. Точнее (в терминологии самого Гасхааля) — прекратил его прежнее несовершенное бытие путем причащения к Единственной Истине и Подлинной Силе. Превратил в ворону.

Меж тем Зерем продолжал:

— Ученик Агрависа — именно тот астролог, о котором я говорю, и он тоже тебя не забыл. Несколько месяцев назад он явился в храм Бога Света, к Повелителю Молний, который и поныне живет в храме, и объявил Келесайну, что способен произвести вышеупомянутые расчеты. Взамен он потребовал немногого — причастить его к одной из тамошних стихий и помочь отомстить за смерть учителя.

— И Келесайн согласился?

— Конечно, — пожал плечами Зерем. — Ведь требования эти вполне выполнимы. Естественно, Келесайн не отправится в новый мир один. Я знаю, что тот астролог обратился еще к нескольким Обладающим. Кроме того, они, равно как и Келесайн, не преминут захватить с собой своих учеников, союзников и вассалов. Собственно, я сам узнал обо всем этом только лишь вследствие того, что им потребовался кто-то, кто смог бы обуздать тамошние темные аспекты волшебства, ведь ни Келесайн, Повелитель Молний, ни Джормонд-Законник, ни Тарнааль, Ангел-Страж, не способны на это — да и не захотят заниматься ничем подобным.

Гасхааль задумался, ибо имена вышеупомянутых Лордов говорили ему о многом. О них ходили легенды, особенно о последнем, Тарнаале, истребителе зла, великом воителе и живом оплоте сил Света.

— Значит, в скором времени, — произнес он задумчиво, — мой остров навестят столь знаменитые герои? Благодарю за предупреждение.

— Еще не в скором, — ответил Зерем. — Потому что астролог пока представил Келесайну лишь общие, первоначальные расчеты; несколько месяцев у него уйдет на то, чтобы уточнить их. И, как я понимаю, окончательный договор еще не заключен.

Гасхааль кивнул, ибо намек Повелителя Бестий был более, чем прозрачен. Затем он спросил:

— Что я должен тебе за эту услугу?

— Ничего, — сказал Зерем. — Однако я не желал бы, чтобы кому бы то ни было стало известно о том, что я разговаривал с тобой об этом.

С тем он и ушел, а Повелитель Ворон еще долго сидел в кресле у окна, размышляя, как следует поступить и что предпринять, чтобы обезопасить себя. Так же он размышлял о том, какими мотивами мог руководствоваться Повелитель Бестий, предавая своих союзников. Он даже подозвал к себе одну из ворон — ту, что прежде была Агрависом Мудрым — и спросил ее, что она думает по этому поводу.

Ворона ответила так:

— Возможно, он желает видеть тебя в числе своих друзей, Повелитель, ибо предвидит в будущем раздор между Лордами нового мира; возможно, желает с твоей помощью получить больше, нежели ему намеревались позволить взять остальные Лорды.

Гасхааль согласился с вороной, ибо к нему приходили схожие мысли. Затем он встал, изменил облик и отправился в город, где некогда жил мудрец Агравис, а ныне обитал его ученик, лелеющий планы мести. Появившись в городе, Гасхааль без труда проник в дом астролога и после недолгой беседы подчинил себе его волю, уничтожил прежнее тело, и дал новое — тело вороны. Также он забрал с собой бумаги астролога.

Затем он решил предпринять еще одну предосторожность, поскольку смерть астролога не означала того, что Келесайн или Тарнааль не попытаются его убить — они могли пойти на это только лишь ради того, чтобы отомстить за своего протеже, без какой-либо прямой выгоды для себя. Из этого следовало, что Гасхаалю, в свою очередь, могут потребоваться союзники против них. Из тех колдунов, которых он знал, наименее плохие отношения были у него с Мьяонелем, Рафагом, Эмерхадом и Селкет, а происходило это от того, что некогда все они принадлежали к одному древнему народу, и до сих пор помнили об этом. Дружбы меж ними не было, потому что времена, когда народ ванов явился в этот мир, отстояли от нынешних дней на многие тысячелетия, но никогда не было и вражды. Поговаривали, что Рафаг убит, а Селкет потеряла способность менять обличья, и вынуждена постоянно жить в облике полуженщины-полукошки-полускорпиона. Касательно Мьяонеля Повелителю Ворон было известно, что не так давно тот обрел власть над какими-то силами, близкими к Царству Бреда и, возможно, проистекающими из него, а что до Эмерхада, то его Повелитель Ворон не видел дольше всех и не знал даже, где его искать.

В начале он отправился к Мьяонелю, в Безумную Рощу, в Башню Без

Окон. Мьяонель принял его равнодушно. Обретя Силу, он потерял сердце, и от того начисто лишился каких бы то ни было желаний и привязанностей. На вопросы Гасхааля он отвечал с большой неохотой и не проявил интереса ни к чему, о чем говорил Гасхааль.

— Какой дурак подал тебе мысль обрести могущество столь дорогим способом? — С сильным раздражением спросил Гасхааль на втором часу их бесплодной беседы.

— Невозможно приобрести что-то, не отдав ничего взамен, — отвечал Мьяонель. — Я отдал никчемный предмет, казавшийся мне, впрочем, прежде необычайно ценной вещью.

Гасхааль расхохотался.

— Как же ты поглупел, родич! Отдать то, что ценишь, в надежде получить чуть-чуть больше, чем все остальные!

— А что отдал ты в обмен на Силу?

— Собственную слабость.

Мьяонель помолчал, а потом произнес:

— Я вижу, ты полагаешь, будто совершил более выгодную сделку, чем я, но не может ли быть так, что ты отдал нечто большее, чем подозреваешь?

Гасхааль ничего не ответил на это, окончательно уверившись в том, что имеет дело с безумцем.

Проведя еще некоторое время в беседе с родичем, Гасхааль покинул Безумную Рощу и отправился в Хеллаэн, иначе называемый Темными Землями. Там, в Вечных Горах, на высоком утесе, лежала Селкет, и черное небо с огромными хрустальными звездами было ее плащом и короной.

Где-то далеко внизу, над острыми скалами и глубокими ущельями, проплывали мутные облака, укрывающие Темные Земли от любого, даже звездного или лунного света. Место, где обитала Селкет, казалось, существовало вне времени — когда Гасхааль взобрался на этот утес, ему помыслилось, что он вернулся в эпоху, когда солнца еще не было, земля была мертва, и даже первочеловечество, народ исполинов фольсхантенов, еще не появился на ней. Впрочем, Гасхааль, Селкет и подобные им существовала уже тогда — хотя в те времена они выглядели иначе, располагали иным волшебством и не были облачены в покровы плоти.

Повелитель Ворон приветствовал Селкет и поведал ей о цели своего визита. Рассказ о рождении нового мира не заинтересовал Селкет — она сообщила Гасхаалу, что в сем событии нет ничего волнующего и удивительного и она уже много раз наблюдала подобные явления. Начинать войну ради могущества она также не желала. Однако, узнав, что

у Гасхааля могут объявиться недруги, желающие его смерти, она подробно расспросила о них, и ответ, данный Повелителем Ворон, пришелся ей не по вкусу.

— О Келесайне я ничего не знаю, — сказала Селкет. — Джордмонд-Законник однажды приходил сюда — побеседовать и разузнать что-нибудь о древних временах. Кажется, он остался неудовлетворенным нашей беседой. Он небесталанный волшебник, но последний из этих трех, Тарнааль, гораздо опаснее его. До меня доходили слухи о некоторых его деяниях. Тебе известно, что он одного рода с нами, хотя и явился в Сущее много позже?

— Я знаю об этом, — кивнул Повелитель Ворон.

— Опасайся его, — предупредила Селкет. — Если ты хочешь отыскать Эмерхада, тебе следует покинуть Хеллаэн и отправиться в Землю-под-Радугой, в окрестности города Кирсампля. К северу от него простирается болото, в сердцевине которого имеются развалины иного, прежнего города — там ты и найдешь своего брата. Советую тебе не откладывать надолго это путешествие, потому что Эмерхад по складу характера — непоседа и в скором времени может покинуть это место.

— Чем же он занимается в этом болоте? — Недоуменно спросил Гасхааль.

— Он изучает письмена и символы, сохранившиеся на стенах старого королевского дворца. За прошедшее время он глубоко проник в магию символов и знаков, а также в магию, изначально заключенную к каждому из ныне существующих языков и наречий.

Поблагодарив Селкет, Гасхааль ушел и, соткав дорогу в сумерках между мирами, отправился в Цалатхэн, иначе именуемый Землей-под-Радугой. Оказавшись на месте, он призвал к себе несколько тамошних ворон. Что с того, что в Цалатхэне эти птицы имели шесть лап, прозрачные крылья, жвала и короткие клювы, усеянные тонкими зубчиками? Подданные Гасхааля могли иметь сколь угодно диковинную внешность, однако суть их для его взгляда была также ясна, как самоочевидно для глаз всех прочих — видимое обличие, и суть эта подчинялась Повелителю Ворон. Порасспросив своих подданных, он вызнал, где находится Кирсампль, и отправился в окрестности города. Некоторое время побродив по воздуху над болотом (путь ему указывали верные птицы) он обнаружил какие-то древние сооружения и целую деревню, построенную прямо в воде, на сваях. Местные жители разбежались и попрятались при его появлении, поскольку, завидев впереди поселение, он не стал опускаться в воду, не желая мочить ноги.

В хижине, стоявшей на твердой земле, в непосредственной близости от старых развалин, он почувствовал кого-то живого: возможно, там жил местный шаман, или бедняк, или изгнанник, не имевший возможности построить себе такое же жилище, что и остальные туземцы. Гасхааль направился к хижине, а вороны с карканьем кружили рядом, наводя ужас на затаившихся вокруг деревни поселян. Заглянув в хижину, Гасхааль обнаружил там полуголого человека, обильно изукрашенного замысловатой татуировкой, и, кроме того, молодую женщину, забившуюся в угол и со страхом глядящую на черного пришельца.

— Ты, — презрительно обратился Гасхааль к шаману (несомненно, это был местный вождь или шаман, поскольку женщина была слишком красива, чтобы являться женой бедняка или нищего изгнанника), — честно ответишь на мои вопросы и останешься жить. Известен ли тебе чужеземец, который изучает остатки больших каменных домов в этих окрестностях? Где сейчас находится этот человек?

Однако шаман оказался не робкого десятка.

— Кто ты такой, — спросил он высокомерно, — чтобы задавать мне подобные вопросы?

— Кто ты такой, — отвечал ему Повелитель Ворон, — что надеешься выжить, вступая со мной в препирательства?

— Я, — ответил человек, — Эмерхад, Господин Знаков и Повелитель Символов. А каково твое имя, неуч?

Помолчав некоторое время (ибо его немало изумил ответ этого человека) пришелец назвал себя:

— Я Гасхааль. Я не узнал тебя, брат.

— Ты сильно изменился, — сказал Эмерхад, пытаясь, в свою очередь, скрыть удивление.

— Ты изменился еще сильнее.

Родственники обнялись. Когда удивление прошло, их немало позабавили обстоятельства их встречи. Эмерхад предложил прогуляться к развалинам, чтобы поговорить свободно. По дороге он сделал в воздухе некий странный жест — и тут же его облик чудесным образом изменился: набедренная повязка сменилась штанами, узким поясом, рубашкой и плащом, на ногах появились сапоги с завязками, а за поясом — пара тонких кожаных перчаток с замысловатыми золотистыми узорами.

В одной из сохранившихся комнат старого дворца повели они меж собой беседу, расспрашивая друг друга о том, какие события случились с каждым из них после их последней встречи. Затем Гасхааль рассказал Господину Символов о рождении нового мира и всем, что связывалось с

этим событием, и о нескольких волшебниках, которые жаждут единолично подчинить себе тамошние стихии. Он увидел, как загорелись глаза Эмерхада — и понял, что на этот раз не ошибся.

— Новые, чистые, еще не истощенные стихии... — пробормотал Повелитель Символов. — Письмена, не стертые и не искаженные, еще не скрытые грязью веков... Я с тобой, брат, и я окажу тебе любую помощь, какую ты ни попросишь.

— А много ли будет стоить твоя помощь? — Спросил Гасхааль. — Ведь нам будут противостоять искуснейшие из числа Обладающих Силой. Что ты сможешь против них?

— Я, — ответил Эмерхад спокойно, — также Обладающий Силой. Ты слышал мой титул: я Господин Знаков и Повелитель Символов.

— А велика ли твоя Сила? — Усмехнулся Гасхааль. — Я слышал, ты изучаешь здесь какие-то настенные письма и рисунки — но разве Обладающему Силой пристало заниматься подобной ерундой? Разве годится подобным нам жить в хижинах дикарей и делить с ними ложе и стол?

— У тебя своя магия, братец, у меня — своя, и не думаю, что мне потребуется много времени, чтобы Прочитать твою Силу.

— Что ж, попробуй, — ответил Гасхааль, все еще пренебрежительно усмехаясь.

— Не стану, — покачал головой Эмерхад. — Потому что если мне это удастся, ты лишишься своей магии и станешь моим вассалом — и даже пожелав, я не смогу уже отпустить тебя и вернуть свободу.

— Пустое бахвальство.

— Меня может ждать и неудача, — легко согласился Эмерхад. — В том случае, если ты убьешь меня раньше, прежде чем я закончу изучать диалект твоего волшебства. Однако я хочу прекратить наш спор, пока он не закончился оскорблениями и не перерос в смертельный поединок. Я предлагаю тебе состязание: каждый из нас сделает какую-нибудь особенную вещь, и мы сравним их свойства. Чье искусство окажется выше, тот и победитель.

Гасхааль согласился, сказав:

— Но кого мы возьмем к себе в судьи?

— Пусть случай решит, кто будет судьей, — ответил Эмерхад. В полотняный кошель он побросал костяные таблички с различными знаками и буквами; затем он предложил Гасхаалю наугад выбрать несколько и бросить их на пол. Повелитель Ворон так и сделал. Таблички сложились в незнакомое ему имя, однако Эмерхад от души рассмеялся, прочитав его.

— Это имя женщины, которая грела мне постель, пока ты не заявился в деревню, — сказал он. — Что ж, посмотрим, кто из нас сумеет поднести ей лучший подарок.

Гасхааль нахмурился, поскольку такого судью нельзя было назвать беспристрастным, однако промолчал. Затем братья разошлись, уговорившись встретиться на этом же самом месте на следующий день.

Неизвестно, где провел ночь Повелитель Ворон, но Эмерхад вернулся к своей любовнице. Поначалу та ужаснулась, увидев, что тело Эмерхада скрывает необычная, похожая на вторую кожу, одежда, оставлявшая открытыми только лицо и кисти рук — да и те вдруг почему-то оказались лишены следов священной татуировки. Однако Эмерхад успокоил ее, сказав, что не является обычным человеком и от того может на время принимать даже и столь противоестественный вид, как сейчас. Затем он снял одежду, демонстрируя, что не приобрел за прошедшее время никакого тайного изъяна, который следовало бы скрывать, и снова усилием воли заставил свою кожу изменить цвет так, как будто бы на его тело была нанесена татуировка. Он предупредил женщину, что скоро должен будет покинуть ее, однако прежде ей придется разрешить спор между ним и его братом — также принадлежащим не к роду людей, но к роду могущественных духов.

Ночью, когда женщина уснула, Эмерхад встал с ложа и принялся размышлять, какой подарок ей сделать. Поскольку ему не приходило никаких идей, он заглянул в мысли женщины. Однако желания, которые читал он, и мечты ее были просты и наивны — женщина хотела стать женой великого героя, хотела, чтобы ей подчинялись ее товарки и признавали ее первенство, хотела, чтобы ее будущие дети всегда были здоровы и сыты. Узнав все это, Эмерхад встал и бесшумно вышел из дома. Неподалеку было много мелких водоемов; отыскав наиболее чистый из них, Эмерхад встал рядом, дожидаясь, пока ночной ветер не разгонит облака, закрывавшие луну. Когда это случилось (а это случилось сразу, как только он с достаточной силой пожелал этого), он быстро нагнулся и, произнеся соответствующие заклинания, схватил отражение луны. Затем он засыпал песком этот водоем, чтобы никто в одну из следующих ночей случайно не обнаружил, что из этого места исчезло всякое отражение. Дикари могли придать водоему, лишенному свойства отражать, мистическое значение, а Эмерхад не любил плодить лишние суеверия. Остаток ночи он потратил на то, чтобы огранить светящуюся сферу, которую вытащил из воды. Кроме того, он немного притушил свет сферы, чтобы тот больше не казался таким пугающим и необычным.

Когда настало утро, появился Повелитель Ворон, несший под плащом какой-то сверток. Эмерхад снова избавился от дикарской внешности, и приобрел облик, в котором вчера вел беседу с гостем. Вместе они подошли к женщине и просили рассудить спор о том, кто из них искуснее. Первым предложил свой дар Господин Знаков. Он достал сверкающую сферу, образованную из лунного отражения, и протянул ее женщине.

— Это вещь — Зеркало Судьбы, — сказал он. — Касаясь ее, ты сможешь понимать любой язык, даже язык мыслей, но это отнюдь не главное ее свойство. Обладателю сферы открывается судьба каждого, кого он видит перед собой, и судьба, рождающаяся из соединения влияния нескольких судеб. Когда я уйду, многие красивые юноши будут добиваться твоей благосклонности — благодаря этой вещи ты сможешь отыскать среди них героя, будущего вождя или того, с кем счастливо проживешь всю оставшуюся жизнь. Когда у тебя появятся дети, с помощью Зеркала ты сможешь уберечь их от опасностей, кроме того, судьбу вашего рода ты сможешь читать также легко, как и судьбу отдельных людей, а потому сможешь принимать решения, которые будут наиболее благоприятны для вас всех, и тем заслужишь великую славу и уважение.

Взяв из его руки сферу, женщина некоторое время рассматривала окружающий мир, вмиг переменявшийся в ее глазах. Она видела самое ближайшее будущее, видела, куда полетят насекомые, и кого из них в скором времени съедят пауки и лягушки, видела, как качнет ветер траву через минуту; сосредотачиваясь на чем-либо одном, она могла видеть и более отдаленное будущее — видела, какие кустарники будут сожжены через год, какие дома построены, какие люди умрут на охоте, а какие — от болезней; также она видела, в какой именно день хищники растерзают их или что — несвежая пища, плохая вода, воспалившаяся рана — станут причиной их болезни.

— Взгляни теперь на мой дар, — в свою очередь промолвил Гасхааль и развернул принесенный сверток. Это оказалось черное, блестящее, звенящее на ветру, будто сделанное из железа, оперенье — однако оно было легким и тонким и могло складываться, подобно самой обыкновенной ткани.

— Надень это, и ты приобретешь нечто большее, чем могла мечтать.

Женщина накинула на себя оперенье и тут же превратилась в удивительное существо — полуженщину-полуптицу, с кожей прочнейшей, чем самый лучший железный доспех. Много удивительных свойств таило в себе это оперенье, о которых Гасхааль тут же поспешил поведать женщине: в облике полуптицы она могла летать по небесам быстрее всех

ветров, жить под водой, убивать когтями огромных хищников и искусных воинов, и совершать еще многое, подобное тому. Эмерхад улыбался, слушая его речи: теперь он был уверен в своей победе. К чему этой женщине необычные свойства, которые даст ей волшебное оперение? Не того она желала, и, конечно же, она предпочтет его подарок подарку Повелителя Ворон. Однако Эмерхад не учел, что и желания могут меняться, подобно тому, как стираются написанные строчки и поверх них ложатся новые письма. Не только оперенье подарил женщине Повелитель Ворон — вместе с ним он подарил ей и желание летать, и показал всю серость и безынтересность ее прежнего существования, и приоткрыл завесу обыденности, скрывающую чудеса и различные удивительные вещи. Одев оперенье, женщина изменилась — и испугалась, что станет прежней, забудет обо всех чудесах и никогда больше не прикоснется к ним. Поэтому она выбрала подарок Гасхааля.

Эмерхад был очень зол, когда понял наконец, что случилось. Он так сказал сопернику:

— Не очень-то достойно ты поступил, сделав так, чтобы она не смогла отказаться от твоего дара!

— Отчего же, — ответил Гасхааль, — ведь я не ломал ее воли, я лишь показал ей кое-что из того, чего она была лишена, прозябая в этом болоте, и помог ее разуму приспособиться к этому открытию. Но если уж говорить о справедливости, то как ты назовешь свой поступок, когда ты проник в ее мысли с тем, чтобы вызнать, чего она хочет?

— Однако, — сказал Эмерхад, — ты должен признать, что искусство мое выше. Нетрудно изготовить вещь, которая подарит своему обладателю и крепкую кожу, и острые когти, и быстрые крылья, и разные необычные способности и свойства, но, согласись, что все это может поразить лишь профанов. Я же изготовил предмет, открывающий инерцию прошлых событий и показывающий, к чему они приведут в будущем и каковым окажется значение тех или иных поступков. Согласись, что если воспользоваться этим предметом с умом, он принесет своему обладателю куда больше пользы, чем те фокусы, которые заключены в железном оперении.

— Может быть и так, — отвечал Гасхааль. — Но тогда напрасно ты отдал столь ценную вещь той женщине: будь возможно вернуть прошлое, я лучше бы признал свое поражение, но при условии, чтобы Зеркало Судьбы сохранилось у нас. Ты сможешь вновь сделать подобную вещь?

— Не стану и пытаться, — ответил Эмерхад. И Повелитель Ворон кивнул, принимая такой ответ. Ведь повторение — верный признак

ремесленника, но не художника. Обладающему Силой, желающему с течением веков не потерять свое волшебство, но приумножить его, не следует повторяться, потому что если творец повторяется — это говорит о том, что он исчерпал свой дар.

Поскольку решение женщины не удовлетворило ни одного из спорщиков, они решили состязаться снова. На этот раз костяные таблички вытягивал Эмерхад, а Гасхааль держал кошель перед ним. Господин Знаков бросил пластинки с буквами в воду — и они поплыли и сами собой сложились в новое имя. Гасхааль нахмурился, когда увидел его.

— Кадмон. — Прочитал Господин Знаков. — Кто это? Тебе что-нибудь о нем известно?

— Его также называют Дарующим Имена, — молвил Повелитель Ворон. — И я не желал бы с ним встречаться. Он — истребитель ангелов и повелитель духов; говорят, боги благоволят к нему и от того удача всегда на его стороне. Воистину, в недоброе время начали мы свой спор, но теперь, впрочем, поздно жалеть об этом. Нет у меня желания дарить что-либо Дарующему Имена, ибо он, как рассказывали мне, уничтожил многих наших родичей.

— Что ж, — сказал, улыбнувшись, Эмерхад, — тем больше оснований подарить ему то, что вызовет зависть богов и рано или поздно погубит его.

— Что же это? — Спросил Повелитель Ворон. И Эмерхад изложил ему свою задумку.

Итак, сотворили они прекраснейшую женщину из всех, что когда-либо ходили по земле. Все в ней было совершенно и соразмерно, все привлекало взгляд и заставляло беспокоиться сердце. Ноги ее были длины, бедра широки, талия — узка, грудь высока и пышна, руки изящны, движения грациозны, кожа бархатиста и нежна, голос — ровен и чист, черты лица тонки и благородны. Кожа ее была светла и чуть золотиста, а глаза меняли цвет в зависимости от настроения и времени суток. Гасхааль наделил женщину душой, ценящей лишь то, что еще не принадлежит ей, и сердцем, способном понимать самые потаенные желания чужих сердец; Эмерхад наделил ее острым разумом, знаниями двадцати мудрецов и опытом восьмидесяти блудниц.

Отправившись на поиски Дарующего Имена, они вскоре нашли его. Встав посреди дороги, они громко заспорили, а Кадмон услышал их препирательства и подошел ближе. Он поразился красоте женщины. Эмерхад и Гасхааль обратились к нему, прося рассудить их.

— Это — изделие наших рук, — сказал Гасхааль. — И мы не в силах решить, кто из нас имеет больше прав владеть им. Я сотворил тело этой

женщины и дал неутолимую страсть ее лону, также я наделил ее нежным и чувствительным сердцем.

— Зато я, — сказал Эмерхад, — создал ее разум и дал ей знания двадцати мудрецов и опыт восьмидесяти блудниц. Красивые игрушки быстро приедаются, однако она — не такова: она умна, остроумна в беседе и изобретательна в любви.

— Как ее зовут? — Спросил Дарующий Имена, не переставая рассматривать женщину.

— Мы еще не дали ей имя, — ответили ему братья.

— Тогда, — усмехнулся Кадмон. — Это сделаю я. Я дарую ей имя: пусть ее зовут Соблазн — потому что такова сущность ее. Теперь же, поскольку и я принял участие в сотворении сего чуда, следует выяснить, кто из нас троих более всего достоин владеть ею. Но, право, не советую вам состязаться со мной — потому что ваши имена мне известны, и я в любую минуту могу уничтожить вас, или подчинить своей воле, или превратить во что-нибудь совершенно невообразимое — ведь имена обладают подобной властью, а я повелеваю именами.

С тем и были вынуждены удалиться Обладающие Силой — вслух проклиная Кадмона, а в душе тайно подсмеиваясь над ним. Как только они покинули пределы того мира, где состоялась встреча, Эмерхад сорвал с шеи амулет с символами, защищавшими его от чар той женщины, и спросил Гасхааля:

— Как ты сумел не поддаться ее обаянию? Даже имея амулет, я едва смог расстаться с ней. Ведь мы сотворили *искушение*, такова природа ее, воплощенная в образе женщины.

— Я не настолько слаб, чтобы уступать соблазнам, — презрительно бросил Гасхааль.

Но поскольку спор их так и не был разрешен, в третий раз решили они отыскать достойного судью, могущего рассудить их. На этот раз они оба просунули руки в мешочек с костяными пластинками и одновременно бросили перед собой то, что выловили на его дне. Пластинки сложились в двойное имя, однако, прочитав его, оба пришли в растерянность и недоумение.

— Идти к такому судье? — С сомнением спросил Эмерхад. — Ведь он — один из тех, с кем, возможно, нам придется сразиться за право владеть новым миром.

— Наверное, в этом есть определенный смысл, — с таким же сомнением произнес Гасхааль. — Но, по крайней мере, я слышал, что приговоры его всегда справедливы и беспристрастны.

— Что ж, — сказал Эмерхад. — В таком случае, наверное, и в самом деле стоит посетить его, но прежде нам надлежит изменить обличья.

— Предлагаю лучшую шутку, — сказал Гасхааль. — Давай соревноваться в том, кто сотворит лучшее оружие. Как бы не рассудил нас Джордмонд-Законник, мы спросим о причинах его решения и попросим указать на изъяны наших изделий. Его советами мы воспользуемся; но если потом все-таки начнется между нами война, будет забавно увидеть, как Джордмонда поразит то самое оружие, совершенствованию которого мы вынудим его поспособствовать.

На том они и разошлись, уговорившись встретиться через три дня.

Два дня бродил по мирам Эмерхад, и множество идей приходило ему на ум — но среди них не находилось ни одной, осуществив которую, он твердо был бы уверен в том, что на этот раз выиграет состязание. И вот, он взошел на высокий утес, и увидел бурю, крушащую деревья и терзающую море, рассыпающую молнии, рвущую в клочья тучи и облака, затмевающую солнце и звезды. Далее двинулся он, и вот, в другой стране, увидел новую виселицу, где в петлю просунули голову осужденного; затем из-под ног человека выбили скамейку. Вскоре судороги повешенного закончились, а толпа разошлась, но Эмерхад запомнил все, что видел, и двинулся дальше. В некой горной стране он стал свидетелем обвала, под которым был погребен караван купцов, а в другой — полыньи, образовавшейся при переходе семьи бедняков через покрытую льдом реку: когда они были на середине, лед треснул и разошелся под ногами людей, и они утонули. Запомнив это, Эмерхад отправился в другой мир, где наблюдал лесной пожар и оставшееся после него пепелище.

А надо сказать, что он мог смотреть на окружающий мир не только плотскими глазами или колдовским виденьем, но еще и особым зрением, присущим только ему одному. Прибегая к этому зрению, он начинал видеть символы и буквы, из которых состоят все вещи; и тогда все, что окружало его, становилось подобно перемешанному между собой отрывкам разнообразных текстов — и оставалось только выяснить, откуда происходил тот или иной отрывок, и отыскать его продолжение, и то, что ему предшествовало. Слова постоянно и неуклонно менялись, появлялись новые знаки, но каждая вещь менялась с одной, только лишь ей присущей скоростью. Вот налетал ветер и заставлял колыхаться траву — и тогда Эмерхад едва успевал прочитать символы, возникавшие из переплетения зеленых и пожухлых стеблей, прежде чем их сменяли другие; тоже было с древесной листвой, и с мельтешением насекомых, выписывающих в воздухе замысловатые буквы. Облака менялись медленнее и от того читать

их было легче, также травинки и камни на земле, сухие ветки и звериные следы составляли удивительнейшие сочетания. Еще проще было с валунами, на поверхности которых вязью неведомых человечеству рун змеились тонкие трещины, образованные ветром и влагой. Все эти знаки были понятны Эмерхаду — от того-то именовался он Господином Знаков и Повелителем Символов. Также рождение и смерть, постройка дома или его разрушение, война и полевые работы, любовь и ненависть могли быть для Эмерхада, если он желал этого, лишь различными письменами — отличавшимися друг от друга лишь по виду букв и по своему содержанию. Теперь, желая приобрести необыкновенное оружие, он наблюдал за смертью и разрушением, изучал их язык, и учился узнавать их символы и руны. Происхождение этого языка ему было неизвестно, но, освоив его и составив представление о его структуре и виде, в одном пустынном месте Эмерхад призвал силы, сущность и свойства которых описывали обнаруженные им разрушительные символы. Так он создал магические врата и, шагнув за их край, очутился в месте, называемом Старым Колодцем. Стены его были сложены из тлеющих углей и обломков, что давным-давно откололись от плоти миров и, падая в хаос, были подхвачены ветрами времени. Не испугавшись, Эмерхад закрепил веревку и спустился по ней вниз, внимательно рассматривая стены и выгравированные на них символы распада и разрушения. Он вытащил из стены десять камней и полез обратно. Веревка его затрещала и оборвалась, не выдержав дополнительного веса, но он успел ухватиться за край колодца, и выбрался наружу. Однако при этом он оборонил один из камней, который выскользнул у него из рук и полетел вниз — и Эмерхад так и не услышал звука его падения. Впрочем, он вскоре позабыл о том. Закрыв за собой магические врата, Господин Знаков с нетерпением приступил к исследованию девяти частиц Старого Колодца. Он изменил их, обточил их края, уменьшил их толщину, стер некоторые знаки, видимые только его зрению, а другие сделал видимыми и для глаз непосвященных. Затем он подкинул первый диск в небо, второй бросил в землю, третий в море, четвертый в огонь, пятый в солнце, шестой в луну, седьмой заточил в зеркало, восьмой омыл в звериной крови, а девятый скрыл своей тенью. Вслед за тем, он поочередно призвал их обратно, и темные диски с острыми краями возникли перед ним и легли ему в руки. В центре каждого из них был изображен особый знак, отличающий его от остальных — но любой из этих символов отнимал волю и сводил с ума смотрящего на него. Немало иных губительных свойств приобрели эти диски в руках Господина Знаков, и о некоторых из тех свойств будет упомянуто

ниже, но теперь надлежит обратиться к тому, как провел эти дни Повелитель Ворон.

Гасхааль, расставшись с родичем, посетил некое место, где недавно произошла жестокая сеча между двумя воинствами — и большая часть участвовавших в том сражении осталась на поле, а уцелевших было так мало, что они не смогли даже похоронить павших товарищей. Здесь собрал Гасхааль своих подданных и дал им богатый пир, а после спросил совета в своем предприятии. Многие поведали ему черные птицы; он слушал их целый день и всю ночь, не перебивая.

Заинтересовавшись одним из рассказов, он сотворил путь в место, указанное птицами — то были пустынные, холмистые земли, где на одном из холмов стоял высокий замок. Стены его были чернее, чем здешние небеса, никогда не знавшие солнца. Все небо было затянуто грозowymi облаками, и лишь над главной башней замка облака расходились — там, в узком просвете облаков, пылал черный диск, окруженный кольцом бледного света. Это было затмение — но длилось оно бесконечно, потому что бег светил был навсегда остановлен в том мире. А в замке обитал один из Обладателей Силой, бывший, возможно, виновником этих перемен, а возможно — лишь их следствием. Звали его Каэрдин, Повелитель Затмений.

Приблизившись к замку, Гасхааль постучался в ворота и был впущен внутрь. Хозяин вежливо принял гостя и угостил его легким ужином, и только после этого поинтересовался, что же привело сюда Гасхааля. При этом его интерес к гостю был скорее поверхностно-вежливым, чем дружеским, однако ни на волосок не отклонялся от приличий и правил хорошего тона.

— Я слышал, что вы обладаете властью над некими странными дорогами, уводящими под оболочку привычного мира, — сказал Гасхааль. — И я хотел бы увидеть те области своими собственными глазами. Понимаю, моя просьба может показаться вам дерзкой, однако я все же прошу исполнить ее. Впрочем, возможно, вы думаете: «Какая мне выгода вести этого чародея в подобное путешествие?» Если дело только в этом — назовите цену и я, если цена будет не чрезмерна, постараюсь заплатить вам ее.

— Не знаю, — сказал Каэрдин, — чем бы вы смогли заплатить мне за это путешествие, ибо у меня есть все, что нужно. Поэтому я не стану требовать с вас платы и окажу вам простую любезность, как и подобало бы поступить по отношению к гостю. Но скажите, если это не секрет, для чего вам понадобилось это путешествие?

— Я поспорил со своим родичем, — ответил Гасхааль, — что являюсь лучшим магом, чем он. Чтобы полюбовно решить наш спор, мы условились сделать по одному волшебному изделию и сравнить их свойства. Однако стихии видимых миров давно изучены и известны нам обоим, и мне, чтобы быть уверенным в исходе спора, следует принести какую-нибудь совершенно необыкновенную вещь.

— Что ж, — сказал Каэрдин, — я постараюсь помочь вам.

И вот, воспользовавшись своей Силой, он открыл волшебную тропу, подобных которой Гасхааль не встречал прежде. Ибо известные пути связывают Земли и Острова, и открыть их можно почти что в любом месте и в любое время, но кто знает, какие особенные тропы открываются в час лунного или солнечного затмений? Больше всех прочих знал об этом Каэрдин, и, хотя он и не спешил делиться своим знанием с кем бы то ни было, он все же не трясся над ним, подобно нищему или скупцу.

И протянулся путь, подобный вертикальному туннелю, верхнее основание которого упиралось в солнце, скрытое черным диском, а нижнее, проникая сквозь кожу реальности, уходило во тьму и бесцветье. Идти по этому пути было невозможно, но Повелителю Ворон ничто не стоило отрастить себе крылья, а Каэрдину и вовсе не требовалось ничего менять: ибо его обычный облик был обликом не человека, а темнокрылого ангела. Обладающие бросились вниз и, скользя по пути, миновали множество мрачных областей. Размеры некоторых областей можно было измерить всего лишь несколькими шагами в длину, а другие продлевались на десятки миль, прежде чем пространство их сворачивалось и гасло, растворяясь в пустоте, путешественники очутились над черным маслянистым морем. Гасхааль хотел продолжить путь и дальше, проложив сквозь море дорогу в еще более низкие области, но Каэрдин отсоветовал ему это. Приглядевшись, Гасхааль заметил, что внизу — не море, но непредставимое множество колыхающихся черных тел, подобных человеческим, но лишенным глаз и волос на голове и коже. Тела не лежали недвижно, их постоянные перемещения были подобны суете муравьев в муравейнике, но сколько Гасхааль не смотрел вниз, замороженный увиденным, он не смог понять, чем занят колыхающийся под ним океан людей — любовной оргией или безжалостной, бессмысленной борьбой за то, чтобы оказаться на поверхности океана.

Меж тем, они летели дальше и дальше над океаном, пока не достигли круглого отверстия в небе, которое источало холод и темноту. Жестокий ветер опалил их и едва не бросил Повелителя Ворон вниз, в гущу человеческих тел, но Каэрдин подал ему руку и помог пересечь это

препятствие. Преодолев сопротивление ветра, они оказались в следующей области. Там была зима: серо-стальной снег скрывал всю поверхность земли до самого горизонта, а небо было подобно сотам. Ветер здесь был еще сильнее, поскольку он проникал из многих небесных отверстий, а не из одного, как в предшествовавшей области, и Гасхааль едва сохранял сознание и разум под его убийственными порывами. Если бы не Повелитель Затмений, вряд ли бы он смог выбраться отсюда. Каэрдин провел его в одну из небесных дверей. Там их ждала долгая дорога, во многом подобная обычной, которые пролегают в сумерках между мирами, и во время пути Гасхааль немного оправился. Затем они очутились в некоем пустынном месте, где в землю был воткнут предмет, подобный серому копыю. Впрочем, при ближайшем рассмотрении становилось ясно, что это не копые, а большая стрела с оперением.

— Кто сотворил эту стрелу, — спросил Повелитель Ворон у своего проводника, — и какому исполину она предназначалась?

— Ответ, который я мог бы дать, не уместится в рамки того мира, который ты знаешь, — сказал Каэрдин. — Намного важнее то, сможешь ли ты взять предлагаемую тебе силу и воспользоваться ею по своему усмотрению.

— И все же, я желал бы знать, — осторожно сказал Гасхааль.

— Даже если бы ты мог вместить мой рассказ, здесь не место и не время для изложения всех подробностей и обстоятельств. Достаточно сказать, что происхождение этой стрелы связано с войной между существами более древними, чем известные тебе боги, и эта стрела предназначалась для умерщвления одного из них. В этом предмете заключена великая мощь, воспользоваться которой не просто, однако если тебе повезет в этом, ты сможешь быть точно уверен в том, что выиграешь состязание со своим родичем.

Гасхааль попробовал вытащить стрелу из земли, но не смог и сдвинуть ее на волосок — столь тяжела она была. Ни Искусство, ни Сила не помогли ему, ибо стрела отбрасывала любую магию. Разочаровавшись, он оставил попытки, и они покинули это место. Двигаясь далее, Каэрдин и Гасхааль достигли вертикального озера и, проникнув сквозь его воды, оказались в следующей области. Это было место безумия: область состояла из утеса, высящегося посреди пустоты, и звездного неба — но необычными были его звезды: они кричали, как будто были раздираемы какими-то непредставимыми муками, выли, лаяли и скулили, как бешенные звери, и страшны были голоса их. Повелители Стихий долго спускались с утеса, пока, наконец, не достигли его основания. Там простиралась великая пустыня, а в ней на некотором расстоянии друг от друга были разбросаны оболочки умирающих и давно угасших звезд. Подобрал одну из них, Гасхааль хотел было идти обратно, но в это время звезда ожила и потянулась к нему, желая выпить его Силу. Долго стоял Повелитель Ворон посреди пустыни, неподвижный, как изваяние, в то время как его магия и воля боролись с волшебством звезды, и Каэрдин находился рядом, ожидая, чем закончится это противоборство, ибо дары, которые он предлагал, нужно было еще суметь взять. Наконец Повелитель Ворон победил и подчинил себе умирающую бестию, и тогда путешественники взошли обратно на утес. Здесь Гасхааль сложил все собранные компоненты и заключил их в подобранную внизу оболочку. Первым компонентом было серое ледяное крошево, вторым — обжигающий ветер, третьим — вода из вертикального озера, которая не входила в соприкосновение ни с какой вещью, опущенной в нее, но только лишь расступалась перед ней. Что же получилось в результате? Шкатулка, будто покрытая водяной оболочкой — но стоило протянуть руку, и оболочка расступалась, сплетаясь в удивительные синие, зеленые и желтые узоры. Завершив творение, Гасхааль попросил Повелителя Затмений увести его из этого места, потому что трудно было слушать крик мечущихся звезд и сохранять рассудок. И они отправились в обратный путь. Миновав уже известные Гасхаалу области, они вернулись в замок. Повелитель Затмений пригласил Гасхаала погостить у него с тем, чтобы отдохнуть от путешествия, но Гасхааль отказался, сказав, что боится опоздать к условленному сроку встречи со своим соперником. На том они расстались, и Вороний Лорд поспешил к замку Джордмонда-Законника.

Гасхааль и Эмерхад встретились на некотором отдалении от замка и, после взаимных приветствий, отправились к избранному жребием судье — предварительно, впрочем, не забыв изменить свое обличье. В высоком

зале, озаряемом блеском множества светильников, сидел Джордмонд, владетель окрестных земель и мудрый судья. Его устами никогда не говорили чувства — но только разум. Сложно было бы отыскать книгу, которую не прочел Джордмонд, или устную легенду или сказание, которых бы он не слышал. Об обычаях разных народов, их традициях и праве ему было известно все. Вынося приговоры, в левой руке он держал раскрытую книгу, а правой водил по ее страницам, что делало его похожим на слепца, пытающегося при помощи пальцев возместить отсутствие зрения. За его тронном возвышалось до самого потолка большое бронзовое зеркало; но никто из приходивших на суд к Джордмонду никогда не видел там своего отражения.

Войдя в замок, назвавшись вымышленными именами и испросив аудиенции, Гасхааль и Эмерхад получили ее и предстали пред тронном Законника. Эмерхад изложил их дело; и когда Джордмонд спросил о свойствах их творений, он же и начал говорить первым.

— Это девять дисков, — сказал Эмерхад, демонстрируя судье свои изделия. — Их свойства различны, хотя природа и происхождение этих свойств во многом одинаковы, и по-разному можно использовать их. Можно поражать ими врагов, как обычными метательными дисками — но сложно будет отыскать доспех, способный выдержать их удар. Можно использовать их и для церемоний, подобно пентаклям; можно, искажая, управлять посредством ритуалов силами, связанными с дисками: небом и водой, почвой и пламенем, светом дня и светом ночи, видимостью, жизнью и темнотой. Также следует сказать, что каждый из дисков во многом подобен живому существу. Произнеся некоторые заклинания, можно пробудить их душу. Тогда вместо дисков появятся могущественные демоны, и исполнят любое приказание своего господина. Уничтожить их почти невозможно, ведь основание их силы — прах и уголья времени, лежащие в Старом Колодце, а то что один раз уже сгорело, не может сгореть вновь.

— Твое искусство велико, — молвил Джордмонд, — немногие знают о Старом Колодце, и еще меньшее число известных мне чародеев способны на то, чтобы добыть что-либо оттуда. Послушаем теперь, что скажет твой соперник.

— Вижу я, — сказал Повелитель Ворон, — что ты, братец, сотворил сильные амулеты, однако и я не терял времени даром. Вот шкатулка, обладающая много большей разрушительной силой. Стоит открыть ее и выпустить на волю хотя бы горсть льдинок, лежащих там, как поднимется волшебный ветер, в котором соединены жар и холод, и разнесет льдинки

туда, куда будет ему приказано. Куда попадет льдинка, там она умножится многократно и прорастет, подобно зерну, и пища тому ростку — жизнь и тепло, волшебство и сила. Перед тобой будет большое войско — во мгновение ока погубит его шкатулка; будет искусный волшебник или существо, наделенное собственной, внутренней магией — и вскоре они исчерпают свою Силу, а потом лишатся и жизни; будет цветущая страна — останется лишь пустыня.

— Эта вещь опасна, — сказал Джордмонд, — но вряд ли можно полагать ее наилучшим оружием. Сила, заключенная в шкатулке, разрушая, выходит из-под власти того, кто выпустил ее. Сила эта многое отнимает у того, против кого обращена, но ничего не оставляет и своему владельцу. Это не оружие — скорее проклятие, и лишь безумец воспользуется им против своих врагов: ведь если то, что ты говоришь, правда, то песчинки, выпущенные из шкатулки, способны быстро погубить не только противника, но и весь мир, где будет происходить битва. Потому состязание ваше выиграл твой родич, а не ты: его изделие не столь губительно, но магией, заключенной в дисках, при случае можно воспользоваться, а тем, что изготовил ты, пользоваться не следует ни при каких обстоятельствах.

Гасхааль усмехнулся, поскольку имел на этот счет свое мнение, однако не стал оспаривать приговор судьи. На том и закончилось состязание. Джордмонд пригласил обоих колдунов погостить у него некоторое время, поскольку их мастерство вызвало в нем уважение. Немногие способны проникнуть в Старый Колодец и что-либо вынести оттуда. Прежде Джордмонд полагал, что подобное под силу только Повелителям Стихий, и на этот счет относительно своих гостей у него сложились некоторые подозрения, и это было первой причиной его гостеприимства. В отличие от дисков, о происхождении шкатулки с песчинками ему ничего не было известно, и обстоятельства эти также интересовали его, но более всего он желал под каким-нибудь предлогом изъять шкатулку у Гасхааля, потому что опасался сил, заключенных в ней — это было второй и третьей причинами гостеприимства.

Гасхааль и Эмерхад приняли его приглашение и остались на несколько дней, поскольку им хотелось побольше разузнать о своем будущем враге и, возможно, обнаружить области волшебства, в которых он слаб, изучить особенности его колдовского искусства и обнаружить в его невидимой броне уязвимые места. Так, каждый день, под видом добрых гостей, они обедали и ужинали с Джордмондом, и развлекали его байками о своей выдуманной жизни. С каждым новым днем Джордмонд все больше

убеждался, что его гости — отнюдь не те, за кого себя выдают, но не показывал пока виду, что что-то подозревает, потому что не мог определить точно, что в их рассказах ложь, а что правда. Он наблюдал за ними, притворяясь радушным хозяином; он несколько раз пытался выкупить у Гасхааля его шкатулку, но тот всякий раз отказывался.

Теперь следует упомянуть о еще одной персоне, гостившей у Законника в то же время. Это была сестра Лорда Келесайна Майтхагела, девушка по имени Талиана. Гасхааль постарался поближе познакомиться с ней, чтобы выяснить, какие у нее отношения с братом и разузнать что-нибудь о Повелителе Молний. Он вел себя с ней очень любезно и всегда с большим уважением отзывался о ее брате. Однако это оказало противоположный эффект: Талиана в то время была в ссоре с Келесайном. Она не испытывала доверия к Путям Света и презирала всех, кто слепо следовал ими — а среди таковых первым она считала своего единокровного брата. Когда она впала в ересь, Келесайн пригрозил, что выдаст ее замуж, чтобы выбить из головы девичью дурь. Так началась их ссора. От того-то, погостив в замке Законника всего несколько дней и вдруг обнаружив там щедрого на любезности кавалера, Талиана возомнила, что ее брат решил исполнить свою угрозу и свести ее с будущим женихом. Как следствие, она была чрезвычайно холодна с Гасхаалем. Она полагала, что по прошествии самого короткого времени он постарается перейти от светского общения к общению более доверительному и не желала давать ему каких-либо надежд. Конечно, она могла бы поиграть с ним, а потом, когда он признался бы ей в своих чувствах, жестоко высмеять, но такие игры были ей не по вкусу.

Меж тем ситуация складывалась таким образом, будто бы Гасхааль и впрямь делал попытки ухаживать за ней, и с каждым днем она все больше и больше убеждалась в правоте своих предположений. Эта игра сильно раздражала ее, и вот, в один из дней, когда Гасхааль случайно встретился с ней на большом балконе (Талиана полагала, что встреча эта отнюдь не случайна — без сомнения, «жених» специально выслеживал ее), она решила раз и навсегда разобраться с этим.

— Вас ведь послал мой брат, не так ли? — Спросила она молодого человека, пристально глядя ему в глаза. — Наверное, это для вас большая честь: ухаживать за сестрой Повелителя Молний по его же указке.

Гасхааль рассмеялся. В этих немногих словах ему открылось больше об отношениях Талианы с братом, чем он узнал за все прошедшие дни. Предположения ее позабавили и развеселили Вороньего Лорда.

— Госпожа, — сказал он, — если бы ваш брат узнал о нашем

знакомстве, он несомненно постарался бы убить меня, а если бы он заранее узнал о нем, то постарался бы убить меня еще до того, как оно произошло.

Слова эти ошеломили Талиану.

— Разве вы враги? — Спросила она с сильным недоверием.

— Я не считаю его своим врагом, — отвечал Гасхааль, — и не питаю к нему вражды. Однако он сильно ненавидит меня по причинам, которые мне неизвестны, и обвиняет меня в чудовищных преступлениях, противоречащих всякому здравому смыслу. Я не против примириться с ним, но он не хочет.

— Но отчего тогда Келесайн оставил меня в этом замке, если знал, что вы можете здесь появиться?

— Сомневаюсь, чтобы он знал об этом. Я оказался в гостях у Джордмонда совершенно случайно. Кроме того, я ношу личину, которая делает мое лицо совершенно неузнаваемым, ведь Джордмонд — один из союзников и друзей вашего брата, и, признаться, мне не очень-то безопасно здесь находится. Впрочем, я покажу вам, как выгляжу на самом деле.

С этими словами он снял личину. И если личина красивого юноши, которую он носил, вызывала неприязнь у Талианы, поскольку она подозревала юношу в неких неблагоприятных намерениях на ее счет, то подлинное лицо Гасхааля, не очень красивое, изрезанное морщинами, лицо хищника и аристократа, показалось ей куда симпатичнее. Кроме того, имелось и еще одно обстоятельство. Как уже было упомянуто в начале истории, Гасхааль носил черные одежды, а Талиана испытывала большую симпатию к этому цвету — хотя бы потому, что ее брат всегда предпочитал светлое одеяние жреца.

Узнав от Талианы о том, что Келесайн должен вскоре посетить замок Законника, Гасхааль и Эмерхад поспешили распрощаться с гостеприимным хозяином, опасаясь, что Повелитель Молний сумеет разгадать их личности.

Далее они отправились на Вороний Остров, где Гасхааль хранил записи, которые похитил у астролога — записи, повествующие о том, когда и в каких местах откроются пути в новый мир. Эмерхад взялся расшифровать те заметки, но Гасхааль остановил его.

— Кто способен лучше разобраться в них, как не сам составитель? — С этими словами он вызвал птицу, бывшую когда-то городским звездочетом, и приказал ей объяснить им смысл написанного. Птица исполнила приказание, но по ее словам выходило, что до появления нового мира должно пройти, по меньшей мере, еще несколько месяцев. На сем Гасхааль

и Эмерхад расстались, уговорившись встретиться через некий срок. Но когда срок истек, Гасхааль не поспешил исполнить это условие: своего брата он ценил скорее как возможного союзника в близкой войне, но отнюдь не испытывал желания делиться с ним силой. Обратиться к его помощи Гасхааль решил лишь перед самой войной и пожалел о том, что и так слишком поторопился, рассказав родичу так много о своих надеждах и неприятностях.

Однако, и об этом будет рассказано дальше, жадность сыграла с Повелителем Ворон дурную шутку.

И вот, спустя несколько месяцев, некоем месте, собрались волшебники, с которыми астролог до часа смерти успел поделиться своими расчетами — Келесайн, Тарнааль, Джордмонд, а также их ученики и спутники. Из наиболее известных и сильных спутников следует назвать Ягани, Огненную Танцовщицу, Шаркэля, Хозяина Видений, Алгарсэна, Повелителя Драгоценностей, Зерема, Повелителя Бестий, Астану, Хозяйку Деревьев и Ирвейга, Властелина Теней. Была открыта дорога в новый мир, и Обладающие Силой вступили на нее. Никто из них, однако ж, не заметил, что позади процессии, на некотором от нее удалении летела птица с черно-серым оперением, каковое оперение делало ее совершенно невидимой в сумраке между мирами. Лорды вступили на землю нового мира, а та птица была первым живым существом, коснувшимся его небес.

Этот мир, в последующие времена названный Эссенлером, Рассветными Землями, был удивительным местом. Лучи двух солнц изливались на его моря и долины; смешиваясь, их свет порождал многочисленные радуги — зеленые, золотистые, алые. Воздух не был одноцветен, освещение, вследствие движения двух светил постоянно менялось, плавно, незаметно принимая новые оттенки. Радостью исполнен был юный мир, и великая тишина царила над его просторами, и казалось, что эта тишина — лишь сон новорожденного. Земли Эссенлера были пусты и не имели еще ни лесов, ни гор — появление тех и других, а так же животных и птиц должно было произойти в свои сроки, ждать наступления которых, впрочем, осталось уже недолго. Но голоса зверей и тени лесов были доступны восприятию пришельцев, из которых никто не был чужд волшебству, и чем дольше любой из них задерживал взгляд на каком-либо являвшемся ему призраке, тем реальнее тот становился: так, с самой первой минуты пребывания в Эссенлере, Обладающие Силой стали влиять на него и ускорили его пробуждение. Каждый из них имел свою долю в волшбе новорожденных Земель, и каждый определил ее и объявил пред другими, но прежде чем они разошлись, подыскивая себе обиталища и

определяя территории, где можно будет в полной мере проявить свое искусство, Келесайн, Повелитель Молний, обратился к ним со следующими словами:

— Звездочет, рассказавший нам о тайной дороге в эти земли, исчез, равно как и его бумаги, и многое заставляет предположить, что это дело рук Вороньего Лорда, против которого звездочет просил нашей помощи. Если это так, Гасхааль наверняка уже здесь или будет здесь в самом скором времени. Полагаю, что ни у кого из нас нет желания признавать его своим добрым соседом и мириться с его обществом. А потому я предлагаю сотворить Ловчую Сеть, в которую попадутся он сам и его мерзкие птицы: сеть пленит его и доставит нам беспомощным пленником с тем, чтобы мы могли предать его справедливому суду за его злодеяния.

Остальные Лорды согласились с Келесайном, и сотворили Ловчую Сеть, а Ангел-Страж раскинул ее над миром. И вскоре Гасхааль попался в ловушку и почувал, как будто что-то стягивает ему крылья и отделяет от стихий Эссенлера; и как он не исхитрялся, как не пытался сбросить путы, он лишь сильнее запутывался в них. Тогда он решил на время покинуть Эссенлер, чтобы достичь своего Острова и там снять заклятье, но сеть не выпускала его за пределы мира. Меж тем, каждая попытка высвободиться лишь вдвое ограничивала область его передвижений, и он понял, что, действуя таким образом, в скором времени уже не сможет сдвинуться ни на дюйм, и зависнет между небом и землей, связанный незримыми путами. Тогда, не прибегая больше ни к какому сильному волшебству, он отправился в земли своих врагов, чтобы выяснить, чем они заняты, и, может быть, изыскать какую-нибудь хитрость, чтобы снять заклятье. Так вышло, что первой областью, избранной им, благодаря случаю оказались владения самого Лорда Келесайна. Там стоял прекрасный дворец, окруженный фонтанами и садами — все это Келесайн сотворил в первый день своего появления в Эссенлере, чтобы было где поселить пришедших с ним учеников и вассалов. Сам он редко появлялся во дворце, занятый возведением иной постройки, которую полагал сделать своим постоянным обиталищем — колдовского замка, названного позже Грозовой Цитаделью. Свое имя Цитадель получит от того, что серебряно-золотые стены ее будут сиять подобно солнцу, и веретено молний окружит их несокрушимой броней.

Лучшие комнаты дворца были отведены Келесайном для своей сестры. В любую минуту она могла получить все, что ни пожелает — все слуги были в ее распоряжении, и любой из учеников Келесайна с радостью исполнил бы любую ее просьбу. Однако ж, она скучала, чувствуя себя

здесь лишней, поскольку не обладала никакими особенными волшебными талантами и не могла принять участия в трудах Келесайна и прочих Лордов. Она ощущала себя пленницей в этом богатом дворце, а скука и пустота стали ее тюремщиками. Не смотря на большое число людей, живших с ней под одной крышей, она была одинока, ни с кем не смея разделить ни радость, ни печаль. Вера ее брата была чужда ей и казалась не более чем красивой ложью, и она не желала ходить теми дорогами, которыми ходили Келесайн и ученики его.

И вот, однажды, когда она сидела в своих покоях, предаваясь чтению и размышлениям, на подоконник опустилась большая черно-серая птица. Это удивило Талиану, поскольку подобных птиц она еще не встречала в этом мире, да и не водилось пока что в Рассветных Землях иных живых тварей, кроме тех, которых привели с собой поселенцы. Девушка отложила книгу и стала смотреть на ворону, и не спешила ее прогонять. Гасхааль же (а это был именно он), убедившись, что в комнате больше никого нет, принял свое человеческое обличье. Талиана испуганно вскрикнула, но испуг тот час сменился радостью — ведь она полагала Гасхааля своим добрым знакомым.

— Так значит, вы и есть Повелитель Ворон... — Негромко промолвила она.

— Полагаю, теперь уже нет смысла скрывать это обстоятельство, миледи, — усмехнувшись, ответил Гасхааль.

— Отчего же вы скрыли его от меня в замке Джордмонда-Законника?

— Из опасения, что вы примете меня за того, кем видит меня Келесайн Майтхагел, а не за того, кем я являюсь на самом деле. Ведь ваш брат, должно быть, немало рассказывал вам обо мне.

— Это так, милорд, и он действительно несколько раз упоминал ваше имя. Также он призывал меня остерегаться вас, поскольку ходили слухи, что вы нашли способ проникнуть в этот мир вместе с прочими Лордами.

— И вы намерены последовать его совету? — С толикой иронии поинтересовался Гасхааль. — Вы намерены вызвать стражу и просить вассалов вашего брата защитить вас от меня?

— Разве я нуждаюсь в подобной защите? — Спросила Талиана, гордо вскинув голову.

На что Повелитель Ворон ответил:

— Нет, миледи, не нуждаетесь. Вы — последняя в Эссэнлере, кому я желал бы причинить какой-либо вред. Однако страх заставляет видеть вещи не такими, какие они есть в действительности, и я опасюсь, что ваш брат сумел внушить вам страх передо мной.

— Некоторые из деяний, которые вам приписывают, и впрямь заставляют при встрече с вами помнить прежде всего об осторожности и благоразумии. Но я уже давно не верю безоглядно всему тому, что говорит мой брат, и не принимаю каждое его слово за наивысшую истину, как это делают его ученики и вассалы. Полагаю, что и Обладающие Силой склонны ошибаться — также, как и простые люди, вот только последствия их ошибок не в пример более разрушительны. Многие мой брат видит так, как ему хочется, отказываясь признавать какие бы то ни было иные мнения на этот счет, и не останавливается перед применением силы для того, чтобы искоренить эти мнения.

— Увы, это так, — с тяжелым вздохом согласился Гасхааль. — И я склонен предположить, что, действуя таким образом, он рано или поздно добьется полного успеха. Тогда все живущие станут ходить только теми дорогами, которые вызовут у него одобрение, и верить будут только в то, что он объявит истинным, а знать — только то, что он разрешит им.

— Отчего вы так уверены в том, что он добьется успеха? Ведь вы — его недруг, однако беспрепятственно проникли в его дворец; вашего присутствия в этих Землях не желал ни мой брат, ни его союзники, но вы пришли в Эссенлер и, кажется, собираетесь действовать здесь и дальше, не очень-то оглядываясь на остальных Лордов, и не о чем не спрашивая у них разрешения. Я знаю, многие Обладающие Силой прислушиваются к словам Келесайна, но мне известно так же и то, что еще большее их число никогда не последует за ним и не примет того порядка, к которому он желает привести всех живущих.

— Ваш брат очень настойчиво добивается своих целей, — с легкой улыбкой сказал Гасхааль. — И ему обычно удаются его начинания. Он ломает ворота, если они закрываются перед ним, он вызывает на судебный поединок тех, кому проигрывает в словесном споре.

— Вы вызваны им на дуэль, милорд?

— Можно сказать и так, хотя никто не объявлял мне о вызове. Ваш брат связал мне крылья и наложил на меня заклятье, которое с каждым часом все сильнее стягивает мою духовную сущность и отнимает все больше сил. Когда я пришел в этот мир, я был открыт Эссенлеру, и Лорд Келесайн воспользовался этим, чтобы поймать меня в ловчую сеть, словно птицу. И если вы, миледи, все же пожелаете позвать ваших телохранителей, я мало чем смогу воспротивиться этому — Сила моя убывает час от часу и скоро исчезнет совсем. Тогда Повелителю Молний и его своре не составит никакого труда найти меня, и мне останется только уповать на их милосердие.

Талиана содрогнулась от этих слов, потому что знала, что редко ее брат проявляет милосердие к тем, кого считает своими врагами.

— Но неужели, — с трепетом спросила она, — неужели нет никакой возможности к примирению между вами?

С глубокой скорбью вздохнул Повелитель Ворон, услышав это.

— Боюсь, что нет, — сказал он. — Меня оклеветали перед ним, а он не станет слушать моих оправданий, да и я не стану оправдываться, ведь и у меня есть своя гордость.

— Но я могу хоть как-нибудь помочь вам? Скажите, что необходимо сделать, чтобы снять с вас заклятье, и я с радостью исполню это!

— Я пришел к вам не для того, чтобы просить о помощи, — сказал Гасхааль. — Да и чем вы можете помочь мне? Ведь вы не обладаете никаким могущественным волшебством, способным снять чары. Я долго пытался сломать это заклятье сам, но потерпел неудачу — оно вообще не может быть снято, пока я нахожусь в этом мире, а покинуть его я не в силах. У меня осталось всего несколько часов, прежде чем меня отыщут. Это время я хотел бы провести в беседе с вами, потому что вряд ли мы с вами когда-нибудь еще увидимся.

— Вы полагаете, что вас казнят? За преступления, которых вы не совершали? — С ужасом спросила Талиана.

Гасхааль коротко кивнул.

— Несомненно, миледи. Однако давайте лучше говорить о приятном. Вот, я вижу на вашем столе книгу Агрависа Мудрого «Исчисление сеньоров Нижнего Мира, их свойств, имен и родов занятий, с включением краткой истории происхождения каждого, ежели она известна.» Хмм... Странное чтение для молодой девушки, да и чересчур, по-моему, мрачноватое, ведь Агравис, насколько мне помнится, выставляет Владык Преисподней таким безумными страшилищами, а я знаком с некоторыми из них, и могу вас уверить, что отнюдь не все они таковы. Если, конечно, судить о них по их боевым обличьям — ну, вы знаете, рога, копыта, жвала, ядовитые когти, чешуя и шипы, и прочее в том же духе — то, конечно, трудно не испугаться таких бестий. Однако у них существуют и иные облики, куда как более благородные и приятные... Между прочим, вы читали другую книгу Агрависа, повествующую о Владыках Небес?

— Нет, в храме Бога Света, где я воспитывалась, имелись только отрывки из нее. Говорят, что подлинник и все полные копии были уничтожены, когда... когда погиб Агравис.

— Вовсе нет, миледи, у меня в замке имеется одна из копий — Агравис был моим другом, и подарил мне ее незадолго до смерти... Я никогда не

мог понять, почему именно меня обвинили в его смерти. Кто-то убил Агрависа и всех его учеников. Ничего удивительного, что тут же со всей округи слетелись вороны, чтобы как следует попировать телами умерших. Но почему на меня возлагают за это ответственность? Разве Келесайн, Повелитель Молний, отвечает за те грозы, которые сейчас, может быть, бушуют в каких-нибудь далеких мирах и причиняют массу хлопот простым людям?... Впрочем, давайте оставим эту тему. А не попался ли вам, случаем, один из трактатов Агрависа, посвященный...

Так, в беседе о высоких материях, они провели около получаса. Но было видно, что мысли Талианы бродят где-то далеко, и чем больше проходило времени, тем сильнее она казалась обеспокоенной. Под конец она не выдержала:

— Как вы можете с такой легкостью рассуждать обо всех этих отвлеченных вещах, зная, что через несколько часов лишитесь свободы, а вскоре, возможно, и самой жизни? Я люблю и поэзию, и философию, и историю, и прочие подобные дисциплины, но я не в состоянии сейчас разговаривать с вами о них. Я прихожу в ужас от одной мысли о том, что с вами сделает мой брат, когда обнаружит вас здесь, а вы ведете себя так, будто бы зашли приятно скоротать часок-другой за светской беседой. Кажется, что ваша судьба волнует вас куда меньше, чем меня.

— А почему вас волнует моя судьба? — Как будто с легким удивлением произнес Гасхааль. — Мы ведь не так долго знаем друг друга.

— Но достаточно, чтобы я поняла, что вы один из лучших людей, которых я когда-либо встречала, и мне будет очень жаль, если вы погибнете так бессмысленно.

— Мне тоже жаль, но что делать? Все мы когда-нибудь умрем, даже те из нас, что воображают себя бессмертными. Я, по крайней мере, могу похвастаться хотя бы тем, что более-менее точно знаю время, когда это произойдет, а значит, окажусь внутренне готовым к сему событию.

— Но неужели совсем ничего нельзя сделать, чтобы его предотвратить?

— Говорю же вам: в этом мире заклятие снять невозможно.

— А если вы покинете его?

— Сам я не в состоянии этого сделать. Сейчас я еще, наверное, смогу сотворить волшебную дорожку, но не смогу даже и вступить на нее.

— А если кто-нибудь поможет вам, выведет вас на эту тропу?

Гасхааль помолчал, прежде чем ответить.

— Да... — Сказал он задумчиво. — Полагаю, что это может получиться. Я могу превратиться в птицу... А потом излечиться на своем Острове... Но видите ли, миледи, вот еще какое обстоятельство: в этом

мире нет никого, кто захотел бы помочь мне, так что, боюсь, это не слишком удачная идея.

— Я с радостью помогу вам добраться до вашего Острова.

Гасхааль, услышав это, сильно помрачнел и нахмурился.

— Мне не хотелось бы ссорить вас с вашим братом, — сказал он. — Вряд ли он сильно обрадуется, когда узнает о том, что вы помогли мне избежать смерти.

— Ах, оставьте! Мы с ним и так уже давно в ссоре. Кроме того, я не собираюсь сюда возвращаться. Вы ведь не откажете мне в защите и покровительстве в ваших владениях?

— Вы всегда желанная гостья в моем доме, и можете жить у меня столько, сколько захотите, — сказал Гасхааль, поражаясь тому, как легко обвести некоторых людей вокруг пальца.

Он соткал волшебную дорогу, что простиралась за пределы этого мира и, превратившись в птицу, уселся на руку Талиане. Она же шагнула в сумрак, и волшебные двери закрылись за ее спиной, а когда по прошествии некоторого времени слуги и ученики Келесайна обнаружили ее исчезновение, то, конечно, не смогли найти ее, как не искали, и были вынуждены сообщить Келесайну, что не сумели уберечь его сестры. Хроники Рассветных Земель умалчивают, что сказал Лорд Келесайн на это своим ученикам и вассалам.

Поиски были продолжены, но ни к чему не привели. Однако по прошествии нескольких дней на землю прямо под ногами Повелителя Молний опустилась большая черно-серая птица.

— Талиана у меня, — каркнула ворона. — Не хочешь ли зайти в гости, шурин?

Келесайн сжег ворону молнией, однако отправился на Вороний Остров. Теперь следует рассказать о том, что было в это время с Гасхаалем.

Повелитель Ворон, достигнув своего Острова, на время оставил Талиану и стал изыскивать способ снять заклятие. Он призвал на Остров большое количество птиц и держал с ними совет об этом. Через некоторое время способ был найден, тем более что и заклятье сильно ослабело за пределами Эссенлера.

Талиану не напугал ни его замок, ни лес, окружавший цитадель — лес, где деревья были лишены листьев, а на каждой ветке сидело по вороне или по крупному ворону. Таких больших птиц она не видела никогда раньше. Они казались ей разумными, однако молчали, когда она пыталась заговорить с ними. Гасхааль запретил им общаться с девушкой, дабы она не узнала о том, что когда-то все они были людьми.

Талиане понравилось жить в замке Вороньего Лорда. Он притягивал ее, как притягивает к себе все темное и таинственное. Ее привлекали непонятные блестящие вещи, которыми полнились замковые комнаты. Ей забавляла огромная металлическая конструкция, установленная неподалеку от замка и чем-то напоминавшая боевую башню — правда, боевую башню весьма странных очертаний. Кроме того, ей нравилось подходить к самому краю Острова и заглядывать вниз, туда, где была одна пустота и бездонная тьма, высветленная лишь мирами, что следовали по своим невидимым путям, поднимались из хаоса и, соприкасаясь, проникали друг сквозь друга. Но более всего на Вороньем Острове и в высоком черном замке Талиане нравился сам Лорд Гасхааль.

Гасхааль позволял ей любить себя и думать, что испытывает к ней схожие чувства. Он никогда не говорил девушке о том, что давным-давно обменял все свои душевные слабости на Силу, и перестал быть уязвимым, а ведь любовь — высшая в числе слабостей, к которым склонно сердце, и наибольшая прореха в броне его.

Меж тем, на Вороний Остров пришел наконец Лорд Келесайн. Гасхааль принял его любезно и предложил поужинать, но Келесайн сделал вид, будто и не слышал этих любезностей.

— Где моя сестра? — Спросил он голосом в тысячу раз более холодным, чем поцелуй Ледяной Королевы. — Предупреждаю, если ее здоровью или чести был нанесен хоть какой-нибудь урон, ты горько пожалеешь о том, что вообще родился на свет.

— Вряд ли я пожалею о чем-либо подобном, — отвечивал Гасхааль, — потому что я никогда не рождался, а на свет я появился совершенно иным образом. Я принадлежу к тому же народу, что и твой знакомый, Тарнааль, Ангел-Страж, и жил в оболочке духа прежде, чем приобрел плотскую оболочку. Однако по твоему лицу я вижу, что тебя сейчас не очень-то волнует история моего происхождения. Предлагаю обсудить эту историю в какой-нибудь другой раз. Относительно же твоей сестры скажу лишь, что я не чинил ей никаких обид и в мыслях не держал как-либо препятствовать ей, буде она захочет покинуть мои владения, однако желания ее были иными, и я не мог отказать ей в гостеприимстве. В истинности моих слов ты сможешь сей же час убедиться сам, поскольку я не имею ни малейшего желания препятствовать вашему свиданию — напротив, я желаю, чтобы ты как можно скорее удостоверился в ее благополучии и оставил свой воинственный тон.

Келесайн увиделся с сестрой и имел с ней долгую беседу. Он уговаривал ее как можно скорее покинуть замок Гасхааля и расписывал

ужасы и жестокости, которые тот творил с людьми, стоявшими у него на пути, или даже просто так, ради забавы, но Талиана не верила ни одному его слову. Она требовала доказательств, а когда он предоставлял их, утверждала, что все они неубедительны. Она доподлинно знала о Гасхаале так мало, что заранее отвергала любое обвинение в его адрес. Бесчинства, о которых повествовал ей Келесайн, казались ей всего лишь нелепыми сказками.

— Какой смысл, — спрашивала она, — могущественному магу описанным тобою образом поступать с теми, кто не сделал ему ничего дурного? Жестокость происходит от невежества и страха, а чего бояться Обладателю Силой? Еще меньше можно заподозрить Гасхаала в невежестве. Он, возможно, умнейший из людей и бессмертных, с которыми я когда-либо беседовала, и очень тонкий знаток душ. Он так точно чувствует чужое настроение, так полно умеет сопереживать, что мне кажется невыносимым, чтобы он захотел причинить кому-нибудь боль — ведь ему самому будет больнее, чем его жертве. Брат мой, завистники оболгали его перед тобой, и он невиновен во всех преступлениях, которые ему приписывают.

И увидел Келесайн, что велика ее любовь, и ничем невозможно переубедить ее, да и стоит ли переубеждать, и открывать глаза на горькую правду? И, покинув сестру, снова отыскал он Гасхаала.

— Убедился ли ты, что я не солгал тебе? — С любезной улыбкой спросил его Повелитель Ворон. — Нашел ли ты свою сестру пребывающей в счастье и радости, или же она — жертва, томящаяся в глубочайших подземельях моего замка, а я сам — главный палач ее?

— Будь верным последнее, — сказал Келесайн, — твой замок уже был бы превращен в дымящиеся руины. Однако я вижу, что ты нашел ловкий способ уберечься от моего гнева.

— Но не от мести прочих могучих воителей, жаждущих покарать меня за смерть одного глупого звездочета и еще за пару-тройку подобных нелепых историй. Когда вы назначали день осады моего замка? Тогда, когда более-менее постигните магию Эссенлера и отхватите от стихий этого мира кусок пожирнее?

— Осады не будет, — тяжело сказал Келесайн. — В том даю тебе мое слово.

— Так же я желал бы, чтоб мне не чинили препятствий в исследованиях волшбы нового мира.

— Не много ли ты просишь, Вороний Лорд?

— Не много, и я не прошу, а извещаю тебя о своих... интересах. Или,

может быть, ты желаешь единолично владеть магией Эссенлера? Но если это так, для чего ты привел туда столько посторонних? А если не так, отчего ты не желаешь делиться с будущим своим родственником?

— Хорошо, — сказал Повелитель Молний. — Я принимаю твои условия. Мои же условия таковы: Талиана должна быть счастлива. Посмей только разочаровать ее, предать ее любовь, как-нибудь обидеть ее, и ты пожалеешь о том, что появился на свет — каким там бы странным и необычным способом ты не проделал это.

Сказав так, Келесайн Майтхагел покинул Вороний Остров и известил своих союзников о том, что война с Гасхаалем откладывается на неопределенный срок, и возможно даже, не состоится вовсе.

МАШИНА

(история седьмая)

Рассказывают, что некогда один из Обладающих Силой, а именно Гасхааль, владелец Вороньего Острова, гулял по волшебным дорогам, что связуют все существующие миры между собой. И вот, свернув на одном из наиболее широких перекрестков, на обочине дороги он увидел большую металлическую машину, прогрызавшую себе дорогу сквозь сумрак. Заинтересовавшись, Гасхааль подошел ближе. Двигалась машина медленно, вибрировала и гудела, и была окружена оболочкой невидимых чар, которые поддерживали ее, не давая упасть в хаос. Несложными были те чары, хотя и поддерживались немалой мощью. «Не оставляет сомнения, — подумал Гасхааль. — Что сотворил их недоучка, каким-то образом прибравший к рукам чрезвычайно мощный источник волшебной силы. Какая удача, что я первым натолкнулся на эту машину! Обязательно надо выяснить, из какого мира она была отправлена в путешествие по сумраку.» С этими мыслями он несколько раз обошел железное изделие — оно же за это время едва-едва продвинулось еще на несколько футов. Подобрать отмычки к примитивным чарам, окружавшим машину, было для Гасхаала делом несложным, однако, занимаясь этим, он сделал еще одно открытие. Оказывается, внутри машины имелись значительные пустоты, в которых передвигались люди: предположительно, рабы, поставленные колдуном присматривать за машиной, чистить ее, и, возможно, время от времени подпитывать окружающие ее чары обрядами и жертвоприношениями. Тогда Гасхааль тоже решил проникнуть внутрь и доподлинно узнать у рабов, где находится убежище их господина. Он прошел сквозь чары и вскрыл одну из запертых дверей, что вели во внутренности машины. Необычным образом ответила на это машина — когда Гасхааль шагнул за порог, встречен он был пронзительными воплями, издать которые человеческому горлу было бы затруднительно, а то и вовсе невозможно, и сверканием красных и белых огней. Осмотревшись, Гасхааль обнаружил, что внутри машина подобна большому дому со многими комнатами и коридорами. Внутренние ее стены также были сделаны из металла, однако их покрывало нечто наподобие белой кожи, но твердой, как камень. Также Гасхааль увидел, что

обе части коридора, в котором он очутился, перегорожены металлическими барьерами, хотя прежде, когда он выбирал дверь, в которую можно было бы войти, ни одного из этих двух барьеров за ней не было.

— Невежливо запира́ть дверь перед носом у гостя, — промолвил Гасхааль и посредством волшебства сломал один из барьеров. За ним он увидел такой же коридор, как и тот, в котором он находился, но также заметил, что на некотором расстоянии с потолка начинает опускаться еще один барьер. Внимательно осмотрел Повелитель Ворон этот коридор, подозревая тут какую-нибудь хитрость, потому что глупо закрывать третью дверь перед тем, кто без всякого труда проник сквозь две первые. Однако ничего не нашел он, за исключением странной коробки под потолком, имевшей с одной стороны короткую круглую трубу, в полости которой помещалось круглое же стекло. Загадочной показалась Гасхаалю эта коробка, ибо в какую бы сторону не шел он, она поворачивалась за ним следом. Гасхааль снял ее с основания, к которому она крепилась, и оборвал тянувшиеся за ней гладкие веревки, которые мешали ему подробно рассмотреть коробку. Однако как только он проделал это, погасли красные и зеленые огоньки, горевшие неподалеку от круглой трубки. Повертев коробку и так и сяк и не найдя в ней никакого явного смысла или скрытого волшебства, Гасхааль положил ее обратно на основание, с которого снял, и двинулся дальше.

Не желая больше сражаться со стенами, Повелитель Ворон принял обличье нематериальное и невидимое и прошел сквозь новый барьер. Можно спросить, отчего он не поступил так еще раньше, когда только подступал к машине? Ответ в том, что вот уже несколько тысячелетий Повелитель Ворон жил в плотском теле и иногда попросту забывал о том, что может так же легко существовать без него, как и с ним.

Переместившись в бесплотном виде на некоторое расстояние, он наткнулся на двух воинов в блестящей гладкой одежде, головы которых скрывали шлемы со стеклянными забралами. В руках воины несли металлические жезлы, имевшие с боков по две короткие перекладки. Воины разговаривали между собой, и Гасхааль удивился тому, как они слышат друг друга, ведь стеклянные шлемы не пропускали наружу никаких звуков. Не владели воины ни мысленной речью, ни одним из наречий призраков или духов, однако ж, каким-то образом исхитрились понимать то, что хотел сказать каждый.

И сказал первый воин второму:

— Why the hell did you wake me, Mike? What's going on? [\[1\]](#)

И ответил второй воин первому:

— Captain says we have guests. [2]

Молвил тогда первый воин:

— Are you nut, Mike? What guests? We're in the damned hyperspace, you motherfucker! [3]

На что так отвечал ему второй воин:

— No ideas what Cap could be thinking. May be some malfunction in the main computer. Or may be a meteorite has got through the forcefield and damaged the hull... Oh, damn, what meteorites in the hyperspace! [4]

Посмотрел тут первый воин на второго и так сказал ему:

— You'd better go to you quarters and take a nap, pal. I'll deal with this stuff. [5]

Но коротко ответил на это ему второй воин:

— Shut up, Ivan! [6]

Насмешливо бросил тогда первый воин:

— Too tender to get a friendly joke, are we? [7]

Помолчал второй воин, а после так молвил:

— They should send here a repair team instead of us, that's what I say. [8]

Необычными показались Гасхаалу те речи, и подумал он, что сии витязи могут стать достойным украшением его коллекции, которую собирал он на Вороньем Острове. И представил себе Гасхааль, как будет занимательно слушать их речи, когда они будут сидеть на ветках в его лесу и вести между собой длинные диалоги, а иногда и вступать в перебранку. Улыбнулся Повелитель Ворон своим мыслям и появился перед воинами. И превратил их в ворон. Затем, однако, пришлось разбить ему прозрачные шлемы и разорвать блестящую одежду воинов, потому что не смогли его новые подданные сами выбраться из прежних своих облачений. Не спеша затем отправился он дальше, с превеликим любопытством озираясь по сторонам, и заметил еще одну коробку, установленную на манер первой, и, подобно первой, поворачивавшуюся за ним следом. И сломал Гасхааль вторую коробку, ибо раздражало его самовольное шевеление незнакомых предметов. Но не успел пройти он после того и нескольких шагов, как увидел, что новая металлическая стена опускается перед ним, а за ней, на некотором удалении, еще одна такая же. Обстоятельство это снова заставило Вороньего Лорда покинуть плотский мир и приобрести естество призрака. Однако не стал он идти дальше по тому коридору, а прошел сквозь одну из боковых стен и зашагал в ином направлении, потому что желал как можно скорее составить наиболее полное представление об внутреннем устройстве машины, которую воины отчего-то называли

«кораблем». Бродил он так некоторое время и рассматривал комнаты и залы, заполненные удивительными предметами, предназначение которых было ему не совсем понятно. Да и не было и не могло быть у тех предметов никакого разумного предназначения, ибо слишком громоздки они были и велики, и походили более всего на идолов, коим поклоняются дикари. Однако Гасхааль не нашел у тех идолов ни лиц, ни иных явных частей тела, кроме пучков волос и светящихся глаз, разбросанных по всему телу, и понял Гасхааль, что безумен колдун, отправивший в плавание этот корабль, и отвратительны боги, которым заставил он поклоняться подданных своих и рабов. Рассудив так, потерял Повелитель Ворон интерес к металлическим идолам и отправился туда, где чудилось ему присутствие живых людей. Заметил он, что теперь отчего-то все коридоры перегорожены барьерами, и подивился этому обстоятельству. Проникнув в одно из помещений, обнаружил он там многих людей, оживленно споривших о чем-то, и прислушался к их спору. И снова услышал он слова, смысл которых ускользал от него: «гипер-пространство», «главный компьютер», «реактор» и еще многие другие.

Но более всего поразил его предмет спора, и окончательно убедил его, что все эти люди, или большинство их — безумны или глупы безнадежно. Им было известно о том, что некто посторонний проник во внутренности машины, однако вместо того, чтобы думать, как отнестись к незванному гостю, яростно спорили они, существует ли вообще сей пришелец. Так, один из людей, пользовавшийся среди остальных некоторым уважением, уверял их, что не может появиться на корабле никто посторонний, пока не появится корабль в месте, принимаемом теми людьми за единственную подлинную реальность. И подтверждал говоривший слова свои свидетельствами мужей достойных и известных, и трактатами знаменитых ученых — хотя ни один из тех мужей или ученых, как узнал Гасхааль из его мыслей, никогда не путешествовал на подобной машине и не видел межреальности своими глазами.

— ...То, в чем вы пытаетесь меня уверить, — говорил человек, — в принципе невозможно. В прин-ци-пе. У капитана жар. Или с головой не все в порядке. Необходимо убедить его разгерметезировать отсеки, пройти в рубку и все самим выяснить. Наверняка какие-нибудь неполадки с датчиками, или... ну в самом крайнем случае... хотя это невозможно, конечно... вирус в Главном компьютере...

— Какой вирус, профессор? — Спросила одна из женщин, одетая также, как те двое воинов, которые повстречались Гасхаалю раньше. — Какие датчики? Капитан видел его на мониторе собственными глазами.

Гуманоид, почти что натуральный человек, одет во что-то черное. Обладает каким-то устройством, которое при включении делает его абсолютно невидимым для наших приборов. Еще у него есть мощнейшее оружие, которым он разрушил перегородку между восемнадцатой и девятнадцатой секциями... Скорее всего, аналог гравитационного ружья. Во всяком случае — не лазерный излучатель или что-то, что выделяло бы тепло. Кроме того, пришелец, по всей видимости, может становиться прозрачным и проходить сквозь стены...

— Мисс Джонсон, — снисходительно сказал на то ученый муж. — У капитана психический срыв, неужели это непонятно? Только прислушайтесь к тому, что вы сейчас мне наговорили: «какой-то человек в черном», «абсолютно невидимый», «становится прозрачным и ходит сквозь стены»... И имеет в кармане гравитационную пушку корабельного класса — потому что ничем иным прошибить стальную плиту толщиной в двадцать сантиметров попросту невозможно! Вы представляете себе, какой размер имеет гравитационная пушка? В коридор на третьей палубе ее можно втащить только в одном случае: если разобрать эту пушку на отдельные части.

А маскировка?... Мисс Джонсон, наш корабль оборудован по последнему слову науки и техники. Чтобы создать поле, которое не смогут засечь наши датчики, потребуются такие приборы, такие мощности, что нужна будет целая орбитальная станция, чтобы вместить их... Нет, я не могу всерьез с вами разговаривать об этом — это попросту смешно! «Черный человек»! «Призрак»!.. Да у кое-кого в рубке поехала крыша, вот и все! Вы знаете, как часто в подобных ситуациях, в напряженной обстановке, в длительном плавании, у людей случаются схожие видения? Поэтому у нас и существуют столь жесткие тесты на психическую устойчивость. Однако даже и они не всегда позволяют выявить скрытые формы некоторых психопатических расстройств...

Смутилась женщина, однако так ответила ученому мужу:

— Что же тогда, по-вашему, произошло с Иваном и Майклом? И от чего этот «несуществующий пришелец» методично уничтожает все видеокамеры на своем пути?

Снисходительно улыбнулся ученый, прежде чем ответить ей.

— Мисс Джонсон, — промолвил он, — вы противоречите сами себе. Если этот ваш «пришелец» может становиться невидимым или там «прозрачным» или еще черт знает каким, то для чего ему уничтожать видеокамеры? Это нелогично. Лапочка моя, вы насмотрелись ужастиков. Хорошо хоть, что это всего-навсего Черный Человек, а не какие-нибудь

Чужие или глаза на ножках...

Послушав еще некоторое время их перебранку, Гасхааль превратил их всех в ворон и двинулся дальше. Так обошел он все помещения, и везде умножал число своих подданных. Иногда заговаривал он с людьми, которых встречал, но их ответы не казались ему разумными, а встречные вопросы приводили в раздражение, потому что не считал он, что люди происхождения более низкого, чем он, имеют право спрашивать его о чем-либо.

Наконец появился он и в капитанской рубке, и встречен там был оружием. Огненными стрелами осыпали его воины в блестящих одеждах, и многочисленными стальными дротиками, вылетающими из трубок и жезлов разного вида. Быстры оказались те воины, и стремительны их дротики — не успел Гасхааль ни произнести заклятья, ни защититься, призвав свою Силу, как был поражен дротиками и, истекая кровью, упал на пол. Ближе подошли воины и сам капитан, уже торжествуя победу, однако удивились, увидев, как одежды Гасхааля становятся многими черными птицами, и птицы с карканьем разлетаются по зале, а на полу вместо покойника остается лишь большое пятно крови — и ничего более. Стали те воины стрелять по птицам, но сильно испугались, когда одна из птиц превратилась вдруг в Гасхааля. Многие воины закричали и побросали оружие, однако некоторые, и сам капитан в том числе, вновь обратили свои стрелы и жезлы против Обладающего Силой. Впрочем, на этот раз никакого вреда не причинили они Гасхаалю, потому как был он готов к нападению и не нашлось у них против него никакой уловки или хитрости, или волшебства, более могучего. Разозленный людской тупостью, превратил Гасхааль их всех в своих подданных, и строго допросил о том, из какого королевства они прибыли.

Но разочаровали его их ответы. Так, сказали ему птицы, что корабль, на котором плыли они по сумеркам, создан не одним колдуном, а многими, и строили они его долгие годы, а чары, называемые «силовым полем», происходят не от могущественного волшебного источника, а от некоего прибора, таящегося в самом корабле. Отыскал этот прибор Гасхааль, однако не нашел в нем ничего интересного, потому что слишком уж был он громоздок и не мог работать, будучи отделенным от машины. Тогда Гасхааль, по-прежнему окруженный вороньей стаей, покинул корабль и вернулся на волшебные тропы сумерек, где сотворил крепкую веревку, и привязал ее к одному из выступов металлического корабля, а второй конец обмотал вокруг своего запястья. Довольный прогулкой, отправился он обратно на Вороний Остров. Там, неподалеку от своего замка, установил

Гасхааль машину, что от того стала подобна одинокой башне из железа, и стал любоваться ею с балкона, ибо причудлива была форма той башни, и притягательна для его взгляда, потому что притягательно для ворон все блестящее и сверкающее.

СОБЛАЗН

(история восьмая)

Наилучшая из возлюбленных была у Кадмона, Дарителя Имен. Поцелуй ее — дурманящее вино и сладчайший мед, кожа ее — шелк, страсть ее — пламя, взгляд ее — вода для жаждущего и отдых для обессиленного. Всею душой любил ее Кадмон и не часто вспоминал, что некогда сам дал ей имя — Соблазн, ибо такова была сущность ее. Не знал он и того, что женщина эта сотворена как соблазн для него и погибель. Впрочем, если он и догадывался об этом, то не желал тому верить, потому что велика была власть над ним у этой женщины.

Все, что не просила она, он отдавал ей. Она же, по природе своей, могла желать только недоступного, но когда желанное попадало ей в руки, она теряла к нему всякий интерес и отбрасывала в сторону без всякого сожаления.

Вот, однажды сказала она Дарующему Имена:

— Дешево то, чем ты одариваешь меня. Алмазы и жемчуга, рабы и драгоценные ткани, золото и серебро — у любой королевы подобное имеется в избытке. Принеси мне ту звезду с неба, — и она указала, какую, — и тогда я по-прежнему буду вместе с тобой, а нет — оставлю тебя и отыщу того, кто сможет добыть мне это украшение.

Долго смотрел Дарующий Имена на небо, и так прошла ночь, а потом день, а потом еще одна ночь, и только тогда смог изыскать он подлинное имя звезды, и произнести его — и как только сделал он это, звезда покинула светлеющий небосклон и упала к нему в руки драгоценнейшим камнем; он же без колебаний протянул его женщине.

Посмотрела на камень Соблазн, рассмеялась и украсила им свое ожерелье. Лишь один день носила она украшение, а потом выбросила его и забыла о нем. Вскоре звезда умерла и свечение ее погасло, ибо такова природа звезд, что, упав с небосклона, быстро гаснут они, и лишь тепло человеческого тела способно некоторое время поддерживать их свет, если успеет человек поймать звезду в свои руки, прежде чем она коснется земли.

Сказала затем Соблазн Кадмону:

— Не нравится мне жилище, в котором обитаем мы. Во дворце нашем

только лишь триста шестьдесят пять комнат, и столько же комнат в семи других дворцах из золота, серебра, нефрита, платины, янтаря, яшмы и горного хрусталя, каковые дворцы построил ты для меня раньше. Убоги эти жилища. Желала бы я поселиться в некоем месте, о котором ходит среди Обладающих Силой великая слава. Полагаю, что дворец Повелителя Дворцов и Цитаделей меня бы вполне устроил.

И отправился Кадмон к обители Повелителя Дворцов и Цитаделей. Неприступнейшее было это строение, окруженное кольцом из семидесяти семи стен и девяносто девятью покрывалами защитных чар. Многие тысячи воинов бессонно охраняли эти стены.

И сказал Кадмон воинам, подойдя к первым воротам:

— Скажите своему господину, что если он желает сохранить свою жизнь, пусть немедленно оставит это место и признает за мной право владеть цитаделью; если же он откажется, я уничтожу его и так достигну своей цели.

Однако воины ответили на это заколдованными стрелами, всегда поражающими цель, и копьями, каждое из которых несло в себе смертоносное волшебство. Впрочем, снаряды сии не причинили Кадмону никакого вреда, ибо ему достало одного слова, чтобы остановить их и повернуть обратно. Так прошел он первые ворота.

Затем миновал он вторые, и третьи, и наконец добрался до самого дворца и последней стены, окружавшей его, и дорога позади него была усеяна телами многих погибших. И тогда взошел на стену сам владелец цитадели, и так обратился к Кадмону:

— Зачем ты разрушаешь стены моей цитадели и убиваешь моих людей? Разве я враг тебе? Скажи, какую обиду я нанес тебе, чтобы я тотчас мог возместить ее.

И ответил Кадмон:

— Никогда не знал я от тебя никакой обиды. Отдай мне дворец свой и иди с миром, ибо не желаю я лишать тебя жизни.

Но возразил Повелитель Дворцов:

— Сдается мне, все ж была нанесена тебе мной некая обида, ибо иначе для чего ты теперь желаешь унижить меня и выгнать из собственного дома?

Тяжело вздохнул Кадмон и правдиво рассказал о причине, побудившей его к этому. И в третий раз просил он владельца дворца покинуть свой дом без боя.

— Ты околдован, — ответил ему Повелитель Дворцов. — Женщина, которую ты так любишь, держит тебя за раба. Обладающие Силой, Гасхааль и Эмерхад, сотворили ее для тебя и перед многими похвалялись

тем, что ты попался в их сети. Каждый, кто посмотрит на эту женщину, пожелает обладать ею, каждый, кто познает ее, не пожелает больше никого, кроме нее. Любить ее — безумие, отдать ей свою душу и свое сердце означает потерять их безвозвратно, потому что не ценит она ничего из того, что принадлежит ей, а желает только того, что покамест ей недоступно. Брат мой, позволь, я попробую снять с тебя ее чары и заключить твое сердце в броню, о которую разобьются ее соблазны. Ведь я — Повелитель Цитаделей, и неприступной цитаделью я могу сделать твою душу.

— Я желаю только одного, — отвечал Дарующий Имена, — чтобы ты немедленно убирался отсюда и никогда не появлялся здесь более. В четвертый и последний раз спрашиваю тебя: уйдешь ли ты из своего дворца с миром?

— Никогда, — сказал Повелитель Дворцов и против воли Кадмона попытался коснуться струн его сердца. Однако Кадмон произнес свое имя, и чары рассеялись, разбились, растворились бесследно, потому что его имя защитило его от них. А затем разгадал Кадмон подлинное имя Повелителя Дворцов и, произнеся его, заставил противника своего прыгнуть вниз со стены. Разбился Повелитель Дворцов о камни, однако ж, не так легко было уничтожить Обладающего Силой, тем более в месте, где все подчинено ему. Увидел Кадмон, как из отдельных частей собирается тело его недруга, складываясь само собой, словно некое строение из плоти и крови. И уже собрался Кадмон произнести имя смерти, чтобы разрушить не только тело, но и саму душу Повелителя Дворцов и Цитаделей, но сжалился над ним, и пленил его другим именем. Далее прошел он последние ворота и овладел всем дворцом, и как дар, поднес сию постройку своей возлюбленной.

— А где тот, кто владел этим дворцом прежде? — Спросила женщина. — Он мертв, или бежал, или стал твоим пленником, о возлюбленный жених мой?

— Он стал моим пленником, — отвечал Кадмон.

— Я желаю видеть его, — улыбнулась женщина. Нежна и снисходительна была улыбка ее.

И вот, Повелитель Дворцов предстал перед ней — связанный и лишенный какого-либо оружия.

— Взгляни на меня, — сказала ему женщина. — Разве я — чудовище, как ты говорил обо мне? Разве я заставляю кого-либо любить меня против воли? Взгляни на мое лицо, на мое тело — разве неприятное это зрелище?

И посмотрел на нее Повелитель Дворцов, ибо не мог не смотреть, и тотчас полюбил ее более всего на свете. И так он обратился к ней:

— Госпожа, невежество говорило моими устами. Что я знал о красоте, пока не увидел тебя? Ничего. Что я знал о наслаждении, пока не услышал твой голос? Ничего. Что я знал о любви, пока не встретил тебя? Ничего. Служение тебе сладостно, и легко ярмо твое. Быть рабом твоим — великое благо, не быть им — великое наказание, хотя многие и не знают. Ты желала дворец мой — бери его, я дарю тебе его с радостью, и прошу простить, что медлил с подарком. Все, что не попросишь, будет твоим, хотя бы и боги желали сохранить для себя это.

Сладко зевнула женщина и с ногами взобралась в широкое кресло, в котором сидела, будто желала заснуть там.

— Кадмон, — сказала она Дарующему Имена. — Уведи этого человека отсюда, ибо не интересен он мне больше. Сделай его управляющим нашего дворца, или смотрителем конюшни, или первым лакеем — а впрочем, можешь поступать с ним сам, как сочтешь нужным.

Увел тогда Кадмон пленника из того зала, и убил его, потому что сильную ревность вызвали в нем слова Повелителя Дворцов и Цитаделей. А когда вернулся обратно, то взял женщину на руки из кресла и отнес ее в спальню и там предался с ней любовным утехам.

Утром сказала ему Соблазн:

— Человек, который вчера стоял передо мной, был искренне предан мне и готов спорить даже и с богами, если я прикажу ему. Совершенной любовью он любил меня. Сравниться ли твоя любовь с его любовью?

Потемнело лицо Кадмона и мукой исполнился взгляд его.

— Разве не делал я для тебя все, чего ты хотела, разве не приносил тебе все, чего ты желала? Уже и так преступил я законы дружбы, напав на Повелителя Дворцов — разве недостаточно тебе этого доказательства?

— Принеси мне персик из сада богов, и тогда, может быть, я поверю тебе.

Как не просил ее Кадмон выбрать что-нибудь другое, непреклонна была женщина в своем желании. И тогда облачился Кадмон в дорожные одежды, взял в руки посох и взошел на небо. Долог был его путь и тернисты тропы, которыми следовал он, но вот наконец приблизился он к обиталищу небожителей. Приветствовали его боги и спросили, что привело его к ним. А надо сказать, что боги любили Кадмона более всех людей и ангелов, потому что как если Соблазн была сотворена посредством волшебства, так и Кадмон не был рожден женщиной, но являлся изделием рук богов и плодом их магического искусства. Создан он был ими для того, чтобы уничтожать ангелов и чародеев, не желавших служить богам, и наделен великой силой для того, чтобы налагать нерушимые оковы на

некоторых существ, более древних, чем сами боги.

— Я желаю взять некий плод из сада, что имеется позади ваших чертогов, — отвечал Кадмон на вопросы небожителей, — и дам вам за него любую цену.

Разгневались боги, и так сказали Кадмону:

— Ты неразумен. Разве не наделили мы тебя властью над всем, что есть на земле? Зачем ты желаешь большего? Зачем желаешь купить то, что не имеет цены? Ничто, имеющееся на земле, не нужно небу, а то, что есть на небе, останется там же. Разве мы торговцы, чтобы продавать нечто, принадлежащее нам? И без того мы владеем всем Сущим.

— Тогда, — отвечал Кадмон, — я прошу подарить мне этот плод и позволить унести с собой. Ведь если все Сущее и без того принадлежит вам, то есть ли разница в том, что один из предметов изменит свое местоположение?

Рассмеялись в ответ всемогущие боги.

— Без сомнения, имеется разница, и она велика, потому что не кладут оружие на пиршественный стол и не бросают украшения в отхожее место. Не следует соединять не подлежащее соединению и смешивать между собой то, чье предназначение различно.

— Ну что ж, — сказал тогда Кадмон, — вы не оставили мне иного выхода, кроме того, чтобы взять то, за чем я пришел, без вашего позволения. Я долго шел в обитель богов, и много раз наблюдал за восходом солнца, за наступлением ночи, за войной, за рожденьями, за смертью, за звездами и луной, а так же за многими другими явлениями. Полагаю, что смогу теперь назвать вас вашими подлинными именами, и наложить на вас свое проклятье.

— Глупец! — Ответили ему боги. — Не осталось в мире ничего, что мы не поделили бы между собой давным-давно! Нет у тебя против нас никакой силы.

— Власть ваша почти всеобъемлюща, — согласился Кадмон. — Однако не испытаете ли и вы некоторые неудобства, если остудить солнце, уничтожить луну, погасить звезды, изгнать ночь, покрыть льдом землю и заморозить все живое — чтобы ничто больше на земле не воевало между собой, не рождалось и не умирало? Если же и это не потревожит вас, то вот, выслушайте иное проклятье: как явились вы в этот мир, так же и покинете его, и не вечно вам царствовать над Сущим. Те, кто были до вас, останутся и после, и громко рассмеются, узнав о вашем уходе. Власть вашу разделят между собой бессмертные, и даже люди, которые возводят вам храмы и ведут ради вас войны, останутся после вашего ухода и утратят в

вас всякую веру. Так же я лишаю вас ваших подлинных имен и оставляю вам только титулы. Отныне не иначе, как по титулам, будут называть вас люди и много будут спорить об именах ваших, но не отыщут их.

И тогда небожители обратились к Судье Богов.

— Позволь, я испепелю его, — сказал Бог Света.

— Позволь, я разрежу этого наглеца на части, — сказал Бог Войны.

— Позволь, я отниму у него жизнь, — сказал Бог Мертвых.

— Позволь, я похищу у него разум, — сказала Богиня Ночи.

— Позволь, я исцелю его душу и заставлю забыть о страсти, которая гибельна для него, — сказала Богиня Любви.

— Ничего этого вы не сделаете, — ответил Судья Богов. — Потому что не сумеете выполнить это столь быстро, чтобы он не успел осуществить что-либо из того, чем угрожал нам, ведь Дарующий Имена — могущественный в числе Обладающих Силой, и мы сами некогда одарили его великой властью. Поэтому теперь нам придется исполнить то, что он хочет, ибо последствия обратного будут ужасны, но нельзя допустить, чтобы Вселенная пришла в опустошение из-за одного предательства.

Послан был слуга в сады богов за плодом, нужным Кадмону. И отдал этот плод Судья Богов тому, кого некогда сам учил Путям Могущества, но при этом так сказал он волшебнику:

— Не принесет тебе добра то, что ты взял против нашей воли, и с этим персиком прими наше проклятье. Так, прежде мы посылали тебе удачу, но отныне ты лишишься ее. Никогда не обретешь ты того, что жаждешь более всего на свете. Так же предрекаю, что в скором времени ты лишишься своей Силы, потому что ты уязвим для той, чья печать коснулась твоего сердца.

— Позволь, я исцелю его душу и избавлю от этой печати, — повторила Богиня Любви.

— Он проклянет тебя, если ты это сделаешь. Кроме того, придется отсечь от его души слишком многое, чтобы избавить ее от печати, а добровольно он не пожелает расставаться с ней. Мы наделили его свободой выбирать; его выбор — стать рабом и оставаться рабом; мы не смеем препятствовать его выбору.

И не позволил Судья никому из богов ни исцелить его, ни уничтожить, ни удержать своей властью. С тем и покинул Кадмон их чертоги. Отойдя на некоторое расстояние, он оглянулся и увидел, как закрылись ворота небесного города и будто легкая дымка окутала небо над городом, и почувствовал, как между временем небес и временем мира смертных появился некий разлад. То было действие второго проклятья Кадмона, ибо

если первым он только угрожал богам, то второе произнес в самом деле. Так время богов приняло иное течение, чем время всего Сущего, чертоги их сделались недоступны, а люди забыли их имена. Улыбнулся Кадмон и зашагал дальше.

Спустя некоторое время он достиг дворца, где обитала его возлюбленная и принес ей персик из сада богов, как дар. Она же надкусила персик и похвалила его вкус, но съела менее половины, потому что вкус этот ей быстро разонравился. Вторую половину съел Кадмон.

По прошествии еще нескольких дней сказала она Кадмону:

— Мне наскучил этот дворец и толпы слуг. Я желаю отправиться в путешествие и увидеть места удивительные, которые не видела никогда раньше. Мне не нужно никакого сопровождения, ибо люди надоели мне, но ты, впрочем, можешь следовать за мной, если хочешь.

Так ушли они из дворца. Какие бы земли не посещали они, все склонялись перед красотой женщины и готовы были служить ей, и каждый ненавидел каждого, видя в нем опасного соперника. Однако Кадмон убивал всех соперников и не находилось среди людей и волшебников никого, кто мог бы противостоять ему.

Однажды они шли по лесной дороге, и вдруг случилось солнечное затмение. В темноте, опустившейся на землю, женщина увидела что-то, подобное большой черной птице. Птица стремительно пересекла тень, закрывшую солнце, и скрылась из глаз, а Соблазн обернулась к Дарующему Имена.

— Принеси мне эту птицу, — сказала она. — Ибо показались мне необычными ее крылья — кажется, будто усеяны они были драгоценными камнями, а подобного я не видела еще ни разу.

И тогда Дарующий Имена отправился в погоню за существом, что представлялось женщине волшебной птицей с темным опереньем. Изыскал он волшебный путь, которым следовала птица, и устремился по нему. Вскоре он увидел высокую гору, целиком скрытую лесом, кроме самой вершины. На вершине стоял некто, имеющий облик ангела, но темны были его одежды и темны крылья за спиной его. Удивительными были эти крылья: с равной легкостью могли рассекать они и воздух, и камень, и были украшены многими светящимися камнями, походящими на большие прозрачные капли, чистейшие, как сам свет.

Засмеялся Кадмон, ибо для того, чтобы уничтожить подобных существ, его и создали когда-то боги, и занятие это до сих пор было приятно ему, а сейчас к тому его побуждала еще и просьба возлюбленной.

Сказал ему стоявший на утесе:

— Для чего ты следуешь за мной? В час затмения открываются старые дороги и отменяются многие законы, которые волшебники полагают неизблемыми, а к обитаемым мирам прикасаются силы, свойства и суть которых ни смертному, ни бессмертному понять невозможно. Это опасные тропы, и тебе одному не стоит бродить по ним.

— Я немедленно последую твоему совету и покину дорогу затмений, — сказал Кадмон, — если ты отдашь мне свои крылья и те украшения, которые сверкают на них.

— Отдашь ли ты мне свои глаза, если я попрошу об этом? Вынешь ли из груди сердце, если я захочу посмотреть на него? Сверкающие камни, которые привлекли тебя — не украшения, но часть меня; если я отдам их, то истеку кровью.

— Что ж, — с улыбкой ответил Кадмон, — тогда придется мне самому забрать их, если ты отказываешь мне в этой незначительной просьбе.

С презрением усмехнулся собеседник Дарителя Имен, услышав его последние слова.

— На твоём месте, — сказал он Кадмону, — я бы не стал прибегать к угрозам. Я — Каэрдин, Повелитель Затмений, и сейчас — мое время.

Расхохотался Кадмон, услышав это.

— Теперь ты — в моей власти, — сказал он Каэрдину. — Ибо я повелеваю именами, а ты только что сам назвал мне свое, и я знаю, что имя это — подлинное.

— Что ж, — сказал ему Повелитель Затмений. — Испытай свою власть. Посмотрим, что выйдет у тебя из этого.

И заклил Кадмон стоявшего перед ним его именем, но будто бы в никуда кануло заклятье, и не смогло найти своей цели.

— Твое волшебство могущественно, — молвил Каэрдин без всякой насмешки. — И в иное время в ином месте заклятье твое подействовало бы на меня. Но в затмении мое имя звучит иначе, чем ты слышал, и другой я ношу титул. Долго тебе придется узнавать их. А пока посмотрим, что ты сможешь противопоставить существу, у которого нет имени, ведь даже и к таким в час, когда солнце сокрыто, можно отыскать дорогу.

С этими словами он и в самом деле вызвал существо, не имеющее никакого названия и приказал тому напасть на Кадмона. Но Кадмон назвал то существо и наделил его именем, тем самым подчинив себе его, и, сделав это, обратился против Каэрдина. Тогда поднял руку Повелитель Затмений к солнцу, скрытому темнотой, и обратился некую Силу против Кадмона, а тот не смог ни отыскать ее имени, ни даровать ей новое. Потемнел воздух вокруг поединщиков, и исполнился тенями, и из теней вышли другие

существа, подобные первому, призванному Каэрдином, и набросились на своего бывшего родича, сущность которого изменил Дарующий Имена, и разорвали его на части.

Ничего не мог противопоставить Кадмон той Силе, потому что он был как сильнейший борец, под ногами которого вместо твердой земли оказалась вдруг глубокая яма, и он упал на дно этой ямы, и бесплодно было все то, к чему он прикасался, и ничто не желало подчиняться ему в том месте, куда вверх его Повелитель Затмений. И тогда увидел он, что ничто в мире сущем не имеет своего имени или названия, которое исчерпывало бы все его свойства, и поразился своему бессилию. Здесь все соединялось со всем, и слово «человек» ничем не отличалось от слова «песок», или «камень», или «огонь». Так же слова «бог» и «червь», «демон» и «агнец» звучали одинаково и все имена были лишь тенями единого имени, которое не смел и не мог произнести Кадмон. И тогда понял он, что Каэрдин наслал на его разум великое затмение и тем лишил его всякой власти.

Сказал Каэрдин, приставив свой меч к его груди:

— Что скажешь ты, о великий боец, ищущий ссоры, теперь, когда разум твой скрыт затмением и имена отказываются подчиняться тебе?

— Умоляю тебя, — сказал ему Кадмон, — отдай мне драгоценные алмазы с твоих крыльев.

С легким сожалением посмотрел на него Повелитель Затмений.

— Так ты безумен... — Произнес он. — Как жаль. Ни чести нет, ни славы в том, чтобы одолеть калеку.

— Умоляю тебя, — повторил Кадмон, — отдай мне их. Возьми мои глаза в обмен на эти камни, если так этого желаешь.

— Зачем тебе драгоценности с моих крыльев, глупец? — Спросил его Каэрдин.

— Если я не принесу эти драгоценности женщине, владеющей моим сердцем, она разлюбит меня.

— Таково было условие ее любви?

— Да.

— Что ж, — сказал Каэрдин. — Я хочу посмотреть на эту женщину.

Сказав так, он подхватил Кадмона на руки и взмыл в небо. Недолго летели они, потому как если Кадмону не составило труда отыскать след Повелителя Затмений, то и последнему было нетрудно найти дорогу, что привела его к месту, откуда начал Кадмон свое преследование.

Там Повелитель Затмений бросил Кадмона на землю и подошел к женщине. Он долго вглядывался в ее лицо, а она бестрепетно выдерживала

его взгляд и улыбалась ему.

— Как твое имя? — Спросил наконец Каэрдин.

— Соблазн.

Прикоснулся к ее лицу Каэрдин и сказал так:

— Ошибся тот, кто давал его. Твоя природа не исчерпывает того, что ты есть.

— Даже и Обладающие Силой могут ошибаться.

— Я знаю.

— Я говорила о тебе, милорд.

— Вот как?

— Неверен свет, остающийся, когда наступает затмение. Тогда в мире возникает множество теней и иллюзий, и каждому легко обмануться.

— Будь это так, ты бы не стала предупреждать меня об этом.

— Разве это имеет теперь хоть какое-нибудь значение? Ты смотрел на меня, ты слышал мой голос, ты касался моей кожи. Ты — мой. Я не властна только над теми, чьи души мертвы, а сердца подобны гладким камням, но ты не таков. Опровергнешь ли ты мои слова? Скажешь ли, что я ошибаюсь? Скажешь ли, что твое сердце не принадлежит мне с того мгновения, как ты посмотрел на меня?

— Мое сердце и все, чем я владею, принадлежит тебе.

Рассмеялась женщина.

— Срежь драгоценности со своих крыльев, — сказала она Каэрдину насмешливо, — и я буду твоей.

Взял Повелитель Затмений острый нож, и срезал сверкающие хрустальные камни со своих крыльев. Но затем подошел он к Кадмону и вложил камни в его руку.

— Отдай ей это, — сказал он Дарующему Имена.

И еще сказал Кадмону:

— Я прощаю тебя за то, что ты напал на меня. Жизнь незнакомца — не такая уж высокая цена, если веришь, что это удержит рядом ту, что владеет твоим сердцем.

— Мне безразлично, кто из вас двоих принесет мне драгоценности, — сказала женщина. — Но неужели тебе нет никакого дела, что Кадмон будет владеть мной, а не ты?

— Невозможно купить то, что не имеет цены, — сказал Каэрдин.

— Я назвала цену.

— Благодарю, но я не нищий и не стану менять меньшее на большее.

— Вот как? — Рассмеялась Соблазн. — Выходит, ты слишком горд для этого?

— Да.

— Я вижу, что гордость — драгоценнейшее из твоих сокровищ. Отдай мне свою гордость, отрекись от нее, стань униженным передо мною — и я оставлю Кадмона и уйду с тобой, и буду с тобой столько, сколько ты пожелаешь.

Задрожал Кадмон, услышав это и с немой мольбой посмотрел на женщину, но та даже не взглянула в его сторону.

Однако Каэрдин остался стоять, как и прежде.

— Каким образом ты ухитришься сопротивляться мне? — Спросила тогда женщина.

— Госпожа, — с грустью ответил ей Каэрдин, — если я отрекусь от своей гордости, как ты просишь, я не смогу любить тебя столь же сильно, как люблю сейчас.

— Что ж, — сказала она, — ты выбрал. — И положила руку на плечо Кадмона.

Каэрдин отвернулся и распахнул крылья, собираясь оставить их, но едва смог сдержать мучительный крик — боль, которая притаилась до времени, теперь впиалась ему в спину подобно хищному зверю. Адамантовые крылья его сочились кровью и за время беседы успели сильно ею пропитаться; когда же он резко раскрыл их, темные капли, подобные рубинам, полетели во все стороны. Несколько капель попали на одежду Кадмона и его женщины, но они не заметили их, замороженные открывшимся им страшным зрелищем. Адамантовые крылья Каэрдина, прежде резавшие сталь и камень так же легко, как свет или ветер, теперь трепетали от малейшего дуновения. Они словно истаяли, превратились в две тени, и было страшно смотреть, как из тени, словно из живой раны, вытекает кровь и неспешно падает в траву.

Каэрдин опустил голову и некоторое время стоял так. Невеселы были его думы. Затем он покинул это место, и ушел прочь по лесной дороге, а Кадмон и женщина предались любовным утехам, потому что цена за это была уплачена.

Так провели они под сенью деревьев все время до утра, и тогда спросила Соблазн Дарующего Имена:

— Отчего ты оказался слабее его? Что помешало тебе одолеть его в поединке, ведь ты — совершеннейшее творение богов и наилучшее оружие их?

Ответил Кадмон:

— Я повелеваю всем, что имеет имя, он же властен над силами, названия которых не могут быть ни произнесены, ни использованы как-

либо, и над существами, у которых нет имен. Посредством имен я властвую над всем, что сотворено, он же причастен к силам, которым никогда не найдется места в сущем, потому что в час затмения небесные светила взаимно уничтожают друг друга, и это открывает дорогу для сил, не имеющих никакого отношения к тем, которые известны нам.

— Научи меня именам, — сказала женщина. — Подари мне все имена, которые тебе известны.

И Кадмон не смог отказать ей в этой просьбе. Более года длилось ее обучение, и под конец Дарующий Имена научил ее всему, что знал сам и отдал ей все волшебные дары, которыми наделили его боги — а велико было число тех даров!

Спросила Кадмона женщина:

— Всем ли именам ты научил меня? Или ты сокрыл какое-нибудь из них?

— Все, что имею, я отдал тебе, — сказал ей Кадмон.

— Но в числе имен, которые ты перечислил, нет твоего подлинного имени. Назови его.

И снова Кадмон не смог противиться ее желанию, потому что величайшая любовь владела им. Но когда он открыл последнее имя той женщине, спустилась тьма на землю, и разверзлась земля, и воздух обратился в дым, а деревья и камни — в пламя. И вот, увидел Кадмон, что стоит он в высоком зале, стены которого — дым и огонь, перед величественным тронном, сложенным из черепов и костей. На троне сидел человек с грубыми и хищными чертами лица, и в глазах его светилась сильнейшая алчность. Не имел тот человек волос ни на голове, ни на теле, а кожа его блестела, будто была обмазана жиром. Грубой мощью дышало все его тело, и никакой жалости не было в его глазах, только злоба и жадность. Это был Баалхэаверд, Повелитель Рабов, один из Владык Преисподней.

Женщина же, одежда которой сгорела в пламени, подошла к трону и встала справа от него, и прильнула к плечу мужчины.

Сказал Баалхэаверд, обратившись к женщине:

— Ты — совершеннейшее из орудий моих. Вот, ты лишила всякой силы избранника, угрожавшего нам, и поссорила его с небожителями. Расскажи о своем происхождении.

Сказала женщина, посмотрев на Кадмона:

— Меня сотворили двое Обладающих Силой, Гасхааль, Повелитель Ворон и Эмерхад, Господин Знаков и Символов. Первый научил меня Управлять, а второй — Знать. Не найдется никого, кто, увидев меня, не

стал бы моим рабом, и не полюбил бы меня более всего на свете, если только он вообще способен любить хоть что-то.

— Отчего же тогда, — спросил женщину Баалхэверд. — Они сами не попались в твои сети? Как они, сотворив тебя, смогли расстаться с тобой?

— Душа Гасхааля давным-давно мертва, и не сердце ведет его, но воля, сочетаемая с жадностью. Он не способен любить. Эмерхад же защищался от меня чарами, искажавшими то, что он видел, и ни разу не взглянул на меня без посредства этих чар.

— Отчего ты называешь ее своим орудием? — Спросил Кадмон Баалхэверда. — Ведь Эмерхад и Гасхааль привели ее ко мне, и никто, кроме меня, никогда не владел ею.

— Из соединения мужчины и женщины рождается ребенок, из смешения воды и земли происходит грязь, из соединения огня и руды — металл, из столкновения воды и пламени — пар, — отвечал Баалхэверд. — Я не принимал участия в творении этой женщины, но когда она была создана, я получил в ней большую долю, чем кто-либо. Потому что я — Повелитель Слуг и Рабов, а она делает рабов из свободных, беря любовью то, что мне приходится отнимать силой. Мне известно твое имя, человек, и отныне я стану владеть тобой, как своим имуществом. Для тебя же будет лучше добровольно принять мою власть, потому что сейчас ты лишен какой бы то ни было магии; но стань моим слугой — и на правах вассала тебе будет возвращена некоторая часть твоей прежней силы.

— Я никогда не стану служить тебе, — сказал Кадмон.

— Однако ты был рабом этой женщины, а она с этого часа — моя дочь и подданная. Сладостно быть рабом и иметь могущественного господина. Признай меня своим господином — и избежешь бесплодных мучений, потому что единственная для тебя возможность не-служить мне — не существовать вовсе.

— Женщине я служил из любви, тебе же, из страха перед силой — не стану.

— Есть ли разница между подчинением из любви и подчинением из страха? Есть ли разница между подчинением по доброй воле и подчинением насилью? Ведь результат одинаков. То, что делало тебя слугой этой женщины — такая же сила, только лишь чуть более тонкая, чем та, которой обладаю я. На горло твое было надет ошейник, а ты сам и не заметил, как случилось это. Я же желаю, чтобы ты перестал тешиться иллюзиями и поскорее принял то, чем ты стал, принял сознательно — ведь умный раб в глазах хозяина обладает много большей ценностью, чем раб

глупый.

— Не сомневаюсь, — сказал Кадмон, — что ты хорошо разбираешься в рабах, ибо ты сам из числа их, и лишь случай возвысил тебя над тебе подобными, и сделал надсмотрщиком над прочими рабами.

Разгневали Баалхэаверда эти слова. Произнес он имя Кадмона, желая подчинить его своей Силе, но Кадмон отказался от этого имени и самой жизни, ибо не желал быть рабом. А может быть — не это, но отчаянье послужило причиной его поступка, потому что не было у него больше ничего, что он мог бы предложить женщине, а без подарков она не желала даже смотреть в его сторону.

Упал он на пол и умер, а Баалхэаверд приказал слугам выбросить вон его тело.

Затем Повелитель Рабов устроил богатый пир, и пригласил на пир одного из своих родичей, известного на земле под именем Мастера Леонардо, или Повелителя Зла, но сам Леонардо не любил этого титула, потому что сей титул казался ему слишком громким и откровенным, а он сам всегда предпочитал действовать хитростью и коварством. Рассказал Баалхэаверд гостю историю женщины и Дарующего Имена и похвалился тем, что теперь станет могущественнейшим в числе Владык Преисподней, потому что добровольно соседи начнут отдавать ему то, что прежде приходилось отнимать у них силой.

— Ты глуп, — сказал ему Леонардо. — И женщина эта околдовала тебя. Пройдет немного времени, и она выпьет тебя до дна, как выпила уже многих.

— Никогда этого не будет, — отвечал Баалхэаверд, — потому что в моем сердце нет любви к ней, но я лишь ценю ее, как совершеннейшее из своих орудий.

— Бывает, что и воин становится рабом своего меча, а сильный — рабом своей силы. Одно то, что ты не хочешь даже и думать о том, что можешь и сам когда-нибудь оказаться у нее в подчинении, указывает на то, что не так уж и далеко это время. Она — не орудие, но сама — Обладающая Силой, и Сила ее такова, что может, минуя все волшебные оболочки, касаться душ и людей, и ангелов, и могущественных волшебников, и в этом — единственное свойство этой Силы, но оно стоит многих.

Задумался тогда Повелитель Рабов, потому что сомнение вошло в его сердце, но чем больше он думал, тем меньше ему хотелось расставаться с женщиной.

— Как ты предлагаешь поступить с ней? — Спросил он Мастера

Леонардо.

И тот ответил:

— Необходимо уничтожить ее как можно скорее, пока ты еще в состоянии сколько-нибудь владеть собой. Но следует уничтожить ее так, чтобы невозможно было никакое воскрешение, и для того я предлагаю обратиться за советом к Повелителю Гибели, чтобы в точности быть уверенными в том, что она никогда больше не возродится в мире сущем.

И тогда отправились они к Повелителю Гибели, обитавшему по соседству, хотя и сильно не нравился Баалхэаверду этот замысел.

Войдя во дворец, увидели они пустое кресло посреди тронного зала, и обратившись к креслу, спросили, существует ли способ уничтожить врага так, чтобы невозможно было его воскрешение и не нашлось бы никакой магии, способной вернуть его к жизни.

Сказал Повелитель Гибели, не имевший никакого видимого облика:

— Страна Мертвых — превосходная тюрьма, и редко покидают ее.

— Не так уж и редко, — возразил Леонардо. — Искусному волшебнику по силам вызволить кого-нибудь оттуда, не говоря уже об Обладающих Силой — известно множество случаев, когда они похищали из Страны Мертвых своих ближних. Особенно легко это теперь, когда сгинул Бог Мертвых и в государстве его началась война между его вассалами.

Сказал Повелитель Гибели:

— Старый Колодец, где умирают ветра времени, а от всего, что попадает в него, остаются лишь пепел и угли — ловушка еще более лучшая.

Снова покачал головой Леонардо.

— Пепел и угли — это уже что-то. Нам же нужно, чтобы не осталось ничего.

Сказал Повелитель Гибели:

— Некогда искусный волшебник открыл Дверь в Ничто. Он заглянул в нее и исчез, потому что и одного взгляда достаточно для того, чтобы соприкоснуться с Ничем, таящимся за той дверью и, соприкоснувшись — перестать быть. Но когда волшебник смотрел, тень его оставалась за порогом, и ничего не видела, подобно всем прочим теням. Однако, когда он исчез, она обрела самостоятельность и перестала быть просто тенью. Такова история моего происхождения. Вот, на полу лежит ключ для Двери в Ничто, и я даю вам его на время. Откройте им любую дверь — она станет Дверью в Ничто. Бросьте в нее того, кого вы так ненавидите — и никогда больше он не вернется в мир сущий, потому что некому будет возвращаться: тот, кто проходит этой дверью — не умирает, но перестает

быть совершенно.

Взяв Ключ, родичи покинули владения Повелителя Гибели и вернулись во дворец Баалхэаверда. Последнего, меж тем, снова одолели сомнения.

— А если, — говорил он, — Это Ничто найдет какой-нибудь способ выбраться из Двери, которую мы откроем? Что тогда станет с моим дворцом и рабами, которых столь долго я собирал по всем Землям? К тому же, ты не можешь доподлинно знать, что женщина повлияет на меня так же, как влияла на всех, кто прежде смотрел на нее. Кроме того, из ее слов следует, что Каэрдин, Повелитель Затмений, сумел каким-то образом ослабить действие ее силы и не подчинился ей полностью. Неужели я слабее его? Я во сто крат сильнее! Я — сильнейший в числе Владык Преисподней и первый в числе Обладающих Силой, потому что даже Кадмон, истребитель ангелов, был повержен моей рукой, и женщина его признала меня своим господином!

Как не уговаривал его Мастер Леонардо, как не убеждал, ни за что не хотел Баалхэаверд расставаться с ней. Тогда Мастер Леонардо покинул его дворец и саму Преисподнюю, и устремился в области более высокие, которые обитатели Преисподней называют Наружными Землями — области эти населены людьми, альвами и многими еще другими народами. Спустя короткое время Повелитель Зла добрался до высокого замка, стоявшего посреди пустыни. В том мире всегда царила темнота, потому что солнце его было закрыто луной, и срок этого затмения был — вечность. В замке же, как было известно Мастеру Леонардо, обитал Повелитель Затмений.

Леонардо постучал в ворота замка и был принят хозяином. Однако за ужином Леонардо заметил тень печали, лежащей на лице Каэрдина, и ощутил, что некий червь постоянно подтачивает его душу, а одна и та же мысль словно снова и снова посещает его разум, как он не пытается отогнать ее. И порадовался втайне Леонардо этому обстоятельству, уверившись в успехе своего предприятия и убедившись, что чары женщины овладели Каэрдином, хотя и иначе, чем всеми прочими, кто встречался с ней — но, впрочем, в этом нет ничего удивительного, ибо каждый любит по-своему. Также и он сам, Повелитель Зла, любил эту женщину, и от того желал ее уничтожить: такова была его природа, что он неизменно стремился извратить все, что его привлекало, и истребить то, чего желал и жаждал больше всего на свете. Оттого и называют его Повелителем Зла.

Так сказал он Каэрдину:

— Слышал ли ты новость? Умерщвлен Дарующий Имена, которого

боялись столь многие. А женщина его, о красоте которой ходило так много легенд, взята Повелителем Рабов в свой дворец как пленница и служанка. Он желает использовать ее чары против Обладающих Силой, чтобы покорять их, и уже похваляется тем, что скоро станет править всеми мирами. Однако я полагаю, что он переоценивает свои силы. Рано или поздно кто-нибудь догадается, что для того, чтобы уничтожить ее, совершенно не обязательно смотреть на нее или находится с ней рядом, и издали низведет на нее пламя или обрушит какую-нибудь большую гору, и так избавит нас всех от этой напасти.

— До этого не дойдет, — сказал Каэрдин.

Затем он встал и снял со стены меч, украшенный символами, значения которых Повелитель Зла не мог понять — а ведь ему были известны все языки, мертвые и ныне существующие, и даже языки выдуманные и те, которые только еще будут изобретены. Опясавшись мечом, Каэрдин вышел из залы, а Леонардо последовал за ним. Так покинули они замок, и спросил Леонардо Повелителя Затмений:

— Отчего ты не соберешь армию, не призовешь своих учеников и вассалов, не подготовишься должным образом к штурму Преисподней? Ведь Баалхэверд обладает немалым могуществом, и многие, даже и Обладающие Силой, давно покорились его власти и немедленно выступят против тебя по его приказу.

— Мне не нужны никакие армии, чтобы воевать с рабами, — отвечал Каэрдин. — А Повелитель у них — один. К чему мне просить у кого-нибудь против него союза и тем самым позорить себя?

— Ты неразумен, — сказал его спутник.

— Посмотрим, — сказал Каэрдин и зашагал дальше.

На том Мастер Леонардо оставил его и поспешил ко дворцу Баалхэверда, ибо знал в тот дворец пути более короткие и удобные. Появившись там, закричал он громким голосом:

— Берегись, Баалхэверд! Враг приближается к дверям твоего дома, а ты и не знаешь об этом!

Расхохотался Повелитель Слуг и Рабов.

— Хорошую весть ты принес, проныра! Сегодня, прежде чем сядем мы ужинать и наслаждаться красотой Кадмоновой невесты, число слуг моих увеличится еще на одного!

— Не будь таким беспечным, — отвечал ему Повелитель Зла. — Сначала испытай силу того, кто идет сюда. И если ты окажешься прав, я с радостью посмеюсь с тобой вместе.

И послал Баалхэверд четырех сильнейших своих рабов пленить

идущего — а были это могущественные демоны, и когда-то большого труда стоило Баалхэаверду подчинить себе их. Напали демоны на Повелителя Затмений, который пешком был вынужден идти по дорогам Преисподней, ибо был лишен крыльев. Убил Каэрдин демонов и пошел дальше. Направил к нему Баалхэаверд сто своих слуг, немало искусенных и в воинском искусстве, и в боевом волшебстве, но и их уничтожил Повелитель Затмений. Тогда наслал на него Баалхэаверд множество мелких тварей, в которых соединялись черты птиц и насекомых, и стал ждать, что будет дальше. Огромная туча затмила едва ли не четверть всей Преисподней и потекла к незваному пришельцу, и вскоре скрыла того от взора хозяина здешних земель. Долго наблюдал Баалхэаверд за темной тучей, и размышлял, оставят ли от пришельца хоть что-нибудь выпущенные им твари, пока не заметил, что те ведут себя необычно. Приглядевшись, он увидел, что они пожирают друг друга. Затмение легло на их разум и голод их, подстегнутый Баалхэавердом, потерял указанное им направление.

Когда стая исчезла, истребив себя саму, Повелитель Рабов увидел, что Каэрдин за это время успел продвинуться на значительное расстояние.

— Говорил я тебе, что не следует так беспечно относиться к этому врагу, — сказал Мастер Леонардо. — Уже миновал он Преддверие и подступил к Первой Долине.

— То, что ты видел — ничтожнейшая часть из того, чем я владею, — с презрением бросил Баалхэаверд. — Но теперь лучшее из своих воинств пошлю я против него.

И вот, миновал Каэрдин горы и увидел большую армию, ожидавшую его. А командовал той армией сам Повелитель Воинов.

Надо сказать, что некогда Повелитель Воинов был лучшим из солдат земли. Никогда не шел в бой он по собственной воле, но только подчиняясь тем, кого почитал выше себя, и неизбежно выигрывал войны, к которым привлекали его правители. И Баалхэаверд был последним в числе правителей, которым служил он, и наимогущественным из них. Нетрудно было Баалхэаверду привлечь к себе столь славного витязя.

Сказал Повелитель Воинов Каэрдину:

— Я слышал, что ты искусный мастер меча.

Посмотрел на него Повелитель Затмений и ответил:

— Я также слышал о тебе нечто подобное.

Сказал Повелитель Воинов:

— Отчего бы тогда нам не сразиться и не узнать, кто из нас лучший?

Сказал Каэрдин:

— Во мне не найдешь ты никакого несогласия с этим.

Тогда расступилось воины, освобождая им место, и сошлись друг с другом поединщики. Бились они долго, однако ж ни один из них не смог взять верх.

Наконец, отступили они друг от друга. Первым опустил меч Повелитель Воинов, потому что у него имелось нечто, что он полагал необходимым сказать своему сопернику.

— Наше искусство равно, — сказал он. — Однако и прежде мне доводилось встречаться с равными фехтовальщиками.

— Как же ты побеждал их?

— Даже самый искусный фехтовальщик рано или поздно устанет — я же не устаю никогда. С одним из них, изготовленным из металла, мне пришлось сражаться почти двенадцать лет без всякого перерыва, прежде чем суставы его начали крошиться и пришли в негодность.

— Мне известна усталость, — сказал Повелитель Затмений.

Улыбнулся тогда его соперник.

— Что ж, — сказал он, — это всего лишь означает, что мы не будем сражаться с тобой всю оставшуюся вечность.

— Да, — согласился Каэрдин, — не будем.

С этими словами он поднял свой меч и разрубил Повелителя Воинов на две части вместе с клинком, что выставил тот для защиты.

— Освобождаю тебя, — сказал ему Каэрдин, и, повернувшись к армии Повелителя Воинов, стал ждать, что будет дальше. Бросились тогда к нему герои, служившие Баалхэаверду, но всех их истребил он и отправился дальше.

Из дворца за этой бойней наблюдали хозяин здешних земель и гость его. И спросил Леонардо Повелителя Рабов, что теперь тот думает обо всем этом.

Вновь засмеялся Баалхэаверд:

— Даже и сотой части того, чем повелеваю я, ты еще не видел. Пусть встретят его в Средней Долине чудовища и великие волшебники, которые подчинены мне.

И вот, миновал Каэрдин второй горный рубеж и увидел другую долину, больше первой, и до горизонта была та долина заполнена подданными Повелителя Рабов. Некоторые из чудовищ были столь велики, что казались подобны горам, и никакое оружие не могло бы пробить их шкуру.

Когда вступил Каэрдин в долину, бросились к нему слуги Баалхэаверда, и были среди них и драконы, и василиски, и огненные гидры, и прочие отвратительные создания, и демоны, и звери, и обитатели Преисподней. А

волшебники и иные существа, способные к магии, которых давно поработил Баалхэверд, заполнили воздух своими заклинаниями. Тогда поднял Каэрдин свой клинок к огненному небу Преисподней и призвал Силу, которая подчинялась ему. А надлежит упомянуть о том, что, как и земли живых освещает солнце, так и пространства Нижнего Мира заполняет темнотой иное светило, черного цвета. Луна же попеременно бывает и там и тут, хотя в Преисподней и не много областей, откуда можно увидеть ее свет. Но никогда Луна не осмеливается пересекать пути черного светила. Однако теперь, по воле Повелителя Затмений, произошло именно это.

Великое Бесцветье обрушилось на земли Повелителя Рабов, и на мгновение сделались они подобны Пределам — тем далеким областям на краю Сущего, куда не проникает ни свет солнца, ни луны, ни свет солнца Преисподней. Затем Каэрдин опустил свой клинок, направив его перед собой, и трещина прорезала Долину, протянувшись от одного ее края до другого, и Дно Миров жадно разверзло свою пасть, и в эту трещину обрушилось все воинство Баалхэверда. Затем Каэрдин сомкнул края трещины и двинулся дальше, а над его головой черное солнце Преисподней стало преследовать луну, разгневанное ее непочтением.

Ничего не сказал Мастер Леонардо хозяину замка, только посмотрел на него с затаенной насмешкой. И зарычал Баалхэверд:

— Клянусь, в Третьей Долине остановят его!

И послал он туда призраков и созданий из огня и льда, а также тех, чья плоть — дым, а голоса — безумие, и тех, чье прикосновение — холод, а взгляд — уничтожение. И еще были там великие волшебники, узнавшие вкус смерти и воскрешенные особым способом, какой способ лишь усилил их бывшее могущество.

И, миновав третью горную гряду, увидел Каэрдин летящее к нему воинство духов и демонов. Вел их один из вассалов Баалхэверда, Герхлаг, называемый также Злым Воскресителем. Тогда выставил перед собой Каэрдин левую руку, будто бы так хотел защититься от них, и закрыл глаза. С торжествующим кличем устремились к нему призраки и бестелесные твари, однако вдруг возникла в воздухе меж ними и Повелителем Затмений большая чаша. Повинуясь жесту Каэрдина, наклонилась та чаша и потекло из нее нечто, подобное густому черному напитку. Возникла тогда вокруг чаши темнота, имеющая форму пламени, и поглотила многих духов и демонов, и как ни старался, не смог вернуть или воскресить их Герхлаг, потому что напиток из той чаши — яд и для живого и для мертвого. Вскоре темнота поглотила все воинство и пожрала сам

воздух, и землю, и огненные скалы в этой части Преисподней, потому что и другое название имеет напиток из этой чаши — Огонь Огня и Тень Темноты. Когда уничтожено было все воинство, установил Каэрдин чашу ровно, но то, что выпустил он из нее прежде, не пожелало возвращаться обратно.

Сказал Каэрдин:

— Войди в чашу и стань тем, чем было прежде.

Сказала темнота, имеющая форму пламени:

— Не войду я в чашу и не стану тем, чем было прежде. Дай мне имя и тогда в сущем я обрету свое место.

Сказал Каэрдин:

— Я не Дарующий Имена и не обладаю над именами никакой властью.

— Тогда, — сказала темнота, имеющая форму пламени, — я буду распространяться, пока не отыщу себе места и не найду имени.

— Я не могу наделить тебя подходящим именем, — сказал Повелитель Затмений, — но я могу одарить тебя одним из своих собственных.

— Дай мне его, — сказала темнота.

Ответил Повелитель Затмений:

— Подойди и возьми.

Раскрыл он свои крылья, и темнота, имеющая форму пламени, приблизилась и стала слизывать кровь с них. Тогда пронзил Каэрдин ее мечом, отчего смешались и кровь их и суть, и сказал так:

— Даю тебе долю в себе и позволяю заполнить изъян, содержащийся с некоторых пор в моей сущности. Приношу тебя себе в жертву и забираю твою силу, как часть своей, и создаю в тебе одно из своих продолжений.

И возопила темнота-пламя, отрекаясь от такой сделки, но не отпускал ее Повелитель Затмений, пока не исполнил того, что намеревался сделать. И темнота вошла в него и заполнила имевшийся в нем изъян. Но изменились крылья Каэрдина, которых она касалась прежде: в тех местах, где некогда блистали драгоценные камни, выросли острые когти; изменились глаза его, которыми он смотрел на темноту-пламя, и цвет их стал подобен ее неопишуемому цвету; и изменился язык, которым он разговаривал с темнотой — не язык это был больше, а ядовитое жало. Но гордость Каэрдина осталась такой же, как и была, и любовь по-прежнему жила в нем, и честь приказывала ему двигаться дальше.

Тогда сказал Леонардо Повелителю Рабов:

— Что теперь? Или ты не видишь, что наш враг легко избег всех опасностей и даже уничтожив себя, приобрел еще большую силу? Не встречал я равных ему ни в числе причастных к Искусству, ни в числе Обладающих Силой. Недалеко он уже от твоего замка, и последнюю область осталось миновать ему, чтобы постучаться рукоятью меча в твои ворота.

Ответил Баалхэаверд:

— Никогда не миновать ему Великой Долины, ибо там соберу я всех, кто подвластен мне — а я опасюсь, что даже и Великая Долина не вместит их. И еще призову я своих данников и на великие сокровища, которые имеются у меня, привлеку в свое воинство многих героев из тех, что неподвластны мне и не являются моими рабами. И еще обращусь я к своим соседям и попрошу у них помощи — не смогут они отказать мне в этом, потому как если силы, к которым обращается Повелитель Затмений, вдруг вырвутся из-под его власти, то поглотят не только мои владения, но, может

быть, уничтожат и всю Преисподнюю.

И призвал Баалхэверд обитателей ада, и великих героев, и своих соседей, и еще многих выступить против пришельца. И послали соседи ему свои армии, и те от края до края заполнили Великую Долину и все небо над ней.

Миновав последний рубеж, увидел Каэрдин величайшую армию, что когда-либо собиралась на земле, или в небесах, или в Преисподней. И сама земля была здесь рабой Баалхэверда, и не мог, стоя на ней, Каэрдин прорезать ее трещиной, ведущей на Дно Миров, или затмить здесь солнце, или без позволения Баалхэверда затмить разум кого-либо, кто так же, как он, стоял на этой земле. Так же не мог он призвать чашу, таящую в себе яд для всего Сущего, потому что уже пользовался ее силой, и знал, что не сможет обуздать ее, выпустив во второй раз на волю.

Однако, увидев наемников и соседей Баалхэверда, и многих Обладающих Силой, пришедших сюда по своей воле, рассмеялся он этому обстоятельству и призвал своих союзников и вассалов, и разных существ, над которыми владел властью.

Воздев меч, громко крикнул Каэрдин — и крик его стал дорогой для обитателей Бездны, и вратами для изгнанных из пределов Сущего. Тогда сошлись в поединках обитатели Бездны и Обладающие Силой. Прочие же существа и воители, собравшиеся в Великой Долине под знаменами Баалхэверда, бросились к Каэрдину и стали сильно теснить его, а он один не мог совладеть с ними всеми.

И вот, воздух укутали густые тени, и из тех теней вышли ангелоподобные существа, начало роду которых некогда положил Каэрдин: крылья их имели твердость адаманта и были украшены живыми драгоценностями. Смертоносны были клинки их, и гневны взгляды, и ничто не могло сдержать их, и не находилось доспеха или щита, способного устоять под их ударами. И отогнали ангелоподобные существа от своего господина обитателей ада.

И иных созданий призвал Каэрдин: тех, что не имеют имен и никогда не обретут их, потому что нет больше в сем мироздании Кадмона — единственного, способного одарить их именами. И еще открыл он врата в Пределы и призвал некоторых демонов, обитающих там — а более всего те демоны жаждут покинуть Пределы и прикоснуться к любому другому царству, потому что холод и пустота властвуют в Пределах, и даже время застывает там, и пространство трепещет под ветрами пустоты, и подобно по своему виду и свойствам дырявым лохмотьям.

Долго длилась битва в Великой Долине. Их хотя много больше была

армия Повелителя Рабов, все же потерпела она поражение, хотя при том и из числа вассалов и подданных Каэрдина погибли многие. Бежали наемники и Обладающие Силой, которых призвал Баалхэверд к себе на службу, а предводители союзных воинств, присланных его соседями, были умерщвлены, и воинства их рассеяны. Тогда отозвал Каэрдин своих союзников, и вверг в Бездну ее обитателей, и изгнал демонов, явившихся из Пределов, и по равнине, усеянной многими трупами, направился к одинокому замку.

Наблюдая, как он приближается к воротам, сказал Мастер Леонардо Баалхэверду:

— Что скажешь теперь? К каким силам обратишься, чтобы избежать поражения? Каких союзников призовешь и каких слуг бросишь на верную гибель, чтобы сдержать этого безумца?

— Стены моего замка неприступны, и охраняются еще многими солдатами, которые обрушат на него камни и осыпят стрелами, едва лишь он подойдет к воротам. Пусть он хоть месяц стоит под стенами — никто из моих слуг больше не выйдет к нему. Подождем, пока ему надоест находиться тут и он будет вынужден вернуться туда, откуда пришел.

— Слепец! Много ли ему понадобится времени, чтобы обрушить стены и сломать ворота, которые ты мнишь «неприступными»?!

— Может быть, — с сильным беспокойством сказал тогда Баалхэверд, — нам следует вступить с ним в переговоры и узнать, какова причина его вражды? И если требования его справедливы и не особенно обременительны, может быть, следует отдать ему то, что он хочет?

— И без переговоров я могу рассказать тебе о том, что привело его под твои стены. Или ты забыл, что он видел женщину Кадмона? Или ты думаешь, что со временем он смог преодолеть ее чары? Напротив, любовный яд разъял его душу, хотя первоначально он каким-то образом смог противостоять отраве. Он влюблен и болен любовью, как и все остальные, видевшие ее. Что иное могло побудить его напасть на того, с кем у него прежде не было никакой вражды — а ведь Каэрдин никогда еще не начинал войны без веской на то причины? Что иное, кроме любви к той женщине, могло заставить его прибегать в войне против тебя к силам, угрожающим разорвать само мироздание?

— Не желаю я отдавать ему эту женщину.

С ехидцей усмехнулся Мастер Леонардо и так сказал сотрапезнику:

— Может быть, теперь ты сам выйдешь к нему и предложишь ему поединок, как это уже сделал Повелитель Воинов?

— Нет, — сказал Баалхэверд, стараясь не показать Леонардо страха,

овладевшего его душой. Как и у всякого, кто стремится повелевать и желает унижить всех прочих для того, чтобы возвыситься над ними, душа его имела некий изъян, отличающий раба от свободного. Раб может любить, как и свободный, однако он способен отказаться от предмета своей любви под воздействием сильного страха или даже ради выгоды, хотя и будет впоследствии сожалеть об этом. Сердце Повелителя Рабов не было мертво и имело свои страсти, пусть даже и самые низменные. По-своему и он любил эту женщину — но так, как любят рабы.

Сказал Баалхэверд:

— Ты полагаешь, что следует отдать ему Соблазн?

— Конечно, — с сильным сарказмом сказал тогда Леонардо, — следует отдать это совершеннейшее из орудий в руки того, кто и так повелевает силами, которым мы не нашли ничего, что можно было бы противопоставить. Кроме того, Кадмона эта женщина посылала на небо за персиком из сада богов, и Дарующий Имена добыл ей персик. Что потребует она от Каэрдина? Может быть, твою голову? Впрочем, нет — это слишком мелко для нее. Короны всех Владык Преисподней — вот цена более подходящая, как мне представляется.

— Что же нам делать? — Спросил Баалхэверд.

— То же, что я советовал тебе раньше, — отвечал Леонардо. — Как можно скорее уничтожь ее способом, подсказанным нам Повелителем Гибели. Тогда нечего будет делить вам с Каэрдином и ничего не приобретет он, захватив твой замок.

И вот, открыли они волшебным ключом одну из дверей и, заманив туда женщину, немедленно захлопнули за ней дверь.

Рассмеявшись, сказал Леонардо:

— Изящная шутка удалась мне сегодня. Даже не прибегая к явной лжи, удалось мне столкнуть между собой двух могущественнейших властителей! Знай, простофиля, что не отнимать у тебя женщину шел Повелитель Затмений, но вызволять ее из плена, потому что полагал он, что на положении рабыни содержится она здесь, а не на положении любимейшей твоей жены или дочери — ведь ничего он не знал о связи, которая имелась между вашим с ней волшебством.

— К чему этот обман, за который ты сейчас же заплатишься и душой и жизнью? — Спросил его Баалхэверд с сильным гневом.

— Несправедливым показалось мне то, что ты завладел оружием, которое могло сильно возвысить тебя над прочими Владыками Преисподней, — с насмешкой ответил ему Повелитель Зла.

Тогда бросился на него Повелитель Рабов, но в этот час вздрогнул весь

замок, потому что Каэрдин приблизился к воротам цитадели и разрезал их своим мечом, словно были они сделаны не из крепчайшей стали, а из мягкого хлеба. Далее проник он во двор замка, и там был встречен гвардией Баалхэаверда и лучшими из его телохранителями. Тогда распахнул Каэрдин крылья, впервые воспользовавшись силой, которую приобрел в Третьей Долине. И поднялся сильный ветер, разметавший всех этих людей, а наисильнейших из них, сумевших воспротивиться действию ветра, Повелитель Затмений поразил своим мечом. Так вступил он в чертоги Баалхэаверда и сошелся с Повелителем Рабов в поединке. Впрочем, недолог был этот бой, ибо сам по себе Повелитель Рабов был слабее многих, кого сегодня уже случалось побеждать Каэрдину. И когда был повержен Баалхэаверд наземь, обратился он к своей Силе и так вскричал при этом:

— Ты — раб своей любви и слуга своей гордости!

Но будто бы в никуда кануло его заклятье. Далее приставил Каэрдин меч к горлу Баалхэаверда и сказал так:

— Назови меня рабом еще раз, и посмей еще раз обратить против меня свою Силу — клянусь, придется тебе подыскивать для себя новую голову и приобретать корсет для своей шеи! Теперь отвечай мне: где женщина, которую ты отнял у Кадмона?

— Господин, — взмолился тогда Баалхэаверд, — я ничтожнейший из слуг твоих и последний из числа твоих рабов. Разве посмел бы я противиться тебе, если бы знал, сколь ничтожное обстоятельство вынудило тебя вторгнуться в мои владения? С большой радостью подарил бы я тебе эту женщину, если бы ты сказал, что желаешь ее, хотя и дорога она мне, как любимая дочь. Однако ты не известил меня о своих желаниях, и от того мной была допущена некая ошибка, за которую, как я надеюсь, ты не станешь несправедливо карать меня...

— Твое словоблудство утомит и бога, — сказал ему Каэрдин, — отвечай мне немедленно: где женщина, что носит имя Соблазн?

Закричал тогда Повелитель Рабов в сильном страхе:

— Пощади меня, господин! Этот обманщик, Леонардо, заставил меня уничтожить ее, говоря, что так мы избегнем твоего гнева!

Подивился этим словам Каэрдин и так сказал Повелителю Рабов:

— Если верно то, что ты сейчас сказал мне, то ты дурак еще больший, чем полагал я вначале.

Меж тем, пока происходил сей разговор, Мастер Леонардо тайком выбирался из зала, и почти преуспел в этом, и лишь в самых дверях был остановлен Каэрдином. Взял его Повелитель Затмений за волосы и легко

поднял над полом, потому что невысокого роста был Мастер Леонардо и весил немного.

Сказал Повелитель Затмений:

— Верно ли то, что я слышал? Верно ли то, что по твоей вине умерла эта женщина?

— О могущественный! — Возопил Леонардо. — О наибогороднейший из королей и наилучший из воинов! Женщина та представляла для всех нас великую опасность — и для тебя тоже, мой повелитель! Ты разгневался на этого глупца, Баалхэаверда, за то, что он назвал тебя рабом любви — но разве он был не прав? Чары ее погубили бы тебя очень скоро, как погубили раньше Кадмона и еще многих других. Никогда бы она не полюбила тебя, потому что ее привлекает лишь то, что не принадлежит ей — а ведь твое сердце давно присоединилось к ее владениям! Вы оба, ты и Баалхэаверд, должны благодарить меня за то, что я избавил мироздание от наихудшей из бестий и помог сохранить в целостности порядок вещей, и тем уберег Вселенную от провала в хаос.

— Неизвестно мне то, что ты называешь порядком вещей, и я не знаю ничего о хаосе, от которого ты столь любезно уберег нас, — сказал ему Повелитель Затмений. — Теперь отвечайте, вы оба: каким образом была умерщвлена женщина и по каким путям после гибели оболочки была унесена ее сущность?

Рассказали ему об этом Леонардо и Баалхэаверд, и упомянули, что была уничтожена не только оболочка, но и сущность ее, чтобы никто не смог вернуть женщину к жизни. Сильно разгневался Каэрдин, узнав об этом, и с яростью швырнул Мастера Леонардо на пол.

— Вынуждены мы были поступить так, ибо неизбежную гибель несла она всем нам, — сказали ему родичи.

— Где ключ? — Спросил у них Каэрдин. И когда дали ему ключ, он подошел к одной из дверей и вложил ключ в замочную скважину. В тот же миг вскочил Леонардо с пола и вцепился ему в руки.

— Остановись! — Крикнул он Каэрдину. — Куда ты хочешь идти и с кем вступать в поединок? Ничто, таящееся за этой Дверью, без всякого труда уничтожит тебя, как бы ты не был силен, ибо за этим порогом исчезает разница между слабым и сильным, и волшебное искусство, и верность, и воля перестают иметь какое-либо значение. Нет возврата тому, кто пройдет этой Дверью. Опомнись! Кого ты хочешь найти там? Женщины этой давно уже нет. И ты сгинешь следом за ней и исчезнешь без всякого следа, если переступишь порог!

Сказал Каэрдин:

— Множество дорог мне ведомо, и многими путями ходил я, достигая областей, о которых вы никогда даже не помышляли, но Дверь, подобную этой, вижу впервые. Все вещи связаны между собой незримыми нитями, порвать которые не так-то легко; пройдя этой Дверью, не встречу ли я снова женщину, которую люблю, пусть даже и будем облачены мы в иные оболочки?

Сказал Леонардо:

— Неужели ты не слышал ничего из того, что говорили мы тебе об этой Двери? Невозможно вернуться, пройдя ею, ибо она обрывает все нити. Не смерть тебя ждет там или какое-нибудь иное изменение, но полное Ничто. Ты исчезнешь, как будто бы никогда тебя и не существовало.

Сказал Каэрдин:

— Легко уничтожить тело, и нетрудно — душу, если знать, как. Однако зерно души, называемое Истинным Я, неуязвимо ни для какой магии.

Сказал Леонардо:

— Никогда не держал я это Истинное Я в руках и не пробовал его на вкус, хотя и раньше немало о нем слышал. А ведь я — Повелитель Зла, и мне лучше, чем кому-либо, известны свойства душ и составляющие их элементы, ибо в душе каждого из живущих имею я свою часть. Но положим, ты прав, и это Истинное Я и в самом деле существует. Какая тебе от того польза? Ведь ты лишишься не только своей Силы, но и любви, которая сейчас толкает тебя к безумству, и навсегда утратишь даже память о своей возлюбленной.

— Посмотрим, — сказал Каэрдин и хотел открыть Дверь, но Леонардо снова удержал его.

— Подожди еще одну минуту, — сказал он. — Выслушай то, что я тебе скажу. Предположим даже, что мы солгали тебе, или Повелитель Гибели обманул нас еще раньше, и за этой Дверью вместо окончательной смерти тебя ждет дорога, усыпанная лепестками роз, а в конце дороги высится дворец из золота, в котором поселилась Соблазн. Что из этого? Она не любит тебя и никогда не полюбит, ведь привлекает ее лишь то, что еще не принадлежит ей. Даже и чувства, которые ты испытываешь к ней — не более, чем морок, навеянный ее Силой, а сама она не способна любить.

— Я так не думаю, — сказал Каэрдин. — И не от того ли она столь легко поддалась вашему обману, что сама желала войти в эту Дверь и навсегда избавиться от своей магии, которая сродни проклятью?

— У нее для того могла найтись тысяча других причин! — Вскричал Леонардо. — И первейшая из этих причин — женское любопытство! Так же легко я перечислю тебе и остальные девятьсот девяносто девять.

— Но так же могла быть верной и та, которую назвал я.

— Ты ослеплен любовью, — молвил Леонардо, — и видишь все в перевернутом свете.

— Это твой мир перевернут, — ответил ему Каэрдин. — А мой таков, как и прежде.

С этими словами он оттолкнул Леонардо, открыл Дверь и перешагнул через порог. Двигаясь боком вдоль стены, Леонардо добрался до Двери и захлопнул ее за Каэрдином. Закрывшись, Дверь утратила все свои необыкновенные свойства и стала тем, чем была — одной из многих дверей во дворце Баалхэаверда. Однако некоторое время Леонардо смотрел на нее со скрытым беспокойством, и странным было лицо его, как будто бы он боялся того, что они — Каэрдин и Соблазн — все же смогут вернуться, хотя это было и невозможно. Но прошла минута, а затем вторая, и никого не было. Расхохотался Мастер Леонардо и помог Баалхэаверду подняться с пола.

— Скажи, — обратился он к Повелителю Рабов, — не следует ли тебе благодарить меня? Ты видел сам, что эта женщина сотворила с его разумом. Ты хотел, чтобы с тобой произошло нечто подобное? А так бы и случилось, и она обрекла бы тебя верной гибели, если бы задержалась в твоём дворце еще на несколько дней.

— Благодарю тебя, родич, — сказал Баалхэаверд, отряхивая свою одежду, — что ты уберег меня от столь губельного безумия, а ведь сколь близок я был к бездне, о существовании которой даже и не подозревал!.. Но от чего ты хмуришься, и от чего веселость покидает твое лицо?

— Я не вижу ключа, которым отмыкается Дверь в Ничто, — сказал Мастер Леонардо.

— Да, — согласился Баалхэаверд. — Надлежит немедленно отыскать его. Этот ключ может быть нам очень полезен. Своих врагов мы обманом станем заманивать в эту Дверь и будем, таким образом, навсегда избавляться от них.

Но как они не искали ключа, ничего не смогли найти. И тогда стало им ясно, что, отворив Дверь, Каэрдин вытащил ключ из замочной скважины и унес с собой в Ничто. Скверными словами обругали они Повелителя Затмений за этот поступок и стали размышлять о том, нельзя ли каким-нибудь образом изготовить для того ключа копию.

Здесь кончается рассказ об уходе богов и гибели трех наиболее могущественных в числе Обладающих Силой: Кадмона, Дарующего Имена, Каэрдина, Повелителя Затмений и женщины, имя которой было — Соблазн.

ДРАГОЦЕННОСТЬ

(история девятая)

Многие волшебники пришли в Эссенлер, Рассветные Земли, и поселились в них. Кто открыто, кто тайно, кто по протекции своих родичей и при их помощи, а кто и без всякой помощи и содействия, обходясь лишь собственными силами, творили дороги в новые земли, приходили и умножали число насельников Эссенлера. В новорожденном мире обрели пришельцы многие знания и большую власть, потому что стихии Эссенлера не были еще замутнены временем и открыты для каждого, кто желал изучать их и владеть их силой. Из числа первых поселенцев составилась Совет Лордов, куда вошли наиболее могущественные и известные из них. Совет решал, как относиться к каждому новому пришельцу — принимать его, или прогонять прочь, помогать ему, или требовать высокой платы за право жить в Рассветных Землях и постигать их волшебство. Лишь единственный раз отступился Совет от вынесенного приговора, и только лишь потому, что некий Лорд, которому прежде желали объявить войну, неожиданно получил заступника в лице того, кто прежде яростнее всех обвинял его — а этот заступник имел большой вес в Совете и был главой наиболее влиятельной из его партий. В иных же случаях всегда нещадно карал Совет тех, кто осмеливался сомневаться в его власти и пренебрегать его приговорами.

Неудивительно, что от того происходили войны между первыми поселенцами и новыми пришельцами. Недолго длились эти войны, или лучше сказать — мятежи, потому что никогда не были сильны мятежники и бунтари настолько, чтобы, как равные, в одиночку противостоять всему Совету Лордов. Случались меж мятежниками и союзы, но и союзников Совет разбивал так же легко, как одиночек. Чаще всего, начиная войну с перепоселенцами или пренебрегая решениями Совета, пришельцы совершенно не представляли себе, с какой силой им придется столкнуться. Если же впоследствии, видя опустошение своих земель, а воинов Совета — у стен своих замков, они раскаивались в своей глупости, принимали все обязательства, законы и установления Совета Лордов и безропотно выплачивали контрибуцию — тогда их могло ждать и помилование.

Постепенно Совет укрепил свою власть — ведь в числе обязательств,

принимаемых Лордами, приходившими в Эссенлер, было и обязательство посылать своих воинов и вассалов на войну с новыми мятежниками, буде таковые объявятся. Никто больше не осмеливался перечить первопоселенцам и подвергать сомнению их привилегии судей. Порядок и закон восторжествовали, строптивые присмирели, слабые получили защиту. Казалось, наступила эпоха мира.

Но длилась эта эпоха недолго. В скором времени Лорды закончили освоение первозданных магических сил, наполнявших Эссенлер в миг его рождения и еще некоторое время после того: как было уже сказано, это были стихии чистые, незамутненные еще ничьим прикосновением, и требовалось лишь легчайшее усилие, чтобы пробуждать их и придавать им форму, менять их и творить из стихий, из самой их сути — живое. Так, Лорд Келесайн сотворил народ живых молний, Лорд Шаркэль оживил миражи и дал души видениям, Лорд Имрадим сотворил железных птиц, его брат, Лорд Архайн — Звенящих Витязей, Леди Ягани дала начало роду существ, для которых огонь — лишь врата из видимого мира в царство, состоящее из пламени, Лорд Ирвейг — положил начало народу теней, Леди Гизгана — народу лунного света. Леди Астана научила деревья двигаться и говорить, а Лорд Зерем сотворил многих чудовищ и демонов, одно перечисление которых могло бы составить отдельную книгу. Рассветные Земли не были больше едины — они расслоились на множество областей, не всегда связанных друг с другом; в каждой из областей господствовала та магия, которой владел здешний хозяин.

И вот, однажды один из Лордов, именуемый Алгарсэном, Повелителем Драгоценностей, оторвался от своей работы и взглянул на земли своих соседей. Многие увидел он там, и увиденное зажгло зависть в его сердце. Ведь никогда бы не смог он сотворить ничего подобного тому, что творили Келесайн и Шаркэль, Ягани и Зерем. Однако и они не могли сделать того, что Алгарсэн создавал с легкостью, ведь у каждого из них была своя Сила, отличная от прочих, и свои волшебные умения. Но даже и осознание этого не могло уничтожить зависти Алгарсэна.

Сказал он самому себе, когда обошел владения соседей:

— Мир этот подобен драгоценному камню. Каждый Лорд управляет своей гранью, но отчего нельзя управлять всеми? Без всякого сомнения, это возможно, и тем легче это будет сделать мне, ведь я — Повелитель Драгоценностей.

Сказав так, он забросил старую свою работу и начал новую. Воистину, необыкновенна была эта работа, и сложна необычайно, но Алгарсэн был искусным чародеем и терпением мог поспорить с камнем, а твердостью

воли — с твердостью алмаза. Так, для управления Рассветными Землями решил он создать видимое воплощение сердца Эссенлера и придать ему вид большого прозрачного кристалла. Добившись своего, в каждой из граней кристалла он отразил владения того или иного Лорда, и связал отражения с их подлинниками. Затем растворил Алгарсэн драгоценный камень в волшебной сути Эссенлера и стал ждать, когда завершится преобразование мира и все стихии и силы станут подвластны ему.

Но раньше, чем это произошло, был собран Совет Лордов, и на лицах многих соседей своих заметил Алгарсэн беспокойство, и понял, что совершаемое преобразование не осталось ими незамеченным. Мысленно улыбнулся он этому обстоятельству и спокойно сел за один стол с ними, потому что не верил, что за оставшиеся до завершения трансформации дни Повелители Стихий смогут разгадать виновника происходящих изменений.

Поднялся Джордмонд-Законник и обратился к присутствующим:

— Необычное творится ныне в Рассветных Землях. Законы здешнего волшебства, известные нам, стираются и переписываются заново.

— Не значит ли это, — спросил тогда Архайн, Хозяин Железной Башни, — что новый Лорд тайно проник в Рассветные Земли и стал распространять свою Силу без нашего ведома и согласия?

— Никто, — сказал Тарнааль, Ангел-Страж, — не проникал в Эссенлер в последнее время.

Спросил Келесайн Джордмонда-Законника:

— Каковы же изменения в законах мира, которые ты увидел?

Ответил Джордмонд:

— Я не нашел никаких явных отличий. Законы переписываются заново, но новые во всем подобны предшествующим...

— Но в чем же тогда смысл подобной переписи? — Спросил Ирвейг, Властелин Теней.

— Я еще не договорил, — молвил Законник. — То, что я видел, напомнило мне историю одной страны, каковой истории я некогда был свидетелем. В той стране, населенной варварами и дикарями, существовало много племен, возглавляемых старейшинами и вождями. Племена торговали между собой, а иногда и воевали. У каждого племени были свои законы, а дела, общие для всех, решали между собой вожди и старейшины. Их решения становились общими законами. Потом на эти земли напал некий король и захватил их. Войско его было велико, но все же не настолько, чтобы противостоять всем племенам, если те вдруг вздумали бы объединиться. Чтобы избежать мятежей, король особой хартией утвердил вольности этих племен и приказал своим людям составить списки их

обычаев и законов. Общие места в тех обычаях он утвердил как общие законы страны, ничего не добавив к ним от себя... в первое время. Кроме того, вождей, признавших его власть, он оставил править племенами, как раньше — и споры внутри племен они решали по своим старым обычаям. Сам же король разбирал споры между вождями и людьми разных племен, и от того стали именовать его Вождем Вождей.

Сказала Астана:

— Но ведь Тарнааль утверждает, что в последнее время в наш мир не приходили новые Лорды.

— ...Что всего лишь означает, что сию перепись затеял один из жителей Эссенлера, — произнес Келесайн.

— И возможно даже, это один из нас, — криво усмехаясь, добавил Зерем.

Недобрым молчанием встретили Лорды слова Повелителя Бестий.

— Желает ли еще кто-нибудь высказаться? — Обратился Келесайн к собравшимся. — Кто еще, кроме Джордмонда, почувствовал неладное?

— Я вижу суть Эссенлера как пламя, — сказала Ягани. — С недавних пор вокруг пламени словно выросли незримые стены.

— Сны Эссенлера стали сумбурны и путаны, — молвил Шаркэль. — Кажется, будто идет беспощадная война между снами и снами. Но я знаю, кто виноват в этом.

— Кто же это? — Спросили его Лорды.

— Я повелеваю видениями, — сказал Шаркэль. — Когда мне не удалось отыскать причину происходящего в наших землях при помощи Искусства, я лег спать и призвал к себе Видение. Смысл Видения поначалу ускользнул от меня, но теперь я понял, в чем он заключался.

— В чем же заключался твой сон? — Спросили его Лорды.

— Я видел Эссенлер и внутреннее волшебство его, не имеющее ни формы, ни свойств, ни каких-либо качеств — волшебство, что приобретает различные свойства, проходя через нас. И вот, я видел, как бесформенное обрело форму.

— Какова была увиденная тобой форма? — Спросили его Лорды.

— Бude виновницей преобразования Леди Ягани, я бы увидел огонь. Будь это Лорд Келесайн — молнию. Будь это Лорд Зерем — бестию, а если бы вина лежала на Ирвейге, мне явилась бы тень.

— Что же ты увидел? — Нетерпеливо спросила его Ягани.

— Драгоценный камень, — отвечал Шаркэль.

Встал тогда Алгарсэн и спросил, не ослышался ли он.

— Нет, — сказал Шаркэль.

— Ты обвиняешь меня? — Спросил его Алгарсэн.

— Я видел то, что я видел, — молвил Шаркэль и отвернулся.

— Лживы твои слова, а сердце трусливо, — сказал ему в спину Алгарсэн. — Не зря ты опасаясь встречаться со мной взглядом, ибо лжешь, и знаешь, что лжешь. Ты не имеешь чести.

Повернулся тогда Шаркэль обратно и вызвал на поединок Повелителя Драгоценностей. Но молвил Джордмонд-Законник:

— Никакого поединка не будет. По крайней мере, до тех пор, пока мы не выясним, верно ли обвинение Лорда Шаркэля, ибо дело это слишком серьезное и касается нас всех.

— Неужели теперь и ты, Джордмонд, желаешь оскорбить меня? — Как бы с сильным удивлением спросил Алгарсэн.

— Ты мне не враг, — отвечал ему Джордмонд. — Но твоего поединка с Шаркэлем я не допущу. Всем известно, что ты опытный и искусный волшебник, более того, известно, что ты являешься самым старшим среди нас по возрасту. Шаркэль же лишь недавно обрел Силу. Ваше мастерство неравно — ты гораздо более, чем он, искушен в колдовстве.

— Неужели только поэтому я должен безропотно выслушивать оскорбления? — Надменно спросил Алгарсэн.

— Если мы выясним, что обвинения эти ложны, никто не станет удерживать вас. Тогда один из вас своей жизнью расплатится за слова, что были произнесены сегодня.

— Когда же это станет ясно? — Бросил Повелитель Драгоценностей Джордмонду.

— Тебя известят, — сказала Ягани.

Высокомерно посмотрел на нее Алгарсэн, но не стал заводить с ней ссоры, ибо было известно, что женщина эта более, чем кто-либо из присутствующих, сильна в боевом чародействе. Разве что Келесайн, Повелитель Молний и Тарнааль, Ангел-Страж, могли сравниться с ней в этом, не уступая ей в мощи и превосходя в искусстве и опыте.

С тем и было распущено собрание. Каждый из Лордов отправился в свои владения. Но едва лишь Ягани переступила порог своих покоев, помещавшихся во дворце, выстроенном из твердого пламени, как ожило установленное там волшебное зеркало. Ягани приказала зеркалу проясниться; когда это произошло, она увидела лицо Лорда Зерема. После взаимных приветствий, Творец Чудовищ сказал:

— Каким образом мы будем искать виновного? Ведь у нас нет ничего, кроме догадок Шаркэля и его же сумбурных видений, но вряд ли остальные Лорды сочтут это достаточно весомым доказательством, чтобы

начинать войну против одного из восседающих в Совете.

— Я верю Шаркэлю, — возразила Ягани.

— Я тоже, — сказал Зерем, — но доказательств у нас нет. А пока в этих землях господствует закон, мы ничего не добьемся, открыто принимая сторону Шаркэля. Джордмонду потребуется нечто большее, чем ничем не подкрепленные слова, чтобы допустить войну.

— Значит, нужно добыть это нечто большее, — сказала Ягани.

Рассмеялся Лорд Зерем.

— Хорошо сказано, но как ты собираешься осуществить это? Как хочешь уличить этого старца перед Советом? Ведь всего лишь несколько дней, а может быть — несколько часов, осталось у нас до времени, когда закончится перепись законов Эссенлера. Не потеряют ли тогда смысл всякие доказательства, ибо Вождь Вождей незыблемо утвердится на своем престоле?

— Что же ты предлагаешь? — Спросила его Ягани.

— Отступить от закона — ради самого закона.

— Ты предлагаешь убить Алгарэна?

— Нет, это было бы глупостью, за которую нас, в лучшем случае, покарали бы изгнанием. А может быть даже, отлучили от волшебства Рассветных Земель и лишили Силы.

— Разве это возможно? — Удивилась Ягани.

— Возможно, — улыбнулся Зерем. — Я изучал этот вопрос. Трудно уничтожить чужую Силу при помощи своей собственной, однако, войдя в Эссенлер, причастившись его магии и соединив ее с нашим внутренним волшебством, мы обрели не только большую, чем прежде, власть, но и большую уязвимость. Убив кого-либо из нас в Рассветных Землях, можно отсечь убитого от его Силы. Правда, для того потребуются усилия нескольких Лордов, числом не меньше семи, но даже и это не нужно, если за дело возьмется Тарнааль. Ведь его Сила — ограничение. У него, единственного из нас, нет своих владений в Эссенлере, но все границы этого и иных миров — его владения.

— Как это может нам помочь в изыскании доказательств против Алгарэна? — Спросила Леди Ягани.

— Никак, — ответил Лорд Зерем. — И я лишь отвечал на твой вопрос о лишении Силы. Относительно же Алгарэна я предлагаю следующее: сегодня я приглашу к себе вас обоих. В моем замке ты нападешь на него — я же позабочусь о том, чтобы он не смог сбежать. Известно, что в боевом чародействе ты более сильна, чем прочие Лорды Эссенлера. Если Алгарсэн владеет теми же силами, что и прежде, ты сумеешь победить его и пленить.

Если же он и в самом деле тот, кто покусился на владения и Силы своих соседей, проигрывая, он рано или поздно будет вынужден прибегнуть к своим новым талантам и тем выдаст себя.

— Почему же ты сам не хочешь испытать его поединком? — Спросила Ягани с улыбкой.

Высокомерно посмотрел на нее Лорд Зерем.

— Я не останусь безучастным, — сказал он Огненной Танцовщице. — Потому что если Шаркэль прав, ни тебе, ни мне в одиночку уже не удастся справиться с ним.

— Зажги огонь в своем замке, — сказала ему Ягани.

Лорд Зерем выполнил ее желание и установил посреди одного из залов своего замка большую жаровню. Как только он зажег в той жаровне пламя, оно стало ярче и взвилось до потолка; а из середины огненного столба вышла Ягани. Спрыгнув на пол, она подошла к хозяину замка; Зерем же учтиво поклонился и просил подождать в другой зале, пока он будет беседовать с Повелителем Драгоценностей.

И вот, приказал он своему зеркалу отыскать другое зеркало, установленное в замке Алгарсэна. Исполнило зеркало его приказ и отразило на своей поверхности фигуру Повелителя Драгоценностей. И спросил Алгарсэн Зерема, зачем тот побеспокоил его.

— Есть у меня нечто, что я полагаю необходимым сообщить тебе, — сказал Зерем.

— Так говори же, — произнес Алгарсэн.

— Раз в гостях у Ирвейга слышал я от него, что он может изготовить тень любого предмета, который есть в Эссенлере. Теперь скажи мне, что будет, если изготовить не новое волшебное зеркало, но тень одного из существующих? Не появится ли у обладателя такой тени возможность подслушать чужой разговор? Я бы не хотел рисковать.

— Значит, я выслушаю тебя завтра после Совета, — пожал плечами Алгарсэн.

— Я не желал бы, чтобы то, что я завтра скажу на Совете, стало бы для тебя неожиданностью, — отвечал ему Зерем с любезной улыбкой. — Как это вышло сегодня с Шаркэлем.

Долго смотрел на него Повелитель Драгоценностей, а потом сказал:

— Хорошо. Я приду в твой замок. Разомкни Покровы Силы. Прочие волшебные оболочки, если хочешь, оставь — они для меня не преграда.

— Это уже сделано, — отвечал Зерем.

Затем, погасив изображение в зеркале, Алгарсэн собрал кое-какие инструменты, хорошо помня о том, что доверчивые живут недолго, но

легко умирают (он же сам, как было уже сказано, числился старейшим среди Лордов Эссенлера). Собравшись, он взял в руки прекрасный самоцвет со многими гранями, и, повернув его, оказался в покоях Лорда Зерема. Зерем приветствовал его и предложил разделить с ним ужин.

— Я не голоден, — отвечал Повелитель Драгоценностей. — И прежде всего желал бы узнать, ради какого дела ты пригласил меня.

— Что же, — пожал плечами Повелитель Бестий, — если ты настаиваешь, мы можем приступить к нему сразу.

При этих словах, согласно его безмолвному приказу, распахнулись двери в другую залу. Ягани вышла к ним. Повинуясь движению ее руки, появилось пламя и обрушилось на Алгарсэна. Не шевельнулся тот, не дрогнул и не сказал ничего — но вдруг оказался словно внутри большого радужного кристалла, и пламя бессильно было повредить ему.

— Так-то ты встречаешь гостей, Зерем? — С презрением бросил Алгарсэн. — Завтра на Совете всем станет известно о вашей низости.

С этими словами он поднял кристалл для перемещений и собрался повернуть его, но Зерем поднял руку и бросил в него нечто, подобное черной молнии. В воздухе молния превратилась в бестию и вонзилась в кристалл, окружавший Алгарсэна. Возможно, ей и не удалось бы расколоть его, если бы в этот же миг Ягани не ударила Повелителя Драгоценностей всей своей Силой. Не выдержав жара и острого, как игла, прикосновения твари, защитная оболочка рассыпалась, а тварь вцепилась в камень для перемещений и, выхватив его из рук Алгарсэна, уволокла в дальнюю часть комнаты. Тогда Повелитель Драгоценностей возвел вокруг себя новую оболочку, и так сказал Зерему:

— Горька будет твоя участь и много раз пожалеешь ты о том, что сделал.

Сказав это, он достал из мешочка один из своих камней и бросил его в Повелителя Бестий. Тотчас же вокруг последнего возникла оболочка, схожая по виду с той, что окружала самого Алгарсэна, но если Повелителя Драгоценностей она защищала, то Зерема сковала лучше всяких цепей — словно в сердцевине огромного бриллианта очутился он и не был в силах ни пошевелить рукой, ни моргнуть, ни воспользоваться своей Силой.

— Ты будешь следующей, — пообещал Алгарсэн Ягани, однако в это же время Огненная Танцовщица расколола его вторую оболочку, и ему пришлось возводить новую, забыв на время о словах и обещаниях. И вот, бросил Алгарсэн в Ягани алмазное копьё, но Ягани начала колдовской танец и легко отвела его от себя.

Сказала Огненная Танцовщица Слова Силы:

— Мир — это огонь, и все различия в нем проистекают от различных видов пламени и различной концентрации их в том или ином предмете или месте. Мир — это движение, а движение это — танец. Все подвластно движению, ведь нет ничего неподвижного, и даже камни и кристаллы танцуют, хотя и много медленнее, чем иные существа и предметы.

Сказал Повелитель Драгоценностей Слова Силы:

— Мир — это кристалл. Он неизменен. Все видимые движения и превращения — не более чем блеск этого кристалла, суть же его неподвижна и нетленна. Нет времени, есть вечность, нет танца — есть постижение, нет слов — есть только молчание.

Разбились Слова Силы, сказанные ими, и не один из Обладающих не получил преимущества. Тогда обрушила Ягани на Алгарсэна сильнейший жар, превративший в пепел большую часть замка Зерема, но Алгарсэн в том огне сам стал подобен драгоценности — жар разрушил его, но и создал вновь, подобно тому, как рождается алмаз из графита. Достал он тогда из кошелья рубин, и сказал:

— В сем предмете я заключаю твою магию, и оставляю себе, как одно из своих сокровищ.

Но Ягани разбила оковы, которые он думал наложить на нее, и рубин раскололся в руках Алгарсэна.

— Ты плохой танцор, — сказала она ему. — А ведь у Огненного Океана придется тебе отныне обучаться этому искусству.

С этими словами она бросила его в Огненный Океан, и Алгарсэн не нашел ничего, что можно было бы противопоставить его мощи. Все его инструменты сгорели, а сам он, чтобы избежать гибели, снова был вынужден прибегнуть к перерождению, но, сгорев и возникнув вновь, понял он, что в этом месте перерождения его будут длиться вечно. Тогда, чтобы избежать гибели, он обратился к колдовской сердцевине Эссенлера, которая с недавних пор подчинялась ему, и стал управлять магией Ягани как одной из граней этого великого кристалла. Так он отыскал выход из Огненного Океана и вернулся к замку Зерема для того, чтобы покончить со своими врагами. Теперь, какие бы заклятья не использовала Ягани, она ничем не могла повредить ему. Алгарсэн же немедленно заточил ее в кристалл, подобный тому, в котором пребывал Повелитель Бестий, и, войдя в их мысли, сказал им обоим:

— Глупцы! Как вы осмелились выступить против меня? Ведь даже подозревая, что я — тот, кто овладел сутью волшебства Эссенлера (а я не вижу иной причины для вашего нападения), как вы могли надеяться одолеть меня? Я надеялся, что ты, Зерем, добровольно примешь мою

сторону, но оказалось, что ты — дурак, а дураки не нужны мне. Даже и твоя смерть, женщина-воин, будет более легкой, чем смерть этого предателя.

— Посмотри на небо, — безмолвно ответил ему Зерем. — Может быть, ты и овладел сутью волшебства Рассветных Земель и от того можешь справиться с любым из нас, но сейчас сюда летит тот, кто не имеет в Эссенлере владений. Я просил его наблюдать за моим замком: ныне ведомо ему, господину границ, что ты преступил границы своей Силы, а это значит, что ты — тот, кто изменяет законы Эссенлера, не изменяя их, и значит, что не лгал Шаркэль, обвиняя тебя.

Обратил тогда Повелитель Драгоценностей свой лик к небосклону, и увидел светящуюся фигуру Ангела-Стража, приближавшегося к нему. Таков был облик Тарнааля: всемеров выше человека, облачен он был в белую тунику, поверх которой сверкали золотые доспехи, слепящие глаза, словно солнце в полдень. На голове Тарнааля был шлем конической формы, ноги его были обуты в сандалии, талию опоясывали золотые пластины, намертво скрепленные друг с другом. Не было у Тарнааля тела из плоти, но свечение, имевшее форму высокой человеческой фигуры, заменяло ему тело. Крылья его были подобны лучам солнца, но много ярче. Они струились, как пламя, и сверкали, как молнии. Из хрустального света состоял его меч, и мягок был его свет, и будто преисполнен нежности — но эта нежность была нежностью смерти. Ударил мечом своим Ангел-Страж отступника, и расколол волшебные оболочки, выставленные Алгарсэном вокруг себя. Долго бились они, и долго Ангел-Страж не мог приблизиться к Алгарсэну, ибо тот был искусен в волшебстве и владел всеми силами и стихиями Эссенлера, и возводил новые и новые препятствия на пути Тарнааля. Наконец, одолев все препоны и разбив все оковы, которыми пытался связать его Алгарсэн, приблизился воитель к нему вплотную. Тогда возвел Алгарсэн перед ним препятствие, более крепкое, чем все предыдущие — Алмазом Вечности именовалось это заклятие. Об него разбил Тарнааль свой меч, но и заклятие было разрушено. Тогда протянул Ангел-Страж к противнику правую руку и вырвал у того сердце.

Сказал Тарнааль Алгарсэну:

— Отделяю тебя от твоей Силы. Силу же твою разделяю на две части. Первую из частей, соединенную с сердцевиной Эссенлера, я оставляю здесь и укрываю во внутренней сути этой земли: пусть никто и никогда отныне не сможет владеть ею. Второй же части твоей Силы я придаю форму драгоценного камня, каковую форму, говорят, имеют сердца некоторых богов. Радуйся, Алгарсэн, ведь сегодня поступили с тобой так

же, как со многими из них! Тебя же самого я изгоняю из Рассветных Земель навеки: возвращайся в те земли, где ты родился, и не смей более покидать их — отныне колдовские дороги между мирами закрыты для тебя.

С этими словами он отсек обломком меча Алгарсэна от его Силы, а саму Силу разделил на две части. И тогда сердце Алгарсэна в руке Ангела-Стража превратилось в драгоценный камень, а сам бунтовщик умер. Дух его покинул пределы Эссенлера и долго скитался в пустоте в мрачных областях между мирами. Только лишь через несколько столетий Хеллаэн, родина Повелителя Драгоценностей, притянул к себе свое блудное порождение. Там, в пустошах Темных Земель, на холодных камнях, очнулся изгнанник. Был он слаб и беспомощен, Сила же его была — как кровоточащая рана. Он долго лежал, смотря в темное небо Хеллаэна, изрезанное сверканием молний, а потом встал и взял в руки один из камней, рядом с которыми очнулся. И показалось Алгарсэну, что некоторыми свойствами этот камень подобен тем драгоценным камням, которыми повелевал он прежде. И еще показалось ему, что в этот миг боль его стала немного слабее.

Он поселился в той пустыни и стал изучать волшебство заново, и хотя его ждали многие неудачи, и многие таланты так и не вернулись к нему, кое-чего он все-таки достиг. Он воздвиг высокий, неприступный замок со многими подземными этажами, тайными ходами, невидимыми кладовыми и убежищами, и подчинил себе окрестные земли. Раны, нанесенные его духовной сути, зарубцевались со временем, и вскоре вновь распространилась о нем слава, как о искусном волшебнике, не уступающем ни одному из прочих Лордов Хеллаэна. Но слава и лесть раздражали его, потому что Сила его была невелика, и он знал это. Там, где другие брали мощью, ему приходилось более надеяться на Искусство и собственный опыт. А это — не столь хорошая замена, как полагают многие, потому что молодой неумеха со временем может научиться правильно использовать свои силы, но старик никогда не вернет себе молодость. И казалось Алгарсэну, что в волшебстве он подобен дряхлому старцу, умеющему углядеть ошибки молодых, но не имеющему ни сил, ни ловкости, чтобы ими воспользоваться и одолеть юнцов. Не мог он более путешествовать по волшебным дорогам, ибо этого таланта его лишил Тарнааль, но со временем изыскал для путешествий иной способ, более сложный и долгий, и не раз его видели в иных Землях. Но никогда больше не возвращался он в Эссенлер и долгое время не пытался мстить своим врагам, потому что не желал разминиваться на мелочи и вновь подвергать себя их гневу, не

насладившись прежде сполна их унижением и отчаяньем, а способа отомстить достойно он не мог отыскать. В глубине сердца ненавидел он и нынешнюю свою Силу, и землю, где жил, потому что казалось ему, что прежде жил он во дворце — но был изгнан из него и вынужден обитать в бедняцкой лачуге, был богат — ныне же, как нищий, вынужден трястись над каждым медяком, владел рубинами и алмазами — ныне же должен беречь валуны и булыжники. От того часто убивал он волшебников, забредавших в его земли, даже если не имел с ними никакой вражды и никакой пользы не мог извлечь из их смерти. По этой причине путешественники и торговцы старались стороной обходить его владения. Люди стали называть его Повелителем Камней.

Теперь надлежит оставить его и вернуться во дворец Лорда Зерема, изрядно пострадавший во время поединка меж Алгарсэном и Ягани. Явились туда некоторые из восседающих в Совете Лордов, и в числе их — Келесайн Майтхагел, а с ним — ученики его. Были освобождены Ягани и Зерем из оболочек, которыми окружил их Повелитель Драгоценностей, и гневно сказала Ягани Зерему:

— Почему ты не предупредил меня, что в твой план посвящен еще кто-то?

— Ты — не актриса, но Леди, — отвечал ей Зерем. — Ты не смогла бы сыграть свою роль, как должно. А Повелитель Драгоценностей, увидев, что ты сражаешься не в полную силу, почувал бы подвох.

— А если бы я убила его, и через то открылось бы, что никакого отношения Алгарсэн не имеет к происходившему в Эссенлере? — Спросила Ягани. — Что было бы тогда?

Пожал плечами Повелитель Бестий.

— Нетрудно сказать, — отвечал он. — Ты понесла бы наказание, как убийца.

Захотела тогда Ягани рассеять огненными клинками душу и тело Повелителя Бестий, а прах его развеять по ветру, но прочие Лорды не позволили ей этого. Обернулась тогда Ягани к Джордмонду и Тарнаалу.

— И это — тот закон и то правосудие, которые вы столь высоко превозносите? — Спросила она их.

— Не знали мы ничего о замыслах Зерема, — отвечали ей Лорды, — иначе, без всякого сомнения, постарались бы остановить его.

— Я выхожу из Совета, — сказала им Танцовщица. — И ни в чем более не будет вам от меня помощи.

Некоторые пытались утишить ее гнев, но не преуспели в этом. В сильном раздражении покинула их Ягани и скрылась в своем огненном

царстве.

Сказал Джордмонд:

— Трудно назвать благородным поступок Лорда Зерема, однако все мы перед ним в долгу за то, что он помог нам разоблачить предателя. Следует помочь ему в восстановлении его цитадели.

Сказал Зерем на это:

— Я справлюсь и сам. Лучшая от вас будет помощь, если вы все немедленно покинете мои владения.

Когда ушли Обладающие Силой из его земель, сказал Келесайн Тарнаалю:

— Твой меч сломан. Примешь ли ты от меня другой клинок, как дар?

Сказал Тарнааль:

— С радостью.

Тогда отправился Келесайн со своим старшим учеником, Наврандом, в кузницу, и там приступил к работе, призвав к себе нескольких искусных альвов. И сотворили они меч из серебра, и наделили его волшебством света, и покрыли лезвие меча многими рунами. Но сказал Келесайн, взяв в руки этот меч:

— Недостаточно он хорош для Ангела-Стража. Не обрадуется он такому мечу и неумехой назовет того, кто сотворил его.

Ушли из кузницы альвы, опечаленные словами Келесайна. Он же призвал к себе народ живых молний и просил помочь ему в изготовлении оружия. Всем был хорош новый клинок, гибкий, как плеть, и острый, как бритва. Он мог поражать, подобно молнии, врага на большом расстоянии, а при ударе становился подобен плети-семихвостке, и в семи местах пронизал врага.

Но сказал Келесайн:

— Слишком много в этом мече от моей Силы. Мы же должны сотворить то, что более подошло бы самому Тарнаалю, а не мне, ведь иначе он вернет мне мой дар.

Тогда покинули кузницу живые молнии, телами и светом которых был закален этот клинок. Обратились живые молнии к обитателям лунного света, и сказали им:

— Великое волшебство ныне творит господин наш. Не в силах мы помочь ему, но, может быть, сможете вы, и о том просим вас, как добрых соседей.

Согласием ответили на это обитатели лунного света, и явились в кузницу Келесайна. Новый клинок сотворили они, и был он прозрачным, почти невидимым, и свет его был неярким, а касание его — почти не

ощутимым, но от того не менее гибельным, чем касания первых двух клинков.

Но сказал Келесайн, взяв этот клинок в руку:

— Я видел прежний меч Тарнааля: этот подобен ему, но много хуже. Никогда не поднесу я Ангелу-Стражу дар, если буду знать, что чем-то подобным или даже лучшим прежде владел он.

Сказали обитатели лунного света:

— Все свои знания употребили мы на создание этого меча, ты же, мы видели, вложил в него всю магию, какую мог, не рискуя сделать этот клинок принадлежащим твоей Силе. Если ты желаешь сотворить лучшее, мы бессильны помочь тебе.

Разрезал тогда Навранд себе ладонь и сказал так:

— Учитель, отчего нельзя воспользоваться не той магией, что имеем мы, но волшебством, к которому мы причастны от рождения? Я — не только Навранд, старший ученик твой, но еще я — человек, и кровь моя — кровь человека. Ходят легенды, что впервые обрел Тарнааль Силу как защитник людей — отчего бы теперь моему народу не отблагодарить его? Пусть в моей крови — крови человека — будет закален этот клинок, ты же, мой Лорд, я знаю, не дашь умереть мне от потери столь большого количества жизненной влаги.

Сказал тогда Келесайн, разрезав себе руку:

— Если бы не Ангел-Страж, все Лорды Эссенлера ныне или погибли бы, или служили бы Алгарсэну, и моя благодарность Тарнаалу — не меньше, чем благодарность смертных. Мы смешаем кровь и в полученной смеси закалим клинок — если только ты, Навранд, не отказываешься стать моим побратимом.

Сказал тогда Навранд Келесайну:

— Это — наивысшая честь для меня.

Приблизился тогда к ним старейший из обитателей лунного света и, разрезав себе предплечье (а кровь его имела жемчужный цвет и была невесома, как воздух) сказал:

— Не откажетесь ли вы, человек и Обладающий Силой, в этом деле от участия третьего, кто не был рожден женщиной и не создал сам себя, как создают Обладающие, но был сотворен посредством волшебства? Кровь моя — волшебство, кожа моя — волшебство, волосы мои — волшебство, слезы мои — волшебство, дыхание мое — волшебство, голос мой — волшебство, танец мой — волшебство, взгляд мой — волшебство, прикосновение мое — волшебство.

И вот они втроем взяли железный клинок и, смешав свою кровь,

закалили тот клинок в полученной смеси. Но едва лишь закончили они сотворение сего изделия, как ворвался в кузницу Джордмонд-Законник.

— Что вы творите?! — В ужасе спросил он их. — От вашего волшебства дрожат столбы мощи, на которых покоится Эссенлер и меняются записи в Книгах Судьбы, что отведены каждому из народов.

Когда объяснили ему, что отковали они в этой кузне, воздел Джордмонд к потолку руки свои, поражаясь их безрассудству.

— Опасно играть с такими силами, — произнес он. — Непредставима мощь, с которой соединен этот клинок. Что, если не по злу — нет сомнений у меня в чести Ангела-Стража — но по невежеству или незнанию будет неверно использовано это оружие? Представляете ли вы себе последствия такого поступка?

— Что же, — пожал плечами Келесайн. — Это означает всего лишь, что следует наделить этот меч собственным разумом для того, чтобы он сам мог различать, где добро, а где зло, и не творить несправедливостей.

— Клянусь, Келесайн, — вскричал тогда Джордмонд-Законник, — младшая твоя сестра, увидевшая в подлеце Гасхаале благородного героя, и то умнее тебя! Ни в коем случае нельзя наделять этот меч собственной волей! Кто тогда сможет укротить его? Ведь он будет сильнее любого из Обладающих, а люди и демоны будут ложиться под его взмахами, как трава под косой. Такой клинок будет могущественнее самих богов. Никогда и никому больше не удастся сотворить ничего подобного, но и одного раза достаточно, чтобы опустели многие Земли. Ты говоришь о различении добра и зла, Келесайн — каким различением станет он различать нас и какой мерою мерить: клинок, созданный для битвы, пусть даже и справедливой? Или ты желаешь умереть за обиду, которую нанес, будучи еще ребенком, одному из своих сотоварищей? Вряд ли привычное нам течение времени ограничит взор этого клинка.

— Что же нам следует делать? — Спросил Джордмонда старейший из обитателей лунного света. — Неужели нам теперь придется уничтожить это изделие?

— По крайней мере, нужно сделать так, чтобы никогда он не обрел собственного разума и никогда бы не пробудилась душа, зачатая в нем и затаившаяся до времени, — отвечал Джордмонд.

Тогда высекли они на клинке многие руны, сплетенные особым образом, как советовал Джордмонд-Законник, и заставили утихнуть могучие силы, бродящие в клинке. Но и без тех сил меч этот по праву мог считаться наилучшим. Поднес его Келесайн Ангелу-Стражу, как дар, и тот с благодарностью принял сие оружие, не подозревая, скольких неудач и

споров стоило его сотворение.

Сказал Тарнааль Келесайну:

— Хорош твой дар, и я желал бы в ответ чем-нибудь отдарить тебя. Вот, возьми этот драгоценный камень — что это было прежде, и каково происхождение этого камня, ты знаешь. Используй таящуюся в нем Силу по своему усмотрению.

У Алгарсэна меж тем, нашлись ученики и сыновья, которые пожелали отомстить за смерть Повелителя Драгоценностей. Трех обвиняли они в смерти своего учителя и господина: Зерема, Ягани и Тарнааля. И вот, вторглись они во владения Повелителя Бестий — потому что не могли проникнуть в огненное царство Ягани, а Тарнааль не имел владений и никогда подолгу не жил на одном месте. В то время Зерем еще не закончил восстановление своей цитадели, и нелегка ему была эта война. Преступив свою гордость, обратился он за помощью к Совету Лордов, но в Совете немногие высказали желание помочь ему. Наблюдая это, встал Келесайн и сказал:

— Я помогу тебе.

А следует упомянуть, что сильно недолюбливали друг друга Зерем и Келесайн. Все в них было противоположно — один был нечестивцем, другой — праведником, один, творя зло, находил в этом удовольствие, другой стремился к добру, один был низок духом, другой — благороден. Однако бывало и так, что и Зерему случалось сделать что-либо полезное или доброе, если это соответствовало его планам, а Келесайну, в свою очередь, для достижения своих целей приходилось иногда прибегать ко злу. В чем же различие между ними, спросит строгий судия? Может быть, лишь в устремлении.

С великим трудом терпели друг друга Зерем и Келесайн в Землях Эссенлера. Но Келесайн уважал закон, Зерем же пока ничем явно не нарушил его, и от того Повелитель Молний встал на его сторону. Поскольку немалым весом обладали его слова в Совете Лордов, многие пожелали присоединиться к ним, но отказался Келесайн от их помощи.

В скором времени были разгромлены приспешники Повелителя Драгоценностей и опустошены многие их земли. Тогда оставшиеся мятежники запросили пощады.

Лорд Зерем, к тому времени оправившийся и восстановивший вполне и численность своих войск, и собственное могущество, сказал послам, прибывшим от его недругов, следующее:

— Согласен я на мир с вами. Пусть зачинщики бунта и вассалы их, и их жены и дети, и близкие слуги покинут завтра свои укывища и явятся ко

мне безоружными. Пусть принесут мне присягу верности. Из их числа я выберу себе заложников.

Но когда удалились послы, сказал Келесайн Зерему:

— Не верю я в твое милосердие.

Расхохотался тогда Повелитель Бестий:

— Никогда не стану я предлагать тебе подобного, если вдруг случится меж нами война, ибо ты слишком прозорлив, чтобы попасться на подобную уловку.

— Что же будет завтра с мятежниками и вассалами их, и семьями их, и слугами? — Спросил Келесайн.

— Все они будут истреблены, едва лишь появятся в моем лагере, — отвечал Зерем. — Затем мы ворвемся в замки и города мятежников и захватим их. Затем мы разделим эти земли. Я не стану вмешиваться в то, что ты будешь делать на своей половине, но и тебя не должно касаться то, что будет происходить на моей.

— Что же будет происходить там? — Спросил Келесайн.

— Это, — повторил Зерем, — мое дело.

— Не согласен я на такой уговор, — ответил ему Келесайн. — Ибо предвижу, что и мирных жителей ты истребишь, или превратишь в чудовищ, или бросишь, как пищу, своим демонам. Кроме того, было бы подлостью убивать молящих о пощаде и в знак того готовых привести завтра к нам своих заложников.

— Не подлость это, — отвечал Зерем, — но военная хитрость.

— С кем завтра ты собираешься воевать? — Спросил Келесайн. — С безоружными? С детьми, или, может быть, с женщинами?

Только плечами пожал на это Повелитель Бестий.

— Почему бы и нет? — Молвил он. — Ведь так мы обезопасим себя от новых мятежников, которыми могут стать эти дети, когда вырастут. Но я сильно жалею, что прежде времени посвятил тебя в свои планы. Следовало выполнить задуманное без всяких предупреждений — тогда бы не возникло меж нами никаких споров.

Сказал ему Келесайн:

— Поступи ты так, своих воинов обратил бы я против тебя. И теперь говорю: ничего ты не сделаешь людям, что придут завтра в наш лагерь.

Помолчал тогда Зерем, а после промолвил:

— О, сколь жаден ты, Лорд Келесайн! Нехорошо поступаешь ты со мной, угрожая мне и желая захватить земли мятежников для себя одного!

Сказал ему Повелитель Молний:

— Ты слышал меня.

И вышел из шатра Зерема.

Прав оказался Лорд Зерем. Ибо после того, как заключен был мирный договор, послал Келесайн некоторых своих учеников в те земли. Там возвели они храмы Бога Света и открыли больницы и школы. Сменилось несколько поколений — и в безраздельное свое владение получил Келесайн те земли и города, ибо посредством школ и храмов овладел он умами их жителей, а посредством больниц заслужил их великую благодарность. Как к справедливым судьям, стали обращаться к его людям насельники той страны.

Также и в другом оказался прав Зерем — мятежные ученики Алгарсэна и ученики их, и сыновья сыновей их, недолго сохраняли мир. Не раз и не два начинали они смуту, и всякий раз приходилось усмирять их — когда убеждением, а когда и силой. И убивали они верных Келесайну, а те, в свою очередь, преследовали их и враждовали с ними. Наблюдая это, не раз говорил Зерем своим приближенным:

— Сколь более жесток Повелитель Молний, нежели я! Ибо я не щажу врагов — он же посылает на смерть верных друзей своих, и обрекает на мучительную гибель самых преданных слуг. Много проще было бы уничтожить эти сорняки в самом начале, чем теперь, когда они осмелели от своей безнаказанности и распространились повсюду, угрожая погубить весь урожай моего соседа, столь жадного до истины и справедливости!..

РОДИЧИ

(история десятая)

Сестра Келесайна, Талиана, была замужем за Гасхаалем, Повелителем Ворон. Не по нраву был Келесайну этот брак, но все же вынужден он был смириться с ним, и признать Гасхааля, своего недруга, как одного из Лордов Эссенлера. Нечасто появлялся Келесайн в его замке, располагавшемся на Вороньем Острове, однако ж иногда бывал там, навещая сестру. Через некоторое время после происшествия с Повелителем Драгоценностей и беспорядков, учиненных его сыновьями и вассалами, отправился Келесайн снова на Вороний Остров, потому что был приглашен на Остров его хозяином — да и сестру свою, занятый делами Рассветных Земель, Келесайн не видел вот уже более года.

Любезно был принят он в замке Гасхааля, и за обедом просили его хозяева замка рассказать им что-нибудь о том, что происходит сейчас в Рассветных Землях. А надо сказать, что Вороний Остров не являлся в полной мере частью Эссенлера — это был мир сам в себе, но весьма небольших размеров: всего лишь за два или три часа можно было пройти его из конца в конец, от одного края Острова до другого. Обычно плавал этот Остров в сумраке между иными, большими мирами, изредка приближаясь к ним, но с тех пор как Гасхааль был допущен к волшебству Эссенлера, Остров его прикрепился к этому миру, словно корабль, завершивший долгое странствие и стоящий ныне недвижно в портовой гавани.

Рассказал Келесайн о неприятностях, случившихся в последнее время. И о горькой участи Алгарсэна и учеников его рассказал он. Вознегодовала тогда Талиана:

— Нет у вас чести, — сказала она. — Сколько вас было, когда напали вы на Повелителя Драгоценностей? Только лишь трое? Отчего всем Советом вы не набросились на него, как голодные волки?

— Одному Тарнаалю удалось одолеть его, — отвечал Келесайн, — но даже выступи против Алгарсэна весь Совет Лордов, нельзя было бы назвать это бесчестным, потому что всем нам он бросил вызов и всех нас желал подчинить своей воле. Не поединок это был, но справедливая кара.

— Выслушали вы его? Узнали, зачем сотворил он эту драгоценность?

Как же можно назвать справедливым приговор, если не было и самого суда?

— Хватило и той лжи, которую он раньше говорил на Совете, — отрезал Келесайн.

— А что случилось с сердцем Рассветных Земель, которое Алгарсэн обратил в драгоценность? — Спросил Келесайна Повелитель Ворон.

— Ничего, — отвечал Келесайн.

Усмехнулся этим словам Гасхааль.

— Вот как? А не боишься ли ты, что кто-нибудь другой протянет руку и возьмет эту драгоценность?

— Не боюсь, — отвечал Повелитель Молний, глядя в глаза своему недругу, — потому что сердце это невидимо, неосяземо и неощутимо. Для себя изменял его Алгарсэн, и только он сам мог бы владеть им. Для этого он связал сердце со своей Силой: но сейчас, когда Алгарсэн уничтожен, часть его Силы, связанная с сердцем Эссенлера, ушла в глубины Рассветных Земель и недоступна отныне никому из Обладающих. Нет волшебника, способного владеть ею, как нет и не будет никогда второго Повелителя Драгоценностей.

— Благодарю тебя, шурин, — со смехом сказал ему Гасхааль, — ибо ты разрешил мое недоумение: вот уже который день, когда я гляжу на Эссенлер посредством волшебного зрения, глаза мне слепит некий блеск в самой сердцевине этого мира. Долго я не мог понять, какова природа этого блеска, и только теперь узнал это.

Пристально посмотрел на него Повелитель Молний, и молвил:

— Превосходная вещь — наблюдение. Ограничивающийся наблюдениями живет долго, а тот, кто действует необдуманно — коротко.

— Зато умеющий наблюдать и поступать обдуманно, живет не только долго, но и приятно, — в тон отвечал ему Гасхааль.

— Иногда самый мудрый поступок — ограничиться наблюдениями, — сказал Келесайн.

На сем завершили они беседу, и Повелитель Молний покинул Вороний Остров.

По прошествии некоторого времени спросила Талиана Гасхааля:

— Отчего наш Остров меняет свое местоположение?

Сказал ей Гасхааль на это:

— Кажется мне, что он застоялся на месте. Хочу я полетать над Эссенлером, и полюбоваться его равнинами и горами.

Сказала Талиана:

— Не вдоль поверхности Эссенлера летим мы, но проникаем вглубь его

магической сути. Для чего нам это? Ведь раньше ты говорил, что столь тесное взаимопроникновение двух миров может быть опасно для них обоих?

Отвечал ей Гасхааль:

— Нет для нас никакой опасности, ибо мы ненадолго задержимся здесь. Но, чтобы избежать опасности, я должен буду прибегнуть к изощреннейшему искусству. Это займет все мое время в ближайшие два-три дня — прошу, прости меня, если в эти дни я буду невнимателен к тебе и редко буду находить для тебя время. Также мне потребуются все волшебные зеркала, которые мы используем для общения. Есть у тех зеркал много иных свойств, о которых ты не знаешь, и сильно помогут мне эти зеркала в моей работе.

Сказала Талиана:

— Конечно же, забирай их. Несколько дней я могу провести и без вечерних бесед со своими подругами.

Эти дни Талиана посвятила чтению книг или прогулкам по Острову. Почти что и не видела она Гасхааля, занятого какими-то своими таинственными делами.

Проходя по лесу, окружавшему замок, не раз пыталась она заговорить с воронами, но те не отвечали ей, потому что Гасхааль велел своим подданным молчать в ее присутствии. Но увидела раз Талиана, как льются слезы из глаз одной крупной птицы, и слезы эти во всем были подобны человеческим. Станным и страшным показалось Талиане это зрелище, и спросила она птицу:

— Отчего ты плачешь?

Но ничего ей не ответила птица. Закаркали тогда другие птицы, и, вместе с этой, поднялись в воздух и улетели из этой части леса. Тогда побежала Талиана в замок и, отыскав Гасхааля, спросила его:

— Отчего плачут птицы в твоём лесу?

— Тебе померещилось, — ответил ей Гасхааль. — Птицы не умеют плакать, как люди. А может быть, больна была эта птица, и слезились глаза у нее. Как только я закончу свои дела, о которых говорил тебе раньше, я разыщу ее и посмотрю, чем ей можно помочь.

Ушла от него Талиана, будто бы удовлетворившись ответом, но беспокойно стало у нее на сердце. И вот, на другой день, она забрела вглубь леса, куда не заходила никогда раньше. Здесь повсюду на ветвях, как и везде на Острове, сидели большие черные птицы. Хотела Талиана отыскать среди них ту, которую видела вчера, но не нашла плачущей. Тогда двинулась Талиана дальше. Ворон становилось все больше — теперь

не только на деревьях сидели они, но и стояли на земле, и столь много было их, что Талиане приходилось долго искать, куда поставить ногу, чтобы не раздавить никого. И вот, увидела девушка маленькую поляну, где стоял Гасхааль, окруженный со всех сторон птицами, которые летали над ним и сидели у него на плечах, и только пространство прямо перед Гасхаалем было свободно. Но вороны, повинувшись запрету Гасхааля, промолчали и не предупредили своего повелителя о появлении Талианы.

И услышала Талиана, будто бы муж ее разговаривает с неким невидимым собеседником.

— ...Глупец, — говорил Гасхааль. — Кому нужно владеть им? Есть и иные способы достигнуть желаемого.

С этими словами он достал из-под плаща бриллиант большой величины и бросил его перед собой. Повинуясь его жесту, в тот же миг одна из ворон подлетела к камню и проглотила его, хотя это стоило ей больших усилий. Захохотал, наблюдая это, Гасхааль, и устрасил Талиану смех его, ибо никогда раньше он так не смеялся.

Тогда неслышно покинула она это место и вернулась в замок. Здесь она долго бродила по комнатам, не зная, чему верить и не желая видеть правды, которая казалась ей слишком страшной, слишком абсурдной, слишком уродливой, чтобы принимать ее. Страшна правда о том, что божество, в которое ты веришь, ничем не лучше дьявола, но еще страшнее правда о том, что сам ты никогда не сможешь судить верно о них обоих. Вот уже долгое время Талиана закрывала сердце от сомнений, посещавших ее, когда она озиралась вокруг. Никогда она не верила дурному, что говорили о ее муже — но разве иначе надлежит поступать тому, кто любит? Даже и теперь знала она, что, едва увидит вновь Гасхааля, посмотрит в его лицо — мужественное, изрезанное морщинами и шрамами, но всегда скорое на ласковую улыбку, заглянет в глаза его — глаза старца, глаза юноши, глаза существа, повидавшего больше веков, чем она могла вообразить себе или представить, знала она — мигом рассеются все ее подозрения. Горько укоряла она себя за то, что бежала прочь от той поляны, где стоял Гасхааль. Решила тогда Талиана дожидаться его возвращения в замок и подробно расспросить обо всем. С тем она поднялась в его заклинательные покои.

Пробыв там некоторое время, Талиана заметила странный свет, льющийся из-под одной дальней двери. Она подошла и заглянула в ту дверь. Это была кладовая, а исходили мерцающим призрачным светом волшебные зеркала, которые собрал здесь Гасхааль со всего замка. Не похоже было, чтобы в эти дни он притрагивался к ним. Вошла Талиана в

кладовую и коснулась одного из зеркал. В тот же миг ожило зеркало, и увидела Талиана лицо брата.

— Где Гасхааль? — Спросил Повелитель Молний без всяких приветствий. Резок и груб был его голос.

— Он занят волшебством, — ответила Талиана брату.

Гневно вспыхнули глаза Келесайна.

— Это я и так знаю. Подобно червю, погрузился он со своим Островом в магическое естество Эссенлера, и, как червя, уже нельзя вырвать его оттуда, не повредив самого плода. Мне нужно сейчас же говорить с ним — позови его, немедленно! Может быть, еще не поздно остановить его.

— Что происходит? — Спросила Талиана брата.

— Спроси об этом своего мужа, — отвечал ей тот. — Его словам ты поверишь больше, чем моим.

— Это не так, — сказала Талиана. — Когда-то ты сказал Джордмонду, что я не знаю, чему верить — теперь твои слова стали правдой. Сегодня я видела странную сцену в лесу — Гасхааль заставил одну из своих ворон проглотить огромный бриллиант. И хотя птица с большим трудом справилась с приказанием, это обстоятельство, кажется, только сильно рассмешило его — а ведь он всегда с большой заботой относился к своим птицам. Мне кажется, что он болен или обезумел, ибо смех его был смехом безумца.

— Он не более безумен, чем прежде, — сказал Келесайн. — Все его птицы когда-то были людьми, но всех их он превратил в ворон и забрал себе их знания и их души. Ведь титул его — Повелитель Ворон, и этот титул — не пустой звук. А то, что ты видела в лесу, не безумие, но Ритуал Силы. Также, как проглотила ворона бриллиант, проглотит он сам драгоценное сердце Эссенлера. Магия этого мира иссякнет, а могущество Гасхаала возрастет многократно.

— Не может так поступить тот, кого я люблю, — сказала Талиана.

Сказал Келесайн с издевкой:

— Тот, кого ты любишь, может быть, и не может. Но ведь не Гасхаала ты любишь, а свое представление о нем. Однако наш разговор все так же бессмысленен, как и прежде. Позови своего мужа.

— Его нет сейчас в замке и я не знаю, когда он вернется.

— Если он вернется и не захочет разговаривать со мной, передай ему только одно: когда ворона глотает бриллиант, камень можно вернуть — если поймать птицу и извлечь бриллиант из ее желудка.

На сем зеркало погасло.

Когда вернулся Гасхааль, Талиана сказала ему:

— Мой брат желает говорить с тобой.

Спросил ее Гасхааль:

— Откуда ты знаешь об этом?

— Я отыскала зеркала, — ответила Талиана. — Зачем ты обманул меня, сказав, что они нужны тебе для волшебных манипуляций?

— Я не лгал тебе, — ответил ей Гасхааль. — Они потребуются мне, хотя и позже, чем я полагал вначале.

— Ты поговоришь с моим братом?

— Не сейчас. У меня еще много дел.

— Он, предвидя такой ответ, просил передать тебе: камень можно извлечь из желудка вороны, которая проглотила его.

Долго молчал Гасхааль, а потом спросил Талиану:

— Откуда он узнал об обряде?

Промолвила женщина:

— Я рассказала ему.

— Ты предала меня, — сказал ей Гасхааль. — А я не прощаю предательств.

Произнеся это, он превратил ее в ворону и поспешил в комнату с зеркалами. Там он выбрал одно из них, небольших размеров, и назвал имя Келесайна. Когда появилось перед ним отражение Повелителя Молний, сказал ему Гасхааль:

— Открой двери зеркал.

— Зачем? — Спросил его Келесайн.

— У меня есть нечто, принадлежащее тебе, и я желал бы вернуть тебе это.

Отомкнул тогда Келесайн со своей стороны двери зеркал, а Гасхааль проделал тоже со своей и, бросив в образовавшийся проем ворону, сказал:

— Забирай обратно свою сестру.

И, сказав это, поспешно закрыл двери зеркал.

Сказал ему Келесайн:

— Молись всем богам, которых знаешь. В огненный ад превращу я твой Остров, а участи твоей устроятся даже и пленники Обители Боли.

— К чему пустые угрозы? — Спросил Гасхааль. — И без того тобой была мне обещана весьма незавидная участь.

Спросил Келесайн:

— Для чего ты погубил мою сестру? Ведь спор этот — между нами.

Ответил Повелитель Ворон:

— Для того, чтобы горька стала твоя победа, если ты все же добьешься ее.

Столь велик был гнев Повелителя Молний, что треснуло в руках Гасхаалья волшебное зеркало и разлетелось на части, а осколки изрезали ему лицо и руки. Он вытер кровь, подошел к другому зеркалу и велел зеркалу отыскать Эмерхада, Господина Знаков, своего родича. Приготовился он к долгому ожиданию, ибо не знал, где теперь живет Эмерхад, и не видел его уже довольно давно, но прошло менее минуты — и ожило зеркало, и отразило в себе некую комнату, в которой стоял Господин Знаков.

Сказал Эмерхад:

— Здравствуй, родич. Что произошло с лицом твоим?

— Нет чести у моих врагов, — сказал ему Гасхааль. — Желал я вступить с одним из них в переговоры — видишь сам, чем отплатил он мне за доверие.

— Бесчестно поступать так во время переговоров, — согласился с ним Эмерхад. — Но скажи, с кем ты воюешь?

Сказал ему Гасхааль:

— Тебе знакомы их имена. Келесайн, Джордмонд и Тарнааль — вот имена главных врагов моих, а с ними прочие Лорды Эссенлера.

Сказал ему Эмерхад:

— Много лет назад мы уговаривались с тобой вместе придти в Эссенлер. Однако с тех пор не единой весточки не пришло от тебя. Ни к чему не привели и мои попытки отыскать тебя с помощью волшебных зеркал. Ходили слухи, будто бы ты женился на сестре Келесайна и примирился с Советом Лордов, и, боясь снова вызвать гнев Совета, забыл своих старых друзей и союзников.

— Никогда я не забывал своих друзей и союзников, — отвечал ему Гасхааль. — Правда, примирился я с Советом, но это была лишь военная хитрость и временная мера, нужная для того, чтобы проникнуть в волшебство Рассветных Земель. Правда и то, что некоторое время сестра Келесайна была моей наложницей, но когда она надоела мне, я попросил ее покинуть мой замок, и что теперь стало с ней, я не знаю. Много раз я хотел говорить с тобой, но не мог отыскать: наверное, далеко мы были друг от друга.

— Прав ты, — согласился с ним Эмерхад. — Далеко мы были друг от друга все это время, и разными были дела наши.

— Прошу у тебя помощи, как у родича и друга, — сказал ему Гасхааль. — В награду за эту помощь я причащу тебя к силе, которую обрету через несколько часов. Сила эта — все волшебство Эссенлера.

— Отчего, — спросил его Эмерхад, — обладая столь великой силой, ты

в одиночку не расправишься со всеми своими врагами?

— Велика и их магия, — отвечал Гасхааль. — И хотя не смогут они придти на мой Остров прежде, чем я овладею драгоценным сердцем Эссенлера, все же я опасюсь, что, захватив это сердце, не успею за короткое время узнать все его скрытые волшебные свойства. Но если ты будешь со мной, этого не произойдет, потому что нет Лорда, который бы Управлял лучше, чем я, как нет Лорда, который бы мог Постигнуть что-либо быстрее и лучше, чем ты.

— Хорошо, — сказал ему Эмерхад. — Я помогу тебе. Но прежде мне нужно собрать кое-какие инструменты, которые помогут мне в скорых исчислениях волшебства. Не менее часа потребуется мне для поиска этих инструментов.

— Сейчас все дороги на мой Остров закрыты, — сказал ему Гасхааль. — Когда будешь готов, позови меня посредством волшебного зеркала, и я открою для тебя двери зеркал.

На том они распрощались. Но Гасхааль не знал, что давно уже его родич живет в Рассветных Землях, во владениях Джордмонда-Законника. К Джордмонду пришел Эмерхад, когда стало ясно, что Гасхааль забыл о нем и более не желает с ним знаться. И теперь не захотел Господин Знаков платить Гасхаалу верностью — за обман, и предательством Законнику — за его гостеприимство. Пришел он к Джордмонду и рассказал ему все.

— Нам необходимо как можно скорее проникнуть на его Остров, — сказал Эмерхаду Законник. — Следует собрать прочих Лордов и попробовать воспользоваться тем зеркалом, которое он откроет для тебя.

— Вряд ли Повелитель Ворон позволит кому-либо, кроме меня, войти в это зеркало, — возразил Эмерхад. — Даже если скрыть моих спутников чарами, Гасхааль мигом раскусит нашу уловку и сомкнет двери зеркал перед нами. Нет, лучше поступим по-другому. Я перейду на его Остров один и попробую обмануть его. Если мой обман удастся, Остров будет исторгнут из магической сути Эссенлера и все пути, ведущие к нему, снова будут открыты.

Так и решено было поступить.

И вот, по прошествии часа, Эмерхад переправился в замок Повелителя Ворон. Крепко сжал его руку Гасхааль и сказал так:

— Я рад твоему прибытию, родич.

Улыбнулся ему Господин Знаков и молвил:

— Сегодня каждый из нас получит то, чего достоин.

Гасхааль проводил прибывшего в свои заклинательные покои и оттуда показал ему трепещущую, блистающую сердцевину Эссенлера, к которой

продвигался Остров.

— Как только мой Остров совместится с центральным сиянием, форма которого, благодаря усилиям Алгарсэна, стала чем-то напоминать огромный бриллиант, мы заберем себе его силу и разделим ее между собой.

— Мне нужно обойти твой Остров, — сказал ему Эмерхад.

Они вышли из замка и, миновав лес, подошли к северному краю острова. Там Эмерхад снял с пояса девять черных дисков, и бросил первый из них на землю. На северо-западном краю он бросил второй, на западном — третий, на юго-западном — четвертый, на южном — пятый, и так далее, пока не вернулся туда, откуда начал.

— Зачем ты это делаешь? — Спросил его Гасхааль.

— Таково волшебство, которое я собираюсь применить для изучения драгоценного сердца Эссенлера, — отвечал ему Эмерхад.

Восемь дисков были установлены на восьми направлениях, девятый же Эмерхад забрал с собой в замок.

— Теперь мне потребуются два волшебных зеркала, — сказал он Повелителю Ворон.

Когда Повелитель Ворон дал ему требуемое, поставил Эмерхад зеркала вплотную друг к другу, совместив между собой их непрозрачные стороны. Затем он вложил девятый диск в правое зеркало, а изъясил его из левого, пронеся диск сквозь стекло с такой легкостью, будто бы не стекло это было, а распахнутое окно. Хотел Гасхааль спросить его, для чего он это делает, но не успел, потому что в тот же миг тяжело вздрогнул весь Остров. Оглянувшись к окну, Гасхааль увидел, как входит его Остров в огромные волшебные ворота, имеющие вид зеркала; когда же, спустя мгновение, миновали они эти ворота, Гасхааль увидел, что сияние жизненных артерий Эссенлера сменилось сумраком, который простирается между мирами, а сам Вороний Остров отдален от Эссенлера на весьма большое расстояние.

— Что это значит? — Спросил он Эмерхада.

— Не знаю, — отвечал тот. — Возможно, заклятие, которое я создавал, подействовало неправильно из-за того, что мы находились вблизи магического центра целого мира, а мне еще ни разу не случалось создавать заклинания в местах такого рода, и мне неизвестны их свойства.

— Тебя не спасет эта ложь, — сказал Гасхааль и призвал свою Силу.

Но Господин Знаков стал читать эту Силу и раскладывать ее на составляющие элементы, которые можно обозначить простыми символами, и Гасхааль почувствовал, что теряет власть над собой. Тогда кликнул он

своих ворон и велел тем напасть на Эмерхада. Распахнулись все двери и окна, и стаи черных птиц обрушились на Господина Знаков и повалили его на пол, погребя своими телами. И повелел Гасхааль птицам выколоть глаза Эмерхада.

— Ни одной строки, ни одного знака не прочтешь ты больше, — сказал Повелитель Ворон своему родичу.

— Однако это не спасет тебя от гнева Келесайна и прочих Лордов, которые скоро будут на твоём Острове, — отвечал ему слепец.

— Для чего ты предал меня? — Спросил его Гасхааль. — Что пообещали они тебе за твоё предательство? Ведь много больше ты приобрел бы от союза со мной.

— Хотя мы и одного рода, — сказал ему Эмерхад. — Прежде ты забывал об этом и вспоминал только тогда, когда нуждался в моей помощи. Кроме того, ты желаешь разрушить многое для того, чтобы взять малое: ты готов перечеркнуть судьбу целого мира для того, чтобы умножить собственное колдовское могущество. А это не кажется мне достойным поступком. Не нужен мне такой родич, как ты.

Сказал ему Гасхааль:

— И мне такой родич, как ты, не нужен.

В это мгновение слепец вспомнил о ещё одном оружии, которым уже пользовался сегодня и над которым по-прежнему был властен. Призвал он к себе девять дисков и приказал им напасть на Гасхааля. Приобрели тогда диски облики девяти черных демонов и со всех сторон устремились к Повелителю Ворон. Знал Повелитель Ворон, что неуничтожимы эти диски: были они сделаны из камней Старого Колодца, где сгорает и гибнет все Сущее, а ведь то, что сгорело, не может сгореть вновь. Приказал он воронам встать на пути тех дисков и своими телами задерживать их, и верные его подданные выполнили это приказание. Поднялась тогда огромная птичья стая, и заполонила своими телами все пространство Острова, и все помещения в комнатах. И пока демоны-диски продирались сквозь это месиво, которое стремилось отбросить их от своего хозяина, Гасхааль предавался размышлениям о том, как же можно было бы остановить их, ибо, хотя и медленно, но неуклонно приближались к нему демоны Эмерхада.

Простейшее решение отыскал он. Приказал он воронам умертвить Господина Знаков, и в миг смерти превратил того в птицу. Когда случилось это, все знания Эмерхада приобрел Гасхааль, и, в том числе — знания о природе дисков, имена их и способы управления ими. И вот, когда первый из демонов-дисков приблизился к нему, испытал на нём Гасхааль

вызванные заклятья и без труда подчинил его себе. Также поступил он и с остальными восьмью дисками.

Подготовил он и иное оружие для предстоящей битвы с Лордами Эссенлера: меч, называемый Вороний Клюв, птицу из золота и серебра и Ларец Гибели.

И вот, прошло немного времени, как приблизились к его Острову Лорды во главе своих армий. И столкнулись тогда Звенящие Рыцари из Железной Башни с людьми, имеющими вороньи головы и вороньи крылья за спиной, и альвы осыпали стрелами многочисленные птичьи стаи, кружившие над Островом. Сгорали деревья, сжигаемые живыми молниями, и крошилась сама плоть волшебного Острова, которую прогрызали карлы. Бесперывным потоком изливались подданные Гасхаала из его замка: птицы, и люди-вороны, и большие крылатые бестии, имеющие клинки вместо когтей, и птицы со стальным оперением, разбрасывающие свои перья, как дротики. С большим трудом отвоевывали армии Совета Лордов каждую пядь этой земли, однако неуклонно продвигались к замку Гасхаала. И вот, миновали они большую металлическую башню, некогда установленную Гасхаалем на своем Острове, и подошли к самому его замку. Тогда приказал Гасхааль девяти демонам-дискам напасть на своих противников. Повиновались ему диски. На Лорда Келесайна, на Леди Астану, на Лорда Ирвейга, на Лорда Зерема, на Лорда Архайна, на Лорда Шаркэля, на Леди Гизгану, на Джордмонда-Законника и на Тарнаала обрушились эти диски.

Сказал Джордмонд-Законник:

— Некогда на суд приносили мне эти диски. Их невозможно уничтожить привычными способами, потому что происходят они из Старого Колодца, где тлеет все уничтоженное.

Повинуясь жесту Келесайна, упала с небес ветвистая молния и низвергла диск, предназначенный ему, обратно в Старый Колодец.

Подняла Астана руку — сомкнулись деревья перед своей Хозяйкой, и поднялись из земли высокие травы, и лианы, и разные гибкие растения оплели диск, предназначенный ей, и остановили его полет.

Клубок из паутины бросил перед собой Ирвейг — и в долгое путешествие по дорогам теней отправился назначенный ему диск — а никогда не возвращаются скоро из таких путешествий!

Приказал Зерем одной из своих тварей поймать этот диск. Вступила тварь в битву с демоном диска, а чем окончилась эта битва — о том рассказ последует ниже.

Поднял над собой Архайн железный щит и тем уберег себя от диска.

А что до Шаркэля, то наслал он на демона, таящегося в диске, лживое видение, и этот демон напал на другой диск, назначенный для Леди Гизганы.

Сказала Леди Гизгана, Бледная Госпожа:

— Благодарю вас, милорд Шаркэль. Вы — единственный подлинный рыцарь из числа всех воителей, пришедших на этот Остров. Не знаю, превосходит ли из них кто-нибудь вас в волшебном Искусстве, но всех их превосходите вы своим благородством.

Джордмонд-Законник, знавший правила волшебства, по которым создавался диск, назначенный ему, обратил эти правила вспять. Упал на землю этот диск и стал тем, чем был изначально — углями и пеплом.

Тарнааль же воздел меч, подаренный ему Келесайном и ударил этим мечом по диску. И произошло невозможное: было уничтожено не подлежащее уничтожению. Сколь необыкновенные, невозможные, неизмеримые силы таились в этом клинке! Без всякого труда меч Тарнаалья рассек, раздробил и развеял девятый диск, и изничтожил волшебство, заключенное в нем.

Затем Тарнааль таким же образом уничтожил все остальные диски, кроме первого, который вернул Келесайн в колодец, кроме третьего, отправленного Ирвейгом в странствие, и кроме восьмого, разъятого Джордмондом еще раньше.

Сказал Лорд Зерем:

— Благодарю, Ангел-Страж. Ибо кажется мне, что тварь, направленная мною на диск, проиграла бы эту битву.

Увидев, что Лорды уничтожили диски, Гасхааль выпустил из клетки птицу с золотым и серебряным оперением. Пламя вокруг себя разбрасывала эта птица, и ядовитый огонь изрыгала она — стремительная, легкая как сам воздух, не живая и не мертвая.

Когда поднялось над Островом ее пламя и приблизилось к Лордам, сказала Леди Астана:

— Жаль, что нет с нами Ягани. Легко смогла бы она укротить эту птицу — ведь несомненно, что много больше у нее власти над огненной стихией, чем у Гасхааля.

Сказал Лорд Архайн, владелец Железной Башни:

— Хорошо, что нет с нами Ягани. Ибо, хотя разбрасывает эта птица вокруг себя пламя, сама она состоит из металла. Поспорили бы мы с Ягани за право обладать ею, а не такая Ягани колдунья, чтобы безопасно можно было бы спорить с ней о чем-либо.

С этими словами сотворил он заклятье, принуждающее все металлы

подчиняться ему. Покорно опустилась на его предплечье птица из золота и серебра и так застыла, ожидая его повелений.

Гасхааль же стоял на балконе и видел это. Так же видел он, что проигрывает его воинство воинствам, что привели с собой Лорды: без всякого труда уничтожали альвы и обитатели лунного света его подданных.

Сказал он тогда:

— Хорошо же. Не оставляете вы мне иного выхода, кроме как воспользоваться последним своим оружием.

И, произнеся это, раскрыл он Ларец Гибели. В тот же миг поднялся волшебный ветер, пища которому — жизнь и тепло, волшебство и сила. И там, где дул ветер, несущий в себе миллиарды крохотных льдинок, умирали альвы и обитатели лунного света, птицы и люди-вороны из Гасхаалева воинства. Закрылись Лорды волшебным щитом от этого ветра, но видели они: крошится щит и грозитя вот-вот исчезнуть.

Сказал Келесайн, державший щит:

— Нет у меня силы против этого ветра.

Сказала Астана, и вторил ей Зерем:

— Также и мы ничего не можем с ним поделать, потому что этот ветер уничтожает все живое.

Сказал Ирвейг:

— Нет тени у этого ветра.

Сказал Архайн:

— Даже и волшебное железо заставляет он рассыпаться.

Сказала Гизгана:

— Много быстрее, чем железо, уничтожает он мои чары.

Сказал Джордмонд:

— Не по законам мира Сущего сотворен был этот ветер, и не знаю я, как остановить его. Будь проклят тот, кто помогал Гасхаалю при его сотворении!

Сказал Тарнааль:

— Без труда преодолевает этот ветер все границы, в которые я стараюсь заключить его.

Сказал Шаркэль:

— Я попробую наслать на Гасхааля видение. Пусть призовет он ветер обратно и закроет шкатулку.

И сделал он это — а Гасхааль не сумел защититься от его чар.

Как только прекратился ветер, переместились Лорды в замок Гасхааля, потому что большинство своих слуг уничтожил Гасхааль волшебным

ветром, и не нашлось никого, кто бы теперь смог остановить Лордов. Прежде, чем Повелитель Ворон сбросил с себя чары Шаркэля, ворвались Лорды в его заклинательные покои и выбили у него из рук Ларец Гибели.

Сказал Гасхааль, обнажив клинок по имени Вороний Ключ:

— Кто из вас станет первым сражаться со мной? Или, как трусы, вдевтером будете вы биться против меня одного?

Сказал Тарнааль, Ангел-Страж:

— Приговор, вынесенный тебе Советом Лордов — смерть. Я осуществлю его.

Сказал Гасхааль Ангелу-Стражу:

— Что ж, попробуй забрать мою жизнь, палач.

Шагнул к Повелителю Ворон Ангел-Страж, но Лорд Келесайн преградил ему дорогу:

— Отойди, — сказал он Тарнаалу. — Это — мой кровник.

Тогда сказал Келесайну Повелитель Ворон:

— Чем же ты собираешься сражаться со мной? Не вижу я у тебя никакого оружия.

Ничего не ответил ему на эти слова Келесайн. Поднял он руку к потолку комнаты — и разлетелся вдребезги потолок, а вместе с ним и вся верхняя часть башни. Сумрачное небо повисло над поединщиками, и из того неба ударила молния и легла, как клинок, в руку Повелителя Молний. Удивителен был этот клинок — сверкающий, струящийся, серебряно-белый.

Сошлись в жестокой битве Повелитель Ворон и Повелитель Молний. Но много длиннее был клинок Келесайна, способный мгновенно вытягиваться на любое расстояние, потребное его владельцу. Едва успевал отбивать выпады недруга Повелитель Ворон. Увидев же, что проигрывает, он бросил свой меч в Келесайна, и меч его на лету превратился в огромную черную птицу с острым, как бритва, клювом. Тогда навстречу птице метнул Келесайн Меч-Молнию. Столкнулись они в воздухе между поединщиками, и долгое время ни один из клинков не мог взять верх. Тогда Гасхааль призвал Силу, что еще оставалась у него, и направил ее на врага. Но Келесайн защитился своей Силой и затем испепелил врага молнией. Когда же душа Гасхаала покинула тело, на пороге смерти ее встретил Ангел-Страж и поразил своим мечом, и лишен был Гасхааль какой-либо надежды на Возвращение, и рассеяна была его Сила.

Затем сломали меч Гасхаала и сожгли волшебные тайники под его замком, и уничтожили и сам замок, и даже стены его. Некоторое число птиц, до которых не успел добраться Ветер Гибели, впрочем, все еще

оставалось на Острове, но на них не обращали Лорды никакого внимания. Удалились они с Острова, забрав с собой тела погибших и похоронили их с великими почестями.

ОБРЕТЕНИЕ СИЛЫ

(история одиннадцатая)

После того как был побежден Алгарсэн, Повелитель Драгоценностей, лишен Силы и изгнан за пределы Эссенлера, удивительный дворец его, украшенный алмазами, рубинами, изумрудами, сапфирами, топазами и аметистами был захвачен победителями. Стены того дворца были сложены из нефрита и яшмы, и восхитителен вид его. Однако даже и сами стены захватчики были вынуждены разрушить, потому что немалую Силу сосредотачивали в себе они, и волшебные потоки, подчиненные некогда Алгарсэном, со всех его владений стекались в эту цитадель. Но прежде вынесли из дворца Лорды и ученики их все самое лучшее и красивое, ибо не могли допустить, чтобы великолепные вещи, которые сотворил Алгарсэн, безвозвратно погибли в огне. И вот, когда выходили из дворца Лорд Келесайн и ученик его, Навранд, сказал ученик учителю:

— Никогда не был я жаден до золота или красивых побрякушек, но вот теперь — все я желал бы унести из этого дворца, и даже сами его стены сохранить от разрушения, пусть даже и в каком-нибудь ином виде.

Отвечал ему Келесайн:

— Это томится в тебе твоя Сила, и не может восстать от сна. Не внешний блеск привлекает тебя, но здешняя магия, лишенная своего хозяина.

Спросил Навранд:

— Как мне обрести Силу?

— Ты долго был моим учеником, — сказал ему Келесайн, — но, чтобы стать мастером, ты должен отречься от меня.

Сказал Навранд:

— Ничего не желаю я более того, чтобы стать твоим вассалом и дальше служить тебе.

— Должно сначала обрести свободу, и только потом решать, как поступать с ней. А для этого тебе надлежит забыть все, чему я учил тебя раньше.

Помолчал Навранд некоторое время, а после так сказал:

— Хорошо. В таком случае, я желаю забрать еще многие драгоценности из дворца Алгарсэна — для того, чтобы попытаться сотворить из них нечто

новое.

Сказал ему Келесайн:

— Уверен ли ты в своем выборе? Сила твоя еще слаба и не имеет определенных свойств или качеств. Забрав часть прежнего могущества Повелителя Драгоценностей, ты можешь увеличить свою Силу и ускорить ее рост — но если в тебе самом таится великий дар, этим ты убьешь его или необратимо исказишь его развитие.

— Что это за дар? — Спросил Келесайна Навранд.

— Нет равенства меж Обладающими Силой, — промолвил Повелитель Молний. — Сила некоторых сравнима с могуществом богов, Силу других, при определенных условиях, способен превозмочь смертный волшебник или великий воин — хотя и редки такие случаи. Сильнейшие из Обладающих разделяются на шесть родов. Владыками называют их.

— Каковы эти роды и как связаны между собой Лорды, принадлежащие к какому-либо из них? — Спросил Навранд.

— Разделение это выдуманно мудрецами смертных, и уже после принято Обладающими, для большего удобства. Ничем, кроме некоторого сходства в приемах волшебства и свойств своей магии, не связаны между собой принадлежащие к одному из родов, и часто бывают они враждебны друг другу.

Принадлежащие к первому из родов называются Владыками Сущего. Из них ты знаешь Ягани, Огненную Танцовщицу, и Астану, Хозяйку Деревьев. Алгарсэн, Повелитель Драгоценностей, также принадлежал к этому роду. Наиболее известен из числа Владык Сущего Кадмон, Дарующий Имена, но говорят, что сгинул он ныне.

Принадлежащих ко второму роду называют Владыками Небес. Из них — Каэрдин, Повелитель Затмений, Гасхааль, Повелитель Ворон, и я сам, Повелитель Молний, и еще многие другие Лорды.

Следует заметить также, что названные мною первые два рода наиболее многочисленны и дела их более дел других родов известны людям.

Третий род — Владыки Преисподней, иначе именуемые Великими Демонами. Ад — обиталище их. Гарасхэн, Повелитель Отчаянья, Баалхэаверд, Повелитель Слуг и Рабов, Аошеаль, Повелитель Гибели, Гйосмед, Вдыхающий Страх, Даиндар, Повелитель Боли, и еще многие, имена и титулы которых устрашают смертных.

Четвертый род — это Владыки Пределов. Тела их — пустота, и души их — неизбывный голод. Великая удача для всех, что не умеют они, в силу своей природы, сами творить волшебные дороги и странствовать между мирами, иначе жестокую войну принесли бы они во все Земли.

Пятый род — это Владыки Чар. Немногое о них известно. Невелико число их, но могущественно их волшебное искусство. Так, Шаркэль — ученик и вассал одного из них. Имя его учителя — Иланэр, Повелитель Снов. Также и Ирвейг, Повелитель Теней, некогда был учеником другого Владыки Чар — и хотя учитель Ирвейга давным-давно убит и деяния его забыты, тебе следует знать, что некогда его магии опасались даже боги. Повелителем Обратного Мира называли его. Однако не все Владыки Чар столь сильны. К числу слабейших из них принадлежала Гветхинг, Повелительница Глупости. Леонардо, Повелитель Зла, также числится среди Владык Чар, хотя и имеет, среди прочих своих владений, некоторые из областей Преисподней.

— Каков же шестой род? — Спросил Навранд.

— Владыки Безумия. Обиталище их — Царство Бреда. Неописуемо оно и изменчиво и более всего подобно ожившему кошмарному сну, но даже и такое сравнение недостаточно, чтобы описать его. Сила обитателей тех областей столь же странна, как Сила Властителей Чар, и столь же разрушительна, как Сила Владык Пределов. Но, по счастью, редко они покидают Царство Бреда и посещают Сущее, хотя всегда, когда приходят, гибель и безумие следуют по пятам за ними. А не интересуются Сущим они от того, что считают Земли всего лишь старыми своими мечтаниями, которые давным-давно наскучили им.

На сем я завершаю рассказ о Владыках. Говорил же тебе я о них для того, чтобы ты знал — приняв чужую Силу и соединив ее со своей, ты никогда не станешь одним из Владык и вряд ли прославишься в будущем, как искусный волшебник. Впрочем, если ты откажешься от этого пути, это еще не будет означать, что ты станешь Владыкой или возвысишься в волшебстве более, чем Гветхинг, которую, говорят, убил заколдованным мечом какой-то мальчишка. Все зависит от твоего собственного таланта. Если ты полагаешь, что он велик, и великое будущее ждет тебя — откажись от Силы Алгарсэна. Если полагаешь, что твой талант мал — прими ее.

— Каков же, по-твоему, мой талант, учитель?

— Невелик, по моему мнению, — отвечал Келесайн. — Ибо слишком во многом ты безоговорочно веришь мне. Даже и сейчас ты незаметно пытаешься испросить у меня совета, и боишься выбирать самостоятельно.

— Глупо было бы пренебрегать правдой, — сказал тогда Навранд. — Я слышал, что ты приобрел свою Силу за одну ночь, когда тебе не было и тридцати лет, я же более семидесяти лет хожу у тебя в учениках, и только теперь, по твоим словам, во мне начала пробуждаться Сила. Поэтому я

смирю свою гордость и возьму с собой драгоценности Алгарсэна. Я сотворю с ними нечто новое, придам им некую форму, которая заполняет мое воображение, и изменю их волшебство. А там — посмотрим, каковых высот в Искусстве я достигну и какую заслужу славу.

— Хорошо, — кивнул Келесайн. — Возьми тогда этот алмаз и отыщи ему место в своем изделии. В одном этом алмазе Силы больше, чем во всем дворце Алгарсэна.

С благодарностью принял Навранд подарок Келесайна. Затем он собрал многие из сокровищ Алгарсэна и предметы, в которые тот заключал свою Силу, и унес с собой. И вот, возвел он башню в ничейных землях. Всю внутренность башни, не считая чердака и подвалов, занимала одна-единственная высокая комната. Ту комнату украсил Навранд сокровищами, унесенными из дворца, расположив их в особенном порядке и в определенной последовательности. И, повинаясь его магии, изменили кристаллы свой вид — некоторые увеличились в размерах, некоторые — в числе, а некоторые бесследно растворились в воздухе комнаты и в хрустальных зеркалах, которые украшали стены. Из других кристаллов выросли высокие колонны, обвитые ветвями изумрудов и тяжелые от веса алмазов и рубинов, что, как спелые плоды, покоились на этих ветвях. Прикоснулся Навранд к полу — темным янтарем стал пол башни. Бросил вокруг куски яшмы — и вот, среди колон поднялись невысокие плиты, подобные алтарям, и таили в себе эти плиты немалую волшебную силу, а самый большой алтарь появился перед Наврандом. Бросил тогда волшебник горсть аметистов — и вокруг алтаря появились высокие, острые многогранные иглы, голубые и фиолетовые. Поднял руку к потолку — в хризолит невиданной величины превратился потолок залы. Затем смял он в руке топазы и развеял в воздухе их пыль: загустел воздух, наполнился желтыми искрами и светом гаснущего солнца.

Совершив все это, достал он из кошель алмаз, подаренный ему Келесайном, и поместил в алмаз всю эту комнату, а вместе с ней — себя самого, стоящего в ее центре с алмазом в руке. Рухнула тогда башня, лишенная опор, но не в силах были повредить Навранду ее камни, ибо не было его уже в этом месте.

Вскоре после описанных событий вернулся Навранд из неведомых областей в области мира Сущего. Воздвиг он себе другое жилище и поселился в нем, хотя стоит сказать, что для того только потребно было ему это жилище, чтобы принимать в нем гостей — сам он мог бы обходиться единственной комнатой, в которую отныне не имел доступа никто, кроме него самого. Из этой же комнаты черпал он свое волшебство,

ибо обрел собственную магию и стал одним из Обладающих Силой.
Хозяином Драгоценных Покоев стали с тех пор называть его.

ПТИЦА

(история двенадцатая)

Женщину, которой Гасхааль подарил Железное Оперение, а Эмерхад — Зеркало Судьбы, звали Эала. Была она самой красивой девушкой в деревне, и именно потому и выбрал ее Эмерхад, когда пришел в деревню и поселился там, желая изучить руины, громоздившиеся неподалеку. Туземцы приняли его как одного из своих и почитали, как лучшего из них, и в первую же ночь Эала вошла в хижину чужеземца и разделила с ним ложе. Впрочем, гостеприимство туземцев происходило не от того, что таковы были их обычаи (напротив, не слишком-то жаловали они чужаков), но от того, что так пожелал Эмерхад. Ибо воля сильнейших Лордов способна, даже и без посредства заклятий, управлять естественным ходом событий. Эмерхад же был весьма искушен в Силе, и от того все, что слепо следовало своей природе, в той или иной степени подчинялось ему. Волей своей мог он вызвать дождь или ураган, способен был жить с волками и тиграми, не опасаясь их, и способен был управлять людьми в той мере, в какой не их собственная воля, но привычки и повседневное течение жизни владели ими. Поэтому ничего удивительного не нашли туземцы в его появлении, поэтому же и Эала пришла к нему в первую ночь. Ведь выбор ее (будь у нее выбор) был бы таким же, как и у самки животного: сильнейшего из соперников выбрала бы она, а кто из ее односельчан был бы способен состязаться с Повелителем Стихий? Эмерхад всего лишь сократил время ее выбора. Впрочем, следует упомянуть еще раз, что он не использовал никаких заклятий и не подчинял ее, но, обратившись к самой природе Эалы, привлек ее к себе. В совершеннейшей гармонии жили они — хозяин и его животное, и спокойна была душа Эалы, ибо силен был ее владелец. Так же и Эмерхад — по-своему — любил ее. Покидая ее, подарил ей Повелитель Знаков Зеркало Судьбы, волшебный предмет, который, как надеялся Эмерхад, сможет сделать ее счастливой так, как хотела она.

Не таков был второй подарок, сделанный Гасхаалем. Ибо Железное Оперение, превратив Эалу в полуженщину-полуптицу, изменило не только внешний облик ее, но и душу. Человеческая природа ослабла в ней, и многие условности, принятые людьми, перестали иметь для нее какое-либо

значение. Жалкой, серой и безыскусной показалась Эале прежняя жизнь ее. Ибо если прежде она слепо подчинялась течению жизни и, выбирая, думала, что вполне свободна в своем выборе (в то время как выбор ее целиком зависел от побуждений ее природы), то теперь сполна познала она ценность силы и вкус ее. Сильнейший страх вызывала в ней мысль о возвращении в прежнее человеческое состояние. Ничтожным казалось ей это состояние.

Ничего удивительного, что после того, как Гасхааль и Эмерхад покинули деревню, недолго там оставалась и Женщина-Птица. Смешными представлялись ей заботы людей, без конца повторяющимися — помыслы их, бессмысленными — обычаи их. Вид Эалы вызывал страх у ее односельчан, она же разучилась бояться, и чужой страх раздражал ее. Не умея и не желая соизмерять свои силы со слабой человеческой плотью, Эала тяжело покалечила некоторых из них, ведь остры были ее когти, а оперение ее — неуязвимо ни для какого оружия. Через несколько дней родное поселение и вовсе надоело ей, она покинула деревню и никогда более не вспоминала о ней.

После того прилетела она в город Кирсампль (а это был большой город) и опустилась на одной из улиц его. В страхе бежали от нее люди. Когда же стражники вышли против нее с оружием, она убила нескольких и покинула город.

Летя над влажными лесами Земли-под-Радугой, неясными, странными желаниями томилась Эала. Прежняя, человеческая часть тянула ее к людям, но новая природа, природа демона-птицы, заставляла презирать обычаи людей и действовать так, как действуют хищники.

Не знающие усталости крылья несли ее дальше, и вот, увидела она высокое строение на вершине горы. Вспомнила тогда Эала предания и легенды, ходившие в ее диком народе — сказания о том, что будто бы в подобных высоких строениях живут великие вожди. И тогда, выбрав наиболее привлекательное окно, ворвалась она в башню.

Там обнаружилось несколько людей, и некоторые из них были вооружены. Людей тех убила Эала, бездумно и спокойно рассекла их. Спросила она у высокого человека средних лет, закрывавшего собой женщину:

— Кто ты?

Сказал человек:

— Я — хэи Гоир.

А следует сказать, что в Цалатхэне, Земле-под-Радугой, «хэи» означало человека благородного происхождения, владеющего богатством и другими

людьми. Вспыхнули глаза Эалы, и подобралась она к Гоиру поближе.

— А это кто? — Спросила она, указав на женщину.

Сказал он:

— Моя жена.

Тогда Эала схватила мужчину и бросила в другой конец комнаты, а жену его расчленила на части. Сказала она, обернувшись к вельможе:

— Нет у тебя жены. Но я стану женой и подругой твоей.

Подошла она к Гоиру, подняла его и приблизила к лицу своему, сиюсь понять, как отнесется он к ее предложению и не откажется ли? И Женщина-Птица знала, что если он откажется, то она убьет его — не потому, что это необходимо, но от злости и разочарования.

Хэи Гоир посмотрел на ее лицо (а было оно по-прежнему прекрасным) и не посмел отказаться. Ибо хотя она убила его телохранителей и его жену, и по виду была чудовищем, столь сильный страх объял его, что забыл он о прежнем своем достоинстве и своей гордости. Решил он, что легче ему будет пока что следовать ее капризам, а самому тем временем изыскать какой-нибудь путь к бегству.

Эала увлекла его на кровать и заставила совокупиться с ней. Но пока длилось это совокупление, она умертвила Гоира, ибо страстных ласк не выдержало слабое человеческое тело. Когда Эала обнимала Гоира, железные перья превращали в рваные лохмотья кожу его, когда нежно сжимала его плечи — ломались его кости, когда гладила человека — в легкие Гоира входили когти ее.

Узнав о чудовище, прочие обитатели гоирова дома бежали прочь. Так осталась Эала одна. Впрочем, она недолго пробыла там, и вскоре покинула башню, ибо хотя могла общаться с демонами и духами стихий, но люди по-прежнему и отталкивали, и влекли ее. Но по окончании своих путешествий теперь всегда возвращалась она в башню, считая ее своим домом.

Многие сильные и храбрые воины пытались одолеть ее, но всех их убивала Эала и кормилась их мясом. Ведь она могла употреблять в пищу и фрукты, и мясо, а Гасхааль лишил ее каких бы то ни было условностей и предубеждений, принятых у людей.

Через некоторое время весть о чудовище, поселившимся к северу от Кирсампля, достигла одного отдаленного монастыря, где поклонялись богу Киуну. А следует сказать, что в разных мирах служение истинным владыкам Сущего осуществляется по-разному, и по-разному видят их люди. Так, в Цалатхэне под именем благого бога Киуна почитали одновременно трех из них: Богиню Любви, Бога Света и Судью Богов — хотя верующие в Киуна и не знали об этом. Также они верили, что был у

Киуна брат, злой бог Торош, владыка смерти и разрушения — в нем соединялись черты других трех: Бога Мертвых, Бога Войны и Богини Ночи. Впрочем, кто знает, какова истинная природа богов и каково подлинное число их?

Что до культа Киуна, то следует сказать также, что издревле монахи в Цалатхэне занимались не только религиозными обрядами, но и воинскими искусствами, были сведущи и образованы, и оказывали немалое влияние на отношения между различными государствами Цалатхэна.

Был собран отряд, и, под водительством настоятеля Хаввира, отправился в путь к башне хэи Гоира. Достигнув тех мест, не стали монахи сразу же бросаться в бой, но поселились поблизости и начали наблюдать за башней. Так, заметили они, что хотя каждый день покидает Женщина-Птица башню, каждый вечер неизменно возвращается она. В этом усмотрел настоятель Хаввир возможность для осуществления своего замысла и начал подготовку к нему. Днем монахи выполняли необходимые работы, а вечером уходили из башни, прятались поблизости и наблюдали за возвращением страшной птицы.

И вот, наступил день, когда Эала, возвращаясь в свою башню, увидела во дворе человека, который держал в руках натянутый лук. Этот человек был Хаввир. Завидев птицу, он натянул лук и выпустил стрелу. Никакого вреда не причинив железному оперенью Эалы, отскочила стрела, и Женщина-Птица в гнев бросилась на противника. Однако Хаввир стоял недалеко от строения и успел скрыться в нем, и запер за собой тяжелую дверь — не ставшую, впрочем, сколько-нибудь значительным препятствием для Эалы. Хаввир бросился бежать, а Эала преследовала его, но не смогла сразу догнать, потому как бежал Хаввир по каменным коридорам, где не могла лететь Женщина-Птица. Однако, она быстро настигала его. Один из коридоров перегораживала решетка. Забежав за решетку, Хаввир закрыл ее за собой. В бешенстве бросилась на нее Женщина-Птица и стала рвать своими когтями, и железные прутья толщиной в три пальца лопались и ломались, уступая ее напору. Однако решетка на короткое время задержала Эалу, и Хаввиру хватило этого времени, чтобы повернуть рычаг в стене. Тогда сработал механизм, над которым трудились монахи последние два месяца, и рухнул потолок в той части коридора, где была Эала, и тонны камней погребли ее под собой.

Хаввир выбрался из коридора через другой ход, подготовленный заранее. Когда увидели его монахи, возликовали и возрадовались, и с радостным кличем устремились к своему настоятелю.

Перед тем, как отправиться в обратный путь, решили монахи обыскать

башню. Если находили они человеческие остатки, то выносили во двор и сжигали их (так было принято в Цалатхэне), из имущества же хэи Гоира не брали ничего. Настоятель Хаввир и Леин, самый молодой из монахов, поднялись в верхнюю часть башни, ибо хотелось взглянуть им на гнездо этой удивительной птицы. Поднимаясь по лестнице, услышали они детский плач и ускорили шаги. В большой комнате на вершине башни, где раньше была спальня вельможи, нашли они мальчика нескольких месяцев отроду. И хотя был грязен ребенок, не было на нем ни ран, ни болячек.

В сильном изумлении сказал Леин:

— Откуда здесь этот ребенок? Ведь сколько ни наблюдали мы за Женщиной-Птицей, не видели ни разу, чтобы детей или что-либо еще приносила она в свою башню.

Сказал Хаввир:

— Я думаю, это ее сын. Я видел ее так же близко, как вижу сейчас тебя. Полны были ее груди, а из сосков текло молоко.

Воскликнул Леин:

— Но ведь это человеческое дитя! Нет у него ни крыльев, ни железных когтей, ни чего-либо подобного!

Сказал Хаввир:

— Очевидно, потому, что в нем больше крови отца, чем матери.

Спросил Леин:

— Но кто же отец его?

— Ты мог бы и сам догадаться, — ответил ему настоятель. — Или ты не слышал историю о кончине хэи Гоира? Один из ближних слуг его рассказывал, что, услышав в тот день сильный шум на верху башни, поднялся он и заглянул в проем двери. Увидел слуга, что мертвы воины Гоира и жена его, но сам он совокупляется с этим демоном.

— Вы полагаете, наставник, что это сын хэи Гоира и Женщины-Птицы? Но если так, как же нам поступить с ним?

— Мы возьмем его с собой и воспитаем, как должно, — ответил Хаввир. — Также возьмем с собой сияющую сферу, что лежит близ него, ибо мне кажется, что это весьма необычная сфера, а раз так — нельзя допустить, чтобы она попала в руки воров и бродяг.

Так они и поступили. Весть об уничтожении Женщины-Птицы и о том ребенке принесла монастырю немало благ, а настоятелю — славу: красивую легенду сложили о походе его.

Меж тем, проходило время, и рос мальчик в монастыре Киуна. Был он весьма ловок и прилежен в учении, и радовались монахи, глядя на него. Впрочем, некоторые особенности все же отличали его от человека: никогда

не болел он, а кожа его, будучи на ощупь кожей обычного ребенка, могла становиться прочной, как доспехи, если он желал этого.

И вот, прошло тринадцать лет.

И появился в городе, где стоял монастырь, некий странник. Что можно сказать о внешности его? Немногое, ибо ничем не был он примечателен. Широкоплечий, среднего роста, с самым обычным лицом, в одежде не бедной и не богатой. На плечах его был плащ с капюшоном. Странник пришел в обитель Киуна и искал встречи с настоятелем. Сказал Леин (а он встретил странника):

— Наш настоятель — весьма занятой человек. Может быть, я могу помочь вам? Впрочем, если дело действительно важное, я, конечно, сообщу хэи Хаввиру и скажу, когда он сможет принять вас.

Но сказал тот человек:

— Что ж, ответьте, если можете, на мои вопросы. Правда ли, что настоятель ваш руководил походом против некой Женщины-Птицы и уничтожил ее?

Сказал Леин:

— Истинно так. Я сам был там и видел все своими глазами.

Сказал странник:

— Правда ли, что в башне Женщины-Птицы обнаружился мальчик, которого вы посчитали ее сыном?

Сказал Леин:

— И это правда. Несомненно, он ее сын, ибо выказывает, хотя и не так сильно, как его мать, некоторые способности, не свойственные человеку.

Сказал странник:

— Кто же отец его?

Сказал Леин:

— Хэи Гоир, прежний владелец той башни, где жила Женщина-Птица. Но скажите, почтеннейший, кто вы и отчего вас так интересуется эта история?

Сказал странник:

— Я задам последний вопрос, а после отвечу на ваши. Итак, скажите, отчего вы оставили в живых сына Женщины-Птицы, если саму ее считали чудовищем?

Сказал Леин, покачав головой:

— Многие задавали нам этот вопрос. Прежде нас грызли сомнения, но теперь мы видим, что правильно поступили, сохранив ребенку жизнь. Ведь хотя мать его — чудовище, порождение злого бога Тороша, все-таки половина крови его — человечья. С нашей помощью сумел он отринуть

дурное наследство матери-птицы. Прилежен он в учении и со временем, как мы надеемся, станет добропорядочным жителем нашего города, а, быть может, и братом нашим. Удовлетворил ли я ваше любопытство? Поведайте же мне, кто вы и что вам до этого ребенка?

Ответил странник, отбросив капюшон:

— Ты желал знать, кто я? Можешь называть меня Торошем.

Затем начертил он в воздухе некий знак, который мгновенно наполнился чернотой и, ударив в грудь Леина, убил его. И двинулся назвавшийся Торошем вглубь монастыря, а смерть, вышедшая из начертанного им знака, двигалась вслед за ним и убивала всех, на кого указывал он. И никто из монахов не убежал от него, ибо умирали они быстрее, чем понимали, что происходит с ними. Войдя в покои настоятеля и разлучив его с жизнью, взял странник сияющую сферу, которую тот вот уже тринадцать лет хранил в своей спальне — так, впрочем, и не сумев понять, что же это такое.

После того отыскал чужеземец мальчика, сына Женщины-Птицы.

Мальчик не был труслив и молча, без страха, взглянул в глаза предавшему смерти всех воспитателей его.

Сказал странник:

— Какое имя дали тебе эти люди?

Сказал мальчик:

— Келлаиш.

Сказал странник:

— Сгодится. Что они говорили тебе о твоём происхождении?

Сказал Келлаиш:

— Моя мать была чудовищем, Женщиной-Птицей, порождением бога Тороша. Мой отец был благородным человеком. Хэи Гоир — имя его.

Пришелец взял его за подбородок и долго смотрел на него. Затем сказал он:

— Не человек по имени хэи Гоир — отец тебе.

Сказал мальчик:

— Кто же?

— Я, — отвечал пришелец.

Впервые в замешательство пришел Келлаиш. Спросил он тогда:

— Кто ты?

Ответил пришелец:

— Я — Эмерхад, и титул мой — Господин Знаков и Повелитель Символов. Впрочем, наполовину ты все же принадлежишь к человеческому роду, но не через кровь отца (ибо я — не человек), но через

кровь матери. Потому что не демоном Тороша, но обыкновенной женщиной некогда была твоя мать, еще до того, как стала Женщиной-Птицей.

Сказал Келлаиш:

— Расскажи мне о моей матери.

И Эмерхад рассказал ему. Крикнул тогда мальчик:

— Как же ты допустил, что она стала чудовищем?!

Сказал Повелитель Символов:

— Я не человек и не вижу высшей ценности в том, чтобы быть человеком. Понимание Эалы изменилось, однако она не стала ни ниже, чем была, ни выше. Я оставил ее и ушел, ибо никогда не был влюблен в нее. Через некоторое время, однако, мне стало любопытно, что случилось с ней и как сложилась судьба ее. Я вернулся в Цалатхэн и узнал, что здесь прошло много лет, что умерла она и что у нее был сын. Знай, Келлаиш, что в разных мирах время течет по-разному — так, для меня самого прошло менее года с тех пор, как я расстался с Эалой. Впрочем, дело не в том, что течение времени различно, а соотношении потоков, ибо миры Сущего не неподвижны, но перемещаются друг относительно друга, и в разной пропорции, в зависимости от взаимного положения, сопрягаются течения времен их.

Сказал Келлаиш:

— Для чего ты убил их? — И указал на мертвых монахов.

Сказал Эмерхад:

— Не «для чего», но «за что». Они обокрали тебя.

Спросил Келлаиш:

— Как же?

Сказал Эмерхад, протягивая ему Зеркало Судьбы:

— Знаешь ли ты, что это?

Сказал мальчик:

— Нет.

Сказал Эмерхад:

— Это принадлежит тебе и ныне только ты один — хозяин этой вещи. Но твои воспитатели, полагая, и не без оснований, что этот предмет заключает в себе волшебство, без малейших колебаний присвоили его себе. Впрочем, кража — наименьшее из зол, совершенных ими. Наибольшее зло — ложь.

Сказал мальчик:

— В чем же они лгали?

Сказал Эмерхад:

— Ты называешь свою мать чудовищем, а это неверно.

Сказал Келлаиш:

— Но ведь она убивала людей и поедала их!

Сказал Эмерхад:

— Люди, которых она убивала, может быть, и могли бы назвать ее чудовищем — но не ты, сын ее. Лгали монахи, утверждая, что существует некая истина, единая для всех — нет такой истины. Вслед за ними ты повторяешь, что твоя мать — чудовище, но разве чудовищем она была для тебя? Она берегла тебя и кормила.

— Мерзко и отвратительно то, что она делала, — возразил мальчик.

— Почему? — Спросил у него Эмерхад. — Послушай меня. Да, было время, когда Эала — так звали ее, запомни — принадлежала к человеческому роду, но потом она перестала принадлежать к нему. Почему же ты называешь ее охоту мерзостью?

Сказал мальчик:

— Люди — не звери, чтобы охотиться на них.

Сказал Эмерхад:

— Чем же люди, по твоему мнению, отличаются от зверей?

Сказал мальчик:

— У людей есть разум и душа.

Рассмеялся, услышав это, Эмерхад.

— Не будем говорить о душе, — сказал он, — ибо ты ничего не знаешь о ней. Ведь если я скажу тебе, что все — ветер, огонь, деревья, звери и птицы — все это имеет душу, ты не поймешь меня и не поверишь мне. Поэтому будем говорить только о разуме. Знай, Келлаиш, что разум — всего лишь орган, развитый у человека больше, чем у животных. Также и у животных есть органы, более развитые, чем органы человека — сможешь ли ты ощущать запахи так, как ощущает их собака, или плавать так же быстро, как рыба? У всего, что существует, есть нечто, отличающее его от остального. Разум — то, что отличает человека. На каком же основании ты превозносишь человека, а не крота, роющего удивительные и весьма длинные норы в земле? А ведь человек полагает своим правом убивать животных и использовать деревья для постройки домов своих.

Сказал мальчик, подумав:

— Человек — совершеннее и выше всех животных.

Спросил Эмерхад:

— Значит, существо, которое совершеннее и выше человека так же, как человек совершеннее и выше животного, будет обладать полным правом использовать человека по своему усмотрению и отнимать у него жизнь по

желанию своему? Теперь давай рассмотрим, в чем же заключается совершенство человека по отношению к животным и в чем состоит его право. В одном лишь состоит его право — в праве сильного. Ибо нельзя представить себе, что человек станет учитывать желания животных — есть их ему или не есть, или начнет обсуждать — имеет ли вообще он, человек, право есть их? И совершенство его заключается в том, что он сильнее всех остальных животных, и куда лучше приспособлен убивать, чем они. Ведь хотя мышцы многих животных сильнее мышц человека, и зубы их острее, однако разум — куда лучшее оружие, чем мышцы и зубы. Итак, если мы установили, что право и совершенство человека — это право и совершенство силы человека над другими живыми существами, то не будет ли тот, кто сильнее человека, уже вследствие своей силы иметь право на жизнь его?

Сказал Келлаиш:

— Мне трудно представить такое существо.

Сказал Эмерхад:

— Взгляни на меня.

Сказал Келлаиш:

— Ты полагаешь себя совершеннее и выше человека? Чем же ты выше и совершеннее?

Сказал Эмерхад:

— Я обладаю способностями, которые отличают меня от человека так же, как человека способности его разума отличают от животных. И как человек не способен объяснить суть разума животному, так же и я — пока еще — не способен объяснить тебе суть этих способностей. Я могу лишь продемонстрировать тебе внешнее действие их, показать какое-нибудь чудо, сотворить что-нибудь необычное или ужасающее. Но главное — не само чудо, а то, что способно произвести его. Не кажется ли тебе, что и для животных многие действия человека — например, стрельба из лука — чудесны и необъяснимы? Но ведь дело не в руках, сжимающих лук и стрелы, а в разуме, придумавшем их. Потому вновь говорю тебе — суть не в чуде, но в том, что таится за ним.

Сказал Келлаиш:

— Ты не кажешься мне кем-то, сильно отличающимся от человека. Ты и разговариваешь, и ведешь себя как человек.

Сказал Эмерхад:

— Я, как и мои братья, ваны, с одинаковой легкостью способен говорить также с огнем, ветром и деревом. Где же я-подлинный — я, говорящий с тобой, я, говорящий с огнем, я, говорящий с ветром или я,

говорящий с деревом? И не думаешь ли ты, что и с тобой, и с огнем, и с ветром, и с деревом я говорю одинаково?

Сказал Келлаиш:

— Если я для тебя то же, что для человека — животное, зачем ты пришел?

Сказал Эмерхад:

— Я желаю взять тебя с собой и помочь стать больше, чем ты есть. Я желаю, чтобы ты мог понимать этот мир полнее, чем понимаешь сейчас, и научился необходимым способам для этого понимания.

Сказал Келлаиш:

— В чем же состоит твое понимание? Если в том, что ты только что рассказал мне, то я не пойду с тобой, ибо мне не по нраву мир, где господствует один лишь закон: закон силы, и сильнейший пожирает слабого, а более нет ничего.

Сказал Эмерхад:

— Я показал тебе этот мир лишь чуточку иначе, чем ты привык видеть, а ты уже торопишься возвести услышанное в единственный закон Сущего. Но чтобы уничтожить твой страх, покажу я тебе Сущее с иной, противоположной стороны.

Знай, Келлаиш, что человек не ценнее животного, и ангел не ценнее муравья. Не в том различие их. Однако лишь глупец станет утверждать, что нет никакой иерархии среди населяющих Сущее. Одно из различий — сила, но это — не единственное различие. Есть и другое: я называю его *способностью понимания*.

Что это за способность и как определить ее? Это — способность признать за существами и другого, и собственного вида самостоятельную ценность, безотносительную к выгоде или вреду, которые эти существа могут доставить тебе. Это — умение ощутить себя на время кем-то иным, нежели ты есть. Это — способность к сопереживанию. Некоторые называют эту способностью «любовью», но «понимание» мне представляется куда лучшим словом. Насекомые и низшие животные ее лишены почти совершенно. У более развитых животных эта способность есть, хотя и в зачатке. Она бывает сильна, но она очень узка и почти всегда утилитарна. Разум и иные духовные органы человека уже достаточно развиты, чтобы он мог принимать в этот круг не только одних ближних своих, но и тех живых существ, которых видит впервые. Какие иные духовные органы, спросишь ты? Я отвечу: способность видеть в чем-либо красоту — один из них. Любишь ли ты себя и признаешь ли свою жизнь и свою душу великими ценностями? Без сомнения — да, и это — нечто,

общее для всех живущих. Но, кроме себя, собака распространяет это чувство еще и на хозяина. Человек же способен полюбить не только другого человека и не только свое животное, но и дикого зверя, сказать «это — красиво» о скале, дереве, облаке. Однако понимание человека ограничено, ибо сопереживание его вызывается разумом и собственными эмоциями. Это не есть совершенное сопереживание. Но те, кто превосходят человека, умеют сопереживать совершенно. Ибо они способны полностью отождествить себя с тем, что видят. Для этого они принимают иную телесную форму, или же не меняют формы, но проникают своим естеством в то, что видят, и становятся этим, и воспринимают мир так, как воспринимает то, на чем они сосредотачивают свои усилия. Собака видит ценность лишь в хозяине, человек видит ценность в том, что близко ему, что выгодно ему и что кажется ему красивым, ангел или ван способны увидеть величайшую ценность даже и в муравье, которого ты ненароком раздавил.

Выслушав все это, оглянувшись Келлаиш кругом и еще раз посмотрел на тела мертвых монахов. Сказал он:

— Красивые слова. Если ты способен разглядеть ценность даже в муравье — почему же в этих людях ты не нашел ее?

Сказал Эмерхад:

— Глупец! Я говорю о способностях, а не об образе действий. Люди воюют между собой, хотя каждый из них, в общем-то, способен признать, что все люди — братья. Я хочу научить тебя волшебству и пониманию, но что ты будешь делать с этим пониманием — разрушать или созидать — выбирай сам. Я научу тебя, как проникать, как отождествлять свою суть с сутью чужой — но тому, что делать с этим знанием, я не стану учить тебя, ибо мой выбор — это мой выбор, и мне ценна твоя собственная воля, а не отражение моей. Любить людей и бескорыстно отдавать себя им, или делать из них слуг и рабов — для себя самого решать будешь ты, а не я. Ибо и обладающий пониманием способен на время как бы ограждать себя и действовать жестоко. Я ничем не лучше и не хуже этих людей, — он показал на монахов, — и моя жизнь — не ценнее, чем их. Однако они мертвы, а я жив, ибо я сильнее их и я пожелал так. Что выбрал бы ты на моем месте? Я не знаю.

И Келлаиш ушел с ним в его замок, выстроенный Эмерхадом в Рассветных Землях, и учился там искусству волшебства у отца своего. Впрочем, недолгим было его учение — всего лишь через два года Эмерхад пал от руки своего брата. Замок Эмерхада вскоре рухнул, ибо Повелитель Символов, кое-где укрепив камни волшебством, впоследствии забыл

утвердить их более надежно. А Келлаиш покинул развалины, унеся с собой единственный предмет, который он по праву считал своим — сверкающую сферу, называемую Зеркалом Судьбы.

ВЕЧЕРНЯЯ СКАЗКА

(история тринадцатая)

В некоем королевстве, в забытой деревушке на краю леса, жила маленькая девочка по имени Ирэна. Она очень любила сказки и не могла заснуть, если отец или мать не рассказывали ей на ночь какую-нибудь сказку или историю.

— Расскажи мне сказку, — попросила как-то раз Ирэна отца.

Спросил ее отец:

— Грустную рассказать тебе сказку, или веселую, или страшную?

Воскликнула Ирэна:

— Конечно же, страшную!

Так начал ее отец рассказ свой:

— Великие волшебники правят нашим миром. Власть их много выше, чем власть королей или герцогов, и короли и герцоги — малейшие из слуг их и последние из их подданных. Меж теми волшебниками ныне, слава Богам, царит мир, но не всегда было так. Давным-давно один черный колдун, повелевавший воронами, вздумал отнять у других волшебников их магическую силу. Но его соседи, также весьма искусные в магии, узнали о его намерении и затеяли с ним войну. Долго длилась война, но был побежден черный колдун, и рассеялось его войско. А у этого колдуна был родственник, Эмерхад, который давным-давно поссорился с черным колдуном и поселился отдельно, во владениях Джордмонда-Законника. И когда началась война, он выступил против своего родича, и был убит им. Но когда Джордмонд-Законник вернулся в свои владения, слуги донесли ему, что в час смерти Эмерхада рухнул его замок, возведенный посредством волшебства, и странные создания вышли оттуда. Слуги называли этих существ Поедателями Слов.

— А почему их так называли? — Спросила Ирэна, замороженная рассказом.

— Потому что все слова, которые только есть на свете, служили им пищей, — ответил отец. — Они охотились за людьми и поедали их память. Люди забывали, как называются самые простые вещи, забывали даже, как зовут их самих. Узнав об этом, Джордмонд-Законник стал разыскивать Поедателей Слов и ловить их в волшебные сети. Он поймал многих, но некоторым удалось улизнуть от него. Они отыскивали большой темный лес и поселились в его чаще. С тех пор всякий, входивший в этот лес, забывал обо

всем на свете и блуждал по чащобе до тех пор, пока не умирал с голоду. Там, где он шел, могла расти дикая яблоня или груша, но он проходил мимо, потому что не помнил ни названий этих деревьев, ни для чего они предназначались. Он голодал, но не понимал, что голодает и мог умереть от истощения посреди малинника или грибной поляны. А Поедатели Слов таились в чаще и радовались тому, что они сотворили с этим человеком.

Поскольку отец замолчал, Ирэна спросила:

— А дальше?

— С тех пор, — сказал отец, — Поедатели Слов так и живут в этом лесу. Они подкарауливают любопытных детей и неосторожных взрослых, набрасываются на них и отнимают у них память. Невозможно бороться с ними посредством оружия, потому что они невидимы. Они духи, и все слова, дорогие каждому человеку: «мать», «дом», «любовь», «ребенок», «солнце», «ремесло» — для них лишь сладкая пища.

Отец снова замолчал.

— И это все? — Спросила Ирэна.

— Да, — сказал отец.

— Вовсе и не страшная это сказка, — сказала тогда девочка.

— Что же, — промолвил отец, поднимаясь, — в следующий раз придумаю что-нибудь пострашнее.

Поцеловав Ирэну в лоб, он вышел из дома. Пройдя через всю деревню, он поднялся на холм и посмотрел на восток. Уже скрылось за горизонтом самое яркое из двух солнц Эссенлера, но второе, изумрудного цвета, еще освещало мир, и неколебимо в его свете высились лесные исполины, ровной стеной стоявшие на востоке. Казалось, что между их стволами свила гнезда сама тьма.

В это время услышал отец Ирэны шаги за спиной и, обернувшись, увидел своего тестя — сутулого и седого как лунь, но крепкого еще старика.

Спросил старик, подойдя ближе:

— Тянет обратно?

— Нет, — ответил отец Ирэны. — Теперь уже почти не тянет. А раньше, до рождения Ирэны — тянуло. Отчего-то мне казалось, что если войти в этот лес во второй раз, то обязательно случится выйти там, где входил я в него впервые.

— Дурак, — сказал ему дед Ирэны, — ты снова все забудешь и сгинешь в лесу навеки. Многие терялись в этом лесу, но ты — единственный, кто из него вышел. Благодарю небеса за то, что они подарили тебе вторую жизнь. Бессловесен ты был, словно зверь, когда вышел из этого леса, и смотрел

вокруг себя как смотрит ребенок или юродивый. Для того ли ручался я за тебя перед общиной, говоря, что нет в тебе никакого зла, для того ли, спустя год, отдал за тебя свою дочь, чтобы теперь ты снова сгинул в этом лесу? Выброси-ка из головы дурное и немедля ступай в дом.

Склонил голову отец Ирэны и пошел обратно в деревню.

ДОЧЬ ХЕЛЛАЭНА

(история четырнадцатая)

В некоем королевстве жил человек по имени Дерниш. Был он герой и великий воин. Как-то раз пришла к нему женщина — чужестранка по виду и говору — и сказала:

— Меня зовут Рола. Слышала я, что в ваших краях есть место, называемое Безумной Рощей, и отвратительный чернокнижник живет там. Желала бы я уничтожить этого чернокнижника, и если бы нашелся витязь, который бы стал моим спутником в этом походе, немедленно отправилась бы я в это место.

Сказал Дерниш:

— Мьяонель, Хозяин Безумной Рощи — могущественный волшебник. Без всякого труда победил он многих, прежде отправлявшихся в его владения в поисках славы. Невозможно сражаться посредством меча с безумием или болезнью, а ведь это — те силы, которыми повелевает он в числе прочих.

Сказала Рола:

— Сильно преувеличены слухи о его колдовском могуществе. Я и сама искусная чародейка, и уверена, что без труда одолею Мьяонеля в колдовском поединке. Однако Мьяонель трусливо окружил себя многочисленными слугами, и населил свой лес безумными животными и отвратительными демонами, и мне потребен кто-нибудь, кто сопровождал бы меня к Башне Без Окон, и оберегал бы, пока я буду вести колдовскую битву с ее хозяином.

А была Рола стройна и красива. Кожа у нее была белая, как молоко, волосы — подобны черному шелку. Было на ней длинное светлое платье и пояс, расшитый разноцветными узорами, цветами и травами. На плечах у нее покоился серебряный плащ с соболиным воротником и золотыми застежками. Обута она была в башмачки из выбеленной кожи.

Сказал Дерниш, посмотрев на нее:

— С радостью стану я твоим спутником в этом походе, госпожа.

И вот, на следующий день отправились они в Безумную Рощу. Вошли они в старый лес, по которому некогда бродил Повелитель Обратней, и углубились в него. Долго они шли, и с каждым часом все больше перемен

замечали в лесу. Подлесок сделался необычайно густым, было много поваленных, гниющих деревьев, воздух был пропитан влажными испарениями и временами делался мутен, и как будто подергивался туманной пеленой. Стихли птичьи голоса, уступив место безмолвию, и даже шаги Рола и Дерниша не в силах были разрушить это безмолвие, потому до середины голени погружались их ноги в густой, влажный мох. Кора деревьев здесь была скрыта лишайниками и топорщилась от множества грибов-паразитов, а листья были вялыми и скукоженными, с черными, коричневыми и желтыми пятнами.

Так шли они целый день, и никого не повстречали. На следующий день они вступили в иную область. Мох сменился преющей, мертвой травой, и иной травой, будто бы живой, но имевшей черный или темно-бурый цвет. Не лишай, но пушистая плесень покрывала здесь деревья, и комки ее парили в воздухе и оседали на волосах и одежде путников. Воздух здесь был душен, сладковато-горек на вкус и густ, как патока. Молчаливые звери медленно ходили здесь, не замечая ни друг друга, ни путников — пусты и бездумны были глаза этих зверей.

И шли они еще день. На третий же путь их перестал быть так безопасен, как раньше. Лианы, словно змеи, начинали шевелиться при их приближении и норовили поймать людей в свои объятья. Страшные цветы росли здесь — цветы эти плевались ядом и имели зубы, словно дикие звери. Прозрачные создания, напоминающие медуз, дрейфовали по воздуху и норовили прикрепиться к открытой коже — если им удавалось это, пили они кровь и окрашивались алым. Раз видели Рола и Дерниш на поляне нечто, подобное высокому студню, а в том студне различили они человека, глаза которого были наполнены ужасом, а рот — распахнут в крике. Сукровицей сочились здесь деревья, имеющие кору, но под корой были прозрачными, будто стеклянными, липкими, как мед и чуть теплыми. В другом месте видели путники дерево без листьев, с черными обломанными ветвями. Красная кровь вытекала из этих ветвей вместо древесного сока. Здесь набросились на них мертвые волки с вывалившимися глазами, с облезлой шкурой, с плотью, изгрызенной трупными червями. Невозможно было остановить этих волков, иначе как отрубив им все лапы, но и тогда продолжали они поворачивать головы вслед уходящим. С большим трудом одолели их Рола и Дерниш и отправились дальше.

Затем напали на них существа, чье дыхание — смрад, чье прикосновение — болезнь, чья слюна — жгучая отравка. Но и их разогнали Рола и Дерниш. Однако не пришлось им спать следующей ночью, потому

что как только легли они, приблизились к ним ходячие деревья с гибкими ветвями — голодные, исполненные злобы и ненависти к людям. Бежали от них Рола и Дерниш и шли всю ночь, не смыкая глаз.

Вот, наступило четвертое утро. Увидели они вдруг узкую тропинку, которая вела в том направлении, что было им нужно, и пошли по ней. Но вскоре остановила Рола Дерниша и, указав на что-то впереди, сказала:

— Следует нам сойти с тропинки и обойти это место.

— Почему? — Спросил ее Дерниш.

— Видишь прозрачное марево в воздухе, как будто от сильного огня? Это — порождение безумия. Изменимся мы, если оно коснется нас хотя бы краем своих невидимых покрывал, сойдем с ума и станем частью этого леса.

— Неужели у тебя нет магии, чтобы изгнать этого демона?

Сухо рассмеялась Рола:

— Для того, чтобы заклясть этого демона, надо быть Повелителем Стихий или хотя бы равняться с ними в магическом искусстве. Не я этого демона, а он меня изгонит, если уж дойдет у нас с ним до спора.

— Постой, — сказал тогда Дерниш, — ведь это создание — лишь слуга Хозяина Роши. Как же ты противодействовать хозяину, если боишься слуги?

Ничего не ответила ему Рола, но сошла с тропинки и углубилась в лес, а когда Дерниш догнал ее и повторил свой вопрос, бросила:

— Поздно теперь об этом думать.

— Не пойду я с тобой дальше! — Вскричал Дерниш.

Сказала ему Рола:

— Не ходи.

Более не отвечала она на вопросы своего спутника, но уверенно шла вглубь леса, как будто бы знала о Мьяонеле некую тайну, которая могла помочь ей одолеть Обладающего Силой. И, рассудив так, отправился Дерниш с ней дальше.

И вот, по прошествии некоторого времени, различили они в сгущающихся сумерках человеческую фигуру, направляющуюся к ним. Глаза его были — как насекомьи гнезда, а волосы — как паутина. Нехорошо улыбался он, приближаясь к путникам.

Не понравилась эта улыбка Дернишу. Выхватив меч, бросился он к незнакомцу и ударил его что было силы. Но не пошевелинулся незнакомец, а меч Дерниша увяз в его теле, будто бы принадлежало оно не живому человеку, но покойнику. Поднял человек руку и коснулся лица Дерниша. Упал тот и умер за время меньшее, чем потребно для того, чтобы назвать

имя и титул вышедшего к Дернишу и Роле — Мьяонель, Хозяин Безумной Роши.

Сказал Мьяонель Роле:

— Вижу я на тебе некие чары, скрывающие твою внешность.

Ответила ему Рола:

— Не думала я, что станут для тебя эти чары преградой.

Произнес тогда Мьяонель слово Силы, и спали чары, окружавшие девушку. Воскликнул тогда Мьяонель, увидев ее настоящее лицо:

— Сантрис! Любовь моя! Что ты здесь делаешь?!

Сказала ему Сантрис:

— Вид твой еще более мерзок, чем прежде. Если этого ты хотел добиться — следует поздравить тебя с успехом.

Рассмеялся Мьяонель, и повел рукой, отсылая прочь свою Силу. В тот же миг изменилось обличье Мьяонеля, и стал он красивым молодым человеком — темноволосым, худощавым, с жемчужными зубами и ироничной улыбкой.

Сказал Мьяонель:

— Редко бывают у меня гости, и трудно мне отказаться от удовольствия напугать их, показавшись им в своем подлинном обличье. Но ты сильно рисковала, придя сюда: ведь моя Роша — не самое лучшее место для прогулок.

Указала Сантрис на лежащего на земле человека и сказала:

— Для того он и был мне потребен, чтобы уберечься от голодных деревьев и мертвых волков.

Посмотрел на нее Мьяонель и сказал:

— Вижу я, что ты изменилась. Прежде ты не была такой жестокой.

Ответила Сантрис:

— Кто в этом виноват, как не ты?

Сказал Мьяонель:

— Также и более смелой стала ты, как я вижу. Казалось мне, что после нашей последней встречи вряд ли я снова когда-нибудь повстречаю тебя в этом лесу.

— Помню я эту встречу. Но говорят, что с тех пор ты сумел вернуть себе сердце.

Отвернулся тогда Мьяонель и сжал зубы.

— Не напоминай мне об этом, — сказал он.

Помолчала Сантрис, а потом сказала так:

— О помощи я пришла просить тебя, Владыка Безумия.

— Вот как? — Сказал Мьяонель. — Какая же помощь тебе от меня

потребна?

— Когда ты прогнал меня из Башни Без Окон, я отправилась в Темные Земли. Трудно мне пришлось там, ибо населен Хеллаэн колдунами и демонами, и жестокие законы властвуют в этой стране. Однако нашлись люди, которые помогли мне обжиться в Хеллаэне и обучили меня волшебству. Звали их Альверд и Диса, и были они мужем и женой. Долго я жила в Темных Землях и даже сумела полюбить эту страну, богатую чудесами и колдовством, но оказалось, что страшнее, чем чудовища и демоны — Лорды Хеллаэна, Обладающие Силой. Вблизи города, где жили мы с Альвердом и Дисой, поселился один из них, по имени Йархланг. Титул его — Повелитель Падали. Многих убил он и оставил лежать не погребенными, и превращал непогребенных в своих рабов и складывал из их тел, как из кирпичей, свой замок. Выступили против Повелителя Падали жители тех мест, и среди них было немало искусных колдунов (а ведь многие жители Хеллаэна — искусные колдуны). Но войско их было разбито, и тела побежденных Повелитель Падали присоединил к своим владениям. В числе побежденных был Альверд. В наказание за мятеж Йархланг обложил наш город суровой данью — обязаны были отдать ему горожане сто мужчин, сто женщин и сто детей. На меня, как на чужестранку, пал жребий, однако Диса вызвалась вместо меня, и слуги Йархланга увели ее. Хотела я идти в его владения и, пав ему в ноги, умолять вернуть мою названную сестру и брата, но кто я для него? Лишь смертная. Не стал бы меня слушать Йархланг и забрал бы себе, как часть добычи. Ты же — Обладающий Силой, и с тобой он станет говорить, как с равным.

— Ты хочешь, чтобы я отнял у него этих людей? — Спросил Мьяонель Сантрис.

— Да, — сказала та. — Я прошу тебя выполнить мою просьбу в память о том, что было между нами раньше.

Сказал Мьяонель:

— Посмотрим, что тут можно сделать.

Затем предложил Мьяонель своей гостье отдохнуть в Башне Без Окон, ибо выглядела Сантрис сильно изможденной после бессонной ночи. Весь остаток дня проспала Сантрис в тех покоях, что занимала во времена, когда жив был ее отец, Повелитель Обратней. Когда же спустилась ночь, она пришла в спальню Мьяонеля и предалась с ним любовной игре, и показалось Хозяину Безумной Роши, что вернулось то время, когда вместе бежали они от Повелителя Обратней, и на ковре из мха, под невидимым плащом Мьяонеля, раскинутом на манер шатра, впервые разделили страсть

и, утомленные, заснули в объятьях друг друга.

Но — коротки ночи, проводимые подобным образом! Когда наступило утро, облачились Мьяонель и Сантрис в свои одежды и посредством волшебной дороги переместились в Хеллаэн. Здесь Мьяонель оставил чародейку в городе, где жила она, а сам отправился в земли Повелителя Падали.

Зловонны были эти земли. Повсюду разносился сильнейший трупный запах, и не горы из камней возвышались в тех землях — но горы из человеческих тел. Над телами кружили падальщики, и грызли их крысы, однако же медленно разлагались покойники. Некоторые из них начинали шевелиться, когда Мьяонель проходил мимо, вставали и шли за ним, а другие пытались преградить ему дорогу. Для того, чтобы избежать столкновения с ними, принял Мьяонель бесплотное обличье и сгустком силы, янтарным облаком, дыханием Бреда проник во дворец Повелителя Падали. Был тот дворец сложен из тел и костей. Колонны в нем были из хребтов, пол и потолок — из черепов, крыша — из пальцев рук и локтевых суставов, стены — из мышц, стекла — из слез, двери — из глаз, лестницы — из языков, ширмы — из ушей, а дверные ручки — из мужеских отличий.

Неприятно принял Мьяонеля Повелитель Падали и не предложил ему ни вина, ни пищи.

Сказал Йархланг Мьяонелю:

— Вижу я, что ты — один из Обладающих Силой, однако не помню, чтобы раньше встречал тебя в Хеллаэне. Кто ты такой и для чего незваным пришел в мои владения?

Сказал пришедший:

— Я Мьяонель, Хозяин Безумной Роци. Нет ничего странного, что не встречались мы прежде, потому что я редко бываю в Хеллаэне, и я — не из числа здешних властителей. Что до цели моего визита, то слышал я, будто в недавней войне вы собрали большую жатву, и среди ваших приобретений был человек по имени Альверд. Так же слышал я, что вы обложили данью некий город: дань та состояла из ста мужчин, ста женщин и ста детей, и среди посланной вам дани была женщина по имени Диса. Я желал бы приобрести их у вас каким-нибудь образом или чем-нибудь выкупить их.

— Давно уже ни с кем не воевал я, — ответил Мьяонелю Повелитель Падали. — Что до дани, то, правда, каждые двадцать лет облагаю я данью некий город, но дань эта — десять мужчин, десять женщин и десять детей. Минуло уже пятнадцать лет с тех пор, как платили мне эту дань, и должно пройти еще пять, прежде чем выплатят ее снова. Ничего я не знаю о Дисе — может быть, такая и была в числе тех, кого приводили ко мне; но вот

мужчину по имени Альверд помню хорошо. Не так давно он забрался в мой замок и попытался убить меня, и надо сказать, что это ему едва не удалось, потому что меч, которым владел он, именовался Убийцей Великих и предназначался для того, чтобы убивать бессмертных и Обладающих Силой. Однако мои слуги остановили его прежде, чем он добрался до меня — хотя и многих моих слуг он уничтожил при этом.

Сказал Мьяонель:

— Таким ли образом оказались в ваших владениях Альверд и Диса, или каким-либо иным, я все же прошу у вас их тела и души, и готов заплатить вам за них требуемую цену.

Сказал Йархланг:

— Если Диса в числе тех, кого приводили мне, как дань, я обменяю ее на любую другую женщину того же возраста. Но что касается Альверда, то я не могу отпустить его так просто. Приведи в мои владения десять тысяч мужчин, десять тысяч женщин и десять тысяч детей и соверши здесь великое жертвоприношение — и тогда я отдам тебе этого героя, хотя меч его, в любом случае, останется у меня.

Сказал Мьяонель:

— Это слишком большой выкуп за одного человека. Знайте, Лорд Йархланг, что когда государь моего народа, Ньерд, и дети его, Фрейр и Фрейя, были приняты в число богов, и многие из моего народа последовали за ними, то отказался я, в числе немногих, уйти вместе с ними на небо, потому что даже и богам не желал прислуживать. Неужели вы полагаете, что я стану прислуживать другому Лорду, и, подобно мальчику на побегушках, собирать для него десять тысяч мужчин, десять тысяч женщин и десять тысяч детей?

— Тогда, — сказал Повелитель Падали. — Из просимых тобою не получишь ты ни женщину, ни мужчину.

— Может быть, — спросил Мьяонель, — без всякого выкупа отдадите вы мне их, оказав тем самым обыкновенную любезность?

Но сказал на это Йархланг:

— Не стану я оказывать тебе никакой любезности.

— Что же, — сказал Мьяонель, склонив голову, — придется передать женщине, просившей за Альверда и Дису, что нет никакой возможности вернуть их. Однако, — сказал Хозяин Безумной Роши далее, — я весьма благодарен вам, милорд, хоть вас, наверное, и удивит такое признание. Вы напомнили мне, каким должен быть настоящий Лорд — гордым, неприступным, надменным. Как глуп я был, когда позволил какой-то женщине уговорить себя заступиться за ее ближних перед вами! Следует

приказывать слабым, и прислушиваться к просьбам сильных, и никогда не забывать об этом простом правиле.

Снисходительно улыбнулся ему Йархланг, Повелитель Падали, услышав такие слова.

— Теперь можешь ступать прочь, — сказал он Мьяонелю. — Так уж и быть, не возьму я с тебя никакого выкупа за то, что без позволения ты вступил на мои земли.

Вскричал Мьяонель:

— Клянусь, что не уйду отсюда прежде, чем достойно не отблагодарю вас за напоминание о манерах и за преподанный урок об обычаях Лордов! Вот, возьмите этот золотой амулет в виде головы дракона. Вместо глаз у дракона — драгоценные камни, но странны эти камни: так и не смог разгадать я, что это — изумруды или рубины. Иногда кажется мне, что камни эти — зеленого цвета, а иногда кажется, что алого, и до сих пор я не смог определить в точности, какой именно они имеют цвет. Также, с вашего позволения, проведу я в одном из ближайших поселений еще несколько дней, ибо, как я вижу, многому можно обучиться в Хеллаэне.

— Даю тебе свое позволение, — с усмешкой бросил ему Йархланг. Когда Мьяонель, поклонившись, вышел, Йархланг подошел к оставленному им амулету и, поглядев на него, сказал:

— Не принимает ли этот дурак меня за подобного себе? Даже и в руки не стану я брать оставленный им амулет, ибо чувствую в нем некую Силу. Никогда беспечность не сопутствует долгой жизни, и Мьяонель — дважды дурак, если полагает, что я не знаю об этом.

С этими словами он взял берцовую кость, заостренную с одной стороны, подцепил амулет и убрал его в один из своих сундуков. Затем он забыл об этом деле и занялся другими.

Могущественен был Повелитель Падали. Каждая новая смерть, где бы ни происходила она, приносила ему толику сил, каждое тело, оставшееся не погребенным, присоединялось к его владениям. Многочисленными источниками Силы, водопадами мощи, бессчетными легионами слуг, не могущих даже и помыслить о предательстве, повелевал он.

Так прошел остаток дня. Впрочем, день в Хеллаэне — не то, что день в многих других мирах, ведь обитатели Хеллаэна никогда не видят солнца. Днем здесь называют время, когда розовеют сизые сумерки на западе, будто предвещающая рассвет — который, впрочем, никогда не наступит.

Итак, прошел день. И вот, под вечер снова вспомнил Йархланг о подаренном амулете и заглянул в сундук, чтобы выяснить, не изменился ли тот как-нибудь за прошедшее время и не проявил ли каких-либо скрытых в

нем свойств. Однако амулет лежал там, где оставил его Повелитель Падали. Вот только...

«Странно, — подумал Повелитель Падали, закрывая сундук, — казалось мне, что глаза у того дракона были зеленого цвета. Сейчас же они как будто алые...»

Затем он занялся магическими процедурами, которые надлежит выполнять ночью, вкусно поужинал и лег спать. Проснувшись утром, отчего-то первым делом подумал он об амулете, камни в котором имели то ли зеленый, то ли алый цвет, но отогнал эти мысли и предался хозяйственным заботам. Но прошло несколько часов, а ум его время от времени возвращался к вещи, которую подарил ему Мьяонель, и бесплодно гадал Йархланг: какого цвета глаза у дракона: зеленого или алого? Никакого неудобства не доставляли ему эти мысли, но постоянно крутились в голове, как беспокойные насекомые. Наконец, он отложил в сторону свои дела, открыл сундук и убедился, что глаза на амулете красного цвета. Закрыв он сундук и отошел от него, но, пройдя несколько шагов, усомнился: красного ли цвета глаза, или все-таки зеленого? Быстро вернулся он обратно, и открыв сундук, увидел, что ошибался, и глаза скорее зеленого, чем красного цвета.

С тех пор стал он думать об амулете все чаще и чаще и постоянно ходил смотреть на него, но чем больше ходил и смотрел, тем сильнее, когда он закрывал сундук, начинали его грызть сомнения относительно камней, вставленных в глаза золотого дракона. Не мог он больше ни есть, ни пить, ни заниматься волшбой, без того чтобы не думать об этом, и желание доподлинно узнать, какого цвета эти глаза, полностью овладело им. Если он гнал эти мысли, они возвращались с утроенной силой, если шел к сундуку и проверял цвет камней, то на короткое время испытывал облегчение, но с каждым разом все короче и короче бывало это время. Наконец, он вытащил амулет из сундука и стал носить его на груди, чтобы в каждую минуту иметь возможность посмотреть на него, и отогнать прочь сомнения и беспокойство. Однако прошло время, и заметил Йархланг, что все чаще и чаще смотрит на амулет и уделяет ему все больше времени, а хозяйство его меж тем приходит в запустение и новые, необузданные потоки силы, исходящие от свежих мертвецов, иссякают и гаснут, не прибавляясь к его Силе, а тела мертвых разлагаются с обычной для них скоростью, и ненадолго задерживаются в царстве Повелителя Падали.

Тогда взял он амулет и, проложив волшебную дорогу (а кирпичи, составляющие ее — человеческие лица) во владения одного из своих соседей, Алгарсэна, отправился к тому в гости.

Ходили слухи, что некогда Алгарсэн носил титул Повелителя Драгоценностей. Полагал Йархланг, что хотя Алгарсэн ныне и утратил этот титул, но сохранил свои прежние знания о драгоценных кристаллах, и сможет, как наилучший из ювелиров, оценить имеющиеся в золотом амулете камни, и определить со всей точностью, что это: изумруды или рубины.

Долго шел он по волшебной дороге. Не раз Йархланг останавливался, чтобы взглянуть на амулет. Когда же он отводил от него взгляд, то тут же начинал думать: «Зеленые или красные? Зеленые или красные? Зеленые. Нет, красные. Нет, зеленые... Нет, конечно же, красные! А может, все-таки...» И останавливался, чтобы взглянуть на амулет снова.

Наконец, подошел он к воротам замка Алгарсэна и постучался в них.

Сказал ему Алгарсэн:

— Зачем ты пришел в мои земли?

— Есть у меня к тебе некое дело, — ответил Повелитель Падали. — Желал бы я, чтобы ты определил, какие камни вставлены в этот амулет, и каковы свойства их.

Сказал ему Алгарсэн:

— Согласно обычаям Лордов, имею я право требовать с тебя выкуп за то, что ты вступил на мои земли без позволения. Так же надлежит взять с тебя некоторую плату за работу, которую ты просишь для тебя сделать.

Сказал ему Йархланг:

— Мелочен ты, как я вижу. О пустяке я прошу тебя, а ты ведешь себя совсем не так, как подобает доброму соседу.

Сказал Алгарсэн:

— Вспомни Долину Окаменелостей. Когда мы спорили о ней, вел ли ты себя так, как подобает доброму соседу?

Сказал Йархланг:

— Еще до того, как явился ты в Хеллаэн, принадлежала мне эта Долина. Давным-давно выложил я ее телами — а следует заметить, что тела эти достались мне не так-то легко. С чего бы теперь мне отказываться от нее?

Сказал Алгарсэн, ныне носивший титул Повелителя Камней:

— За прошедшее с той поры время исчезла мясная плоть с оставленных в Долине тел, а кости окаменели. Давно забыл ты про эту Долину и не вспомнил бы, если бы я не предъявил на нее свои права, не лишённые, между прочим, некоторого основания.

Сказал Йархланг:

— Казалось мне, что уже решен был между нами этот спор.

Отвечал ему Алгарсэн:

— Нам следует пересмотреть решение. С тебя, как заметил я в начале нашей беседы, причитается вдвойне. И если ты откажешься от своих прав на Долину, будет это как раз той ценой, которая возместит и твое незаконное появление в моих землях, и время, которое я потрачу на изучение принесенного тобой предмета.

Сказал ему Йархланг:

— Да я вижу, что ты совсем обезумел, сосед мой!

И ушел обратно в свой замок. Однако прошел еще один день, и бессонная ночь, на протяжении которой мысли о камнях в амулете не давали ему покоя, и, когда приблизилось утро, поднялся Повелитель Падали со своего ложа и снова отправился во владения Алгарсэна. Сказал он, когда Повелитель Камней вышел на крепостную стену при его приближении:

— Согласен я на предложенную тобой сделку.

Тотчас впустил его Алгарсэн в замок и спросил:

— Где та вещь, о которой ты говорил?

Подал Йархланг ему амулет — сам же, не переставая, смотрел при этом на глаза золотого дракона.

Недолго изучал Алгарсэн поданную ему вещь.

— Этот амулет соткан из Силы, — произнес он. — Камни, которые украшают его — не рубины и не изумруды, но соединяют в себе свойства и тех и других.

Спросил его Йархланг:

— Скажи мне, какого цвета эти камни?

Просмотрел на него Повелитель Камней и спросил:

— Разве это имеет большое значение?

— Да, — сказал Йархланг. — Вот уже неделю я не ем, не пью и не сплю спокойно, без того, чтобы не думать об этих проклятых камнях.

Сказал ему Алгарсэн:

— Ты околдован.

— Я подозревал это, — согласился с ним Повелитель Падали, — хотя и не мог обнаружить чары, которыми окутали мой разум. Слышал я, что у смертных случаются болезни, подобные той, которой заболел я, но никогда прежде я не думал, что даже и Лорд может быть подвластен действию такой порчи. Но прежде, чем я уйду и уничтожу того, кто наслал на меня эту порчу, скажи, добрый сосед мой — какого цвета эти камни: зеленые или красные?

Сказал ему Алгарсэн:

— На твой вопрос нет ответа. Камни эти — порождение Царства Безумия, а в том царстве легко соединяется несоединимое. Эти камни не меняют цвет, но они и зеленые, и алые одновременно. Камни эти, будучи одноцветными, сочетают в себе два цвета, не смешанные между собой и не разделенные.

— Как такое может быть? — Спросил Йархланг.

— Я не знаю и не могу объяснить, — отвечал ему Повелитель Камней.

Сказал Йархланг:

— Жестоко отомщу я шутнику, пошутившему со мной столь дурно.

С этими словами он вышел из замка и отправился в деревню, где жил Мьяонель с тех пор, как удалился из замка Повелителя Падали. Найдя Мьяонеля, принял Йархланг свое наиболее устрашающее обличье и призвал к себе свою Силу. Золотисто-алым стало небо за спиной его, а землю до самого горизонта усеяли тела мертвых — обнаженные, с выступающими ребрами, с синей мокрой кожей, с вжатыми животами, с тонкими шеями, с закатившимися глазами. Были и другие — разлагающиеся, источенные червями, нещадно смердящие. Над равниной, усеянной мертвыми, летали стервятники, а следом за Йархлангом бежали собаки со слезящимися глазами, стертymi зубами и кровоточащими деснами.

Обратился Повелитель Падали к Мьяонелю:

— Приготовился ли ты к мучительной смерти?

— Разговаривай со мной повежливее, — сказал ему Мьяонель. — Велики твои владения и могущественна Сила, подчиненная тебе, однако же с недавних пор твой разум — *мое* владение, и я волен распоряжаться им по своему усмотрению.

Поднял тогда Йархланг руку, чтобы направить на Мьяонеля своих бесчисленных слуг, приказав им уничтожить чужестранца, но остановился прежде, чем вымолвил приказание. Подумал он вдруг: «Какого же все-таки цвета камни в амулете? Несомненно, зеленого.» — и взяв амулет в руку, посмотрел на него, чтобы убедиться в этой мысли. Но когда, посмотрев, отпустил он амулет, то понял наконец, что сделал с ним Мьяонель. Задрожал Йархланг, осознав, что отныне душа его находится во власти одного из Владык Безумия.

Потребовал Йархланг:

— Немедля избавь меня от этого наваждения!

Сказал ему Мьяонель:

— Я ведь уже предупредил тебя, раб — вежливее будь в обращении со мной, если не хочешь вызвать мое неудовольствие. Не начнем мы беседы,

пока не вспомнишь ты о манерах и надлежащем обращении.

Сказал тогда Йархланг:

— Милорд Мьяонель, прошу — избавьте меня от этого наваждения.

— Милорд Йархланг, отдайте мне мужчину по имени Альверд и женщину, называемую Дисой, — ответил Мьяонель. — Верните их к жизни и возвратите им все их таланты и все вещи, которых лишились они, умерев.

Поднялись тогда из тел, окружавших Повелителя Падали, два — одно принадлежало мужчине, а другое — женщине. Возвратил им Йархланг жизнь и одел в одежды, подобные тем, которые они имели прежде, и приказал своим слугам доставить из своего замка все их вещи.

Сказал Йархланг:

— Я сделал то, что вы просили. Исполните теперь свою часть договора.

Сказал Мьяонель:

— Пусть этот амулет останется у вас, милорд Йархланг. Не будет он больше иметь власти над вашим разумом, но всякий, кому вы дадите его, не найдет себе места, размышляя, какого же цвета глаза у золотого дракона: зеленые или алые? Предмет этот — выкуп за этих людей.

Сказал Йархланг:

— Принимаю я этот выкуп. Но какого же, на самом деле, цвета эти камни?

Спросил его Мьяонель:

— Разве теперь это имеет для вас какое-либо значение?

Подумал Йархланг, а после так ответил:

— Нет. В самом деле — удивительно, как я мог всерьез беспокоиться мыслью об этом?... Но скажи, проходимец: не боишься ли ты, что теперь, когда ты снял с меня свои чары, я обрушу на тебя свой гнев и убью за унижение, которому ты подверг меня?

Сказал ему Мьяонель:

— Означает ли это, милорд, что вы во второй раз желаете испытать мою Силу?

Ничего не ответил ему Йархланг на это, развернул своих слуг и удалился в сторону своих владений. Улыбнулся Мьяонель этому обстоятельству, и, соткав волшебную дорогу в город, где он оставил Сантрис, отправился туда вместе с людьми, которых Сантрис просила вызвать из-под власти Повелителя Падали.

Спросил Альверд Мьяонеля, пока шли они:

— Скажите, господин, для чего освободили вы нас из плена? Вряд ли мы сможем дать за себя большой выкуп.

Сказал ему Мьяонель:

— Не нужно мне от вас никакого выкупа. Помог я вам потому, что попросила меня об этом женщина, которую я когда-то сильно любил.

Сказала Диса:

— Господин, назовите нам имя этой женщины, чтобы мы могли молить богов за ее счастье и благополучие.

Ответил Мьяонель:

— Знакомо вам имя этой женщины: Сантрис, дочь Повелителя Обратней.

Сильно удивились Альверд и Диса, услышав это, и так сказали Мьяонелю:

— Воистину, необыкновенным могуществом обладаете вы, господин, если и мертвых слышите так же легко, как живых!

— Отчего же вы думаете, что она умерла? — Спросил их тогда Мьяонель.

— Более шестидесяти лет уже минуло с тех пор, — отвечала ему Диса. — Неподалеку от города, где живем мы, есть ее могила — если хотите, я могу показать вам ее.

Удивился Мьяонель, но ни о чем более не спрашивал их и не отвечал на их вопросы, пока не дошли они до города и не вошли в дом, где оставил Мьяонель свою спутницу. Однако здесь он не нашел ее — хотя и было заметно, что всю эту неделю кто-то жил в доме, и, возможно, покинул его лишь на короткое время. Тогда посредством волшебства Мьяонель отыскал девушку и отправился туда, где она находилась.

Увидел он, что она сидит на кладбище, перед могильным камнем, подошел и встал рядом. Руны, означавшие имя той, что была похоронена здесь, отчасти стерлись от времени, но все же еще можно было разобрать их.

Сказал Мьяонель девушке:

— Можно лишь подивиться, как легко ты обвела меня вокруг пальца. Но кто ты такая на самом деле и от чего столь похожа на мою бывшую возлюбленную?

Ответила ему девушка:

— Когда ты прогнал Сантрис из Башни Без Окон, она пришла в Хеллаэн и поселилась здесь, и прожила еще долгую жизнь. Была она замужем, и были у нее дети от того брака. Я — ее правнучка, и настоящее мое имя — Рола. Я знала, что сильно похожа на Сантрис, и знала так же, что время для Повелителей Стихий течет иначе, чем для смертных. Нетрудно было притвориться и позволить тебе увидеть в мне ту женщину,

которую ты знал когда-то.

Спросил Мьяонель:

— Для чего тебе был потребен этот обман?

— Диса — моя мать, — сказала Рола. — Пятнадцать лет назад на нее пал жребий, когда пришло время выбирать десять женщин, которых городской совет должен был отдать Повелителю Падали. Я была тогда маленькой девочкой, но дала себе клятву, что не успокоюсь, пока не верну ее из-под власти Йархланга. Для того я изучала Искусство, однако со временем поняла, что вряд ли когда-нибудь смогу сравниться в волшебстве с Обладающими Силой. В то время ко мне сватался один человек, Альверд, и мне он был по нраву, однако условием нашей свадьбы я поставила освобождение моей матери — тогда я была молода и жестока. Прошел год, и мой муж, добыв себе волшебный клинок, отправился во владения Повелителя Падали. Но шли дни, и он не возвращался оттуда. Мне удалось познакомиться с некоторыми другими Лордами Хеллаэна, но ни один из них не захотел помогать мне против Йархланга, ведь его они знали уже многие тысячи лет, а меня — всего несколько дней или месяцев. Тогда и решилась я на обман.

Сказал Мьяонель:

— Не по нраву мне этот обман.

Ответила Рола:

— Стал бы ты помогать мне, если бы знал правду?

Сказал Мьяонель:

— О другом обмане говорю я. Об обмане, что был между нами в ту ночь, которую ты провела в моей Башне. Не нравится мне думать о том, что то, что было меж нами тогда — только лишь цена, уплаченная тобой за жизнь твоего мужа и твоей матери.

— Отчего ты полагаешь, будто мне было неприятно то, что произошло между нами в Башне Без Окон? — Спросила его Рола.

— Значит ли это, что теперь ты собираешься оставить своего мужа?

— Нет, — ответила Мьяонелю Рола. — Ибо он дорог мне и искренне любит меня.

— Вот как? — Сказал Мьяонель. — Но останется ли его любовь столь же искренней, когда он узнает, что было между мной и тобой?

Помолчала Рола, а потом так сказала Мьяонелю:

— Я не хочу, чтобы Альверд узнал об этом.

Сказал Мьяонель:

— Твой муж получил тебя, хотя и не выполнил поставленного тобой условия. Ты также получила все, что хотела, хотя и посредством обмана.

Но что остается мне?
Сказала ему Рола:
— Ты бессмертен.

СЕМЕНА НЕНАВИСТИ И ВОЛШЕБСТВА

(история пятнадцатая)

Вследствие некоторых обстоятельств, связанных с женщиной по имени Рола и одним из Лордов Хеллаэна, Йархлангом, случилось так, что Мьяонель, Хозяин Безумной Роши, оказался в Темных Землях. Впрочем, те Земли он давно уже собирался посетить, ибо было ему известно, что здесь живет одна его дальняя родственница, Селкет: женщина с красивым лицом и высокой грудью, с телом и хвостом скорпиона, и с кошачьими передними лапами. Закончив те дела, которые привели его в Хеллаэн, Мьяонель отправился к ней в гости. Жила Селкет в Вечных Горах, что расположены на северо-восточной окраине Хеллаэне, а называются эти горы Вечными потому, что они стояли здесь еще прежде Разделения Сфер и прежде, чем родились первые Лорды Хеллаэна, и много прежде, чем появились в Хеллаэне растения, люди и животные.

Долго шел Мьяонель по Вечным Горам, долго поднимался на их неприступные вершины, лишённые даже снега и льда. Где-то далеко внизу под его ногами плыли облака, почти неразличимые с той высоты, на которую он забрался. Чудовищной силы ветра бушевали здесь — ревущие, неистовые, беспощадные. Затем утихли и ветра, уступив место невыносимому холоду. Исчезли все звуки. Здесь уже не было воздуха, пригодного для дыхания — только беспредельное черное небо, усеянное холодными, острыми звездами, жгучее дыхание предвечной пустоты и безжизненные скалы под ногами.

Наконец его путь был закончен. На высоком уступе возлежала Селкет. Ее длинное нечеловеческое тело было по-своему прекрасно: порождение эпохи, не знавшей ни смертных, ни их убогих представлений о порядке и красоте. Внизу, в долинах Хеллаэна тело Селкет могло бы показаться людям чудовищным, здесь же, среди скал и звезд, бывших прежде, чем зажглось зарево первого дня, оно выглядело не более противоестественным, чем сами камни и звезды.

Мьяонель остановился чуть ниже Селкет и посмотрел туда, куда смотрела она: а взгляд ее вот уже целую вечность был обращен к одному

лишь беспредельному небу. Так прошло некоторое время — может быть, часы, может быть, дни. В этом месте трудно было измерить время: солнце здесь никогда не появлялось, ибо это было небо Хеллаэна, луна была видна редко — и лишь звездный купол продолжал свое медленное, незаметное вращение.

Сказала Селкет беззвучно:

— Недавно здесь был Гасхааль. Он сказал, что ты был лишен сердца.

— Был, — согласился с Селкет Мьяонель.

— Зачем ты это сделал? — Спросила Селкет.

— Я потерял себя для того, чтобы найти себя.

Некоторое время Селкет молчала, а затем произнесла:

— Ты прав. Посмотри на меня. Что ты видишь?

— Я вижу Селкет, — ответил Мьяонель.

— Смотри не на суть, а на форму, — сказала ему Селкет.

— Разве она важна?

— Сейчас — да.

— Я вижу существо, в котором соединяются черты женщины, кошки и скорпиона. Еще мне кажется, что тебе было бы трудно сбросить эту оболочку и принять какой-нибудь иной вид. Почему это так? Что тебя связало? Ведь прежде...

— Ты видишь существо, не пожелавшее изменяться, — сказала ему Селкет. — Существо, не пожелавшее терять ничего из того, чем оно обладало изначально.

— Я помню, хотя и смутно, времена, когда у нашего народа еще не было плотских оболочек, — сказал Мьяонель. — Я помню, что по своему желанию мы могли становиться различными стихиями — водой, огнем, ветром, землей. Потом, когда возникла телесная жизнь, мы стали столь же легко принимать облики животных, людей и растений. Впоследствии этот дар многими был утрачен. Ты не захотела терять его? Желала быть всем сразу?

— Да, — сказала Селкет, — не хотела — но все равно обросла плотью. Желая получить все сразу, я стала существом, в котором соединились черты женщины, кошки и скорпиона. Прочие лучше приспособились к этому миру, чем я. Они научились отказываться — и ты, судя по твоему рассказу, также вполне постиг это искусство. А ведь без этого искусства невозможно никакое изменение.

— Может быть, — сказал Мьяонель. — Но есть существа, меняющиеся куда как быстрее, чем я. У меня была возлюбленная, с которой я расстался, когда потерял сердце. Спустя некоторое время ко мне пришла женщина, во

всем похожая на нее и попросила меня об одной услуге — и я выполнил ее просьбу, полагая, что имею дело со своей бывшей возлюбленной. Но впоследствии оказалось, что это не она сама, а ее правнучка. Что же касается женщины, которую я знал, то она давным-давно — по людским меркам — умерла. И все же я пребуду, когда умрет и эта женщина, и ее правнучка, и когда сгинет народ, который, возможно, выйдет из ее лона. Ты же останешься, когда сгину и я, и те, кто наследует мой титул.

— Возможно, — согласилась Селкет. — Но возможно, что и нет. Где ясноглазый ангел Рафаг? Где Гасхааль, этот смешной вороненок? Где Эмерхад, юный мудрец, знавший все языки Сущего?

— Рафаг умер у меня на руках, — сказал Мьяонель, — а что случилось с этими двумя?

— То же, — сказала Селкет, — что случилось со многими другими и случится с еще более многими — людьми, Лордами, богами.

Сказал Мьяонель:

— Пока что меня интересуют только эти двое.

— Если это так, — ответила ему Селкет, — то узнай об их судьбе сам.

— Ты упрекаешь меня за то, что я уже давно не видел никого из них и не спешил узнать, что сделало с ними время?

Сказала Селкет:

— Да. Упрекаю. Однако в том, что случилось с этими двумя, есть и моя вина. Я не предостерегла Гасхааля так, как следовало бы предостеречь его и не помогла так, как могла бы.

Сказал Мьяонель:

— Тогда предостереги меня и окажи мне помощь, которую не оказала Гасхаалу.

Когда он сказал это, отвратила Селкет свой взгляд от звездного неба и впервые посмотрела на родственника.

— Хорошо, — произнесла она, — я помогу тебе. Когда за твоей душой и Силой явится один из Стражей — позови меня.

С тем Мьяонель покинул ее и спустился вниз. Применяв волшебство, он хотел отыскать Гасхааля или Эмерхада, однако не нашел ни того, ни другого. Тогда он соткал волшебную дорогу и отправился на Вороний Остров, где, как ему было известно, с некоторых пор жил Гасхааль.

Великое запустение обнаружил он на том Острове. Большая роща, прежде окружавшая замок Вороньего Лорда, сильно поредела, а что до самого замка, то на его месте громоздились лишь обломки больших каменных плит, скрытые, впрочем, уже землей и пылью. Несколько ворон перелетали с места на места в том лесу, лишенном какой бы то ни было

иной живности.

— Привет, — сказал Мьяонель одной из ворон.

Сказала ворона Мьяонелю:

— Кто ты такой и что тебе здесь нужно?

Сказал Мьяонель:

— Мое имя — Мьяонель. Я пришел в гости к вашему хозяину.

Сказала ворона:

— Его сейчас нет на острове.

Спросил Мьяонель:

— Что с ним случилось? Где он сейчас?

— Ушел, — отвечала ворона.

— Он не сказал, куда? — Спросил Мьяонель.

— Не сказал.

— Когда он вернется?

Передернула ворона крыльями и бросила:

— Не знаю.

— Понятно, — сказал Мьяонель. И, помолчав, спросил:

— Кто его убил?

Встопорщила ворона перья и прокаркала разгневанно:

— Его нельзя убить, недоумок! Хозяин наш — вечен!

— Извини, — сказал Мьяонель вороне и пошел обратно к краю острова, размышляя о том, куда отправиться дальше и где искать Эмерхада.

Однако, та ворона, с которой он разговаривал (а может быть, другая — кто знает?) полетела за ним следом и уселась на дерево, мимо которого он проходил.

— Эй, проходимец! — Окликнула его ворона. — Ты-то сам кто такой?

Сказал Мьяонель:

— Я — Лорд. Иначе зовут меня и подобных мне Обладающими Силой. Еще называют нас Повелителями Стихий. Титул мой — Хозяин Безумной Роши. Есть у меня и второй титул — Владыка Бреда.

Сказала ворона:

— Это все ерунда. Сколь ничтожно, никчемно, бесполезно колдовство, которым ты обладаешь! А вот скажи, известна ли тебе Истина?

Сказал Мьяонель:

— Нет, не известна. Хотел бы я постигнуть Истину, однако полагаю, что вряд ли это возможно.

— Возможно, — уверенно сказала ворона. — И возрадуйся, ведь ты — в числе немногих, кому выпала столь необыкновенная, немислимая,

восхитительная удача!

Сказал Мьяонель:

— Какова же, по-твоему, Истина?

— Я знаю ее, — ответила ворона, — однако никакой язык не способен описать Истину. Стань одним из нас — и узнаешь ее.

Спросил Мьяонель:

— Ты предлагаешь мне стать вороной?

Сказала ворона:

— Да. Это — наикратчайший (и единственный) путь к постижению Истины и обретению подлинного смысла существования... Итак, ты согласен?

Сказал Мьяонель:

— Нет.

— Отчего же? — Спросила тогда ворона.

Сказал Мьяонель:

— Мне отчего-то кажется, что я еще не готов к подобной истине.

— Когда же ты будешь готов? — Спросила его ворона.

Ответил Мьяонель:

— Когда буду, тотчас же скажу вам об этом, — и пошел дальше.

— Мы запомним, — прокаркала ворона ему в спину.

Подошел Мьяонель к краю Острова и задумался, какую дорогу избрать и в какие Земли отправиться для поиска своих родичей. Стоя так, над пустотой, в которой парил Остров, заметил Мьяонель впереди и справа от себя некую дорогу. Увидел он, что широка эта дорога и пригодна для того, чтобы могла по ней, в случае нужды, переместиться многочисленная армия, и заинтересовался ею. Пошел он по дороге и вскоре приблизился к неким Землям, и вошел в них.

И вот, вступил он на высокий холм, окруженный лесом, и увидел, что прекрасен, чист и юн мир, в котором он очутился. Два солнца освещали эти Земли — одно яркое, по цвету подобное бирюзе, другое изумрудно-зеленое, и удивительные цвета рождало сочетание их лучей. Был полон еще этот мир первородной силы — дикой, едва обузданной, полон был смеха, редко еще сменяемого слезами. Появившись, в тот же час Мьяонель захотел поселиться здесь. Чувствовал он, что нет в этом мире никого, кто повелевал бы болотами и топями, чудесами, бессмысленными фантазиями и болезнями духа, кошмарами и разными необыкновенными явлениями. Призвал он свою Силу, и изменил место, где стоял, и окрестности его. Далее воздвиг он замок и окружил его Безумной Рощей, перенеся ее из места, где росла она прежде. Также прорастил он новые деревья из семени

Безумия, которое покоилось в нем самом. Отвратительным, необыкновенным, невозможным, пугающим, притягивающим стало место, измененное им. Безумие поселилось там и проросло в плоти Эссенлера.

И вот, прошло некоторое время, и альвы, обитавшие вблизи того места, заметили случившиеся в нем перемены. Тогда обратились они к Хозяйке Деревьев, Астане, чьи глаза подобны сияющим янтарным звездам, а волосы — лесному сумраку, к той, чьи руки — как тонкие хрупкие ветви, а губы — как лепестки роз, к той, чей голос звонок, как лесной ручей, а сердце холодно, как укрытое тенями озеро. Сказала Астана, выйдя к альвам из ствола священного вяза:

— Зачем вы позвали меня?

Сказал тогда один из альвов, выступив вперед:

— Госпожа, странным образом изменился лес, граничащий с нашими владениями. Вот, отправился однажды я в тот лес, и увидел, что много там больных и умирающих деревьев. И еще увидел я, что много там мха, лишайников, древесных грибов, лиан и иных подобных растений. Пошел я дальше в тот лес, и увидел, что много там гниющей, преющей травы и иной травы, черного и бурого цвета. Пушистая плесень покрывала там деревья и витала меж ними, подобно прядям волос. Дальше шел я, и видел молчащих птиц, и животных с пустыми глазами, и гусениц необыкновенных размеров, и слизней, и пчел, ползающих по земле, и прозрачных существ, подобных медузам, которые парили в воздухе. И еще я видел деревья, из которых сочился гной и сукровица, и деревья, из которых текла теплая кровь, и деревья, ветви которых на концах превращались в змей, а сами деревья двигались, как клубки черных гадюк, и иные деревья, из стволов которых выступали человеческие тела. Шел я дальше, и видел безголовых птиц, и волков со свалявшейся шерстью и глазницами, источенными червями, и существ, в которых соединялись черты людей и насекомых. Были там большие черные шары, состоявшие из гудящих мух, и движущиеся лианы, и ходячие трухлявые пни. Так же были там прозрачные, будто студенистые деревья — а неприятен был вид этих деревьев! Но я шел дальше, и вот, увидел прогалину, а за прогалиной — рощу, подобной которой никогда прежде не видел. Деревья в той роще были как черные тени, но чернота их была не сплошная, а текла и менялась, как постоянно течет, меняется и остается прежним зажженный огонь. Не стал я подходить к этой роще, и ушел прочь, но прежде заметил, что в центре рощи имеется некое строение, напоминающее укрепленную цитадель. Так же надлежит добавить, что когда возвращался я обратно, то повстречал некое существо, подобное альву, но черны были его глаза и

неприятен сам вид его. Был он одет в одежды бурых, черно-зеленых и черных цветов. Был у него в руках длинный черный лук. Увидев меня, наложил он на лук стрелу, наконечник которой был вымазан в чем-то желтом. Когда спросил я его, кто он такой, сказал он мне: «Я — дроу. Я и иные из моего народа обитаем здесь. Тебе же надлежит немедленно уйти отсюда. Передай своим родичам, и запомни сам: следующий из вас или людей, кто без дозволения войдет в этот лес, легко сможет остаться здесь — со стрелой в горле, подобной той, что наложена на тетиву моего лука.» И указал мне этот альв путь из того леса, и следовал за мной на некотором расстоянии, пока я не покинул его.

Сказала Астана:

— Нет никакого сомнения в том, что болезнь поселилась в том месте, и исказила рост растений, и умертвила деревья, и превратила альвов в существ, подобных тем, с которым ты встречался. Я немедленно отправлюсь туда для того, чтобы определить причину болезни и узнать, какое потребуется для нее лекарство.

Восхвалили ее альвы:

— Мудра ты и могущественна, Хозяйка Деревьев, Леди Астана, дарительница жизни, благая исцелительница.

Отправилась Астана в лес, указанный ей альвами. Однако неприятно было ей ступать по тому лесу, и от того приняла она обличье бесплотное, невидимое, неосязаемое. Так прошла она сквозь лес и везде замечала следы того, о чем ей рассказывал альв. Увидев же впереди рощу, состоящую из деревьев, будто бы сотканых из черного света, и почувствовав исходящую от той рощи некоторую Силу, приняла она телесное обличье, и призвала свою Силу. Тогда вышел к ней Хозяин Безумной Рощи и сказал:

— Рад я приветствовать вас, миледи, в своих владениях, хотя и незваной явились вы, и невежливо поступили, призвав на моей земле свою Силу.

Сказала Астана:

— Кто вы такой, что смеете называть эти земли своими?

Сказал Мьяонель:

— Но я и в самом деле владелец их, ведь моя Сила проникает здесь повсюду. Что до моего имени, то зовут меня Мьяонель.

Сказала Астана:

— Не законный владелец вы, а низкий захватчик. Издревле альвы, мои подданные, могли смело бродить по всем лесам Эссенлера. Ныне же какие-то существа, именующие себя «дроу» и являющиеся по природе своей, несомненно, следствием ваших черных чар и жалкой пародией на альвов,

смеют запрещать моим подданным появляться здесь!

Сказал Мьяонель:

— Кажется мне, что не так еще стар этот мир, чтобы «издревле» успело стать в нем нерушимым законом.

Сказала ему Астана:

— Не вам судить об этом. Не видела я вас на Совете Лордов и не слышала, чтобы вы испрашивали у Совета позволения жить здесь.

Сказал Мьяонель:

— Не знал я, что существует в этих Землях какой-то Совет, иначе непременно обратился бы к нему сразу же после своего появления. Однако, согласитесь, Леди Астана, что теперь мне было бы глупо испрашивать у Совета разрешения поселиться в Эссенлере — ведь я уже живу здесь. А как может кто-либо запретить или разрешить мне обитать в моих владениях?

Сказала Астана:

— Не ваши это владения, а мои.

Сказал Мьяонель:

— Все леса Эссенлера принадлежат вам. Неужели вам жаль земли, которую можно пройти из конца в конец всего-то за семь или восемь дней?

Сказала Астана:

— Подумать только, какая мелочь: земли, которые можно пройти из конца в конец всего-то за семь или восемь дней! А кто поручится, что вы не станете распространять свою Силу дальше?

Сказал Мьяонель:

— Поручкой тому — мое слово. Да и не нужно мне больше того, чем я ныне владею. Ведь сосредоточие моей Силы — та Роща, которую вы видите перед собой, а изменения, произошедшие в лесу, окружающем Рощу, вызваны всего лишь некоторыми поверхностными флуктуациями Силы.

Сказала Астана:

— Горько мне, когда гибнет даже и одно дерево прежде отведенного ему срока. Вы же погубили целый лес и наполнили эти земли ядом, разъедающим саму суть Эссенлера — а ведь яд всегда приводит к безумию или смерти.

Сказал Мьяонель:

— Еще яд может привести к странным грезам, необыкновенным ощущениям и поразительным открытиям относительно своей собственной природы, а в умеренных дозах может также служить и лекарством. Впрочем, у нас с вами разные представления о сути Рассветных Земель и об элементах, могущих таиться в той сути. Когда пришел я в этот мир, то

увидел, что свободно в нем место для Лорда, владеющего Силой, сходной с моей.

Сказала Астана:

— Нет в этом ничего удивительного, ибо не так давно изгнали мы отсюда всех негодяев, покушавшихся на колдовскую суть Эссенлера.

Тут вспомнил Мьяонель визит Гасхааля в Башню Без Окон, когда тот предлагал ему сотрудничество в завоевании некоего новорожденного мира, и спросил Астану:

— Скажите, а не было ли среди них владельца Вороньего Острова, Гасхааля?

Расхохоталась Астана, услышав это.

— Так я и знала, — промолвила она, — что вы с ним обязательно должны были быть знакомы! Несомненно, имеется между вами определенное сходство!

Сказал Мьяонель:

— Истину изрекли вы, ведь Гасхааль — мой родич.

Сплюнула при этих словах Астана на землю и так сказала:

— Немедленно убирайтесь прочь из моих владений вместе со своей Силой!

Спросил Мьяонель:

— А не было ли среди изгнанных или умерщвленных вами Лордов, другого, по имени Эмерхад, носившего титул Господина Знаков и Символов?

Сказала Астана:

— Он-то воевал на нашей стороне, и погиб от руки Гасхааля.

Сказал Мьяонель:

— Странно это обстоятельство, ибо Эмерхад так же состоял с нами в родстве.

Сказала Астана:

— Видимо, нашел он каким-то образом в себе силы перебороть столь дурную кровь!

— Если верно то, что вы говорите относительно поединка между ними, — сказал тогда Мьяонель Хозяйке Деревьев, — то не стану я требовать ни с вас, ни с ваших союзников виру за убитого родича.

В сильное бешенство привели Астану эти слова. Воскликнула она:

— Вот как?! Вы еще осмеливаетесь что-то требовать?! Повторяю вам в третий раз и в последний: убирайтесь отсюда подобру-поздорову!

Спросил Мьяонель:

— Миледи, уж не собираетесь ли вы вызвать меня на поединок Сил?

Было бы это с вашей стороны весьма неосмотрительно. Ведь известно, что у каждой Силы есть свои ограничения и свои преимущества. Вот вы, например, повелеваете деревьями, мой же титул — Хозяин Безумной Роши. Ваша Сила будет уязвима для моей в поединке. Однако если вы твердо решили прогнать меня отсюда, то лучше выставите вместо себя какого-нибудь поединщика.

Сказала ему Астана:

— Будет тебе поединщик.

С тем она ушла оттуда, и направилась во дворец Джордмонда-Законника, где всегда собирались Лорды, когда хотели обсудить дела, общие для них всех. Мьяонель же меж тем захватил еще несколько рошиц и болотистых низин, посчитав, что недружелюбие, проявленное первой же здешней Леди, которую он встретил, освобождает его от обязательства ограничиться той территорией, о которой он говорил Астане. Покамест не подозревал он еще, с какими силами ему придется иметь дело и не видел никакой явной опасности для себя в том юном мире, в котором поселился, и не знал, что один из Стражей постоянно живет здесь и даже входит в число восседающих в Совете.

Меж тем, все властители Эссенлера собрались в замке Законника и внимательно выслушали то, что им рассказала Хозяйка Деревьев.

Сказал Лорд Келесайн, Повелитель Молний:

— Необходимо известить этого пришельца о наших законах.

Встал тогда Архайн и сказал так:

— Разве не слышали вы, что рассказала нам Леди Астана? С пренебрежением отнесся этот пришелец к нашим обычаям и усомнился в праве Совета устанавливать законы, общие для всего Эссенлера. Надлежит нам придти к нему с сильным войском, чтобы отбить у него все сомнения относительно этого.

Сказал Зерем:

— Без всякого сомнения, именно так нам и надлежит поступить!

Сказал Келесайн:

— Легко разбросать семена вражды, но тяжело собирать урожай ненависти. Полагаю, следует дать ему возможность осознать свою ошибку и раскаяться в совершенном. Не знаю, принесет ли это какую-нибудь пользу, но даже знай мы наверняка, что останемся не услышанными, все-таки следовало бы известить его о последствиях, к которым приведет его пренебрежение нашими обычаями.

Сказала Астана:

— Хватило нам уже и одного Гасхааля! А ведь этот пришелец открыто

назвался его родичем и едва ли не осмелился требовать с нас виру за убитого! Впрочем, я против того, чтобы приводить в захваченные им земли большое войско. Он в Эссенлере недавно, и видно, что еще не успел распространить свою Силу. Что до его слуг и существ, несущих в себе отпечаток его магии — то их у него покамест не так много. Говорю вам, восседающие в Совете — как можно скорее надлежит уничтожить пришельца и все то, чего касалась его Сила. Я видела болезнь, которую он посеял в деревьях и в самой земле. Огонь — единственное лекарство для той болезни.

Сказал Джордмонд:

— Кажется мне, что так и придется поступить нам, потому что даже если ты, Астана, чья душа плачет и истекает кровью, когда умирает что-либо живое в Эссенлере, говоришь, что нет иного лекарства для той земли, кроме огня — значит это, что наверняка так все и есть на самом деле. Однако будет предоставлен чужеземцу шанс покинуть наши земли по доброй воле. Желал он поединка — что ж, пусть с сильнейшим из нас встретится в поединке! Если устрашится он — пусть уходит прочь, если вступит в поединок и проиграет — пусть купит свою жизнь ценой добровольного изгнания, если окажет в битве сильное сопротивление — пусть будет уничтожен!

Сказал Тарнааль:

— Так и будет.

Четверо вызвались идти с ним — Келесайн, Астана, Архайн, Навранд. И вот, отправились Лорды к владениям Мьяонеля. Остановившись у границы, обратились они к Хозяину Роши и позвали его. Когда вышел к ним Мьяонель, и приветствовал их, сказал ему Повелитель Молний:

— Беззаконно ты поступил, Лорд, вторгшись в чужие Земли и без позволения здешних властителей принеся в них свою Силу.

Сказал Мьяонель:

— Разве вы сотворили эти Земли? Я же не вторгался ни в чьи владения и ни с кем из вас ни начинал вражды. По праву первого поселенца объявил я своей эту область, прежде не принадлежавшую никому из вас.

Сказал Архайн:

— Прежде должен был ты испросить на то разрешения у Совета Лордов.

Сказал Мьяонель:

— Я сам из числа Обладающих, и не стану ни в чем испрашивать разрешения у равных мне.

Сказал Келесайн:

— И все же, надлежит тебе покинуть эти Земли. Ты Обладающий Силой, это я вижу, однако Сила твоя не творит, но лишь искажает то, что было создано другими.

Сказал ему Мьяонель:

— Владеешь ли ты всеми молниями и грозами, какие бушуют в этих и иных Землях? Владает ли Астана всеми деревьями и всеми растениями во всех мирах? То, чем владеете вы ныне, я не отнимаю у вас, а появившись здесь, подверг изменению лишь то, что никому не принадлежало.

Сказал Навранд:

— Из нитей многих Сил состоит суть Эсселера, но клубок этих нитей — один. Твоя же нить заставляет портиться иные нити, соседние с ней.

Сказал ему Мьяонель:

— По твоим словам я вижу, что ты еще очень молод. Много ли ты знаешь о Путях Сил? Я изучал эти Пути еще во времена, предшествовавшие появлению богов, однако и до сих пор не могу сказать, что знаю о них достаточно. Здесь, в Эссенлере, я посеял семена волшебства, и лишь одно из этих семян — Безумие, которым я повелеваю. Что вырастет из остальных? Я не знаю, ибо Царство Бреда подчас творит удивительные, непредсказуемые вещи.

Сказал Келесайн:

— Не нуждаемся мы в этих семенах. Если ты не уйдешь отсюда сам, мы непременно изгоним тебя, хотя и не хотелось бы мне начинать новой войны в Эссенлере.

Сказал Мьяонель:

— Если слова, сказанные вами прежде, не убедили меня, то бесчестьем и трусостью было бы признать вашу правоту сейчас, когда уговоры сменились угрозами. Вчетвером ли вы вступите со мной в битву, или найдется среди вас кто-то один, не забывший еще о чести и правилах поединка?

Сказал Келесайн:

— Взгляни на небо, о надменный глупец!

Посмотрел Мьяонель на небо, и увидел, что озарилось оно небывалым сиянием, и в центре того сияния движется к нему исполинская крылатая фигура со сверкающим мечом в правой руке. Крылья той фигуры — как ослепительные нити, как лучи, рассекающие небосвод на острые осколки, от горизонта и до горизонта. Великий страх объял Мьяонеля, когда увидел он приближающегося к нему Стража во всем величии его.

Сказал Келесайн Мьяонелю:

— Что ты скажешь теперь, о могущественный Лорд, не признающий

законов? Не желаешь ли отказаться от своих незаконных требований? Пока еще возможно остановить Тарнааля, Ангела-Стража, но никто не сможет спасти тебя, когда он обрушит на тебя свой клинок, потому что заключена в том клинке Сила даже большая, чем та, которую ты видишь сейчас перед собой!

Сказал Мьяонель:

— Какое отношение имеет один из четырех Стражей Мира к нашему спору?

Сказала Астана:

— Не просил ли ты поединщика? Вот твой поединщик.

Меж тем Тарнааль приближался. Даже и сам воздух начинал гореть, предчувствуя его появление. Вот, воздел он клинок, готовясь обрушить его на врага, и понял Мьяонель — ничто не спасет его, если хотя бы раз Страж коснется его этим клинком. Но вспомнил он в этот миг слова Селкет и позвал ее.

Появилась Селкет, и столь же исполинских была она размеров, как и сам Ангел-Страж. Прыгнула она на Тарнааля, не давая ему ударить ее мечом, и вцепилась в него зубами и лапами, и била его скорпионьим хвостом, разбрасывая вокруг капли яда. Капли те, падая на землю, вспыхивали столь сильным пламенем, что начинали гореть и воздух, и сама земля. Столбы багрового огня взвились под самое небо, и скрыли его клубами черного дыма.

Осыпая друг друга бесчисленными ударами, рухнули на землю Селкет и Тарнааль, и столь велики они были, столь могучи, что не смогла земля вынести их веса и раскололась под ними. Сквозь глубины земли, сквозь недра Эссенлера упали они в геенну Преисподней. Из пролома же вырвался глубинный огонь, и сжег вокруг многие земли, и окутал небо Рассветных Земель оболочкой пепла и копоти.

Вышла тогда из огня Ягани, Огненная Танцовщица, и сказала Обладающим Силой:

— Что вы творите, безумцы? Поколебалось даже и мое царство от того, что сделали вы здесь.

Сказал Келесайн:

— Не мы в этом виноваты, но вот этот негодяй, которого ты видишь перед собой.

Сказал Мьяонель:

— Я всего только лишь призвал Силу, равную той, которую вы обратили против меня.

Сказала Ягани:

— Нет мне никакого дела до ваших споров. Ломается твердь Эссенлера, выплескивается наружу его внутренний огонь, угрожая расколоть этот мир на многие части — а вы продолжаете спорить о том, кто из вас прав, а кто нет!

С теми словами скрылась она в пламени и стала собирать его, возвращая в недра Эссенлера, и гасить многочисленные пожары, бушевавшие на его поверхности. Навранд присоединился к ней и сомкнул края провала, куда рухнули Тарнааль и Селкет, а Астана принялась целить деревья и возвращать жизнь сожженной, спекшейся, скрытой пеплом земле.

Однако Келесайн не спешил присоединиться к ним. Так он сказал Мьяонелю:

— Я был в числе тех, кто убеждал Совет начать с тобой переговоры — но теперь вижу, что правы были призывавшие уничтожить тебя безо всяких переговоров. Я помогу другим Лордам исцелить раны Эссенлера — но прежде, чем устранять следствие болезни, надлежит удалить причину ее!

Сказав так, призвал он Меч-Молнию и напал на Мьяонеля. Хотел было Мьяонель защититься своей Силой, но слаба была в тот час его Сила, потому что сильно пострадала Роща от пламени, вырвавшегося из глубин Рассветных Земель. Десятки теней-деревьев взметнулись вокруг Мьяонеля, но раскололи их сотни молний, и остался Владыка Безумия без всякой защиты. Захотел он надеться безумием пламя, которое окружало его, но не успел, и не имел сил, чтобы сопротивляться напору другого огня, вытеснявшего, разрушавшего, истреблявшего огонь, отравленный им. Оказался он в сердцевине пламени — пронзительно-белого, исперщенного нитями молний, и, не видя своего противника, не мог свести его с ума. Могущественен был Лорд Келесайн и опытен в поединках, мудро пользовался преимуществами своей Силы и укрывал преимуществами ее недостатки. Ударил он Мьяонеля в грудь своим мечом, который мог вытягиваться на любое расстояние, и уничтожил его без всякой жалости. Затем он поднялся в небеса, чтобы омыть небо от копоти и вернуть к жизни всех птиц и иных воздушных существ, которые погибли от огня и дыма.

СТРАЖИ

(история шестнадцатая)

...Долго падали вниз Тарнааль и Селкет, не переставая сражаться друг с другом и нанесли друг другу множество ран. Ломались долины Нижнего Мира, крошились горы, выплескивались во вне огненные моря Преисподней. Подобно павшей звезде пронзили они земли Владык Ада и огненные пещеры, лежавшие ниже тех владений, населенные ифритами и духами черного пламени. Упали они на острые алмазные скалы, высившиеся в нижней части тех исполинских пещер, и раздробили скалы в мелкое крошево. Многократно уже были ранены они оба, однако продолжали бой, не взирая на раны. Поначалу ни один из них не мог взять верх, потому что равны были их силы, хотя и имели разную природу и происхождение. Однако Тарнааль обладал не только своей Силой, но и другой Силой, заключенной в клинке, который некогда был подарен ему людьми, Лордами и порождениями магии. Хотя погружена была в беспробудный сон эта Сила, боль Тарнаала и ярость схватки пробудили ее на короткое время. Поднял в этот миг Тарнааль свой меч и обрушил его на Селкет — и увидел он, что расплзлась плоть мира, и в возникшей трещине проглянуло темное, не имеющее цвета Дно Миров. Сбросил Тарнааль туда Селкет и сам едва удержался на краю, но успел вовремя отступить. Был он сильно утомлен битвой и жестоко изранен. Кроме того, его мучил яд, которым отравила его женщина-скорпион. Но недолго отдыхал он, ибо губительным было для него пламя Преисподней, и, чтобы излечиться от ран и от яда, следовало ему сначала покинуть это место. Пошел он наверх по мрачным дорогам Преисподней, по огненным ступеням, по мостам над бездной, по тропинкам, узким, как лезвие. Драгоценной кровью, сверкающей, как солнце, многоцветной, как радуга, окроплялся его путь, и кровь его, падая на камни Преисподней, приобретала вид больших драгоценных камней, свечение которых страшило демонов.

Пытались некоторые ифриты и духи черного пламени преградить ему дорогу, но стоило ему взглянуть на них, а им — на клинок, который нес он в руке, как мигом исчезало у демонов желание в чем-либо ему препятствовать. Тогда обратились обитатели Преисподней к Демону-Стражу, бывшему у них покровителем, и сказали ему:

— О могущественный! Необыкновенное, небывалое происходит в твоих владениях, а ты и не знаешь! Некто сияющий, подобный обликом богу поднимается наверх из самых глубин ада, оставляя за собой дорогу, на которую мы не смеем вступить. Но не для того ли он торит эту дорогу, чтобы ушли за ним многие, наказанные обитать здесь? А ведь начал он эту дорогу от самой трещины, проникающей до Дна Миров! Страшно нам, когда мы думаем, кто может подняться по этой дороге вслед за ним: те, кто доньше заточены были на Дне, и те, чье обиталище — Бездна! Великая война начнется тогда в Преисподней, ибо страшны в бою обитатели Бездны и обитатели Дна!

Сказал Демон-Страж, Хранитель Юга:

— Обязан я самолично разобраться в этом происшествии.

С тем последовал он до трещины, на которую указали ему ифриты и духи черного пламени, а затем, взбежав верх по языкам багрового огня (ибо он мог двигаться в Преисподней так же легко и быстро, как Тарнааль — в небесах), догнал уходящего. Увидел он, что идущий — другой Страж, неведомо каким образом оказавшийся в его владениях, и ухмыльнулся этому обстоятельству. Подумал он: «Если я сумею победить его и заточить здесь, изменится равновесие миров, которые храним мы, и придет в иное, более удобное для меня положение. Нетрудно будет одолеть его, ибо я вижу, что сильно он изранен.»

Сказал он, появившись перед Тарнаалем:

— Брат мой, что привело тебя в эти области?

Сказал Тарнааль:

— Дело, приведшее меня сюда, я уже исполнил и теперь возвращаюсь обратно.

— Не ты ли рассек плоть мира и разрезал печать, которой запечатано Дно? — Спросил его Демон-Страж.

Сказал Тарнааль:

— Я. Но не думаю, что тебе, в твоих владениях составит большого труда восстановить эту печать.

Сказал Демон-Страж:

— Это не имеет никакого значения. Ты явился в мои владения и станешь моим пленником. И если спросят меня другие миродержцы, по какому праву я поступил так, найдется у меня перед ними оправдание. Ты прибег к магии, которая считается запретной — а ведь мы, Хранители, поставлены оберегать эти запреты и следить за их соблюдением!

С теми словами он бросился на Тарнааля и увлек его за собой, а Тарнааль не мог даже и поднять руки с мечом, чтобы защититься, ибо

силен был Демон-Страж в Преисподней, своей вотчине, а сам Тарнааль сильно ослабел от яда Селкет и ран, которые она нанесла ему. И вот, принес его Демон-Страж в глубокое подземелье и, соткав сеть, накинул ее на крылья Тарнааля. Затем он соткал другую сеть и связал ею его руки, затем связал его ноги, опутал туловище, грудь и шею. И вот, осталось ему набросить последнюю сеть на Тарнааля, чтобы навсегда похоронить его в глубинах Преисподней, как появился вдруг рядом с ними семилетний мальчик и сказал Демону-Стражу:

— Сними с него свои сети.

— Кто ты такой и как очутился здесь? — Спросил его Демон-Страж. Но затем, подумав, заметил:

— Впрочем, это не имеет никакого значения. Сначала я закончу то, что начал со своим пленником, и заберу себе часть его владений, а потом спеленаю и тебя, и допрошу с пристрастием.

Сказал ему мальчик:

— Ступай прочь. И не забудь починить прореху на Дно Миров, образовавшуюся в твоих владениях.

И изгнал мальчик Демона-Стража так легко, будто бы не был тот в числе самых могущественных Владык Преисподней, а был всего лишь бессильным мороком. Мальчик же распутал сети, которыми был связан Ангел-Страж, и сказал ему:

— Возвращайся туда, откуда пришел.

Спросил его Тарнааль:

— Кто ты? И какой Силой обладаешь, если распоряжаешься Демоном-Стражем так легко, да еще и в его владениях?

Сказал ему мальчик:

— Столь же легко буду я распоряжаться и тобой, Ангел-Страж, если мне это понадобится. Ты знаешь меня, хотя прежде не видел ни разу. Я тот, кто много раз умирал, но никогда не рождался; также можно сказать, что я тот, кто много раз рождался, но никогда не умирал.

Тогда сказал ему Тарнааль:

— Я знаю тебя, господин. Ты — Предсказанный нам, ты — слабейший ребенок в народе, который почитают слабейшим, ты — Судья Стражей! Но скажи, господин, верно ли то, что я делал? Не допустил ли в чем ошибки или небрежения?

Сказал ему мальчик:

— Как мне судить тебя? Ты делал лишь то, что соответствовало твоей природе, и творил лишь то, что полагал должным. Суди себя сам, и если хочешь, чтобы ты был оправдан на этом суде, никогда не задумывайся о

том, что и другие творят то, что полагают должным и делают то, что вытекает из их природы.

Сильно удивив Тарнааля теми словами, мальчик исчез, а Владыка Небес, Хранитель Севера, Ангел-Страж Тарнааль отправился наверх сквозь различные области Преисподней. Долго шел он, но наконец миновал владения тамошних Лордов и пересек Преддверие. Вернулся он в Эссенлер и излечил свои раны. Затем отыскал он Келесайна, Повелителя Молний и так сказал ему:

— Спасибо за клинок, который ты подарил мне, ибо он сильно помог мне в битве с чудовищем, которое натравил на меня этот мятежник. Но скажи, что стало с ним?

— Он убит моею рукой, — сказал Келесайн.

Тяжело покачал головой Ангел-Страж и так молвил:

— Плохо, что вы не пленили его и не дождались моего возвращения. Ты уничтожил только его тело и изгнал из пределов Эссенлера его Силу, однако не исключено, что где-нибудь он сможет возродиться и зализать свои раны.

Сказал Келесайн:

— Пусть даже и так. Но если он осмелится вернуться сюда, подвергнем мы его конечной смерти и разрушим не только его тело, но и его Силу, и саму душу!

КОРОЛЬ

(история семнадцатая)

Некой страной правил могучий король. Был он зрелых лет — не вспыльчивый юноша, но и не немощный старец, был он справедлив — не жестокий тиран, но и не безвольная кукла, которой всякий может управлять, как хочет, и был он умен — благодаря не только книжной мудрости, но и большому опыту и природным дарованиям. Хорошо правил он своим королевством, и счастливы были люди, обитавшие в нем. Случались, впрочем, и войны между вассалами короля, и разные преступления, но никогда за время правления этого короля большая беда не приходила в его королевство. Звали короля Тедорих.

Вот, однажды выехал он из своего дворца и в сопровождении свиты отправился в город посмотреть, как живут его подданные. Везде находил он улыбки и слышал радостные приветствия, и были эти улыбки и приветствия для него лучшей наградой за труды и усилия, потребовавшиеся, чтобы привести страну к благосостоянию. Но вот, когда уже собирался он возвращаться обратно, и проезжал по узкому мосту через реку, бросился к его коню отвратительный нищий, и, вцепившись в сапог короля, так крикнул ему:

— Что ты делаешь, слепой безумец?! Как можно скорее оставь это место, ибо не предназначено оно для тебя и подобных тебе!!!

Неприятно удивился король этим словам. В то время подоспели королевские телохранители и оттащили, награждая пинками и затрещинами, нищего от своего господина. Но сказал Тедорих своим телохранителям:

— Оставьте его, ибо я желаю говорить с ним, и определить, какая была допущена к этому человеку несправедливость, за которую он столь сильно возненавидел меня.

Хотел он доставить нищего в свой дворец, вымыть его, накормить и дать ему новую одежду. Однако отказался нищий и от первого, и от второго, и от третьего.

Сказал он:

— Ничего я не возьму от тебя и не стану есть пищи, приготовленной в твоём королевстве.

Спросил его Тедорих:

— В чем причина твоей неприязни ко мне?

Ответил ему нищий старик:

— Ошибаешься ты, полагая, что движет мной неприязнь. Более всего на свете люблю я тебя, Тедорих, больше собственной жизни и самой души, иначе бы не пришел к тебе.

— Для чего тогда ты оказываешься принять от меня пищу и новую одежду? — Спросил его король. — Для чего говоришь, будто нет для меня места в моем королевстве?

Сказал ему нищий:

— Тедорих, ты видишь не то, что есть на самом деле. Мнится тебе, будто ты — могущественный властитель, и велико число твоих подданных, и имеется у тебя много забот, связанных с ними. Так же полагаешь ты, что подвалы твоего дворца полны великих сокровищ, и прекрасны и стройны твои наложницы, и сладкоголосы твои музыканты, и сильны твои вассалы и верны тебе. Поверь мне, это — лишь лживая иллюзия, в которую ты веришь лишь потому, что она сладка для тебя.

Сказал ему король:

— Я слышал о подобных учениях. Если ты искренне исповедуешь то, о чем сейчас поведал мне, оставайся и живи в моем королевстве, и даже проповедай свое учение другим людям, если хочешь, потому что я не вижу в нем большого вреда. Сам я, хотя и не разделяю твоей веры, охотно буду слушать тебя и говорить с тобой о философии и устройстве мира, когда будут решены все дневные дела и подойдет время вечерних бесед.

Закричал нищий:

— Это не философское учение, но истина! Слепец, ты не видишь и не можешь принять больше того, что имеется у тебя перед глазами! Нет у тебя ни подвалов, наполненных сокровищами, ни стройных наложниц, ни многочисленных слуг, ни верных вассалов! Нет у тебя ни городов, ни подданных!

— Что же у меня есть, о крикливый старик? — Спросил Тедорих с усмешкой. — Как ты сумеешь разубедить меня в том, что сейчас я стою в окружении верных мне людей, на одной из окраинных улиц столицы моего королевства?

Сказал ему старик:

— Ты и вправду стоишь на том, что имеет вид улицы, в окружении того, что имеет форму людей. Однако ты ошибаешься, полагая, что находишься в большом городе. Ты видишь только эту улицу, но я скажу тебе — стоит повернуть за угол, и можно будет узреть, как дома плавают и

текут, словно воск, и превращаются в то, что по виду подобно тесту, но течет и пенится, как молоко.

Громко рассмеялись солдаты, услышав слова старика, да и сам король с трудом удержался от улыбки.

— Это, — сказал он нищему, — легко проверить.

И вот, отправились они к ближайшему перекрестку и посмотрели на другую улицу. Красива была эта улица: дома там имелись двух, трех и даже четырехэтажные, сложенные из булыжников и деревянных перекрытий. На верхних этажах, нависавших над улицей, крепились изящные балкончики — так близки между собой были эти балкончики, что соседи, выйдя на них, могли спокойно переговариваться через улицу, не повышая голоса. Что до улицы, то ходили по ней юные девушки, ковыляли старухи, разгуливали лоточники, пробегали мальчишки, и расхаживали, следя за порядком, усатые стражники в начищенных кирасах.

Улыбнулся король, увидев эту картину, ибо она была мила его сердцу, и посмотрел на нищего старика.

Старик же, увидев это, задрожал, как будто от сильной злобы, и упал на землю, колотя по ней руками и изрыгая страшнейшие проклятья.

Сказал тогда королю один из его телохранителей:

— Сир, не лучше ли сопроводить этого одержимого в один из тех приютов, которые вы повелели открыть для нищих стариков и старух, а также для калек и убогих? Ибо без всякого сомнения — сильно помрачен его рассудок.

Однако не успел Тедорих ответить, как вскочил нищий с земли и что было силы толкнул солдата. Но воитель остался недвижим и уже протянул было руку, чтобы схватить старика, однако последнему удалось избежать этого и снова ухватиться за сапог короля.

— Не я одержимый, — закричал нищий, — а все вы! Впрочем, что я говорю — вас ведь и не существует вовсе! О мой Тедорих, знай, что когда ты идешь куда-либо, возникают сами собой и улицы, и люди, которых ты считаешь своими подданными! Даже и далекое голубое небо над твоей головой — не более, чем мираж, предназначенный для тебя одного! Там, где не видишь ты это небо, оплывает оно и становится частью меняющегося теста, среди которого обитаешь ты, полагая, будто живешь в своем королевстве. Так же и место, остающееся за твоей спиной, перестает существовать в тот же миг, когда ты отводишь от него взгляд!

Сказал король, оглянувшись на улицу, которую они миновали:

— Не вижу я в ней никаких изменений. — Мягко и исполнен жалости был голос короля, когда говорил он это.

— Только потому, что ты смотришь на нее, она вновь приобрела строгую форму! — Сказал старик.

Молвил тогда король, обращаясь к одному из своих телохранителей:

— Джакопо, дойди до другого перекрестка и скажи нам, что ты видишь.

С ухмылкой, часто оглядываясь на безумного старика, сильно развеселившего всю королевскую свиту, исполнил Джакопо королевское приказание. Крикнул он, дойдя до другого перекрестка:

— Узкую улочку вижу я, которая заканчивается тупиком. В том тупичке стоит тележка, запряженная ослом с двумя белыми пятнами на голове, а под ослом лежит здоровенная куча навоза!

Расхохотались люди из свиты Тедориха, услышав этот рассказ, и подъехав ближе к Джакопо, убедились, что так все оно есть на самом деле. Так же подъехал и король, и увидел, что заканчивается переулок тупиком, в котором стоит телега с ослом, имеющим на голове два белых пятна, а под хвостом у осла лежит большая куча навоза.

— Что ты теперь скажешь, старик? — Спросил король нищего.

Ответил нищий:

— О мой Тедорих! Не людьми окружен ты, а тем, что лишь имеет форму людей и издает звуки, подобные тем, которые издают они. Так же, как лепятся улицы при твоём появлении, слеплены эти люди — но исчезают они, когда ты теряешь их из виду и возвращаются в породившую их стихию, а при нужде возникают снова и разговаривают с тобой, как будто бы и не исчезали.

Сказал, усмехнувшись, король своему человеку:

— Джакопо, правду ли говорит этот старик, что вы не живые люди, а лишь куски теста, которое имеет вид и облик людей?

Ответил ему Джакопо, дурачась:

— Как будет тебе угодно, мой король! Согласен я считаться и слепленным из теста, если за то повысят мое жалование!

Сказал король другому человеку из своей свиты:

— Иниго, а ты что скажешь на это?

Сказал тот человек (а был он рыцарского происхождения):

— Никому не позволено надсмехаться над моим родом и сомневаться в моем происхождении! Даже и от тебя я не потерплю насмешек в этом, мой государь.

Сказал ему Тедорих:

— Не держи на меня зла, ибо не хотел я тебя обидеть или чем-нибудь задеть твою честь. Не думал я, что тебя заденут те абсурдные речи, которые ведет этот старик.

Сказал королю рыцарь Иниго:

— Государь, я воин, а не шут и не циркач, и от того плохо разбираюсь в разных шутках. Кажется мне, что и впрямь лучше всего было бы отвести этого нищего в приют, ибо грешно глумиться над юродивым.

— Мой Тедорих! — Закричал нищий. — Не слушай его и не придавай тем звукам, которые издает он, никакого значения! Окружающие тебя големы ведут себя так, как положено обычным людям и говорят так, как говорили бы те на их месте!

Молвил тогда король:

— Не раз бывал я в битвах, и видел, как умирали мои люди, или бывали тяжело ранены. В жилах их, я знаю, течет теплая красная кровь — а ведь големы, как написано в книгах, должны были бы состоять из глины, из дерева или из камня, или, как говоришь ты, из субстанции, подобной тесту.

Сказал нищий:

— Субстанция эта может принимать любой цвет и вид. Если могла она над твоей головой принять вид голубого неба, то с той же легкостью может принять и вид красной крови!

Сказал ему король:

— Если эта субстанция принимает ту форму, которую я желаю видеть, почему еще случаются в моем королевстве преступления и беззакония? Почему время от времени происходит у меня война с соседями? Ведь если то, что говоришь ты, верно, давно должны были покориться моей власти все соседние государства.

Сказал нищий:

— Случаются в твоей стране преступления и распри для того, чтобы ты мог вершить свой мудрый суд и не ощущать себя здесь ненужным. Соседи же твои — не короли, подобные тебе, но Владыки Безумия, и их забавляют войны, которые ты ведешь с ними. Солдаты вражеских армий — та же субстанция, о которой говорил я, и отважно дерутся эти солдаты для того, чтобы ты мог проявить еще большую отвагу, побеждая их.

— Рассуждая подобным образом, — произнес король, — можно предположить также, что эта субстанция могла принять вид отвратительного нищего, сочиняющего разные небылицы. И если ты станешь отрицать это, спрошу я тебя, отчего я должен верить твоим словам больше, чем словам верных мне людей?

Сказал ему нищий:

— Мой Тедорих, нет у меня доказательств, которые убедили бы тебя в правдивости моих слов. Надеюсь я лишь на то, что ты поверишь моим словам вопреки тому, что видишь. И еще я надеюсь на то, что, быть может,

пробудятся в тебе некие воспоминания относительно меня, ведь некогда мы с тобой близко знали друг друга!

Сказал ему король:

— Не узнаю я тебя, старик, и твердо уверен, что вижу тебя впервые.

Сказал ему нищий:

— Я — твой отец, неужели ты не узнаешь меня?

Возмутились, услышав это, люди короля, и так сказали Тедориху:

— Надлежит немедленно убить его, или силой отвести в приют, ибо дерзки и безумны речи, которые ведет он. Прислушиваться к тем речам или даже допускать, чтобы они звучали открыто — значит подстрекать народ к мятежу и оскорблять память вашего отца, который был нам добрым государем.

Заплакал тогда нищий и так обратился к королю:

— Выслушай меня, Тедорих! Некогда был я волшебником, и было у меня два сына. Не из великих я был волшебников, но и не из малых. Младший мой сын, Танталь, имел некоторый талант к магии, хотя и не желал ей учиться должным образом. Старший же, напротив, был прилежен. Но он не имел таланта. Обидным казалось старшему, что младший превосходит его во всем, хотя и не прикладывает к тому усилий, а он сам не может, даже и посредством долгих трудов, достичь и десятой части того, что доступно младшему. Также была у старшего жена, которую он сильно любил, однако стал он со временем замечать, что все чаще и чаще смотрит эта женщина на его брата, который был красив и молод. Также отец их обоих отдавал предпочтение младшему, ибо ближе, чем старшие, младшие дети родительскому сердцу.

И вот, углубился старший в изучение книг, опасных для разума, надеясь отыскать там способ стать кем-то большим, чем был он сам. Не желал он оставаться вторым в сердцах тех, кто был ему дорог, но хотел заслужить у них любовь и уважение. Однако, как говорил я уже, не обладал он талантом к магии и от того не смог избежать некоторых ловушек, таившихся в книгах, которые читал он. Он повредился рассудком и ушел в Царство Безумия, и стал его пленником, а его отец и брат не могли последовать за ним и как-нибудь помочь ему, потому что только тот может войти в это Царство, кто несет его в себе самом. Но вот, когда узнал отец полную цену горя и отчаянья, пришел к нему в дом некий человек (а был этот человек — из могущественных). Спросил человек: «Чем славен этот дом?» Сказал ему отец: «Нет здесь никакой радости или славы, но погружены все обитатели этого дома в глубокий траур, ибо сын мой сгинул в Царстве Безумия.» Сказал человек: «Наверное, ошибаешься ты, говоря,

что нет в твоём доме ничего необыкновенного. Привели меня к твоему порогу Пути Силы, и чувствую я, что можем быть мы друг другу полезны, ведь я — из числа Владык Безумия.» Сказал хозяин дома: «Милорд, прошу, верните мне моего сына.» Сказал ему пришелец: «Не я забирал твоего сына. Однако я могу попробовать отыскать его. Но скажи, каким образом он повредился в рассудке и что было тому причиной?» Сказал ему отец: «Есть у меня в доме некая книга, не предназначенная для людей, но лишь для Обладающих Силой или волшебников, равных им в Искусстве. Книгу эту написал Агравис Мудрый, а мой прадед добыл ее из Вороньего Города, из дома ученика Агрависа, когда опустел этот город после второго появления там Гасхаала. Сходит с ума всякий, открывающий эту книгу, и никто не знает, что написано в ней — подозреваю, что сын мой, понадеявшись на удачу, открыл книгу Агрависа и повредился в рассудке.» Сказал тогда пришедший: «Твой рассказ заинтересовал меня. Отдай мне эту книгу — и, обещаю, помогу тебе отыскать твоего сына в Царстве Безумия.» Сказал отец пришедшему: «С радостью.» И вот, вступили они в Царство Безумия, и долго шли там, но сила Владыки хранила отца от опасностей дороги, пролежавшей сквозь это Царство. Отыскали они и место, где ныне обитал старший сын, забывший о том, что было с ним прежде. Отныне он жил в собственном королевстве, созданном из податливой материи Бреда, и полагал, что родился в этом королевстве и давно правит им. Сказал Владыка Безумия своему спутнику: «Иди к нему. Если сумеешь разубедить его в истинности того, что он видит и увести его из этого места — освободится он от заклятья, что наложил на себя сам. Если же нет — не обессудь: он останется здесь.» Тогда пошел отец к своему сыну и стал умолять его вспомнить о прошлом, которое связывало их и поверить его словам... Вспомнишь ли ты, Тедорих, это прошлое? Поверишь ли мне?

Сказал король нищему:

— Занимательную историю изобрел ты, и, будь мы персонажами какой-нибудь сказки или поучительной истории — обязательно надлежало бы мне поверить тебе, и пойти с тобой, ибо чувствую я, что ты искренне веришь в то, что говоришь. Однако есть у меня многие обязательства и многие дела ждут меня во дворце, и не стану я больше тратить время на выслушивание твоих глупостей.

Воскликнул нищий:

— Прошу, поверь мне, Тедорих! Совсем рядом дожидается нас Владыка Безумия — а он не станет ждать долго, и если уйдет он, нас не дождавшись, никогда уже не сможем мы отыскать обратную дорогу!

Спросил король старика:

— И где же находится этот Владыка?

Сказал старик:

— Не так далеко отсюда — до него всего только двести или триста шагов.

— Что ж, — сказал тогда король своей свите. — Это не так далеко. Последуем туда и посмотрим, на кого укажет нам этот старик.

И вот, поехали они за стариком, и выехали из города, и ехали так некоторое время. Сказал тогда король старику:

— Проехали мы уже куда больше двухсот или трехсот шагов, о которых ты говорил. Где же могущественный волшебник, которого ты обещал показать нам?

Сказал старик:

— Искажаются и удлиняются расстояния, пока мы идем в ту сторону, и причина этого искажения — ты сам. Мы идем, но не приближаемся к Владыке, а остаемся внутри твоего королевства, подобно белке, крутящейся в колесе.

Разгневался тогда король и сказал нищему:

— Надоели мне твои выдумки. Захочешь есть — ступай в приют, о котором я говорил тебе: там тебя накормят. Но не смей более досаждать мне и приближаться ко мне.

С тем развернул он коня и поехал обратно, и свита его поскакала за ним. Последовал за ними и старик, продолжая умолять короля поверить его словам, но отогнали его телохранители тычками и пинками, и едва не был он раздавлен копытами их коней. Так добрел старик до королевского дворца, и хотел войти внутрь, но стражники, охранявшие дворец, пригрозили, что хорошенько поколотят его, если немедленно не уберется он прочь. Тогда, плача и изрыгая проклятия этому городу, удалился от них старик.

И вот, миновал он улицу, затем другую, и увидел, как искажаются и оплывают, подобно расплавленному воску, крыши и стены домов, и смазываются черты человеческих лиц, а сами люди будто тают и вливаются в мостовые. Небо над ним теряло свой цвет и стекало вниз большими каплями, подобно густой, клейкой слизи, и мешалось с улицами и людьми. И вот, пройдя еще некоторое расстояние, увидел он Пульсирующую Долину, и стоявшую в той Долине фигуру, которая поджидала его. Подойдя ближе, обратился старик к фигуре и сказал так:

— Ты обманул меня, Мьяонель! Ты знал, что уговорами невозможно увести моего сына из королевства, которое создает он своими мечтами!

Исполни наш договор и верни мне моего сына!

Сказал ему Мьяонель:

— Разве об этом был наш договор? Я обещал привести тебя в Царство Безумия — и привел. Более нет у меня перед тобой никаких обязательств.

— Будь ты проклят, — сказал ему тогда старик, — за этот обман.

Молвил Мьяонель:

— Несправедливы твои слова. Исполнил я наш договор.

Крикнул тогда старик:

— Взываю к твоему милосердию! Прошу — без всякого договора помоги мне вернуть моего сына.

— Благодарение, оказанное одному человеку, может обернуться для другого жестокостью, — сказал Мьяонель. — Для чего мне лишать человека, называемого Тедорихом, всего, что ему дорого, тебе в угоду? Разве он несчастлив?

Сказал старик:

— Фальшивое это счастье. Общается он лишь с порождениями собственной мысли и повелевает не людьми, но иллюзиями.

Рассмеялся Мьяонель, услышав эти слова:

— Неужели ты полагаешь, — спросил он старика, — что мир, в котором ты жил прежде, чем-то отличается от мира, в котором обитает Тедорих? Уверен ли ты, что существовало еще хоть что-то, кроме большой библиотеки, которую ты видел вокруг себя, или твоего кабинета, в котором ты работал, или улицы, по которой ты прогуливался? Уверен ли ты, что во время этой прогулки дома за твоей спиной не оплывались и не текли, подобно расплавленному воску?

Сказал старик:

— Не пытайся свести меня с ума, Владыка Безумия. Я твердо знаю, что мир, в котором я обитал прежде — реален, и ты никак не убедишь меня в обратном.

Сказал Мьяонель:

— Не кажется ли тебе, что твои слова чем-то похожи на то, что говорил тебе Тедорих?

Сказал ему старик:

— Пусть будет так, Мьяонель. Но я-то могу видеть Царство Безумия, а он не мог оторваться от иллюзии, что была у него перед глазами.

Спросил его Мьяонель:

— Не потому ли это, что ты, а не он, в свое время открыл Книгу Безумия?

Сказал старик:

— Кто же тогда Тедорих и откуда я знаю о нем? Не найдется у тебя на это никакого ответа!

Сказал Мьяонель:

— Ты рассказал Тедориху некую историю — позволь, я расскажу тебе другую. Жил некий человек, и был вокруг него мир, который он творил собственным воображением — полагая, впрочем, что ничего не творит, но просто живет в своем мире. Жил он там долго, и было у него двое сыновей. Один из них был талантлив и красив, второй же не обладал ни красотой, ни талантом. Однако человек, сотворивший их обоих своим воображением, в глубине сердца больше любил того, кто не обладал никакими талантами — без всякой причины, ибо для любви не нужны причины. Столь сильно он любил его и столь сильно желал, чтобы его сын приобрел хоть что-то, чем смог бы гордиться (ибо видел он тоску на лице своего сына, когда тот созерцал чужие таланты), что незаметно часть души отца перешла в сына. Тогда сын ушел из мира отца и создал собственный мир. Однако отцу стало одиноко без него — кроме того, ощутил он в себе некий недостаток, образовавшийся после того, как потерял часть своей души. Тогда он заключил сделку с одним из Владык Безумия и пришел в мир своего сына, чтобы вернуть его в свой — но сын его не согласился на это.

Сказал Мьяонелю старик:

— Ты лжешь, и знаешь, что лжешь. То говоришь ты, что это я открыл Книгу Безумия, то утверждаешь, что я заключил с тобой сделку, чтобы вернуть себе часть души. Что еще сочинишь ты, чтобы поиздеваться надо мной?

Сказал Мьяонель:

— Две эти истории, да еще та, которую ты рассказал Тедориху — суть одно целое. Теперь я расскажу тебе четвертую историю — и последнюю. В некоем королевстве правил могучий король. Был он силен, мудр и справедлив. Подданные его были довольны его правлением и благословляли короля, за исключением одного грязного нищего, чье сердце терзала зависть и злоба. Даже и душу готов был продать этот нищий, лишь бы на мгновение ощутить свое превосходство над королем и всеми его подданными. Столь сильна была его злоба и зависть к чужому счастью, что помрачился разум у этого нищего, и стал вотчиной Владык Безумия.

А следует сказать, что далеко-далеко от того королевства, где жили и старик-нищий, и король, и его подданные, произошла война меж Обладающими Силой. В той войне погиб один из Обладающих, однако враги не сумели уничтожить его до конца. В подобном случае Обладающий может возродиться там, где сильна его Сила: повелитель

водной стихии выйдет из моря или озера, повелитель огня — из пламени, повелитель воздуха — из воздушных потоков, повелитель молний... кхм... из молнии. А сила погибшего в той войне проистекала из Царства Бреда.

И вот, возродился он из разума безумного нищего, и, в награду за эту невольную услугу, позволил нищему ненадолго ощутить себя кем-то большим, чем тот являлся на самом деле, позволил почувствовать, будто знает этот нищий некую истину о природе мира, в котором находится, и наделил его осознанием, будто есть у него некое важное и ответственное дело в этом мире — куда как более важное, чем войны и государственные заботы тамошнего монарха. Однако оказалось, что быстро разонравился нищему этот подарок.

И пока тело его, грязное, вшивое, старое, покрытое язвами и болячками, лежало в канаве, ум нищего оторвался от тела и побежал к Мьяонелю, громко крича, все еще пребывая в уверенности, что знает истину: «Ты обманул меня, Мьяонель!.. Исполни наш договор! Исполни еще несколько других моих желаний!..» Но сказал я ему: «Разве об этом был наш договор? Я обещал привести тебя в Царство Безумия — и привел. Более нет у меня перед тобой никаких обязательств...»

ДРОУ

(история восемнадцатая)

У одного богатого поселянина была дочь по имени Рея. Раз пошла она со своими подругами в лес для того, чтобы погадать у колодца, каков будет ее суженый.

Темна была вода в этом колодце и далеко не всегда отражала облик того, кто смотрел в него. Говорили, что пугающие видения открываются старикам, когда те смотрят в колодец, а юноши и девушки, заглянувшие в него, могут узнать свою судьбу. Никто не знал, откуда этот колодец взялся в лесу, и кто, и для какой надобности сделал его, и кто первый открыл его волшебные свойства — но вот уже не одно поколение тайно друг от друга пробирались к колодцу юноши и девушки, и глядели вниз, желая увидеть, какое их ждет будущее и с кем им предстоит разделить свою судьбу. И ходило поверье, что если не увидят они там ничего, даже и собственного отражения, то скорая смерть ждет их.

И вот, заглянули в колодец все подруги Реи — и увидели там кто себя саму, кто образы, слишком размытые и быстрые, чтобы можно было доподлинно разглядеть их, кто странные картины, смысл которых был непонятен, а кто и отражения незнакомых мужчин. Одна лишь Рея не заглянула в колодец, хотя ей и сильно хотелось этого — но она боялась не увидеть ничего, или увидеть урода или старика — казалось ей, что тогда, горюй-не горюй, плачь-не плачь, но брака с ним будет уже не избежать.

Однако, когда отправились девушки обратно, подумала Рея: «Все мои подруги узнали свою судьбу, или хотя бы попытались узнать ее — так неужели я одна не решусь на это?» С этими мыслями она незаметно отстала от подруг и повернула обратно, и скоро дошла до колодца. Страшным показалось ей это место, расположенное среди высоких деревьев, укрытое тенями, мрачное, зовущее, недоброе. И сам колодец был не таким, какие делают люди — был он круглым и чересчур широким, и казался скорее глубокой ямой, заполненной водой. Стены его были выложены темными камнями, а дна вовсе не видно.

Преодолев страх, подошла Рея к колодцу и заглянула в него. Напряженно смотрела она в темную воду, желая в точности разглядеть того, кто появится перед ней, и во всех подробностях запомнить черты его

лица.

В то время проезжал мимо этого места один из друу, которых еще называют темными альвами, а еще — Лишенными Крова. Подумал он, увидев Рею, склонившуюся над колодцем: «О, сколь скверен вид этого человеческого существа! Даже и одно присутствие здесь человека — оскорбление места, некогда принадлежавшего нашему народу!»

Схватил он Рею, перекинул через седло и поскакал в свои земли — а быстр, как ветер, был его черный конь!

Звали этого друу Яскайлег. И вот, привез он Рею в свой замок и там отпустил ее. Тогда увидела она того, кто на миг отразился в колодце, когда приблизился, чтобы схватить ее, и поняла, что горька ожидающая ее судьба. Был стоявший перед ней высок и строен. Осанку он имел горделивую, смотрел пристально, а двигался с необыкновенной гибкостью. Одет он был в черные шелка и носил на поясе длинный меч. Вместо кольчуги был на нем камзол с серебряными пластинами и кольцами, на плечи наброшен плащ, скрепленный застежкой в виде цветка, подобного лилии, но имеющего многочисленные острые иглы. Темен был этот цветок, и будто поблескивал крошечными золотыми крапинками. Иссиня-черными были волосы похитителя Реи, и белой, как воск, едва ли не прозрачной, была его кожа. Красивыми могли бы показаться черты его лица — много красивей, чем у всех иных мужчин, которых прежде видела Рея — если бы не были бы сжаты его губы так сурово, если бы глаза его не смотрели так холодно и жестоко!

Сказал Яскайлег Рее:

— Следуй за мной.

Повел он ее в подземелья своего замка, и там показал различные устройства, большие и маленькие, вид которых сильно напугал Рею — ибо были остры эти устройства, казались живыми и голодными до чужой боли. Некоторые из этих устройств были подобны кривым ножам, другие — ветвям шиповника, третьи — большим насекомым, будто выточенным из хрусталя или драгоценных камней. Однако, когда Яскайлег коснулся одного из насекомых, оно ожило и задвигалось, и поняла Рея, что не устройство это, а живое существо.

Спросила Рея Яскайлега:

— Господин, для чего ты показываешь мне эти устройства, один только вид которых вызывает дрожь и отвращение?

Сказал друу:

— Дитя людей, знай, что предстоит тебе близко познакомиться со многими из них, прежде чем смерть проявит к тебе свое милосердие.

Содрогнулась Рея, услышав эти слова, и сказала:

— Что тебе нужно от меня? Зачем ты грозишься мне страшными пытками?

Сказал дроу:

— Не угрожаю я тебе, а лишь рассказываю об участи, которая тебя ожидает. Ничего мне от тебя не нужно, и нет у тебя ничего, чем бы ты смогла выкупить свое спасение.

Сказала Рея:

— Даже и своим телом?

Жестоко усмехнулся дроу.

— Ты, наверное, считаешь себя красивой, — сказал он Рее, — но в глазах моих ты немногим привлекательнее обезьяны.

Заплакала Рея, и спросила:

— Зачем ты поймал меня, а теперь хочешь мучить? Разве сделала я тебе какое-нибудь зло? Или тебе доставляют радость сами пытки, без какой-либо причины или надобности?

— Поистине, — сказал ей дроу, — сильную радость доставляют мне пытки, когда удастся захватить кого-нибудь из ваших. Знай, дитя человека, что в прошлом ваш род, род людей, причинил моему роду много боли и почти истребил всех нас. Не знаю, почему вы сделали это — потому ли, что показались мы вам опасными соседями, потому ли, что так вам велели ваши боги, или только лишь ради одной страсти к разрушению, без какой-либо причины или надобности. Но то, что для вас — далекое прошлое, для меня — вчерашний день. В сравнении с вами или с другими родами альвов никогда мы не были многочисленны, но теперь нас осталось так мало, что знаю я — никогда уже нам не стать тем народом, каким мы были прежде. Мы — мертвый народ, ибо с каждым веком становится нас все меньше и меньше, и редки дети в наших семьях. И хотя знаю, что горька моя месть и бесплодна, все же слаще она для меня, чем безысходное ожидание того часа, когда, наконец, истощится и мое время.

Спросила его Рея:

— Отчего тогда ты напал на ту, кто беззащитна? Отчего не начал войну с людьми? Или ты так смел только с девицами?

Сказал Яскайлег:

— Я могу истребить двадцать или тридцать мужчин, но не в силах уничтожить весь ваш народ, как вы уничтожили мой. Однако, если желаешь причинить кому-нибудь боль, следует выбрать для того наиболее нежное место. Дети людей — наиболее нежная часть человеческого рода, но бессмысленно было бы терзать их, потому что они не сумеют понять, за

что им причиняют мучения, а мучения ради одних только мучений кажутся мне противоестественными. Ты же — можешь понять. И хотя ты уже не ребенок, ты еще не успела загрузеть. Кроме того, ты — женщина, и, убив тебя, я убью также всех сыновей и всех дочерей, которых ты никогда не родишь.

Сказала ему Рея:

— Убив меня, ты убьешь только меня. Причиняя мне боль — причинишь боль только мне, а не всему человеческому роду.

Сказал ей дроу:

— Дочь людей, неужели ты не знаешь, что всякий народ сплетен в одно Целое? Так, многие листья могут расти на одном дереве, но само дерево — едино. Ты не видишь Целого, да и я не умею видеть его прямо, но я знаю, что оно существует. Убивая тебя, я убиваю часть этого Целого, причиняя боль тебе — причиняю боль Целому.

Сказала Рея:

— Если и другие из вашего народа были подобны тебе, то нет ничего странного, что ваш род угасает, ибо ты — жесток и отвратителен, а добавок ко всему — еще и безумен.

Сказал дроу с жестокой усмешкой:

— Другие из моего народа, о которых ты говоришь, поначалу не могли понять, почему многочисленные воины, закованные в железные латы, пришли в их земли — не могли понять, пока не стало слишком поздно. Я видел, как горели наши поселенья, видел, как беспощадно вы издевались над пленными, как беспощадно истребляли нас. На моих глазах была уничтожена вся моя семья. Я был тогда весьма молод; меня пленили и подвергли пыткам, и хотя страдания, которые испытывал я сам, я и мог бы простить вам, но не могу, не хочу и не стану прощать того, что вы сделали с моими родичами. Некогда Целое вашего народа уничтожило Целое моего — от того у нас, как у народа, теперь нет никакого будущего, и от того столь редкими стали дети у нас. Царство Мертвых не ждет нас, как вас, ведь с тех пор нет в нем для нас никаких чертогов. Наше Целое подобно срубленному дереву — листья его еще живут, в то время как само дерево уже мертво. Подумай над моими словами, дитя людей — пусть они глубоко войдут в твою душу. С тем я оставляю тебя на день или два, чтобы ты могла приготовиться к тому, что тебя ожидает, ибо телесная боль — не такой предмет, с которым надлежит торопиться.

Сказав так, он отвел Рею в пустой подвал, бросил ей охапку сена и удалился. А надо сказать, что в том подвале не было дверей, но имелось нечто, подобное пологу, который опустился, когда Яскайлег вышел.

Показалось Рее, что состоит этот полог из множества толстых спутанных нитей, но так как темно было в подвале, пришлось ей подойти ближе, чтобы разглядеть этот полог поподробнее. Увидела она, что это — паутина, темная, прозрачная, будто сделанная из черного хрустала, а ткнут эту паутину большие жирные пауки, висящие между потолком и косяком двери. С ужасом отскочила Рея к противоположной стене и вжалась в нее и не приближалась более к двери. Глаза ее тем временем по привычке к темноте, и с сильным ужасом смотрела она, не отрываясь, на больших пауков, шевелившихся напротив, совсем с ней рядом — а ленивы и неторопливы были их движения! Некоторые из пауков размерами превосходили собак, другие же, поменьше, едва достигали длины двух ладоней. Раз, когда один из меньших пауков случайно упал на пол, на расстоянии всего трех шагов от Реи (а длиной это помещение было — четыре шага), громко закричала Рея, и кричала еще долго после того, как вскарабкался паук обратно на стену.

Так прошло некоторое время, показавшееся Рее вечностью, и увидела она, как кто-то с другой стороны приблизился к паутине. Подняли пауки полог перед пришедшим, и светлее стало в камере Реи. Появлению даже и своего мучителя была бы она безмерно рада, лишь бы не оставаться в одиночестве с этими пауками, но то был не Яскайлег. Вошла в камеру Реи девочка, бывшая в том возрасте, когда превращаются девочки в девушек. Без всякого сомнения, принадлежала эта пришедшая тому же народу, что и Яскайлег, и была так же бледна, стройна и красива, как он. Неуклюжим животным почувствовала себя Рея рядом с ней, собакой, которую хозяева наказали за большую провинность, а теперь, может быть, простят — или, быть может, продлят наказание. И при виде девочки от сильной радости разрыдалась она, чувствуя, как отпускает ее напряжение, державшее ее все это время.

Девочка принесла ей еду, завернутую во что-то, подобное большому листу, и прохладное питье в другом листе, края которого поднимались вверх, как у лодочки. Не смогла Рея есть, но воду выпила с жадностью, и снова посмотрела на пришедшую, не смея заговорить с ней первой.

Сказала девочка:

— Меня зовут Цамира. Как зовут тебя?

Сказала пленница:

— Рея.

Спросила ее дроу:

— Скажи, очень ли страшно тебе было жить среди людей?

Настолько был серьезен ее вопрос, настолько неподдельно

любопытство — что истерическим смехом расхохоталась Рея, и долго еще не могла остановиться. Вскоре, впрочем, смех ее перемешался с рыданиями.

Сказала Рея девочке-дрюу:

— Страшен ваш замок, и страшно мне находиться среди вас — в селении же, где жила я, я была счастлива.

Сказала Цамира:

— Вот как? Яскайлег, мой отец, говорит, что все люди — чудовища.

Сказала Рея:

— Он лжет.

Спросила ее девочка-дрюу:

— Скажи, во всем ли он лжет мне? Лжет ли он, говоря, что вы часто убиваете друг друга, хотя и принадлежите к одному народу? Лжет ли он, говоря, что жизни не принадлежащих к вашему народу вы цените и того меньше? Лжет ли он, говоря, что вы полагаете себя рабами богов и от того считаете себя вправе повергать мучениям всякого, кто не разделяет с вами вашей веры? Лжет ли он, говоря, что одни из вас более почитают одного бога, а другие другого, и беспощадно воюют между собой, стремясь заслужить одобрение своих господ? Лжет ли он, говоря, что вы истребили многие народы, и уничтожили все прекрасное, что создали они?

— Может быть, это и так, — сказала Рея, — но если и уничтожили когда-то люди каких-то других существ, я об этом ничего не знаю.

— А что касается всего остального? Так ли это?

— Так, — сказала Рея, — но мы видим это совсем иначе, чем твой отец.

Кивнула девочка:

— И он говорил мне, что видите вы все это иначе. Жестокость вы называете смелостью, трусость — смирением, вероломство — умом и хитростью, глупость и жадность — благоразумием, рабство — верой. Вижу я, что не лгал он, говоря, что вы — чудовища.

— Кто же тогда вы? — Крикнула Рея в лицо девочке. — Никогда бы не додумались люди до ужасов, которые я видела в вашем замке!

Сказала девочка:

— Жесток мой отец, но никогда я не слышала от него, чтобы он говорил мне: «Я добр», или «Я милосерден», или «Я справедлив».

— Неужели ты думаешь, что его честность оправдывает все то, что он делает? — Спросила Рея Цамиру.

Сказала Цамира:

— Как может честность оправдывать что-либо? Она либо есть, либо ее нет, но низок тот, кто не имеет ее. Дела моего отца открыты, а слова

прямы. Его легко возненавидеть, и трудно любить — и я, быть может, единственная, кто любит его, потому что я — его дочь.

Сказала Рея:

— Черной ненавистью возненавидела бы я своего отца, если бы узнала, что он когда-то в прошлом сделал хотя бы сотую часть того, что обещал мне Яскайлег.

— Представь, — сказала ей Цамира, — что некие захватчики пришли в поселение, где обитала ты, и истребили всех твоих ближних. Представь также, что было много этих захватчиков, и истребили они всех людей во всех других поселениях, и во всех городах, и странах, и во всех Землях. Осталась только ты одна. Не захочешь ли ты хотя бы чем-нибудь отомстить захватчикам, если будет у тебя такая возможность?

Сказала Рея:

— Даже если я захочу им мстить, то не стану подвергать пыткам беззащитных.

— А если, — спросила Цамира, — оказалось бы, что захватчики уничтожили вас потому, что подчинялись некой невидимой, неосязаемой, неощутимой воле, объединяющей их — хотя они сами и не знали об этом? И если бы, убивая захватчиков, ты всего только бы лишила эту волю нескольких инструментов, каковых у нее миллионы, а причиняя долгую боль их телам и, главное — их душам — смогла бы причинить некоторую боль и тому духу, который объединяет их всех? И, не в силах умертвить этот дух, не сделала бы ты того, что было бы для него — как пощечина? Даже если для того потребовалось бы похитить одно из самых нежных порождений этого духа и проделать с ним некие, не слишком приятные, но необходимые манипуляции? Как бы ты поступила?

Сказала Рея:

— Я бы постаралась простить.

Сказала ей Цамира:

— Вижу я, что ты не можешь или не хочешь представить того, о чем я говорю. Рассказ мой далек от тебя. Представь: не только неизвестных, далеких людей умертвили захватчики — но и твоих близких родичей. Твою мать, твоего отца, твоих сестер и братьев, твоего возлюбленного.

Сказала Рея:

— Все-таки я бы постаралась простить. Бог мой — Бог Света, и в его Царстве встретила бы я и свою мать, и своего отца, и своих сестер и братьев, и своего возлюбленного.

Сказала Цамира:

— А если бы вы не служили никаким богам, и более всего ценили бы

свою свободу, и от того не было бы у вас на небесах заступника? И если бы посмертные чертоги ваши были бы уничтожены, и после смерти вас ждало бы не пребывание в Стране Мертвых, не возрождение, не какое-нибудь изменение, но смерть вторая, еще более горькая? И если бы ваши души были бы обречены скитаться по Стране Мертвых, истлевая и рассыпаясь с каждым вздохом, а обитатели различных чертогов гнали бы вас отовсюду, как бездомных бродяжек, и нигде бы вы не находили ни крова, ни приюта, но встречали бы только вражду и алчный голод существ, обитающих на границах между различными областями Стране Мертвых и подстерегающих сбившихся с дороги?

Сказала Рея, заплавав:

— Что тебе от меня нужно? Как я могу возместить все то, что сделал мой народ твоему? Впрочем, догадываюсь я, зачем ты сюда пришла: ты так же жестока, как и отец твой, и большую радость испытываешь ты, видя мои мучения.

Сказала Цамира:

— Ошибаешься ты, думая так. Я пришла сюда для того, чтобы тайком увести тебя из этого подземелья и освободить.

Сказала Рея:

— Я не верю тебе. Ты хочешь обмануть меня ложной надеждой, чтобы посмеяться надо мной, когда я поверю тебе.

Сказала ей Цамира:

— Дитя людей, ты подозреваешь нас в хитрости, но сама не умеешь различать хитрость и правду. Знай, что мы никогда не лжем прямо. Если бы я хотела обмануть тебя, я бы сказала: «Пойдем со мной. Посмотрим, не найдется ли какого-нибудь способа освободить тебя.» А потом, когда бы такого способа не нашлось, я посмеялась бы над твоими надеждами и вернула бы тебя обратно. Но разве такими были мои слова? Разве не известила я тебя прямо о том, что намерена сделать? Но пойдем, пока не вернулся мой отец — его сейчас нет в замке.

— Где же он? — Спросила Рея.

— Бродит среди северных холмов, как поступает всегда, когда его преодолевают воспоминания. И обычно долгими бывают эти прогулки.

— Но не накажет ли он тебя, когда вернется и узнает, что ты помогла мне бежать?

— Накажет, — согласилась с ней Цамира, — накажет наихудшим наказанием: промолчит и не произнесет ни слова упрека.

Спросила ее Рея:

— Для чего ты хочешь помочь мне? Ведь не так давно ты много

говорила об обидах, причиненных людьми твоему народу. Если все это правда — почему ты не ненавидишь меня так же, как твой отец? Или прощены мне, Рее из рода людей, эти обиды?

Сказала Цамира:

— Мы не умеем прощать. Живи я во время, когда отец мой был молод и будь я свидетельницей тому, чему был он — никогда бы ты не дождалась от меня ни помощи, ни милосердия. Но, по счастью, я была рождена много позже, и не видела ни истребления народа дроу, ни смерти своих родичей, ни пыток. Для моего отца та война была как будто вчера, но для меня, как и для тебя, она — далекое прошлое. И от того не нравятся мне мысли о том, что он сделает с тобой, когда вернется.

Крикнула Рея:

— «Сделает»?! И без того он уже подверг меня ужасным мучениям и пыткам! Разве не изощренной пыткой было все мое заточение?

Сказала ей дроу:

— Рея, дитя людей, я вижу, ты никогда не испытывала ни подлинного страха, ни подлинной боли. Но тем скорее следует увести тебя отсюда.

И вот, она повернулась и подошла к пологу, который пауки подняли при ее приближении. Рея встала и подошла к ней, а Цамира взяла ее за руку и провела под пологом. Шли они по подземным коридорам и миновали много помещений, а затем поднялись наверх и вышли во внутренний двор. Несколько раз встречались им слуги Яскайлега, но никакого внимания не обращала на них Цамира, и следовала дальше, а Рея старалась держаться как можно к ней ближе. Но когда они подошли к лошадям, приблизился к ним Рошак, главный конюх — а был он, как и многие другие из слуг Яскайлега, из народа каджей.

Сказал он Цамире:

— Знает ли твой отец о конной прогулке, на которую, как я вижу, ты собираешься отправиться с его пленницей?

Холодно посмотрела на него Цамира, но ничего не ответила, лишь сама стала седлать лошадь, видя, что не дожидаться ей в этом от Рошака никакой помощи.

Сказал Рошак:

— Сильно не понравится твоему отцу то, что ты намереваешься сделать.

Сказала ему Цамира:

— Это — не твоя забота.

С тем выехали Рея и Цамира из замка дроу, и поскакали на юг — а быстры, как ветер, были их черные кони!

Спросила Рея Цамиру:

— Что это за черные и серые скалы к северу от нас? Недобр и сумрачен их вид. Кажется, будто сама смерть поселилась здесь, и за скалами этими лежит пустынная Страна Мертвых.

Сказала Цамира:

— Это — Холмы Памяти, по которым сейчас бродит мой отец. Надлежит нам без промедления отъехать от них как можно дальше.

Так они и поступили. И вот, прошло некоторое время, и снова Рея спросила Цамиру:

— Скажи, что это за странное место на западе? Я вижу большой холм посреди равнины, а на вершине холма — рощу, но странен и страшен вид этой рощи. Деревья в этой роще лишены листьев, искривлены и будто тянутся к небу в глухом отчаянии — а оно не слышит их молитв.

Сказала Цамира:

— Это — проклятое место. Некогда наши враги похоронили здесь своих убитых, и насыпали над ними высокий холм, и посадили на этом холме фруктовую рощу, говоря: «Пусть эти деревья останутся памятью павшим, когда далекие потомки забудут их имена и возвеличат новых героев. Пусть и тогда приходят сюда люди и альвы, и, отдыхая под сенью деревьев, благословляют это место.» Но прокляли дроу этот холм, и облетела листва с посаженных деревьев, а стволы их почернели и искривились. Страх и отчаянье поселились здесь с тех пор, а люди и альвы стали издалека обходить это место.

И вот, поскакали они дальше, и ехали так некоторое время. Затем увидела Рея на востоке старый, вросший в землю камень. Рядом с камнем рос ясень с серебряной и черной листвой. Спросила Рея Цамиру, что это за место.

Сказала Цамира:

— Под этим камнем схоронены двое влюбленных. Юноша, Эргин, был из нашего народа, а девушка, Рейдигаль — из народа альвов света. Эргин погиб в битве, и был похоронен здесь своими сотоварищами. Рейдигаль ненадолго пережила его — говорят, жизнь вытекла из нее, как вино из опрокинутой фляги. Ее похоронили здесь же, а вскоре после того здесь вырос этот ясень. Говорят, в нем соединились их души.

Поехали они дальше. И вот, прошло еще какое-то время, и снова обратилась Рея к своей спутнице:

— А что это за долина впереди нас? Вижу я, будто во многих местах пламенеет там что-то — будто разлита по зеленому алая кровь.

Сказала ей Цамира:

— Это всего лишь кусты роз. Эта долина ничем не прославлена, но от того она милее мне, чем все те места, мимо которых мы проезжали раньше. Люблю я гулять по этой долине и любоваться цветами, которые растут здесь и слушать пение птиц, которых здесь великое множество.

Поехали они дальше и ехали так до тех пор, пока не добрались до места, где жила Рея.

Сказала Рея Цамире:

— Благодарю тебя за все, что ты для меня сделала. Хотелось бы мне снова как-нибудь повидать тебя.

Сказала ей дробу:

— Нет у меня к тому ни малейшего желания. Вряд ли нам с тобой суждено когда-нибудь снова увидеть друг друга, и отчего-то мне кажется, что лучше будет для нас обеих, если никогда не состоится эта встреча.

Сказав так, она развернула коня и поскакала обратно, а Рея отправилась домой.

Когда подошла она к дому, вышел к ней навстречу ее отец и спросил:

— Что с тобой приключилось, дочка? Где ты пропадала столько времени?

Рассказала ему Рея, где была она. Видела она, что грозно сошлись брови ее отца, и заиграли желваки на его скулах, когда выслушал он это повествование. А был отец Реи богатым и сильным землевладельцем. Собрал он своих сыновей и домашних, и послал к меньшим землевладельцам, державшим у него землю, и пригласил своих соседей. Велел он Рее повторить свой рассказ, и дочь исполнила его волю. Зашумели поселяне, когда закончила она говорить.

— Так вот кто крадет дочерей наших и сыновей, когда уходят они в лес! — Закричали поселяне. — Оказывается, где-то здесь неподалеку живет демон, ненавидящий сам род человеческий!

— Скажи, — спросил отец Рею, — хорошо ли ты запомнила дорогу к его замку? опиши нам ее еще раз.

И рассказала Рея об этой дороге.

Сказал отец Реи:

— Надлежит нам всем отправиться туда, чтобы убить этого демона в его логове и навсегда тем обезопасить от его козней детей наших. Ты же, дочка, поедешь с нами, и будешь указывать нам дорогу.

Встал тогда другой поселянин и сказал так:

— Верно ты говоришь. Но не стоит идти туда сразу, ибо силен этот демон в черном волшебстве и располагает многими слугами. Надлежит нам сначала собрать ополчение и обратиться за помощью к графу, а так же

найти какого-нибудь чародея или жреца, а лучше — и жреца, и чародея, чтобы смогли они защитить нас от магии демона.

Сказали поселяне:

— Так мы и сделаем.

А следует упомянуть, что в той стране графский титул не был наследным, но король давал этот титул и землю своему человеку, чтобы тот заботился о подвластной ему земле, собирал с поселян повинности и сохранял города и села, расположенные на этой земле, в безопасности.

И вот, собралось ополчение и соединились с войском графа. Было среди приближенных графа несколько чародеев. Также отправился с войском в поход один из жрецов Бога Света. Был он стар и ходила о нем слава, как о святом человеке. Также отыскали в одной деревне сильную ворожею, служившую Богине Ночи, и рассказали ей эту историю.

Сказала ворожея:

— Гласят легенды, что некогда и в самом деле были у людей с темными альвами жестокие распри. Прежде, когда я слышала легенды об этой войне, часто мне становилось жаль этих альвов, ибо говорят, что сильны они были в волшебном искусстве и создавали посредством него удивительные вещи. Однако, жизнь — не то, что сказки: вижу я, что правы были истреблявшие их. Но даже если бы и справедлива была их безжалостная, беспощадная месть нашему народу, неужели стала бы я защищать дроу? Ведь я — человек, и благо людей мне ближе блага бессмертных альвов.

С теми словами ворожея собрала все, что было потребно ей для творения магии, и отправилась вместе с войском на север. С большим неудовольствием встретил ее появление старый жрец Бога Света.

Долог был этот поход, ибо только у дроу кони быстры, как ветер — а кони людей, везущие всадников в железных доспехах, их оружие, поклажу, тянущие обозы и повозки, следующие в поводу — эти кони куда как медленнее! Ополчение же, следовавшее за войском графа, и вовсе коней не имело.

По дороге много расспрашивали Рею о замке Яскайлега и обо всем, что видела она по пути. И вот, приблизились поселяне к Долине Роз, и остановились на некотором от нее удалении. После того отрядились отец Реи и еще несколько человек в ту Долину, и затаившись там, подкараулили Цамиру, и поймали ее.

Спросила Рея отца:

— Зачем вы схватили эту девушку? Ведь она спасла мне жизнь — без помощи Цамиры никогда бы мне не выбраться из того замка! Неповинна она в преступлениях, совершенных отцом ее, и никогда не участвовала в

его злодеяниях!

Сказал отец Реи:

— Поймали мы ее для того, чтобы не смогла она предупредить своего отца о нашем походе.

С тем пошли они дальше. Десять дней отнял у них путь к замку. Но вот наконец увидели они впереди черные и серые скалы, а перед ними — сумрачную, хорошо укрепленную постройку.

Осадили они этот замок, но хотя много больше было у них воинов, чем у Яскайлега слуг, трудно было взять его замок штурмом, потому что сильны и искусны были каджи, слуги Яскайлега, а стены замка, и железные ворота, защищали сильные чары. Однако и Яскайлег не мог сделать вылазку и отбить у людей свою дочь, потому что мало было у него воинов, а волшебство, которое использовал он, останавливали жрец Бога Света и жрица Богини Ночи. Хотя, в сравнении с дроу, эти служители богов и не были сильны в волшебстве, но, обращаясь к могуществу своих покровителей, могли охранять пришедших с ними воинов от иных чар, даже самых искусных.

Сказал граф поселянам:

— Надо каким-нибудь образом выманить этого дроу из его замка, потому что иначе потеряем мы здесь много людей.

Сказали поселяне:

— Просто будет выманить его — ведь у нас есть его дочь. Насадим ее на кол, да поднимем повыше — наверняка разъярится этот демон и от сильной злобы своей лишится рассудка!

Сказал граф:

— Так мы и поступим.

Но вышла тогда вперед Рея и крикнула им:

— Что вы хотите сотворить, нелюди?! Ведь я только благодаря Цамире осталась жива! Какое отношение имеет она к вашей войне с Яскайлегом?

Сказал Рее отец ее:

— Надлежит тебе помалкивать, когда говорят мужчины. Не мы начали эту вражду, но жестоко мы отомстим Яскайлегу за все обиды, причиненные и тебе, и другим дочерям нашим и сыновьям. Это война, а не вечерняя прогулка, и жестоки ее законы.

Сказала Рея:

— Вижу я, что прав был Яскайлег, ненавидя не людей, сам род человеческий — ибо все вы ничуть не лучше дроу, но много хуже! Подобны вы стае диких зверей, жадных до крови!

Тогда силой увел Рею отец подальше от собрания и так сказал ей:

— Для чего ты позоришь меня? И без того уже шепчутся люди, что не силой, но соблазнами и чарами заманил тебя этот демон в свой замок. Станешь защищать его дочь — скажут, что, видать, по вкусу пришлось тебе то время, которое ты провела с Яскайлегом. И не крови мы жаждем, но хотим избежать большого кровопролития.

И вот, сорвали поселяне с Цамиры одежду, заострили кол с перекладиной. Сказала Рея жрецу и жрице:

— Хоть вы остановите это!

Сказал жрец:

— Проклят богами род этих демонов.

Сказала жрица:

— Нет в том, что мы делаем, для нас никакого удовольствия, но это — необходимость. Тебе же лучше идти в лагерь и не смотреть на это.

Затем, изготовшись к битве, на некотором расстоянии от замка установили поселяне кол и усадили на него Цамиру. Хотя говорят, что холодна и тверда, как железный клинок, воля дроу, все же была Цамира еще очень юна и от того, когда проникло острие кола в нутро ее, не смогла сдержать громкого крика. Услышал этот крик отец ее, и увидел, как извивается на коле его дочь. Как уже сказано прежде, был этот кол с перекладиной — а на таких не умирают быстро!

Взял тогда Яскайлег черную стрелу и ростовой лук, который больше никто в замке не мог согнуть, кроме него, и, прицелившись в дочь, спустил тетиву. А было расстояние между ними длиной более полумили. Впрочем, долетела бы эта стрела до Цамиры, ибо направляли ее могучие чары — однако ж и поселяне имели на своей стороне сильное волшебство. Разбились чары о щит, установленный жрецами над людским воинством, и бессильно упала в траву черная стрела дроу.

С гневом переломил Яскайлег свой лук об колено, и сказал громко:

— Клянусь, что отрекусь от своей свободы и стану покорным слугой любого из Великих, если тот даст мне силу, чтобы спасти мою дочь, или сам спасет ее!

Однако никто из Великих не ответил на его слова.

Сказал тогда Яскайлег своим домашним:

— Приготовьтесь и откройте ворота.

Сказали ему храбрецы-каджи:

— Все мы погибнем в этом бою. Однако мы выйдем в поле, если такова твоя воля.

И вот, открыли они ворота и вышли из замка. Осыпали их поселяне стрелами и дротиками, и люди графа, имевшие при себе арбалеты,

разрядили их. Затем сошлись в схватке люди и каджи, искусные в воинском деле, но прежде, чем произошло это, сказал Яскайлег одному из своих спутников:

— Дай мне твой лук.

Тот исполнил это; Яскайлег же натянул тетиву и снова выпустил стрелу в дочь. На этот раз попал он, ибо расстояние было меньшим, чем прежде. И повисла на коле Цамира. Яскайлег же обнажил меч и отбросил щит в сторону, и первым шагнул к приближающимся врагам.

Долгой была эта битва, долгой и страшной. Гибок был Яскайлег, как змея, и столь же быстр и стремителен, но многочисленны были враги его. Искусны каджи в воинском деле — но и графские воины, пришедшие под стены замка дроу, не были в том деле новичками. Стали они теснить Яскайлега и каджей, и отступили те к воротам замка. Дрались они в воротах, пока не осталось с Яскайлегом всего только трое или четверо сотоварищей, и все они, равно как и дроу, не раз уже были ранены.

Тогда Рошак оставил их и побежал в подвалы. Заставил он пауков следовать за собой, и оживил некоторых других насекомых, и Черную Лозу. Протянулась Лоза к людям и обвила некоторых из них, и задушила своими побегамися. Сильно устрашили поселян и людей графа большие пауки, выползшие из замка. Однако пауки, хотя и имели весьма устрашающий вид, были довольно медлительны, и скоро узнали люди, что легко убить их, если сначала отрубить им лапы, а затем проткнуть насквозь. Но когда отступили они от замка, закрыли каджи перед ними ворота. А пока перебили всех пауков и прочую мерзость, спустились сумерки, и решили нападающие отложить штурм до следующего дня.

И вот, в середине ночи Рея тайком выбралась из лагеря и подошла к воротам замка.

Сказала она, подойдя к тем воротам:

— Пропустите меня. Мне есть что сказать Яскайлегу.

Услышав имя своего господина, велели каджи Черной Лозе не трогать пришлицу, но сами схватили ее и привели к хозяину замка.

Сказал дроу:

— Зачем ты пришла сюда?

Сказала Рея:

— Я предлагаю себя тебе в заложницы. Скажи им, что убьешь меня, если они не отступят.

Сказал Яскайлег, даже и не усмехнувшись:

— Дитя людей, не думаю, что их остановит эта угроза.

Сказала Рея:

— Не называй меня так больше. Сегодня я отреклась от человеческого рода и всех дел их, и от богов, которым поклоняются люди. Те, кто пришли под стены твоего замка — не родня мне больше, и я стыжусь того, что росла среди них. Если не отступят они, когда ты пригроишь им моей смертью — убей меня без всякой жалости, ибо предательством я ответила на проявленное милосердие, и предательство мое — причина появления здесь этих людей.

Долго смотрел на нее дроу. Сказал он затем:

— Пусть будет по-твоему.

И вот, когда наступило утро, и ополченцы вместе с людьми графа подошли к замку и стали рубить мечами и топорами Черную Лозу, вышел Яскайлег на стену вместе с Реей, и, приставив меч к ее груди, сказал:

— Клянусь: я убью эту девушку, если вы не уберетесь отсюда!

Крикнул отец Реи:

— Отдай мою дочь, демон, и мы уйдем тот час же!

Сказал ему дроу:

— Я знаю, что люди часто нарушают свои клятвы, когда это кажется им выгодным. Только тогда выпущу я ее из своего замка, когда уберетесь вы туда, откуда пришли!

Тогда сказал граф отцу Реи, и вторили ему его соседи:

— Забудь о дочери — ее уже не спасти. Несомненно, убьет ее демон, отступим мы или продолжим битву. Но если отступим мы — много тяжелее будут ее мучения и не так скоро смерть. Или ты думаешь, что этот демон забыл уже, как мы убили *его* дочь?

Сказал жрец Бога Света:

— Знаю я, что была Рея доброй верующей, часто посещала храмы, раздавала подавание нищим, и тем заботилась о жизни души своей после смерти брэнной оболочки. Знаю я также, что не было у нее никаких сильных прегрешений. Без всякого сомнения, с радостью примет ее Бог Света в свои сияющие чертоги.

Заплакал тогда отец Реи и сказал:

— Верно говорите вы. Умом я понимаю, что не спасти ее от смерти, чтобы мы не делали — но сердцем не могу принять этого.

И вот, не обращая более внимания на слова дроу, и не смотря на Яскайлега и Рею, бросились атакующие к воротам и стали с удвоенной силой рассекать побеги Черной Лозы, и стало ясно, что вскоре изничтожат они ее полностью.

Задрожала тогда Рея, но, повернувшись, сказала Яскайлегу сколь могла твердо:

— Делай то, что должен. И знай — я не держу на тебя зла за то, что было между нами прежде.

Убрал Яскайлег меч в ножны и сказал:

— Не остановила этих людей угроза твоей смерти, как я и думал. Зачем же мне убивать тебя без всякой выгоды? Кажется мне такое убийство противоестественным.

Сказала Рея:

— Думала я, что дроу *никогда не нарушают* данного слова.

Сказал Яскайлег:

— Не раз слышал я от людей, что дроу *никогда не держат* данного слова.

Сказала Рея:

— Ты много говорил о своей ненависти к людям. Что стало с этой ненавистью?

Сказал Яскайлег:

— Ничего. Но не ты ли вчера отрекалась от своего отца, от своей веры и от всего человеческого рода? Или ты сожалеешь о том, что говорила?

Сказала Рея:

— Нет.

Сказал ей Яскайлег:

— Подумай хорошенько над своими словами. Они означают, что Целое твоего народа никогда больше не станет помогать тебе. Умерев, не достигнешь ты ни Страны Мертвых, ни небесных чертогов. Также будут закрыты для тебя двери Возвращения. Умерев, станешь ты такой же, как и мы — проклятой скиталицей, Лишенной Крова.

Сказала Рея:

— Пусть даже и так.

С тем спустились они вниз, и стали на некотором расстоянии от ворот, ожидая, когда те рухнут от ударов тарана. Не было никого на стенах замка, ибо давно уже иссяк имевшийся в замке Яскайлега запас стрел и дротиков.

Когда рухнули ворота, ворвались люди в замок и стали сражаться с дроу и каджами. Когда упал один из каджей, Рея взяла его меч и обратила этот клинок против ворвавшихся в замок. И случилось так, что ее отец, бывший в числе первых ворвавшихся, в пылу битвы ударил ее, и, увидев, кого бьет, уже не смог остановить руку.

Крикнул он Яскайлегу:

— Долго придется тебе платить за это злодеяние, если сумеем мы взять тебя живым! — Ибо полагал он, что дроу направил против него Рею посредством чар.

Бросился он к Яскайлегу, но Рошак ударил его мечом по ногам, и сказал:

— Помнить о том, что ты сделал сегодня, тебе придется еще дольше!

Меж тем, пал последний из воинов каджей, и Яскайлег и Рошак отступили к главной башне, не переставая сеять вокруг себя смерть, и страшились люди подступиться к ним. Крикнул тогда граф:

— Отступите от них! Надлежит нам взять их живыми! Пусть лучники стрелами перебьют им руки и ноги!

Но когда вышли вперед лучники, Яскайлег и Рошак скрылись от них в башне. Однако, когда они уже закрывали дверь, одному из лучников удалось попасть в Яскайлега, и поразить его в ту руку, в которой он сжимал меч. Выпустил меч Яскайлег, но Рошак увлек его внутрь и сам захлопнул тяжелую дверь. Впрочем, нападавшие вскоре снесли ее и вступили в башню.

Узки были лестницы в башне — а благословен тот, кто делает в башнях узкие лестницы! Двое оставшихся, господин и слуга, медленно отступали вверх, но кровью приходилось оплачивать нападающим каждую завоеванную ступеньку. Яскайлег не сражался, ибо у него не было меча, да и слишком тесна была эта лестница для двоих — но бился за двоих верный Рошак! Но много раз был он ранен и сам, и быстро слабел.

Видя это, крикнул ему Яскайлег:

— Дай мне свой меч, а сам отдохни немного!

Сказал ему Рошак:

— Выносливее я, чем ты думаешь!

Однако спустя десять ступеней споткнулся он и не сумел отразить удар — а противник его воспользовался этим и по рукоять погрузил меч ему в живот. Грузно осел на ступени храбрец-кадж. Яскайлег же все то время, пока они отступали, собирал в левой горсти кровь, что лилась у него из плеча, и, когда упал Рошак, бросил дроу эту кровь перед ним, и произнес некие слова, не зная еще точно — удастся ли ему заклятие или нет. Однако жрецы были далеко, и не смогли помешать сотворению заклятия. Превратилась кровь в пламя, а пламя заполнило собой весь проем и заструилось вниз, заживо сжигая людей. Но вскоре потухло пламя, ибо иссякли силы Яскайлега, да и жрецы поспешили вверх, дабы воспрепятствовать его чародейству. Тогда он поднялся на самый верх башни и втащил туда Рошака. Затем Яскайлег, с большим трудом разжав пальцы каджа, взял меч из руки его, и стал ждать у лестницы. И вскоре почувствовал он, как приближается сила, которая защищала людей, и приготовился к битве.

Сказал он:

— Хотел я заложить душу за дар жизни, но теперь готов променять ее на дары смерти. Если цена мести за Цамиру — моя гордость и воля, без сожаления расстанусь я с ними, и сверх того еще и доплачу своей жизнью!

И говорят, что хотя не верил он в то, что услышит его слова кто-то из богов или Обладающих Силой, однако один из Обладающих был в то время поблизости и в тот самый миг, когда были сказаны эти слова, вступил на вершину башни. Но о том, кем был этот Обладающий, какие причины привели его к башне дреу и что в дальнейшем вышло из заключенного между ним и Яскайлегом договора — о том повествует иная история.

ПРИНЦ КАДЖЕЙ

(история девятнадцатая)

Никто не может сказать с полной определенностью, где возродился Хозяин Безумной Роши после того, как потерпел поражение в битве, случившейся в Рассветных Землях — в Царстве Бреда, в разуме больного нищего или в окрестностях Башни Без Окон — там, хотя и была перенесена Роша в леса Эссенлера, оставалась еще некая тень его Силы. Известно одно — «когда-то» и «где-то» это произошло, и Мьяонель восстал из мертвых, и снова осознал себя, взглянув на мир глазами живого существа, а не посредством бесплотной, бесформенной, невидимой Силы. Тяжело Возвращение из небытия, тяжело даже для Лорда — ведь часто смерть оставляет на Лордах раны, с большим трудом поддающиеся излечению или не поддающиеся таковому вовсе. Ведь то, что Лорды почти неуязвимы для обычного оружия, означает всего лишь, что всегда их стараются убивать посредством оружия колдовского — и последняя смерть Мьяонеля не была исключением. Чувствовал он, что повреждена его колдовская суть, и исчерпаны почти все внутренние резервы, которыми обладал он прежде — хотя также чувствовал он, что со временем затянутся раны, нанесенные ему Мечом-Молнией, и восстановится контроль над некоторыми тонкими потоками Силы, контроль, который он утратил, потерпев поражение, пережив смерть и Возвращение. Следовало только подождать некоторое время. Вряд ли это время можно было бы назвать долгим — всего-то лишь несколько тысячелетий.

Однако существовал и другой способ исцелиться, более быстрый: мог Мьяонель вернуться в Эссенлер и восстановить там Безумную Рошу. Сила его успела пустить корни в Эссенлере, и была принята Рассветными Землями, как часть их собственной сути и Силы. Однако Мьяонель подозревал — и нельзя сказать, что он не имел на то оснований — что стоит ему вновь появиться в Рассветных Землях, война разгорится снова, и на этот раз убивать его будут продуманно, не оставляя никаких путей к Возвращению. Однако это еще не значило, что отныне он собирался избегать Рассветных Земель. Это всего лишь означало, что не следовало ему появляться в Рассветных Землях преждевременно — не подготовившись, не исцелившись хотя бы отчасти, не создав никакого

магического оружия и не созвав союзников.

И вот тогда обратился Мьяонель к некоторым высшим аспектам своей Силы — тем аспектам, благодаря которым считался он одним из Владык Безумия.

Сказал Мьяонель:

— Призываю к себе свою Силу во всей ее полноте. Пусть исчезнет видимость — но откроются Пути Силы. Ничем не может помочь мне разум — так пусть исчезнет он, ибо разум — всего лишь один из многочисленных инструментов Силы. Пусть на время стану я подобен избраннику, ведомому священным безумием — не действуя, он обретает желаемое, не зная — достигает того, что вызывает у других зависть, не стремясь, неизменно удачлив во всех своих начинаниях.

Как только произнес Мьяонель Слова Силы, изменился он сам и изменился мир вокруг него. Исчезло все, и все растворилось в Безумии. И увидел Мьяонель, что все известные ему области Сущего, Пределов и Преисподней — не более чем пузыри в бесконечном океане Бреда — меняющегося, многоцветного, вязкого, как тесто, текучего, как молоко. В пузырях тех жили звери, люди, альвы, карлы, демоны, драконы, обитатели небес и обитатели ада, и вокруг них субстанция бреда обретала какую-нибудь определенную форму — форму улицы, или комнаты, или джунглей, или подгорных пещер, или облаков, или огненных скал. Ничего более, кроме этих пузырей, не существовало. Не было никакого смысла в словах, которые произносили эти люди и нелюди, и не было никакого смысла в словах, которые слышали они, или думали, что слышат. То, что окружало их, отдаляясь от них, возвращалось в породивший их хаос, который, не переставая, создавал все новые и новые формы. Находящиеся в центре пузырей ничем не отличались от всех прочих форм, и так же состояли из субстанции Бреда, и менялись медленнее от того, что были почти неподвижны — хотя казалось обитателям пузырей, что статичен и неподвижен окружающий их мир, однако не было никакой разницы между пузырями и их обитателями, ибо обитатели были всего лишь частью пузырей, только более неподвижной, чем все остальное. Пузыри эти вызывались к жизни фантазиями Владык Безумия, и были историями и отрывками историй, и большими повествованиями, которые Владыки сочиняют без всякого смысла и без какой-либо для себя выгоды. Часто страшны эти фантазии, иногда красивы, но всегда бессмысленны, ибо они — лишь форма, которую по воле Владык принимает субстанция бреда.

Долго брел Мьяонель по этому Царству, входя в различные пузыри и говоря какие-то слова, лишённые смысла, их обитателям, слушая их слова,

и следуя дальше своей дорогой. Был он в те минуты (часы? дни? года? вечности?) всемогущ, ибо все Сущее стало его фантазией. Но что за выгода повелевать фантазией? Для чего мстить врагам, если сами они, как и друзья, и союзники — всего лишь порождения субстанции бреда, отражения твоей собственной воли?

Если бы не сказал он, произнося Слова Силы, что потеряет разум лишь *на время* — навсегда бы остался Мьяонель в этом Царстве и вечно бродил бы по нему, создавая различные пузыри или ломая, или изменяя, уже созданные. А так — прошло некоторое время, и покинула Мьяонеля призванная им Сила. Вошел он в один из пузырей и стал частью его...

Увидел он тогда, что стоит на скале, и что простирается над ним бескрайнее голубое небо, и что держит он в руках какую-то книгу. Однако не помнил Мьяонель, откуда у него эта книга. Чувствовал только, что книга эта — предмет Силы. Еще ощущал он сильную слабость и головокружение, ибо покинула его Сила.

Посмотрел Мьяонель в небеса и сказал так:

— Редко обращаюсь я к вам, боги, но ныне — тысячу благодарений возношу вам. Не знаю только, за что благодарить вас. Ведь никак не могли вы помочь мне выбраться из Царства Безумия, забыть о всемогущии, вспомнить о своих прежних целях и вернуться к своей прежней жизни. Изгнанные из мироздания вашим же собственным творением, вы и самим себе помочь не способны. Однако, порядок вещей таков, что в случае неожиданной удачи многие насельники Сущего полагают должным благодарить богов, и мне, едва сумевшему бежать из совершенного хаоса, ценна любая видимость порядка, оттого и присоединяюсь я к бессмысленным славословиям в ваш адрес.

Так произнес он свою богохульную молитву, но Небеса, впрочем, остались безучастны к его речам. Передохнув, Мьяонель открыл книгу и стал читать ее.

Повествовалось в той книге о различных устойчивых областях на границах Сущего и Царства Безумия, и он некоторых существах, связанных с этими областями. Постоянно текли и менялись знаки в той книге, но все же можно было понять их — по крайней мере, искусному магу, ясновидцу или Обладающему Силой: понять не умом, но чувством, ощутить волю этих знаков, а затем попытаться как-нибудь истолковать ее. Что до Мьяонеля, то он знал этот язык, язык безумия, куда как лучше всех прочих магов, ясновидцев и Обладающих Силой.

Не дала ему книга ни могущества, ни ответов на его вопросы относительно подлинной природы Сил, ни великой мудрости — но только

некоторые знания, из которых, впрочем, если использовать их с умом, может быть, и можно было извлечь какую-нибудь пользу.

Весьма заинтересовали его области, описанные в книге, ибо он не только никогда не бывал там прежде, но даже и не подозревал об их существовании. Однако до того, как отправляться в те области, решил Мьяонель провести некоторое время в пределах Сущего, ибо от последней своей прогулки по Царству Бреда получил он чрезвычайно много впечатлений. И от страха за свою душу не спешил он повторять эту прогулку — опасаясь, и не без оснований, что в следующий раз может уже и не вернуться обратно.

И вот, отправился он в Хеллаэн, к некоей своей знакомой, колдунье по имени Рола. Радовался Мьяонель каждому своему шагу на этом пути, улыбался каждому встречному — так незыблем и прочен казался ему этот мир, и с каждым шагом Мьяонель укреплялся в ощущении его незыблемости и неизменности, а воспоминания о Царстве Бреда тускнели и постепенно стирались из его памяти.

Пришел он в дом, где жили Рола, Альверд и Диса, но не нашел там никого из них, и другие люди жили в том доме. Спросил их Мьяонель о Роле, и получил такой ответ:

— Могущественная колдунья Рола, — сказали ему, — ведущая, как говорят, свое происхождение от одного из Обладающих Силой, и давно состоящая в Совете Гильдии Магов нашего города, давно уже не живет в этом доме. Обиталище ее — Башня Луча, каковую она получила согласно завещанию, оставленному предпоследним Главой Совета Гильдии, с каковым, как говорят, связывали ее отнюдь не только дела Гильдии. При том...

— Все это, — перебил Мьяонель горящего, — без всякого сомнения, является чрезвычайно занимательной историей. Однако, опуская различные случаи из жизни, а также слухи, легенды, знаменательные даты и поучительные притчи, не затруднит ли вас сообщить мне прямо, где находится та Башня Луча, о которой вы сейчас упомянули?

Когда сообщили ему, где находится Башня, отправился Мьяонель туда и постучался в большие железные ворота. Открыли слуги ворота и пропустили Мьяонеля внутрь, и поспешили известить Ролу о появлении гостя. Хотя ничем не примечателен был внешний вид Мьяонеля, но не заставили его ждать ответа перед воротами, а провели в дом и предложили прохладительные напитки, вина, фрукты и сладости. Удивился Мьяонель такому приему, и взглянул на слуг повнимательнее. Увидел он, что причина их расторопности заключалась в том, что кто-то наделил их

способностью чувствовать волшебство и Силу. «Из этого следует, — подумал Мьяонель, — что Лорды или причастные к Искусству нередко посещают эту Башню.»

Вот, провели Мьяонеля в одну из комнат Башни, а вскоре пришла туда и Рола. Увидев, что смотрит она на него с большим любопытством, заподозрил Мьяонель что-то неладное и спросил Ролу:

— А скажи-ка мне, красавица, сколько времени прошло с нашей последней встречи?

— Сто тридцать лет, — ответила Рола. — Полагаю, что более точная дата тебе не очень-то интересна?

— Ты права, — согласился с ней Мьяонель. — Где же твой муж, Альверд?

— Он давно умер, — ответила Рола.

— Прими мои соболезнования, — сказал Мьяонель. — Прости мою бестактность, но что стало причиной его смерти?

Сказала Рола:

— Старость.

Сказал Мьяонель:

— Снова, беседуя с тобой, я чувствую себя круглым дураком — а ведь меня, Владыку Безумия, сложно удивить чем-либо! Судя по твоему виду, ты отыскала способ продлевать молодость и удлинять жизнь. Почему же ты не наложила эти чары и на своего мужа?

— Потому что, — ответила Рола, — религия моего мужа запрещала ему прибегать к волшебству для продления жизни.

— Ах вот как... — Пробормотал Мьяонель. — Да, вижу я, что поистине удивительные пузыри плавают в океане бреда... А скажи, от молодости он тоже отказался?

— В этом вопросе, — отвечала Рола, — по счастью, мне удалось поколебать его моральные принципы. Но оставим в покое моего покойного мужа. Скажи-ка, любовник моей прабабки и убийца моего прапрадеда — где ты сам шатался все это время?

— Я был Царстве Безумия, — сказал ей Мьяонель.

Посмотрела на него Рола и сказала с насмешкой:

— Это я и сама вижу.

Усмехнулся Мьяонель и сказал Роле:

— Язычок твой стал еще острее, чем прежде. Если ты этого хотела добиться — то следует поздравить тебя с успехом.

Улыбнулась Рола, и спросила Мьяонель:

— Ты не голоден? Если хочешь — я могу приказать слугам принести

нам что-нибудь.

Воскликнул Мьяонель:

— Вижу я, что немалых успехов достигла ты и в искусстве угадывания желаний! Несомненно, не откажусь я от твоего предложения — ведь, оказывается, целых сто тридцать лет не было у меня во рту и маковой росинки!

Рассмеялась Рола и приказала накрыть стол. И когда это было сделано, Рола и Мьяонель сели трапезничать.

Сказала Рола Мьяонелю:

— Расскажи мне о Царстве Безумия.

Сказал Мьяонель, раскалывая зубами куриную косточку:

— Это — не самая лучшая тема для застольной беседы.

— Отчего же? — Спросила его Рола.

— От того, — сказал Мьяонель, — что подобно Царство Безумия гниющему мозгу дохлой собаки, и это — лучшее, что можно сказать о нем.

Сказала Рола:

— Говорят, что Владыки Безумия полагают, что все существующее — это их грезы.

— Да, — согласился Мьяонель. — Это действительно так.

— И ты тоже в этом уверен?

— Владыки Безумия, — отвечал Мьяонель, — бывают двух родов. Одни — идеалисты: они знают эту истину и поглощены ею. Другие — прагматики: они знают об истине, но не придают ей никакого значения. Я, как ты можешь догадаться — прагматик. Истину, не приносящую никакой пользы, я приравниваю к обычному заблуждению. Я предпочитаю наслаждаться чудесами, а не истиной. Потому что истина далеко не так приятна, как кажется людям.

Сказала Рола:

— Слышала я, что не всем Лордам по нраву то, как ты наслаждаешься чудесами. Слышала я также, будто бы сто тридцать лет назад была у тебя война с Лордами Эссенлера, и будто бы даже один из Стражей участвовал в ней.

Сказал Мьяонель:

— Истину глаголют твои сахарные уста, красавица! А не знаешь ли ты случаем — что стало с тем Стражем?

— Он Вернулся много раньше тебя, отвратительный старик в оболочке юноши.

Кивнул Мьяонель, услышав об этом и надкусил пирожное:

— Так я и думал. Трудно убить Стража — особенно если перед тем не

подготовиться как следует к такому мероприятию. Однако сто тридцать лет — достаточно долгий срок для обдумывания различных способов умерщвления — в том числе и тех способах умерщвления, которые сгодятся и для Стражей.

Сказала Рола:

— Уж не собрался ли ты снова иди в Эссенлер с войной? Если это так, то ты и в самом деле безумен.

Сказал Мьяонель:

— Ты ошибаешься, говоря «снова». Я и впрямь собираюсь начать войну с тамошними Лордами, однако будет это впервые. До того с миром приходил я в Рассветные Земли. То, что они сделали со мной, я называю убийством.

Сказала Рола:

— С миром? Слышала я, что ты вызвал какого-то ужасающего демона, который смог — пусть даже на время — развоплотить одного из Стражей, а в колдовском поединке меж Обладающими вы умудрились спалить едва ли не целую страну!

Сказал Мьяонель:

— Вот и я говорю о том же — прежде я с миром приходил в Эссенлер.

Сказала Рола, вздохнув:

— Когда же ты намерен начать эту войну?

Сказал Мьяонель:

— Не раньше, чем получу от тебя кое-какую помощь. В прошлый раз ты как-то хвасталась тем, что знакома с некоторыми Лордами Хеллаэна. Расскажи мне о них. Кто из них, по-твоему, мог бы стать моим союзником в этом походе?

Сказала Рола:

— Из тех могущественных, о которых известно мне — только один: Повелитель Камней. Говорят, что некогда его изгнали из Эссенлера и лишили почти всей волшебной силы.

— Кто еще? — Спросил Мьяонель.

— Из старых Лордов Хеллаэна — никто. Они — часть этого мира, и давно живут здесь, и, как говорят, их Силы связаны с колдовской сутью Темных Земель. Зачем им покидать Хеллаэн?

— А не отважится ли на это кто-нибудь из молодых?

— Известно ли тебе что-нибудь о народе каджей? — Спросила тогда его Рола.

Сказал Мьяонель:

— Немногое. Насколько я помню, они еще весьма молодой народ.

Усмехнулась Рола и сказала:

— Разные вещи мы называем молодостью. Их собственная история — та история, которую они помнят — насчитывает более полумиллиона лет.

— А другой истории у них и нет вовсе, — сказал Мьяонель. — Да, теперь я вспомнил, о ком ты говоришь. Это полукровки. Соединилась в них кровь людей, дроу, невидимок и высших гоблинов. Хотя и не могут они создавать дороги между мирами, но умеют находить места, где соприкасаются миры друг с другом. Там они ставят свои крепости. Часто они по доброй воле служат темным альвам. Часто они воюют, даже и между собой, но быстро восстанавливают свою численность. Странно, что от соединения четырех народов, столь непохожих друг на друга, смогло родиться новое, и весьма жизнеспособное Целое.

Сказала Рола:

— Более всего каджи тяготеют к дроу, и во всем стараются походить на них. Они — наследники их волшебного искусства.

Улыбнулся Мьяонель и сказал:

— Вижу я, что ты ни разу не видела волшебства дроу, иначе бы не стала и сравнивать. Дроу — подлинный мастер Искусства.

Сказала Рола:

— Почему же тогда люди уничтожили их с такой легкостью?

Сказал Мьяонель:

— С легкостью? Никто из сражавшихся тогда не сказал бы, что людям эта победа досталась «с легкостью».

Сказала Рола:

— Но ведь они победили в конце концов.

Сказал Мьяонель:

— Ты считаешься среди людей весьма сведущей в Искусстве колдуньей. Не хочешь ли испытать свое Искусство? Испытание же будет таким: я приведу в твою Башню какого-нибудь бездомного бродягу, дам ему волшебный перстень, который сотворю посредством своей Силы, и прикажу бродяге напасть на тебя. Кто победит в этом колдовском поединке, как ты думаешь?

Сказала Рола:

— Не надо приводить в мою Башню бездомного бродягу, давать ему волшебный перстень, сотворенный посредством твоей Силы, и приказывать этому человеку нападать на меня. И без того нам обоим хорошо известно, что из этого выйдет. Да и незачем будет бродяге приходить в мою Башню, чтобы убить меня — с помощью такого перстня он разрушит целиком весь город, или погрузит его в Преисподнюю, или

уменьшит город до размеров горошины. Я знаю, что Лорды способны создавать такие вещи.

Сказал Мьяонель:

— Непросто было бы создать перстень, способный уменьшать города до размеров горошин. Что до остального — то в остальном ты права.

Сказала Рола:

— Для чего ты привел это сравнение?

— Так было с людьми и дроу, — ответил Мьяонель. — Дроу — искусны в волшебстве, но людей хранило от их волшебства великое Могущество.

— О каком Могуществе ты говоришь? — Спросила Рола.

— О богах, — промолвил Мьяонель.

Сказала хозяйка Башни Луча:

— Казалось мне, что боги, сотворив мир, перестали вмешиваться в то, что в нем происходит.

Сказал Мьяонель:

— Мир существовал прежде, чем произошло то, что ты называешь «сотворением». «Сотворение», о котором ты говоришь, было лишь самым значительным вмешательством богов. Но были и другие, меньшие. Последнее, мне известное — это содействие людскому народу в истреблении народа дроу.

Сказала Рола:

— Для чего богам понадобилось истреблять народ дроу?

— Я не знаю, чем именно они руководствовались, — сказал Мьяонель, — ибо я не сидел в их собраниях и не слышал решения Судьи Богов. Однако кое-какие слухи до меня доходили, ибо в райских областях живет несколько моих дальних родственников. До разделения времени богов и времени Сущего мы иногда навещали друг друга — правда, не слишком часто.

История эта случилась на самой заре человечества, когда народ людей пришел на смену исполинам-фольсхантенам. Куда нынешним смертным до тех! То были герои и великие воители, истребители чудовищ и любимцы богов! Ибо народ людей был тогда в числе немногих народов, что поклонялись богам, почитали их и возводили им храмы. От того они всегда имели с небес благословение.

Человечество быстро распространялось. И вот, однажды случилось так, что одно из человеческих племен столкнулось с дроу. Темные альвы и тогда были не самым многочисленным и не самым доброжелательным народом, но ни отчаянья, ни ненависти еще не было в них. Искусство же их

и тогда было велико.

И когда впервые встретились люди и дроу, не возникло между ними ни вражды, ни ненависти, но стали они жить в добром соседстве. Люди же с сильным восхищением смотрели на волшебство дроу и желали научиться ему. И дроу не отказывали им, хотя и не учили всему, что знали. Впрочем, и того, чему они научили людей, с лихвой хватило, чтобы возвысился этот народ над всеми прочими людскими народами и вызвал в них сильную зависть.

Что до людей, которых учили дроу, то не стану говорить, что эти люди были добры. Так же не стану говорить, что они были злы. И добро, и зло поровну совмещалось в их сердцах — но, однако же, они отличались от прочих своих сородичей тем, что получили великое колдовское могущество. Поэтому нет ничего странного в том, что они покорили множество других народов и обязали их служить себе, и сделали своими слугами. Впрочем, в те времена, как и в нынешние, это не было чем-то удивительным или необычным.

Но хотя народ, который учился у дроу, процветал, все меньше и меньше походил он на прочие народы людей и постепенно отрывался от Целого человечества. Ибо эти люди восторгались искусством дроу и во всем желали походить на них и начинали мыслить и поступать так же, как поступают дроу, и мыслить более на их языке, чем на своем. И чарами они меняли свое естество, делая его более пригодным к волшебству, и многократно увеличивали посредством заклинаний продолжительность своей жизни. И хотя, конечно же, они не стали темными альвами, но людьми уже быть перестали.

Впрочем, это еще не означает, что из них не могло со временем произойти какого-нибудь нового народа — подобно тому, как впоследствии образовался народ каджей.

Но Целое людской расы, заботясь о собственном самосохранении, не могло спокойно перенести эту потерю. И Душа Человечества обратилась к богам, умоляя избавить ее от этой порчи. И боги вняли этой мольбе. Ведь, начиная мыслить так, как мыслили дроу, люди отказывались от поклонения богам и переставали почитать их, и даже изыскивали пути к тому, чтобы научиться управлять ими — как управляют демонами и духами стихий. И нельзя сказать, чтобы эти изыскания были абсолютно бесплодны, как нельзя сказать и того, чтобы люди достигли полного успеха. Но и того, чего они достигли, хватило, чтобы разозлить богов.

И вот, вдалеке от развращенной цивилизации, в некое племя дикарей пришло Откровение. И дикари эти возвысились и поработили другие

племена. И, порабощая, они выучились военному ремеслу. И научились ковать металлы, и возводить города и укрепления, и изготавливать военные машины. А жрецы этого племени всегда имели общение с богами.

И вот, спустя несколько столетий, этот народ пошел войной на народ, который учился у дроу. Была жестокая резня, но чары оказались бессильны, ибо избранных богами хранило божественное благословение. Избранный народ поработил те земли и вверг тамошних обитателей в рабство. Некоторые дроу помогали своим ученикам — завоеватели истребили их тоже. Впрочем, войны между темными альвами и людьми тогда не случилось, потому что как и учили людей одиночки, так же и вступились за них одиночки, а прочим не было дела до истребления одних смертных другими.

И вот, избранный народ осел в тех плодородных землях, и стал править, а темные альвы скрылись в глубине лесов и без боя отдали завоевателям некоторые свои приморские поселения.

Прошло несколько столетий. Избранные процветали. И развивались в той стране культура и искусство. И множество философов написали трактаты о божественном и вечном. И еретиков уже не уничтожали с такой же жестокостью, как прежде. Наступила эпоха мира и всеобщего смягчения нравов. А что до рабства — то оно было отменено в той стране.

И вот, кое-кто из тех людей начал ратовать за то, чтобы не уничтожать все, не принадлежащее людям, но изучать язык и культуру чужих народов. И это было одобрено властью имущими — ибо в том мире осталось так мало творений высших гоблинов, карлов и нагов (все эти расы, равно как и их города, были уничтожены), что никто больше не видел в артефактах древности какой-либо опасности для людских умов.

Изучая артефакты и произведения искусства, исследователи и ученые столкнулись в том числе и с изделиями дроу. И асимметричное, противоречивое совершенство этих изделий восхитило их. И они проходили по старым поселениям дроу, и всюду искали следы этого народа, уже не желая уничтожать — но желая постигнуть.

Дроу же, как я говорил, не были истреблены, но скрылись. Что несколько веков для бессмертных? Они и не заметили их. Но когда они вновь открыли пути в тот слой мира, где обитали люди (а все миры многослойны), то встретили там не варваров, а людей, жаждущих знать и понимать. И некоторые дроу, в основном из молодых, вошли с ними в общение. Людей же, смотревших непредвзято, восхитило волшебное искусство дроу — так же, как когда-то восхитило их предшественников.

Так прошло еще несколько столетий. Творение волшебства и чар снова

стало распространяться в тех землях, а дроу снова стали посещать города людей — но всегда тайно, ибо власть жречества еще была сильна. И нельзя сказать, что темные альвы сознательно искушали людей или со злым умыслом пытались исказить путь развития человеческой расы. Напротив, старые дроу не одобряли того, что делали молодые, желая сохранить свои магические знания только для себя. Но молодые были любознательны. Они равно желали постигать чужое и делиться тем, что имели сами.

Долго можно повествовать об истории того государства, ибо на много столетий развернулась эта история. Волшебство и чары распространились повсеместно. А дроу по своей природе более склонны к темному волшебству, чем все прочие рода альвов — оттого их и называют темными альвами. И ты, Рола, знаешь, сколь осторожно следует обращаться с этой областью магии и сколь далека эта область от того, что люди называют «Путями Света». А люди, учившиеся у дроу, не были осторожны.

И вот, в государстве возникла смута. Жрецы, сильно обеспокоенные тем, что творилось в стране, объявили смерть еретикам и чернокнижникам. И большинство еретиков и чернокнижников было казнено. Одни справедливо, другие — без всякой вины. Королевство едва не потонуло в крови. Соблазны цивилизации были отринуты, вернулись прежние времена.

Но чернокнижники были истреблены не все. Самые умелые и умные не стали бороться с жречеством и королем. Они скрылись, затаив в сердцах ненависть к господствующей власти, и продолжили общение с дроу. Прошло еще сто лет. Сначала одна, потом другая провинция оказались под властью повстанцев, а жестокие меры, предпринимаемые жрецами и королем, только озлобляли население. Затем в столице случилась резня — отщепенцы за костры, что пылали уже сто лет. Боги не смогли защитить жрецов, потому что власть, которая была дарована жрецам — это власть подавлять магию и развеивать чары, но и только. А чернокнижники знали об этом и за сто лет выучились иным, более простым способам убийства. И во второй раз королевство едва не потонуло в крови.

Могло ли из этой войны взрасти что-то доброе? Конечно, нет. Ибо выжили самые жестокие, самые коварные и беспринципные. Они и воцарились в стране. Настали времена много более ужасающего, чем прежде. Место Света заняла Тьма. Непослушные теперь не уничтожались — их воля порабощалась посредством заклинаний. Совершались жертвоприношения. Было восстановлено рабство.

Созерцая эту картину, некоторые из дроу отказались от общения с людьми. Однако большинство из них продолжало приходить к своим

ученикам. Ибо темным альвам было, в общем-то, безразлично то, как одни смертные поступали с другими.

И тогда Душа Человечества вновь вознесла молитву к престолом богов. И боги ответили ей. Был создан новый избранный народ. Немногие жрецы, которые смогли спастись, пришли в то племя и учили их. История повторилась. Королевство чернокнижников было уничтожено, и верные завоевали их земли. Дроу были либо убиты, либо скрылись.

Но на этот раз ни люди, ни боги не остановились на достигнутом. Потому что пока существовали дроу, оставалась опасность, что рано или поздно общение с ними развратит и это племя. Ибо люди всегда были охочи до волшебства. И, сталкиваясь с культурой дроу, люди перенимали от нее слишком многое, и желали следовать их путем, ибо их собственная культура начинала казаться им слишком грубой и неуклюжей. И они оказывались бессильны перед чужой красотой.

Поэтому было решено истребить весь этот народ, ибо он и без того давно раздражал глаза богов. И рыцари в стальных и посеребренных латах, святые паладины неба, священники и герои стали проводниками божественной воли.

Долго длилась война. И хотя Искусство способно обмануть Силу, открыто противостоять Силе оно не способно. Дроу были разбиты и рассеяны. Все их города, во всех Землях — уничтожены. Целое их народа погибло.

Ныне же их остались считанные единицы. Тоска и отчаянье владеют их сердцами. Людей они ненавидят. Ибо дроу не знали той истории, которую я рассказал тебе — истории о том, что стало причиной и поводом их истребления. Ведь прежде они жили во многих мирах, и лишь некоторые из них, самые молодые, общались с людьми. А уничтожены были все, без разбора. И когда паладины и жрецы приходили в их поселения с огнем и мечом, они не могли понять, чем вызвана эта вражда. И людей с тех пор они считают дикими зверьми, охочими до разрушения и насилия.

Сказала Рола:

— Страшна история, которую ты рассказал. Неужели и до сих пор продолжают преследовать их, до полного уничтожения?

Сказал Мьяонель:

— Конечно же, нет. Хватило и истребления Целого их расы. Уже миновало много тысяч лет, как прекращена эта война. Оставшиеся либо сгинули сами, либо влились в другие народы — как, например, это произошло с каджами. Но некоторые еще живы. И теперь, когда стало известно о том, что время богов и время Сущего разделено, я предпринял

кое-какие шаги для того, чтобы оживить Целое их народа. К сожалению, эта попытка провалилась. А прежде и заниматься этим было бы бесполезно. Ибо, поступив так, я погубил бы и себя самого, и вновь возбудил бы гнев неба на эту расу.

Сказала Рола:

— Ты говоришь так, будто считаешь себя в ответе перед ними. Почему?

Сказал Мьяонель:

— Меня восхищает их мастерство и волшебное искусство. Я люблю их — а любви не нужна причина. Культура, созданная ими, так же близка мне, как и культура ванов, моего собственного народа.

Сказала Рола:

— Из твоего рассказа видно, что эти друу — не так уж добры. Что ты говорил о черных чарах, в которых они искусны?

Сказал Мьяонель:

— Разве я сказал, что темные альвы — добры? Я сказал, что люблю их, только и всего.

— Хорошо, — сказала Рола, — мне надо будет подумать над этой историей. Пока у меня нет вопросов. Однако мне хотелось бы продолжить беседу. Ты не против?

Сказал Мьяонель:

— Нет. Спрашивай — я, как смогу, постараюсь удовлетворить твое любопытство.

Сказала Рола:

— Ты сказал: мир существовал прежде, чем произошло то, что называется «сотворением». Как такое может быть?

Сказал Мьяонель:

— Мне сложно объяснить это.

Сказала Рола с насмешкой:

— Неужели философское учение, которому ты следуешь, настолько сложно и противоречиво, что ты не осмеливаешься даже и изложить его?

Сказал Мьяонель:

— То, что я знаю — не философское учение, а память. Однако мне сложно рассказать тебе о том, что я помню, потому что в известном тебе мире вещей я нахожу очень мало из того, с чем можно было бы сравнить состояние мира до его сотворения.

Сказала Рола:

— И все же мне хотелось бы услышать об этом.

Сказал Мьяонель:

— Смею ли я в чем-либо отказать хозяйке дома, где был принят со всей

любезностью? Что ж, слушай.

В начале не было мира Сущего. Были тени и дым, и отблески пламени, и пустота, в которой были дыры — а дыры эти были еще меньшим «чем-то», чем сама пустота. Бездна была распахнута, и не имеющие имен смотрели во вне. И Сущее, которого не было, было подобно Пределам, было подобно Хаосу, было подобно глубинам Преисподней. Обитали там, помимо не имеющих имен, еще Древние, Незримые, Грызущие и Тени.

— Что это за существа и какой вид они имели? — Спросила Рола.

— Тени были подобны теням — оттого я и называю их так. Ныне они — обитатели Дна. Древние были подобны жгутам бурого дыма. Незримые не имели ни вида, ни формы, ни каких-либо свойств. Грызущие были подобны болотным огонькам, и еще были подобны светящимся камням, и еще были подобны солнцам, заточенным внутри себя самих. Неверен был их свет, ибо не свет это был, а лишь кажущееся свечение.

— Кто же сотворил Сущее? — Спросила Рола.

— Приближение Элов породило мир сущий.

— Кто такие Элы и откуда они взялись, если не было еще ничего?

— Я не знаю, откуда пришли Элы, — отвечал Мьяонель, — и я не знаю, как правильно называть их: одним существом или многими. Ибо они могли действовать и поодиночке, и как единое целое.

— Я поняла, — сказала Рола, — это было единое, но со множеством разнообразных проявлений.

— Ты не права, — отвечал ей Мьяонель, — ведь нельзя называть реки различными проявлениями моря. Но хотя различны между собой реки, где ты проведешь границу между рекой и морем? Вода в них — едина. Так же были и Элы.

Предчувствуя их появление, стало Сущее наполняться жизнью и бытием, ибо Элы — жизнь и бытие. И обитатели мглы и теней перестали уничтожать и поглощать друг друга, ибо вокруг нашлось много другой доброй пищи, и исчезали порождения пустоты, ибо, поедая, они принимали в себя бытие, и от того изменялась их сущность. Но были и отказавшиеся. О некоторых из них известно даже и в людских преданиях. Называют их страшными чудовищами, поглощающими все живое и неживое. Но это неверно. Не поглощают они ни жизнь, ни Силу, ни материю, однако все это, соприкасаясь с ними, распадается. Вблизи них подтаивает само бытие, возникшее от силы Элов, ибо они — отказавшиеся. Впрочем, сколь мне известно, все они ныне истреблены.

Прекрасен был рождающийся мир. Долог первый рассвет. Я помню его. Солнце еще не взошло, ибо не было еще Солнца, но мой народ — народ

ванов — был уже тогда.

Мы были частью нового мира, душой его стихий. А мир менялся, оживал, становился больше, ибо приближались к нему прекрасные Элы.

Я не знаю, Благо или Зло несли они этому мирозданию. Могло быть и так, что их Благо стало бы для нас великим Злом. Оттого мы страшились их прихода. Ведь Элы были совершенны и хотели сотворить совершенный мир, а мы боялись, что сотворение из несовершенного мира совершенного обернется для нас гибелью, как обернулось гибелью для обитателей мглы и теней сотворение несовершенного мира из пустоты.

Сказала Рола:

— Но ведь благодаря животворящей силе Элов вы пробудились к существованию. Не были ли они для вас добрыми пастырями?

Сказал Мьяонель:

— Но ведь и пастырь заботится об овце из своего стада и оберегает ее для того, чтобы рано или поздно съесть ее самому.

Сказала Рола:

— Что же внушило вам столь мрачные мысли об Элах?

Ответил Мьяонель:

— Мы видели судьбу наших предшественников и не хотели исчезнуть бесследно, пусть даже и во имя Совершенства.

Сказала Рола:

— Что же позволило вам выстоять?

— Мы и не помышляли о войне с Элами, — молвил Мьяонель. — Да мы и не видели их, но только лишь догадывались об их приближении. Относительно же того, что отвратило Элов от мира и заставило их оставить мир несовершенным, у меня нет правды — только лишь несколько легенд.

— Расскажи мне об этих легендах, — сказала Рола.

— Хорошо, — ответил Мьяонель, — я изложу тебе самую красивую из них. Однако, слушая мой рассказ, ты должна помнить, что половина рассказа — ложь, и я не знаю, какая именно половина, ибо я не Эл, а только лишь обитатель мира Сущего.

Сказала Рола:

— Я помню об этом.

— Среди Элов, — начал Мьяонель, — нашелся некто, кто взгляделся в рождающийся мир и полюбил его таким, каким тот был тогда, пусть даже и несовершенным. Так мастер, вырезающий из деревянного бруска статуэтку, может усомниться: следует ли снять еще один слой древесины, или же того, что уже снято, будет довольно? И в этот миг могут враждовать и противоречить друг другу его мысли, хотя никто не назовет

такого мастера безумным. И, не зная, как поступить, этот мастер может оставить творение и заняться другими делами. Но постоянно его будут грызть сомнения: закончил ли он работу? И, видя в своей работе многие недостатки, он все же не станет подступаться к ней, опасаясь испортить то, что есть, ибо творение все-таки прекрасно. Но, желая исправить недостатки, он потеряет и покой и сон. Он спросит окружающих — но окружающие будут хвалить его работу. Тогда, чтобы избавиться от сомнений, он может подарить кому-нибудь свою работу и начать новую.

Также и тот Эл увидел некую новую гармонию в еще незаконченном, и не пожелал разрушать эту гармонию ради другой, пусть даже и лучшей. Не следует хвалить его за это, как не следует и проклинать, ибо он следовал своим желанием и своему взгляду на вещи, как другие Элы следовали своим желанием и своему взгляду.

— Между ними началась война? — Спросила Рола.

Но Мьяонель покачал головой.

— Не думаю, что это возможно. Впрочем, я слишком мало понимаю природу Элов, и, чтобы понять, вынужден прибегать к сравнениям — а это не есть истинное понимание.

Это было скорее обманом, а не войной. Тот Эл, о котором я говорю, обманул своих братьев — так же как мастер обманывает себя, расставаясь с работой, недостатки которой видит, но исправить их — уже не смеет.

— В чем же заключался его обман?

— Он побудил Элов преждевременно прикоснуться к мирозданию. Не приблизившись еще на должное расстояние — отразить себя в нем.

— Для чего?

— Так рождены были боги. Их называют творцами, но это неверно, ибо они лишь оформили то, что уже было, а новое, качественно иное могли творить только Элы.

Но вот Элы приблизились к миру и увидели богов. Боги же были готовы вступить с Элами в битву, чтобы защитить то Сущее, богами которого они были. Разгневались Элы, но сказали сами себе: «Можем ли мы бороться с собственными детьми? Что ж, пусть это несовершенное Сущее станет их владением, а мы поищем себе другое место, где сотворим иной, совершенный мир. И не станем больше зачинать детей, чтобы никогда повторилось того, что мы видим ныне и чтобы никто в новом творении не стал защищать несовершенное от совершенного Блага.» Сказав так, удалились Элы. А боги остались владеть всем Сущим.

— А что же стало с тем Элом, который пожелал несовершенного?

— Не следует считать, что он пожелал несовершенного. В себе самом

он — такое же Благо, как и остальные Элы. Он лишь увидел в несовершенстве иное совершенство, и пожелал сохранить его.

— И все-таки, что с ним стало?

— Он ушел с остальными Элами, иначе и быть не могло, — ответил Мьяонель.

— Я слышала о богах. Скажи: какой из богов — его отражение?

— Нет у него среди богов отражения. Ибо боги — отражение Власти Элов, а он не желал властвовать.

— Но неужели он так легко оставил мир, который полюбил всем сердцем?

— Что же он мог поделаться? Ведь, войдя в мир в своей безграничной силе, он изменил бы его точно также, как и другие Элы, а он-то как раз хотел оставить его неизменным... Впрочем, ты права: было и у него отражение.

— Расскажи мне об нем, — сказала Рола.

— Боги, отражения Благих Элов, поделили между собой все Сущее. Но когда Элы уходили, тот, о ком мы с тобой говорим, оглянулся и создал себе отражение. Но не отражение Власти создал он, а отражение себя самого. Отражение... характера?... души?... Не знаю, как правильно говорить об этом. Это отражение не стало богом.

— Кем же оно стало?

— Трудно ответить на этот вопрос. Впрочем, то недолгое время, пока Эл смотрел на свое отражение, оно могло творить, как и он. В этот час были сотворены необыкновенные существа — они подобны ангелам, но крылья их черны и усыпаны светящимися драгоценными камнями. Но потом Эл отвернулся, и его отражение потеряло способность творить и изменять Сущее.

— Наверное, это отражение все же обладало могучими силами, превосходящими даже божественные?

— Отнюдь. Ничего не оставил Эл своему отражению, кроме только лишь своей памяти. Ведь этот Эл желал жить в мире сущем, а не править им. И отражение его стало жить. Полагаю, что поначалу оно было слабо и бессильно, и любой легко мог уничтожить его. Но впоследствии это отражение возвысилось и обрело Силу — тем же самым путем, каким в свое время обрели Силу все прочие Лорды. Долгое время мы, ваны, знали лишь то, что это отражение есть и что оно смертно, но в ком воплощен тот Эл, нам не было ведомо. А иные народы, пришедшие после нас, не знали даже и этого, и полагали, что мир сотворен богами.

— И до сих пор неизвестно, кто он?

— Недавно, совершенно случайно, мне стало известно его имя.

— Кто же он?

— Его звали Каэрдин. А титул его был — Повелитель Затмений. Владел он тем, чего Нет и ходил теми Путями Силы, которые открываются, когда все прочие Пути Силы взаимно уничтожают друг друга.

— Как же ты узнал его имя?

— Я слышал о великой войне в Преисподней. Слышал о том, что, когда одна из сторон близилась к поражению, пришли ангелы с крыльями цвета ночи, с крыльями, усыпанными драгоценностями, что подобны звездам, и обратили поражение в победу. Никому иному они бы не стали служить, ибо не принадлежат те ангелы ни сущему, ни Преисподней, ни какому-либо иному из шести Царств... Впрочем, говорят, что Каэрдин пал в той войне. Однако не исключено, что я ошибаюсь, и не в Каэрдине был воплощен тот Эл, ибо ничего этого я не видел своими глазами, а сейчас пересказываю тебе десятые слухи.

Помолчав, спросила Рола:

— Ты рассказал мне о рождении Сущего. Скажи, откуда же, в таком случае взялись остальные Царства: Небеса, Преисподняя, Пределы, Чары и Бред?

— Когда Элы приблизились к миру, наиболее удаленная от них часть Сущего стала Преисподней. Там многое сохранилось от древнего мира. Поэтому часто Владыки Преисподней называют себя исконными владельцами мироздания и утверждают, что их род древнее рода богов и самих Элов. Но это ложь. Ибо нынешние владельцы Преисподней — всего лишь тени и отражения Грызущих и Древних.

Ближайшая к Элам часть Сущего была названа Небесами. Пределы — это и есть пределы Сущего, границы Сущего и не-Сущего. Откуда взялось Царство Чар или Царство Снов, как его иногда называют, я не знаю, ибо я не всеведущ. Слышал я некогда легенду, гласящую о том, что Царство Чар и Снов — отражение предыдущих творений Элов, осколки тех мирозданий, в которые входили Элы и которые они делали совершенными, отсекая от них все лишнее — но, скорее всего, лжива эта легенда. Что касается Царства Бреда, то о его существовании было неизвестно народу ванов. Впрочем, я могу сочинить о появлении Царства Бреда тысячу историй, и о каждой из них можно будет сказать: это — истина. Ибо я только по происхождению — ван, а по титулу и сути — Владыка Бреда.

— Но не ты ли говорил мне не так давно, что весь видимый мир создали Владыки Бреда, и Сущее — лишь крохотный островок в океане Безумия?

Сказал Мьяонель:

— Это так.

— Как же связуются между собой эти две истории?

Сказал Мьяонель:

— Ты верно заметила: истина о том, что мир сотворили Владыки Бреда и другая истина, повествующая о рождении мира истечением силы Элов, взаимоисключают друг друга. Никак не связуются между собой эти две истины и эти две истории. Как Владыка Безумия я знаю одну историю, как ван — другую. И я не исключаю того, что могут существовать еще какие-то истории.

— Так какая же из этих историй — истина? — Спросила Рола.

Ответил Мьяонель:

— Полагаю, что все.

— Как же это может быть?

— Никак.

— Тогда это противоречит логике.

— Да.

— Значит, это ложь.

— Отнюдь. Это истина. Ибо этот мир состоит из парадоксов и противоречий, и множественность творения — наименьшее из этих противоречий.

— Какое же тогда наибольшее?

— Оглянись вокруг. Оно всегда рядом, всегда окружает нас.

Рола оглянулась и сказала:

— Я не вижу ничего необычного.

— Второй по величине парадокс состоит в том, что мы не замечаем первого.

— А ты его можешь увидеть?

— Если захочу.

— Покажи мне.

— Не стану. Ибо тогда ты сойдешь с ума, а я не желаю, чтобы ты становилась безумной.

И в этот миг Рола посмотрела в глаза Мьяонеля, и увидела, что его глазницы заполнены шевелящимися насекомыми. Но Мьяонель отвернулся и провел рукой по лицу. Лицо его вновь стало красивым и юным. И тогда Рола поняла, что Сила Мьяонеля была с ним, и перестала задавать свои вопросы, опасаясь, что Сила Мьяонеля вернется и дарует ей ответы, которые она будет вынуждена принять, даже и против своей воли.

И вот, сидя за столом, они молчали некоторое время.

Сказал Мьяонель, прерывая молчание:

— Мне пора идти. У меня еще много дел.

Но сказала Рола:

— Останься. Погости у меня несколько дней. Сто тридцать лет твои дела ждали тебя — подождут еще немного.

Сказал Мьяонель:

— Хорошо. С радостью я принимаю твое приглашение, хозяйка.

Он остался и гостил у нее три дня, и три ночи они провели вместе. И Рола рассказала Мьяонелю, что есть у нее знакомый, некто Армрег, которого также называют Принцем Каджей.

— Возможно, — сказала Рола, — он захочет присоединиться к тебе в войне против Лордов Эссенлера.

Спросил Мьяонель:

— Искусен ли этот принц в колдовстве?

Сказала Рола:

— Он — из числа Обладающих Силой. Принц Каджей — его колдовской титул. В самом же народе каджей Армрег не принц, но единовластный правитель.

Удивился Мьяонель и сказал:

— Впервые я слышу о подобном титуле среди Обладающих. Я знаю, что есть те, кого называют Королями: Король Бурь, Королева Зимы, Король Птиц и еще другие. Это — древнейшие из нас. Знаю я также тех, кого называют Повелителями или Властителями. Они владеют Силами, которые распространены во всех шести Царствах: тьмой, светом, молниями, болью, жизнью, смертью и прочим. Знаю я так же и тех, чья Сила не распространена, но заключена в какой-либо определенной форме, или виде, или в каком-либо определенном месте — пусть даже такого места не существует в реальности. Их обычно именуют Хозяевами. Я — из числа их. Знаю я иные виды титулов, более редкие, но о Принцах слышу впервые.

Сказала Рола:

— Насколько мне известно, Армрег стал Обладающим не благодаря каким-то собственным усилиям, но по праву рождения.

Сказал Мьяонель:

— Так не бывает. Обладающие создают себя сами. Этому может предшествовать какое-либо иное существование — как, например, было со мной, а может и не предшествовать, и Лорд может быть рожден Силой без какой-либо видимой причины.

Сказала Рола:

— Когда появился народ каджей, у него возникла и собственная магия. Изначально этот народ состоял из нескольких больших кланов или родов. Каждый клан обладал неким особым аспектом этой магии. Как я уже говорила, каджи много воевали между собой. Однако иногда они заключали союзы, в том числе и брачные. Тот, в ком соединилась кровь всех родов, стал Принцем Каджей и правителем всего их народа. В нем волшебство народа каджей обрело свою целостность.

Сказал Мьяонель:

— Неужели он — единственный, в ком соединилась кровь всех кланов? И какой магией обладают его собственные дети?

Ответила Рола:

— Были и другие, в ком соединялась кровь всех кланов, после Армрега. Но никто из них не обладает никакими особенными талантами. Так же и его дети — а у него много детей. Он — единственный, в ком магия каджей обрела целостность, он — Принц Каджей.

Сказал Мьяонель:

— Любопытно было бы с ним познакомиться. Но почему ты думаешь, что он захочет выступить на моей стороне?

— По сравнению с другими Лордами Хеллаэна он еще весьма молод, — ответила Рола, — и, полагаю, его может заинтересовать мир, волшебство которого еще не остыло. Однако мне потребуется некоторое время, чтобы договориться с ним о встрече. Ибо невежливо приходить в гости, не получив приглашения.

— Очень хорошо, — сказал Мьяонель, — я как раз успею провести кое-какие исследования в Царстве Бреда, ибо отдых в твоей Башне даровал моему духу успокоение и подготовил меня к новому путешествию в области, где открывается истина.

С тем он покинул Ролу и ушел в пустоши Хеллаэна. Там Мьяонель открыл Книгу и стал читать ее. И прочитал он историю о древней войне и о заточении в одной из областей Бреда некоего Лорда, носящего титул Повелителя Порчи. Ничто упорядоченное не могло удержать Повелителя Порчи, и где бы в сущем не убивали его, он воскресал снова. Даже и для того, чтобы изгнать его, и заточить внутри его собственной Силы, которая проистекала из Бреда — даже и для этого потребовалось уничтожить весь мир, где обитал он прежде.

Мьяонель открыл волшебную дорогу и отправился в Царство Безумия. И вот, вступил он в область, где небо было как кисель и стекало вниз разноцветными красками, а земля была как отвердевший туман. И вот, вступил он в область, где небо было ослепительным, хотя в нем не было света, а земля была — как теплая розовая плоть. И вот, вступил он в область, где не было неба, но земля восставала до неба и становилась им, стоило лишь взглянуть вверх. И камни в этой земле ничем не отличались от камней в мире сущем, а пыль и песок — от пыли и песка мира Сущего. Самой обычной, обыкновенной, ничем не примечательной была земля в этом месте.

Вскоре увидел Мьяонель большую яму и подошел к ее краю. В яме находился человек с коричневой кожей с желтоватыми оспинами,

бородавками и болячками. В лохмотья был одет этот человек. Черными были его волосы, а в глазницах вместо глаз клубился бурый туман.

Сказал Мьяонель сидящему в яме:

— Добрый день.

Ничего не ответил ему сидящий в яме, но с сильной алчностью посмотрел на пришельца. И Мьяонель услышал, как заклокотало что-то в горле человека, и увидел, как сидящий облизывает губы.

Сказал Мьяонель:

— Вы способны разговаривать как разумное существо?

— Абдарандыбыршмырг, — ответил ему сидящий в яме.

Сказал Мьяонель, отступая от края ямы:

— Вижу, что я зря пришел в это место. А ведь я собирался освободить тебя, Лорд Мирэн, Повелитель Порчи. Но теперь я вижу, что ты не желаешь свободы. Счастливо оставаться.

И тогда сидящий в яме поднялся и судорожно изогнулся, будто бы хотел размять затекшие мышцы. Когда же он снова посмотрел на Мьяонеля, взгляд его стал осмысленным. Ибо безумие способно приобретать форму разума, если испытывает в этом необходимость — равно как и разум способен временно приобретать форму безумия, ради игры или ради защиты.

Сказал Мирэн, Повелитель Порчи:

— Кто ты и что хочешь получить от меня за мое освобождение?

Мьяонель назвал себя и сказал:

— Не хочу я никакого особенного дара за твое освобождение. Однако я знаю, что мир, в котором ты обитал прежде, уничтожен. Я хочу предложить тебе другое место для поселения, в другом мире.

Сказал Мирэн:

— Что это за мир?

— Он лишь недавно был рожден из Хаоса, — ответил Мьяонель, — и стихии его замутнены еще не очень сильно. Там же собираюсь поселиться и я. Однако есть те, кто не желает этого и противится мне, и среди них много искусных волшебников.

Сказал Мирэн:

— Ты желаешь, чтобы я помог тебе в этой войне?

Сказал Мьяонель:

— Да. Ты согласен?

Ответил Мирэн:

— Я согласен. Помоги мне выбраться отсюда — и я выполню все, что ты не попросишь.

Сказал Мьяонель:

— Сильное недоверие вызывает во мне легкость, с которой ты бросаешься подобными обещаниями. Поклянись лучше, что признаешь мое превосходство на время войны, и только. Большого я не стану от тебя требовать.

Повелитель Порчи, услышав условие, тот час же поклялся.

— Когда я освобожу тебя, — сказал ему Мьяонель, — не отказывайся от разума и от клятвы, ибо тебе не одолеть меня. Моя Сила, как и твоя, проистекает из Бреда, но я сильнее тебя. Мне многое известно о тебе, тебе же обо мне неизвестно ничего. Однако если мне придется усмирять тебя силой, я снова брошу тебя в эту яму и не пощажу, даже если ты станешь умолять о пощаде. Помни об этом и не совершай опрометчивых поступков.

И протянул руку Повелителю Порчи. Но когда Мирэн подошел ближе и протянул свою руку, Мьяонель, избегая соприкосновения рук, схватил Повелителя Порчи за горло и таким образом вытащил его из ямы. Ибо Мьяонель не хотел, чтобы Порча сама касалась его. Оказавшись на свободе, Мирэн оскалился (а длинны были его зубы!), и в глазах его горели злоба, зависть и страх. Потому что почувствовал Мирэн, что, совершив его освобождение таким образом, Мьяонель ограничил его и стал защищен от его Силы. Ведь действие, совершенное Мьяонелем, было не просто действием, но Ритуалом Силы. Ибо для искушенного в Силе исчезает все механическое и обыденное, но все становится преисполненным магии. Тогда даже и шаг, и вздох, и взгляд могут стать ритуалом, частью творимого волшебства.

Зарычал Мирэн:

— Где те, кого следует уничтожить? Как можно скорее желал бы я вступить с ними в битву и как можно скорее развязаться с твоими условиями!

Сказал Мьяонель:

— Не стоит спешить. Я буду решать, когда мы начнем эту войну, и я буду решать, когда мы ее закончим.

Сказал Мирэн:

— Не окончится ли она тогда, когда все наши враги будут умерщвлены?

Сказал Мьяонель:

— Отнюдь. Ибо вопрос о том, что такое смерть — вопрос не только практический, но и философский. И решать, как правильно рассматривать этот вопрос, тоже буду я.

И Повелитель Порчи понял, что пойман и что освободитель не оставил

ему никакого способа избавиться от наложенных уз, минуя свою собственную волю. Осознав это, Мирэн вынужден был смириться, а, смирившись, покамест перестал размышлять о том, как бы ему напасть на своего освободителя и половчее убить его.

Мьяонель вывел своего спутника из Царства Бреда и пришел вместе с ним в Хеллаэн. Мирэн, следуя за своим освободителем, молчал, но вид его сильно пугал прохожих.

Когда Мьяонель пришел в Башню Луча, то узнал, что Рола уже договорилась о встрече с Принцем Каджей. И вот, они вышли на крышу Башни и сели в золотую ладью, стоявшую там, и Повелитель Порчи с ними. Повинуясь заклинаниям Рола, ладья оказалась в фокусе Луча Башни, поднялась в воздух и поплыла на северо-восток.

Минуя различные области Хеллаэна, летела ладья, и Луч вел ладью, а ветра поддерживали ее. Летела ладья над городами, и холмами, и пустошами, и приблизилась к горной гряде. И когда пролетала ладья между горами, ощутил Мьяонель искажение в плоти мира, и понял, что покинули они видимые пределы Хеллаэна. Так прошло еще некоторое время. Горы стали ниже и не были уже столь безжизненны и холодны, как горы Хеллаэна.

Увидели они внизу широкую дорогу и полетели над ней. И увидели они большую, хорошо укрепленную цитадель, вокруг которой был город, также окруженный стенами. Множество дорог вело к этой цитадели. И с одной стороны от цитадели были горы, а с другой — море, и множество кораблей, военных и торговых, стояло в порту на пристани.

Золотая ладья, перелетев через городскую стену, приблизилась к цитадели и опустилась на широкую площадку, предназначавшуюся для подобных воздушных кораблей. На площадке стояли иные воздушные корабли, и летающие колесницы, и ковры-самолеты, а в огороженной его части — шемгасы и большие крылатые демоны.

Когда Мьяонель, Мирэн и Рола покинули ладью, появился один из мажордомов и, пригласив их следовать за ним, провел гостей к Принцу Каджей.

О, сколь великолепен, величественен и восхитителен был замок Принца Каджей, Каджети! Вел гостей мажордом сквозь залы с малахитовыми стенами, и сквозь залы с янтарными стенами, и сквозь залы с нефритовыми стенами.

Когда Рола, Мьяонель и Мирэн вступали во дворец, то видели они, что стражники, охранявшие внешние стены, высоки ростом, сутулы и широконосы. Желтоватые их волосы были включены, руки длинные, зубы

остры, а сердца — скоры на гнев. Облачены они были в серые доспехи.

Когда же они проходили через залы с малахитовыми стенами, то видели, что их охраняют стражники в блестящих кирасах и черных кольчугах. Не столь высоки были они ростом, и руки их были меньшей длины, но зато все они держались прямо. У них были бронзовые волосы и черные глаза, что смотрели жестко, хотя и без вражды.

Когда же они проходили через залы с янтарными стенами, то видели, что их охраняют стражники в доспехах, сделанных будто бы из полупрозрачного черного камня. Спокойны были их лица, а глаза смотрели так, будто бы не видели никого из пришельцев. Волосы их были тускло-голубые, будто прозрачные. Бесцветно-голубыми были глаза их. Поверх их доспехов были накинута плащи из прозрачной ткани, благодаря которым стражники могли становиться невидимыми.

Когда же они проходили через залы с черными и серыми нефритовыми стенами, то видели, что их охраняют стражники в алмазных доспехах. Были стройны эти стражники, и были благородны их лица. Волосы у них были темными, глаза темно-серыми, губы тонкими, скулы острыми, щеки впалыми. И почувствовал Мьяонель, что эти каджи причастны к Искусству.

Дальше шли гости, ведомые мажордомом, сквозь серебряные и золотые комнаты, у дверей которых уже не стояло охраны. И видели они вельмож народа каджей. Волосы их были черно-золотыми, черно-синими или черно-алыми. Глаза их были алыми, черными, синими и темно-золотыми. И на плечах некоторых из них покоились плащи из прозрачной ткани, которой пользуется народ невидимок, а у других были плащи из черной или красной ткани. И были их руки унизаны перстнями, а грудь, шею, плечи и пояс украшали драгоценности.

И вот, вошли они в зал, стены которого были из яшмы, и многие драгоценные камни украшали те стены. Там увидели они, в окружении нескольких вельмож, каджа, сидящего на троне из темного серебра. Был он высок ростом, волосы его были белы, как снег, а глаза сияли, как светлое золото. И было у него два кольца — одно на левой руке, другое на правой.

Приветствовали друг друга хозяин и гости и расположились за изящным столиком для легкой трапезы. Во время трапезы беседовали они о многих возвышенных вещах. Когда же трапеза закончилась, стали говорить они о предприятии, которое собирался совершить Мьяонель. И услышал Мьяонель, что Принц Каджей согласен помочь ему.

Сказал Армрег:

— Сколько солдат потребуется вам для этого предприятия?

Сказал Мьяонель:

— Решайте сами. Не столько солдаты требуются мне, сколько волшебники, ибо волшебники же будут противостоять нам.

Сказал Армрег:

— Сколько же вам потребуется волшебников?

Отвечал Мьяонель:

— Только один — вы. Что до того, скольких своих придворных вы возьмете в этот поход — решать вам, хотя не один из них не будет лишним.

Сказал Принц Каджей:

— Какими же силами располагаете вы сами?

Сказал Мьяонель:

— Если вы говорите об армиях и волшебниках, то, не считая меня самого и Мирэна — никакими.

Сказал Принц Каджей:

— Не стану я воевать вместо вас и выигрывать для вас эту войну.

Услышав это, расхохотался Мьяонель:

— Милорд, — сказал он, отсмеявшись, — вы ошибаетесь, полагая, что сможете выиграть эту войну для меня. Ибо не о помощи против своих врагов я прошу вас, а лишь предлагаю присоединиться ко мне, став одним из моих союзников и признав на время войны мое главенство.

Каджи-вельможи, услышав это, разгневались и выхватили оружие, чтобы покарать наглеца, но Армрег повелел им убрать мечи в ножны.

Сказал Принц Каджей Мьяонелю:

— Впервые раздается в моем дворце подобная дерзость. Столь велика эта дерзость, что я даже не стану карать за нее, ибо не оставляет сомнений, что говорящий так — безумен.

Рола уже хотела вмешаться и попросить у Принца Каджей извинения за слова приведенного ею гостя, но осеклась, увидев, как зашевелились насекомые в глазах Мьяонеля. Сильно испугалась Рола того, что может произойти, потому что поединок двух Лордов наверняка привел бы к гибели всех прочих присутствующих в зале.

Сказал Хозяин Безумной Роши:

— Несомненно, я безумен. Однако я предлагаю вам, милорд Армрег, сравнить наше волшебство и определить, имею ли я право говорить так или нет, и если окажется, что нет, то я принесу вам самые униженные извинения.

Сказал Армрег:

— Я принимаю ваше предложение, ибо оно представляется мне весьма

забавным. Поэтому я приглашаю вас покинуть вместе со мной пределы города, поскольку населенный город — не самое подходящее место для подобных состязаний.

Они покинули город и пришли в безлюдные горы.

Сказал Армрег:

— Прошу вас, Лорд Мьяонель, начинайте.

Сказал Мьяонель:

— Если позволите, ваше высочество, я бы хотел быть вторым, а не первым.

Тогда Принц Каджей сотворил заклинание. И, подчиняясь его заклинанию, оторвалась верхняя треть одной из гор и, проплыв некоторое расстояние по воздуху, опустилась в другом месте.

Сказал Принц Каджей:

— Теперь ваша очередь.

Но Мьяонель пожал плечами и ничего не сделал.

Сказал Армрег:

— Что же вы медлите, милорд Мьяонель?

Ответил Мьяонель, усмехнувшись:

— Для чего предпринимать усилия, меняя что-то в мире, если вы не видите его таким, какой он есть? Но посмотрите, каков он.

И тогда заметил Принц Каджей, что происходит нечто странное с миром, который окружал его. Взглянул он вокруг и содрогнулся. Ибо небо стекало на землю, сверкая разноцветными красками, и облака спаривались, извиваясь в экстазе, и у гор появились многочисленные ноги, и вся земля стала фарфоровым блюдом, по которому скользили горы, сиюсь выбраться за ее край, и оступались, ибо чересчур гладким была поверхность этого блюда. И хотел Принц Каджей что-то сказать Мьяонелю, но его слова ожили и изменились, и сами стали что-то говорить Принцу Каджей. Возвал он к своему волшебству и хотел применить его против Мьяонеля, но волшебство рассыпалось в руках его. И тогда Принц Каджей упал на одно колено и закрыл глаза руками, ибо не мог смотреть на мир, в который вверг его Мьяонель, а этот мир будто сдавливал и крошил его разум. Затем он почувствовал, как кто-то отнимает от лица его руки. И увидел Армрег, что находится он в своем собственном дворце, и за одним столом с ним сидят Мьяонель, Рола и Мирэн.

Сказал Армрег:

— Что за наваждение вы напустили на мой разум?

Сказал Мьяонель:

— Не знаю, можно ли назвать это наваждением. Ибо одни философы

утверждают, что видимый мир — реален, а другие говорят, что нет, и я верю тем или другим в зависимости от обстоятельств. А раз так — нет у меня ответа на ваш вопрос, милорд Армрег.

Сказал Принц Каджей:

— Вижу я, что вы настолько углубились в магию иллюзий, что перестали даже сами для себя различать иллюзию и реальность. Но можете ли вы управлять чем-то настоящим, реальным?

Спросил Мьяонель:

— Что вы называете реальным?

Сказал Армрег:

— Скала, которую я поднял посредством волшебства — реальна.

Удивился Мьяонель и сказал:

— Разве вы поднимали какую-нибудь скалу, милорд?

Вознегодовали тогда вельможи и сказали Принцу Каджей:

— Позволь нам немедленно убить его, господин, ибо он издевается над тобой. Все мы видели, как ты посредством своего искусства отделил от горы ее треть и перенес в другое место. Воистину, господин, ты — могущественный волшебник, и велика твоя Сила!

Недоуменно сказал Мьяонель, обращаясь к Роле:

— Поистине, весьма странные видения посещают иногда этих каджей!

Но молчала Рола, ибо она была с ними, когда они выезжали за город, и наблюдала действие волшебства Армрега.

И, видя это, усмехнулся Принц Каджей, и сказал, подойдя к окну:

— Выгляни в окно, безумец. Или ты будешь отрицать то, что узрит всякий, у кого есть глаза?

Сказал Мьяонель Принцу Каджей:

— Не указывайте мне на горы, милорд, но лучше взгляните на них сами.

Посмотрел на горы Принц Каджей, и увидел, что все они целы, и что та гора, которую он рассек, выглядит так же, как и раньше. И долго молчал Принц Каджей, глядя на эту гору.

Сказал он затем Мьяонелю:

— Велико твое искусство. Я же приношу извинения за то, что смеялся над тобой и называл тебя безумцем. Но если твоя Сила столь велика, что не только стихии, но и сама реальность повинуются тебе, кто же враги твои? И к чему тебе против них столь слабый союзник, как я?

Сказал Мьяонель:

— Ваше высочество, вы не слабы, но только лишь неопытны. В творении волшебства Искусство остается пока для вас большим

подспорьем, чем сама Сила. Медленно возрастает в вас Сила, но это отнюдь не означает, что вы слабы. Хотя среди моих врагов есть и такие, чья Сила равна моей, много и других, менее искусных и сильных, а я не смогу сражаться одновременно со всеми.

Сказал Принц Каджей:

— Но какая мне выгода следовать за тобой и участвовать в этой войне, где сам я буду — одним из младших?

Сказал Мьяонель:

— Если вы ответите «нет», я уйду. Однако если бы ко мне пришел кто-нибудь, более искусный в Путих Силы, чем я сам, и предложил бы мне нечто подобное, с величайшей радостью согласился бы я заключить с ним союз для того, чтобы воспользоваться чужим опытом и побольше узнать о Путих Могущества.

Сказал тогда Принц Каджей:

— Отвечаю тебе: да. Я готов стать твоим союзником, признав на время войны твое главенство, и окажу тебе любую посильную помощь.

Сказал Мьяонель:

— Благодарю. Уже сейчас потребуется мне помощь в свершении некоего волшебства. Слышал я, что каджи часто совершают набеги на другие племена и народы и уводят в рабство людей, гоблинов и даже альвов.

Сказал Принц Каджей:

— Случается и такое.

— Мне потребуется пленник.

— У нас много рабов. Бери любого, какого пожелаешь.

— Мне не нужен тот, кто уже назван рабом. Прикажи своим слугам, чтобы был послан отряд в какую-нибудь землю, и взял там пленника. Мне безразлично, к какому племени он будет принадлежать. Единственное мое условие таково: пленник должен быть младенцем, не умеющим еще говорить.

Подивился Армрег такому условию, но все ж отдал своим слугам приказ взять какого-нибудь пленника. И Мьяонель с Мирэном гостили в Каджети несколько дней, прежде чем вернулись слуги с младенцем. А что до Ролы, то она удалилась обратно в Башню Луча.

Сказал Мьяонель Армрегу:

— Есть ли в твоём дворце комната для совершения колдовских церемоний?

И когда пришли они в эту комнату, взял Мьяонель шкатулку и положил на алтарь, а рядом положил ребенка. Осмотрел он различные ножи,

имевшиеся в комнате, и, выбрав из них подходящий, поднял младенца и, ударив его ножом, убил его. И пролил на алтарь несколько капель его крови.

Сказал Армрег:

— Многое мне известно о кровавых церемониях и разных видах жертвоприношений. Не очень-то много волшебной силы можно получить таким образом, хотя некоторые полагают иначе. Но даже и эту силу ты не стал собирать. Вижу я, что она свободно испаряется во вне вместе с жизнью младенца. В чем же заключается смысл этого обряда?

Сказал Мьяонель:

— Я обращаюсь не к наполнению и не к форме, но к сути вещей. И не мешай мне, потому что обряд еще не закончен.

Сказал он затем Повелителю Порчи:

— А что до тебя — то от тебя мне потребуется поцелуй.

Усмехнулся Принц Каджей, думая, что это шутка, но не увидел улыбки на лице Мирэна. Повелитель Порчи прикоснулся рукой к своим губам, а затем протянул руку к Мьяонелю, будто передавая ему что-то. И Мьяонель взял это «что-то» из воздуха и положил на то место на алтаре, где пролилась кровь младенца. И снова, как не старался, не увидел Принц Каджей никакого волшебства в творимом действии. Не на магию походило то, что он видел, но на странный спектакль.

Затем Мьяонель отнял руку от алтаря и снова прикоснулся к тому месту, где пролилась кровь — своей рукой. Затем он будто бы взял нечто, лежавшее на алтаре, взял бережно и осторожно, и, опустив в шкатулку, закрыл крышкой.

Спросил Принц Каджей, недоумевая:

— Что ты положил в эту шкатулку?

Ответил Мьяонель:

— Оружие, которым можно уничтожить Стража. По крайней мере, мне хотелось бы надеяться, что можно. Три элемента содержит в себе это оружие, один из которых определяет, а два других направляют и усиливают. Невинная кровь, поцелуй порчи и прикосновение безумия. Впрочем, у тебя еще будет возможность увидеть это оружие в действии.

Сказал Армрег:

— Когда же мы выступаем?

— Еще не все мои союзники собраны, — ответил Мьяонель, — когда это произойдет, я снова навещу тебя. Покамест подведи поближе к столице свой экспедиционный корпус.

Сказал Армрег:

— Хорошо.

С тем Мьяонель покинул его дворец. Но, идя по волшебной дороге, увидел, как начала гнить шкатулка, которую он нес. Тогда он сотворил другую, лучше защитил ее чарами, и переложил в нее содержимое первой шкатулки.

Вернулся Мьяонель в Хеллаэн, подошел к замку Повелителя Камней и постучал в ворота. Спросили каменные големы, охранявшие ворота, кто он такой и что ему здесь нужно. Мьяонель ответил им и был впущен внутрь.

В огромном каменном зале принял его Алгарсэн и поинтересовался о цели его визита.

Сказал пришелец:

— Я слышал, что вы некогда были изгнаны из Эссенлера. Не хотите ли снова вернуться в эти земли?

Ответил Алгарсэн:

— Разве существует такая возможность?

Сказал Мьяонель:

— Да. Я собираюсь начать войну с Лордами Эссенлера. Не желаете ли присоединиться ко мне?

Сказал Алгарсэн:

— Кто, кроме вас, будет участвовать в этой войне?

— Повелитель Порчи и Принц Каджей.

— О первом я ничего не знаю, а о втором слышал кое-что. Кажется, он хороший маг, но в вопросах использования Силы еще ребенок.

— Да, это так, — согласился Мьяонель, — зато вы, как я слышал, весьма искушены в Силе. Но вас, говорят, лишили почти всего Могущества. Поэтому я подумал, что вы хорошо сможете действовать вдвоем с Принцем Каджей. Неоценимы для него будут ваши советы.

— Кто еще, кроме этих двоих?

— Из Обладающих Силой — больше никого.

Подумал Алгарсэн: «Даже и мне, в пике моей Силы, когда вся магия Эссенлера была в моей власти, не удалось одолеть Совет. Неужели этот безумец думает, что ему повезет больше? Похоже, что он просто-напросто не понимает, с чем ему придется столкнуться. Без всякого сомнения, его и тех двух дураков, которые присоединились к нему, уничтожат очень быстро. Выступить вместе с ними — глупость. Но нельзя допустить, чтобы Сила, которую потеряет этот глупец после стычки со Стражем, пропала без всякой пользы.»

Сказал Алгарсэн Мьяонелю:

— Я не смогу лично помочь вам, ибо иные миры закрыты для меня, и

вдалеке от своих нынешних владений я быстро теряю Силу. Однако я все же окажу вам кое-какую помощь. Возьмите этот камень, — и он протянул Мьяонелю обычный круглый камень, — и постоянно носите его при себе. Если вы будете побеждать, не используйте силу, заключенную в нем. Но если вы окажетесь близки к поражению — бросьте камень подальше от себя так, чтобы расколоть его. Как только вы это сделаете, могущественное оружие окажется в вашем распоряжении, но использовать это оружие вы сможете только один раз.

Сказал Мьяонель:

— Благодарю. Когда мы победим, посмотрим, что можно будет сделать для того, чтобы вернуть вам вашу прежнюю Силу.

Сказал Алгарсэн мысленно: «Дурак! Тебе не победить. Ты не станешь использовать этот камень, пока не поймешь, что вы обречены. Но пока ты будешь носить при себе этот камень, толика твоей Силы перейдет в него. А когда ты захочешь воспользоваться моим «оружием», камень не расколется и ничего не даст тебе. Но зато если тебя убьют вблизи от камня, и Страж отсечет твою Силу, она перейдет в камень, а я заберу камень и заполучу твою Силу.»

И, сохраняя на лице своем самое любезное выражение, Алгарсэн проводил Мьяонеля до ворот своего замка. Поистине, в тот день плут обманул плута! Ибо некогда Мьяонель сам сыграл похожую шутку с Йархлангом, что был соседом Повелителя Камней. Но о том, что стало с тем камнем и удалось ли Мьяонелю избежать заключенной в нем ловушки, будет сообщено в другом месте, а сейчас надлежит рассказать о том, где еще побывал Хозяин Безумной Роши.

Выйдя из замка Лорда Алгарсэна, отправился Мьяонель в некое поселение, где обитали дроу. Незначительным было число их, но это место оставалось единственным во всех мирах поселением дроу, о котором знал Мьяонель. Не раз как гостя и друга принимали его в этом поселении.

Сказал Мьяонель темным альвам:

— Я был убит, и Вернулся. Я желаю отомстить своим врагам и начать войну в том мире, откуда был изгнан. Прежде я уже говорил вам об этом мире. Не желаете ли присоединиться ко мне?

Сказали дроу Мьяонелю:

— Где те две семьи, что ушли с тобой?

Сказал Мьяонель:

— Они мертвы. Поэтому я и зову вас с собой на эту войну.

Сказали дроу:

— Не ты ли обещал отвести нас в новые Земли, при посредстве

незамутненного волшебства которых возможно будет создать новое Целое для нашего народа? Некоторые опрометчиво поверили тебе. Где они сейчас, Лорд Мьяонель?... А что до мести — то мы не станем мстить. Ибо эти погибшие — не единственные, и если начинать путь мести, то следует начинать не с них. А этот путь не приведет ни к чему, кроме самоуничтожения.

Сказал Мьяонель, опустив голову:

— Я сожалею, что не смог уберечь тех, кто доверился мне.

Сказали ему дроу:

— Говоря так, ты оскорбляешь нас, ибо глупо, бесцельно и бессмысленно теперь твое сожаление. Не говори так.

Сказал Мьяонель:

— Хорошо. Но если вы не желаете помочь мне, то, может быть, знаете кого-то, кто смог бы? Кого-то, не отказавшегося от мести?

Сказали дроу:

— Мы знаем еще лишь два места, в которых живут темные альвы. Одно из них — замок Морхикэль, воздвигнутый посредством чар. Ныне этим замком владеет Кемерлин-Отступник. Может быть, вы и столкнетесь с ним, ибо он весьма искушен в ратном деле. Второе место — замок Черной Лозы, которым владеет Яскайлег. И уж он-то с большой охотой ухватится за твои слова о Войне и Мести.

Сказал Мьяонель:

— Кажется, что вы не очень-то жалуете этих двоих.

Сказали дроу:

— Не зря Кемерлин назван Отступником. Первая его жена была из народа смертных, и от этого брака старший сын Кемерлина, полукровка. Кто наследует Кемерлину замок Морхикэль, место магии и Могущества? Его старший сын, это полу-животное, ибо Кемерлин называет смертную не наложницей своей, а женой, и сына не считает бастардом. Поэтому мы говорим, что Кемерлин отступил и отказался от памяти. Мы избегаем общения с ним.

Что до Яскайлега, то он безумен. Ненависть давно разрушила его душу. Одна ненависть ведет его и правит им. Так же и с Яскайлегом мы избегаем общаться, ибо путь, которым он следует — это путь в ничто. Полагаем, что либо с одним, либо с другим ты сумеешь найти общий язык.

Сказав так, дроу соткали видение, чтобы показать Мьяонелю, как выглядят обиталища Яскайлега и Кемерлина и объяснили, какие волшебные дороги ведут к ним.

Сначала Мьяонель отправился к замку Морхикэль. Замок тот был

высок и горд, и высился на обрыве, подобно стражу, стерегущему границы своих владений. Тонки его башни, черны стены, узки окна, скрытые причудливым узором решеток. Серебряная паутина пронизала стены, сложенные из обсидиана и яшмы. Это место чар, место Искусства, место Могущества. В каждом камне замка Морхикэль заключено волшебство.

Мьяонель приблизился к замку, и просил позволения войти, и ворота отворились перед ним. Во дворе его встретил один из детей Кемерлина и проводил в башню. Тонки и извилисты были лестницы в той башне. И хотя диаметр той башни был не более тридцати футов, длина зал, в который привели Мьяонеля, превышала сто футов — а за ним были видны еще другие помещения. И в который уже раз отдал Мьяонель должное искусству дроу — ибо столь тонко было изменено здесь пространство, что он, Лорд, не ощутил на пути в залу даже и малейшего искажения в его ткани.

И Кемерлин приветствовал его как гостя и спросил о причине, что привела в Морхикэль одного из Обладающих. И Мьяонель рассказал ему о причине.

Когда же рассказ был закончен, спросил Кемерлин:

— Скажи: только лишь месть ведет тебя? Надеешься ли ты победить в этой войне?

Сказал Мьяонель:

— Несомненно, я одержу победу. Но то, о чем я рассказал тебе — только половина необходимой подготовки.

Сказал Кемерлин:

— Не обернется ли твоя война с тамошними Лордами уничтожением всего Эссенлера?

Сказал Мьяонель:

— Мне не хотелось бы этого.

Сказал Кемерлин:

— Правду ли сказал ты, говоря, что в новорожденном мире наши браки перестанут быть бесплодными и Целое нашего народа, возможно, возродится опять?

Сказал Мьяонель:

— Мне хотелось бы думать, что это возможно. Прежде мне доводилось ткать Целое, создавая какой-нибудь новый народ, но никогда прежде не доводилось восстанавливать Целое, а тем более — столь древнее, столь таинственное и столь изощренное Целое, как то, что было у народа дроу. Это — вызов моему Искусству.

Говоря так, он улыбнулся Кемерлину, как бы говоря: но это не вся

правда о причинах.

Несколько дней он гостил в Морхикэле, и познакомился с родичами и детьми Кемерлина — со старшим, Герхальтом, и с младшими, рожденными от брака Кемерлина и Алгимейды, альвы света, и с побочными, рожденными от Кемерлина Крессо, сумеречной альвой. Но следует сказать, что кроме Отступника еще и другие дроу обитали в этой крепости — друзья и сотрапезники хозяина Морхикэля. Титул Кемерлина среди них был высок, ибо они называли его князем.

Заклучив союз, отправился Мьяонель к замку Черной Лозы. И нашел он этот замок осажденным, и увидел, что последние двое защитников его загнаны в верхнюю часть крепости, а к ним рвутся осаждающие — люди и их священники. Двое последних защитников, один из которых был дроу — он был ранен, а другой кадж — он умирал, готовились к смерти. И сходя к ним, услышал Мьяонель, как обращается дроу к Силам, предлагая им себя за такую ничтожную малость, как месть.

Сказал Мьяонель, сплетая себя перед ним из воздуха, из теней, из отзвуков безумного крика:

— Я принимаю эту сделку. Страшнейшей мезтью отомщу им за тебя. Подтверди договор.

Сказал Яскайлег:

— Подтверждаю.

И тогда Мьяонель коснулся каджа, и исцелил его. И обратился против людей, пришедших с войной в замок дроу, и прогнал их прочь. Тогда старый священник Бога Света и жрица Богини Ночи обратились к своим покровителям и молили их о защите и силе. И аура божественного могущества возникла вокруг них, и защитила их от Мьяонеля.

Но сказал Владыка Безумия:

— Миновало ваше время. Ныне боги слишком далеко, чтобы помочь вам всей своей мощью.

И обрушил свою Силу на ту, что закрывала их. И Безумие вошло в Свет и Тьму и затмило глаза проводникам божеств, и коснулось их сердец. Взаимная ненависть вспыхнула в них сильнее прежнего, и обратились они друг против друга, и поразили друг друга. Мьяонель же прошел мимо содрогающихся тел, не замечая их, гоня перед собой прочих людей, как стадо. И возникло в его разуме знание о том, что послужило причиной к этой войне и о том, как велась война, ибо он пожелал этого знания. И порадовался Мьяонель, изыскав в этом знании некую Возможность. Тройственной была эта Возможность: возможность не исполнять своего обещания буквально, возможность испытать себя в той области Искусства,

которая должна была пригодиться ему вскоре, и возможность сотворить злую шутку.

Пригнав людей в селение, откуда приходила Рея, Мьяонель собрал всех поселян на площади и сказал им:

— Чудесными дарами наделели вас ваши боги. Дары эти таковы: животный страх, ненависть ко всему, что отлично от вас, стремление иметь для себя хозяина на небе, слепота и невежество. Хочу и я кое-чем одарить вас для того, чтобы более не казались вам эти дары сладостными. Да станете вы теми, кого ненавидите и боитесь. Я дарую вам прозрение и отнимаю право ослепнуть. Уже никогда отныне вы не узнаете покоя. Кровь народа чародеев — на вас, и этой кровью, а не семенем, вы зачали себе потомство. Тени Лишенных Крова, истребленных вами и отцами вашими, и тени теней их обретут кров в вашем доме. Вы же — покинете его, сгинув так же, как исчезает вода, давая жизнь зерну. Отныне не людей станут рожать ваши жены, но людей по виду, а не по сути, людей, в чьей памяти будут таиться осколки памяти дреу. Тоской по их миру и презрение к вашему — вот чем станет жизнь ваших детей, ваших внуков и правнуков и всех потомков вашего рода. Их будут гнать, ненавидеть и истреблять — также как вы ненавидели и истребляли дреу. Да разделите вы участь тех, кого истребили. Приветствую вас, Лишенные Крова! Я сказал.

Сказав так, Мьяонель ушел от них.

Когда же он явился в замок Черной Лозы, спросил его Яскайлег:

— Как ты отомстил им?

Зная, что откровенным ответом он вызовет к себе сильнейшую ненависть (ибо отвратительным кощунством показалось бы дреу подобное проклятие) молвил Мьяонель:

— Ответь мне: какая месть лучше — та, которую полагает ужасающей тот, кто желает отомстить, или та, которую полагает страшной сама жертва?

Сказал Яскайлег:

— Без всякого сомнения, второе.

Сказал Мьяонель:

— Вот так и я поступил с ними.

Сказал Яскайлег:

— В чем же заключалась твоя месть?

Но был ему ответ:

— Тебе достаточно знать и того, что случившееся было именно таким, как сказал я, а не иным. Но как оно осуществилось — я не расскажу тебе, ибо договор между нами касался только лишь мести, но не рассказа о ней.

Долго молчал Яскайлег, и тяжелы были его думы. И Мьяонель ждал, не тревожа его.

И когда дух Яскайлега перестал быть бушующим пламенем, а стал неподвижным льдом, он склонил колени перед Владыкой Безумия и спросил:

— Какой службы ты от меня потребуешь, господин?

Сказал Мьяонель:

— Не склоняйся передо мной и не называй меня господином, ибо это неприятно ни мне, ни тебе. Встань. Я желаю, чтобы ты служил мне не как слуга, но как вассал и соратник.

Однако Яскайлег не поднялся.

— Отношения между нами определены договором, — ответил он. — И я не отрекаюсь от своих слов — хотя мне и нелегко исполнять их. Я буду верен тебе, но никогда не тешь себя иллюзией, что я служу тебе по своей доброй воле. Если мне суждено быть рабом, любить своего господина я никогда не буду.

Спросил Мьяонель:

— А если я освобожу тебя от твоих обязательств, пойдешь ли ты со мной?

Сказал Яскайлег:

— Нет. Ибо я никогда не прощу того, перед кем был вынужден склониться. Кроме того, освободив меня от клятвы, ты вновь оскорбишь меня, ибо мы не даем и не принимаем то, что называется у других народов «прощением». Предлагаемая тобой милость — оскорбительна.

Сказал Мьяонель:

— Неужели нет способа, которым я мог бы завоевать твое расположение?

Сказал Яскайлег:

— Зачем оно тебе, господин? Я и без того буду тебе верен. В том мое слово, ты слышал его. Впрочем, — добавил он, помолчав, — есть способ, которым ты можешь подчинить себе и мое сердце, а не только волю, хотя я и не понимаю, зачем тебе это нужно. Воскреси Цамиру, мою дочь — и ты приобретешь желаемое.

Сказал Мьяонель:

— Твоя дочь, так же как и ты — из народа дроу. Вы — Лишенные Крова. Будь на ее месте человек или гоблин, кадж или альв, невидимка или оборотень — Цамира была бы уже жива. Но она — дроу. Где мне искать ее? Разрушены дороги, которыми дроу следуют после смерти, лежат в запустении сады отдохновения, превращены в руины ваши подземные

чертоги. Иную душу можно найти и в Царстве Мертвых, ибо определенной дорогой движется она — дорогой своего рода, не покидая своего Целого, или дорогой своей веры, не покидая Целого своего бога. Но дроу не служат богам и вот уже много тысячелетий у них нет своего Целого. Где мне искать твою дочь?

Склонил Яскайлег свою голову и прошептал:

— Я понимаю, господин. Безумие говорило моими устами.

Взглянул на него Мьяонель и, вспомнив день, когда он говорил слова любви женщине, сердце возлюбленного которой отнял и носил в своей груди, сказал дроу:

— Я знаю это безумие. Даже я, Владыка Бреда, над ним не властен. Теперь встань. Я принимаю твою службу.

СЕВЕРЕНАНД

(история двадцатая)

В числе союзников, которых собрал Мьяонель для войны с Лордами Эссенлера, был некто Армрег, Принц Каджей. Как и Мьяонель, был он Обладающим Силой, но Сила, которой он владел, из-за некоторых своих свойств была не столь велика, как Сила прочих Лордов и развивалась медленнее. Кроме того, в те дни Армрег был еще весьма молод. Мьяонель же стал для него наставником, но учил он Армрега как бы между делом, ибо все время у него отнимала забота о грядущей войне. Таким образом, Армрег стал его спутником и сопровождал его в путешествиях по различным областям Сущего, где Мьяонель искал союзников. Впоследствии Принц Каджей рассказал своим летописцам о некоторых из этих путешествий.

Так, однажды отправились они в отдаленную область Сущего, в некое место на границе Сущего, Небес и Чар, в Северенанд, в Город, Сотканный из Звездного Света. Словно из золотистого и серебрянного света, из сияющего хрусталя состояли его стены и башни, его высокие арки и висячие мосты, канаты которых были украшены драгоценностями. Многочисленные радуги переливались над городом. Следует так же сказать, что пространство города было не таково, как пространство иных городов, привычных людям. Словно несколько городов, слились в единое целое, пребывая в одном и том же месте в одно время. Различны между собой были эти города, но переходы между ними — неощутимы. Так, стоя на перекрестке, где в ином городе можно было видеть три улицы, расходящиеся в разные стороны, здесь таковых улиц можно было видеть шесть или девять, и по любой из них можно было последовать, попав в совершенно иную часть города, с иными перекрестками, но то, что виделось, не дробилось перед глазами и не накладывалось одно на другое, как изображения нескольких как будто бы призрачных мест.

Спросил Принц Каджей, когда они приблизились к городу:

— Зачем мы пришли сюда?

Сказал Мьяонель:

— Чтобы войти в храм Солнцеликого. Я полагаю, там не откажутся помочь нам.

Спросил Армрег:

— Кто это — Солнцеликий? Кажется, что это одно из вторичных имен Бога Света, но если это так, вряд ли он станет помогать нам, ибо Келесайн Майтхагел, как говорят — любимейшее его чадо.

Сказал Мьяонель, усмехнувшись:

— Есть и иные боги кроме тех шестерых могущественных, которые правят Сущим. Впрочем, я знал Солнцеликого еще в те времена, когда его следовало бы называть скорее не богом, а великим демоном. И поговаривают, что еще прежде этого он принадлежал к народу ванов, но он старше меня и я не знал его, как родича, ибо он был одним из первых ванов, которые изменили свою сущность, превратившись во что-то определенное.

Спросил Армрег:

— Кем же стал Солнцеликий?

На то был ответ:

— Я уже сказал тебе: сначала великим демоном, а впоследствии божеством. Он был в числе тех, кто сотворил этот город. Но не думай, что ты, видя немного больше, чем видел бы на твоём месте человек или даже колдун, видишь весь этот город. Здесь есть потайные области, сокрытые даже и от моих глаз. Многие могущественные творили это место — хотя и в их числе и нет Обладающих Силой, ибо это место древнее, чем все Обладающие.

Вот, вступили они в Город, Сотканный из Звездного Света, и зашагали по его необыкновенным улицам к храму Солнцеликого. Достигнув храма, они говорили с его обитателями. Неверным было бы назвать их жрецами Солнцеликого, ибо могущество их было велико и имело под собой иную природу, чем у иных жрецов. Скорее, учениками можно было бы назвать их. Число их было не слишком значительно. Души их — как хрустальные нити, как морские раковины, как солнца со многими лучами. Сущность Солнцеликого, разделенная на части, пребывала в них. Также при храме имелась школа, где ученики Солнцеликого обучали людей и иных существ той части магии своего божества, которая может быть постигнута при помощи Искусства.

И говорили пришельцы с Танмесанмейдом, Устами Солнцеликого, положение которого в храме можно было сравнить со значением верховного жреца и пророка. И спросил Мьяонель, что случилось с их богом, ведь, войдя в храм, он не смог ни призвать его, ни даже поговорить с ним.

Сказал Танмесанмейд:

— Давно не говорил Солнцеликий с нами так, как говорил прежде. Впрочем, вряд ли это возможно теперь.

Спросил Мьяонель:

— Отчего же? Или известное проклятье Дарующего Имена коснулось и вашего покровителя? Это было бы странно, ведь он не был в числе тех, кто населяют Обитель Богов.

Сказал Танмесанмейд:

— Тот, кого ты называешь Солнцеликим и с кем ты, возможно, общался некоторое время назад как с существом, обладающем определенной индивидуальностью, перестал существовать в такой форме. Он перешел в иное качество, завершил свое преобразование. Дорогу, по которой отправилось его сознание, ни ты, ни я не в состоянии себе даже и представить. Что смертный знает о путях, которые ждут его после смерти? Что ты или я знаем о подобных путях, ожидающих бога? Однако некая часть его сущности, более ему не нужная — та низшая часть духа, которая связана с тем, что мы обыкновенно называем волшебством — эта часть его сущности была дарована нам, его наследникам и ученикам. Ныне, слившись с нами самими, она покоится в нас, наделяя нас великим могуществом. Теперь говори, для чего ты пришел к Солнцеликому и что ты желаешь получить от него.

И когда Мьяонель рассказал об этом, называемый Устами Солнцеликого молвил:

— Ты получишь помощь. Пусть нашего бога более нет в этом мире, но мы — наследники его, а значит — наследники его долгов и его уз.

Трое из этого храма отправились с Мьяонелем в низшие области Сущего. Их имена — Глаанест, означающее Истребляющий Огонь, Тайнианим, Студень-Вода, и Ауг, что означает Ослепление, а вернее — Ослепление, Вышедшее из Глаза. Собственных же имен у них, также как и у Уст Солнцеликого, не было. Также с ними отправилось некоторое число колдунов из храмовой школы. На время, пока еще не были собраны остальные войска, Армрег был готов предоставить им для поселения собственный дворец, однако они отказались. Недалеко от Каджети они вошли в храм Света и заняли его, захватили и изменили волшебство, пребывавшее в нем. С тех пор Замком Слепи стали называть это место, ибо немногие могли взглянуть на него, не ослепнув.

ВЕЛИКИЙ ДРЕВНИЙ

(история двадцать первая)

Говорят, что некогда Мьяонель рассказал Принцу Каджей такую историю:

— Во времена, — начал Хозяин Безумной Роши, — когда стали являться в мир Обладающие Силой, многие могущественные волшебники спорили о сущности изменений, происходящих в мироздании и о сущности Сил, которые проникали в него. Но скажи, что тебе самому известно о положении, сущности и месте, которое занимают в мироздании Обладающие?

Сказал Армрег:

— Прежде не столько теория, сколько практика волшебства занимала меня, но если ты полагаешь, что мне следует знать и некоторое количество тех противоречивых теорий, которые вот уже многие тысячелетия от скуки сочиняются смертными и бессмертными — что ж, я запасусь терпением.

Сказал Мьяонель:

— Есть вид существ, обладающих сознанием, которых можно было бы назвать «народами» или «живущими». Неверно было бы называть их только смертными, ибо значительная часть и народов бессмертных принадлежит к ним. Животные и люди, альвы и невидимки, ангелы и даже некоторая часть тех, кого называют демонами и духами, относится к этому виду. Это — индивидуальность, стремящаяся стать чем-то большим. Пусть магического развития для этих существ — Искусство в различных его видах. Они управляют тем и меняют то, что пребывает вне себя, посредством того, что есть внутри них. Существуют расы, в силу своего происхождения или в силу своей древней истории, коим Искусство известно много лучше, чем прочим — так же как существуют расы более молодые и менее одаренные. Это — одна сторона бытия.

Иная сторона — наполняющая мир Сила. Это — энергия и волшебство. Сама в себе сила безлична, но в отдельных своих формах стремиться стать индивидуальностью или вынуждена вести себя как индивидуальность в силу каких-либо причин и обстоятельств. Таково изначальное происхождение духов стихий и богов.

Сказал Армрег:

— Как может нечто, не обладающее сознанием, делать вид, будто оно обладает сознанием?

Сказал Мьяонель:

— Так же как хищник может скрываться в траве, сливаясь с нею или же как наемный убийца, одетый в неприметную одежду, может вжиматься в камень и оставаться незамеченным людьми, которые ходят совсем рядом. Как человек, познающий Искусство, может ощутить себя ветром или водой, огнем или деревом — также и стихия, достигшая определенного развития, способна принять образ некой индивидуальности, на самом деле ей не являясь. Эти два пути — Свобода и Сила, индивидуальность и распространенность — противоположны друг другу по своей сути, хотя и способны опосредованно познавать свою противоположность. Но в определенный период в Сущем появился иной вид существ, природа которых была как бы двойственной — с одной стороны они были индивидуальностями, с другой — Силами. Могущество богов огромно, но деятельность их, как правило, проистекает на совершенно ином плане, чем тот, где обитают смертные и бессмертные. Те боги, которые известны нам как воплощенные в определенных формах и обликах, на деле суть не боги, а их инструменты для общения с нами. Настоящие боги не действуют, но пребывают. И в этом смысле я полагаю, богам несколько не повредило заклятье, сотворенное Кадмоном, оно лишь затруднило им способы общения с нами — что для нас проявилось, как изгнание, как разделение мира богов и мира смертных.

Что до Обладающих Силой, то, имея в потенциале мощь, родственную божественной, также обладают они также и другой сущностью — сущностью индивидуальной, мыслящей так, как мыслят люди, альвы или другие народы. Есть и такие Обладающие, в которых вторичная сущность была сущностью животных или растений. Есть и такие, в ком Сила соединилась с естеством обитателей призрачного мира. Нечего и говорить, что они столь же сильно отличаются от нас с тобой, как и человек отличается от животного или от призрака.

Несомненно, что Сила накладывает определенный отпечаток на того, кто служит проводником для нее, но также важно, чтобы естество и сознание будущего проводника Силы обладало определенными свойствами, пригодными именно для данной Силы. В связи с этим я хочу рассказать одну историю, которая может показаться тебе забавной.

Итак, во времена, когда начали являться в мир Обладающие, двое волшебников поспорили о сущности Сил. Один из них утверждал, что количество Сил, кои могут придти посредством Обладающих в мир,

бесконечно, другой же говорил, что конечно. Также спорили они о природе и о том, откуда проистекают новые Силы, и что является их источником. Один из них утверждал, что исток Сил лежит за пределами Сущего, но, проникая в Сущее, они изменяются, принимая к себе ближние формы от уже существующих. Другой же доказывал, что эти Силы — всего лишь новое странное соединение стихий, уже существующих. Также приводили они многочисленные примеры и ссылались на формы волшебства и виды титулов, различествующие у Обладающих. И тот, кто доказывал, что число Сил конечно, сказал, усмехаясь:

— Если бы число Сил было бесконечно, то где-нибудь во вселенной мог бы появиться Повелитель Зеленых Ежиков — так же, как существуют, например, Повелитель Ворон или Король Птиц, или Король Волков.

Сказал второй:

— Почему бы и нет?

Ответ этот весьма рассмешил первого. Стал он развивать эту тему, придумывая различные способности и свойства, которыми должен был бы обладать подобный Лорд. И это так увлекло его и рассмешило, что сказал он, надсмехаясь:

— Говорят, что все Лорды, способные полностью раскрыть свою Силу и не раствориться в ней, созерцая Сущее, видят Сущее так, как им привычно. Так, Повелитель Огня видит мир как огонь, Повелитель Молний — как молнию. О, сколь небезынтересно было бы увидеть мир глазами Повелителя Зеленых Ежиков! Несомненно, желал бы я стать подобным Лордом — хотя бы только лишь ради одного этого зрелища!

Говорил он так, смеясь, и уж конечно не верил в то, что с ним может произойти что-либо подобное. Но говорят, что в тот же миг и час произошло с ним некое изменение, ибо его дух был готов к соприкосновению с Силой, и Могущество, которое он выкликал, вошло в него. И увидел он, что произошло с ним, и увидел, как ослабела и истощилась иная магия, которой обладал он прежде, и закричал от ярости и бессилия. И пытался он избавиться от этой Силы и измениться обратно, но не смог. И не день и не два предпринимал он подобные попытки, но они были безрезультатны, ибо при помощи Искусства можно лишь описать эффекты, производимые Силой и научиться управлять некоторыми проявлениями ее, но не создавать ее и не уничтожать ее по своему желанию. Прежде тот человек был великим волшебником, но теперь вся иная магия, имевшаяся в нем, или иссякла, или претерпела изменение, приняв сходство с Силой, которая воплотилась в нем. И так, в усиливающемся отчаянии, проходили дни и ночи.

И вот, однажды вспомнился ему тот старый разговор и роковые слова о том, что он желал бы узнать, как выглядит Сущее, если смотреть на него глазами Повелителя Зеленых Ежиков. И в тот же миг растаяла, как дым, его волшебная цитадель, и очутился чародей на холме, покрытым высокой густой травой, в месте, где небо состояло из семи разорванных слоев, переходящих друг в друга. И он почувствовал, что в этом холме таится некая скрытая Сила, и спустился с него, чтобы рассмотреть холм повнимательнее. И когда он спустился, то увидел, что холм этот огромен. И когда он стал осматривать холм, то земля посыпалась вниз, и закачалась трава, потому что холм шевельнулся. И увидел чародей, что перед ним — огромное, ужасающее существо с желтыми источившимися клыками, со смрадным дыханием, со шкурой болотного цвета и с острыми изумрудными шипами, торчащими из нее в разные стороны. И чародей, немея от ужаса, спросил у существа:

— Кто ты?

— Я — Великий Древний, — ответило существо. — Я вечен. Я тот, кто был всегда и кто всегда будет. Весь мир, известный тебе — не более чем мой сон, и все существующее — только лишь мое сновидение. Впрочем, и ты сам — часть моего сна. Посмотри, сколько праха оставило на мне время. Я спал так долго, что некоторые части моего сна — такие, как ты, например — приобрели определенную назойливость. Впрочем, разрешаю тебе существовать и дальше, ибо мои сны сладки и удивительны, и я намерен снова погрузиться в них.

Промолвив так, существо закрыло глаза и снова предалось своим сновидениям.

Дойдя до этого места, Мьяонель замолчал, а Армрег, выждав некоторое время, спросил его:

— Для чего ты рассказал мне эту притчу? Может быть, ты желал напомнить, что волшебнику следует внимательно следить за всеми словами, которые он произносит, ибо легкомысленные слова могут привести к последствиям, коих он не ожидает? Но я давно уже не ребенок и не нуждаюсь в подобных наставлениях.

Усмехнувшись, спросил Мьяонель Принца Каджей:

— Ты полагаешь это притчей?

Затем он взял его за руку и отвел в некое отдаленное место, где семислойное, семицветное небо рвалось и переходило, переливалось из одной своей части в другую. Там они увидели холм, выросший вокруг необыкновенного существа колоссальных размеров. Спросил Мьяонель:

— Что ты видишь?

— Я вижу чудовище, — ответил Армрег, — и оно кажется мне ужасающим, не смотря на свою внешнюю форму, которая чем-то подобна обыкновенному ежу, только зеленого цвета. Но то, что я вижу за этой оболочкой, заставляет меня содрогаться от ужаса. Я не знаю, с чем можно было бы сравнить это, но оно страшно.

Сказал Мьяонель, удовлетворенно кивнув:

— Я рад, что твое зрение оказалось достаточно развитым для того, что бы воспринять не только форму этого существа, но и глубинную его суть. Когда я сам узнал ту историю, которую я недавно изложил тебе, то решил разыскать это существо. Я осуществил свое желание. Я разбудил его, и мы некоторое время беседовали. Он жаловался на судьбу. Он древнее, чем этот мир, это верно. Может быть, он даже вечен. В прежние времена существ, подобных ему, мой народ называл Грызущими. Это один из последних оставшихся из этого рода, и, может быть, самый последний. По крайней мере, о других мне ничего не известно. Сила же, которая вошла в чародея, не вызвала этого Грызущего к жизни и не создала его, но позволила — или, может быть, следует сказать «вынудила» — проявиться на том плане существования, который доступен нашему восприятию. Так вода обволакивает предмет, который погружен в нее и как бы раздвигается, соприкасаясь с его формой.

Сказал Принц Каджей:

— Но ведь ты сказал, что разбудил его и беседовал с ним — а мир остался цел. Значит, это существо лгало или заблуждалось, утверждая, что все существующее — лишь его сон!

Сказал Мьяонель:

— Но ведь потом-то оно снова заснуло! Откуда я знаю, что было с миром во время нашей беседы? Я лишен предрассудков и готов допустить, что и в самом деле мир перестает существовать, когда эта тварь просыпается. Однако справедливости ради следует заметить, что доподлинно установить истину в данном вопросе невозможно. Либо ты пребываешь в мире, либо беседуешь с разбуженным существом, а третьего не надо, и беседовать и пребывать одновременно — невозможно.

— Что же стало с чародеем, который первым вошел в это место?

— Вскоре он погиб, — пожал плечами Хозяин Безумной Роши, — ибо не желал принимать вещи такими, какие они есть и изучать свою Силу. Прежде ради смеха ему было занятно представлять, каково это — владеть подобным чудесным волшебством, но когда дошло до дела, подобное занятие показалось ему шутовским занятием, недостойным столь благородного человека, коим он себя считал. Поэтому нет ничего

удивительного, что вскоре какой-то другой чародей погубил его в колдовском поединке.

ВРАТА

(история двадцать вторая)

В неких пустынных землях стояли магические врата. Были они закрыты могучим заклинанием и лучились невиданной мощью. Никто не знал, куда ведут эти врата и что скрывается за ними. И поскольку находились они, как было уже сказано выше, в пустыне, не сразу обитатели этого мира узнали об их существовании. Первым сие чудо увидел торговец, караван которого сбился с дороги. Узрев высокие врата, в которые били молнии, он посчитал это знамение Всемогущего (а люди в том мире поклонялись одному богу, который, по их мнению, распорядился всеми областями Сущего), но знамение устрашающим, ибо устрашающий вид имели эти врата. Так, помолвившись некоторое время и убедившись, что это не наваждение (ибо врата не исчезли), торговец повернул в другую сторону и через некоторое время вышел к городу Дамассаре. Там на постоялом дворе оставил он своих верблюдов и, прославляя Всемогущего, рассказывал о увиденном знамении всем, кто желал его слушать. Поначалу таких нашлось немного, ибо жители Дамассары полагали, что солнце в пустыне сильно припекло голову торговца, но затем отыскались люди, которые отнеслись к его рассказу серьезно. И один могущественный вельможа, увлекавшийся различными необыкновенными происшествиями и кое-что смысливший в магии, послал нескольких своих всадников посмотреть, правду ли говорит торговец. Его люди добрались до того места, вернулись и доложили, что торговец не солгал. Тогда вельможа обратился в магам, обитавшим в городе и рассказал им о случившемся. Маги же потребовали к себе торговца и допросили его. А надо сказать, что в том городе было две категории магов, и обе категории выполняли также обязанности жрецов: они различались тем, что одни почитали Всемогущего как пламя, а другие отказывались придавать ему какую-либо форму. Вторые занимали в городе главенствующее положение, но первые были более предприимчивы. К ним-то и обратился вельможа, давно уже общавшийся со многими из них. Эти же маги, из которых особо следует отметить двоих, Эшкабейха и Эшкамиса, заинтересовались описанным явлением и отправились в пустыню. Там они стали изучать врата и строить предположения, что могло скрываться за ними. Хотя все их догадки были беспочвенны,

сходились они в одном — несомненно, говорили маги, за этими воротами таится великая мощь, и всякий, кто сумеет открыть их и подчинить себе, станет величайшим волшебником, когда-либо жившим на свете. Однако, как не пытались они снять заклятие или грубой силой разрушить печать, лежащую на воротах, все усилия их были тщетны, ибо несомненно, что тот, кто создавал ворота и накладывал печать, был волшебником куда как более могущественным, чем все они, вместе взятые. Тогда они временно отступились, и, вернувшись в Дамассару, стали изыскивать способы справиться с печатью. И приглашали они в город многих иных колдунов, и испрашивали у них совета, и поднимали старинные рукописи, в которых мог бы содержаться какой-либо намек на тайну заклятия, сковывающего ворота.

А следует сказать, что торговец, послуживший причиной этого переполоха, происходил не из Дамассары, а из другого города, лежащего на севере, называемого Кунбилтом. В этот город направлялся он изначально, и лишь впоследствии, сбившись с пути, пришел в Дамассару. Но до магов Кунбилта дошли слухи о том, что нашел этот торговец, не умеющий держать язык за зубами, и поэтому, когда он достиг, наконец, Кунбилта, и поцеловал землю родного города, они приказали страже взять его, и, бросив в темницу, так обратились к нему:

— Для чего ты донес магам Дамассары о волшебных воротах? Отчего не умолчал и не пришел к нам? Кто более имеет прав на эти волшебные ворота — твои земляки или же чужеземцы? Нехорошо ты поступил, поведав чужакам об этом сокровище. Сиди же теперь в тюрьме и оплакивай свое предательство, отвратительное перед очами Всемогущего!

Оставив торговца в тюрьме, затеяли они с магами Дамассары спор о том, кто имеет более прав на эти ворота. И маги Кунбилта утверждали, что они, ибо человек из их города нашел это место, а маги из Дамассары, что они, ибо они первые заявили о своих правах. Так спорили они, обмениваясь гневными речами, и одновременно с тем разыскивая союзников и знатоков, которые смогли бы открыть ворота.

А надо сказать, что в Дамассаре, когда об этих поисках стало известно повсеместно, верховный служитель Всемогущего Давим Гэаман, глава тех его служителей, которые отрицали у Всемогущего наличие какой-либо определенной формы, воспротивился изучению этих врат именно в силу неизвестных свойств, которые ворота могли таить в себе. Но власть, которой обладал Гэаман, хотя была и велика, но все же не являлась абсолютной, и Эшкабейх и Эшкамис не стали следовать его повелению, но спорили с ним, и грозили, что в случае его дальнейших запретов, почитающие

Всемогущего как огонь вовсе выйдут из-под повиновения. Опасаясь раскола, Давим Гэаман не стал выставлять вокруг врат посты, как собирался поначалу, но продолжал, как мог, увещевать огнепоклонников, призывая их одуматься. Немногие, однако, послушались его увещеваний.

И вот, в некий день, к Эшкабейху и Эшкамису прибыл мудрый астролог и чародей из города Хутим-Наух, обители мудрецов. И, сильно рассчитывая на его помощь, отправились они к вратам. Маги же Кунбилта прознали об этом, и, обеспокоенные тем, что врата могут открыть их соперники, собрались и отправились туда же. И те, и другие прибыли к вратам одновременно. Много в тот день было нанесено оскорблений из тех, что смываются только кровью. И тогда, по приказу магов, схватились между собой воины, сопровождавшие их, и сами маги сражались при помощи волшебства. Маги Кунбилта рассчитывали, одолев соперников, захватить мудреца и при его помощи открыть ворота. Маги Дамассары надеялись одолеть врагов и более не беспокоиться ни о каких помехах. Многие были умерщвлены в той битве, многие клинки сломаны, многие доспехи порублены. Не было победителя, но подступающие сумерки разделили сражающихся, и они отступили в разные стороны, ибо и с той и с другой стороны имелось много раненых. И, отступив, вдруг увидели они, как раскрываются врата сами собой...

Теперь следует немного рассказать о самих вратах, о том, куда они вели и о том, кто сотворил их.

Некогда Эмерхад, Повелитель Знаков и Господин Символов, поспорив со своим братом, Гасхаалем, Вороньим Лордом, возжелал создать могущественное оружие, превосходящее по своим свойствам любое иное оружие, которое мог бы сотворить его брат. Для того он изучил волшебство смерти и разрушения и нашел путь в место, где смерть вечна, в место, где пребывает все распавшееся, в место, где покоятся угли пространства и времени. Место это называется Старым Колодцем. Забравшись туда, Эмерхад вытащил из стены Колодца несколько камней, из которых впоследствии изготовил девять боевых дисков. Однако, выбираясь на поверхность, он оборонил один камень. Выбравшись же из Старого Колодца, он закрыл врата и ушел в иные земли, где занялся обработкой дисков, приданием им определенной формы и отточкой их магических свойств. Вскоре он забыл о Колодце. Впоследствии Эмерхада убил его брат, Повелитель Ворон.

Обороненный десятый камень долго летел вниз. Время в Старом Колодце течет иначе, чем в мире сущем. Можно сказать, что оно и не течет вовсе, а тлеет, и события, проваливаясь в прорехи во времени, хоть таким-

то образом продвигаются в будущее. Нескоро десятый камень достиг дна.

Там пребывал в покое Бог Колодца. Когда камень нарушил его покой, то Бог Колодца, рассердившись, забросил его обратно наверх. Долго летел вверх камень. Две ладони коснулись его — ладонь бога, властвующего над силами, что заключены в этом камне, и ладонь Повелителя Стихий, впоследствии изготовившего из других девяти камней могущественных демонов. Поэтому нет ничего удивительного в том, что и в десятом камне образовались некие желания и стремления, сложившиеся впоследствии в подобие индивидуальности. Силы, заключенные в нем, были схожи с силами девяти демонов-дисков, но вот только, в отличии от них, десятый камень был свободен, никому не подчинен и не имел имени.

Достигнув врат, он остановился, ибо дальше двигаться было невозможно. Нельзя сказать, что он стал размышлять, как бы проникнуть сквозь врата. Во-первых, он еще не умел размышлять, ибо не видел еще ни одного человека, у которого мог бы позаимствовать то, что называется «размышлением». Во-вторых, даже уметь он мыслить, не стал бы он размышлять, как проникнуть за ворота, ибо не знал, что ворота — это проход и что за ними существует нечто иное.

И вот, стоя перед воротами, почувствовал он вдруг, что за ними не «ничто» (а именно так порождение Старого Колодца воспринимало мир существующий), но нечто, сродное его собственной природе — разрушению, распаду, разложению. Тогда, ощутив, что за воротами что-то есть, он открыл их и вошел в мир. И можно сказать, что был он вызван посредством жертвоприношения, хотя маги и не подозревали, что, убивая друг друга перед воротами, совершают жертвоприношение.

Пришли в изумление маги и воины их, увидев черноту за узкой аркой величественных врат, и сгусток, подобный камню, подобный тусклому свету, подобный черной паутине, выплывающий с той стороны. Остановились они, пораженные, не догадываясь еще, что выпустили в мир. Камень же впитывал потоки новых энергий и потоки знаний, изменяясь, совершенствуясь, возрастая в осознании мира и себя самого. Так, наступил миг, когда он смог уже сказать о себе: «Я — это я» — и изумиться собственному существованию. Еще через несколько секунд он постиг, что прежде почитаемое им за «ничто» — есть целый мир, хотя и существует этот мир иным способом, чем тот способ, что был ведом ему прежде. И еще осознал он, что частицы мира в числе восемнадцати, стоящие пред ним, качественно отличаются от всех остальных частиц мира, который он видел — отличаются тем, что, как и он сам, способны осознавать себя. И тогда вышедший из врат пожелал позаимствовать у людей их способы

самопостижения, и научиться думать, как думают они. И вот, он двинулся к одному из мертвых тел, и поглотив его, впитал знания о природе этого тела и те знания, которые еще оставались в его мертвом разуме. Но он не насытился. Тогда он обратился к живым...

Только тогда пораженные маги начали действовать. Увидев как темное облако (таким образом они воспринимали облик этого камня) поглотило одного из их мертвых товарищей и на некоторое время как бы уплотнилось, отчасти приняв его черты, они впервые пришли к мысли о том, что вышедшее из врат может таить в себе некую опасность. И тогда они применили Искусство против вышедшего. Но ни огонь, ни холод, ни иные стихии не остановили вышедшего, ибо огонь для него ничем особенным не отличался от воздуха. Перемещаясь, он отодвигал со своего пути и воздух, и огонь, ибо они мешали ему передвигаться.

Так он приблизился к группе магов, пришедших из Кунбилта и, выбрав одного из них, не стал отодвигать его в сторону, но совместился с ним, раскрыл себя ему, настойчиво требуя в ответ такой же откровенности. Он впитал мага и поглотил его память и чувства. Хотя от того камень и не стал человеком, но научился мыслить почти как человек. Теперь уже ничто не мешало ему собрать облик, подобный тому, что он изучил. Однако, как только он сделал это, он впервые узнал, что такое боль — ибо маги, увидев, как облако поглотило их товарища и на его месте начало вылеплять из черноты какое-то человекоподобное чудовище, вновь обратили против него свое Искусство. На этот раз им повезло больше. Им удалось повредить камень, поскольку его новая плоть состояла из элементов, которые были подвержены повреждению. И тогда камень напал на них, и стал убивать их. И ведя битву с магами, он постиг много нового, и узнал, что это — битва, что это — смерть, и испытал радость.

Он двигался слишком быстро, чтобы заклятья успевали коснуться его. Миг — он был в одном месте, еще миг — уже в другом. Также он научился управлять энергиями таким образом, чтобы избегать столкновения с энергиями, которые обращали против него маги. Также он отточил свое умение убивать и менять по желанию свой облик, приспособивая его к сиюминутным потребностям. И вот, он уничтожил всех магов Кунбилта, и обратился к другим, пришедшим из Дамассары. Так же и их волшебство оказалось бессильным против него. И тогда Эшкамис расстелил на земле ковер и, схватив астролога за руку, прыгнул на тот ковер, произнеся некие слова. Волшебный ковер поднялся в воздух, камень же, уничтожив всех людей и волшебников, поднял голову и посмотрел на него. И когда ковер полетел в город, камень двинулся за ним следом, поскольку тело, которые

он приобрел, не было предназначено для полета. Но когда ковер скрылся за горизонтом, камень повернул к Кунбилту — ибо двое людей, память которых он взял, были из этого города.

Подойдя к городу, он убил многих, и брал себе их знания, и совершенствовал себя. Когда вышли против него воины Кунбилта, он уничтожил многих из них, а другие бежали. И он вошел в город, и убил правителя Кунбилта, и стражу его, и некоторых из вельмож его. Другим же вельможам сказал:

— Служите мне и я, может быть, пощажу вас.

Стал он не править, но владеть Кунбилтом. И своей волей он отнял у жителей города мысли о том, что можно покинуть город и бежать в другое место. И стал он там жить, и отнимать у горожан мысли. В тени превращались они, истачиваясь о реальность, облик же камня становился все более четким и ясным. Благодаря ворованному он стал излучать столь сильную ауру энергии и воли, что многие вельможи уже не из страха, но, скорее, из необходимости, служили ему, и люди, обитающие в городе, хотя и боялись зла, таящего в камне, более уже не могли представить себе города без него.

Камень смутно помнил, что были у него братья, и ощущал некую неопределенную связь с ними. Впрочем, скорее не как братьев помнил он их, но как продолжение себя самого, и полагал, что если бы смог изыскать эти недостающие части, то смог бы лучше постигнуть то, что есть он сам. И, крадя чужие мысли, тратил он получаемое на то, чтобы лучше изучить себя, углубиться в недра собственного существа и понять, наконец, сущность связи с «братьями», сущность этого неясного томления. И вот, в один из дней он вышел из города и направился к воротам, чтобы постичь то, что было истоком его собственного существования. И когда он стоял перед воротами, изучая таящееся за ними, то почувствовал за их гранью одно из потерянных своих продолжений. И камень обратился к нему, и призвал к себе. В тот же час вышел из ворот демон-диск, который во время битвы с Вороньим Лордом Келесайн Майтхагел молнией низверг обратно в утробу Колодца. И демон-диск засмеялся, благословляя час своего Возвращения. И стал он подобен сильному, но недалекому брату на службе у брата более слабого, но и более умного. Способности и свойства этого диска были отточены и велики, так же он имел более развитый разум, однако же он был скован узами своего Предназначения и не мог выйти за них, а десятый его брат, демон-камень не имел определенного имени и Предназначения. Так диск обрел хозяина, который мог определять цель, а камень обрел то, что казалось ему частью его самого.

Теперь стоит кое-что рассказать об Эшкамисе и астрологе — единственных двух спасшихся. Они прилетели в Дамассару и рассказали о том, что произошло перед волшебными воротами. И тогда молва, которая прежде приписывала создание врат Всемогущему, стала говорить, что это ворота ада, запертые Всемогущим, но теперь маги отворили их и зло вошло в мир. Хотели жители города разорвать астролога и Эшкамиса, но те бежали и заперлись в доме последнего. Толпа осаждала этот дом, и вскоре взяла бы его штурмом, если бы вдруг не явились воины, присланные Давимом Гэаманом, и, оттеснив толпу, не забрали этих двоих. Когда же они прибыли во дворец верховного жреца, сказал Давим Эшкамису:

— Не говорил ли я тебе, что не следует открывать эти ворота? Не предупреждал ли, что за ними может таиться не мощь, но опасность? Что же теперь ты станешь делать? Может быть, выйдешь к людям, которые столь жаждут увидеть тебя — ибо у многих из них есть родственники в Кунбилте?

Сказал Эшкамис, задрожав:

— Молю, господин, не отдавай меня им! Велика моя вина, и нет мне искупления! Однако не об искуплении я молю тебя, а о снисхождении. Оставь мне жизнь, господин мой! Навеки стану твоим рабом, и, как раб, буду служить тебе — только сохрани мне жизнь!

Усмехнулся Давим Гэаман и молвил так:

— Ты сказал. Впрочем, я сохраню тебе жизнь не потому, что желаю получить такого дурного раба, как ты, но потому что по твоей вине в этом городе почти не осталось магов и некому теперь исправлять то, что натворили вы с Эшкабейхом!

И расспросил он Эшкамиса, как все вышло, и внимательно выслушал его ответ. Позже он допросил и астролога из Хутим-Науха, и выслушал его. И стал он размышлять над услышанным. И собрал он жрецов, почитавших Всемогущего как бесформенное, и своих сотрапезников, и ученых мужей, и некоторых магов из иных сект, и пригласил мудрецов Хутим-Науха. И молился Давим Гэаман, но не получил от Всемогущего никакого знака или указания.

И вот, в очередной раз обсудив все, что они знали об этом случае, создали маги, собранные Давимом Гэаманом, волшебный предмет, который, как они полагали, был бы способен связать вышедшего из бездны. И сказал Давим Гаэман:

— Кто из вас понесет этот предмет в город Кунбилт, где обитает чудовище, кто рискнет своей жизнью, чтобы связать его?

Все молчали. Тогда встал астролог, бывший с теми, кто открыл ворота, и

сказал:

— Я пойду.

И Давим Гэаман дал ему свое разрешение и благословил его. Направился астролог к Кунбилту, и вошел в него, но назад не вернулся. И вскоре поняли волшебники, наблюдавшие за городскими воротами посредством волшебных чар, что пал посланный, и никогда уже более не возвратится. Но аура тьмы и бесцветья продолжала висеть над городом, и это означало, что демон по-прежнему свободен и невредим.

И тогда снова собрались мудрецы в доме Давима Гэамана и размышляли, почему оказался бессильным против демона сотворенный ими предмет. И молился Давим Гэаман, но не получил от Всемогущего никакого знака или определенного ответа.

И вот, когда снова собрались мудрецы, то один из них, встав, сказал:

— Наша ошибка в том, что мы пытались изобрести способ, коим можно было бы подчинить этого демона. Но ведь если это один из тех демонов, что были заключены Всемогущим в Преисподнюю еще на заре сотворения мира, можно ли вообще подчинить его? Ничего удивительного, что бесплодной оказалась наша попытка. Следует нам изобрести оружие, коим можно было бы уничтожить его, и не претендовать на большее.

Послушавшись совета этого мага, создали собравшиеся волшебный клинок и доспехи. Но спросил Давим Гэаман:

— Кто возьмет эти вещи и выступит против демона?

И вновь все молчали, опустив головы. Долгим было это молчание, пока вдруг не обратился к Давиму Гэаману Эшкамис и сказав:

— Господин мой, прости, что осмеливаюсь говорить без твоего дозволения, но позволь мне взять их, ибо эта вина — на мне.

А был он молод, ловок и искусен в обращении с оружием. И даровал верховный жрец Всемогущего ему благословение. Вошел Эшкамис в город, занятый демоном, но не вернулся обратно. Однако аура тьмы и бесцветья продолжала висеть над городом, и это означало, что демон по-прежнему свободен и невредим. И вскоре поняли маги, наблюдавшие за городом посредством волшебства, что пал и второй посланный, и бесплодными оказались их усилия.

Вновь собрались маги в доме Давима Гэамана и сказали:

— Видно, не в силах человеческих уничтожить этого демона. Остается лишь молить Всемогущего о том, чтобы он простил нам грех наш и, явив свою милость, истребил исчадие ада.

И Давим Гэаман, вновь войдя в святилище невидимого бога, которому поклонялись люди той земли, вновь обратился к нему, моля о милости. Он

был в храме один, и вдруг необыкновенное сияние возникло в центре зала, и ярчайший свет ударил по глазам жреца, едва не ослепив его. Сияние было велико, занимая собой едва ли не половину всего помещения, и казалось, что ему тесно здесь. И Давим Гэаман склонил голову, восхваляя Всемогущего.

Сказало сияние:

— Твоя вера велика, и молитва твоя была услышана. Я Тарнааль, Ангел-Страж. Как твое имя, человек?

Сказал просящий:

— Меня, ничтожнейшего, зовут Давим Гэаман, и я раб рабов Всемогущего.

Сказал ему Тарнааль:

— Говори.

И Давим Гэаман, не переставая благодарить Всемогущего, рассказал Стражу о том, что произошло в их землях и о том, какие силы, выпущенные по недоразумению, бесчинствуют здесь.

Сказал Тарнааль, посмотрев на восток:

— Да, я вижу эти врата. Я знал того, кто сотворил их.

Сказал Давим Гэамар:

— Кто это был, господин?

Сказал Ангел-Страж:

— Это был могущественнейший чародей, происходивший, впрочем, не из числа людей, а из числа таких же духов, как и я.

Спросил Давим Гэамар:

— Был ли он из числа верных рабов Всемогущего или же из тех — да будут прокляты их имена! — кто в начале времен поссорил Всемогущего и человека?

Сказал Тарнааль:

— Сотворивший эти врата был обманут и оболещен одним из наших врагов и некоторое время оставался на стороне его. Но потом он раскаялся, не желая более служить злу, и мы приняли его.

Воскликнул Давим Гэамар:

— Воистину, беспредельно милосердие Творца!

И сказал Тарнааль:

— Воистину, тот, кто имеет силу, должен иметь и сострадание. Но теперь нам надлежит оставить эту беседу и отправиться к вратам, ибо я вижу, что в этот самый миг демон, которому вы столь необдуманно помогли выбраться на поверхность земли, вызывает из врат своего родича.

Закричал Давим Гэамар:

— О горе нам, горе! Даже и один из них явился причиной бесчисленных разрушений, что же станется теперь с нашей землей, если здесь будут действовать двое!

Сказал Тарнааль:

— Исчислены дни их, ибо я, Хранитель Севера, Небесный Воитель, Ангел-Страж, стою здесь. Оставь отчаянье.

Сказал Давим Гэмар:

— Благословлен час твоего прихода, о могущественнейший из служителей Творца неба и земли!

Сказал Тарнааль:

— Ты произносишь много громких слов, человек, но готов ли ты сам чем-нибудь пожертвовать ради того, чтобы земля, на которой ты живешь, очистилась от зла?

Сказал Давим Гэмар:

— Мой владыка видит мое сердце. Разве сокрою я что-либо от владыки моего? Скажи, в чем воля Всемогущего — и я исполню ее.

Спросил его Тарнааль:

— Не пожалев даже и жизни?

Сказал Давим Гэмар:

— Что жизнь? Лишь прелюдия к празднеству за столом властелина земли и неба.

Молвил тогда Ангел-Страж:

— Ты отправишься к вратам вместе со мной и поразишь того демона, которого выпустили маги Кунбилта и Дамассары.

Сказал Давим Гэмар:

— Повинуюсь слову владыки моего, но каким оружием я стану поражать этого демона? Ведь при себе у меня нет иного оружия, кроме моей веры. Разве что этим? — И он протянул к сиянию свой пастырский посох, коий был символом его ранга в иерархии служителей Всемогущего.

Сказал Тарнааль:

— Хрупок материал этого посоха, состоящий из дерева и железа. Другой посох я дам тебе.

И приказал ему снять верхнюю одежду и обнажить грудь. Когда же Давим Гэмар сделал это, рассек Ангел-Страж своим мечом ему грудь так, чтобы стало видно бьющееся сердце. И сжал он сердце Давима Гэмана, словно это был спелый плод. Кровь же, вышедшая из сердца жреца, не пролилась на пол, но осталась в воздухе, образовав нечто, подобное сияющему, сверкающему пруту, исходящему белым огнем.

Сказал Ангел-Страж:

— Это — меч твоей веры. Это — твой пастырский посох. Им ты поразишь вышедшего из врат.

И захватил он сиянием, выходящим из его крыл, Давима Гэамана, и, отнеся его в пустыню, оставил там. Сам же он бросился в погоню за демоном-диском, который, завидев его приближение, стремительно переместился в отдаленную область тех Земель и затаился там. Однако Ангел-Страж не отставал и вскоре настиг его. А это был диск, который властвовал над небом. Увидев, что бегство бесполезно, он низвел из неба множество ветров и молний и обрушил их на Ангела-Стража. Но Сила Стража была больше и он продолжал продвигаться к диску. Тогда демон-диск попытался удрать из этого мира, но Тарнааль запретил ему, положив пределы путям, которые прежде были доступны демону. Тогда тот бросился на Ангела-Стража, стремясь коснуться хотя бы краешка его сияния, но Ангел-Страж ударил его своим мечом и уничтожил навечно.

В то время у Колодца камень, не имеющий имени, с усмешкой смотрел на жреца.

Сказал он Давиму Гэаману:

— Странно поступил твой покровитель, оставив тебя мне на растерзание. Удивляет меня этот неожиданный подарок, однако, конечно, я не стану отвергать его.

Давим Гэаман молчал, ибо ум его был занят молитвой. Выставив перед собой сияющий Клинок Веры, приближался он к демону. И протянулся к нему камень своим естеством, и ощутил, что то, что несет Давим, так же отличается от известных ему частиц мира, как отличается от них его собственное естество, неуничтожимое, вечное. И пожелал он узнать, что это, и заскользил к Давиму. Тот, однако, ударил его этим предметом — и во второй раз узнал демон, что такое боль, и ощутил в себе некое повреждение. И как быстро он не старался двигаться, человек оказывался столь же быстр, хотя трудно было ожидать подобную быстроту от старца. И понял камень, что предмет в руках старика обладает такой же способностью, какая была у него самого — способностью огибать время или отодвигать его в сторону. И пребывал он растерянности, не зная, как одолеть этого врага. Отступая, он не заметил, как приблизился к распахнутым вратам. Естество его было сильно повреждено к тому времени — впрочем, следует сказать, что все же это было не подлинное его естество, а то, которое он приобрел, чтобы постигнуть мир так, как постигают его существа, обитающие в нем. Подлинное же естество его было неуничтожимо. В подлинном своем состоянии он воспринимал предмет в руках человека не как оружие, но как преграду, и был вынужден

отступать перед ней. Это злило его даже еще больше, чем разрушение телесного облика, который он так долго собирал.

Но вот, наконец, он приблизился к воротам и ощутил их совсем рядом. Тогда что было сил бросился он в сторону, ибо не желал возвращаться в Старый Колодец и пребывать вечность безвременья не осознавая себя и даже не существуя в полном смысле этого слова. В ответ на это Давим Гэаман, видя беспокойство демона, удвоил натиск и, поразив его в самую сердцевину, отшвырнул за врата, в темноту и ничто.

И вот, смотря в распахнутые врата, устало опустил он Клинок Веры, не имея сил даже на то, чтобы восхищаться чудесами мира, сотворенного Всемогущим. Видел он, что темнота за вратами — это не темнота, и свет углей, тлеющих в Старом Колодце — на самом деле ничуть не похож на свет углей, но не знал, как иначе описать это место. Так стоял он в молчании.

Когда же он приблизился к вратам, чтобы закрыть их, сотрясся мир. И врата изогнулись, грозя разорваться. Казалось — нечто огромное пытается войти в мир сквозь них. Давим Гэаман, желая в сильном страхе поскорее закрыть их, увидел, что исчезли их створки, да и сами врата потекли и заизвивались, как будто весь мир был огнем, а врата — прорехой в танцующем пламени. В ужасе отступив от этой прорехи, увидел он, как медленно выходит из врат бог Старого Колодца.

Неописуем был его облик и более всего был близок к черноте, таящейся за тьмой. Был он огромен. Не стало врат за его спиной. Был он сам — как врата.

Когда оглядывал бог Старого Колодца мир, показалось Давиму Гэаману, будто дрожит мир от его взгляда и присутствия и что малейшего желания вышедшего из врат достаточно, чтобы развеять и эту землю, и небо, и пустоту, которая их окружает. Бог, впрочем, еще не желая этого, продолжал оглядывать Сущее, но беспрестанно как будто все более сильные волны пробегали по ткани, из которой состоит реальность, грозя в скором времени обратить видимость в несуществующее.

Но вот волны остановились. Белоснежные нити протянулись к воздуху и земле, стянув ткань Сущего и не выпуская биения, исходившего от бога Старого Колодца, из некоего замкнутого кольца. Оглянувшись, увидел Давим Гэаман источник этих нитей, и узнал ангела, который принес его сюда и с которым он говорил в святилище.

Тогда бог Старого Колодца, раздраженный тем, что кто-то вздумал ограничить его, обратил свою силу на нити. Неизвестно, каков стал бы исход поединка между богом и Небесным Стражем, ибо велики были

силы их обоих, однако ж Тарнааль обладал еще одной Силой, и эта Сила устрасила бога Старого Колодца, когда Тарнааль направил на него свой клинок.

Сказал бог, прекращая рвать нити, коими Ангел-Страж стягивал распадающуюся реальность вокруг этого места:

— Что тебе до меня?

Сказал Тарнааль:

— Тебе здесь не место. Убирайся, откуда пришел.

Сказал вышедший из врат:

— Я долго пребывал в покое, пока размышления мои не были нарушены. Уже во второй раз кто-то сбрасывает мне на голову бесполезный хлам. Желая я уничтожить это место, где, как я вижу, обитают сбрасывающие. Только после того я уйду туда, откуда пришел и вновь предамся размышлениям, которые уже ничто не сможет нарушить.

Сказал Тарнааль:

— Боюсь, тебе придется уйти, не уничтожая места, где обитают сбрасывающие.

Сказал бог Старого Колодца:

— Не вижу причин поступать так.

Сказал Тарнааль:

— Необходимость — вот наиважнейшая из причин. Если ты не уйдешь по доброй воле, я заставлю тебя сделать это.

Сказал бог Старого Колодца:

— Я вижу, ты располагаешь могущественной Силой и можешь исполнить то, чем грозишься. Эта Сила ужасает меня, но, мне кажется, ты сам не догадываешься, чем владеешь. Откуда у тебя это? — И он указал на клинок.

Сказал Тарнааль:

— Это не твое дело. Немедленно убирайся обратно — или то, что страшит тебя, осуществится.

Сказал бог Старого Колодца на это:

— Я вижу, ты не представляешь себе, каковы могут быть последствия применения этого клинка и какие разрушения он может вызвать.

Сказал Тарнааль:

— Тебе ли говорить о разрушениях — тебе, угрожавшему разрушить все существующее!

Сказал бог Старого Колодца:

— Я говорил о месте, где обитают сбрасывающие, но разве я говорил обо всем существующем?

Сказал Тарнааль:

— Не пытайся отвлечь меня своей болтовней. Даю тебе последний шанс покинуть это место.

— Постой, — сказал ему бог Старого Колодца, от возрастающего волнения которого запульсировала реальность и снова начали рваться нити, которыми Тарнааль связал ее, — я должен объяснить тебе...

Но Тарнааль не стал слушать его лживых откровений. Взмахнув клинком, он поразил бога. И показалось Тарнаалу, будто на миг время застыло и между мгновением и мгновением образовалась пустота. Следом за тем время потекло снова, но божества, говорившего с Ангелом-Стражем, уже здесь не было. Впрочем, оставалось еще то, что можно было бы назвать «магическим телом» божества. Тарнааль знал, что если оставить это в покое, то со временем оно превратится в могущественного демона или бога какой-либо местности — бога разрушительного, жестокого, злого. Поэтому он отсек ему руки, ноги, голову, разрубил сердцевину и раскидал части его естества по Нижним Мирам.

И Давим Гэаман видел это духовным зрением и восхвалил Всемогущего за то, что тот послал своего слугу избавить Вселенную от страшнейшего из демонов. Когда же Давим Гэатман вернулся в Дамассару, то призвал к себе писцов и учеников, и поведал им эту удивительную историю, и приказал записать все слова Небесного Стража, чтобы последующие поколения могли узнать о великих делах, творившихся в прежние времена и о чудесах, совершаемых по воле Всемогущего Создателя земли и неба.

ТАНЦУЮЩИЙ

(история двадцать третья)

В неких Землях, в некоей стране, в одной деревушке жил молодой человек по имени Стэфан. И казалось бы — живи да радуйся. Ведь не был он не уродом, ни дураком. Все у него было на месте. Однако закрепилась за ним в деревне слава как о непутевом чудаке. И нельзя сказать, что это мнение было несправедливым. Всякую работу, которую поручали ему, делал Стэфан спустя рукава. Принимался он за нее бодро, с известным рвением, но уже через самое короткое время работа валялась из рук, а мысли его уходили далеко-далеко. Странные были эти мысли и касались самых различных предметов. Впрочем, было у них кое-что общее — все они были пустыми, вздорными и относились к предметам, никакого отношения к реальной жизни не имеющими. Совершенно смехотворные, ничтожные, незначимые вещи волновали Стэфана куда сильнее, чем вещи настоящие и действительно важные. К примеру, он мог всерьез задумываться над тем, каков размер звезд. Известно ведь, что звезды прикреплены слюной Богини Ночи к небесному своду. Однако небесный свод находится от нас на расстоянии, которое хотя и неизвестно нам, но все же достаточно велико. А большие вещи издали кажутся маленькими. Небо находится выше, чем вершина горы, однако баронский замок, расположенный на горе, кажется совсем крохотным, если смотреть снизу. Не значит ли это, что звезда, которая с земли видится крохотной точкой, окажется, если приблизится к ней, огромным шаром из огненного хрусталя, превосходящим по своим размерам баронский замок или даже гору, на которой он расположен?

Вот такие вот бредни лезли в голову этому юноше. А ведь, между прочим, если бы он выкинул эти бредни из головы, мог бы зажить не так уж плохо. Поскольку он был красив собой, некоторые девушки засматривались на Стэфана, но вскоре разочаровывались в нем, поскольку с таким, как говорится, каши не сварить. Да и самому Стэфану скучно было с девицами. Скучно ему было общаться и с юношами своего возраста, и со стариками. Пожалуй, только с детьми каким-то образом он умел находить общий язык.

Он был чудаком, настоящий чудаком. Например, как-то он пытался доказать,

что вода в том месте, где на нее ложится отражение луны, должна иметь другой вкус, чем во всяком остальном месте. Одно время он любил приходить в одно место в лесу и часами мог сидеть там; когда же лесорубы подошли к этому месту и хотели срубить там несколько деревьев, он с такой яростью набросился на них, что они приняли его за умалишенного. Еще, например, он утверждал, что все люди равны в том смысле, что жизнь любого из его односельчан имеет такую же ценность, как жизнь барона, живущего в высоком замке на горе. Слезно умоляла его мать не говорить ничего подобного при баронских слугах.

Также часто мог он остановиться и как-то по-иному взглянуть на тот или иной предмет — взглянуть так, как будто видит его впервые. Из глубокой задумчивости можно было вывести его только криком или пинком.

Меж тем все эти странности, еще простительные для подростка, тем сильнее раздражали односельчан, чем старше становился Стэфан. Казалось бы, пора бы уже и за ум взяться, но нет, что ни день — все больше бредней приходило ему в голову. Уже и уговаривали его, и молча терпели его чудачества, и вразумить пытались, и даже били — все без толку. Родители уже и отчаялись женить его, потому как ни одна девка не желала идти за него замуж. Даже и жрец пытался его образумить — но от того больше худа произошло, чем добра. Одно время, видя его пытливым ум, стал служитель богов обучать его грамоте и разнообразным божественным наукам. И что вышло? Не выучившись еще всему, уже этот Стэфан во всем сомневался. День ото дня вопросы задавал он все более каверзные, все с большей насмешкой говорил о вещах, к которым иначе, чем с благоговеньем, и относится нельзя. Многие места в божественных книгах отрицал, а те, что не отрицал, все равно по-своему перетолковывал. Не было в нем ни страха перед этими таинственными предметами, ни почтения. Такого учить — лучше и не учить вовсе. Выгнал его священник, ибо не желал возвращать нового ересиарха.

И был с тех пор Стэфан как отрезанный ломоть. Уж и родители на него рукой махнули. Непутевый. Дурак.

...Чем дольше он жил среди этих людей, тем сильнее мучился осознанием простой истины: он здесь — чужой. Это — не его время, не его дом, не его жизнь. Это — чье-то чужое, доставшееся ему, Стэфану, по какой-то ошибке. Старый жрец, впрочем, утверждал, что боги не ошибаются. Глупец. Что он знает о богах? Разве он видел их хоть раз? Разговаривал с ними? «...Однако и мне о них, — думал Стэфан, — известно не больше, чем ему. Но, я, по крайней мере, не делаю вид, будто

что-то знаю. А он еще даже не осознал собственного невежества...»

Зачем он был рожден в этом мире? Он не понимал. Тоска по чему-то большему, чем эта жизнь, с некоторых пор стала его постоянной спутницей, но если бы кто-нибудь спросил его: что оно? какое оно, это *большее*? — Стэфан не смог бы ответить. Вместе с тем слишком часто ему казалось, что все это — только игра его воображения, а сам он ущербен, ибо даже в обыденной жизни не сумел добиться каких бы то ни было высот — куда уж замахиваться на *большее*! Не был он «героем без подвига», и себя он знал достаточно хорошо. Он не мог похвастаться ни быстрой реакцией, ни большой силой, ни твердой волей, ни цепким умом. Были у священника другие ученики, которые научились читать и писать гораздо быстрее, чем он. Он хорошо знал, что такое страх — может быть, даже слишком хорошо. И было неважно, поддавался ли он страху или пересиливал его. Страх открывал в его душе такие глубины ада, о которых Стэфан и не подозревал прежде. Он умел любить, но любовь его (как он сам думал) была болезненной и убогой, поскольку приносила ему не радость, а несчастье. Вместе с тем, он не желал (или не мог) измениться, чтобы стать, наконец, достойным предмета своей любви, дав этому предмету все желаемое. Почему он не хотел меняться? Неужели собственное убожество, эта неопределенная мечта о чем-то *большем*, испортившая ему всю жизнь, была ему дороже личного счастья? Да. Кажется так...

Со временем он научился не-любить. Но зато вот с ненавистью справиться оказалось гораздо труднее. Ненависть росла в нем ежедневно, ежечасно, ежеминутно, подспудным ядовитым растением проникая в самую сердцевину души. Он ничего не мог с ней поделать. Он ненавидел людей, с которыми ему приходилось жить вместе, ненавидел тех, кого боялся, ненавидел тех, кого любил. Ненависть и презрение. Он ненавидел и презирал каждого из своих односельчан, начиная от престарелого жреца и заканчивая собственными родителями. Он презирал соседей за их жирные, самодовольные рожи, презирал тех, кто безропотно принимает побои и тех, кто уверенно раздает их, презирал мелочную суету, занимающую все мысли его односельчан, презирал их тупость, их гогочущий смех над вещами, которые они не могли понять. Он презирал все то, чем не мог и чем, может быть, очень хотел бы стать...

Стэфан прятал свою ненависть. Он знал, что болен. Лекарства от этой болезни не существовало, ибо поражен был его дух.

Так тянулись дни — между сном и сном, между тоской и безысходностью. И вот, настал день — вернее, это был поздний вечер —

когда он понял, что больше не выдержит. Тогда он встал и тихо выбрался из дома. Куда идти, он не знал и поэтому пошел прямо. А прямо перед ним был лес, и за ним — горы.

Он шел несколько часов. В эти часы в нем родилось нечто вроде внутреннего голоса — говорившего хотя и без слов, но достаточно внятно. Так, например, когда Стэфан хотел свернуть с дороги и углубиться в лес, внутренний голос настойчиво подтолкнул его идти дальше.

К утру он добрался до гор. Солнце еще не взошло, но было уже светло. Воздух был по-утреннему свеж. Щебетали птицы, приветствуя восходящее солнце.

Двигаясь дальше, он увидел крохотную долинку. Там журчал ручей и росли какие-то цветы. Валуны, покрытые лишайником, лежали в беспорядке, который был совершеннее любого порядка. Каменные сарафаны старых гор спадали вниз широкими складками. Он стоял у подножья.

Здесь он остановился. Он понял, что дальше идти не нужно, да и некуда было идти. Собственный побег из дома вдруг показался ему бессмысленной глупостью — такой же бессмысленной и бесплодной, как и попытка поймать в луже отражение луны. Вот, он пришел. Что теперь?

Так он стоял некоторое время. Потом ненависть и презрение к себе самому отступили, перестав закрывать то, что он должен был увидеть. Он увидел это не сразу, а постепенно. И услышал.

Ручей танцевал. Танцевал, поднимаясь вверх по склону горы, обнимая ее, прикикая к ее древней плоти. Танцевали цветы и кусты, раскачиваемые ветром, ловя ветер сетью своих ветвей. Танцевали неподвижные камни и узкие расщелины. Сама земля в этой долине двигалась столь стремительно, как будто бы Стэфан стоял в середине водоворота. Танец набирал силу и ритм. Вернее — это Стэфан видел все большую часть танца. Этот танец ничем не отличался от музыки. Движение и звучание были одним целым.

Он перевел взгляд на гору. Еще миг, и она тоже... Да. Гора пела. Облака закручивались вокруг ее вершины вторым водоворотом — подобием того, что был на земле. Воздух дробился на бесчисленные хрустальные осколки, которые кружились и летели в определенном ритме. Мир выгибался. Земля, где стоял Стэфан, стремительно погружалась вниз, изнанка небесного свода вытягивалась вверх. Это были две чаши, одна из которых была перевернута и установлена на другой, а горизонт был линией их разделения, и Стэфан находился в сердцевине этого неподвижного, неопишуемого, молниеносного буйства.

Что-то толкнуло его изнутри. Сначала неуверенно и неумело, а затем

все быстрее и быстрее он стал двигаться, стараясь ухватить этот гремящий ритм, слиться с ним, раствориться в нем. Он вскидывал руки и ноги, изгибался, как змея, кружился и кувырчался. Может быть, его движения были нелепыми, но поблизости не было никого, кто мог бы посмеяться над их нелепостью. Сам же Стэфан не думал об этом. Временами ему казалось, что он парит над землей, поднимаясь и опускаясь, ступая по воздуху так же уверенно, как будто под ногами была какая-то твердая поверхность. Он забыл себя. Он двигался все быстрее, быстрее. В любой момент он мог свернуть себе шею, слишком резким движением сломать руку, сместить позвонки. Лишь каким-то чудом ему пока что удавалось избежать этого, становясь буквально на голову, рывком поднимаясь обратно, выгибая руки, ноги и торс самым немыслимым образом. Он ни о чем не думал.

Что-то росло в нем, мучительно прорывалось наружу, трепетало, подобно цветку, готовому раскрыться. Оно поднималось откуда-то изнутри, достигало сердца и горла, током мучительного экстаза восходило выше, проникая в череп, и тонким, незримым ароматом выходило из макушки. Он хрипел, дыхания уже не хватало, но он продолжал танцевать. Мир кружился и бился в одном ритме с биением его собственного сердца. Но он чувствовал: еще немного — и он упадет без сил. Может быть, он умрет. Не выдержит сердце. Еще... еще немного. Не быть собой, чтобы найти себя...

То, что с некоторых пор обитало внутри Стэфана, где-то вблизи сердца, вдруг обрело голос. Оно сказала: «Все это я дам тебе, и даже большее. Я избавлю тебя от страхов, от сомнений, от слабости. Прими мою Силу — и я преобразую тебя.» «Да! — Выдохнул Стэфан. — Да, да, да!!!» «Ты забудешь себя.» — Пообещал голос, но это обещание не вызвало в Стэфане ничего, кроме прилива экстатичной радости. Что помнить? Прозябание в деревне? Да пропади оно пропадом... «Ты изменишься.» «Да. Да!» «Ты станешь вечно жить внутри этого танца. Ты будешь видеть его и ощущать постоянно. Твое прежнее тело и естество не приспособлены к тому, чтобы танцевать в этом ритме. Новые — будут.» «Да!!!»

Кажется, он закричал. Но он не услышал своего крика. Рев танца поглощал все звуки, движение музыки было подобно урагану, в сердцевине которого оказался Стэфан. То, что раскрывалось в нем, раскрылось. Само по себе оно было еще слишком слабо и раскрылось слишком рано. Но рядом было нечто иное, более сильное, нечто, сравнимое с деревом или целой рощей — если сравнивать самого Стэфана с только что пробудившимся цветком. Он потянулся к этому большему и был укрыт, убережен от чудовищных ветров, дующих вовне. Лес спас его. Он стал

частью леса, цветком, выросшим под сенью древних тяжелых ветвей. При этом он, кажется, потерял что-то... Но он не жалел об этом. Он разучился жалеть.

Сторонний наблюдатель, оказавшийся бы в этот час в горной долине, увидел бы престранную вещь. Сначала какой-то юноша прыгал, скакал и изгибался вблизи ручья, но затем он, двигавшийся поначалу как деревенский увалень, стал откалывать коленца, на которые были бы способны не всякие жонглеры и акробаты. А затем он начал меняться.

Сначала сторонний наблюдатель мог бы подумать, что ему просто мерещится всякий бред. В самом деле, юноша двигался так быстро, что нельзя было точно различить, сколько у него рук — две или четыре. Но потом стало видно, что все-таки четыре. Вот, разорвав рубашку, показалась еще пара. Новые руки были длинными и свободно изгибались во всех направлениях. Да и можно ли назвать их руками? Поначалу их цвет почти ничем не отличался от цвета кожи Стэфана, но затем они стали темнеть, покрываться блестящей чешуей и бить в воздух так, будто бы атаковали кого-то невидимого. На их концах вместо пальцев были головы шипящих змей, плюющих ядом.

Он стал выше ростом и продолжал расти дальше. Одежда рвалась на нем и скоро превратилась в лохмотья. Пробиваясь наружу, кожу разрывали когти и шипы. Плечи раздались вширь, кожа потемнела, стала твердой как камень, мышцы заиграли, налились сталью. Когда он закричал, его крик обернулся низким рычанием. Вместо языка во рту помещалось что-то, напоминающее пилу со многими зубчиками. Из глотки изрыгался огонь. На плечах вспухли и увеличились черные почки. По мере того, как тело его продолжало расти, почки раскрывались и возникали новые. Это были головы. Головы почти человечьи — с раскосыми глазами, широкими губами, длинными клыками. На груди звенело ожерелье из черепов. Основных рук теперь было шесть, а змей, вырастающих из спины и извивающихся в воздухе — бесчисленное количество. Ногти на пальцах превратились в изогнутые когти. Ног стало четыре. Единственным предметом одежды, не считая ожерелья и золотых браслетов на руках, была набедренная повязка, представлявшая собой металлический диск со множеством цепочек и шнурков, привешенный к веревке, обвитой вокруг пояса. Из груди, на месте сосков, и ниже, там, где были ребра, выходили длинные когти, напоминающие беспорядочно шевелящиеся лапки насекомых. В верхней части живота было еще одно лицо с огромной пастью.

Из движения, из того, что возрастало в нем, родилось имя. Его имя. Он

засмеялся. Он стал единым целым. Наконец-то.

Он танцевал. Он был огромен. Захотев, он вытянулся и стал ростом с гору. Он схватил одну из гор, отломал у нее вершину и зашвырнул высоко в воздух. Его пальцы крошили камень, как творог. Языки пламени нисходили с небес и ласкали его кожу. Он был уже не просто в танце, но и управлял им, питал его своей силой. Начинался небывалый шторм. Небеса, казалось, сошли с ума. Он продолжал двигаться и реветь, призывая огонь из земных недр. Скоро это место станет огнем и ветром — и больше ничем. Станет одним бесконечным, свободным движением.

...В ту самую минуту на вершине горы появились двое. Неторопливо они стали спускаться вниз, к долине, где танцевал терафим. Видя, какие разрушения вызывает его танец, один из этих людей начертал в воздухе некий знак. Повинуясь неведомой силе, раксас, опоясанный бурей и ветрами, поднялся в воздух и во мгновение ока скрылся из глаз.

Спутник этого человека, высокий и беловолосый, спросил:

— Куда ты отправил его, наставник?

Сказал первый:

— В нижние области Сущего, называемые также Преисподней. Нечего пока ему делать на поверхности. Пусть порезвится в аду. Там он найдет то, что теперь ему больше по нраву — огонь и ветер.

Спросил второй:

— А сможешь ли ты так же легко призвать его обратно, когда захочешь?

Сказал первый:

— Конечно. Ведь я дал ему имя.

Тогда Принц Каджей (а вопрошающим был именно он) задумался и через некоторое время задал другой вопрос:

— Наставник, не опасешься ли ты, что со временем чары, подчиняющие этого демона могут истаять? Ведь ты сотворил могущественного, способного, может быть, противостоять даже и Лорду — не опасешься ли ты, что рано или поздно тебе самому придется столкнуться с тем, что сотворил?

Сказал Мьяонель:

— Нет, не опасуюсь. Потому как я вовсе не накладывал на него никаких подчиняющих чар.

Удивился Армрег и промолвил:

— Каким же образом ты управляешь им? Каким образом заставляешь подчиняться себе?

— Его ведет некий ритм энергий, который он называет танцем, —

ответил Мьяонель. — Моя же Сила объемлет этот ритм.

Сказал Принц Каджей:

— Что необыкновенного было в том юноше? Ведь это уже не первые Земли, которые посетили мы, но только здесь ты, наконец, осуществил то, что задумал.

Сказал Мьяонель:

— Помнишь, когда мы только обнаружили этого человека, я указывал тебе на особого вида кристалл, заключенный внутри его магического естества? В этом рождении и, возможно, в следующем, с этим человеком, скорее всего, не случилось бы ничего необыкновенного. Однако со временем продолжавшаяся огранка его Камня Воли достигла бы такой степени, которая способна привлечь Силу. Также можно сказать, что в некоторой степени такой кристалл сам является зерном будущей Силы. В том человеке она была еще не развита, не оформлена, не явлена никак в его обыденной жизни. Я позволил ей развиться, но вместе с тем, сделал частью своей Силы, ибо те элементы, которыми я питал ее, заставили ее измениться, превратившись в дополнение к тому волшебству, которым обладаю я сам. Поэтому я и не беспокоюсь о том, что этот терафим выступит против меня. Для него это так же невозможно, как невозможно человеку прыгнуть в небо. Он для этого не Предназначен.

Сказал Принц Каджей:

— Пусть так. Пусть он не способен напасть на тебя. Но если ты вызовешь его в разгар битвы, а он повернет не в ту сторону или вовсе не пожелает участвовать в войне?

Сказал Мьяонель:

— Как же он может пожелать не участвовать в войне? Ведь его суть — разрушение. С великой радостью станет он танцевать в том месте, куда я позову его. Ты напрасно беспокоишься, Армрег. Он более не мыслит, как мыслит свободное существо. Теперь он скорее стихия, чем индивидуальность. Какая огню разница, где гореть? Когда мы разводим костер в лесу и призываем огонь, духи пламени не воспринимают наш призыв как подчинение или как тягостную обязанность. Скорее, они нас просто не видят, а если и видят — то не интересуются нами. Также теперь и этот демон. Он даже и не знает о моем существовании. Наше с тобой общение, Принц — это общение двух различных существ, соприкасающихся только посредством голоса и слуха, но с ним я общаюсь как Сила с Силой, а ведь стихии взаимопроникают друг в друга.

Сказал Принц Каджей:

— Наставник, хотел бы я научиться управлять демонами и духами

стихий таким же образом. Также я хотел бы научиться совершать превращения, подобные совершенному тобой сегодня.

Сказал Мьяонель:

— Я попробую тебя научить. Твоя Сила пока не слишком велика, и пользоваться ею таким образом трудно, но при некотором мастерстве и опыте даже и с тем, что ты имеешь, можно достичь определенных результатов. Прежде всего, обрати внимание на самосознание существа, которое ты хочешь включить в свой поток. Запомни: ты не подчиняешь его, но, напротив, даруешь ему свободу — внутри своего собственного потока. Тогда, какое бы действие оно не совершило, это будет только тебе на пользу. Как перевести существо из потока, где оно пребывало прежде, в твой собственный поток? Прежде всего...

Беседуя так, они спустились с горы и остановились на некотором расстоянии от долины. Здесь была дорога, по которой двигались вооруженные люди. Мьяонель и Армрег, продолжая разговаривать, не обращали на них внимания, однако люди, заметив двоих путников, тотчас же бросились к ним. Видно было, что им очень не хочется идти в долину, где танцевал демон.

Сказал высокий сержант:

— Кто вы такие и что вы здесь делаете?

Принц Каджей ничего не ответил, но только презрительно скривился. Мьяонель же сказал, разведя руками:

— Мы — мирные путники. Как видите, нет у нас даже и оружия.

Зарычал сержант:

— По какому праву находитесь вы на землях барона Гримхольма?

Сказал Мьяонель:

— Приношу вам свои извинения, мы зашли сюда по ошибке. Если же нам здесь запрещено находиться, то мы, конечно же, тот час уйдем.

Спросил Принц Каджей Мьяонеля:

— Наставник, зачем ты разговариваешь с этими полуживотными? Не проще ли было бы уничтожить их?

— Не безумно ли происходящее? — Спросил Мьяонель. — Обладающий Силой унижается перед смертными. Но чему ты удивляешься? Ведь моя Сила проистекает из Безумия и мне...

Он хотел еще что-то добавить, однако высокий сержант двинулся к Армрегу, произнес такие слова:

— Кого это ты посмел назвать «животным»?

Увидев, что солдаты окружают их, сказал Мьяонель:

— Друзья мои, это ни к чему. Ведь вас, несомненно, послали против

демона, который появился здесь. Почему бы вам не заняться его поисками? Мы же, со своей стороны, никоим образом не хотим вам в этом препятствовать.

Но воскликнул сержант:

— Откуда ты знаешь о демоне? Быть может, вы двое — колдуны, которые вызвали этого демона? Ступайте за нами. Вы будете строго допрошены о том, кто вы и откуда, и если не найдется у вас убедительных ответов — отправитесь в тюрьму по подозрению в чернокнижии.

— Но посудите сами, — сказал Мьяонель, — ведь если бы мы были могущественными колдунами, способными вызвать демона, который был здесь — разве дали бы мы засадить себя за решетку?

Хмыкнул сержант, думая, что подловил чужеземца:

— Полагаю, эти слова можно рассматривать как признание. Итак, следуйте за нами.

Сказал Мьяонель:

— Нет, решительно зреет во мне уверенность, что знаю я иные облики, куда как лучше подходящие этим людям, умеющим мыслить столь удивительным образом!

И вот, когда подступили к ним солдаты, Мьяонель призвал свою Силу, и, как часто случалось с ним и раньше, в тот же миг вдохновение наполнило его душу. И превратил он первого солдата в маленькую лошадку с восьмьюдесятью ногами, второго — в слона на комариных ножках, третьего — в иного слона, со стрекозиными крыльями, четвертого — в доброжелательного жука, пятого — в бегемошку, шестого — в стрекозла, седьмого — в ухотвертку, восьмого — в незнаючто, девятого — в летающую корову, десятого — в стремительного крокодила. Сержанту он придал образ ворчливого усатого шмеля с лицом, в котором проглядывали прежние человеческие черты. Следует сказать также, что, превращая этих людей, он почти не изменил их прежних размеров.

Далее он распространил свою Силу вокруг и превратил некоторую часть деревьев в большие цветы, отдаленно напоминающие клевер и мак, ромашки и колокольчики, только несравненно более яркие и разноцветные. И поселил там сотворенных существ, приказав им обитать здесь. И назвал это место — Чудесный Цветник. И возрадовался, созерцая творение рук своих.

В то время Принц Каджей терпеливо ждал, не понимая, для чего Мьяонель уделяет столько времени для возни с существами совершенно незначительными — были ли они в виде людей или в виде чудесных насекомых.

Далее они вернулись к беседе и шли, беседуя, по лесу еще некоторое время. Однако не успели они далеко отойти от Цветника, как на дорогу перед ними выползла гадюка. Остановившись, она подняла голову и обратилась к Хозяину Безумной Роши:

— Отвечай — ты ли тот, кто сотворил в долине Танцующего Демона?

Вскричал Мьяонель, воздев к небесам руки:

— Воистину, что за преудивительнейшее место выбрали мы для прогулки! Здесь не только глупые люди склонны допрашивать путников о всяких незначительных пустяках, но также и змеи берегут порядок и следят, чтобы в этих землях не случилось ничего непредусмотренного!

Сказала змея:

— Не стал бы никто допрашивать тебя о незначительных пустяках, если бы ты сам не привлек к себе внимание моей госпожи.

Сказал Мьяонель:

— Кто твоя госпожа?

Ответила гадюка:

— Моя госпожа — Змеиная Королева. Она свята, мудра и вечна. Каждое слово ее — сладость, слюна ее — как мед и молоко. Она — смерть.

Сказал Мьяонель, наклонив голову:

— Много я слышал о твоей госпоже и могу сказать, что ни разу говорящие не отзывались о ней с непочтением. Высок ее титул. Однако каким образом я, сотворив Танцующего Демона, привлек к себе ее внимание?

— Когда ты создавал демона, — промолвила змея, — ты соединил естество человека со многими иными элементами. Я не стану упоминать о таких элементах, как огонь или разрушение, потому как это не те стихии, коим покровительствует моя госпожа. Однако ты, чтобы придать этому существу некие известные свойства, собрал нескольких змей и слил их с его естеством. Кроме этого убийства, которое за которое тебе придется держать ответ, также ты при помощи этих змей достиг внешнего круга Силы, коим повелевает моя Королева и смог использовать некоторые атрибуты ее собственного волшебства. Какое ты найдешь себе оправдание? Впрочем, оправдываться тебе придется не передо мной, ибо я — вестница, не более, но перед моей госпожой, дворец которой находится неподалеку отсюда.

Сказал Мьяонель:

— С признательностью я принимаю это любезное приглашение и с великим удовольствием нанесу визит Королеве Змей.

Получив такой ответ, гадюка опустила голову и поползла по лесу, а

Мьяонель и Принц Каджей отправились за ней. По дороге шепнул Хозяин Безумной Роши своему спутнику:

— Я многое слышал об этой Королеве, но почти всегда — что-нибудь недоброе. Говорят, она на своем веку уничтожила немало волшебников и Лордов.

Сказал Армрег:

— Зачем же мы идем к ней? Не лучше ли повернуть назад, пока еще не поздно?

— Не думаю, — ответил Мьяонель, — что это уберезет нас от неприятностей. Имея дело с существами, подобными этой Королеве — а она является отнюдь не слабейшей в числе Обладающих — следует помнить, что не принимать их приглашения вдвое опаснее, чем принимать их. Кроме того, есть и другая причина. Не имея еще Силы, мне как-то удалось прервать блестящую карьеру одного из Обладающих, а именно — Повелителя Дорог, превратив его из весьма амбициозного Лорда в мелкого божка, прислуживающего хозяину Страны Мертвых. Неужели теперь, владея собственной Силой, я стану отступать перед каким-то другим Обладающим? Также имеется и третья причина. Любопытно будет познакомиться с этой Королевой. Думаю, что лично мне вряд ли будет грозить какая-нибудь опасность, а если даже и будет, то, полагаю, я сумею защитить себя. Однако тебе следует быть осторожным и на время забыть о своем прирожденном высокомерии. Без спора, оно приличествует верховному властителю каджей, но в месте, куда мы направляемся, может обернуться для тебя гибелью. Как я слышал, Змеиная Королева и ее многие ее подданные — могущественные волшебники.

Не по нраву пришлись Принцу Каджей эти слова, однако он промолчал, скрыв свое недовольство.

— Кроме того, — добавил Мьяонель, — если окажется так, что я переоцениваю свои силы и стану еще одним в числе тех Лордов, что погибли во дворце Змеиной Королевы, немедленно уходи оттуда, не задерживаясь, чтобы отомстить за меня, ибо бесславная гибель не приобретает никаких преимуществ, когда вместо одного погибают двое.

Оставшуюся часть пути они прошли в молчании. Меж тем, они покинули человеческую плоскость мира и по неосязаемой, невидимой дороге стали спускаться в иную реальность. Вскоре лес уступил место холмам с низкими деревьями с коричневой листвой. Цвета травы были здесь — янтарный, лиловый и красный. Далее по сторонам дороги выросли скалы из серого гранита, плодородная земля сменилась бурым песком и пылью. Затем вошли путники в узкое ущелье между двумя скалами, а когда

покинули его, увидели, что небо над ними стало подобным светлому янтарию. Казалось, что находятся они не под открытым небом, но в огромной пещере. На выходе из ущелья их ожидала крылатая змея длинною в три человеческих роста. Нижняя половина змеи волочилась по земле, верхняя же, поддерживаемая крыльями, раскачивалась в воздухе. И крылатая змея повела путников дальше, а гадюка удалилась, отправившись в обратный путь.

Следуя за проводником, вскоре путники вышли к большому дворцу со многими куполами, со многими низкими помещениями, со многими открытыми террасами, двориками, башнями и изгородями, устроенными для удовольствия отдыхающих в них рептилий. Великое множество змей находилось в том дворце. Также пребывали там иные существа, подобные тому, что недавно сотворил Мьяонель — змеерукие, змееногие, змееголовые. Были там и столь огромные змеи, что они никак не могли поместиться в одном дворике, и протягивали свои блестящие тела последовательно через несколько соседних. Также были там змеи со многими головами и змеи с несколькими хвостами.

И вот, вошли Мьяонель и Армрег во дворец и шли по его дворикам и галереям, сопровождаемые неумолкаемым шипением, покуда не достигли внутренних покоев и большого зала, стены которого были сделаны из янтара и халцедона. В окружении множества змей, на широком ложе покоилась Винауди, Змеиная Королева. И обнаженное ее тело было белым и как будто светящимся. Верхняя часть ее тела была как у женщины, а нижняя — как у змеи. Юным было ее лицо, совершенное, без единого изъяна, с тонкими чертами.

Кроме того, в зале вдоль стен и у трона стояли стражи Винауди, бронзовокожие наги с длинными копьями, и вассалы ее и придворные — Лорд Кобра, Аспид, Эфа-Ненавистница, Господин Випер и жена его, Госпожа Гадюка, Полоз, Муссурана и Лахезис, Гремучник и Каскавелла, Слепун, Гюрза и Волкозуб, а также и многие другие. Головы у них были как у змей, тела же — человечьи.

Наги окружили Мьяонеля и подвели его к трону. Обратилась к нему Королева Винауди, сказав:

— Как ты осмелился посягнуть на то, что тебе не принадлежит?

Ответил Мьяонель:

— Хотя я и воспользовался аспектами Силы, над которыми у меня нет прямой власти, все же полагаю я, что нельзя считать это преступлением, потому что, поступив так, я никак не преуменьшил вашего могущества, миледи. Ведь то, чего мне удалось достичь в этой области, было

достигнуто не путем завоевания, но путем Искусства. Без сомнения, существуют аспекты Сил, кои в полной мере подвластны только тем Обладающим, которые связаны с этими Силами, но никогда прежде не слышал я, чтобы полагали преступлением, если другому Лорду удавалось достичь этих же аспектов посредством Искусства, используя для того те или иные ингредиенты.

Сказала Винауди:

— Ингредиенты? Так-то ты называешь моих подданных, коих ты уничтожил, а духовную сущность которых использовал как ключ к моей Силе?

Сказал Мьяонель:

— Ваше величество, вы в своем праве и, если пожелаете, можете востребовать от меня любого, даже самого невообразимого возмещения за жизнь своих подданных. Что с того, что цена их жизни была не слишком высока? Ведь выкуп будете определять вы сами и сможете назначить любую цену. Также и я, в принципе, обладаю правом уничтожить любого, осмелившегося раздавить в моих владениях даже и малейшее насекомое. Но хотя и имею я право на подобное, вряд ли кто-нибудь назовет такое возмещение справедливым.

Сказала Винауди, чуть усмехнувшись:

— Ты осмеливаешься сравнивать себя со мной? Ты дерзок.

Сказал Мьяонель:

— В чем же мы не равны?

Спросила Змеиная Королева:

— Как твое имя и каков твой титул? Как давно ты обрел Силу?

— Меня зовут Мьяонель, а мой титул — Хозяин Безумной Роши. Что же до моей Силы, то обрел я ее не слишком давно.

Сказала Змеиная Королева, улыгнувшись:

— Колдун, ты — дитя в сравнении со мной.

Услышав это, улыбнулся и Мьяонель. Сказал он:

— Я — из народа ванов. Знаешь ли ты, что это означает? Без сомнения, многие пришли бы в трепет и изумление, узнав о числе виденных тобою лет. Я же, напротив, прихожу в восхищение от твоей молодости и красоты, ибо если представить, что я — шестидесятилетний старец, то ты — девятнадцатилетняя дева, и я могу лишь бессильно позавидовать гладкости твоей кожи, чистоте твоего дыхания, невинности твоих помыслов и доверчивости твоего сердца.

Сказала Винауди:

— Ты дерзок и нагл. Под оболочкой льстивых слов ты осмеливаешься

прятать насмешку. Поначалу я всего лишь хотела примерно наказать тебя, но теперь, внимая твоим настояниям, склонна не судить тебя, но обращаться с тобой как с равным. Это, впрочем, означает, что скорее всего уже в самом ближайшем времени ты умрешь, ибо многие, прежде тебя пытавшиеся доказать мне нечто подобное, как правило, умирали. Не желаешь ли теперь отказаться от своих нелепых претензий и покорно просить у меня снисхождения за убийство моих слуг? Я еще могу пощадить тебя.

Сказал Мьяонель:

— Я готов принести свои извинения, если уничтожение этих змеек было почему-либо неприятно тебе, Королева Винауди. Ты можешь потребовать с меня виру за их смерть, но судить меня у тебя нет права. Что до остального, то я — не «многие», и если «многих» ты легко подвергла смерти, это еще не означает, что тоже самое произойдет и со мной. Однако мне не хотелось бы враждовать с тобой, ибо нет чести в том, чтобы враждовать с женщиной.

Сказала Винауди:

— Вот, значит, кем ты меня считаешь? Только лишь женщиной?

Сказал Мьяонель:

— Да. Ибо это — единственное различие между нами.

Тогда Волкозуб, бывший при дворе Змеиной Королевы начальником стражи, поклонился ей и спросил:

— Госпожа, мне убить его?

Сказала Винауди:

— Нет. Я дам ему шанс доказать, что он тот, за кого выдает себя. Но прежде пусть скажет, для чего ему понадобилось то превращение, совершая которое он посягнул на области подвластного мне волшебства?

Сказал Мьяонель:

— У меня есть несколько сильных врагов, с которыми в скором времени я планирую начать войну за некие земли, лишь недавно рожденные из Хаоса и оттого богатые Силой и волшебством. Однако союзников у меня немного. Для того, чтобы восполнить их число, я и сотворил этого демона, пробудив Силу в одном юноше.

Сказала Змеиная Королева:

— Что же, очень хорошо. Теперь слушай мое решение. Ты проведешь одну ночь вместе со мной. Завтра утром тебе будет даровано право перед моими вассалами и придворными повторить то, что ты сказал об этой войне. Тем из них, кто пожелает этого, я позволю присоединиться к тебе... если ты сам к тому времени будешь еще жив.

Воскликнул Мьяонель:

— Поистине, судьба благосклонна ко мне! Вместо того, чтобы взять с меня виру, мне предлагают награду, о которой не смел я и помыслить!

И вот, удалились они в спальню Королевы Винауди и роскошно предались там любви. Впрочем, близость их была не такова, какой предаются люди или иные живущие. Близость их была близостью Сил, а сами они, истончив свое естество до много более высоких токов энергий, чем те, что обеспечивают существование зримого мира, были как два течения — стремительные, неугомонные, переплетающиеся, взаимопроникающие. Любовь их мало чем отличалась от поединка, ибо если б в этот миг один из них оказался бы слабее другого, то был бы поглощен и исчез бы, как личность, став для другого тем, чем Мьяонель сделал для себя Танцующего Демона. Но Мьяонель и Винауди были как вода и масло, и ни он, ни она не сумели впитать или подчинить себе чужую Силу. Яд Винауди, проникая в магическое естество Мьяонеля, убивал все, к чему прикасался, однако не мог причинить Мьяонелю особенного вреда, потому как естество его, как и у всех Владык Бреда, было не едино, но как бы собиралось из бесчисленных элементов, почти что между собой и не связанных. Также и безумие Мьяонеля не могло проникнуть в нее, потому как яд, содержащийся в Винауди, сжигал любое безумие. Правда, следует заметить, что ни Мьяонель, ни Винауди специально не применяли своего волшебства как оружия. Может быть, если бы они задались такой целью, иными были бы результаты той ночи и кто-нибудь из них, возможно, все-таки подчинил или уничтожил бы другого. Однако они не делали этого, ибо пришли в эту комнату для игры, а не для убийства.

Как уже сказано, хотя их естество и сплеталось, они были как вода и масло, и это — наилучшее описание того, что было между ними в ту ночь. Ведь вода и масло не совмещаются друг с другом. Также и они остались неуязвимы, и от того невелико было их удовольствие. Никто из них не пустил другого дальше порога своей души, поскольку поступи он так — в тот же миг оказался бы уязвим. Она была как лед, он же — как болотный огонь.

Когда ночь прошла, они вернулись в материальный мир и обрели плотские тела. Сказала Винауди:

— Через час я соберу своих придворных и вассалов и позволю тем, кто этого захочет, присоединиться к тебе в этой войне. Думаю, многие польстятся на возможность завладеть землями, волшебство которых еще не истощено.

Сказал Мьяонель:

— Миледи, мне нужно поговорить с моим спутником. Ведь уже позднее утро и он, беспокоясь за мою жизнь, может натворить глупостей.

С тем он встал, оделся и направился было к дверям, однако, не дойдя до них, остановился и стал озираться вокруг. Затем он вернулся и, наклонившись, начал шарить под кроватью, как будто бы искал там что-то.

Воскликнула Винауди в сильном изумлении:

— Что вы ищите, милорд Мьяонель?

Ответил Мьяонель:

— Да так, кое-что. Надо поскорее собрать их, пока не расползлись по всем щелям, ибо без них я вижу не слишком хорошо.

Некоторых жуков, впрочем, Мьяонель так и не смог найти, но удовлетворился, отыскав и значительную часть их. Затем он удалился.

Вскоре, как и обещала Змеиная Королева, собрались ее придворные. Мьяонель говорил с ними. Гюрза, Гадюка и Господин Випер, Аспид, Полоз и Каскавелла пожелали присоединиться к нему и признать на время войны его главенство, буде это не станет противоречить основной присяге, принесенной ими Змеиной Королеве Винауди.

ВОЙНА

(история двадцать четвертая)

И вот, наступило время, когда воинство, собранное Мьяонелем, вышло из цитадели Принца Каджей и вступило на волшебную дорогу, пролегающую в сумраке между мирами. Вот число союзников Мьяонеля: Лорд Армрег, Принц Каджей, с ним его вассалы и воины; Лорд Мирэн, Повелитель Порчи; из числа учеников Солнцеликого — Эну Глаанест, Эну Тайнианим, Эну Ауг; из числа вассалов Змеиной Королевы — Лорд Гюрза, Леди Гадюка, Лорд Випер, Лорд Аспид, Лорд Полоз и Леди Каскавелла; из числа дроу — Яскайлег и Кемерлин-Отступник, и с последним — некоторые его родичи и слуги.

Так двигались они по волшебной дороге, пока не приблизились к Вороньему Острову, что по-прежнему парил вблизи Эссенлера, и не остановились там на некоторое время, дожидаясь, пока подойдет войско каджей и нагов и не подтянутся обозы. Армрег пожелал изучить развалины, лежавшие в центре острова и для того направился к ним, Мьяонель же в который раз сотворил новую шкатулку для волшебного оружия, изготовленного им и Мирэном, ибо быстро сгнивали и рассыпались шкатулки, где он хранил это оружие. В то время Яскайлег находился рядом с ним, как повелось между ними, и исполнял при Мьяонеле обязанности одновременно и телохранителя, и сенешаля. Сказал Яскайлег, посмотрев на камень, который Мьяонель носил на шее:

— Мой господин, что это за амулет, который ты носишь?

— Доподлинно я не знаю всех его свойств, — ответил Мьяонель, — хотя не раз пытался изучить его. Однако в том я потерпел неудачу, ибо сотворивший этот амулет разбирается в волшебстве камней много лучше, чем я, и, возможно, превосходит меня и в искусстве сотворения заклинаний.

Сказал тогда Яскайлег:

— Чьи же руки изготовили эту вещь?

Ответил Хозяин Безумной Роши:

— Руки Алгарсэна, называемого также Повелителем Камней. Прежде его титул был иным, и называли его Повелителем Драгоценностей. Сам он в те времена обитал в Эссенлере, но был изгнан из Рассветных Земель теми самыми Лордами, с которыми мы собираемся начать войну. С тех пор он жаждет мести. Сказал он, вручая мне этот амулет, что эта вещь — оружие, которое я должен всегда иметь при себе, но воспользоваться могу им только в случае великой опасности.

Сказал Яскайлег:

— Господин, позволь мне взглянуть на амулет.

Мьяонель снял амулет с шеи и отдал его дроу, и Яскайлег некоторое время изучал его при помощи различных чар и заклинаний. Спросил Мьяонель:

— Что ты видишь?

— Сделан амулет необычайно искусно, это верно, — признал Яскайлег. — И мне никак не удастся определить все составляющие заклятий, употребленные при его сотворении. Но даже и того, что я вижу, достаточно, чтобы сказать, что значительная часть этих заклятий направлена на то, чтобы обмануть смотрящего и не позволить ему понять истинное назначение предмета.

Сказал Мьяонель:

— Мне самому, когда я пробовал изучить этот амулет, показалось также. Однако не было ли сделано это ради того, чтобы утаить его сущность от врагов, ведь в противном случае она могла бы привлечь к себе ненужное внимание?

Сказал Яскайлег:

— Господин мой, я не слишком хорошо различаю внутреннюю его сущность, но мне кажется, там нет ничего яркого или чересчур могущественного, что могло бы привлечь к себе чужие взгляды. Напротив, амулет сделан таким образом, чтобы ты сам, даже и посредством своей Силы, не смог бы увидеть внутреннее содержимое амулета.

Сказал Мьяонель:

— Как ты полагаешь, что это может быть за содержимое?

Сказал Яскайлег:

— Мое внимание эта вещь привлекла тогда, когда я увидел, как ты посредством волшебства творишь из вызванной тобой материи Бреда деревянную шкатулку и как защищаешь ее могучими чарами. В этот миг, показалось мне, что крохотные искры твоего волшебства как будто были втянуты в этот камень и остались в нем. Когда ты отдал мне амулет, позволив изучить его природу, я убедился в своей правоте, ощутив за всеми оболочками, сотканными его создателем для отвода глаз, как бы трепетание той же Силы, коей обладаешь ты сам. Этот амулет способен улавливать твою Силу и сохранять ее. Но сколь большой объем твоей Силы он способен сохранить и что произойдет в том случае, если значительная часть твоей Силы перейдет в этот амулет — этого я не могу определить.

Эти слова сильно обеспокоили Мьяонеля, хотя он постарался и не показать вида. Подумал он: «Неужели Повелитель Камней собирался обмануть меня? Похоже, что так. Вот значит, что означал его отказ выступить на моей стороне. Он с самого начала замыслил предательство.»

Сказал Мьяонель Яскайлегу:

— Благодарю, ибо ты уберег меня от большой опасности. Но кажется мне, что я знаю, как отблагодарить любезного Лорда Алгарсэна и каким должен стать мой ответный подарок.

В то время на Остров уже вступила армия каджей и подошли обозы, которые двигались за воинством. Мьяонель послал нескольких солдат разыскать Принца Каджей и сообщить ему, что можно двигаться дальше, но солдаты, вернувшись, рассказали, что Принц нашел в центре Острова что-то любопытное и не намерен уходить оттуда. Тогда Мьяонель и Яскайлег направились к центру острова, чтобы доподлинно выяснить, что же его так заинтересовало. Обнаружили они беловолосого каджа у развалин центральной башни. Сказал он, завидев Мьяонеля:

— Любопытна эта башня. Источник Силы, который был здесь, разрушен, но некоторые остаточные флуктуации его еще истекают из-под камней, насыщая это место толикой прежней волшбы. Также кажется мне, что внизу имеется несколько предметов, которые концентрируют в себе определенную Силу. Почему бы не разгрести этот завал и не посмотреть, что там находится?

Сказал Мьяонель:

— Вряд ли под завалом обнаружится что-нибудь ценное. Даже если там

что-то и есть, то, скорее всего, все эти вещи испорчены. Но почему бы и не взглянуть?

И вот, Принц Каджей сотворил заклинание, которое принялось убирать камни из развалин. Наконец они добрались до искомого. То были осколки магических зеркал, некоторые инструменты, необходимые для ритуальной магии, а также предметы, магическая сущность которых была безнадежно испорчена постоянным воздействием Силы, проистекавшей из разрушенного Источника. Только одну более-менее целую вещь обнаружили они там. Это была большая черная шкатулка, сделанная из неизвестного материала и покрытая сверху чем-то, что напоминало по виду пленку воды, но расступалась, стоило приблизить к ней руку. Еще обнаружили они некоторое количество камней, которые долгое время подвергались воздействию Силы и от того как бы кристаллизировались. Свечение этих-то камней и увидел Принц Каджей, и, в самом деле, некое волшебство имелось в них, но это волшебство было бесполезно. В то время шкатулка, которую носил с собой Мьяонель, истлела, и он переложил ее содержимое в шкатулку, найденную здесь же.

Сказал Мьяонель:

— Думаю, Гасхааль не обиделся бы на нас за то, что мы берем эту вещь из его замка, ибо использована она будет для того, чтобы уничтожить его врагов. Мне почему-то кажется, что этот предмет до сих пор хранит в себе ненависть моего родича. Пусть это будет как предсмертное его проклятье, направленное против убийц.

А следует сказать, что это был Ларец Гибели, который Лорды Эссенлера захоронили здесь, посчитав слишком опасной вещью для того, чтобы нести его с собой в Рассветные Земли. Ларец был выпотрошен и пуст: уничтожив волшебный ветер, который таился в нем, Лорды полагали, что уничтожили и всю Силу, которая пребывала в нем. Но это было не так, ибо кроме ветра, состоящего из ледяных песчинок, имелись в Ларце и иные элементы, хотя никто из его создателей и не предполагал, что они будут действовать в отдельности, без сопряжения всех колдовских частей Ларца. Неизвестно, в какое бы сочетание пришла между собой магия, имевшаяся в Ларце Гибели, и магия оружия, помещенного в Ларец Мьяонелем, если бы Владыка Бреда не соединил это волшебство своими словами о ненависти и предсмертном проклятии.

Затем они ушли из замка и, возглавив воинство, вернулись на ту дорогу, что вела с Вороньего Острова в Эссенлер. На твердь Рассветных Земель они вступили неподалеку от сожженной Безумной Роши.

Гнев и горечь переполнили сердце Мьяонеля, когда увидел он, что сотворили с его детищем и источником его волшбы. В месте, где была Роща, вновь закровоточили раны, нанесенные его магической сути этим уничтожением. Воинство его стало лагерем поблизости от того места, разведчики каджей и некоторые из ближних спутников Мьяонеля, укрывшись от чужих глаз оболочками заклинаний, разошлись по окрестным землям для того, чтобы изучить их и узнать, с чем им придется иметь дело. Сам же Владыка Бреда поднялся на холм, с которого он когда-то впервые обозрел просторы Эссенлера, и там воззвал к своей Силе.

Вокруг него была одна пустая безжизненная земля. Лес, который Мьяонель когда-то изменил посредством своей Силы, выжгли, а с волшебством, которое он пробудил в этой земле, Лорды поступили также, как с волшебством Повелителя Ворон, пронизывавшим его колдовской Остров. Те жесткие элементы волшебных конструкций, которые собирали энергию с окружи и концентрировали ее в тугие потоки Силы, а потом сливали в единую форму, часто называемую Источником, были разрушены. Также были выжжены тайники Силы и ее подземные потоки. Но ее глубинные корни, уходившие в само неопишное сердце Эссенлера, Лорды смогли повредить лишь отчасти. Теперь же Мьяонель обращался именно к этим корням и тянул к ним ту часть Силы, которая пребывала в нем самом. Ощувив направляемый сверху поток, корни Безумной Роши потянулись к нему, разрастаясь по мере своего продвижения к поверхности. Ведь наверху — они это чувствовали — вновь появилась некая сущность, которая могла вместить в себя их мощь; сущность, приспособленная к их особенностям. Затем, когда они появились и дали ему свою мощь, он вновь создал и закрепил на своей земле жесткие элементы конструкций, которые стали собирать эту Силу и поддерживать ее течение без его помощи. Так раны, имевшиеся в его духовной сути, были исцелены, а Безумная Роща — восстановлена.

Вот протянулись к небу ее тени-деревья, будто свитые из призрачного черного пламени. Вот преющая более века земля взорвалась и в миг выросли иные растения — двигающиеся лианы, огромные лопухи в пятнах оспины, кровоточащие деревья, кустарники со змеями вместо ветвей. Сумрак наполнил это место, замутнив свет двух солнц, льющийся с небес на землю. Воздух стал влажным и наполнился вкусом тления, вмиг расплодился и распространился по окрестностям Роши существа, прежде населявшие ее — отвратительные насекомые, умирающие звери, летающие медузы, и иные создания, для которых не придумано названий. Пучки Силы, которую щедро разбрасывал Владыка Безумия, разлетелись по Роще

и затаились вблизи полян и иных открытых мест, ожидая приближения чего-нибудь еще неискаженного, что можно было бы впитать и изменить в согласии с их собственной природой.

А следует сказать, что вскоре после того, как Мьяонель был умерщвлен и изгнан, Леди Астане удалось исцелить некоторые граничные земли, изгнав из них его Силу. Теперь Мьяонель вернул себе эти земли и поработил все, что там обитало. Если прежде он действовал осторожно, не желая нарушить границы чьей-либо чужой территории — то теперь он не желал и думать о чем-либо подобном. Он распространил свою Силу и дальше, и хотя не мог удержать уже под своим влиянием такую значительную территорию, и был вынужден отступить, но все же испытал злое веселье, созерцая разрушительные последствия своего вторжения. Несколько альвовских святилищ было разрушено, а сами они бежали, спасаясь от того, что воспринималось ими как призрачная волна темно-бурого и тускло-желтого цвета, наступающая на их лес. Деревья, попадавшие в ту волну, умирали или необратимо изменялись, так что альвы переставали узнавать их и слышать их голоса. Прозрачные прежде ручьи смердели; над ними вились тучи мошкары; вода в иных ручьях превратилась в кровь или в желчь. Было еще много других темных чудес, о которых можно было бы рассказать. Казалось, что эта земля стала обителью кошмаров.

Закончив восстановление Роци и сполна исцелившись, Мьяонель спустился в лагерь. В то время вернулись дозорные и доложили о всех населенных местах, замеченных ими.

Сказал Мьяонель:

— Если мне не изменяет память, на некотором расстоянии отсюда, у Крылатых Гор, стоит сильная альвийская крепость. Ею владеет какой-то род, имеющий особое расположение в глазах Хозяйки Деревьев. Стоит ли до сих пор эта крепость?

Сказал Принц Каджей:

— Невидимкой я обошел все окрестные земли и видел немало крепостей, городов и селений. Если ты говоришь о замке, защищающем единственный проход в этих горах — то я видел его.

Сказал Мьяонель:

— Нам следует захватить этот замок. Так мы будем защищены с южной стороны.

Далее спросил он у собравшихся:

— Видел ли кто-нибудь из вас поселение, располагающееся на северо-восточных холмах? Туда ведет узкая полоса земли между двумя топиями, а с

другой стороны этого поселения находится большое озеро.

Сказал Принц Каджей:

— Был я и в той стороне. Может быть, некоторое время назад это и можно было бы назвать «поселением», но теперь это хорошо укрепленный город. В том городе я видел высокую острую башню; аура волшебства, исходящая от этой башни, укрывала город подобно незримому щиту.

Сказал Мьяонель:

— Нам надлежит захватить этот город. Он выгодно расположен. Захватив его, мы будем защищены с северо-востока.

Далее спросил он у собравшихся:

— Видел ли кто-либо из вас широкую реку и другое озеро, расположенное на востоке?

Сказал Принц Каджей:

— Я был там. Я не назвал бы эту реку широкой. Дно реки расчищено, а на ее берегах имеются насыпи, которые сжали ее русло подобно тому, как сжимает корсет талию женщины. Через реку перекинут большой мост, сделанный посредством волшебства из единого камня — сначала этот камень размягчили, а потом придали ему нужную форму. Там имеется несколько поселений — в основном это замки и мелкие деревушки. На другом берегу, на некотором отдалении от реки, высятся горы, а между теми горами текут другие реки, некоторые из которых приспособлены для судоходства. На каждой из этих гор, занимая главенствующее положение, стоит укрепленный замок, а под ним — небольшой городок или даже несколько.

Сказал Мьяонель:

— Пока нам следует укрепиться на этом берегу и захватить мост. Что до замков и гор — то им свой черед. Покамест неразумно было бы так рассредоточивать наши силы. Теперь отвечайте, был ли кто-нибудь из вас на западе? Видел ли там песчаные карьеры, и ущелья, и острые скалы, и соленое озеро посреди пустыни? Видел ли кто-нибудь город, располагающийся между соленым озером и широким ущельем?

Поднялась тогда Каскавелла и сказала:

— Я была в тех местах. Там мало людей, и город, о котором говоришь ты, лежит в руинах, однако я не сказала бы, что это место пусто. Над пустыней дуют необычные ветра. Они разговаривают между собой и шепчутся о чем-то. В скалах, о которых ты упомянул, имеется несколько крепостей. Я видела разноцветное сияние, окружавшее их. Они защищены могучей магией. Однако я не приближалась к горам, но больше изучала пустыню. Там я заметила как мир слоится и как многие пути ведут в более

низкие области здешней реальности. Хотя пустыня продолжается и там, в тех областях есть множество дворцов — полуразрушенных и целых. Во дворцах обитают джинны и невидимки.

Сказал Мьяонель:

— Нам надлежит установить контроль и над этой областью. Что это за магические крепости, я не знаю — когда я был здесь в первый раз, их не было. Теперь я хочу спросить вас, видел ли кто-нибудь красивую местность на юго-западе, где реки текут неспешно, где много лугов и полей, рощ и лесов?

Сказала Тайнианим:

— Я видела это место. Оно понравилось мне, хотя там нет ничего необычного. Там живут люди, но у них нет ни замков, ни каких-либо значительных укреплений. Не думаю, что нам может что-либо угрожать с той стороны, а укрепиться там негде. Однако впоследствии, когда мы станем делить эти земли, я желала бы поселиться в тех землях, ибо волшебство, имеющееся в них, еще можно пробудить, придав ему вид и форму.

Сказал Мьяонель:

— Хорошо, что там ничего не изменилось и нам не нужно думать об опасности, которая может придти к нам из тех земель. Достаточно будет возвести еще одну цитадель на левой оконечности Крылатых Гор, чтобы обезопасить себя с той стороны. Кто из вас видел что-такое любопытное, о чем стоило бы знать нам всем?

Сказал Кемерлин:

— Я тоже видел магические крепости, о которых говорила Леди Каскавелла, но после того я пошел не в пустыню, а взял севернее. Вскоре я увидел высокий замок, будто сделанный целиком из меди. Замок таил в себе немалое волшебство, но волшебство это было не той природы, которая именуется Искусством, но той природы, которая называется Силой.

Рассмеялся тогда Мьяонель и сказал:

— А вот и первый из моих недругов-соседей! Я сам займусь этой крепостью. О том, был ли кто-либо из вас на севере, я не стану спрашивать, ибо когда я закончил восстановление Безумной Рощи, моя Сила была обращена в том направлении и я знаю, что происходило там. В лесах, расположенных в той стороне, обитали альвы, хотя их было немного и они не строили никаких укреплений. Ныне я изгнал их оттуда, но я знаю, что они найдут убежище в большом поселении, расположенном дальше к северу. Я не мог дотянуться сразу до этого поселения, ибо чем дальше я

продвигался по лесу, тем сильнее становилось сопротивление, оказываемое моей Силе волшебством Хозяйки Деревьев. Полагаю, альвийский город любим ею и защищен ее властью. Да и обитающие там альвы, скорее всего, княжеского рода и не новички в Искусстве. Покамест мы не станем разрушать волшебные барьеры, установленные ими, но укрепимся на этой территории и окрестных землях, а так же на тех, о которых мы говорили сегодня.

И вот, разделив силы (ибо их армия была велика, и, собрав ее в одном месте, сложно было прокормить ее), они выступили в направлениях.

...Воинство каджей осадило альвийскую крепость, защищавшую перевал в Крылатых Горах. Возможно, им бы не удалось быстро взять ее, поскольку, хоть каджи и имели многократное численное преимущество, крепость была превосходно защищена. Однако трое из вассалов Змеиной Королевы — Випер, Гадюка и Аспид — были там, и могущества троих Обладающих хватило с изъясном, чтобы сломать колдовские барьеры вокруг крепости и защищать каджей от боевых башен, изрыгающих пламя и молнии, пока шел штурм.

...В то время Принц Каджей с другой частью войска добрался до каменного моста через Эттерни и захватил значительные области с обеих сторон реки.

...В город на северо-востоке, называемый Кольменион, отправились Глаанест и Тайнианим. Вскоре по их прибытии у горожан, хотя Кольменион и стоял на берегу большого озера, началась сильная жажда. Вода, которая была в городе, никуда не исчезла, но по своим свойствам она перестала быть водой. Теперь она была подобна вязкому прозрачному студню и непригодна для питья.

Поздним вечером Глаанест и Тайнианим пришли в дом к бургомистру. Надо ли говорить, что хотя они не представлялись и не просили аудиенции, охрана не остановила их, а защитные чары, установленные городским колдуном вокруг дома бургомистра, не воспрепятствовали им проникнуть в его покой? Оказавшись наедине с бургомистром, Глаанест и Тайнианим назвали себя и предложили главе города полностью и безраздельно подчиниться власти Хозяина Безумной Роци и принять его покровительство. В обмен Тайнианим, Студень-Вода, обещала совершить новое превращение — обратное тому, которому она подвергла воду этого города.

Сказал бургомистр:

— Мы свободные люди и не служим никому, кроме Совета Лордов.

Рассмеялся Эну Глаанест:

— Я вижу, ты герой, — обратился он к человеку, — но скажи, все ли люди в твоём городе такие же герои, как ты? Все ли встретят смерть от жажды с такой же радостью?

Задрожал бургомистр, ибо чувствовал, что перед ним — те, в чьих силах выполнить свою угрозу, но, преодолев страх, молвил так:

— На вас найдется управа. Лорд Келесайн Майтхагел, защитник людей, уничтожит вас за то, что вы делаете.

Сказал Эну Глаанест:

— Повелитель Молний далеко, а мы близко. Несомненно, что Лорд Келесайн с помощью волшебных дорог умеет перемещаться между мирами и за минуту может преодолеть огромное расстояние — но сколько потребуется времени вашему гонцу, чтобы добраться до этого Лорда?

Помолчав, тяжело сказал бургомистр:

— Я не могу принимать подобные решения один. Они не будут иметь никакой силы.

Сказал Эну Глаанест:

— Мы и сами хотели бы, чтобы сначала вы обсудили положение дел с вашими советниками и горожанами. Думаю даже, что мнение народа — а ведь народ всегда думает больше о простых и понятных вещах, чем о таких невесомых понятиях, как свобода или несвобода — так вот, думаю, что мнение горожан подскажет вам, какое решение следует принять. Завтра в полдень мы придем в муниципалитет, и, надеюсь, тогда же исчезнет и то небольшое затруднение, с которым столкнулся ваш город сегодня.

С теми словами Глаанест и Тайнианим ушли, а бургомистр послал своим советникам и членам муниципалитета сообщение обо всем этом. Сам же он отправился к городскому магу, обитавшему в высокой башне посреди города. Они долго говорили, и под конец беседы маг убедил бургомистра не соглашаться на наглые требования чужаков. Тот маг в Искусстве был не последним среди своих собратьев и доселе ни разу встречался с врагом, который был бы ему ровней в волшебстве и не верил, что порядку, установленному Советом Лордов в Эссенлере, может всерьез что-либо угрожать. Ведь он сам учился у некоторых из них и видел, каковы размеры их колдовского могущества — а могущество это казалось ему беспредельным. Поэтому он считал, что только дурак осмелится бросить им вызов — а с дураками, он полагал, что сможет справиться и сам. Но все же, занимаясь подготовкой к завтрашнему поединку, он послал демона-вестника к Джемми — одному из учеников Лорда Келесайна, исполнявшему при том обязанности секретаря и управляющего.

На следующий день, поговорив еще раз со своими советниками,

членами муниципалитета и мастерами гильдий, бургомистр вышел к народу. Воистину, легко управлять мнением людей! Можно сказать «хотят, чтобы мы приняли их покровительство», а можно сказать «желают сделать нас рабами». Ничего удивительного, что вскоре собравшиеся стали требовать смерти пришельцам. Многие взяли за оружие, когда на площади в полдень, как и обещали, появились Глаанест и Тайнианим. Толпа хотела растерзать их, но Глаанест сотворил вокруг себя и Тайнианим огненное кольцо, заставившее отступить нападающих. Сказал он, посмотрев на людей:

— Я вижу, вы неразумны.

Городской волшебник меж тем наложил другое заклятье и погасил огонь, вызванный Глаанестом. Но когда толпа снова бросилась на них, Тайнианим превратила кровь в жилах самых разъяренных нападающих в желе. Они упали замертво, а толпа в страхе отпрянула. Тогда вышел вперед городской волшебник и, возведя защитные барьеры, приготовился к поединку.

Сказал Глаанест, посмотрев на него с усмешкой:

— Так вот в чем сокрыт источник недовольства!

С этими словами он обрушил на мага сильнейшее пламя и сжег его вместе с заклятьями, которыми тот защищался. Ибо есть огонь, пожирающий дерево, а есть огонь, пожирающий заклинания.

После того Глаанест и Тайнианим взошли на ступени муниципалитета и обратились к горожанам, сказав:

— Мы не отнимаем свободу. У вас есть выбор, и этот выбор прост: жизнь или смерть. Скажите же нам, что вы выбираете, и поскорее покончим с этим. Этот город будет нашим, вопрос лишь в том, будете ли вы жить здесь или же переселитесь в Страну Мертвых. Можете бежать прочь, но тем скорее вы достигните подземного мира — потому что за то, что вы посмели напасть на нас, мы наложим на вас проклятие: куда бы вы не пошли, какое бы питье не приблизили к губам — воду, молоко или вино — оно превратится в ваших руках в студень. Завтра мы вернемся и послушаем, что вы решили.

Сказав так, они ушли, а горожане в сильном смятении не знали, что им делать. Но когда умерло несколько грудных детей от того, что молоко кормилиц, попадая им в рот, переставало быть молоком, обитатели города, наконец, осознали, что им грозит. На следующий день они изъявили свою покорность Глаанесту и Тайнианим.

...В то время Эну Ауг и Лорд Полоз, которые отправились на юго-запад, взяли под свою руку тамошние земли. Там не было больших городов

и сильных магов. Ауг подчинил себе души мелких князей и старейшин. Обитатели тех мест и змеелюди, которых привел Лорд Полоз, стали возводить цитадели и укрепления. Чтобы избежать возможного бунта со стороны местных жителей Ауг стал незаметно менять их сердца и души, подчиняя своей воле, создавая из каждого обитателя тех земель нечто, бывшее человеком лишь по форме, но не по сути.

...О том, что было с Лордом Гюрзой и Леди Каскавеллой, которые отправились в пустыню на западе, будет рассказано в другом месте, ибо история их длинна.

...Что до Хозяина Безумной Роши, то он, как и собирался, отправился к Медному Замку. Мирэн и дроу сопровождали его.

А следует сказать, что тот замок принадлежал Лорду Имрадиму, брату Лорда Архайна, Хозяина Железной Башни. Оба брата были искусными волшебниками, но до прихода в Эссенлер никто из них обладал собственной Силой. Из них двоих Архайн был более искусен и талантлив, он сумел воспользоваться природным волшебством Рассветных Земель и обрести Силу; Имрадиму повезло меньше. Когда стало ясно, что могущество, к которому стремились оба, сумеет обрести только один, Архайн из любви к брату отделил от своей Силы часть и отдал ему в ленное владение. Обычно, совершая подобный шаг, Обладающий только приобретает себе вассала, и в некотором смысле так было и между Архайном и Имрадимом, но это был странный вассалитет, ибо ни одним обязательством Архайн не связал своего брата, так как любил его.

В тот день, на свое несчастье, жена Архайна, Данира, и их сын, Комет, гостили в Медном Замке Лорда Имрадима. Вот, увидели они, как потемнело небо и подул резкий злой ветер. Почувствовал Имрадим, как дрогнула волшебная паутина заклятий, окружающих его башню. Сказал хозяин, поспешно поднимаясь из-за стола:

— Нечто темное приближается к нам, и недоброе предчувствие сжимает мне сердце, когда я пытаюсь посредством своей Силы ощутить и понять, что же это. То, что приближается к нам, сильнее меня.

Но Комет, сын Архайна, рассмеялся и вытащил из ножен клинок, подаренный отцом.

— Чтобы это не было, — сказал юноша, — я желаю непременно встретиться с этим в поединке, ибо ты, мой дядя, и мой отец, и другие Лорды слишком хорошо постарались задолго до моего рождения, уничтожая чудовищ, демонов и Лордов-разбойников, и я уже опасался, что на мою долю не осталось каких-либо свершений.

Ничего не ответил Имрадим племяннику, лишь покачал головой,

дивясь безрассудству юности. Комет же молчал, улыбаясь и поглаживая меч. Не простым был этот меч. Изготовленный руками Хозяина Железной Башни, с легкостью разрубал он железо и камень. По желанию владельца он мог превращаться в тысячу клинков, и во мгновение ока наносить тысячу ударов с тысячи различных направлений. Воистину, могущественным стал бы любой, овладевший подобным оружием!

Вот вышли они на широкий балкон в верхней части башни. В тот же миг почувствовал Имрадим, как истлевают паутина заклятий под напором ужасной Силы, источника которой не мог он определить до сих пор. Тогда Имрадим стал быстро сплетать новый защитный барьер, пользуясь и собственным колдовством, и колдовством, источаемым Источником его замка — но тщетно. Заклятья, которые он творил, соприкасаясь с этой Силой, портились и переставали подчиняться Имрадиму. И вот наконец то, что желало войти в его дом, вошло.

На краю балкона появились четверо. Никого из них Имрадим не встречал никогда прежде и не знал, кто они, и почему вторглись в его владения, но облик их показался колдуну отвратительным. Ибо на лице Мирэна при виде этих полулюдей-полубессмертных отразилась самая неподдельная демоническая радость. О глазах Мьяонеля, приобретающих необыкновенный вид, когда с ним была его Сила, уже не раз было говорено прежде. Так же и облик Яскайлега и Кемерлина удивил Имрадима, потому как никогда прежде не встречался он ни с кем из народа дроу.

Легкое шипение исходило из горла Мирэна. Приглядевшись, Имрадим понял, что происходит оно от того, что тот лишь вдыхает воздух, но не выдыхает его — так, как будто бы легкие его безразмерны.

Сказал Имрадим:

— Что вам нужно?

Спросил Мьяонель, помня о сущности Силы, которой обладал один из его убийц:

— Ты — вассал Архайна?

Сказал Имрадим:

— Я — его брат.

— Превосходно, — кивнул Мьяонель. — Что ж, от тебя мне нужно немного. Твою душу, твой разум, твой замок и твое волшебство.

Тогда вперед вышел Комет и сказал, обратившись к пришельцу:

— Боюсь, ничего из этого ты не получишь. Зато мы можем дать тебе кое-что другое, а именно — смерть.

— Глупец, — сказал ему Мьяонель, — раб не вправе предлагать подобный дар своему господину.

— Когда же, — спросил юноша, обратив против Владыки Бреда свой меч, — я успел стать твоим рабом?

— С тех пор прошла уже целая минута, — ответил Владыка Бреда.

И тогда увидели Имрадим и Данира, что Комет закричал и, схватившись за голову, упал перед Мьяонелем на колени. Обратили они против Мьяонеля и его спутников самые разрушительные заклятья, которые знали, но Мирэн вдруг выдохнул воздух, скопившийся в его легких за все это время, и Дыхание Порчи разрушило, развеяло, разъяло все заклинания матери Комета и его дяди.

Более ни Мьяонель, ни Мирэн не сделали ничего, но увидели Имрадим и Данира, как поднимается на ноги Комет, как берет в руки меч и оборачивается к ним. Лицо его было искажено бешенством, а в глазах притаилось безумие. И обратил он силу своего клинка против матери и дяди. И хотя щиты, выставленные ими, отразили большую часть той тысячи клинков, что направил на них Комет, некоторые клинки все-таки достигли цели. Данира, тяжело раненая, упала на руки Имрадиму, а Комет приготовился нанести новый удар. Тогда Имрадим бросил в него оглушающее заклятье. Комет, которым двигало безумие, и не подумал защититься. Заклятье подняло его в воздух и ударило о медные плиты балкона, и еще раз, но по несчастливой случайности в третий раз Комет оказался слишком близко к краю, и, не удержавшись, упал вниз.

Мельком глянув во внутренний двор замка, Мьяонель обратился к Имрадиму, и, усмехнувшись, сказал так:

— Я вижу, ты человек жестокий. Зачем ты убил его?

Закричал Имрадим, указуя на Владыку Бреда:

— Это ты — убийца!!!

Сказал Мьяонель:

— Достаточно слов на сегодня.

Он вытянул перед собой руку в черной перчатке и негромко сказал что-то. В тот же миг воздух между ним и хозяином замка сгустился и потемнел, и из того сгущения вышли тени, подобные расходящимся ветвям или гибким серым нитям. Тени-ветви окружили Имрадима и Даниру и вошли в них, а когда Мьяонель потянул руку к себе, так же и тени-ветви потянулись к нему, сплетенные особым образом — так, будто бы хранили в двух клубках два невидимых предмета. Впрочем, не для всех эти предметы были невидимыми — для глаз Яскайлега и Кемерлина эти предметы были как два полупрозрачных, тускло светящихся сгустка.

Забрав у Имрадима и Даниры их души, Мьяонель сотворил волшебную дорогу и сказал Мирэну:

— Мне не нужен этот замок. Уничтожь его.

Мьяонель и дроу ушли, а Мирэн некоторое время стоял на балконе, призывая и копя свою Силу. Ветер, бушевавший вокруг него, превратился в ураган, и воздух ревел, разрывая барабанные перепонки. В какой-то момент Мирэн растворился в ветре и Силе, став их частью, и обрушился на медный замок. Распались стены из меди, будто рисунок на листе бумаги, на который плеснули воду, рассыпались перекрытия и опоры, словно не из металла состояли они, а из песка и трухи. Полагающий, что медь не ржавеет — ошибается, ибо ржавчина пожрала медный замок Имрадима. Порча, которой был Мирэн, коснулась и Источника, разрушив его, проникла в подвалы, в подземные хранилища, в тайники, в которых копилась и пульсировала Сила, отравила и выжгла их. Насытив свою страсть к разрушению, а также насытив свою Силу, могущую только паразитировать, но не существовать самостоятельно, Мирэн ушел из тех земель и вернулся в лагерь, расположенный недалеко от Безумной Роши.

ПУСТЫНЯ

(история двадцать пятая)

...Когда Лорд Гюрза и Леди Каскавелла остановились на краю огромной безжизненной пустыни, из желтой кожи которой тянулись к небесам острые бурые скалы, Каскавелла произнесла с усмешкой:

— Хотелось бы мне знать, что имел в виду наш многомудрый предводитель, размышляющий не посредством разума, но посредством шевелящихся насекомых, обитающих в его голове — так вот, что он имел в виду, посылая нас установить контроль над этим местом?

Сказал Лорд Гюрза:

— Не вижу причин для веселья. Будь мы смертными людьми, в таком месте достаточно было бы захватить немногие колодцы и источники, и можно было бы говорить о том, что это место принадлежит нам. Но поскольку мы чародеи, да и те, кто противостоит нам, не чужды волшебству, нам следует захватить все источники — но источающие не влагу, а магию. Что ты говорила о замках, окруженных мощными защитными чарами?

— Ты предлагаешь начать с этих замков? — Спросила Каскавелла.

— Нет, — сказал Гюрза, — сначала я хотел бы посмотреть на потайные области этой пустыни, где находятся города, населенные джиннами и невидимками.

Каскавелла кивнула, ибо ей тоже хотелось поближе познакомиться с этими существами, и, взяв своего спутника под руку, направилась с ним вглубь пустыни.

Вот каков был облик этих двоих:

Лорд Гюрза — черноволосый, высокий, в темно-серой обтягивающей одежде,двигающийся легко и изящно, вооруженный двумя тонкими клинками, один из которых длиной в две ладони, другой — в длину руки.

Леди Каскавелла — темноглазая, белокожая, одетая в голубое платье с серебряными и белыми узорами, поверх которого — короткий синий плащ. Ее золотистые волосы перехвачены обручем, а на руках — украшения из многих тонких металлических колец, издающие звон, когда Каскавелла поднимает или опускает руки. Ее ноги обуты в легкие сандалии; на ногах Гюрзы — мягкие сапоги из черной кожи. Оба молоды и беспечны. Они

следуют за Мьяонелем не ради корыстолюбивых расчетов, не ради земель, природное волшебство которых еще не угасло, но ради развлечения, славы и собственного удовольствия. Но не смотря на молодость, они оба — весьма талантливые волшебники и опасные враги. Впрочем, в числе ближних вассалов Змеиной Королевы Винауди не найдется глупцов или бездарей, или тех, кто не в состоянии защитить себя — в том числе и от своих собратьев.

...Вскоре скал стало больше. Двигаясь на запад по широкому ущелью, они достигли развалин некогда большого и шумного города. Сто тридцать лет назад, когда Мьяонель любопытства ради исследовал земли, соседние с теми, где он вырастил Рошу, он видел здесь богатый торговый город, стоявший на середине караванного пути через пустыню. Вода для орошения его полей посредством специальных приспособлений поднималась из-под земли. Тогдашние обитатели города хорошо потрудились, заставив отступить пустыню. Но теперь, как видели Гюрза и Каскавелла, пустыня взяла свое. Ныне только ящерицы и песчаные демоны населяли этот город.

Невдалеке от города Каскавелла показала Гюрзе незримые пути в потайные области мира, скрытые под его видимой поверхностью. Воспользовавшись этими путями, они оказались в месте, почти во всем подобным тому, что видели наверху. Здесь тоже были только камни и песок, и города, на первый взгляд кажущиеся ненаселенными. Но когда подданные Змеиной Королевы вошли в один из таких городов, сложенный из массивных блоков темно-серого камня, они немедленно ощутили, что десятки, а может быть, и сотни глаз смотрят на них. В городе был как будто какой-то шум и шелест, но он мгновенно стих при их приближении.

— Человеческие существа! — Вдруг удивленно проговорил тоненький голосок за их спинами. И улицы города наполнились неясными шепотками и бормочущими голосами.

— Это джинны или невидимки? — Спросил Гюрза у Каскавеллы.

Ответила Каскавелла:

— Скорее всего, джинны. В одной книге я как-то читала, что невидимки имеют облик, подобный человеческому, хотя этот облик и невидим. Джинны не имеют даже и облика, и все, с чем можно сравнить их — это с колебанием воздуха. Впрочем, такова лишь их естественная форма, но они могут...

Она не договорила, потому как вдруг что-то сильно толкнуло их обоих. Голоса засмеялись и захихикали.

— Если еще раз повториться что-либо подобное, — громко сказал Лорд

Гюрза, и голова его превратилась из человеческой — в змеиную, — я залью улицы вашего города кипящим ядом. Не знаю, кто вы на самом деле — джинны или невидимки — но если вы невидимки, будет любопытно взглянуть, как вы будете ходить по этому яду, а если вы джинны, будет не менее любопытно узнать, сможете ли вы вдыхать его.

Невидимые существа, окружавшие Гюрзу и Каскавеллу, отпрянули от них. На улице установилось неприятное молчание. Пришельцы ощутили, что хозяева города рассматривают их пристально и отнюдь не дружелюбно. Тогда они встали спина к спине, готовясь отразить любое нападение, откуда бы оно не последовало.

Но сказала Каскавелла:

— Взгляни-ка сюда, мой друг! Кажется, теперь нас собрались навестить невидимки.

Посмотрев туда, куда ему указывала спутница, Гюрза увидел мантию и длинный плащ, выходящие к ним из-за угла. Именно так — только мантию и плащ — ибо под капюшоном плаща была пустота.

Сказал невидимка, подходя к змеелюдям:

— Приветствую вас, чужеземцы. Очевидно, вы не чужды волшебству, если сумели проникнуть сюда, в одну из потайных областей мира. Но скажите, для чего вы обнажили оружие, и напряжены так, будто готовитесь защищаться от кого-то?

Сказал Лорд Гюрза:

— Нас невежливо встретили в этом городе. Потайная это область или нет, но я ни от кого не потерплю оскорблений.

Сказал невидимка (и вассалам Змеиной Королевы показалось, что он улыбнулся):

— Не обижайтесь. Войдя в город, вы столкнулись со стайкой ребятишек, и я могу догадаться, что произошло дальше. Не стоит гневаться на детей за то, что они захотели подшутить над вами.

Рассмеялся тогда Лорд Гюрза, подумав о том, что едва не сжег город из-за детских шалостей, и убрал клинки в ножны.

— Вы правы, — сказал он невидимке. — Но дурно воспитаны ваши дети.

Сказал невидимка:

— Это не мои дети. Я здесь чужак, как и вы, и прибыл сюда по делам торговли. Но если желаете, я могу отвести вас к правителю этого города — полагаю, он с удовольствием примет в своем дворце столь небезынтересных путешественников.

Гюрза и Каскавелла выразили свое согласие, и торговец повел их

вглубь города. По пути им встретилось еще несколько невидимок, но их было немного. Город, казавшийся почти совершенно пустым, производил тягостное, гнетущее и вместе с тем какое-то особенное впечатление. Город странно искажал восприятие, Гюрзе и Каскавелле мнилось, что еще немного — и они заглянут за грань, увидят то, что обычно является невидимым, не имеет ни цвета, ни формы, ни веса.

Вскоре они подошли к сооружению, напоминающему огромный амфитеатр, внутри которого было несколько построек меньшего размера. Одноэтажные, украшенные колоннами и барельефами, эти постройки легко было принять за храмы, посвященные местным божествам.

Когда торговец остановился на площади между храмами, Гюрза спросил его:

— Где дворец, о котором ты говорил?

Сказал невидимка:

— Это и есть дворец. Но подождем немного. Здешние обитатели должны сами заговорить с нами.

Вскоре почувствовали пришедшие, что снова смотрят на них чьи-то глаза. И показалось Гюрзе и Каскавелле, что смотрящие на них весьма велики ростом.

Прозвучал в амфитеатре первый голос, низкий, глубокий, заполняющий собой все пространство, подобный голосу океана, подобный голосу горы, подобный голосу трубящих ветров:

— Кто вы и для какой надобности пришли в наш город?

Сказала Каскавелла:

— Мы путешественники. Без всякой надобности мы пришли сюда, движимые только любопытством и желанием узнать, кто населяет эти города и в каких отношениях вы находитесь с существами, обитающими на поверхности Эссенлера.

Тогда заговорил другой голос, подобный шторму, подобный неистовой грозе, подобный летящей лавине. Гневно воскликнул он:

— В отношениях, которые нельзя назвать иначе, как «унизительными»! Ибо, когда мы выходим на поверхность, жалкие человеческие существа, обитающие там, ловят нас и помещают в темницы, размещающиеся в особых замках, окружающих пустыню!

«Так вот для чего нужны волшебные цитадели вокруг пустыни», безмолвно сказал Гюрза Каскавелле. «Следует подробно расспросить этих джиннов, — ответила Леди-Змея, — может быть, нам удастся извлечь для себя из всего этого какую-нибудь пользу.»

Спросил тогда Лорд Гюрза обитателей дворца:

— Почему же вы позволяете им так поступать с вами? Почему не пойдете на них войной? Ведь, как бы не были сильны обитатели этих цитаделей, вряд ли они сумеют устоять, если весь народ джиннов обрушится на них!

Воскликнул тогда второй голос:

— Воистину, не устоят! Но наш король — трус и изменник. Он предпочел забыть о том, что многие из наших родичей томятся в плену, лишь бы не рисковать и не подвергать себя даже и малейшей опасности! Вместо того он гнет спину перед нашими врагами и исполняет все, что они велят.

Сказал Лорд Гюрза:

— Почему же вы терпите столь никчемного монарха?

Вновь заговорил первый голос:

— Выслушайте нашу историю, о чужеземцы. Некогда наш народ, который существа вроде вас называют народом джиннов, был велик и могуч. Но на войне, случившейся у нас с обитателями поверхности, пал наш старый король. Он оставил двух сыновей — старшего, Галлара, и младшего, Курджуна. О, великого сожаления достойно, что их старшинство было именно таким, а не обратным! Ибо старший предпочел помириться с убийцами отца, забыть о мести и стать жестоким тираном для своего народа. Да что там — говорят, он был в сговоре с убийцами и помог им освободить трон. Многими бедами обернулось для нас его правление, наши исконные права были попорчены, а наши вольности отменены. Видя все эти несправедливости, Курджун долго терпел, но вот однажды и его терпение подошло к концу, он собрал армию и вместе со своим сыном Джармальтом...

— Я и мой отец, — вступил второй голос, и на этот раз в нем звучала горечь, — взяли приступом столицу и вторглись во дворец Галлара. Тяжелая это была война, ибо Галлар — могущественный волшебник. Однако, когда ценою многих жизней мы повергли его, мы надеялись, что цена за наши исконные вольности уплачена сполна. Но Галлар Вернулся. Он собрал преданных ему военачальников и разбил войска моего отца, а его самого подверг унижительной казни. Мне удалось бежать. С тех пор я вынужден скрываться здесь, в провинции, во дворце одного из своих друзей.

— Вернулся? — Переспросил Лорд Гюрза. — Каким образом Галлар сумел осуществить это? Он — из числа Обладающих Силой?

Сказал правитель города:

— Трудно ответить на этот вопрос. Он причастен к Силе, но не в такой

степени, в какой причастны к Силам Лорды, разбившие войско нашего старого короля — Лорд Келесайн Майтхагел, Лорд Архайн и Лорд Джеренион. Однако Галлар и не обыкновенный волшебник.

Гюрза кивнул, услышав такой ответ, ибо знал, что есть те, к кому Сила приходит мгновенно, во вспышке озарения — как было с Келесайном и Мьяонелем, а есть те, в ком она копится долгими годами, и даже столетиями — как было с Наврандом и Принцем Каджей.

Спросил Лорд Гюрза:

— Скажите, а из-за чего произошла та война между вами и обитателями поверхности?

Сказал принц Джармалът:

— Не было у той войны никаких действительных причин. Самоуправство и кичливая гордость Совета Лордов — вот единственная причина!

Спросила Леди Каскавелла:

— А что послужило поводом?

— Воистину, — воскликнул принц Джармалът, — смешон этот повод! Веселье нашего народа поставили нам в вину! Ибо желали эти тираны, чтобы не радовались мы, а лили слезы, и смиренно сидели в собственных жилищах, не смея выходить на поверхность!

Сказал Лорд Гюрза:

— Я вижу, вы очень веселый народ. Не ваше ли веселье стало причиной опустошения того большого человеческого города, находящегося прямо над нами, на поверхности?

Сказал принц Джармалът:

— А если и так — что с того? Ведь ты, я вижу — не человек. Что тебе до того города?

Сказал Лорд Гюрза:

— Ничего. Я всего лишь хотел уточнить это обстоятельство, чтобы не было между нами недопонимания. Однако я хотел бы сказать вам и другое. Ныне в Эссенлер пришел еще больший весельчак, чем вы. Также и среди его спутников (а мы — из их числа) не найдется ни одного, не обладающего должным чувством юмора. Не желаете ли посмеяться вместе с нами?

Сказал принц Джармалът:

— С превеликим удовольствием!

Сказал правитель города:

— Этому есть препятствие. Ведь если мы поднимем головы и выйдем на поверхность не как раньше — по одиночке, но в большом числе, король

Галлар пошлет против нас свои войска, разорит наши жилища, пленит или истребит нас, как бунтовщиков. Несомненно, он поступит так, ведь он — в союзе с Лордами Эссенлера.

Сказал Лорд Гюрза:

— Не сложно будет устранить это препятствие и возвести на трон законного монарха, — и поклонился в том направлении, откуда звучал голос принца Джармальта.

Сказал правитель города:

— Мало чем я сумею помочь вам. Ведь за перемещениями моих войск зорко следят стражи Галлара.

Сказала Леди-Змея:

— Мы справимся и сами. Более того, даже и хорошо, что от вас не будет нам никакой помощи, потому что потом, когда принц Джармальт взойдет на престол, никто из его подданных не скажет: «В крови руки монарха».

Сказал Джармальт:

— Я не опасаюсь подобной болтовни. Однако, если вы добьетесь успеха, не будет ли так, что мой дядя воскреснет, как это уже было однажды?

Сказала Каскавелла:

— Мы позаботимся и об этом. Ибо не Возвращается тот, кто не умирает.

На том они простились с правителем города и принцем. По приказу правителя четверо джиннов опустили на площадь большой ковер. Как только подданные Змеиной Королевы Винауди взошли на этот ковер, джинны ухватили его за четыре конца, подняли в воздух и быстрее ветра понесли в сторону столицы.

Долго летели Гюрза и Каскавелла. Различные города видели они, по виду — пустующие, или же заполненные движущимися одежаниями. Видели они сухие русла рек, и обсидиановые скалы, и озера, по которым можно было ходить, как посуху — столь много в воде этих озер было соли. Но вот, увидели они вдалеке украшенные разноцветными изразцами стены большого города, и джинны, которые несли их, остановились.

Спросил Лорд Гюрза Каскавеллу:

— Скажи: как, по-твоему, нам надлежит действовать?

Сказала Леди Каскавелла:

— Нетрудно ответить: мы придем в этот город так же, как пришли в город, где встретили принца. Как и там, мы добьемся приема у правителя, а когда Галлар примет нас — нападём на него.

Сказал Лорд Гюрза:

— Бесчестно поступать так, если он примет нас как гостей. А ведь бесчестие — это не то, к чему следует прибегать, если существуют иные пути. Я предлагаю не испрашивать у стражей дворца позволения войти, но вломиться во дворец силой. Таким образом мы захватим Галлара, не опозорив себя.

Сказала Каскавелла:

— Не хотелось бы производить в этом городе большие разрушения, ибо не с любовью примут Джармальта его подданные, если его восхождение на трон будет связано с гибелью многих из них.

Сказал Гюрза:

— Мне хватит и моих клинков, чтобы пробиться сквозь охрану.

Воскликнула Каскавелла:

— Как же ты собираешься драться с ними?! Ведь они невидимы и бестелесны!

Сказал Гюрза:

— Немалое волшебство заключено в этих клинках. Бестелесных существ и призраков поражают они с такой же легкостью, как и существ из плоти. Что до того, что здешние обитатели невидимы — то это не такая уж и помеха, ибо я умею сражаться, не видя противника. Напротив, мои глаза будут обманывать меня в подобной битве, и я, прежде чем войти во дворец, закрою их повязкой.

Сказала Каскавелла:

— Пусть будет так, как ты хочешь. Я буду следовать за тобой, и посмотрю, чем можно тебе помочь.

Вот, вошли они в город и, приблизившись ко дворцу Галлара, сказали стражам, охранявшим врата:

— Передайте вашему королю, что здесь — вызывающие его на поединок!

Зарычали стражи:

— Некому вызывать его на поединок, ибо прежде, чем достигнет это известие нашего короля, мертвы будете вы оба!

С теми словами они ринулись на пришельцев, но Гюрза затанцевал и закружился, и клинки его, кромсая воздух, вырывали крики из глоток стражей и рассекали эфирные сердца их. А был Лорд Гюрза искусен в обращении с оружием, ловок и быстр, подобен в бою вихрю, подобен танцующей змее, подобен смерти. Всех стражей, охранявших ворота, он поразил своими клинками, ни одного из них не подпустив ни к себе, ни к своей спутнице. Что до Каскавеллы, то она стояла молча, ничем не помогая

Гюрзе, и внимательно прислуживалась к тому, что происходило вокруг нее, как будто стараясь уловить некий ритм или беззвучную музыку.

Вошли они в ворота и двинулись к центру дворца. А следует сказать, что дворец Галлара, как и дворцы других правителей джиннов, был подобен амфитеатру великих размеров, в центре которого находились разные здания, сплетенные в единое целое лестницами, террасами, балконами и висячими мостами. И шли змеелюди по коридорам и залам, по каменным мостам и узорчатым дорожкам, а воины-джинны старались поразить их. Но когда увидели джинны, что неощутимость и незримость их естества нисколько не мешает пришельцам истреблять их, стали они приобретать разнообразные призрачные облики, воинственные и угрожающие. Так, принимали они облики человекоптиц, и человеколошадей, и облики огромных демонов, и облики воителей со многими руками и разнообразнейшим оружием в тех руках. И бросали они в идущих стрелы и дротики, копья и диски, клинки и камни, обрушивали на них потоки сверкающих игл, острые звезды, крюки и плети с ледяными шипами. Однако не могли джинны поразить идущих. Впрочем, не был легок путь и для идущих, и Лорд Гюрза прибег в тот день ко всем своим талантам, не оставив ничего про запас. Взбегая по стенам, прыгая с колоны на колону, демонстрируя немыслимую ловкость, двигаясь изящно, как только может двигаться змея, атаковал он нападающих с самых неожиданных сторон, неся смерть, сея в их рядах опустошение.

Каскавелла только защищалась посредством заклинаний и не принимала участие в бою, но продолжала будто прислушиваться к чему-то. Когда же они спускались по одной широкой лестнице, и натиск джиннов стал особенно силен, Каскавелла вдруг достала из-под плаща костяную погремушку и затрясла ею. В тот же час громкий вопль, полный отчаянья и муки, исторгли уста нападающих. И почувствовали вассалы Винауди, что сгнули воины Галлара.

Спросил Лорд Гюрза свою спутницу:

— Как тебе удалось изгнать их?

Ответила Леди Каскавелла:

— Я всего лишь подобрала особый ритм, непереносимый для их естества. Но поспешим — Галлар уже знает о нашем вторжении, и не следует предоставлять ему возможность хорошо подготовиться к встрече.

Вот приблизились они к центральной части дворца — к площади меж невысокими храмами и портиками. Там почувствовали Гюрза и Каскавелла, что их ждут, и что ждущие их — огромны. Когда они вышли на площадь, зазвучал голос, громче которого они не слышали прежде —

голос, подобный грому, подобный извергающемуся вулкану, подобный горе, рухнувшей в пропасть.

Произнес говорящий:

— Кто вы и почему напали на моих слуг?

Спросил его Лорд Гюрза, снимая повязку с глаз:

— Ты ли Галлар, король джиннов?

Был ответ ему:

— Ты сказал.

Предложил Лорд Гюрза (а чтобы быть услышанным, ему приходилось кричать):

— Сложи оружие, отдайся на нашу милость — и мы избежим ненужной и бессмысленной суеты!

Увидели тогда пришедшие, как возникают на площади три пучка мерцания, как уплотняются эти мерцания, уменьшаясь и принимая определенный облик. Вот как выглядел тот, кто стоял слева: двадцати футов росту, с шестью руками, в которых было шесть острых клинков, с костяной броней, покрывающей тело, с пятифутовыми шипами, вырастающими из спины и нижних ребер. Ниже пояса тело его становилось телом большой ящерицы. Вот облик другого, стоявшего справа: волчья голова, и впереди — как будто бы маска из огня, исходящего из пасти и глаз; четыре руки, в коих — крюки и веера. На двух ногах стоял он, но помимо ног, опирался еще на крокодилий хвост. Рост его был — тридцать футов. Вот облик стоявшего посередине, облик короля Галлара, властелина джиннов: плащ песочного цвета, и острая золотая маска, закрывающая лицо. Тело его состояло будто бы из миллионов песчинок, кружащихся в бешеном ритме. Руки его — плети из песка, а из прорезей в маске, там, где должны быть глаза, струилась темнота.

Наслал Галлар на своих врагов облако ядовитой пыли, а его союзники изрыгнули из своих глоток огонь. Но скрестил над головой клинки Лорд Гюрза — и натолкнулось пламя на невидимый барьер. Затрясла погремушкой Леди Каскавелла — и заметались ядовитые песчинки, не зная, куда лететь им, и, в конце концов, сгорели в пламени. Тогда оттолкнулся от земли Змеиный Лорд, и, взлетев, поразил джинна-ящера в горло. Всего один выпад потребовался ему — но кто может описать совершенство, изящество и силу этого выпада?! Ни броня, ни клинки, ни шипы не спасли джинна-ящера, и мертвым рухнул он наземь.

Взмахнул веерами тот, кто имел волчью голову. В тот же миг уплотнился вокруг него воздух, и невозможно стало приблизиться к нему. Крюками взмахнул он — сплелись из воздуха и огня и устремились к

Лорду Гюрзе два сверкающих лезвия. А длина их такова же, каково расстояние меж поединщиками — пятьдесят футов.

Что до Галлара — то протянул он к Каскавелле свои руки, и удлинились эти руки, превратившись в песчаные плети.

Высоко прыгнул Змеиный Лорд, избегая соприкосновения со сверкающими лезвиями, и рассек на лету извивающиеся руки-плети Галлара. Каскавелла вновь затрясла своей погремушкой. И почувствовал волкоголовый, как еще больше уплотняется вокруг него охранная оболочка, а потом, став подобной хрупкому стеклу, рушится со звоном. Одного прыжка хватило Гюрзе, чтобы преодолеть расстояние между ними, и двух взмахов мечами, чтобы рассечь тело волкоголового на восемь частей.

Крикнула Каскавелла:

— Смирись, Лорд Галлар! Сопrotивляясь неизбежному, ты ничего не достигнешь!

Ничего не ответил король джиннов, но тьма, таившаяся за глазницами его золотой маски, пришла в движение. Протянулись из глазниц два потока тьмы, два течения, две черные змеи. Поспешно загремела погремушкой Каскавелла, ибо опасными показались ей эти нити-змеи. Возник перед нею щит, а щит тот был — как серо-голубая чешуя с серебряными и белыми узорами. Но тьма, вышедшая из глаз Галлара, соприкоснувшись с щитом, прогрызла в нем отверстия, испарила, иссушила, испила энергию, заключенную в щите из змеиной чешуи. Обвились темные нити вокруг Каскавеллы и стали душить ее, а пасти безглазых черных змей вонзились в ее нежное тело.

Тогда Лорд Гюрза бросил в Галлара меньший из своих клинков, а сам подскочил к этим нитям и стал рубить их. Как молния, сверкнул брошенный клинок, и лишь перед тем, как вонзиться в Галлара, на мгновение обрел форму, подобную змеиному зубу. В том месте, куда вошел клинок-зуб, песок, из которого состояло видимое тело короля джиннов, стал багровым, а потом и черным. Багрово-черное быстро распространилось по телу Галлара. Король джиннов зашатался, а затем упал, как падает ворох ветхого платья, а сверху легла его золотая маска.

Но в то время Лорд Гюрза не смотрел на него, освобождая Каскавеллу от заклятья, которое хотя и ослабло, но все же продолжало убивать змеедеву. Долго Гюрза провозился с этим заклятьем, но под конец сумел справиться с ним, и исцелил Каскавеллу — ведь, как и любой из вассалов Винауди, был он весьма сведущ и в смерти, и в исцелении.

Когда открыла глаза Каскавелла, сказала она, посмотрев на короля

джиннов:

— Жаль, что ты убил его. Ведь это означает, что всю эту неприятную работу мы проделали зря.

Сказал Лорд Гюрза:

— Он отравлен и обездвижен, только и всего.

Сказала Леди Каскавелла, потирая шею:

— Галлар, будь он проклять, едва не стал причиной моей смерти!

Сказал ее спутник:

— Без сомнения, он неплохой волшебник, хотя и не слишком опытный. Кроме того, он встретил нас, не будучи подготовленным.

Сказала Каскавелла, поднимаясь:

— Я тебе кое-что должна. Хотелось бы вернуть это, поскольку я не люблю быть должной.

Сказал Гюрза:

— Забудь об этой мелочи.

Спросила Каскавелла, опасно посмотрев на Змеиного Лорда:

— Что же, ты называешь мою жизнь — «мелочью»?

— Нет! — Поспешно ответил Гюрза.

— Так как же мне отблагодарить тебя?

Сказал Лорд Гюрза:

— Ты знаешь.

А следует заметить, что Лорд Гюрза был изящным кавалером. При дворе Змеиной Королевы был он известен, как опытный мастер любовных игр. Некоторое время был он и любовником Королевы Винауди. Из числа тех немногих придворных красавиц, с которыми он еще не упражнялся в любовных играх, была Каскавелла. Время от времени Гюрза принимался ухаживать за ней, но прежде всегда встречал отказ.

Пристально, с ног до головы оглядела его Каскавелла и произнесла затем:

— Я дам тебе шанс.

Рассмеялся Гюрза, услышав такой ответ. Вместе с Каскавеллой извлекли они клинок из магической сути короля Галлара. В подземных этажах дворца отыскали они темницы, в которые король Галлар помещал своих пленников, и, выбрав самую крепкую из них, укрепили ее еще и своими заклятьями. Туда они поместили Галлара, после чего отсекли его от его Силы, используя для того Источник энергии, сотворенный когда-то самим королем. Ибо при известных условиях Обладающий может быть пленен на своем же Источнике Силы и удержан им. Это ловушка, которую сложно преодолеть, потому как способности плененного к Искусству

можно парализовать, а Сила, естественное течение которой искажено властью пленившего, обернется против самого Обладающего.

Совершив все это, Гюрза и Каскавелла пригласили во дворец принца Джармальта. Было повсеместно объявлено о смерти предыдущего монарха, а поскольку он был бездетен, Джармальт, как единственный наследник, короновался. После того, как его власть укрепилась, и правители почти всех городов присягнули ему в верности, Гюрза и Каскавелла отправились в обратный путь. В лагере, разбитом близ Безумной Рощи, отыскиали они Мьяонеля.

Спросил их Хозяин Безумной Рощи:

— Захватили ли вы колдовские цитадели, возвышающиеся на краю пустыни?

Сказал Лорд Гюрза:

— Нет. Эти цитадели нам не опасны, ибо предназначены для ловли джиннов. Впрочем, следует разрушить хотя бы несколько из них. Пусть Мирэн или еще кто-нибудь, чья мощь больше нашей, отправится туда и сделает это, ибо заклятья, защищающие цитадели, сильны, и мы не сумеем совладеть с ними быстро.

Услышав это, нахмурился Мьяонель, потому как этим «еще кем-нибудь» мог быть только он, ибо среди его спутников Лорд Гюрза и Леди Каскавелла никому не уступали в могуществе, за исключением его самого и Мирэна.

Сказал Мьяонель недовольно:

— Где же вы пропадали столько времени? И почему теперь хотите переложить вашу работу на чужие плечи?

Сказала Леди Каскавелла:

— Милорд, целый народ — народ джиннов — сделали мы вашими союзниками, а вы порицаете нас за потерю времени и за безделье! Не оправдывает ли бесчисленная армия могущественных духов, которые выступят вместе с вами против Совета Лордов, нескольких дней нашей задержки?

И не нашел Лорд Мьяонель ничего, что можно было бы возразить на слова этой женщины.

ЖАТВА НЕНАВИСТИ

(история двадцать шестая)

Вскоре после возвращения из Медного Замка, Мьяонель обратился к Яскайлегу и Кемерлину, сказав:

— Я должен провести одну магическую процедуру, и хочу, чтобы вы помогли мне.

— Что нам надлежит сделать? — Спросили дроу.

— Прежде всего вам надлежит отправиться вместе со мной в сердце Безумной Рощи, — ответил Владыка Бреда.

Так они и поступили. Роща открыла потайные пути перед своим повелителем, и вскоре они оказались в ее центре, на высоком холме перед сумрачным замком. А следует сказать, что, восстановив Рощу, Мьяонель вскоре после того создал себе замок, вызвав из податливой материи Бреда разжиженный камень и придав ему желаемую форму, а потом убрав из этого камня все свойства, делающие его жидким.

Вокруг пришедших на холм колыхались бесцветно-черные деревья, и движения их были подобны движению пламени. Сила ощущалась здесь повсюду, и эта Сила пульсировала — безумием, пением, неотвратимым ритмом проникая в разумы Яскайлега и Кемерлина, как бы они не пытались оградиться от нее, не слышать музыки, проникающей в Сущее из Царства Бреда, не ощущать тяжелого дыхания этого Царства. Руководствуясь какими-то своими причинами (если у его действий вообще были какие-то причины — а в этом в разное время сомневались многие, общавшиеся с ним), на этот раз Мьяонель не защитил своих спутников, как то бывало обычно, когда он хотел взять кого-нибудь в свой замок, от пагубного воздействия Силы. И оказись в сердцевине Безумной Рощи какие-либо иные существа, не столь искушенные в волшебстве, как дроу — без труда царившая здесь Сила смогла бы найти путь в их умы и души, и изменила бы их так, как изменяла все, с чем соприкасалась. Но дроу — сами великие мастера чар и магии, и на пути Безумия они возводили искусные барьеры, а когда барьеры рушились, у Яскайлега и Кемерлина уже были готовы новые охранные оболочки.

Так стояли они некоторое время, не шевелясь, ограждая себя от влияния Силы и ждали, когда Лорд нарушит молчание.

Наконец, Мьяонель заговорил.

— Когда я в первый раз поселился в Эссенлере, — сказал он, — некоторое время Совет Лордов ничего не знал о моем появлении. Так же и я ничего не знал о нем. Увидев, сколь благодатна эта земля и сколь многое волшебство еще таится в ней — волшебство, которое можно извлечь и пробудить, и использовать для своих целей — я захотел совершить одно дело, мысли о котором посещали меня уже давно, за многие столетия до того, как я стал Обладающим. Я пришел в одно поселение, где обитали темные альвы, и предложил им переселиться сюда. Посредством волшебного искусства ванов, своей Силы и магии, таящейся в новом мире я хотел сотворить новое Целое для народа дроу. Некоторые из ваших поверили мне и приняли мое приглашение. Но моя попытка провалилась. Не знаю, достало ли бы моего магического искусства для подобной работы, так как работу эту завершить мне не дали. Уничтожив меня, мои враги уничтожили и Роцу, и всех, кто населял ее. Но я солгал бы, сказав, что на этом пути не добился совершенно никаких результатов. Кое-чего я все-таки достиг — хотя и не совсем того, чего желал достичь в самом начале. Определенным образом я соединил духовную сущность ваших родичей с одним из аспектов своей Силы...

— Ты изменил их? — Быстро спросил Кемерлин. В глазах Яскайлега был не гнев — только ледяной холод.

— Нет, — качнул головой Мьяонель, — я не менял их волю. Ты ошибаешься, о Кемерлин-Отступник, подозревая меня в каких-то нечестных намерениях. То, что я делал, я делал с их согласия — а далеко не все из пришедших со мной дали на это согласие. Но судьба согласившихся стала иной, чем у прочих. В определенном смысле, моя Сила стала их посмертными чертогами. Так же можно сказать, что они и сейчас — во мне.

— Незавидная участь, — молвил Яскайлег.

— Ты предпочитаешь после гибели тела умереть второй смертью? — Спросил его Мьяонель. Дроу презрительно усмехнулся, но не ответил, а Мьяонель продолжал:

— Их можно извлечь. Для этого я и пригласил вас сюда. Эта процедура болезненна и неприятна для меня, но она возможна, и мне требуются два опытных мастера заклинаний, чтобы уловить эти души и удерживать их внутри волшебных коконов в то время, пока я буду выворачивать свое естество наизнанку.

— Почему же ты сам не можешь провести ритуал Воскрешения? — Спросил тогда Кемерлин-Отступник.

— Они слишком глубоко во мне, — объяснил Мьяонель, — ведь Рощу сожгли в одно время с ними, и тогда же убили и меня самого. Мы сплелись слишком тесно, пребывая в том неопишемом состоянии, в каком существует Сила сама в себе, без всяких внешних проявлений и атрибутов. Поэтому все мое внимание, вся воля уйдет на то, чтобы достигнуть этих областей Силы, и, вместе с тем — самому не раствориться в этих областях.

Сказал Яскайлег:

— Мы ничем тебе не сможем помочь, если ты не оградишь нас от воздействия Рощи. Если ты не заметил — сейчас все наше Искусство поглощено сражением с нею.

Сказал Мьяонель:

— Когда я откроюсь Силе целиком, то никого не смогу защитить от нее. Кроме того, чтобы совершить действие, о котором мы говорим, вам также придется открыться Силе. Мне нечем убедить вас, что это не обман и что я не собираюсь исказить вашу волю — нечем, кроме собственного слова.

Некоторое время дроу молчали. Затем Кемерлин сказал:

— Я верю тебе.

Яскайлег сказал:

— Я верю тебе.

— Но существует еще одно обстоятельство, — заметил Отступник. — Если наши родичи слились с твоей Силой и вы сплелись в единое целое... Не воскресим ли мы безумцев?

— Об этом не стоит беспокоиться, — сказал Мьяонель. — Хотя они растворены во мне и не являются сейчас чем-то, что может сказать о себе «Это — я», процесс, в ходе которого их личности распались на составляющие элементы, а те, в свою очередь, растворились в моей Силе — этот процесс можно повернуть вспять. Гораздо большая опасность угрожала их душам, когда они в первый раз причащались к Силе. Тогда была опасность, что разум их может быть надломлен этим причащением. Но они сохранили рассудок, и не безумие стало править ими, а они — безумием, так же как и я правлю своей Силой, а не Сила — мной. Нет, об этой части воскрешения не стоит беспокоиться.

Сказал Кемерлин:

— Значит, и нам грозит та же опасность? Какова вероятность того, что мы лишимся рассудка?

— Не знаю, — пожал плечами Мьяонель, — будь вы людьми, я бы сказал, что эта вероятность велика. Будь вы ванами, я бы сказал, что вам ничего не грозит, потому что ван, принимая форму пламени, совершенно

становиться пламенем, и начинает чувствовать мир так, как чувствует пламя, а принимая форму птицы, начинает воспринимать мир так, как воспринимает его птица — но никогда во времена расцвета нашей расы не было так, чтобы форма поглощала нас, и мы забывали, кто мы такие на самом деле. Но вы — дроу, и я не знаю, что вам ответить. Могу сказать лишь, что из тех шестерых, которых я подверг соединению, ни один не сошел с ума.

— Ну что же, — промолвили Кемерлин и Яскайлег, — мы готовы.

— Откройте мне свою сущность и дайте мне свои руки, — сказал им Мьяонель.

Они сделали, как он просил. Сжав их ладони, призвал Мьяонель Силу. Великим торжеством наполнилась тогда Роцца, неистовым стал ее танец, и если прежде ее деревья были — как языки пламени, то теперь стали — как пожар. Прибывала Сила, пульсируя, изливаясь из Царства Бреда — в Сущее. Безумие подступило к Яскайлегу и Кемерлину и вошло в них, а они не противились ему больше посредством Искусства. Умертвив все чувства, погрузив разум в молчание, принимали дроу происходившее с ними так, как следует принимать смерть. А ведь то, что входило в них, хотя и не несло гибель телам, было смертью страшнейшей — смертью их душ. Ведь чтобы ожить, им следовало переродиться, а чтобы иметь возможность переродиться, прежде им требовалось умереть.

Когда безумие поглотило их без остатка, тогда внутреннее их существо по воле Мьяонеля стало собираться обратно. В те мгновения обладал Мьяонель над ними полной властью, и если бы желал, мог бы изменить их, как хотел: мог сделать Яскайлега и Кемерлина демонами или своими рабами, или внушить им преданность к себе, или хотя бы избавить Яскайлега от той нелюбви, которую, как знал Мьяонель, Яскайлег питает к нему. Но ничего из этого не сделал Хозяин Безумной Роцци. Он любил народ дроу таким, каким был этот народ, и чтил их свободу и гордость, и не желал властвовать над ними.

Вот, выделились из потоков Силы элементы душ и собрались в единое целое. Тогда увидели Яскайлег и Кемерлин, что стоят они, как и прежде, на вершине холма в центре Безумной Роцци. Но хотя и теперь никак не защищал их Мьяонель от своей Силы, более не нуждались они ни в какой защите. Хотя они остались самими собой, Сила уже не стремилась изменить их, поскольку они и без того были ее порождениями и заключали тень ее — в себе.

Сказал Мьяонель:

— Хотя ваш дух и остался прежним, ваши способности к волшебству

приобрели некоторые новые свойства. Теперь вы сумеете выполнить то, о чем мы говорили раньше.

Еще долгое время провели они на этом холме. Мьяонель, который, когда творил волшебство, словно открывал некие врата внутри себя, в тот час распахнул их настежь. И дроу Яскайлег и дроу Кемерлин удерживали его дух, не давая ему сгинуть в Царстве Безумия, и посредством заклинаний и магических фигур собирали элементы душ своих родичей, растворившихся в Силе Мьяонеля. Тяжела и кропотлива была эта работа, но, воистину, велико волшебное искусство народа дроу! Наконец, закончили они пряжу заклятий и соткали из тонких нитей шесть душ, составили из бесчисленных элементов шесть сущностей. Заключив те души в особые пентакли, сколь могли, уменьшили они поток Силы, изливавшийся во вне из врат, коими стал Обладающий, Лорд Мьяонель. Немного смогли Яскайлег и Кемерлин, но и того, что удалось им, хватило, чтобы поколебать равновесие между волей Мьяонеля и напором безличной Силы. Дух Хозяина Роши вышел из оцепенения и стал ограждать Силу, и закрывать врата перед нею.

Изгнав Силу, упал Мьяонель на колени. Хотя был он сильно изможден этой битвой, но когда дроу помогли ему подняться, сказал:

— Осталось вернуть им только одно — их тела.

Промолвил Кемерлин:

— Не лучше ли отложить эту часть на потом? Ведь неизбежно, что скоро Совет Лордов, узнав о твоём появлении, нападет на нас. Если ты не будешь готов встретить их во всеоружии, твои союзники потерпят поражение. Ты и без того был сегодня на грани. Не стоит переступать через себя и пытаться совершать невозможное. Ты изможден. Когда силы возвратятся к тебе, тогда и твори вновь свое волшебство.

— Кто знает, — ответил Мьяонель, — как повернется битва?

И, вновь прибегнув к магии, из материи Бреда сотворил он шесть тел — в точности такие же, какие некогда принадлежали шестерым дроу. Закончив это, потерял он сознание и рухнул бы наземь, если бы вновь Кемерлин и Яскайлег не поддержали его. Они отнесли Хозяина Безумной Роши в замок, а сами, вернувшись, соединили души и тела своих родичей, и, пробудив их, рассказали им обо всех событиях, случившихся после часа их гибели.

В то время демон-вестник достиг Грозовой Цитадели и обратился к невидимым стражам, охранявшим ее. Сказал он, что послан к Джемми городским магом Кольмениона. Стражи сообщили о том управляющему, и Джемми (в те времена он не был еще Лордом) принял посланника.

Не медля, ученик Лорда Келесайна отправился в Кольменион. Однако, Джемми не знал, с чем ему придется столкнуться и от того не был осмотрителен. Еще прежде, чем он сумел поговорить с жителями города и выяснить, что же случилось с городским магом, Глаанест и Тайнианим, хотя и не без труда, пленили его. Когда же доставили они пленника в Безумную Рошу и захотели видеть Мьяонеля, сказал им Яскайлег:

— Сейчас это невозможно. Он нуждается в отдыхе.

— Клянусь, ему придется прервать свой отдых! — Воскликнул Глаанест. — Мы поймали в городе колдуна — а этот колдун, хоть и не является Обладающим, все-таки весьма близок к Силе. Мне думается, это чей-то ученик — а если так, значит, скоро Кольменион посетит и его учитель. Пусть выйдет к нам Мьяонель и скажет, как мы должны действовать: отступить или укрепиться в Кольменионе?

— Сейчас я не стану тревожить его, — повторил Яскайлег, а Глаанест, услышав такой ответ, закипел от гнева и собрал в ладонях пламя, как бы готовясь обрушить его на дреу.

— Я отвечу тебе, — сказал тогда Кемерлин-Отступник, — вам следует укрепиться в Кольменионе и закрыть его щитом заклятий. Вряд ли Келесайн Майтхагел или кто-нибудь из тех Лордов, которые придут с ним, станут посредством всей своей мощи ломать этот щит. Не захотят они начинать битвы над городом — ведь даже если победа окажется на их стороне, весь Кольменион будет разрушен. Однако в случае, если они все-таки нападут, вам не следует бездумно сражаться с ними. Как только падут установленные вами щиты, уходите из города, и не задерживайтесь.

Сказал Глаанест, презрительно посмотрев на дреу:

— Это твои собственные слова, альв, или это то, что Мьяонель приказал передать нам?

Сказал Кемерлин:

— Да. Такова его воля.

Но когда ушли Глаанест и Тайнианим, спросил Яскайлег Отступника:

— Зачем ты солгал ему?

Сказал Кемерлин:

— Хотя он и не Обладающий, но в Силе Глаанест считает себя равным Повелителям Стихий. Он никогда бы не принял совета от того, кого мнит стоящим ниже себя. Однако время идет, и если бы Глаанест и Тайнианим начали действовать сами, то вне зависимости от того, удачными оказались бы их действия или нет, они стали бы думать, что Мьяонель предал их, предоставив собственной судьбе. А таких мыслей нельзя допускать.

Вскоре после того как Глаанест, Тайнианим, Госпожа Гадюка и муж ее,

Господин Випер, Гюрза и Каскавелла укрепили Кольменион и закрыли его щитами заклятий, к городу пришел Повелитель Молний. Он был один. Неизвестно, чем бы закончился его поединок с шестью Повелителями Стихий (хотя по одиночке он без труда управился бы с любым из них), но Лорд Келесайн, как и предсказывал Отступник, не стал разрушать город ради того, чтобы добраться до своих врагов. Встретив сильный отпор и отступив, он отправил в Кольменион посланника, предлагая начать переговоры. Лорды приняли его предложение и условились о встрече, ибо любое промедление было им только на руку.

— По какому праву вы захватили этот город? — Спросил у них Лорд Келесайн.

— Здешний сеньор, — с усмешкой ответил ему Глаанест, — имя которого — Лорд Мьяонель, а титулы — Хозяин Безумной Рощи и Владыка Бреда, пожаловал нам эти земли в вечное владение.

Долго молчал Келесайн, тяжело разглядывая стоявших перед ним волшебников, а затем спросил:

— Как этот Лорд мог дать вам что-либо, если сам по праву не владеет в Эссенлере даже и пядью земли?

— Относительно его прав, — сказал Лорд Гюрза, — существуют различные точки зрения. И нас привлекает та, которой придерживается вышеназванный Лорд.

— Где мой ученик? — Спросил тогда Повелитель Молний.

— Разве у вас был какой-то ученик? — Удивленно распахнув глаза, прошебетала Каскавелла. — Милорд Глаанест, вы, случаем, не видели этого ученика?

— Нет, — сказал Глаанест, по-прежнему усмехаясь в лицо Повелителю Молний, — не видел.

Более ничего не сказал Лорд Келесайн, но повернулся к ним спиной и сотворил волшебную дорогу во Дворец Справедливости, где обитал Лорд Джордмонд. Там обратился он к хозяину замка, потребовав немедленного собрания Совета Лордов.

Сказал Лорд Джормонд:

— Какой беспокойный день! Келесайн, сегодня ты — третий, кто обращается ко мне с этим требованием.

Когда был собран Совет, встал Лорд Архайн и обратился к присутствующим. Был черен его взгляд, а губы дрожали — то ли от боли, то ли от гнева. Сказал он:

— Несколько дней тому назад моя жена и сын отправились в гости к моему брату, Имрадиму. Я долго ждал возвращения Комета и Даниры, но

их не было. Тогда я попытался посредством волшебных зеркал поговорить с братом, но никто не отвечал мне. Незадолго до того в Силе, которую разделяем мы с Имрадимом, произошло как бы сильное колебание, и я подумал, что Имрадим не может ответить мне, будучи занят обучением моего мальчика некоторым глубинным основам волшебства. Однако со временем беспокойство мое становилось все сильнее и сильнее. Наконец я верхом на железной птице сам отправился в Медный Замок. Но что я увидел там?! Разрушен дом брата моего, и на том месте — руины! Выжжено Средоточье Силы, разъедены неведомой порчей корни Источника, уходящие в глубины Эссенлера. Что стало с моими родичами — я до сих пор не знаю. Я расспросил местных жителей, но они ничего не смогли рассказать о том, кто напал на замок. Так же пытался я выяснить это и сам, но потерпел неудачу. Теперь обращаюсь к вам, сидящим в этом зале — кто из вас сделал это?! И если здесь находится виновник моей беды, пусть встанет он и скажет, почему сам не бросил мне вызов, почему столь подло напал на моих ближних и пленил их!

Зашумели тогда собравшиеся, ибо им не по нраву пришлись слова Архайна. Поднял руку Лорд Джордмонд и обратился к говорившему:

— Я думаю, что ты ошибаешься, полагая, что в твоих бедах виноват один из присутствующих здесь Лордов. Но скажи — почему ты уверен, что твои родичи не погибли, но были пленены?

— Я пытался воскресить Даниру и Имрадима посредством Силы, к которой причастны мы трое, — ответил Архайн, — но не нашел их. А это означает, что либо враг мой уничтожил их настолько искусно, что способен соперничать в искусстве уничтожения со Стражами Мира, либо означает, что они пленены.

Сказал Джордмонд-Законник:

— Ты упомянул Даниру и Имрадима, но ничего не сказал о своем сыне.

Зарыдал тогда старик и закрыл лицо руками.

— Я и не пытался Вернуть его — это невозможно. Он не был причащен к моей Силе. Я не хотел исказить его собственный путь... Ведь я надеялся, что когда-нибудь Комет обретет собственную Силу во всей полноте.

Сказал тогда Лорд Келесайн:

— Я знаю, кто виноват в ваших несчастьях, милорд. Но я назову это имя, когда настанет моя очередь говорить.

После того встала Леди Астана и обратилась к собравшимся. Сказала она:

— Полагаю, многие из вас помнят проклятое место, где более века назад Келесайн уничтожил некоего Лорда-разбойника, наполнившего ядом

и безумием лес к югу от моих владений. Тогда же Тарнааль поверг могучего демона, которого вызвал этот Лорд себе на подмогу — многие должны помнить об этом, ибо поколебались Рассветные Земли, когда Ангел-Страж и тот демон рухнули на землю и проломили ее плоть до огненных недр Эссенлера. Хотя позже мы и пытались, как могли, исцелить эту местность, недавно в ней пробудилась некая болезнь. Эта болезнь распространилась на мои владения, отравила мои ручьи и озера, погубила леса, заставила моих подданных бежать и искать спасения в северных святилищах. Так же я думаю, что эта болезнь — или всплеск Силы изгнанного Лорда-разбойника — породила отвратительных существ, недавно захвативших альвийскую цитадель в Крылатых Горах. Это нападение застало моих альвов неподготовленными, и несомненно, цитадель вскоре будет отбита у захватчиков — однако, я призываю собравшихся устранить причину бед. Полагаю, мы недостаточно хорошо выжгли отвратительную рошу, сотворенную безумцем, и со временем она смогла как-то восстановиться. Нам следует придти туда и закончить начатую работу.

Астана замолчала, а Келесайн Майтхагел поднялся и молвил:

— Хорошо сказано. Именно так нам и надлежит поступить. Но прежде, чем мы отправимся в эти места, послушайте и мой рассказ. Причина неведомой порчи кроется не в спорах Безумной Рощи, которые мы не заметили более века назад. Причина в том, что Хозяин Рощи, Мьяонель Владыка Бреда — Вернулся. Он или кто-то из его спутников разрушил замок твоего брата, Архайн, он или кто-то из его спутников взял в плен моего ученика Джемми, и он, и никто иной, распространив свою Силу, отравил твои леса, Леди Астана.

И рассказал подробно Лорд Келесайн, чему стал свидетелем в Кольменионе и о своем разговоре с теми, кто ныне владел этим городом. Взволновались собравшиеся. Вскричали они:

— Надлежит немедленно покарать их!

Но сказал Лорд Джордмонд:

— Несомненно, мы должны остановить захватчиков, но отчего-то мне кажется, что это вторжение хорошо подготовлено. Ведь прежде тот Лорд уже сталкивался с нами и знает, какими возможностями мы располагаем. Хотя он и из числа Владык Бреда, вряд ли он безумен настолько, что пришел сюда наобум, не имея никаких козырей в запасе и не обзаведясь могущественными союзниками. Также и рассказ Лорда Келесайна подтверждает мои слова. Он видел только шестерых Лордов, но кто может быть уверен, что это — все союзники Хозяина Рощи? Как видите, ныне

Тарнааля нет на нашем собрании: ведь не только Эссенлер оберегает Ангел-Страж, но и во многих других Землях Сущего взывают к его силе и справедливости. Нам следует дождаться его, а пока мы ждем — наилучшим образом подготовиться к сражению.

Возразил Келесайн:

— Но что, если Ангел-Страж не сможет прибыть скоро? Нам не следует торопиться, но и медлить нельзя, ибо болезнь быстро распространяется по тем землям и отравы все глубже проникает в сердце Эссенлера. Мы соберем армии и обложим захватчиков со всех сторон, чтобы не допустить продвижения каджей и змеелюдей. Сами же мы — я предлагаю вам это, Лорды — соберем своих учеников и вассалов, а также лучших волшебников, служащих нам и обратим свое волшебство против сердцевины порчи — той Роши, где поселилось Безумие. К западу от нее есть большое пустое пространство, где почти ничего не растет. Там некогда раскололась твердь Эссенлера и глубинный огонь его вырвался наружу; впоследствии Хозяйке Деревьев так и не удалось исцелить эту обширную плешь. Нам следует напасть на Мьяонеля с этой стороны. Ведь в войне, которую он начал с нами, нам придется задумываться не о том, как бы ограничить свою мощь и не сжечь ненароком какое-нибудь поселение, но как бы одержать победу и не погибнуть. Если вы согласны с моими словами, предлагаю обсудить время выступления.

Не нашлось среди них несогласных, но еще долго говорили Лорды на том Совете, обсуждая создавшееся положение и меры, которые следовало предпринять, чтобы исправить его.

В то самое время был другой совет, затеянный союзниками Мьяонеля. И спросили собравшиеся в высоком шатре у Яскайлега и Кемерлина, где Хозяин Безумной Роши. И, услышав ответ, потребовали, чтобы те пробудили его ото сна.

Но сказал Яскайлег:

— Нам не следует делать этого. Его духовные силы истощены. Ему следует восстановиться и прибыть на поле битвы не обессиленным, но во всеоружии.

— Сколько же времени потребуется ему для сна? — Спросил тогда Лорд Полоз. — Или он будет спать и тогда, когда Совет Лордов придет сюда и обратит против нас свое волшебство?

Вторил ему Эну Глаанест:

— Я не боюсь их, но и воевать с ними вместо Мьяонеля — не стану.

Сказал Яскайлег Глаанесту, и скрытая издевка заключалась в его словах:

— А ты и не сможешь сражаться вместо него. Ибо есть Лорды, которые меряются Силой с другими Лордами, а есть воители, которые делят поле битвы с городскими волшебниками и учениками Лордов.

Ярость засверкала тогда в глазах Эну Глаанеста. Вскочил он и сказал Яскайлегу:

— А есть и такие — не Лорды, но рабы их! — которые жалки и беспомощны, и только прячась за спину своего господина, смеют лаять на тех, кто их господину равен.

Яскайлег не отвел взгляда. Презрительно сказал он:

— Меж волшебниками есть и еще одно различие. Одни сами Обрели Силу и достигли ее вершин, а другие получили Силу — вернее сказать — ее обломки, как милостыню, как подачку от своего прежнего господина, переставшего нуждаться в подобном хламе.

Сказала Тайнианим:

— Дроу, говоря так, ты оскорбляешь не только моего брата Глаанеста, но и меня, и Ауга. Ты ищешь ссоры с нами? Это неразумно. Все твое Искусство — ничто перед мощью, которой мы располагаем. Меж нами не может быть поединка — мы не равны.

Сказал Глаанест:

— Много чести — говорить о поединке с этим альвийским отродьем! Его следует прибить без всяких слов, как собаку!

Сказал Аспид:

— Я не допущу ссоры и убью любого, кто станет продолжать ее или затеет новую. Яскайлег и Глаанест, вам следует принести друг другу свои извинения.

А следует заметить, что в числе вассалов Змеиной Королевы Лорд Аспид был лучшим волшебником. Даже и Винауди, превосходя Аспида Силой, уступала ему в Искусстве и опыте. Также и собравшиеся на этот совет хорошо знали, сколь смертоносным может быть волшебство Лорда Аспида.

Но сказал Глаанест:

— Противно моей чести — просить прощения у того, кто ниже меня.

Но сказал Яскайлег как бы удивленно:

— Эну Тайнианим, почему ты говоришь, что я оскорбляю тебя и твоих братьев? Разве то, что я сказал, имеет хоть какое-то отношение к твоему брату Глаанесту? Ведь он — достойнейший из сильнейших и благороднейший из благородных!

— Замолчите вы, оба! — Крикнул Лорд Гюрза. — Если вы только и можете, что вносить разлад и оскорблять друг друга, лучше вовсе держите

язык за зубами! Ответь нам лучше, дроу — когда твой господин снова будет с нами?

Выступил тогда вперед Кемерлин-Отступник и сказал:

— Хозяин Безумной Роши будет пробужден ото сна в свое время. Точного срока я назвать не могу.

Спросила Каскавелла:

— Как же нам надлежит действовать до его пробуждения? Не говорил ли он что-нибудь об этом?

Помедлив, молвил Кемерлин:

— Да, он оставил кое-что, что мне следует передать вам. Прежде всего он сказал, что Совет Лордов либо начнет долгую войну, соберет все свои армии и станет часть за частью отнимать у нас то, что мы уже взяли себе, либо восседающие в Совете придут сюда все вместе и в прямом Поединке Сил постараются уничтожить Хозяина Роши и его ближайших союзников, чтобы уже затем без помех очистить эти земли от наших солдат и принесенного нами волшебства. Второй путь более вероятен, потому как Лордам Эссенлера невыгодна долгая война с нами — ведь на такой войне они могут потерять многое, и ничего не приобрести, в то время как нам затянувшаяся война даст шанс укрепиться в этих землях. Значит, следует ожидать, что они придут скоро, хотя и без армий, только лишь с ближними своими вассалами и учениками. Куда они направят первый удар? Это очевидно. Туда, где находится центр захваченных нами земель и где не так давно был восстановлен Источник Силы того, кто ведет нас. Ни огонь, ни железо сами по себе не способны уничтожить Рошу — Безумие поработит и огонь, и железо — но и Лорды Совета обладают немалым волшебством. Если они снова выжгут Рошу, сильнейший из вас лишится опоры для своей Силы. Следовательно, если мы знаем, где появится Совет и если мы не должны допустить, чтобы они осуществили то, что хотят, надлежит встретить их у границ Роши и сразиться с ними. Вот слова Мьяонеля.

И союзники Мьяонеля согласились с этим. Яскайлег же смотрел на своего родича и молчал, и странным был взгляд его.

Так стали они ждать появления врагов своих — изобретая различные заклинания, оттачивая волшебное оружие, выделяя, воссоздавая, выстраивая из Сил новые боевые атрибуты. Мирэн, в сопровождении Гюрзы и Каскавеллы, отправился к границам западной пустыни и повеселился вовсю, разрушая цитадели, сооруженные Лордами в качестве барьера между миром людей и миром духов и джиннов. Но вот в некий день демоны-дозорные донесли своим хозяевам о группе, появившейся недалеко от Роши. При помощи колдовства спутники Мьяонеля стали

следить за тем местом и убедились, что это — те, кого они ждали. Пришедшие поставили временный лагерь и закрыли его щитами заклятий.

Сказал Лорд Аспид Яскайлегу:

— Видишь, они укрепились и готовятся к атаке. Твой господин должен был хорошо выспаться за эти дни, но теперь пришло время пробудить его ото сна.

Сказал Яскайлег:

— С помощью волшебного зеркала я поговорю со своим родичем, находящимся в замке Мьяонеля, и извещу его обо всем этом.

Он отошел в сторону и посредством чар вызвал Кемерлина.

Но сказал Кемерлин:

— Еще слишком рано. За последний час веки Мьяонеля несколько раз дрогнули — кажется, он сам вскоре собирается пробудиться.

Сказал Яскайлег:

— Больше нет времени ждать.

— Еще есть время, — возразил Кемерлин. — Сколько-то времени у Совета Лордов уйдет на подготовку, сколько-то — на разведку боем. Они не сразу пустят в ход всю свою мощь — опасаясь ловушки, они почти наверняка сначала постараются обнаружить вас и спровоцировать на нападение. Некоторое время союзникам Мьяонеля придется обходиться без его помощи.

Усмехнулся Яскайлег и спросил:

— Мне так и передать им?

— Скажи им, — ответил Кемерлин-Отступник, — что Мьяонель пробужден и что он готовит в своих заклинательных покоях оружие великой разрушительной мощи, готовясь в нужный момент обрушить его на Совет Лордов. Скажи им, что Мьяонель приказывает своим союзникам не нападать самим, а выступить лишь тогда, когда Роща уже не сможет сама защитить себя.

Яскайлег погасил зеркало, и, подойдя к Лорду Аспиду, передал ему все так, как хотел Кемерлин. Когда Лорд Аспид объявил об этом остальным, сказал Эну Глаанест:

— Уже более получаса, как они появились на пустоши у границ Рощи. Я ощущаю швы на лице Эссенлера — эти швы прочны, но глубоко под их лагерем я чувствую огонь. Почему бы не пробудить его и не посмотреть, что они станут делать, когда под их ногами разверзнется земля и огонь недр вырвется наружу?

Но сказал Лорд Аспид:

— Нам следует ждать. Кроме того, я не думаю, что тебе удастся застать

их врасплох.

В то время Совет Лордов, установив временный лагерь и укрепив его различными охранными заклинаниями (а были среди заклятий и такие, кои защищали от землетрясений и вулканов), также ожидал нападения.

Сказал Лорд Джордмонд-Законник:

— Нас не могли не заметить.

— Мне тоже так кажется, — кивнул Повелитель Молний. — И если они проявляют осторожность, нам следует их немного расшевелить.

Сказав так, он вызвал облако и, поднявшись на нем в воздух, полетел в сторону Роци. Обратился Лорд Келесайн к своей Силе, к ее разрушительным аспектам, ко всем ее боевым атрибутам. Молниями заискрилось его облако, и молнии окружили своего повелителя, и стрелы из молний легли в его ладони. И, мчась подобно грозовой буре над Безумной Рощей, смеялся Лорд Келесайн, разбрасывая стрелы и соцветия молний. И от тех молний вспыхивали деревья и мгновенно сгорали. И белое пламя сжигало деревья так же легко, как будто бы это были обычные деревья и будто бы никакая магия не защищала их. И сотни нитей-молний обрушились на Роцу, превращая в пепел растения, животных и саму землю.

Но огонь не распространялся дальше.

И, сделав круг над Рощей, оглядел ее Лорд Келесайн и увидел, что хотя огонь и оставил кое-где плечи, большая часть этого проклятого леса осталась неповрежденной и нигде не начался пожар. Более того, видел Лорд Келесайн, как на его глазах затягивается пепел мхом и лишайником, и вытягиваются ветви деревьев, закрывая пустоты, и ядовитый бурый туман проникает туда, где воздух только что был очищен огнем и молниями.

Вернувшись, сказал Келесайн остальным Лордам:

— Похоже, они хотят заставить нас действовать. Очевидно, они полагают, что пассивная оборона в их положении — наилучшая тактика. Что ж, не знаю, сколь долго это место сможет залечивать себя, но каковы бы не были его ресурсы, рано или поздно они придут к концу. Если наши враги так и не начнут действовать — тем лучше: сначала мы спалим Роцу и уже затем станем сражаться с ними.

Тогда, повинаясь жесту Лорда Архайна, возникло в воздухе четыре полукруглых лезвия, а длина тех лезвий была — пятнадцать футов. Завертелись лезвия в воздухе и устремились к деревьям, и вошли в плоть леса.

Но рассмеявшись, сказал Лорд Зерем Архайну:

— Милорд, от ваших потуг пользы еще меньше, чем от молний нашего громовержца! Взгляните — не смотря на свои размеры, не срубили эти лезвия еще ни одного дерева! Деревья убирают от них свои ветви, и наибольшее, что удастся вашим лезвиям — это надрезать стволы некоторых деревьев. Впрочем — и эти раны тут же затягиваются.

Сказал Лорд Архайн, потеряв переносицу (а чем дальше продвигались лезвия, тем сложнее ему становилось управлять ими):

— Я ничего не понимаю. Ведь это — весьма густой лес. Каким же образом, проносясь по нему, мои лезвия (а ведь длина их — пятнадцать футов) лишь задевают стволы, а не срубают их целиком?

— Вы мыслите, милорд, опираясь на известные вам законы и полагая их абсолютными, — ответил Джордмонд. — Но в этом лесу поселилось Безумие. Как вы можете требовать от этого места, чтобы его пространство подчинялось законам здравого смысла?

Но возразил Лорд Архайн:

— Я не чувствую, чтобы это пространство как-либо искажалось.

— Вы не понимаете меня, милорд, — устало вздохнул Джордмонд. — Если бы пространство искажалось, здесь, скорее всего, бы обитал Повелитель Направлений, а не Владыка Бреда.

Тогда, видя, что его усилия бесполезны, Лорд Архайн отозвал свои лезвия. И увидел он, что более не сверкают они — выщербленные, покрытые ржавчиной, глухо ткнулись лезвия в траву перед ногами Архайна.

Воскликнул Хозяин Железной Башни:

— Проклятье! Ведь не из металла сотворил их я, а из призрачной сути стали и серебра, неподвластной никакой порче или ржавлению!

С кривой усмешкой сказал Лорд Зерем, Творец Чудовищ и Повелитель Бестий:

— Вот что значит — полагаться на неживые предметы в борьбе с противником, обладающим хоть некоторой толикой воображения! А ведь вам должно быть известно, Лорд Архайн, что хотя металлы и камень древнее, чем дерево, но дерево без труда крошит своим корнями скалу. Вместе с тем, с такой же легкостью животные пожирают листву деревьев, а насекомые и кроты — их корни. И сейчас я покажу вам, Лорды, что и у нас найдется кое-что, что неприятно удивит этого самозванного садовода!

Сказав так, вызвал он подчиненных ему тварей и приказал им разрушить Рощу. И были там и огнедышащие рептилии, и гигантские медведи-обезьяны, чьи спины возвышались над самыми высокими деревьями, а когти были длинной в тридцать футов, и демоны с пилами

вместо зубов, и червекроты с когтями, вокруг которых светились иные когти, острейшие — когти из призрачных алмазов. И, вскинув руки, исторг из своих ладоней Лорд Зерем тысячи мелких тварей, напоминавших саранчу, но бывших много крупнее и опаснее. Даже и тяжелой секирой было бы сложно разрубить панцирь любой из этих тварей, они же испытывали постоянный неутолимый голод и готовы были пожирать все живое. Поглощая, они плодились с ужасающей скоростью — уже через минуту из яиц, отложенных родителем, появлялось потомство и принималось с такой же алчностью искать пищу, и, в свою очередь, откладывать яйца. Улыбался Лорд Зерем, напуская саранчу на эти деревья.

Но вскоре увидели Лорды, как исчезла улыбка с его лица. И стал он делать различные пассы, и творить заклинания, и прямо обращаться к своей Силе — но видели Лорды, что все сильнее и сильнее проявляется беспокойство на лице Повелителя Бестий.

Спросил Лорд Архайн:

— Скажите, любезный Лорд Зерем, отчего ваши медведеобезьяны ведут себя столь странно?

Ничего не сказал Лорд Зерем, но вместо него ответил Джордмонд-Законник:

— Нетрудно ответить, отчего. Они сошли с ума и теперь рвут когтями друг друга, а не Рощу.

Сказала Леди Астана:

— Я вижу, ваша саранча ползает по этим деревьям, но не причиняет им никакого вреда. Скажите, милорд, почему так?

Снова промолчал Лорд Зерем, но сказал за него Джордмонд-Законник:

— И это легко объяснимо. Может быть, вы заметили, Леди, что первый поток саранчи делал то, что желал их создатель. Но вышедшие из их яиц, рожденные внутри ауры Безумной Роши — эти твари уже не были собственностью Повелителя Бестий. Они пожрали собственных родителей, а сами стали частью этого проклятого леса.

С ухмылкой спросил Лорд Шаркэль:

— А что там с вашими кротоми, милорд?

На этот раз разомкнул губы Лорд Зерем. Тяжело молвил он, с превеликим трудом выдавливая из себя слова:

— Я больше не чувствую их.

Сказал ему Келесайн Майтхагел, Повелитель Молний:

— Ты — глупец. Твои творения выглядят грозно; они опасны для плоти, их сложно уязвить льдом и огнем — но как ты представляешь себе поединок между твоим творением и Безумием? Величайшая глупость —

направлять живое существо против Силы, что поселилась здесь. Взгляни — твои же собственные творения: огнедышащие рептилии, демоны с пилами вместо зубов, медведеобезьяны и прочие — обратились теперь против нас самих и идут сюда, чтобы пожрать нас!

Когда же Лорды уничтожили обезумевших тварей Лорда Зерема (а это не заняло у них много времени), сказал Лорд Келесайн:

— Я вижу, что многие из вас хотели бы испытать свою мощь на этой Роще, но призываю вас оставить это развлечение. У Хозяина Рощи довольно сторонников — вам еще удастся сегодня показать свою удачу. А место это надлежит обратить в пепел немедленно. Скажи нам, милорд Джордмонд, постигший все законы, что правят миром — как наилучшим образом добиться успеха в этом предприятии?

— Немного я могу сказать вам, — отвечал Джордмонд-Законник, — ведь магия этой Рощи не построена в соответствии с законами мира Сущего, но проистекает из Царства Бреда, не имеющего никаких законов. Скажу лишь, что многим из вас следует опасаться столкновения с этой Силой, и в особенности — Зерему и Астане: в поединке Сил с этим Лордом-разбойником они будут весьма уязвимы. Однако есть среди нас и те, кто менее прочих уязвим для Безумия — я говорю о тебе, Леди Гизгана, Госпожа Бледного Света, и о тебе, Лорд Архайн, Хозяин Железной Башни, и о тебе, молодой Лорд Навранд, Хозяин Драгоценных Покоев. Также среди нас есть и тот, кто сам имеет преимущество перед этой Рощей. Это — Повелитель Молний.

Согласно кивнул Лорд Келесайн и сказал тем троим, чьи имена Джордмонд назвал перед его именем:

— По одиночке мы долго провозимся с этим лесом. Не лучше ли нам соединить силы, сотворить единое заклятье и совместно обратить самые разрушительные аспекты нашей волшбы против язвы на теле мира?

И вот, вперед вышли Келесайн, Архайн, Навранд и Гизгана.

Поднял Лорд Келесайн руки — огромным веером длиной в полумиллю забилось в его руках соцветие ослепительнейших нитей.

Коснулся его плеча Лорд Архайн, поднял другую руку к небу — и очищающее серебро влилось в те молнии, и невидимые грани, подобные граням наилучших стальных клинков, окружили их.

Раскрыла ладони Леди Гизгана — и нечто незримое даже для очей колдунов присоединилось к тому заклятью. А было это незримое — лунный свет в новолуние, свечение с той стороны зеркал, отражение, возникающее в глазах, внутренний свет камней и металлов, хрустальное блистание.

Взмахнул рукам Лорд Навранд, и остановил ладони — одну над другой, словно в круг заключил нечто. И тотчас заклятье оказалось как бы внутри некоего кристалла — прочного, нерушимого. Нисколько не утерев своих боевых свойств, сделалось само заклятье неуязвимым для всякого внешнего проникновения.

И когда обратили Лорды это заклятие на Рощу, задрожала и в ужасе склонилась Роща, и заметалась Сила, что была заключена в ней, ибо гибель почудилась ей в этом заклятье. Веретено из молний, дождь из клинков, шторм лезвий света, водопад алмазных граней — так рушилось с небес заклятье, сотворенное Обладающими. И это — наименьшее, что можно сказать о нем!

Но так и не коснувшись деревьев, остановилась летящая с небес гибель. Радугой огня и влаги, жара и холода, паутиной порчи, змеиным кольцом, ослепляющим зеркалом возник над Рощей колдовской щит. И был этот щит — всепожирающее пламя; бездонный омут; необратимое повеление; распахнутая змеиная пасть, в чьих клыках вместо яда — порча.

Пятеро вышли на пустошь из лесной чащи, те пятеро, что сотворили защитные чары: Эну Глаанест, Эну Тайнианим, Эну Ауг, Лорд Аспид и Лорд Мирэн. И когда столкнулось волшебство с волшебством, хотя и был уничтожен возведенный над Рощей щит, так же раскололся и кристалл, окружавший первое заклятье, и пламя пожрало его силу, и омут поглотил клинки-молнии, и Госпожа Бледного Света узнала, что такое — Ослепление. И то небольшое, что, миновав щит, все-таки пролилось на Рощу, не причинило ей никакого существенного вреда.

Посмотрел Лорд Келесайн на этих пятерых, улыбнулся и молвил:

— Превосходно. Я надеялся, что нам не придется ждать слишком долго. Но где же ваш могущественный сеньор, столь щедрый на земельные пожалования? Неужели он трусливо прячется за вашими спинами?

Безмолвно обратился Лорд Аспид к Яскайлегу, сказав:

«Передай Мьяонелю, что ему самое время появиться здесь со своим новым оружием. Я не уверен, что и против этих четверых мы сумеем выстоять, а ведь за их спинами — полторы дюжины других Лордов и с полсотни учеников их — волшебников умелых и искусных.»

Рявкнул Эну Глаанест:

«Скажи своему хозяину, ублюдок, чтобы он поторапливался! Я не собираюсь подыхать из-за его лени!»

Тогда, удалившись от своих соратников на некоторое расстояние, Яскайлег достал колдовское зеркало, сотворил вызывающие чары и сказал своему родичу:

— Пора. Время вышло.

Но ответил Кемерлин-Отступник:

— Когда я в последний раз подходил к нему, его веки несколько раз дрогнули, как будто бы он собирался открыть глаза. Приблизив ухо к его устам, я услышал как будто негромкий стон. Пальцы его рук едва заметно пошевелились. Кажется, его дух постепенно возвращается в тело. Яскайлег, следует подождать еще немного.

Сказал Яскайлег:

— Гибелью для всех нас обернется это промедление. Что, если ты ошибаешься и не будет никакого вреда, если разбудить его всего лишь на час раньше срока?

Сказал Кемерлин:

— Поверь мне, родич — ведь я больше, чем ты, углубился в магию сновидений и кое-что знаю о том, что происходит с теми, кто причастен к Силам, когда они пребывают в подобном состоянии. Не следует будить его. Но если я ошибаюсь — пусть Мьяонель, пробудившись, сам судит меня.

...В то время так говорил Повелитель Молний тем пятерым, что стояли пред ним:

— Вы поступили неразумно, придя с войной в Рассветные Земли. Не знаю, чем соблазнил вас Мьяонель, но ничего, кроме гибели, вы здесь не найдете. Мьяонель обманул вас всех. Впрочем, у вас еще есть возможность избежать смерти, и возможность эта такова: отрекитесь от союза с Хозяином Роци, сложите оружие, окажите посильную помощь в вызволении моего ученика и родичей Лорда Архайна — и мы проявим к вам снисхождение. Более того — не исключено, что как добрым соседям позволим мы вам поселиться здесь, ибо, как я вижу, в вашем волшебстве нет ничего чересчур неестественного для этого мира. За единственным исключением, — с этими словами Лорд Келесайн поднял руку и указал на Мирэна. — Но и тебе будет позволено живым уйти из этого мира, если ты проявишь благоразумие.

Услышав эти слова, в ухмылке приоткрыл Повелитель Порчи свой рот. А были его зубы гнилыми и более всего походили на черные головешки, вымазанные в густой патоке. Захихикал Мирэн и сказал:

— Бе! Бе! Бе! Ффффффффф!..

Сказал Келесайну Лорд Аспид:

— Боюсь, мы будем вынуждены отклонить ваше любезное предложение.

Глаанест же произнес:

— Слишком много слов. — И, собрав в ладонях пламя, пожирающее заклинания, добавил: — Вот мой ответ.

С этими словами бросил он пламя в Келесайна и спутников его. Но метнул навстречу огню Навранд один из своих кристаллов — и заточил это пламя в кристалле.

— Глупцы, — сказал Повелитель Молний. — Вы сами выбрали свою участь.

Повинуясь его власти, упали с небес молнии, целя во врагов его. В Силе никто из тех пятерых не мог бы сравниться с Келесайном Майтхагелом, но Эну Ауг ослепил целившегося. Плавя песок, дробя камни, но никому не причиняя вреда, падали молнии.

Десятки призрачных клинков сотворил Лорд Архайн и направил те клинки на врагов своих. Но еще быстрее сотворили ответное заклинание Лорд Аспид и Тайнианим, и в выставленном ими щите увязли клинки.

По повелению Гизганы струны невидимого света протянулись к врагам ее, прошли сквозь все выставленные ими защитные оболочки, проникли сквозь все заклятья. Но открыл Мирэн рот, и, высунув внезапно удлинившийся язык, зашарил им в воздухе, и по земле перед собой, и вокруг себя. Тогда пятна порчи выступили на утонченном заклятье Гизганы, и, испортившись, распалось оно.

Думая не столько о защите, сколько о нападении, вновь обратил Глаанест пламя против Келесайна и его спутников. Однако Навранд, ученик Келесайна, с помощью кристалла, в котором он уже прежде заточил пламя Глаанеста, отвратил и этот огонь. Далее, подняв кристалл, стал он вытягивать и все оставшееся в Глаанесте пламя. И не смог воспротивиться этому Глаанест, не ожидавший ничего подобного. Закричал он и упал на землю, а Навранд продолжал вытягивать из него Силу.

Сказал Келесайн ученику своему:

— Легко же ты справился с ним.

— Учитель, — ответил Навранд. — Эти трое (он указал на Тайнианим, Ауга и Глаанеста) — не Лорды, но лишь подобия Обладающих. Они владеют Силой так, как дано было им, и пользуются лишь конечным числом заклятий, данных, видимо, тогда же. А ведь известно, что из ограниченности проистекает несовершенство, из несовершенства же проистекает уязвимость. Следует отыскать их уязвимые места — и мы без труда одолеем их.

В то время защищавшие Рошу обратили все свои заклятья против Навранда, стараясь если не уничтожить его, то хотя бы отвлечь, чтобы

Глаанест мог вырваться, наконец, из крепкой хватки Хозяина Драгоценных Покоев. Но они не преуспели в этом, потому как Лорд Келесайн сжег все их заклятья.

В то время иные Лорды и спутники их, водительствоемые восседающими в Совете, приблизились к поединщикам и приготовились также вступить в битву. Тогда выступили навстречу им из Роши прочие спутники Мьяонеля, и с ними — дроу и вельможи народа каджей.

Так началась битва. Довольно долго с успехом защищались спутники Хозяина Безумной Роши против Совета Лордов и вассалов их. Среди последних, а было их более полусотни, все были опытными и искусными колдунами. Благодаря своему мастерству и числу могли бы они быстро и без труда перетянуть чашу весов в пользу Совета — а ведь и без того имел Совет Лордов в этой битве преимущество. Но столь же быстро, как эти колдуны создавали свои заклятья, семеро дроу расплетали их обратно. Не защищались они — вздумай дроу возводить щиты перед теми заклятьями, пали бы все семеро в то же мгновение, ибо мощь пятидесяти вассалов и учеников Обладающих превосходила мощь семерых дроу многократно. Не так действовали дроу. Угадывали они и предназначение, и суть заклинаний, еще только когда создавались они, и затем добавляли они толику своих чар в эти заклинания, обращали их вспять, развязывали их связки, расплетали узлы.

Это — величайшее искусство, которому нет равных.

Таким образом, Принцу Каджей и его вельможам удалось убить некоторых учеников и вассалов Лордов — ведь и защитные оболочки вокруг них расплетали дроу, и оказывались те колдуны без всякой защиты.

В сильном удивлении и растерянности опустили колдуны руки, ибо все творимые ими заклятья тут же обращались в ничто, и не знали они, как противостоять этому. Тогда выступил против дроу Джордмонд-Законник, и изощреннейшее искусство столкнулось со столь же изощренным. И нет уже у летописца никакой возможности описать этот поединок, ибо если верное использование Силы — это поэзия, то заклинание, составленное по канонам классического Искусства, более всего подобно уравнению, и невысказана была сложность их.

Что до поединка Лордов — то ужасающее и великолепное было это зрелище. Воздух визжал от мощи, что протекала сквозь него, раскалывалась земля, в миг выростали до неба и рушились в прах острые скалы, небо проливалось огненным дождем, невидимые духи сходились в яростном сражении, демоны рвали друг друга когтями и клыками, стальные солдаты боролись с существами, состоящими из призрачного огня, горели камни, выплескивалась наружу огненная кровь Эссенлера. Часть Безумной Роши пострадала от пламени и молний, но огонь, как и прежде, потух, не сумев ни распространиться, ни достигнуть ее сердцевины.

Навранд забрал душу у Глаанеста, но и сам был тяжело ранен — призрачная змея, брошенная Лордом Аспидом, добралась до его плоти. Веретено молний, которое метнул Келесайн Майтхагел, убило Тайнианим.

В смертельном поединке сошлись Лорд Гюрза и Лорд Ирвейг — оба великолепные воины. И в том поединке волшебство было лишь продолжением их воинского искусства. В пихту обратила Леди Астана плотский облик Лорда Полоза, а дух его и Силу изгнала за пределы Эссенлера Госпожа Бледного Света. Многий урон претерпели спутники Мьяонеля от магии Лорда Шаркэля, Хозяина Видений, что придавал видениям некоторые плотские свойства и посылал их, неуязвимых — ибо неуязвимо видение — сражаться с существами из плоти. Так было до тех пор, пока Мирэн не коснулся его видений и не завладел ими, и не обратил их против других Обладающих, а разум самого Шаркэля не отравил своим ядом. Также пало несколько младших Лордов из числа пришедших с Советом, чьи имена прежде не упоминались на страницах этой летописи. А раз так, то и ныне нет никакой необходимости называть эти имена.

Но Совет одолевал тех, кто пришел с Мьяонелем, ведь превосходили восседающие в Совете и их вассалы числом врагов своих. Увидев, что близко поражение, отступил Яскайлег от родичей, вынул из чехла волшебное зеркало и посредством чар вызвал Кемерлина.

Крикнул Яскайлег:

— Промедли еще минуту — и не останется более у Мьяонеля союзников! В одиночестве придется ему противостоять всему Совету Лордов, ибо терпим мы поражение, и скорую гибель несет нам колдовство Повелителя Молний и друзей его!

Услышав это, отступил Кемерлин от зеркала и приблизился к Хозяину Роши, желая разбудить его. Но когда подошел он ближе, то увидел, что открыты глаза Мьяонеля и сон сходит с него.

Сказал Мьяонель, поднимаясь на ложе:

— Как долго я спал? Что происходит?

Ответил Кемерлин:

— Немало времени, милорд. И вот уже более часа длится битва меж твоими союзниками и врагами твоими, и одолевают последние — первых. И происходит это у северных окраин Безумной Роши.

Сказал Мьяонель:

— Да, я чувствую это. Немедленно я отправлюсь на место битвы, только лишь соберу необходимые для колдовства инструменты.

— Пока ты еще не вступил в битву, позволь рассказать тебе кое-что, — промолвил Кемерлин, следуя за Мьяонелем в его заклинательные покои, где лежали инструменты, приготовленные Владыкой Бреда для войны. — В то время, пока ты спал, я говорил от твоего имени и приказывал твоим союзникам так, как будто лишь передавал им твои прямые приказы. Вот то,

что я сделал, — и Кемерлин перечислил все, что он говорил или делал от лица Мьяонеля. Закончив рассказ, он преклонил колени и молвил:

— Моя жизнь — в твоих руках. Если я ошибся в чем-либо, если нанес тебе тем, что сделал, какой-либо ущерб — без ропота приму я любую кару.

Мьяонель поднял его и сказал так:

— Не карать, но благодарить тебя я должен за твердость и благоразумие. Ибо я был глуп и едва не превысил пределы собственных сил, и лишь этот долгий сон совершенно исцелил меня. Не вред, но великую пользу принесло твое терпение, ибо я чувствую, что Сила наполняет меня и рвется наружу, и напор ее могуч, как никогда раньше. А ведь если бы я был пробужден раньше срока, слабость и немощь стали бы сопутствовать мне при пробуждении. Но поторопимся — враги наши не станут ждать.

Укрыв себя и дроу Плащом Силы, вступил Мьяонель на тайные тропы Безумной Роши — тропы, ведомые лишь ему одному — и за короткое время миновал ее всю, разменяв двенадцать дневных переходов за двенадцать шагов. Вот, вышел он за пределы Роши и увидел битву меж своими союзниками и врагами своими. И заслонило лицо Кемерлин-Отступник от ярчайшего света, ибо ослепляющей сделала битва эту равнину, и казалось, что новые солнца рождаются здесь, и вся равнина пребывала в сполохах огня и в блеске молний. Казалось, до самых облаков вздымаются стены невыносимого белого пламени. Такова была битва Лордов.

Посмотрел на битву Владыка Безумия, а затем рассмеялся.

— Воистину, в наилучшее время появились мы! — Сказал он Кемерлину. — Не раньше и не позже, а именно тогда, когда следовало появиться. Восседающим в Совете мнится, что битва уже выиграна — ведь противники их, уязвленные и обессиленные, отступают. Но и усилия друзей моих не пропали даром — взгляни сам: повреждены оболочки охранных заклятий вокруг врагов моих, задействованы все заранее подготовленные ими заклятья, но они не думают об этом, уже торжествуя победу... Что ж, посмотрим, по вкусу ли им придется то удивительное, что собираюсь я предложить им!

Сказав так, он призвал к себе Силу и обратил ее против сражающихся, и погрузил всю эту местность в Царство Бреда. А следует сказать, что, не будь Лорды так увлечены нападением, не забудь они совершенно об осторожности и о том, что колдовская броня их не раз уже повреждена — с легкостью могли бы они противостоять Мьяонелю, ибо превосходили его числом многократно, и были среди них те, кто мог бы сравниться с

Хозяином Роши в Силе.

Но вышло иначе, и мощь, выпущенная Мьяонелем на волю, нашла прорехи в их латах и коснулась их душ — не всех, но многих. Тогда оказались они в Царстве Бреда, во Владениях Безумия. И было там все многоцветным и устрашающим, и земля была подобна расходящемуся, колыхающемуся, перемещающемуся желе, а небо выросло из земли и было ее продолжением. Попавшие в Царство Бреда ученики Лордов и вассалы их закричали от ужаса и закувыркались в пузырях безумия. Раскинув свои сети, без труда Мьяонель ловил их и пеленал покрепче. Также и кое-какая рыба покрупнее стала его уловом: Леди Астана, Лорд Зерем и Лорд Джеренион, иначе называемый Серебряным Ткачом, или Господином Серебряной Паутины.

Немногим, из числа попавших в Царство Бреда, достало Силы и удачи вырваться оттуда. Сам Лорд Келесайн Майтхагел чудом избежал плена и только лишь благодаря тому, что к тем дням уже была закончена постройка Грозовой Цитадели, мощнейшего Средоточья его Силы. Обратив к Цитадели свою магию, соединив с ее мощью свою личную Силу, сокрушил Лорд Келесайн барьеры на пути своем и вернулся в Сущее.

Навранд, истратив несколько своих камней, открыл путь наружу, но, когда проходил он по этому пути, то в битве Сил был сожжен его облик. Еще и прежде он был ранен необычным оружием, теперь же его магическому естеству был нанесен еще больший урон. Однако, пережив смерть, он все же вырвался из Царства Бреда. Дух его был притянут Драгоценными Покоями — неведомым местом, которого нет. Там Лорд Навранд затаился до времени, восстанавливаясь и подготавливая себе новое тело.

Джордмонд-Законник более других Лордов знал, какими возможностями обладают Владыки Безумия и не исключал того, что в ходе предстоящей битвы он сам может оказаться в их Царстве. Поэтому он заранее запасся кое-какими заклятьями, которые не могли работать в Сущем, но в Безумии могли на что-нибудь сгодиться. И вот потому-то, оказавшись в Царстве Бреда, Джордмонд-Законник не утратился, как прочие. Он не был в числе первых, на кого Мьяонель обратил свое внимание, и, искусно используя эти заклятья, сумел вернуться в Сущее. Воистину, необыкновенным волшебником был Лорд Джордмонд даже и в те древние, богатые чудесами времена — а в нынешние и вовсе не найдется волшебников, ему равных!

Но были и те, в чьей броне не отыскало прорех выпущенное Мьяонелем Безумие. Увидев, что сотворил Владыка Бреда, исполнились

они гнева и устремились к нему. Не имеющее формы оружие сотворила Леди Гизгана, и назвала его — Незримая Смерть. Но когда бросила она Смерть в Мьяонеля, затрясла Каскавелла своей погремушкой, а Ауг-Ослепление взглянул на летящее. Лишившись направления, заколебалось оружие, не зная, кого поражать ему. Пыталась Гизгана вернуть утраченную власть над Незримой Смертью, Каскавелла же продолжала трясти своей погремушкой. И вот, когда подошла Госпожа Бледного Света к своему оружию, желая взять его в руки и исправить его, развернулась Незримая Смерть и убила ее саму.

В поединке меж Лордом Ирвейгом и Лордом Гюрзой достиг успеха Повелитель Теней. Ибо если их воинское искусство и можно признать равным, то все же превосходил Повелитель Теней Змеиноного Лорда своей Силой. С черной тенью бился Гюрза, и не заметил, как эта тень стала его собственной тенью. И если Гюрза наносил один удар, то Ирвейг возвращал ему многократно. Ведь множество теней может быть у одного и того же предмета. И не все эти удары успевал отражать Лорд Гюрза.

Но когда пал он, с десятком ран, истекающий кровью, и, собравшийся над ним из сотен маленьких теней Лорд Ирвейг приготовился отнять у него жизнь и душу, то встретил его клинок на своем пути другой клинок. И был это не клинок Лорда, но клинок Кемерлина-дроу.

Многое рассказывают об их поединке, ибо тогда альву удалось совершить то, что прежде него не сумели многие Лорды. А следует сказать, что Кемерлин не любил войну и смерть, и некогда ради любви забыл о мести, и многие, даже из его народа, оттого полагали его трусом и изменником. Но в тот день увидели дроу и Лорды его таким, каким был он некогда в молодости, и подумалось многим, что сам Бог Войны учил его танцевать со смертью. И, сражаясь с ним, понял Лорд Ирвейг, бывший сам великим мастером меча, что превосходит его мастерством этот дроу. Тогда протянул Ирвейг свою Силу к тени Кемерлина, желая подчинить ее себе, но увидел, что изощреннейшими чарами укрыта тень, и не сумел сразу взять ее. Протянул Ирвейг Силу к разуму Кемерлина — и вновь был вынужден отступить, ибо другая Сила, которой был причащен Отступник, хранила его. Кемерлин же тем временем все больше теснил своего противника и сумел его ранить. Не простым был его клинок — узкий серебряный эсток с драгоценными камнями на витой рукояти. Серебро, из которого состоял он, было не то серебро, которое добывают из земных недр, но звездное серебро. Нечего и говорить, что немалое волшебство, помимо природного, вложил в него дроу Кемерлин — а ведь считался он искуснейшим колдуном даже среди своего народа! Поэтому нет ничего удивительного в

том, что, хотя естество Ирвейга в том поединке и было подобным естеству тени, все же поразил его этот клинок. Тогда, тяжело раненный, бежал Лорд Ирвейг и скрылся в Стране Теней.

В то время Лорд Архайн сражался с Господином Випером и женою его, и шла их битва с переменным успехом, ибо Архайну помогали его вассалы и ученики. Когда же Мьяонель, появившись на поле боя, увлек многих в Царство Бреда, во Владения Безумия, и так было и с учениками Архайна, сам Хозяин Железной Башни сумел защититься от обращенной против него Силы. Тотчас привел он в действие заклятье, приготовленное заранее — ибо ждал Архайн появления Мьяонеля и для него берег это заклятье. Возникло перед ним как бы облако из хрустальных лезвий и, опустившись на поле, поползло к Хозяину Роци. Сети из змеиных колец бросили на облако Випер и Гадюка, но рассекло, разорвало, разрежало облако их заклятья. Обратил Ауг свою Силу на облако, но, отразившись от хрусталя, вернулось к нему Ослепление, и упал он на землю, крича от боли, выдавливая глаза свои.

— Какая необыкновенная вкусность! — Тонким голосом запищал Лорд Мирэн, посмотрев на облако. Раскрыв рот от земли до неба, подошел он к этому облаку и собрался проглотить его. Однако хрустальные шипы впились ему в небо и разорвали язык и кожу на щеках. Удивился Лорд Мирэн этому обстоятельству, однако еще больше напыжился, выкатил глаза, сильнее сдавил зубы. Не выдержало заклятие Архайна, разлетелось хрустальное облако. Тысячи острых клинков усеяли поле. Упал на колени Лорд Мирэн, Владыка Бреда, и стал выдергивать, выплевывать, выбрасывать застрявшие в глотке осколки, а кровь, мешаясь с ядовитой слюной, вытекала из него непрерывным потоком, и было ему это не слишком приятно, и пребывал он оттого в сильном изумлении.

Тогда, увидев все это, использовал Лорд Архайн последнее оружие, которое у него оставалось — призвал Звенящих Рыцарей из Железной Башни. А были это могучие големы, и в каждом из них таилась толика Силы. Звенящими назывались они из-за доспехов, которые были на них. Ведь известно, что при ковке металла стоит в кузнице сильный звон. И не из металла, а из этого звона были откованы доспехи рыцарей Лорда Архайна.

Направились они к Хозяину Безумной Роци, горя единственным желанием, которое вложил в них Архайн: отнять жизнь у убийцы Комета во что бы то ни стало. А Мьяонель в то время не мог защитить себя — разум его все еще пребывал в Царстве Бреда, где томились те, кого он сумел завлечь в это Царство. Мьяонель же охотился на их разумы и пленял

их.

Некоторых из воинов Архайна сумел остановить Принц Каджей, но немногих, ибо были защищены Звенящие Рыцари от всякой магии. Огонь стекал с их тел, не причиняя никакого вреда, а стрелы и копья отлетали, не оставляя и царапины. Сотворив заклятье, вырвал Принц Каджей из земли камень величиной с королевский дворец и опустил его на одного из Звенящих Рыцарей. Но и это не остановило Рыцаря. Взметнулись вверх его руки, замолотили по воздуху, превращаясь в мельницу. И по мере того как опускал Принц Каджей камень, крошили его руки-лезвия Звенящего Рыцаря, превращая в пыль и щебень.

Также и дроу пытались остановить этих рыцарей — но и они не достигли в том успеха, поскольку Архайн творил этих существ более с помощью Силы, чем с помощью Искусства.

И вот, приблизились первые Звенящие Рыцари к Мьяонелю. Тогда стал между ними и ненавидимым господином дроу Яскайлег.

И была битва. И столкнулось волшебное оружие, которым были для Архайна эти создания, с другим оружием — тем, что сжимали руки альва.

В то время Принц Каджей изыскал, наконец, способ, коим можно было избавиться от этих созданий. Хотя Звенящие Рыцари и были неподвластны магии, не распространялось на землю под их ногами это удивительное свойство. Поэтому, когда Принц Каджей разверз ее, беззвучно упали многие из них в бездну и с плеском погрузились в кипящую лаву. Хотя Искусство и уступает Силе, но воистину, обладающий Искусством и гибким разумом способен перехитрить любую Силу!

Увидев, как гибнут его воины, испугался Лорд Архайн, что и его самого вскоре умертвят Випер и Госпожа Гадюка. Поэтому сотворил он волшебный путь и бежал в Железную Башню. Випер же и Гадюка не стали преследовать его.

В то время, закончив охоту в Царстве Безумия, вернулся в Сущее Лорд Мьяонель. Близки были в этот миг к нему клинки-когти Звенящих Рыцарей — клинки тех немногих, которым удалось избежать огненной бездны, сотворенной Принцем Каджей. Распятый на клинках, брошен был на землю Яскайлег и истекал кровью.

Тогда протянулись от рук Мьяонеля призрачные нити, волокна из черноты, тени безумия. Сила Роци таилась в них. Вошли нити-ветви в Звенящих Рыцарей, и встретила Сила — с Силой. Вырвал волшебные сердца Лорд Мьяонель, и с протяжным предсмертным звоном рухнули наземь творения Лорда Архайна.

Посмотрел Хозяин Безумной Роци на поле битвы, и увидел, что никого

из Восседающих в Совете и союзников их не осталось там, но последние бежали, преследуемые каджами и Змеиными Лордами. Тогда взял он на руки тело Яскайлега и окружил его своей Силой. Дрогнули веки дроу, шевельнулись его губы. На лице своего господина остановил Яскайлег взгляд.

Сказал Мьяонель:

— Чтобы не было между нами раньше, какой бы договор не заключали мы — ныне он исполнен. Если и был у тебя какой-то долг передо мной — с лихвой ты искупил его, и даже больше того. Поэтому можешь просить у меня все, что пожелаешь — и я, если буду в силах, исполню это. Но прежде следует позаботиться о другом. Твое тело изувечено. Я не сумею исцелить его, но сохраню твою душу, исцелю твою жизненную сущность и дам тебе новое тело.

Сказал Яскайлег, с трудом разомкнув губы:

— Все, что пожелаю?... Желаю лишь одного — Верни мою дочь!

Но покачал головой Мьяонель:

— Я могу Вернуть тебя или Кемерлина, но я не могу воскресить твою дочь. Ведь она — Лишенная Крова.

Взглянул Яскайлег в глаза Хозяина Рощи и молвил:

— Тогда прошу лишь одного, господин — отпусти меня! Ты говоришь, что я хорошо послужил тебе? Так позволь же мне умереть вне твоей власти!

Сказал Мьяонель:

— Разреши мне сначала...

Но сказал дроу:

— Нет! Мне не нужна ничья милость, даже если эта милость — жизнь.

Долго молчал Мьяонель. Затем опустил Яскайлега на землю и изгнал прочь свою Силу.

Сказал Мьяонель:

— Пусть будет, как ты хочешь. Ты свободен.

И Яскайлег умер.

Вскоре после того сожгли дроу его тело в огне, не оставляющем пепла.

И сказал Лорд Мьяонель своим спутникам и друзьям, взглянув на равнину, где лежали тела людей и демонов, Лордов и порождений волшебства:

— Воистину, богатый урожай приносят семена ненависти!

КЛИНОК

(история двадцать седьмая)

После битвы с Хозяином Роши и спутниками его — а это была первая битва, завершившаяся для Совета Лордов поражением — собрались Восседающие в Совете вновь во дворце Джордмонда-Законника.

Немного было их. Из сильнейших, имеющих титул Владык — только Келесайн и Джормонд.

Из прочих:

Архайн, Хозяин Железной Башни,
Алкар, Хозяин Замка Дорельхем, Серебряная Листва,
Яйрис Огненный Плащ,
Тромонд, Погонщик Туч,
Дейма, Госпожа Родников,

и с ними другие Лорды, чья Сила и вовсе невелика, а титулы ныне — забыты.

Так же была там тень Ирвейга, Повелителя Теней — призрачный образ, посланный во дворец Джордмонда-Законника, ибо сам Ирвейг, тяжело раненый, не мог придти на Совет, но в то время исцелял себя от ран, нанесенных волшебным клинком дреу, в своем замке, укрытом тенями.

Сказал Джордмонд:

— Жестокое поражение потерпели мы, однако проиграли только одну битву, но не войну. Видишь, Келесайн — я был прав, утверждая, что следует нам дождаться возвращения Ангела-Стража и только лишь тогда нападать на Хозяина Роши. Хотя в поединке ты некогда и поразил Мьяонеля, наивно было предполагать, что придет он сюда во второй раз, не подготовившись как следует.

Сказал Келесайн:

— Мы были неосторожны в бою, и в том — единственная причина нашего поражения. Теперь, впрочем, нам уже не остается ничего другого, как вызвать Ангела-Стража и просить его помочь нам. Ибо многих наших учеников и союзников захватил Мьяонель, и преимущество ныне перешло на его сторону.

Прошептала тень Ирвейга:

— Также прошу вас дождаться, пока я не исцелю в замке, где

сосредоточена моя Сила, свое тело, свою душу и свою жизненную сущность. Ибо я желаю сражаться вместе с вами и вновь сойтись в поединке с уязвившим меня.

И вот, обратились Лорды к Ангелу-Стражу и призвали его. Когда же пришел Тарнааль, наполнились надеждой сердца их, ибо могущественен был Ангел-Страж, и никогда не бывало так, чтобы терпели поражение в битве те, на чьей стороне выступал он. Рассказали ему Лорды о том, что происходит в Эссенлере, и сказал Ангел-Страж, обнажив меч:

— Немедленно я отправлюсь туда и уничтожу Лорда-разбойника! Ибо хотя один раз он ускользнул от меня, но во второй не повезет ему так, как в первый, когда ты, Келесайн, всего лишь разрушил его тело.

Сказал Келесайн:

— Так нам и надлежит поступить. Однако не стоит нам всем сразу появляться вблизи Роци. Мы начнем поединок, пусть Хозяин Роци выступит против нас и тем обнаружит себя — и вот тогда-то ты придешь и заберешь его душу.

Сказал Тарнааль:

— Решено.

И стали они готовиться ко второй битве, и назначили срок для выступления — через два дня, ибо таковой срок требовался Ирвейгу, чтобы совершенно излечить себя.

Говорят, что в это-то время и пришел в Грозную Цитадель молодой человек по имени Танталь, ставший впоследствии третьим учеником Келесайна Майтхагела — третьим из тех, кто по прошествии времени обрел собственную Силу. Рассказывают также, что когда он впервые встретился с Повелителем Молний и попросил его об ученичестве, то отказал ему Келесайн, сказав:

— Прежде я бы хотел узнать, что ты за человек и что движет тобой в поисках Могущества. Однако сейчас неподходящее время для бесед и учебы — великой войной охвачен Эссенлер и нет у меня времени для того, чтобы принимать новых учеников. Приходи через несколько недель, когда мы повергнем Лорда-разбойника и союзников его — тогда с радостью приму я тебя в своем доме.

Но сказал Танталь:

— Прошу, позволь мне немедленно стать учеником твоим — или хотя бы возьми меня на эту войну в качестве простого воина! Ибо желаю я быть с теми, чье оружие обращено против Мьяонеля, и хоть сколько-нибудь принять участие в низвержении его. Ибо он — мой кровник.

Спросил Келесайн, внимательно взглянув на юношу:

— Каковы причины твоей вражды и чем она вызвана?

— Мьяонель погубил моего отца, — ответил Танталь. — Мой отец был искусным волшебником, но Мьяонель отнял у него разум и увел с собой в Царство Безумия.

— Расскажи об обстоятельствах этого.

— Мне нелегко говорить о своем горе, — покачал головой Танталь. — Я не знаю, почему Мьяонель выбрал моего отца и зачем погубил его. Думаю, он сделал это просто так, от скуки или от природной злобы... С некоторых пор я стал замечать, что мой отец как бы перестал жить в реальном мире, но живет в каком-то другом, иллюзорном. Он вообразил, будто бы у меня есть некий старший брат и иногда при мне разговаривал с ним, хотя я — единственный сын его. И называл он еще другие имена, самые разные, и разговаривал с выдуманными людьми, плакал и горевал без всякой причины. Также в доме нашем начали происходить странные вещи. Тогда-то я понял, что в дом вошло нечто из Царства Бреда, из Владений Безумия. Я пытался исцелить разум отца, но не достиг в том успеха, ибо Мьяонель похитил его разум, оставив в мире людей только телесную оболочку.

— Скажи, — спросил Келесайн, — а ты сам когда-либо встречался с Хозяином Роши и говорил с ним?

— Нет.

— Откуда же ты знаешь, что именно он виновен в этом несчастии?

— Во-первых, — ответил Танталь, — отец несколько раз называл его имя и говорил с ним. Речь шла о некой сделке. Отец предлагал Мьяонелю необычную книгу, которая действительно издавна хранилась в нашем доме, в случае, если тот поможет ему «спасти» моего несуществующего брата. Что и говорить, в итоге мой родитель еще больше увяз в безумии, но что до книги — то она таинственным образом исчезла. Мне думается, что Мьяонель попросту украл ее.

Во-вторых, я располагаю могущественным предметом, доставшимся мне от матери, Ирэны, которая была колдуньей; ей же эта вещь перешла от ее отца, потерявшего память в Безымянном Лесу. Я не знаю, кем был мой дед и откуда у него эта вещь. Это, — и Танталь достал из-под плаща круглый предмет в кожаном чехле, — Зеркало, отражающее не то, что мы видим, но внутреннюю связь всех вещей, все нити судьбы, которыми соединены они. Благодаря этому зеркалу доподлинно узнал я о том, кто содейл зло с моим отцом.

Спросил Келесайн:

— Если этот хрустальный шар — или Зеркало, как ты называешь его —

способно показать прошлое, отчего ты до сих пор остаешься в неведении, кем был твой дед и откуда у него взялось Зеркало?

— Моих сил хватает лишь на то, чтобы видеть в пределах полутора-двух лет, — промолвил юноша. — Матери, пока она была жива, удавалось больше, но и ее сил было недостаточно, чтобы провидеть так далеко... Прошу, господин, — и Танталь преклонил колена, — позволь мне быть с тобой, когда будет убит Мьяонель. Мне нечем доказать тебе свою верность — так прими же Зеркало Судьбы как дар, ибо это — единственное, что я могу предложить тебе.

Сказал Келесайн, отстраняя протянутую Танталем руку:

— Повторяю — об ученичестве еще рано говорить. Поживи у меня некоторое время, посмотри, достоин ли я быть твоим учителем и нужно ли тебе становиться моим учеником. Но покамест — без всякой платы возьму я тебя с собой на эту битву. Там ты увидишь, как наконец-то падет тот, кто прежде бросался чужими жизнями, как мелкой монетой.

В это самое время союзники Мьяонеля, и сам он, держали совет в чародейском замке в сердце Безумной Роши. И одни предлагали одно, а другие — другое, а третьи и вовсе не высказывали никакого мнения, но возражали и первым, и вторым. Спорили же они о том, как действовать дальше: обороняться, ожидая нового удара, или же самим напасть на земли Совета?

Сказал Лорд Гюрза (и поддержали его Каскавелла, Мирэн и Принц Каджей):

— Следует немедленно осадить Грозовую Цитадель и раздавить врагов наших, пока не оправились они и не собрали новые силы.

Но сказал Мьяонель:

— Я не хочу сражаться с Повелителем Молний на его земле. Посредством чар я наблюдал за Грозовой Цитаделью и видел, что в этом месте сосредоточено Силы не меньше, чем в моей Роще. Лучше подождем Келесайна здесь, где мы сами имеем преимущество.

Сказал Господин Випер:

— Но ведь ты уже победил его, и он едва сумел бежать от тебя. С чего бы тебе опасаться этой встречи?

Сказал Мьяонель:

— Я знаю пределы его мощи и пределы своей. В чистом противостоянии Сил он будет иметь преимущество передо мной, тем более — на своей земле. Его преимущество — в прямом столкновении, мое преимущество — в выжидании, искусстве и обмане.

Презрительно сказал Мирэн:

— Мне этот Повелитель Молний не показался кем-то, кого стоило бы опасаться. И если ты боишься сойтись с ним в битве — я сам сделаю это.

Сказал Мьяонель, посмотрев на Повелителя Порчи:

— Было бы любопытно взглянуть на это.

И почувствовали Лорды, будто повисло меж ним и Повелителем Порчи нечто незримое, натянутое, как тугая струна. Но они не знали, что это. Мирэн же улыбался, глядя в глаза Мьяонелю. Ибо было ему ведомо, что если одолеет в поединке того, пред кем отступил его сюзерен, то освободится от заклятья, наложенного на него Мьяонелем, и от своей клятвы, и от всех обязательств пред сюзереном.

Сказал Мьяонель Мирэну и всем прочим, спорившим с ним:

— Как бы там ни было, на время этой войны, как вы сами признали, я — ваш предводитель, и потому покамест не станем мы нападать на врагов наших, но подождем их здесь и подготовимся к встрече с ними. Победа пьянит вас, но я не хочу допустить, чтобы все, чего мы достигли, обратилось в ничто.

Недовольные, были вынуждены Лорды смириться с этим решением и мысленно называли Хозяина Роши трусом и глупцом. Мьяонель же, смотря на них, думал: «Увы! Как быстро забыли они о том, что едва не проиграли битву и о том, при каких обстоятельствах их поражение обратилось в победу!»

После того, как разошлись соратники его, спустился Мьяонель в подвал своего сумрачного замка, в комнаты, где хранил он плененные души. Некоторое время рассматривал Мьяонель тусклые мерцающие сияния, заключенные в темные коконы, а затем размотал один из клубков и сотворил соответствующие заклинания. И вот, в тот же миг, посреди комнаты, в колдовском круге возник мужчина среднего роста, облаченный в тяжелые доспехи с шипами. Был он бронзоволосым и бронзовоглазым. Затравленным взглядом посмотрел он вокруг себя.

Сказал Мьяонель:

— Здравствуйте, милорд Зерем. Рад приветствовать вас в моем замке.

Процедил Творец Чудовищ, исподлобья глянув на Хозяина Безумной Роши:

— Нисколько в этом не сомневаюсь. На твоём месте я тоже был бы рад. Что тебе от меня нужно?

Ответил Мьяонель как бы с некоторой толикой удивления:

— К чему нам сразу говорить о делах, милорд? Несомненно, будь вы моим пленником, я бы без всяких околичностей перешел к сути вопроса и вытягивал бы из вас нужные мне сведения пытками и колдовством, но ведь

вы — мой гость, и потому, прежде чем говорить о делах, не следует ли нам сначала пообедать и развеять скуку незатейливой беседой?

Лорд Зерем, по достоинству оценив гостеприимство Хозяина Роши, согласно склонил голову и последовал за ним в обеденный зал.

Прислуживали им мужчина и женщина, одетые так легко, чтобы только прикрывать срам. Узнал в них Лорд Зерем двоих из числа младших учеников Повелителя Молний, хотя и трудно было узнать их, потому как лица их были изъедены порчей и напоминали куски гниющего мяса, в то время как обнаженные тела оставались совершенно чисты и здоровы. Не удержавшись и потрогав рукой лицо свое, и не найдя никаких изменений, во второй раз оценил гостеприимство Хозяина Роши Лорд Зерем.

Слуги разлили вино по кубкам и встали за спинами Мьяонеля и Зерема, чтобы по мере надобности подливать пьянящий напиток в кубки их. И беседовали некоторое время Мьяонель и Зерем о разных незначительных вещах, шутили, вспоминали события давних времен и разные занимательные случаи, свидетелями которых они были. Через некоторое время вошел в этот зал Принц Каджей и присоединился к застолью, и Мьяонель вызвал третьего слугу — из тех, коих приобрел он совсем недавно — и заставил его прислуживать Армрегу.

Сказал Мьяонель Зерему, когда подошел к концу очередной виток их разговора:

— Мы говорили с вами о многих, кого знали и о ком слышали, но следует сказать, что был у нас с вами, милорд, один общий знакомый.

— Кто же это? — Спросил Зерем.

— Повелитель Ворон. Он-то впервые и рассказал мне об этом мире. Также упомянул он и вас, сказав, что вы помогли ему, предупредив о союзе Лордов против него — союзе, заключенном еще прежде, чем были открыты дороги в Эссенлер. В память об этом сегодня я принимаю вас как гостя. Более того: не намерен я и в дальнейшем ограничивать вашу свободу. Как только мы закончим этот обед, вы вольны будете идти куда угодно. Но сначала — надеюсь, вы исполните мою просьбу — расскажите об обстоятельствах смерти Гасхааля, и о подробностях последней войны с ним Совета Лордов.

Стал говорить Лорд Зерем, воодушевленный мыслью, что в скором времени легко выберется из плена. И, говоря, представил он войну с Гасхаалем так, как будто бы нисколько не участвовал он сам в осаде замка, но, напротив, всеми силами старался остановить Лордов и уговаривал их примириться, и не помог Гасхаалу только потому, что понимал всю бесполезность этого, и не хотел гибнуть вместе с Повелителем Ворон.

Выслушав его, кивнул Мьяонель:

— Как я уже говорил, вы вольны идти куда захотите, милорд. Жаль было увидеть вас сражающимся на стороне моих врагов, но я склонен посчитать это досадным недоразумением и забыть об этом. Я не стану брать с вас никаких клятв и не вынуждаю вас открыто или тайно отречься от Совета, однако, если я встречу вас еще раз на поле битвы, или узнаю, что вы помогаете Совету в чем-либо против меня, я отнесусь к вам не как к союзнику и другу моего брата, но как к врагу, намеренно обращающему оружие против меня.

И произнеся это, Мьяонель ласково погладил руку женщины, прислуживавшей ему.

Сказал Лорд Зерем:

— Как я понимаю, вы хотите, чтобы я выступил на вашей стороне?

Поразмыслив некоторое время, покачал головой Хозяин Роши:

— Нет. Достаточно будет и того, чтобы вы вовсе не участвовали в этих сражениях.

— Но, — возразил Лорд Зерем, — может сложиться так, что даже и за этот нейтралитет Восседающие в Совете, расправившись с вами, покарают меня. Поймите, меня могут вынудить напасть на вас!

Сказал Мьяонель, усмехнувшись:

— Все зависит от того, как объяснить свой нейтралитет. Не сомневаюсь, что захотев, вы найдете нужные слова и отыщите причины, которые покажутся Совету убедительными. Кроме того, после войны некому будет мстить вам, ибо я уверен в победе.

Усмехнулся тогда и Лорд Зерем:

— Что станете делать, — спросил Повелитель Бестий, — вы и ваши союзники, когда Тарнааль, Ангел-Страж, обрушится на вас?

— Мы знаем — что, — ответил Мьяонель. — Впрочем, вы можете пренебречь моим советом и в новой битве выступить на стороне Совета. Да, Лорд Зерем, выбор, который вы должны сделать — трудный выбор. Ведь если вы ошибетесь, вряд ли победившая сторона проявит к вам снисхождение.

На том распрощались они. Пребывая в задумчивости, покинул замок Мьяонеля Лорд Зерем. Когда же ушел он, воскликнул Принц Каджей:

— Проклятье! Я ничего не понимаю! Зачем ты отпустил его?!

— Именно по тем причинам, которые я указал. Некогда он помог моему родичу, а неблагодарность — это не то, что приличествует Лорду.

— Отчего же тогда ты отказался от его помощи и отверг союз с ним?

— Я думал об этом, — ответил Мьяонель, — но в ходе нашей беседы

пришел к мнению, что этот Зерем не слишком многое знает о чести, жаден, лжив, и, по-видимому, вполне способен на предательство. К чему мне союзник, от которого я каждую минуту стану ожидать удара в спину?... Но оставим его. Лучше расскажи мне о том, как идет война с альвами и людьми.

И начал свой обычный доклад Принц Каджей (а он и его приближенные руководили этой войной), и рассказал о потерях и успехах. Местные королевства уже оправились от первых ударов, нанесенных армией каджей и змеелюдей, князья альвов и короли людей собирали свои армии и блокировали дальнейшее продвижение нападавших. Преимущество в числе было не на стороне каджей, но они были подготовлены лучше, и, кроме того, неоценимую помощь оказывало им воинство джиннов, вышедшее из пустыни и подобно буре обрушившееся на армии Совета. Покамест в битвах неизбежно побеждали сражавшиеся под водительством Принца Каджей, однако немало воинов потеряли они в засадах, устроенных альвами и людьми, которые были лучше знакомы с этой местностью.

Выслушав Принца Каджей, обговорил Мьяонель с ним некоторые детали общей стратегии и отпустил его с этим.

И вот, по прошествии двух дней, доложили демоны-дозорные о появлении на краю Роци Келесайна Майтхагела и союзников его. И собрал Мьяонель союзников своих, и вышел навстречу им. И была битва.

Раскрыл Яйрис Врата Огня и раскрыл Тромонд Врата Ветров, но Ауг ослепил их и направил их силу друг на друга. В поединке одолел Господин Випер Лорда Алкара, но в то самое время, когда торжествовал он победу, один из сыновей Алкара, вооруженный волшебным оружием, поразил его. Пройдя через глаз Змеинового Лорда, пронзила стрела мозг его и вышла из затылка. Аспид и Каскавелла отравили Дейму, и внесли яд в самую Силу ее, но были вынуждены отступить пред стеной молний, что рассыпал Келесайн Майтхагел. На колдовском облаке поднялся он в небо — был гневен лик его, и непереносимый блеск окружал облако. Увидели Лорды могущество Повелителя Молний во всей полноте, и, устрасясь, отступили. Но засмеялся Мирэн и также вознесся к небесам. Избавившись от плотского облика, стал Владыка Безумия пеленой дыма, тьмою, ядовитым туманом, гибелью, черной бурей, порчей на теле мира. Молнии Келесайна были бессильны поразить его. Мирэн смеялся, и голос его слышался Келесайну повсюду, и почувствовал Повелитель Молний, как слабеет он, ибо отравка Мирэна постепенно проникала в него. Тогда громким криком закричал Келесайн и воздел над собой руки, и увидели сражающиеся, что ярчайший свет исходит от него, как от солнца. В ослепительной вспышке

рухнул этот свет вниз и затопил все вокруг на многие мили. Когда рассеялся свет, увидели, что не вся тьма исчезла, некоторая ее часть затаилась под скалами и камнями. Также и в некоторых местах без всякой видимой причины воздух казался темным и искаженным. Но голоса Мирэна не было слышно и присутствия его более не ощущали сражающиеся.

В то самое время вел Мьяонель поединок с Джордмондом-Законником, и побеждал его, ибо хотя и равно было искусство их (а велико было это искусство!), но в Силе превосходил Мьяонель Джордмонда, и, кроме того, беззаконие, присущие Царству Бреда, само по себе имеет преимущество перед упорядоченными законами существующего мира, ибо губительно первое — последнему, и поглощается последнее первым при столкновении их.

Уничтожив Мирэна, крикнул Келесайн Джордмонду:

— В сторону, друг мой! Не тебе противостоять этому порождению зла и не мне повергать его! Пусть теперь он сразится с самой Справедливостью!

Отступил Джордмонд в сторону и оперся на плечи соратников своих, ибо был сильно изможден поединком и весьма близок к поражению. Не стал преследовать его Мьяонель, ибо увидел в этот миг то, что видел уже однажды: небо, рассекаемое на части от горизонта до горизонта, разбиваемое сверкающими лучами, трепещущее от трепетания крыльев Ангела-Стража. Явился тот на поле брани по зову Келесайна и устремился к Мьяонелю и соратникам его, и хотя была неспешна его поступь — всего-то семь лиг и еще семьсот шагов проходил Ангел-Страж за один шаг — но неотвратима, как сама судьба. И увидели стоявшие на поле брани, что есть подлинная Мощь. И восторжествовали Восседающие в Совете и союзники и вассалы их, пришедшие с ними.

Тогда распахнул Мьяонель свой плащ и извлек на свет шкатулку, некогда найденную им в руинах Вороньего Острова. И мимоходом удивился он — отчего нет признаков гниения на этой шкатулке, как происходило со всеми предыдущими? Но не до удивления и не до любопытства было ему теперь, ибо близка была гибель. Открыл он шкатулку и извлек из нее нечто невидимое. И, воздев руку, направил это невидимое, как птицу, к приближающемуся Стражу.

Ничего не увидел Тарнааль, но ощутил он, как будто бы что-то покинуло ладонь Мьяонеля. Ничуть не обеспокоился Ангел-Страж, ибо знал, что почти совершенно неуязвим для заклятий и стихий, и продолжал двигаться дальше, уверенный в своей силе.

Но вот почувствовал Гарнааль, как клинок, что держал он перед собой, как будто бы заколебался. И увидел он, как меняется этот клинок. Ничего больше не успел увидеть или сделать Ангел-Страж, ибо, извернувшись, в самое сердце поразил собственный его клинок. И обратил в ничто саму сущность Стража.

Затем поднялся меч к небу и вонзился в него, и стремительно стал удаляться от Лордов. Мьяонель же в то время творил чары, долженствовавшие подчинить естество клинка, искаженное брошенным им прежде заклятьем. Но увидел он, что заклинания не оказывают на меч никакого действия, будто бы не сильнейшую магию творил он, а бормотал пустые слова, лишённые всякой силы и смысла. И спустя еще мгновение, скрылся клинок из глаз Лордов.

Ошеломленные, не сразу затеяли они вновь битву, ибо Восседающих в Совете потрясла гибель Ангела-Стража, а пришедшим с Мьяонелем показалось, что чем-то весьма сильно озабочен и изумлен их предводитель и даже как будто бы вовсе забыл о войне. Когда же оправились они и вновь обратили друг к другу свое оружие, возникли меж ними колдовские врата и вышли из тех врат девять фигур. Узнали их Лорды — не все, но наиболее сведущие и древние из них: Мьяонель, Аспид, Джормонд — и немедленно остановили сражение, ибо знали, что никогда Хранитель Времени (или Король Времени, как называют его некоторые), равно как и слуги его, не появляются где-либо без веской причины и не вмешиваются от скуки в войны, кои происходят в Сущем.

Сказали ангелы, присланные Королем Времени:

— Войдите во врата, ибо наш господин желает говорить с вами.

Многие из Лордов были разгневаны таким обращением, или же не приняли пришедших всерьез, но трое из них, знавшие, кем присланы пришедшие, утихомирили соратников своих и уговорили их подчиниться.

Гневно спросил Мьяонеля Принц Каджей:

— Почему мы должны слушать их?! Кто они, осмелившиеся встать на нашем пути?! Не лучше ли уничтожить вместе с Советом и их тоже?!

Сказал Мьяонель:

— Вряд ли тебе это удастся. Ибо хотя ты и владеешь колдовством стихий, но ангелам Короля Времени подчиняется — до известной степени — само время. Может быть, мы и могли бы уничтожить их, но мне бы не хотелось иметь среди своих врагов еще и такого могущественного Лорда, как Король Времени.

В то же время спросил Танталь Келесайна Майтхагела:

— Почему ты призываешь нас подчиниться этим пришельцам?

Сказал Келесайн:

— Никогда еще не вмешивался Король Времени в дела Лордов и войны их, если только не касались эти дела и войны всего Сущего. Должно быть, случилось нечто воистину необыкновенное, если он зовет нас к себе, и лучше бы нам прислушаться к его просьбе.

И вот, вошли они во врата, открытые девятью ангелами и вступили на хрустальную дорогу, и вскоре очутились в Башне Времени. Увидели они зал со многими вратами, и из тех врат выходили различные Лорды — те, чьи имена овеяны легендами и прославлены многократно. Наиболее могущественные из Обладающих собирались здесь, из всех шести Царств прибывали они. И лишь весьма немногих из собиравшихся не титуловали Владыками.

Вот, вышел к ним Король Времени (а было его лицо, как и всегда, скрыто тенью), и сказал им:

— Гибель вошла в Сущее, и гибель грозит всем мирам и всем нам.

Спросил тогда Аошеаль, Повелитель Гибели (а он был среди приглашенных):

— О чем ты говоришь?!

Сказал Король Времени:

— Я говорю о подлинной угрозе, по сравнению с которой между твоей Силой-Гибелью и Силой Янталиты-Жизнедарительницы не так уж много различий. То, о чем говорю я, с одинаковой легкостью уничтожит и вас обоих, и Сущее, и прочие Царства, и даже Пределы, само основание которых — уничтожение.

Сказал старший из трех Принцев, властвующих над Пределами:

— Что же это и каким образом проникло оно к нам?

Сказал Король Времени:

— Нет у меня полного ответа на эти вопросы, но ответ, ведомый мне, дам я немедля. Что это? — Меч. По крайней мере, такова внешняя оболочка этой Силы. Как эта Сила проникла к нам? Пусть лучше об этом расскажут те, кто призвал ее! — И он указал рукой на Лордов, пришедших из Эссенлера.

С ненавистью взглянул тогда на Мьяонеля Келесайн Майтхагел, и сказал гневно:

— Так вот каким заклятьем ты воспользовался, чтобы убить Ангела-Стража! Ведомо ли тебе было, что тем самым ты вступишь в миры нечто гибельное? Думаю, что нет. Ибо ты безумен и не ведома тебе не только природа твоего волшебства, но даже и то, отчего яблоки падают на землю.

Сказал Мьяонель в ответ ему:

— Ты прав — не знаю я, отчего падают на землю яблоки, и уже многие тысячи лет размышляю над этим, и не нахожу ответа. Однако в заклятьях я разбираюсь куда лучше тебя, недоучка, и не тебе, рожденному всего-то лишь несколько столетий тому назад, упрекать меня в незнании. Причина того, что случилось, не в моем заклятье, но в самом мече Ангела-Стража, и вина — на том, кто отковал этот клинок. И если бы знал я, что таится в клинке, не стал бы я применять это заклятие, а поискал бы какой-нибудь другой способ одолеть Стража!

Но сказал им Король Времени:

— Если и далее будете вы спорить друг с другом, выясняя, чья вина больше — ничего не добьемся мы за тот короткий срок, что есть еще в нашем распоряжении!

Спросил тогда Лорд Баалхэарвед с некоторой осторожностью:

— Что это за срок?

— Срок, потребный клинку для того, чтобы уничтожить всех Стражей Мира, — ответил Король Времени. — После того, как исполнит он это, настанет черед мироздания, не защищенного уже силой Стражей. Я вижу это будущее (ибо я — Король Времени), но не в моих силах изменить его, ибо пришелец сильнее меня. Для того и призвал я вас всех, сильнейших и наиболее сведущих в колдовстве, чтобы, может быть, с вашей помощью или с вашим советом как-нибудь остановить это зло.

Сказали ему Лорды:

— Мы ничего не знаем об обстоятельствах создания этого клинка и об обстоятельствах появления в Сущем наполняющей его губительной Силы. Как можем посоветовать мы что-либо, или, вдохновленные собственным волшебством, отыскать заклятье, способное противодействовать этой Силе, если ничего не знаем ни о свойствах ее, ни о том, как вынуждена выражать она себя в известной нам реальности?

Сказал Кэсиан (а был он из числа Владык Чар), обращаясь Мьяонелю и Келесайну:

— Расскажите нам об обстоятельствах, при которых создавался клинок и о заклятьях, применявшихся вами.

Начал говорить Келесайн Майтхагел и рассказал собравшимся о том, как был сломан прежний клинок Ангела-Стража и как в крови людей, обитателей лунного света и в его собственной был закален новый клинок. И горестно воскликнули тогда многие Лорды — те, что были достаточно сведущи в Пути Силы, чтобы понять, к каким последствиям должно было привести подобное сотворение и в чем был смысл каждого из элементов его.

И сказал им Джормонд-Законник:

— Я, как мог, пытался исправить содеянное. Могущественные руны высекли мы на том клинке — руны, долженствовавшие ограничить его Силу, погрузить ее в вековечный сон, не дать ей пробудиться. Ибо хотя таковой клинок может быть сотворен лишь раз, но и одного раза достаточно, чтобы причинить немалые беды.

Сказал Лорд Келесайн Майтхагел:

— По-прежнему не понимаю, что столь ужасного было в том сотворении. Более того — удивляюсь: почему никто прежде меня не додумался создать что-либо подобное?

Сказала ему Винауди, Змеиная Королева, с немалым гневом:

— Не знаю, кто ты и где приобрел свою Силу, но бывшие прежде тебя были или слишком слабы для этого волшебства, или достаточно умны, чтобы не применять его!

Сказал Келесайну Кэсиан:

— Подумайте сами, милорд, о смысле своего заклатья. Что занимало ваши мысли, когда вы создавали это оружие? Верное сопряжение энергий? Но ведь помимо энергий есть у волшебства и иные аспекты, куда более высшие, и немногим из нас дано оперировать ими, а тем, кто способен на это — тем следует с величайшей осторожностью приступать к подобной работе. Вы по-прежнему не понимаете меня? Извольте, я объясню вам смысл. Не в крови людей закалили вы этот клинок, но в крови всех, кои зовутся *живущими*. И не в крови духов лунного света закалили вы его, но в крови всех *стихалей*. Что же еще, кроме стихий и живущих, индивидуальности и распространенности, бесконечно малой точки я и энергии, не имеющей внешних границ, существует в нашем мироздании? Ничего. Ничего — кроме немногих, объединяющих в себе и то, и другое — их называют Лордами или Обладающими Силой. Но ведь и в крови всех Обладающих закалили вы этот клинок, использовав также и свою собственную кровь! Но скажите: что совершеннее и что ценнее — вода или масло, в котором закаливают оружие, или же само оружие? И если продолжать это сравнение, то не нужны ли вода или масло только для того, чтобы быть использованными для закалки, но потом их ценность пропадает? Разве не ведомо вам, милорд, что, творя высшие из своих заклятий, мы не столько оперируем энергиями, сколько описываем существующий порядок вещей так, как выгодно нам? В чем же польза и смысл сделанного вами описания? Выходит, мы — лишь пища для этого клинка, масло для его закаливания. Во всем превосходит он существующее, и во всем имеет преимущество и перед нами, и перед

живущими, и перед безмолвными стихиями. Только незнание может оправдать вас, милорд. Однако, выслушав вас, послушаем теперь моего родича и установим меру его вины. Что скажет он обо всем этом? Ведь, кажется, благодаря его действиям спящая в клинке Сила оказалась пробуждена!

А называл Кэсиан Мьяонеля своим родичем потому, что и сам некогда принадлежал к народу ванов.

Но молчал Мьяонель и лишь горестно тряс головой, пребывая в тяжелых думах.

Спросили его Лорды:

— Что с тобой?

Сказал Мьяонель:

— Кажется, начинаю понимать я природу Силы этого клинка и свойства, коими должен обладать он. Ибо вы слышали только половину рассказа. Я же знаю его целиком — ведь я, пусть и невольно, завершил эту ковку.

Воскликнули Лорды:

— Немедленно расскажи нам об этом — или же силой будет вырвано у тебя это знание! Ты предаешься отчаянию — когда, быть может, истекают последние отпущенные нам минуты!

И рассказал Мьяонель о заклятье, сотворенном им, Мирэном и Принцем Каджей.

Сказал Принц Каджей Мьяонелю:

— Наставник, я вижу, что многие удивляются этому заклятью, и оно остается тайной для них. Также тайной оно остается и для меня. Творя обряд, ты сказал мне, что обращаешься не к низшим энергиям, но к сути вещей, и я запомнил это. После я видел действие твоего заклятья, но какая Сила произвела это действие, и в чем состоял смысл той связи, коей связал ты суть, а не внешнее?

Сказала Ягани, Огненная Танцовщица:

— Да, милорд, расскажите нам об этом, ибо многие из нас все-таки хотели бы понять смысл вашего волшебства.

Сказал Мьяонель:

— Из трех компонентов состояло мое заклятье: из невинной крови, поцелуя порчи и прикосновения безумия. Последний компонент должен был направлять заклятье — создавая его, ставил я целью сделать результат открытым для моей магии. Второй компонент можно определить как зло, таящееся под личиной блага, как нечто прекрасное и привлекательное, несущее в себе страшнейший яд. Этот компонент должен был усиливать

действие заклятья. Каковым же должно было быть само действие его? Чтобы понять это, следует принять во внимание, против кого именно собирался я использовать заклятье. Страж был моей целью. Но в чем сущность Стражей и откуда черпают они великую свою силу? Даже и само название их с полной очевидностью говорит нам об этом: они — *Стражи, хранители, защитники*. Сам миропорядок, защищаемый ими, дает им великую силу; безвинные, беззащитные, слабые дают им эту мощь; равновесие всех вещей в мире охраняет их. Они — судьи над нами, в том их сущность. Хотя по моему мнению, часто бывает несправедлив их суд, но кто я, чтобы возражать им? Как и любой другой Лорд, я — не ровня им. За любую повинность имеют они право осудить нас, и вправе вынести любой приговор. Они — и палачи, и судьи, и нельзя ни подкупить, ни запугать их. Различны характеры Стражей, и различна праведность их, но именно их великое Служение хранит их. Однако, что будет (так подумалось мне), если один из Стражей изменит своей сущности? За любую провинность они вправе наказывать так, как хотят, но что будет, если на руки одного из них ляжет совершенно невинная кровь? А чья кровь невиннее, чем кровь младенца, не умеющего еще говорить?

Таковым был первый элемент моего заклятья. Второй, как я говорил уже, усиливал его, а третий должен был дать мне власть над отрезанным от своей Силы, обезумевшим Стражем.

Услышав все это, замолчали Лорды, ибо столь великой гордостью и столь великим ядом были наполнены слова Мьяонеля, что ошеломили многих из них, даже и тех, кто не одно тысячелетие уже были причастны к Могуществу и повидали многое.

Но сказал Король Времени — и показалось, что он единственный, кто не удивлен этим рассказом:

— Братья мои, хотя и повествование это вызывает у некоторых из вас отвращение, а у других — зависть, не о том следует думать нам. Ибо Лорд Мьяонель рассказал нам о том, каким он мыслил действие своего заклятья, и оказалась бы удачной его попытка или нет — этого мы не знаем и никогда не узнаем, ибо волшебство его, смешавшись с другим волшебством, прежде вложенным в клинок Келесайном, произвело то, что мы ныне имеем. И нам следует думать о том, как сложились вместе все составляющие элементы и каким стал конечный результат этого волшебства, и каковы его свойства.

Сказали ему Лорды:

— Расскажи нам об этом, ибо кажется нам, что ты уже вполне постиг эти свойства.

Сказал Король Времени:

— Не я один. И по лицам тех немногих из вас, уже начинающих чувствовать общий рисунок этой колдовской пряжи, вижу, что не ошибся я в своем понимании. Основа Силы этого клинка была создана Келесайном и помощниками его, но Сила эта была слепа и пассивна, и во многом подобна еще младенцу. Заклятье, сотворенное Мьяонелем, предназначалось не именно для этого клинка, но для любого оружия в руке Тарнаала, и было нацелено на Стража, а не на клинок его. Однако действие волшебства оказалось иным, и компоненты его, встретившись с имевшейся к клинку основой, сложились в совершенно иную мозаику...

— Чистота, но не человечья, невинная, но не кровь... — прошептал Мьяонель.

— Да, — сказал ему Король Времени, — теперь ты понимаешь. Ибо человеческой кровью — как символом крови всех живущих — уже закаляли этот клинок. Поэтому эта часть не оказала своего действия. Получилось, однако, что ты закалил его чистейшей эссенцией, кровью того, кто свят, кровью того, кто никогда не рождался, но кто умирает в каждом невинноубиенном ребенке, кровью того, кто не ведает смерти, но кто обещан нам, как светлейшее и невиннейшее дитя из всех, что когда-либо будет рождено в Сущем. В крови Судьи Стражей закалил ты этот клинок.

Спросил тогда Лорд-Кователь:

— Почему же Мьяонель не обрел над этим клинком власти? Ведь даже если так, все равно — последний элемент его заклатья, определяющий и контролирующий, продолжал оставаться в действии!

Сказал Король Времени:

— В действии? О чем ты говоришь? Неужели ты думаешь, что тварь, которую вскормили эти четверо — Келесайн, Навранд, старейший из духов лунного света и Мьяонель — осталась внутри законов нашего мира? Они приманили нечто несуществующее, и сделали его более существующим, чем ты или я, или все Сущее. Неужели ты думаешь, что и теперь, когда даже святейшая кровь Судьи Стражей — лишь пища для этого клинка, возможно повлиять на этот клинок нашим слабым колдовством? Нет, даже если каким-то образом миры и уберегутся от уничтожения, что-либо подобное этому клинку более никогда не будет создано в Сущем.

Сказал тогда Мастер Леонардо:

— И все же, я не могу понять одного. Пусть этот клинок так могуч и так велик, как вы говорите. Но для чего ему убивать Стражей и разрушать все существующее? Я, Повелитель Зла, лучше кого бы то ни было знаю,

что зло не бывает беспричинным. В чем же причина его ярости?

Рассмеялся на эти слова Даиндар, Повелитель Боли, Владыка Преисподней и так сказал Мастеру Леонардо:

— Не бывает беспричинным?! Странны твои слова, друг мой. Ты хорошо знаешь меня и знаешь, что я владею Обителями Боли, даже и упоминание о которых страшит и людей, и обитателей ада. Сила моя велика, но даже и не думая увеличивать ее, из чистого удовольствия наслаждаюсь я муками пребывающих в Обителях и стараюсь как-нибудь усилить их страдания. Многие называют это злом — так скажи мне, друг мой, в чем его причина?

Немедленно возразил ему Мастер Леонардо:

— Ты сам дал ответ на свой вопрос. Твоя причина — в удовольствии, которое ты получаешь от истязания. Но если бы эти действия не приносили тебе удовольствия, не были бы тебе привычны, не давали бы тебе Силу и не наделяли бы могуществом — стал бы ты мучить существ, заточенных в Обителях?

И когда промолчал Даиндар, вновь спросил у хозяина Башни Времени Мастер Леонардо:

— В чем же причина ярости этого клинка? Что ведет его? Что заставляет его разрушать, а не созидать, или не пребывать в покое, или не заниматься еще чем-нибудь, нам совершенно непредставимым?

Сказал Мьяонель Мастеру Леонардо:

— Кажется, я могу ответить на твой вопрос. Ибо если первоначальное состояние этого клинка — великая Сила, не относящаяся ни к тому, что мы называем добром, ни к тому, что мы называем злом, то я, отчасти невольно, отчасти — по своей глупости, поспособствовал тому, чтобы эта Сила стала выражена на нашем уровне существования только как зло и чтобы одна ненависть вела ее и управляла ею. Ибо, найдя на Вороньем Острове шкатулку, некогда принадлежавшую Гасхаалу и поместив в шкатулку свое оружие, я, хотя и чувствовал, что шкатулка хранит в себе его ненависть, пренебрег этим обстоятельством и даже включил саму ненависть в качестве одного из вторичных элементов в свое заклятье. По сравнению с силами, с которыми мы играли, ненависть была лишь песчинкой, но когда все сложилось иначе, чем предполагал я в начале, очевидно, именно ненависть стала первым толчком в выборе меж злом и добром.

Молвил Король Времени:

— Теперь все, что следовало сказать, сказано. Следует нам подумать о том, как остановить это зло.

Заговорили тогда Лорды наперебой, ибо казалось им нетрудным изобрести противозаклятье, долженствующее разрушить волшебство клинка. Но, слушая их, качал головой Король Времени.

Сказал он им:

— Все, что я слышу от вас, или не под силу нам, или ни к чему не приведет. Не следует мерить все одной мерой. Ибо хотя одинаково легко бросить камень и неосторожным криком вызвать обвал — однако можно поднять камень и вернуть его на место, но как остановить лавину?... Между тем, клинок этот уже достиг западного направления и Зверь-Страж готовится вступить в битву с ним.

Повинуясь жесту руки его, явилось перед Лордами видение — как будто бы сквозь прозрачное окно смотрели они. Увидели они Силу, пронзающую Сущее, Силу, заключенную в клинке. Увидели они затем Зверя-Стража, Хранителя Запада. В тысячах обликах пребывал он, не знающий ни сомнения, ни страха. И была битва меж ними, но вскоре поразил Стража пришелец, во всех обликах поразил его, и развеял его силу, и рассек его сущность. После того устремился клинок к другому краю мира. В ад направлялся он, в нижние пределы Преисподней.

Легкость, с которой одолел он Зверя-Стража, утратила Лордов. И молчали они, не зная, что можно было бы противопоставить этой мощи и как обуздать ее.

Наблюдая за клинком, нахмурился Мастер Леонардо. Сказал он:

— Странное чувство томит меня. Кажется, будто бы я уже видел где-то этот клинок или нечто, ему подобное. Скажите мне — о вы, предусмотрительнейшие и многомудрые творцы его — что означают руны, высеченные на нем? Ибо я, ведающий все языки, не понимаю их.

Сказал Джордмонд-Законник:

— Руны, что были на нем прежде, сковывали его Силу и заставляли ее пребывать во сне. Но после того, как коснулось клинка заклятие Владыки Бреда, исказились руны и я не знаю, что означают они ныне.

Сказал Мьяонель:

— Ничего не означают они. Безумие уничтожило их прежнюю силу; ныне же смысла в них не больше, чем в любом другом порождении безумия. Это, как и сама форма клинка, лишь оболочка, не имеющая никакого значения.

Сказал Мастер Леонардо:

— И все-таки мне кажется, будто бы где-то я уже видел эти руны или же другие, весьма похожие на них.

Увидели Лорды, как достиг клинок глубин Преисподней и как сошелся

с ним в битве Демон-Страж, Хранитель Юга. Могущественен был Демон-Страж, но все могущество его обернулось бессилием перед Силой клинка. И пал третий Страж, и ужас объял сердца Лордов.

Сказал Король Времени:

— Когда падет четвертый Страж, барьер, что ныне стоит перед этим клинком, будет развеян и обретен последний из четырех ключей. Тогда отворит клинок Врата Времени. К началу творения устремится он, и паразит Сушее в самый миг его зарождения.

Спросили его Лорды:

— Откуда ты знаешь, что станет он действовать именно так, а не иначе?

Ответил Король Времени:

— Пространство открыто для глаз ваших, но для этого меча в равной степени открыто и пространство, и время. Поэтому даже и мне, Хранителю Времени, невозможно вернуться на час назад, и остановить Мьяонеля, или еще прежде, и остановить Келесайна и помощников его, чтобы они не творили клинок. Этот клинок не существует во времени, вечность — вот обитель его. И если стереть прошлое, никак не повлияет это на его бытие. Поэтому, уничтожив все существующее от начала времен, не уничтожит этот клинок себя самого.

Сказала Ледяная Королева:

— Многие говорят о мудрости четвертого Стража, о его великом волшебном искусстве, о могуществе его, хотя никто и не знает, каков облик Духа-Стража. Может быть, нам следует обратиться к нему? Может быть, советом или делом, или еще как-нибудь, сумеем мы помочь друг другу в этом деле?

Усмехнувшись, сказал Король Времени:

— Если вы желаете обратиться к четвертому Стражу — знайте, что уже обратились. Ибо я — Дух-Страж, Хранитель Востока, старейший среди собратьев своих. И не вы меня, но я вас позвал для совета, ибо я не знаю, как превозмочь эту беду.

Сказали ему Лорды:

— Соединим наши силы, сложим наше могущество, без страха вместе с тобой вступим в битву с этим клинком!

Но ответил им Король Времени:

— Ни моя магия, ни ваши заклятья не остановят его. Впрочем, что толку заранее трепетать от страха?! Да встретим мы эту гибель во всеоружии!

И вот, вздрогнула Башня Времени, и распалась ткань реальности, и Сила, заключенная в смертоносном мече, вошла в Башню. Встретили

Лорды этот клинок своей магией, но ни мощь их, ни утонченные построения заклятий не оказали на клинок никакого действия, как и предсказывал Король Времени. И поразил клинок хозяина Башни; четвертого Стража поразил он. Протянулась тогда в зале черная нить от пола до потолка, трещина в плоти мира, Врата Времени, потайной путь. И исчез в этих вратах клинок.

И прошло после того несколько безмолвных мгновений, показавшихся Лордам вечностью.

Спросила Ягани с недоумением, оглянувшись кругом:

— Почему мы все еще существуем? Ведь если клинок уничтожил Сущее еще до того, как оно возникло, мы должны быть не только уже мертвы, но и не должны были даже родиться!

Сказал ей Кэсиан:

— Кто знает — может быть, достижение начала времен должно занять у этого клинка какое-то субъективное время? Если это так, то время, равное этому субъективному, еще будем существовать мы.

Сказал Король Птиц:

— А нет ли там, в начале времен, каких-либо сил, равных по значению и свойствам силам, кои воплощали в себе Стражи Мира? И если так, не следует ли нам попытаться каким-нибудь образом предупредить их?

Спросила его Змеиная Королева:

— Как ты себе это представляешь?

Сказал Король Птиц:

— Один из нас должен отправиться следом за ним.

Спросили тогда у него:

— Кто же?

Сказал Король Птиц:

— Тот, кто сумеет пересечь вечность, тот, в чьих силах двигаться наперекор течению времени.

Но молчали Лорды, ибо никто из них не обладал подобными талантами. Тогда вышел вперед Ирвейг, Повелитель Теней, и сказал так:

— Я не умею путешествовать сквозь вечность, не в моих силах двигаться наперекор течению времени. Однако я единственный из вас, способный не затеряться в сплетениях времен, ибо, как тень, могу следовать за своей целью и таким образом идти тем же путем, что идет она. Я пойду.

Сказали ему Лорды:

— Иди. И да сопутствует тебе удача.

Вошел Ирвейг во Врата Времени и растворился в них. И стали

сбравшиеся ждать, что будет дальше. И вот, по прошествии некоторого времени вышел из Врат Ирвейг. Врата же сомкнулись за ним и пропали, будто бы и не было их.

С надеждой и страхом смотрели они на вернувшегося. Что до Ирвейга — то был он как будто ошеломлен чем-то и будто бы успел пережить весьма многое.

Сказал Повелитель Теней:

— Радуйтесь! Не сгинет Сущее и не исчезнет, но будет жить, как и прежде.

Сказали ему Лорды:

— Что было с тобой за Вратами и как тебе удалось уберечь нас всех от гибели?

Сказал Ирвейг:

— В последнем нет никакой моей заслуги. Но выслушайте мой рассказ и узнайте, что видел я и чему стал свидетелем.

Поначалу сложно мне было отыскать след клинка и сопротивление времени продвижению моему было весьма велико. Ибо в наши дни Сущее весьма обширно, и продолжает увеличиваться и возрастать, а ведь течения времени объемлют не только события, которые знаем мы, но и те, которые только могут произойти. Поэтому, чем обширнее Сущее и чем больше насельников его, тем разветвленнее течения времени, что окружают его. Я видел и иные течения, неслучившиеся, и понял, отчего клинку непременно следует поразить Сущее именно в начале его. Ведь иначе пришлось бы уничтожать ему не одно мироздание, но бесчисленное множество их.

Я следовал за клинком и видел, как сужались линии времени, сливаясь по мере приближения к единому началу. Но «видел» — это лишь слово, я использую его, не находя лучшего. На самом же деле не было там ничего имеющего форму, ибо какую зримую форму может иметь время?

Но вот, сгнули разветвленные течения времени и приблизились мы к их истоку. Также неимеющие никакой зримой формы, скользили мы сквозь несуществование, и с величайшей осторожностью следовал я за клинком, опасаясь, как бы он не заметил меня. Впрочем, думаю, страхи мои были напрасными, ибо никем я был для него и никак не мог помешать ему.

Но вот, почувствовал я, как будто бы есть рядом со мной некто, как и мы, летящий сквозь вечность. Был он сильнее меня, и без всякого труда путешествовал там, в нигде.

И, скользя рядом со мной, спросил он меня: «Кто ты и для чего предпринял столь опасное путешествие? Ибо я вижу, что ты — порождение реальности, дитя тех времен, когда и материя, и сила, и само время будут в изобилии. Что ищешь ты в пустоте, предшествовавшей твоему миру? Ничего, кроме гибели, не найдешь ты, и сгинешь бесследно. Ты — порождение реальности, а здесь реальность перестает быть.»

Сказал я ему: «Моя жизнь или смерть не слишком важны. Ты умеешь путешествовать сквозь вечность и способен видеть иные времена, даже и отдаленнейшие — так знай же: скоро исчезнет то, что ты видишь. Ибо Сила, за которой я следую, угрожает погубить все существующее от его начала. У самых корней срежет этот клинок древо времени.»

Тогда сказал он, посмотрев на клинок, за которым следовал я:

«Да, я вижу в этом клинке немалую Силу. Моим будет этот клинок, ибо, как и всякое оружие, нуждается он в правильном употреблении.»

И вот, почувствовал я, как отдаляется от меня говоривший со мной и приближается к клинку. И увидел я, как вспыхнул во тьме огонь, который не был огнем. Необыкновенным был этот огонь — показалось мне, будто бы все вещи мира содержатся в нем, и те вещи, которые только могут быть сотворены, и те вещи, которые сотворены никогда не будут...

Прервал рассказчика Лорд Мьяонель. Воскликнул он:

— Знаешь ли ты, о каком огне говоришь?!

Сказал Ирвейг:

— Нет. Ты знаешь о нем больше?

Сказал Мьяонель торопливо:

— Есть у нашего народа легенда, повествующая об этом пламени — именно так рассказывает о нем легенда, как и ты.

Спросили Лорды Владыку Бреда:

— Что же это за огонь?

Сказал Лорд Кэсиан:

— Пламя Творения. Но пусть продолжает рассказ милорд Ирвейг, ибо хотя и трудно поверить нам, будто бы говорил он с одним из Элов, все же

хотели бы мы услышать окончание этого повествования.

Сказал Ирвейг:

— Я не знаю, кто эти «Элы» и не знаю во что вам легко поверить, а во что — нет, но я рассказываю лишь то, чему сам был свидетелем.

После того, как возникло в пустоте пламя, взял говоривший со мной клинок и вложил в этот огонь, и перековал его там. И был меч покорен его воле — также, как покорно нам наше оружие. Вытащил он клинок из огня и залюбовался им, и видно было, что по нраву ему это оружие. Спросил я его: «Почему с таким тщанием ты разглядываешь руны на клинке? Пытаешься прочесть их? Знай же — нет у них никакого значения.» Но сказал мне говоривший со мной: «Ты ошибаешься. Написанное здесь не означает какой-либо предмет, или Силу, или способ воздействия, или что-нибудь еще в этом роде, но это — имя, которое носит клинок.» И еще сказал: «Отправляйся обратно». Я же сказал ему: «Я не в силах». Сказал он: «Я помогу тебе. После того я закрою Врата Времени, нерушимой печатью замкну их, ибо не должно, чтобы ты и сородичи твои вмешивались в жизнь всего древа времени. И если сотворите вы еще что-либо, столь же губительное, как этот клинок — то уничтожите только сами себя и свое Сущее, но не все течения времени.» Это были последние слова его. Вот я перед вами, перенесенный через времена силой, что превышает моей, но я не знаю, кто говорил со мной.

Сказали ему Лорды:

— Опиши нам его облик и мы постараемся угадать, кто он. Быть может, кто-нибудь из нас знает его.

Сказал Ирвейг:

— Как опишу вам его облик, если ни он сам, ни я, ни этот меч не имели в безвременье никак обликов? Я пользовался сравнениями, вы же посчитали эти сравнения самой истиной.

Сказали ему:

— Даже и неимеющая форму Сила выражает себя в форме так, как свойственно ей. Ты — тень. Гибель, угрожавшая нам — меч. Чистую мощь творения ты сравнивал с пламенем. Какое сравнение подберешь ты для говорившего с тобой? Неужели никогда в Сущем не встречал ты стихию или Силу, или что-нибудь, что было бы подобно ему?

Задумавшись, долго молчал Ирвейг, а потом сказал Лордам:

— Некоторые из вас знают или слышали о моем учителе, Гиверхинэле, Повелителе Обратного Мира. Велико было его могущество — столь велико, что позавидовали ему боги и убили его, но прежде, чем удалось им это, долгие годы длилась война меж моим учителем и тогдашними

хозяевами Сущего. Но еще до той войны, когда я только-только стал учеником Гиверхинэля, необыкновенный гость посетил его замок. С великим почетом принял его мой учитель и с уважением говорил с ним. Беседа их была о природе времени и о различных свойствах его, но немного понял я из их разговора. И когда гость покинул замок, рассказал мне учитель, что приходивший к нему принадлежит к народу, существующему за пределами времени, к народу, коему нет почти никакого дела до Сущего. Они горды и сильны, и чтят только одного — создателя их. Как выглядел гость моего учителя? Был он прекрасен и строен, и во многом подобен человеку, но за спиной его были темные крылья, украшенные сияющими драгоценностями. Только с этим ангелом я мог бы сравнить того, кто говорил со мной и кто подчинил себе силу клинка. Только много сильнее, чем тот ангел, был говоривший.

Но закричал Баалхаэрвед, Повелитель Слуг и Рабов:

— Ложь! Ложь! Ложь! Ты не мог говорить с ним! Ибо доподлинно мне известно, что умерщвлен он, выброшен в Ничто, уничтожен!!!

Едва ли не силой усадил его обратно Мастер Леонардо. Сказал Повелитель Зла:

— Глупец! Ты воевал с Каэрдином и видел его смерть, но Ирвейг прошел сквозь время и говорил с ним много прежде известных нам событий и даже прежде, чем возник мир Сущий. Но ясно теперь, каково происхождение Повелителя Затмений и откуда у Каэрдина меч, несущий в себе столь могущественные силы — ведь только посредством одного этого меча уничтожил он всю твою армию!

И вот, после того, как стали ясны последние подробности этой удивительной истории, покинули Лорды опустевшую Башню Времени и вернулись в Земли свои.

МИЛОСЕРДИЕ

(история двадцать восьмая)

Видишь ли ты человека в длинных одеждах, освещенного светом молний? На темной земле Хеллаэна стоит он, на гладких камнях, на холме перед замком. Камень в руке его, лицо его скрыто капюшоном. Но вот разжимает он руку и падает вниз камень. И медленное его падение.

Видишь ли ты этого человека? Не знаю. Но Лорд Алгарсэн, Повелитель Камней — видит. И, просыпаясь, он понимает, что то, что он видел — лишь сон.

Тогда Алгарсэн подходит к узкому окну башни и всматривается вдаль. Зачем? Что он ищет? Нет ответа. Он действует так, как должно, и не понимает — зачем. Небо Темных Земель бурлит и клубится, вспышки молний вырывают из мглы и являют взору смотрящего бешеную пляску туч. Руки Алгарсэна ложатся на холодный проем окна.

Изменение.

Лестница. Куда-то идет. Он.

Бездумье. Разум не лишен мыслей, но то, что связывает мысли и направляет их — как будто в параличе.

...Повелитель Камней понимает, что с ним что-то случилось. Однако желание узнать, что именно — исчезающе слабо; гораздо важнее представляется ему вовсе не забыть об этом понимании в следующем изменении.

Изменение.

Коридор. Какая-то другая часть его замка. Замка, выстроенного его руками и его колдовством, замка, который после изгнания из Эссенлера был его единственным домом — а теперь стал злым лабиринтом. Что ему нужно искать? Выход? Сердцевину лабиринта? Что-то еще? Алгарсэн не знает. Но он идет. Вперед...

Изменение.

На полу коридора лежит камень. Обычный серый булыжник небольших размеров, ничем не примечательный для чьих бы то ни было глаз — кроме глаз Повелителя Камней. Алгарсэн мгновенно узнает его и с воплем кидается к камню.

Камешек хихикает и убегает от него...

...Самое время для нового изменения. Не так ли?

Алгарсэн стоит, тяжело дыша. Во рту — привкус крови. Стена, к которой он прижимается, холодит ему затылок и спину. Темно.

Шевеление рядом с правым ухом. Он медленно, медленно оборачивается. Часть стены вспучивается и смотрит на него. Глаз ее — тот самый камень, который Алгарсэн преследует и который преследует его самого, камень, который Алгарсэн некогда подарил...

Провал в мыслях.

..., чтобы получить его Силу. Но теперь...

Изменение.

...Он вдруг понимает, что снова куда-то идет. Коридоры заканчиваются, впереди он видит светлую залу. Перед ним катится камень.

Когда Алгарсэн входит в зал — в зал, где расположен Источник, сердце его замка, он видит, как камень впрыгивает в руку человека, стоящего здесь же. Впрыгивает — и замирает; теперь это снова всего лишь булыжник.

Алгарсэн смотрит в лицо пришельцу. Внезапно ясность ума возвращается к нему. Он вспоминает себя, вспоминает имя и титул того, кому подарил камень и чью Силу желал получить — имя и титул того, кто ныне стоит перед ним. Также он осознает, что и это мгновение просветления вызвано лишь прихотью пришельца.

Алгарсэн молча ждет. Гордость — последнее убежище тех, кто потерял все.

— По нраву ли тебе пригласилась моя Сила? — С медоточивой улыбкой спрашивает его Мьяонель. — Ты ведь столь сильно желал ее, что я не мог не пойти навстречу твоему желанию.

Алгарсэн смотрит на него. Молча, ибо слова Владыки Бреда не требуют ответа.

Он ждет, когда пришедшему надоест развлекаться с ним. Ждет безумия или смерти.

— Поначалу, — говорит Мьяонель, поглаживая камешек, — я хотел сделать с тобой что-нибудь такое, что прочие Лорды — и прежде всего мои враги — запомнили бы надолго. Колебался я только в одном — совершенно ли уничтожить тебя или же поглотить твою Силу, а твой разум сделать своей вотчиной?... Что скажешь на это, любезный Лорд Алгарсэн?

— Что тебе нужно? — Говорит тогда Повелитель Камней. — Ты желаешь выкупа?

Отвечает Мьяонель, нетерпеливо махая рукой:

— Нет. Да и какой выкуп ты можешь мне дать, если я в любую минуту

по своему желанию могу забрать все, что у тебя есть? Нет, не выкупа я желаю. Также не нужны мне твои извинения или что-нибудь еще в этом роде, потому как я слишком хорошо знаю, что насквозь фальшивы будут любые твои извинения. Не о том, что сделал, будешь сожалеть ты, но о том, что не удалась твоя проделка. Поэтому, поразмыслив хорошенько, я понял, что из всех возможностей наилучшая — сделать тебя своим рабом, выпить до дна твою Силу, поглотить твой разум, навечно поселить в твоей душе безумие.

Но, — продолжает Мьяонель, — поразмыслив еще некоторое время, я решил иначе. Нет у меня причин проявлять к тебе какое-либо снисхождение и не желаю я становиться твоим другом — но без всяких причин ныне буду я милосерден. Ибо опостылела мне жестокость. Без всяких условий дам я тебе свободу и позволю жить, как раньше, и изыму свою Силу из твоего замка и твоего разума. Пусть единственным наказанием тебе станет память о том, что ты мог бы приобрести, став моим союзником, и не приобрел, пожелав предать меня. Оставайся тем, кто ты есть, ибо, я вижу, тебя вполне удовлетворяет твое существование.

Камень же, — продолжал Мьяонель, — который ты подарил мне прежде, я забираю с собой. Воспользуйся им, если сможешь.

И тогда увидел Алгарсэн, Повелитель Камней, как булыжник в руках Хозяина Роши превращается в прекрасную драгоценность. И тот, кто некогда был Повелителем Драгоценностей, вспомнил о прежней своей Силе и застонал от ярости и бессилия.

Мьяонель повернулся к нему спиной и покинул его замок. И хотя отчего-то улыбка бродила по губам его, кто теперь скажет, что не был он милосерден?

КОНЕЦ ЛЕГЕНДЫ

(история двадцать девятая)

В некоем городе, управляемым собранием консулов, была библиотека. Заведовал ею смотритель архивов, человек по имени Марк. Был он стар и некрасив.

Как-то раз под вечер пришел к нему один из консулов, по имени Гильперик. Он был человек средних лет и внешность имел ничем не примечательную. С библиотекарем он прежде был почти не знаком, но в тот вечер разговорился. Вскоре стало ясно, что пришел он не по службе и не в поисках каких-нибудь старых документов, которые можно было бы обнаружить в городском архиве. Прогуливаясь меж стеллажами, он брал в руки то один фолиант, то другой, пока наконец не наткнулся на сборник чудесных историй, повествующих о волшебстве и необыкновенных происшествиях.

Сказал Гильперик, листая эту книгу:

— Вот, поистине, памятная мне книга! Некогда у меня была такая же. В юности я зачитывался этими историями. Пожалуй, я возьму эту книгу на некоторое время, чтобы вспомнить их и посмотреть, окажут ли эти истории на меня такое же воздействие, как двадцать лет назад, или же оставят равнодушным.

— Вам нравилась эта книга? — Спросил его архивариус. — Признаться, меня это немного удивляет. Ведь истории, изложенные в ней, написаны не слишком хорошим языком, а все факты, о которых здесь говорится, в той или иной степени искажены.

— Факты? — Переспросил Гильперик. — О каких фактах вы говорите, дражайший мессир Марк?! Ведь это всего лишь собрание выдумок и небылиц!

— Простите, — молвил Марк, — я оговорился. Я хотел сказать, что существуют более полные сборники, авторы которых с большим тщанием собирали древние народные легенды, и проявляли больше усердия при обработке их литературным языком.

Сказал Гильперик:

— Вот как? Народные легенды? Никогда прежде ни о чем подобном не слышал! Однако вы заинтересовали меня, дражайший архивариус! Я

непрерывно должен ознакомиться с этими сборниками. Может быть, там я найду истории, которых не читал в юности.

— К сожалению, мессир консул, — отвечал архивариус, — в нашей библиотеке нет этих сборников.

— Поистине, — воскликнул тогда Гильперик, — это великой жалости достойно, ибо было там несколько историй, обрывавшихся как бы посередине, и я очень желал бы узнать их продолжение! Так же была там некая история, которая нравилась мне больше всех других и о которой я непременно хотел бы узнать поподробнее.

Спросил Марк:

— Что это за история?

Сказал Гильперик:

— Это история о любви Лорда по имени Каэрдин к женщине по имени Соблазн. В свое время эта история сильно растрожила меня. Жаль, что у нее нет и не может быть продолжения. Ведь и Каэрдин, и Соблазн вошли в Дверь-в-Ничто, а всякий, входящий в эту Дверь, исчезает и никогда более не возвращается в мир Сущий.

Сказал Марк:

— У этой истории было продолжение.

Сказал Гильперик:

— Прошу вас, мессир, непременно расскажите мне об этом!

Сказал тогда Марк:

— Это займет некоторое время. Не лучше ли нам пройти пока в помещения, занимаемые мною и заодно перекусить? Не откажетесь ли вы, мессир консул, разделить со мною трапезу?

— С удовольствием, — сказал на это консул Гильперик.

И вот, прошли они в другую комнату, и там, подогрев воду на очаге, Марк сделал напиток из чайных листьев и предложил Гильпернику кусок пирога. Затем он начал повествование...

...Когда Каэрдин взглянул на Ничто, таившееся за Дверью, то не исчез, как прочие, ибо он смотрел на Ничто не своими собственными глазами, а теми глазами, которые дала ему пустота-пламя. А следует сказать, что пустота-пламя только называется так, и это название условно; на деле же она не принадлежит к существующему миру и не имеет в нем имени. Это — бездна, это — вторжение, это — трещина в равновесии сфер, это — несуществующее. Поэтому, когда Каэрдин взглянул на Ничто, он не исчез. Когда же он шагнул за Дверь, Ничто приблизилось к нему и хотело поглотить его, но он ударил Ничто своим клинком, и оно отпрянуло, уязвленное — а ведь никто и никогда прежде не мог как-либо повредить

Ничто, но оно поглощало все, что ни касалось его.

Тогда оно отползло в сильном страхе, а Каэрдин остался посреди бескрайности, которое не было бескрайностью, посреди места, которое не было местом, посреди «чего-то», в чем, однако ж, отсутствовали и время, и пространство, и материя, и энергия и все возможные свойства и качества, которые только можно вообразить и которые являются принадлежностью мира видимого и невидимого. Однако Каэрдин существовал, и его собственное существование оттесняло пустоту, а она не смела поглотить это существование, опасаясь его клинка. И вот, на границе того, чего не было, и где таилось Ничто и на границе мира как бы уже видимого, образованного волей и властью Каэрдина, возникло некое существо, назвавшееся Добрым Богом.

Сказал Добрый Бог Каэрдину:

— Зачем ты пришел сюда, отдалившись от мира, которому принадлежишь?

Сказал Каэрдин:

— Я принадлежу только себе самому. Я не являюсь принадлежностью мира, который покинул, равно как и он не является моей принадлежностью.

Сказал Добрый Бог:

— Однако, явившись сюда, ты нарушил естественный ход вещей и продолжаешь его нарушать.

Спросил Каэрдин:

— Каким же образом? Ведь я стою посреди Ничто. О каких законах можно говорить здесь, где нет ни законов, ни беззакония?

Сказал Добрый Бог:

— О Каэрдин, существование не есть принадлежность только лишь того мира, который ты знаешь. Напротив, известный тебе мир — лишь лагуна в ткани существования, бесплотный мираж. Ныне ты стоишь посреди другого мира, но не видишь его, потому что он слишком реален для тебя. Его естественный порядок ты уже успел нарушить, и нарушишь еще сильнее, если и дальше будешь находиться здесь. Уходи, тебе тут не место.

Сказал Каэрдин, усмехнувшись:

— Не знаю, высший ли это мир или нет, пусть даже и недоступный моему взору, но учтивости здесь явно не обучены. Что до того, что я каким-то образом мог повредить естественный порядок этого «высшего мира», то здесь я могу заподозрить тебя либо во лжи, либо в ошибке, ибо каким образом мираж может повредить тому, что реально?

Сказал Добрый Бог на это:

— Ты и прежде пытался управлять тем, что выходило за границы видимого мира. Благодаря стечению обстоятельств ты сумел получить власть над тремя видами того, что ты и твои сородичи называете «несуществующим», но что на самом деле существует в большей степени, чем они сами. Первое — это твоя Сила, подобной которой нет и не будет, третье — то, что явилось к тебе как пустота-пламя, но второе, посредством чего ты стал управлять и третьим — много страшнее и опаснее третьего, и это третье ты держишь в своей руке, ибо оно имеет вид меча. Ты сам не знаешь, какой силой владеешь, и что подвергаешь разрушению, и какой порядок нарушаешь, пользуясь этим мечом. Отдай его мне, и гармония высших сфер будет восстановлена, а я отпущу тебя обратно, в мир сущий.

Сказал Каэрдин:

— Скажи, о мудрец, знающий ответы на все вопросы: почему, если Ничто и пустота-пламя являются чем-то, что преисполнено высшего, неведомого мне бытия — почему все вещи реального мира, соприкасаясь с ними, подвергаются уничтожению?

Сказал Добрый Бог:

— Нетрудно ответить на твой вопрос. Также и мираж, соприкасаясь с реальными предметами, исчезает.

Сказал Каэрдин:

— Ты ловко вертишь словами, но я поймаю тебя. Если я лишь мираж, то каким же образом мне может принадлежать этот меч? Ведь не может же мираж владеть чем-то, что реально.

Ответил Добрый Бог:

— Однако мираж может околдовать человека, а человек — подчиниться миражу. То же самое с тобой и твоим клинком. Он околдован тобой.

Сказал Каэрдин с улыбкой:

— Кажется, что ты лучше, чем я, разбираешься в том, что я и что мой меч. Если это так, то отчего ты не заберешь его у меня, о справедливейший хранитель высшего равновесия?

Захотело тогда существо, назвавшее себя Добрым Богом, приблизиться к Каэрдину и забрать у него меч, но увидев, что острие клинка направлено против его груди, заколебалось и не посмело подойти ближе.

Сказал Добрый Бог:

— Протяни его рукоятью вперед.

Сказал Каэрдин, расхохотавшись:

— Может быть, мне еще следует признать себя твоим вассалом,

пленником или даже рабом? Не хочешь ли ты от меня и еще чего-нибудь? Однако теперь, когда стала ясна твоя истинная природа, послушай, что я думаю обо всем этом. Я полагаю, что ты — маска на лице Ничто; маска на лице, которого нет. Прежде тебе не удалось поглотить меня, но когда выяснилось, что из нашего поединка ты вряд ли выйдешь победителем, ты приобрело вид как бы чего-то видимого, ибо мое присутствие в тебе даровало тебе возможность пользоваться истекающим от меня существованием. Полагаю, что наш спор по этому вопросу будет бесполезен, ибо ты вряд ли признаешься, что это так, и станешь утверждать обратное. Однако ты никак не сможешь доказать мне это обратное, ибо если бы ты было тем, за что выдаешь себя, то никакого труда тебе бы не составило отобрать у меня этот меч, который, как ты говоришь, каким-то образом нарушает естественный порядок вещей. Поэтому, без лишних споров и слов, предлагаю тебе сделку: ты отдаешь мне женщину по имени Соблазн, а я за это не стану убивать тебя.

Крикнул Добрый Бог, разгневавшись:

— За такие речи немедленно следовало бы уничтожить тебя!

Сказал Каэрдин, не опуская меча:

— Так почему бы тебе не попытаться?

А поскольку Добрый Бог не отвечал и не делал ничего, Каэрдин повторил свое требование.

Сказал тогда Добрый Бог:

— Здесь нет той, которую ты ищешь.

Сказал Каэрдин как бы в некотором раздумье:

— Кажется, мне все-таки придется убить тебя и попробовать поискать самому.

Но сказал Добрый Бог поспешно:

— Это бесполезно. Говорю же тебе — ее нет здесь.

Сказал Каэрдин:

— Где же она?

— На этот вопрос сложно ответить, — промолвил Добрый Бог, — однако она может быть возвращена к существованию, ибо ты, кажется, хочешь именно этого. Но следует предупредить тебя, что условия вашего возвращения достаточно тяжелые — и твоего возвращения, и ее — и я не уверен, что они понравятся тебе. Однако тут я поделаться ничем не могу, ибо таковы законы, нарушить которые ни ты, ни я ни в силах.

Сказал Каэрдин:

— Что это за законы?

Сказал Добрый Бог:

— Ты защищен от высшего мира несокрушимой броней, которую дает тебе твой клинок, являющийся сам порождением высшего мира, однако Соблазн, когда пришла сюда, не имела подобной защиты. Поэтому если я произведу некие действия, могущие опять вызвать ее к жизни в вашем иллюзорном мире, вместе с ней в ваш мираж неизбежно войдет и высшее бытие, а войдя — уничтожит его во мгновение ока.

Сказал Каэрдин:

— Мне не нравятся эти условия. Какой смысл оживлять ту, которую я люблю, если тотчас все Сущее будет разрушено, и она вместе с ним? Есть ли способ, коим можно было бы избежать этого разрушения?

Сказал Добрый Бог:

— Есть, но думаю, что он понравится тебе еще меньше.

Сказал Каэрдин:

— Говори.

Сказал Добрый Бог:

— Прикосновением высшего мира может быть разрушено другое целое, существующее в той же степени, как и мир, который ты называешь реальным.

Спросил Каэрдин:

— Что же это?

— Ты сам, — ответил Добрый Бог, — вернее — твоё существование. Ибо благодаря стечению обстоятельств, ты, являясь порождением своего мира, сумел оторваться от него и сумел продлить своего существование за его пределами, оставаясь при этом как бы его частью.

Сказал Каэрдин:

— Я — не порождение этого мира.

Сказал Добрый Бог:

— Твое высшее Я — может быть. Но все остальное, все, что называется существованием — его порождение, плоть от плоти его. Также и Соблазн не может быть возвращена в мир иначе, кроме как в виде этой высшей сущности, которая, не имея ни прежней своей Силы, ни облика, все же, возможно, сохранит о прежней себе некие воспоминания. То же станется и с тобой. Ни Силы, ни прежней власти и колдовских знаний у тебя не будет. Только, может быть, память и любовь, если последняя была чем-то большим, чем просто влечением тела или чувственной страстью. То же будет и с этой женщиной.

Каэрдин, помолчав некоторое время, слегка улыбнулся и сказал так:

— Ты напрасно полагаешь, что меня устроит это условие. Некогда я стоял посреди рождающегося мира и не имел ничего, что давало бы мне

преимущество перед его обитателями. Однако за тысячелетия, прошедшие с тех пор, я достиг власти, которую вряд ли кто-либо мог бы назвать незначительной. Потому мне не страшно терять все, накопленное прежде. Ведь не мощь создает живущего, но живущий привлекает к себе мощь и пользуется ею. Что до женщины, называемой Соблазн, то я рад, что ее Сила не будет с нею, ибо ее Сила была скорее сродни проклятью и, как мне кажется, она должна была всеми силами души желать избавиться от этого проклятия, так как это проклятие лишало ее возможности любить. Так что я согласен на твои условия... о бескорыстный торговец! Однако опасайся меня обмануть. Ибо часть моей души, как и часть души всякого воина, заключена в моем мече, и если я погибну вследствие твоего обмана, мой клинок рано или поздно уничтожит тебя.

Сказал Добрый Бог:

— Не будет между нами никакого обмана и каждый да получит то, к чему так стремится! Итак, согласен ли ты на мои условия?

И сказал Каэрдин:

— Да. Согласен.

И тогда то, что Каэрдин называл Ничем, а Добрый Бог — высшим бытием — вошло в него и поглотило его жизнь и Силу, а «Я» и осколки памяти выбросило в мир сущий, в некое время, не имеющее никакого отношения ко времени, когда Каэрдин жил как Повелитель Затмений, в некое место, не имеющее никакого отношения к тем местам, которые он посещал, когда при нем была его Сила.

И вот, встал он с земли и осмотрел себя. И увидел он, что жестоко поглумился над ним Добрый Бог, возвратив его в мир, ибо оказался Каэрдин заключен в тело больного старика. Он был хром на обе ноги, кожа его была в струпьях, а вместо одежды — нищенские обноски.

Он взял клюку и пошел по дороге, близ которой очнулся. И сердце его дрожало от страха, когда мимо проезжали какие-либо всадники, ибо это было сердце нищего старика, привыкшего к страху. Затем он приблизился к некоему городу, ворота которого были широко распахнуты, а стражи стояли по сторонам их в парадных одеяниях. И спросил у них Каэрдин, что это за город и кому он принадлежит.

Сказали стражи:

— Этот город принадлежит нашей королеве, называемой также Королевой Синего Тумана, ибо одежды, носимые ею, сделаны из тончайшего синего шелка. Знай, путник, что сегодня в нашем городе праздник, и только ради этого праздника мы не прогоняем тебя прочь.

Спросил Каэрдин:

— Что это за праздник?

Сказали стражи:

— Наша королева объявила, что сегодня к ней должен явиться тот, чьей женой она станет. Его имя — Каэрдин, он волшебник и воин, которому нет равных. Однако лица его королева не помнит, и поэтому сегодня всякий из путников обязан немедленно идти к ней во дворец и объявлять там свое имя. Если же кто-то назовется именем ее возлюбленного, не будучи им, то во власти королевы распорядиться его жизнью, как она посчитает нужным. Некоторые из самозванцев уже ожидают плахи — а среди них есть знаменитые бароны и герцоги. Несомненно, все они завтра будут казнены, если только королева, по своей доброте, не пожелает помиловать их.

Сказал нищий:

— Я Каэрдин.

Когда он произнес это, стражи, скрепя сердце, приказали ему следовать за ними и отвели его во дворец. И прошел он через семижды семь комнат и оказался в покоях, где находилась Королева Синего Тумана, а при ней были ее придворные дамы, фрейлины и пажи. И, глядя на нее, нельзя было не полюбить ее, столь кроток и мил был весь ее облик. Так же красива она была, хотя и иной красотой, тогда, когда ее звали Соблазн.

И спросила королева стражей, зачем они привели сюда этого нищего.

Сказали стражи:

— По твоему приказанию, королева.

Сказала королева, обратившись к нищему:

— Ни в ком из мужчин сегодня я не нахожу ни благородства, ни чести, ибо сегодня едва ли не каждый норовит назвать себя именем, которое столь мне дорого. Но не смешно ли надеяться, что я не узнаю того, кого люблю? Впрочем, я не слишком сержусь на тебя, нищий, ибо твое положение таково, что терять тебе и впрямь нечего, и не жадность, но, скорее, нужда заставила тебя рискнуть своей жизнью. Однако я готова говорить о своем возлюбленном часами даже и с тобой, хотя твой вид и отвратителен, ибо, произнося даже и мысленно имя моего возлюбленного, я забываю обо всем на свете и отдаюсь сладким мечтаниям, столь сильно я люблю его.

Сказал Каэрдин, улыбнувшись беззубым ртом нищего:

— Приятно это слышать. Но еще более приятно мне видеть тебя, освобожденную от проклятья, которое заставляло твое сердце поглощать, ничего не отдавая взамен.

Сказала королева, недобро посмотрев на нищего:

— Ты говоришь так, будто бы встречал меня прежде. Но не станешь же ты по-прежнему утверждать, что?...

Сказал нищий:

— Я — Каэрдин.

Сказала королева, нахмутив брови:

— Не смей говорить так, ибо иначе я велю выпороть тебя!

Сказал нищий:

— Однако это так.

Сказала королева:

— Если это так, то зачем ты явился ко мне в подобном мерзком обличье? Ты хотел напугать меня? Я не понимаю тебя. Измени этот облик.

Сказал нищий:

— Я не могу сделать этого.

И он рассказал ей, что произошло с ним после того, как он вошел в Дверь-в-Ничто.

Но сказала королева:

— Ложь.

Сказал нищий:

— Правда.

Сказала королева:

— Ложь, одна ложь и ничего, кроме лжи! Никогда Каэрдин не сделал бы того, о чем ты говоришь. Или же ты скажешь, что он не знал, в каком виде выпустит его Ничто обратно в мир?

Сказал нищий:

— Не знал. Но даже если бы и знал — это не изменило бы его решения.

Сказала королева:

— Вот теперь я точно знаю, что ты лжешь. Ибо хотя я и не помню точно самого лица Каэрдина, но помню его гордые слова и его стройный облик, и его могущество, которое отбросило мою власть с улыбкой, словно взрослый, с теплотой и терпеливой любовью поглядывающий на ребенка, который пытается одолеть его. О, сколь велика была его гордость! Его — единственного из всех — я готова была признать своим господином и безраздельно принадлежать ему и телом и душой... Но заклятье, бывшее на мне, сковало мои уста и вложило в них совсем другие слова, хотя ничего более я не желала, кроме того, чтобы вырваться из оболочки, в которую я была заключена и припасть к груди того, кому отдала свое сердце.

Сказал нищий:

— Зная, что в твоём сердце может таиться что-нибудь иное, нежели то, что виделось всем на его поверхности, я, однако, не смел и надеяться на что-либо из того, о чем узнаю сейчас. Иначе никогда бы я не отпустил тебя от себя. Однако следует сказать, что я победил твоё заклятие не

посредством другого заклятия, но посредством иной магии, превосходящей все заклятья и все действия Сил и Стихий. Ибо еще прежде, чем твоя Сила коснулась меня, я уже любил тебя, и поэтому то, что коснулось, не смогло завладеть моей душой — ведь она уже и без того была твоею. Также как и ты тогда, сейчас я не желаю ничего более того, чтобы вырваться из оболочки, в которую заключен, и обнять тебя, ведь тебе одной навеки отданы моя душа и мое сердце.

Заплакала королева, а затем, смахнув слезы, с ненавистью взглянула на нищего и сказала:

— Не смей ничего больше говорить о нем! Ты где-то наслушался легенд о Повелителе Затмений и пришел во дворец, чтобы тревожить меня и глумиться надо мною, а ведь я доверчива и легковерна. Только лишь самый жестокий и жадный человек мог бы так издеваться надо мной!

Сказал нищий:

— Почему ты даже и на мгновение не хочешь поверить мне?

Сказала королева:

— Потому что я помню Каэрдина, а ты знаешь о нем лишь из легенд и преданий. Я знаю, сколь он был горд. Никогда бы он не согласился стать кем-нибудь вроде тебя. Также мне точно известно, что он никогда не любил меня, хотя и относился ко мне с учтивостью. Впрочем, с подобной же учтивостью он относился ко всем, с кем встречался, даже к врагам, ибо дух его был благороден. Но он предпочел бы скорее погибнуть, чем существовать в подобном обличье.

Сказал нищий, слегка улыбувшись:

— Я вижу, что ты ошибаешься, полагая, что знала Каэрдина достаточно хорошо. Неужели ты думаешь, что гордость моя такова, что меня можно унижить, облачив в подобную плотскую одежду? Ведь подлинная гордость — это не то, что определяется одеждой. Также ты ошибаешься, полагая, что из-за гордости я не смог бы распротиться ни со своим прежним обликом, ни со своей Силой. Ведь подлинная гордость не есть что-то, что определяется Силой, но это сущность самого духа.

Сказала королева, усмехнувшись:

— Тогда ответь мне, какая же гордость могла сохраниться в этом мерзком человечешке?

Сказал Каэрдин:

— Я знаю ее.

Сказала королева:

— Замолчи!

Сказал он:

— Госпожа, Каэрдин — не тот, кто живет в твоих мечтах, но тот, кто сейчас стоит рядом с тобой. Прежде на твоих глазах была повязка; сейчас повязка снята, но ты боишься открыть глаза и прозреть. Подойди ко мне, дай мне свою руку, открой свое сердце. Не рухнут ли в этот миг все преграды, разъединяющие нас, не обретем ли мы в этот миг власть, перед которой делается ничтожной любая власть и любая магия, не родиться ли от касания наших рук и наших сердец сила, что превыше судьбы и самих богов?

Тогда королева приказала стражам схватить нищего и бросить его в темницу, а на следующий день казнить, ибо ее сильно разозлили его наглость и, как она полагала, самозванство. Но на следующий день к ней пришли многие просители от баронов и герцогов, также заключенных в темницу, и умолили отпустить этих людей, и тогда она, смилостивившись, приказала отпустить всех, ибо по характеру своему была незлобива и не мстительна. И вот, герцоги и бароны вышли из темницы и с великой радостью пали в объятия своих ближних, а стражи схватили Каэрдина и выбросили его прочь из города...

...Произнеся это, архивариус надолго замолчал. Гильперик же, выждав некоторое время, спросил его:

— Что случилось с ними дальше?

Сказал Марк:

— Ничего, о чем стоило бы рассказывать.

Сказал Гильперик:

— Но все же я хотел бы узнать и конец этой истории.

Сказал Марк:

— Ну что ж... Прошли года, а потом десятилетия. Королева Синего Тумана, сохраняя верность, ждала своего единственного. Так к ней пришла старость и она умерла незамужней. Что до Каэрдина, то он некоторое время бродил по городам той страны, изучая язык, на котором поначалу говорил не слишком хорошо, а затем в одном городе стал помогать смотрителю архивов, а когда тот умер — занял его место. Так закончилась эта история: без трагического и без счастливого финала, также просто и тихо, как заканчиваются сотни подобных историй, мимо которых мы проходим ежедневно, не замечая их, историй столь же простых и столь же бессмысленных, как и рассказанная мною.

Сказал Гильперик:

— В самом деле, не слишком хороша эта история и лишена смысла, морали и сколько-нибудь значимого философского наполнения. Однако мне вспоминается другая история, о которой я раньше не знал, к чему она

относится и какой в ней смысл, но, услышав твою историю, я понял к чему она относится и какой в ней смысл, ибо история, которую знаю я, является продолжением твоего рассказа.

Архивариус ничего не сказал на это, но лишь долгим взглядом посмотрел на пришельца.

Меж тем Гильперик продолжал, нимало не смущаясь этого взгляда:

— Эта история коротка. В то время как Каэрдин, заключив договор с существом, назвавшим себя Добрым Богом, вернулся в мир сущий, Силу его поглотило Ничто. Однако это Ничто — или Добрый Бог, ибо нет разницы, как называть его — еще долгое время не осмеливалось коснуться меча, оставленного Каэрдином за гранью Сущего. Так прошло некоторое время, ничем неотличимое от вечности, ибо в том месте, которое не было местом, не было также и времени. Затем клинку надоело находиться там и он пожелал узнать, верно ли исполняется договор, заключенный меж Каэрдином и Добрым Богом. Для того он обратился к миру и устремился к нему, а Добрый Бог не осмелился как-либо препятствовать ему, подозревая, и не без оснований, об участи, которая ждет его, если он все же осмелится. Ибо этот клинок подчинился и служил одному Каэрдину, и трепетал пред ним одним. А следует сказать, что некогда Каэрдин заново создал его, перековав в Пламени Творения, и, как и полагается всякому творцу, вложил в свое творение толику своей души. И вот, клинок проник в мир сущий и отыскал там Каэрдина, а вернее — того, кем тот стал. И изумился клинок, увидев, в кого превратился тот, кому он прежде служил и кому — единственному из всех — был готов подчиняться. А надо сказать, что Каэрдин, лишенный Силы и всех своих прежних, едва ли не божественных атрибутов, был хромым уродливым стариком, копавшимся в бумагах в каком-то книгохранилище. И тогда меч, желая понять, что стало причиной столь жалкого положения того, кто прежде был столь могущественен, спустился в тот город, где жил Каэрдин, принял облик одного из консулов, правивших городом, и, придя к нему в книгохранилище, под видом светской беседы расспросил его о его истории. И когда клинок узнал о том, что привело его прежнего хозяина в это положение, всякий прежний страх исчез в нем. Подумал он про себя: «Сколь жалок его облик, сколь ничтожно его существование! Как я мог быть очарован им, как мог быть заколдован и пленен его волей? Нет, поистине, тот могущественный, что пленил меня, никогда бы не согласился на подобное прозябание! Однако этот — тот самый, кого я знал прежде и перед кем трепетал. Не означает ли это, что я ошибался в нем изначально? Может быть и так. А может быть, когда он творил меня, некая важная

часть его перешла в меня, и со временем он утрачивал остатки своей силы и своей воли, а я не замечал этого, очарованный своими воспоминаниями, как была очарована своими грезами Королева Синего Тумана? Однако теперь чары спали. Как же мне поступить с этим человеком? Я чувствую, что во мне не хватает еще многого, и многих вещей я еще не могу понять, потому как не знаю, на что следует обращать свое внимание. Мне надлежит отнять остатки моей души у этого жалкого существа, которое по ошибке я некогда почитал великим, и тем завершить свою целостность, забрав себе его опыт и его знания. Несомненно, я сейчас же так и поступлю с ним.»

...И, сказав это, смолк рассказчик. Затем он пронзил Каэрдина, забрал себе его душу и ушел из города. И библиотека вспыхнула за его спиной, а дома, когда он шел сквозь город, таяли перед ним, а реальность истончалась и исчезала, таяла и текла, как горячий воздух, ибо взгляд его был взглядом пустоты-пламени, а язык его — ее раздвоенным жалом, а крылья его — ее когтями, а душа его — клинком, закаленным в крови всего Сущего, закаленным в крови невинного, закаленным в крови своего создателя. Кто осмелится встать на пути его? Никто. Ибо встающие на его пути мертвы еще до того, как родились. Он — Властелин Вечности.

БЛИЖНИЕ

(история тридцатая)

После возвращения из Башни Времени в Эссенлер Обладающие Силой не спешили вновь вступить в битву и выжидали, что предпримет противная сторона. Но как велико было удивление Восседающих в Совете, когда прибыл к ним посланник от Хозяина Безумной Роци с предложением перемирия!

А был этот посланник — дроу Кемерлин. Сказал он:

— Мой сюзерен предлагает вам на время прекратить военные действия, и определить длительность этого перемирия. Так же желает Лорд Мьяонель обменяться с вами пленными, ибо ему известно, что один из вас пленил душу Глаанеста.

Сказал Навранд (а он к этому времени уже вернулся в Эссенлер, вполне восстановив свою сущность в Драгоценных Покоях):

— Я пленил Глаанеста. Однако, каким образом использовать его и идти ли нам на переговоры — пусть решает Совет.

Сказали Лорды Кемерлину:

— Мы согласны на обмен.

Сказал дроу:

— Кого же из плененных Мьяонелем вы изберете? Лорда Джерениона, Леди Астану, Лорда Имрадима, Леди Даниру, Джезми или кого-нибудь из младших учеников Келесайна, или кого-нибудь из других учеников?

Сказал Келесайн:

— Всех их.

Спросил его Кемерлин:

— В обмен на одного лишь Глаанеста?

Сказал Келесайн:

— Да.

Сказал Кемерлин:

— В таком случае, мой сюзерен говорит вам — наслаждайтесь обществом Глаанеста, он же будет наслаждаться обществом плененных им.

Сказал Джордмонд-Законник:

— Какого обмена ты хочешь? Наши ученики дороги нам, но если ты утверждаешь, что все плененные Мьяонелем вместо одного Глаанеста —

это несправедливый обмен, то почему обмен Глаанеста на одного из учеников ты полагаешь равным?

Пожал плечами Кемерлин и сказал:

— Давайте установим соотношение. Скажем: один Глаанест против дюжины учеников.

Сказал Келесайн, с трудом сдерживая ярость:

— А может быть, мы отложим на время разговор о соотношениях и пленим кого-либо из каджей или змеелюдей, или из подобных тебе, чтобы уравновесить все соотношения? Как ты думаешь, посланник, во сколько учеников Мьяонель оценит тебя самого?

Сказал Кемерлин:

— Эта угроза — и есть ваш ответ?

Тогда поднял руку Джордмонд-Законник, призывая собравшихся к молчанию и сказал дроу:

— Не угроза. Пока лишь возможность.

Затем обратился он к Восседающим:

— Нам следует на короткое время забыть о своих чувствах и о том, как мы относимся к Мьяонелю и союзникам его, и внимательно рассмотреть это предложение. Если нам выгоден этот обмен, то что с того, что и Мьяонелю он выгоден?

Сказал Ирвейг:

— Кого же мы выберем?

Сказал Джордмонд:

— Повторяю: забудем о чувствах и будем думать только о выгоде. Ибо каждому из нас хотелось бы, чтобы именно его ученики были возвращены, но если мы начнем спорить, то ни к чему не придем и лишь взаимно раздражимся друг на друга. Поэтому исключим учеников и обсудим, кого из Лордов хотели бы мы обменять на Глаанеста.

Сказал Архайн, поднявшись с места:

— Прошу вас — пусть это будет Данира, жена моя. Ибо сердце мое разрывается на части, когда я думаю, как в эту самую минуту может измываться над ней проклятый безумец!

Сказал ему Кемерлин:

— Я удовлетворю твое любопытство относительно измывательств. Данира, как и другие Лорды, погружена в сон, ничего не видит и не чувствует, и не осознает своего заточения.

Сказал Джордмонд:

— Мне тяжело отказывать тебе, Архайн, но поскольку другие Восседающие забыли на время о своих чувствах, постарайся и ты

поступить так же. Данира и Имрадим — не слишком искушены в Силе. Хотя их и титулуют Лордами, они слабее большинства из нас. Поэтому мы будем выбирать только между Хозяйкой Деревьев, Серебряным Ткачом и Повелителем Бестий.

Он сказал так, ибо Восседающие полагали, что Зерем, в числе прочих еще томится в плену у Мьяонеля.

Сказал Келесайн:

— Во всем эти трое равны, и нет между ними различий, за исключением того, что Астана — женщина. Поэтому — пусть Хозяйка Деревьев станет нашим выбором и обретет свободу.

И согласились с ним Лорды. Архайн же горько зарыдал и опустил свое кресло.

И установили они время обмена. Когда же собирался уходить Кемерлин, остановил его Повелитель Теней. Сказал Ирвейг:

— Кто ты? Обликом ты похож на темного альва, но я чувствую, что ты причастен к Силе. Каков твой титул и имя? Ибо я желаю знать, кто победил меня.

Сказал Кемерлин:

— Мое имя — Кемерлин. Среди своих сородичей я зовусь Отступником. Также зовут меня князь темных альвов из замка Морхикэль, и на этом исчерпываются мои титулы. Я — дроу, и только. Что до Силы, которую ты почувствовал, пытаюсь похитить мой разум, то эта Сила принадлежит моему сюзерену, Мьяонелю Владыке Бреда, и она хранила меня.

С горечью произнес тогда Ирвейг:

— О, если бы я не спрашивал тебя об этом! Ибо твои слова — позор для меня. Я побежден не равным и даже не свободным, но одним из слуг своего врага!

Сказал ему Кемерлин:

— Я не слуга. Может быть, я и не равен тебе в волшебстве (ибо я — не Лорд), но я — свободен. По собственной воле последовал я за Мьяонелем в Эссенлер и по собственной воле в этой войне служу ему, ибо вести войну и направлять действия должен один вождь, а не несколько. Я — друг ему, а не слуга, и как друга, просил он меня стать его посланником.

Сказал Ирвейг:

— Но кроме этой дружеской связи есть между вами и другая — колдовские узы. Ибо как иначе его Сила смогла бы защитить тебя?

Сказал Кемерлин:

— Я — не вассал его, хотя и называю его, для удобства перед вами,

своим сюзереном. Магическая связь между нами иная, чем ты думаешь. С некоторых пор он для нашего народа стал тем, кем был Бог Мертвых для других живущих.

Сказал Ирвейг:

— Прежде я хотел сойтись с тобой в поединке, чтобы в точности выяснить, кто же из нас лучший воин. Но после всего, рассказанного тобой, видимо, буду вынужден отказаться от своего намерения. Ибо если мы будем сражаться только оружием — ты одолеешь меня, так как ты лучший фехтовальщик. Что же касается областей Силы, то и тут я не могу сражаться с тобой, ибо мне не с кем сражаться: ведь ты сам — не Обладающий. Поэтому, — и Повелитель Теней протянул дроу руку, — я предлагаю тебе свою дружбу. И хотя, быть может, нам с твоим покровителем еще предстоит встретиться на поле брани, я обещаю не обращать свое оружие против тебя, и, если победа будет на нашей стороне, я предприму все возможное, чтобы Совет не обратил свой гнев против тебя и твоих ближних родичей.

Сказал Кемерлин, также протягивая руку:

— Я не против, но помни: мои ближние — не только те, с кем у меня общая кровь, но и друзья мои.

Сказал Ирвейг:

— Я не стану обращать оружие и против Мьяонеля. И кроме меня найдется достаточно желающих сделать это. Также и я не останусь без противника в битве.

После того дроу Кемерлин вернулся и рассказал Хозяину Роци о ходе переговоров. Спустился Мьяонель в подвал и сотворил тело для Леди Астаны, и соединил это тело с плененной душой ее. Сказал он:

— Приветствую вас, миледи. В четвертый раз встречаемся мы с вами, и грустны обстоятельства этой встречи. В первый раз я не был вам врагом, но готов был стать другом, вы же не приняли моей дружбы. Во второй раз вы, Келесайн, Архайн, Навранд и Тарнааль сделали все, чтобы положить между нами вражду. В третий раз — не так давно — вы могли увидеть, что плоды ненависти бывают весьма горестны и для тех, кто посеял ее. Ныне — в четвертый раз встречаемся мы с вами, и вы — пленница в моем замке. Каковы будут обстоятельства пятой встречи? Не знаю, но мне неприятно думать, что мы останемся врагами. Тарнааль мертв, Архайну я отомстил сполна. Ученик Келесайна Навранд — не ровня мне, и потому Повелитель Молний — единственный, кого еще не достигла моя месть. Но я не хочу войны. Я готов простить Келесайна, если он поклянется не возобновлять войны и не мстить никому из моих друзей и вассалов. Такой же клятвы я

хочу и от остальных Восседающих. Передайте эти слова Совету. Ныне все преимущества на моей стороне, и никто не посмеет сказать, что я отказался от битвы из страха. А пока, в знак своих добрых намерений, я отпущу всех младших учеников Келесайна, захваченных мною.

Астана молча выслушала его и, когда Мьяонель закончил, продолжала молчать, но после того, как был произведен обмен, в замке Джордмонда-Законника повторила слова Хозяина Роши.

И часть собравшихся взволновалась, другая же часть, напротив, безмолвствовала. Крикнул Лорд Архайн:

— Пусть Мьяонель вернет мою жену, брата и сына — тогда я поверю ему!

Произнес Джордмонд-Законник:

— В самом деле, справедливым условием мира будет возвращение всех пленников. Кто из нас отправится в замок, окруженный танцующими тенями деревьев, чтобы говорить от нашего имени с Хозяином Роши?

Вызвался Ирвейг, и среди Лордов не нашлось никого, кто воспротивился бы этому. Отправился Повелитель Теней к границам колдовского леса, и объявил о себе, и был принят.

Мьяонель собрал совет, на котором присутствовал и Глаанест, уже возвращенный к жизни и исцеленный. И когда повторил Ирвейг перед собравшимися слова Совета, возникло среди союзников Мьяонеля сильное недовольство.

Зашипела Гадюка, мужа которой в последней битве убил один из сыновей Алкара:

— Проклятье на твою голову, предатель! Ты привел нас сюда и втравил в свою войну, и прятался за нашими спинами, а сам, оказывается, в то время вел переговоры с Советом! Будь ты проклят!

Вторил ей Ауг:

— Милорд Мьяонель, почему вы не известили нас о том, что начали переговоры с Советом Лордов?

Сказал Мьяонель:

— Потому что я не знал, согласятся ли они вести переговоры, или нет. Но, поскольку такое согласие было высказано, я собрал вас и теперь предлагаю решить, принять ли нам предложение, сделанное Лордом Ирвейгом, или же продолжить войну. А что до ваших упреков, Леди Гадюка, то они несправедливы. Вспомните первую битву с Советом и исход ее. Вспомните также, кто одолел Ангела-Стража — хотя бы и ценой, которая едва не оказалась чрезмерной для всего Сущего. Да, я привел вас сюда. Я искренне скорблю о кончине вашего мужа, но вспомните — я не

обещал вам ни безопасности, ни благополучного исхода предприятия. Давайте же решим все вместе, как поступить нам: продолжить войну или заключить мир?

Процедил Глаанест, и поддержала его Гадюка, и согласно склонил голову Ауг:

— Никакого мира! Мы достаточно сильны, чтобы одолеть их, а раз так — не следует упускать эту возможность. Враги не станут враз добрыми соседями, а значит — нужно уничтожить их раньше, чем они уничтожат нас!

Сказал Принц Каджей, взглянув на Мьяонеля:

— Хотя мне и не хочется противоречить тебе, наставник, но и я придерживаюсь такого же мнения.

Сказал им Мьяонель:

— До какой поры хотите продолжать войну? Хотите ли вы уничтожить всех Лордов Совета? Или также и всех учеников их? Или также и всех в Эссенлере, кто сочувствует им? Урожай ненависти, посеянный Келесайном и Тарнаалем, собран, но хотите ли вы засеять поле этими же семенами заново? Некоторые из нас потеряли в Эссенлере своих ближних, но ведь полегли и ближние тех, кто противостоял нам. Когда и кому следует остановиться? Ответьте мне, о вы, любители простых решений! Я — за заключение мира.

И поддержали его Аспид, Гюрза и Каскавелла. Относительно двух последних следует сказать, что хотя каждый из них в отдельности и рвался в бой, однако, думая друг о друге (а они в то время стали любовниками), они переставали любить войну. Ведь любовники не терпят никаких помех, а война — из числа помех не самых незначительных.

Сказал Мьяонель:

— Четверо на четверо. Что ж, среди нас есть еще один, чье мнение пока нам неизвестно. Что скажешь, князь Кемерлин? Твое слово решит исход собрания.

Сказал Кемерлин:

— Я лучше, чем кто-либо из вас, знаком с ненавистью. Ибо я — дроу, и многим из вас известна история моего народа. Я не скажу, что война — всегда бесплодна, и что худой мир лучше доброй ссоры — нет, я не скажу так. Однако, продолжать войну в то время, когда можно закончить ее с честью — значит позорить себя. Поэтому в этом споре я принимаю сторону Хозяина Роши.

Но презрительно бросил Глаанест:

— С каких пор мнения вассалов и слуг стали решать дела на нашем

совете? Если ты, милорд Мьяонель, желаешь, чтобы один из твоих рабов присутствовал здесь — твоя воля, но кто дал ему равный голос на нашем совете?

Кемерлин побледнел, но ничего не сказал, а Мьяонель обратился к Глаанесту. Последний же, увидев, что глаза вождя изменились, поспешно отвел взгляд.

Сказал Мьяонель:

— Кемерлин — не слуга мне, но друг и союзник. Запомни, Глаанест — если в ответ на твое оскорбление кто-либо из друу вызовет тебя на поединок, не думай, что с помощью Силы легко справишься с ним. Ибо моя Сила хранит их, и легко поглотит твою.

Сказал Глаанест:

— Я не хотел никого оскорбить и еще менее хотел ссориться с тобой, Владыка Бреда. Однако, Кемерлин — друу, а не Лорд и не может голосовать наравне с нами.

Сказал Мьяонель:

— Он — равен нам, и свободен в своих поступках также, как и мы. А что до того, что он не является Лордом, то мне придется напомнить тебе, Глаанест, что ты сам, хотя и обладаешь частью Силы, и по могуществу своему равен другим Лордам, тем не менее, все же не являешься Обладающим. К тому же, — продолжил он, — я, как ваш предводитель, имею более одного голоса в подобных спорах — то есть в случаях когда то или иное решение вообще выносится на обсуждение. Поэтому даже и без голоса Кемерлина мы прекращаем военные действия и заключаем с Советом мир.

И хотя далеко не все были довольны таким итогом, никто более не возражал Хозяину Рощи, ибо тон его последних слов не предполагал ни возражений, ни возможности дальнейших дебатов.

Ирвейг возвратился в замок Джордмонда-Законника и вскоре Обладающие встретились у Клятвенной Скалы, чтобы заключить договор. Впрочем, ту скалу назовут Клятвенной как раз после сего собрания, а до того она была просто высоким белым камнем. Когда же клятву нарушили (а как произошло это, будет поведано ниже), каменная вершина расколосась надворе Располагалась скала на ничейных землях на равном расстоянии от Безумной Рощи и Дворца Справедливости.

И принесли Лорды взаимные клятвы, и клялись прекратить вражду и не начинать ее снова. О, если б знали они тогда, как легко будут нарушены все благие обещания!

Вот эти клятвы:

Восседающие в Совете признавали за Мьяонелем и его союзниками право на все земли, что были уже захвачены — при условии, что новых захватов не произойдет.

Мьяонель и спутники его, в свою очередь, обещали ограничиться этими землями и не посягать на новые.

Обещали Лорды друг другу не мстить за то, что было между ними прежде и не нападать самим, удерживать от вражды своих слуг и не оказывать помощи тем союзникам или вассалам, которые не примут этого договора или начнут новое кровопролитие.

И скрепили Лорды свои слова Клятвами Силы. После того, как и было оговорено, возвратил Мьяонель всех пленников, которые еще оставались у него.

Закричал тогда Архайн:

— Где мой сын?!

Сказал Мьяонель:

— Я не могу вернуть его, ибо я не брал его в плен. Комет мертв.

— Ложь!

— Спросите у своих ближних, милорд, они подтвердят мои слова — ответил Мьяонель.

И когда Имрадим и Данира рассказали Архайну о том, как погиб Комет, горько пожалел Архайн о принесенной им клятве.

Сказал Хозяин Железной Башни (и казалось ему, что слова клятвы жгут ему язык и нёбо):

— Будь ты проклят, убийца! Если бы не обещание, которое ты ложью и хитростью выманил у нас, всего Царства Безумия не хватило бы, чтобы спрятать тебя от меня!

— Ложью и хитростью? — Усмехнулся Мьяонель. — Да ты, старик, еще более безумен, чем я. А что до Царства Безумия — что ж, приходи в это Царство, и я с удовольствием поиграю там с тобой в прятки.

Вряд ли ответ Архайна был бы таков, про который можно сказать, что он — не оскорбителен. Потому, прежде, чем начал говорить Хозяин Железной Башни, прервал его Келесайн Майтхагел:

— Хорошо, — сказал он. — О судьбе Комета мы уже знаем. Но где остальные? Где Лорд Джеренион?

— Я освободил его еще прежде. Мы много беседовали с ним о природе Сущего и других пяти Царств. Некоторые из моих рассказов заинтересовали его и потому, когда я предложил переместить его в области, о которых рассказывал, Джеренион ответил согласием. Можете не верить моим словам, но, когда вернется Серебряный Ткач, он подтвердит

мою правоту.

— Когда же он вернется? — Спросил Джордмонд.

Сказал Мьяонель:

— Я не знаю. Однако не думаю, что скоро, ибо области, в которые я переместил его, весьма далеки от нас.

— А Зерем? — С еще большим недоверием любопытствовал Келесайн. — Неужели он тоже заинтересовался исследованием каких-то далеких малоизвестных областей мироздания?

— Не совсем, — сказал Мьяонель. — Но не думаю, что вам будет трудно найти его. Полагаю, Лорд Зерем уже вернулся в свой замок, ибо я отпустил его немного раньше остальных.

Эти слова вызвали сильное недоверие со стороны Восседающих, и они, используя зеркала и заклинания, попытались немедленно связаться с Творцом Чудовищ. Однако, тут их ждала неудача. Ибо Зерем, освобожденный Мьяонелем задолго до этого, никак не давал о себе знать Совету, полагая подобную стратегию — наилучшей в своем положении. Опасаясь сражаться на стороне Совета, совершенно невыгодным считал он для себя также и прямо извещать их об этом. Поэтому предпочел он выжидать; а выждав — увидеть: кто победит в войне за Рассветные Земли; а увидев — присоединиться к победителю.

— Зеркала темны, — сказала Астана Мьяонелю. — Как вы это объясните, милорд?

— Возможно, — усмехнувшись, ответил Мьяонель. — Он принимает ванну.

Нечего и говорить, что насмешка лишь еще более раздражила Совет. Возвращаясь в цитадель Джордмонда, многие хотели немедленно разорвать договор, ибо, по их мнению, Хозяин Роши обманул их. Возможно, они так бы и поступили, если бы не Клятвы Силы, нарушать которые Лорды опасались.

Сказал Келесайн:

— Следует доподлинно выяснить, в своих ли владениях находится Зерем или нет. Если о нем там и не слыхали — значит, мы можем быть уверены, что Мьяонель первым нарушил клятву, а раз так, то и наша часть обещания перестает иметь какую бы то ни было силу.

Он пришел в земли Лорда Зерема и спросил у учеников Повелителя Бестий, дома ли господин их. Наученные Зеремом, ученики солгали, однако в сердце Келесайна закралось подозрение. Он вышел из цитадели и постучался еще раз — посредством своей Силы, низведя с неба ослепительную молнию в ворота Аглифоста. Собственное колдовство

замка, по большей части, рассеяло разрушительную мощь небесной плети и потому строение пострадало не слишком сильно, однако своего Келесайн добился. Зерем, забыв о всех предосторожностях, тотчас выскочил на стену замка и, стягивая свою Силу, стал посылать на голову Повелителя Молний бесчисленные проклятья. Ибо он решил, что Келесайн, прослышав об отсутствии в замке хозяина, возжелал захватить Аглифост. Грозился Зерем, что обвинит Келесайна перед Советом, и как преступника станут судить его.

— Не меня, но тебя станет судить Совет, — отвечал ему Келесайн. — Ибо, я вижу, ты спелся с нашим врагом и вполне перешел на его сторону. А что до молнии, которая так тебя напугала, то это была всего лишь уловка, ибо я подозревал, что ты прячешься в своем логове.

— Расскажешь это Совету! — Крикнул Зерем.

— Без сомнения, они узнают об этом, — кивнул Келесайн. — Знай же, что я не стал бы пытаться захватить твой замок хотя бы потому, что Совет превосходно осведомлен о том, куда и к кому я собирался направиться. Мне не придется даже оправдываться перед Восседающими, а какие найдутся оправдания у тебя — вот это мне было бы небезынтересно услышать!

Тогда Зерем понял, что по собственной глупости выдал себя. Он стал изворачиваться как змея и с самой любезной улыбкой пригласил Келесайна в гости — в то время как в душе его возгорелась сильнейшая ненависть. Стал он оправдываться и утверждать, что не предавал Совет, не входил ни в какие сделки с Мьяонелем и более того, ненавидит Хозяина Безумной Роши сильнее, чем кто бы то ни было. И нельзя сказать, чтобы эти его слова были совершенно неискренними. Узнав от Келесайна о заключении мирного договора, Зерем мысленно заскрежетал зубами от ярости и подумал: «Проклятый безумец выставил меня дураком! Он сделал меня в глазах Совета предателем, и натравил Совет на меня, а сам в то время спокойно умыл руки!»

Вскоре Зерему пришлось оправдываться не только перед Келесайном, но и перед прочими Восседающими. Хотя его слова прямо никто не назвал ложью, Творец Чудовищ не мог не видеть, что доверять ему перестали. Многие откровенно посматривали на него как на возможного предателя. Зерем не был нужен Мьяонелю, и Мьяонель отверг его; теперь же его отвергал и Совет. Он очутился как бы меж двух огней и всерьез стал опасаться, как бы кто-нибудь — из числа Совета или из числа захватчиков не вторгся бы в его земли. Ведь буде таковое произойдет, никто не придет ему на помощь.

Хотя Зерем ненавидел и Келесайна, и весь Совет, теперь более всего возненавидел он Владыку Бреда, ибо полагал, что именно Мьяонель повинен в его нынешнем положении. Так у Хозяина Рощи появился еще один враг, а он и не знал об этом.

Не странно ли, что, разжигая смертельную войну, Мьяонель приобретал себе друзей и сторонников, а пытаясь установить мир, наживал врагов и ненавистников?

* * *

Прошло несколько десятилетий. Серебряный Ткач вернулся и подтвердил слова Хозяина Рощи — тот и в самом деле отправил его в удивительное путешествие, открыл необыкновенные миры и познакомил его с некоторыми аспектами магии, о которых Джеренион никогда прежде не задумывался. Почему Мьяонель поступил так — да еще и в отношении врага? Возможно, им двигало безумие, возможно — тонкий расчет, а возможно, он увидел в Джеренионе душу, в чем-то подобную своей — столь же страстную до чудес и волшебства, увидел ум, не связанный еще предрассудками, но достаточно одаренный и гибкий. Так или иначе, но молодой Лорд Джеренион перестал быть его врагом и даже, напротив, теперь не раз говорил Совету о том, что сотрудничество с Мьяонелем, Владыкой Бреда, ваном, видевшим зарю мира, волшебником, оттачивавшим свое искусство многие тысячи лет — такое сотрудничество будет более чем плодотворно. Что до путешествии Джерениона, то о нем будет рассказано в другой раз.

Впрочем, и без Джерениона Совет уже не относился к Мьяонелю с той же враждебностью, как прежде. По крайней мере, не весь Совет. Убедившись, что Хозяин Рощи следует своим обязательствам и не распространяет свою Силу далее оговоренных пределов, те из членов Совета, кто не делил мир на зло и добро и кто не имел к Мьяонелю никаких личных счетов, перестали видеть в нем бешенную тварь, которую следует уничтожить без всякой жалости, а в его союзниках — только разбойников, ищущих чем бы поживиться.

Ауг и Глаанест поселились на юго-западе, в землях, которые некогда выбрала Тайнианим, в землях, где сущность людей уже была изменена колдовством служителей Солнцеликого. Они зажили обособленно, но все же сохранили союзнические отношения с Хозяином Рощи, хотя Глаанест с некоторых пор не слишком-то любил его.

Аспид, Гадюка, Гюрза и Каскавелла удалились обратно ко двору

Змеиной Королевы Винауди. Впрочем, каждый из них сохранил в Эссенлере некоторые владения. И если Гюрза и Каскавелла, увлеченные молодостью, любовью, волшебством и различными приключениями, в которые они постоянно встречали, вскоре позабыли об этих землях, то Гадюка помнила о них постоянно. Она часто возвращалась в Эссенлер и тщательно укрепляла свою Силу в Рассветных Землях. Говорили, что в своем темном замке в глубине Проклятого Леса она расчленяет людей и проводит над ними какие-то колдовские опыты, но какова сущность этих опытов — сказать не мог никто, ибо Гадюка никого не подпускала близко к своим делам. Она враждовала и с Советом и с Мьяонелем, и хотя и не объявляла никому из них открытой войны, но всех чужаков, случайно оказавшихся в ее владениях, она или убивала, или превращала в демонов.

Аспид время от времени возвращался в Эссенлер и навещал Мьяонеля. И тогда, как желанного гостя, принимал его Владыка Бреда в своем замке в кругу танцующих деревьев-теней. Слуги накрывали стол на широкой террасе, расположенной высоко над землей, хозяин и гость неторопливо пили красное или белое вино и рассуждали о сущности Сил и о различных аспектах колдовского Искусства. Двум колдунам, достигшим не только в Силе, но и в Искусстве легендарных высот — им было о чем поговорить друг с другом.

Также, хотя и чаще, чем Аспид, появлялся в замке Мьяонеля другой гость — Армрег, Принц Каджей. После заключения мира он вернулся в свою столицу, Каджети, и продолжал жить там, в то время как в Эссенлере, в тех землях, что остались за каджами, правили от его имени вельможи и наместники. Однако наместники происходили из различных кланов, и отношения между ними оттого были не самые добрые. Армрег не вмешивался в их свару — у него хватало дел и в других Землях. Когда вспыхнула война между наместниками и Гансейтом, ставленником Совета Лордов, тем самым людским королем, от чьих земель каджи отрезали изрядный ломоть, Лорды Эссенлера и Мьяонель встретились вновь и подтвердили общую клятву о том, что никто из них не станет вмешиваться в дела смертных и помогать «своим» в чем бы то ни было. Армрег не был рад такому повороту дел, но и не слишком опечален — в числе воинственных наместников числилось немало искусных колдунов. В грянувшей войне они стали достойными противниками людских чародеев, а именно — короля Гансейта и его приближенных, которые в большинстве своем были учениками учеников Восседающих в Совете.

Что касается друу и князя их, Кемерлина-Отступника, то Мьяонель сдержал данное им обещание. Не в его силах было полностью

восстановить первоначальное Целое этого народа, но из частиц собственной Силы и из природной магии Эссенлера он создал новое Целое, ограниченное, впрочем — что было неизбежно — пределами его собственной Силы. Хотя личная свобода тех из дроу, кто доверился ему, осталась в неприкосновенности, магические таланты этого рода темных альвов претерпели значительные изменения. Их волшебство как бы срослось с волшебством Роши, стало неотделимым от нее. Несомненно, подобное сближение несло в себе как сильные, так и слабые стороны. Это была неизбежная цена. Но через семь лет после заключения мира с Советом и впервые за много тысячелетий в народе дроу родился ребенок, оба родителя которого принадлежали к народу темных альвов. Ребенок, не бывший полукровкой, ребенок, природу которого в первые годы его жизни не нужно было изменять посредством колдовства.

Ирвейг часто приходил в Безумную Рошу. Ему были любопытны темные альвы, нашедшие приют в колдовском лесу, и их дружбы и знаний искал Повелитель Теней. Он не был высокомерен, и сам был готов поделиться тем, что знал и умел. Дроу не отвергли его; многие тайны Искусства постиг с их помощью Ирвейг, однако и сам открыл им кое-какие секреты волшебства. Мьяонель не раз звал его в гости, но Повелитель Теней избегал его общества. Мьяонель был Лордом, а Ирвейг не доверял никому из тех, кто, как и он сам, был причастен к Силе. Смертным же — хотя и не всем — он мог довериться, ибо не ждал от них ни зла, ни предательства.

Еще реже, чем Ирвейга, видел Мьяонель прочих членов Совета. Впрочем, он не жалел об этом и не стремился сблизиться с ними. Каково же было его удивление, когда однажды ожило зеркало в его колдовских покоях и отразило образ Астаны, Хозяйки Деревьев. Он слегка поклонился и вежливо приветствовал ее; она же в ответ процедила сквозь зубы:

— Так вот чего стоят все ваши слова и клятвы! Так-то вы блюдете наш договор!

— Что произошло? — Спросил Мьяонель.

Астана презрительно фыркнула.

— «Что произошло»? — Переспросила она. — Неужели вы будете изображать из себя полного дурака и делать вид, будто бы вам ничего не известно? О, теперь я вижу, сколь правы были говорившие, что все клятвы и обещания для вас — лишь пустой звук!.. Но, предупреждаю вас, милорд: если вы не прекратите то, что начали, я немедленно соберу Совет и потребую...

— Миледи, — перебил ее Мьяонель, ибо, хотя он и был вежлив,

терпение его не было безразмерным. — Вы вправе собирать Совет когда вам будет угодно и требовать от Восседающих всего, что вам угодно — как я могу помешать вам? Впрочем, мне нет никакого дела до Совета. Можете начинать войну, можете вызывать меня на Поединок Сил — я готов и к тому, и к другому, но прежде, чем вы затеете все это, не расскажите ли, ради одного лишь любопытства, какой повод вы изыскали, чтобы хотя бы в своих собственных глазах оправдать все эти действия?

Астана долго смотрела ему в лицо; Мьяонель же молчал.

— Вы хотите сказать, — медленно начала Хозяйка Деревьев, стараясь, чтобы на этот раз ее голос звучал спокойно, — вы хотите сказать, что это не по вашей вине леса в северо-западной части моих владений гниют и вырождаются? Я знаю, что это не обычная болезнь, ибо я пыталась исцелить ее своей Силой, но нисколько не преуспела в этом.

— Где это происходит? — Быстро спросил Мьяонель.

Когда Астана назвала названия земель, где распространялось заболевание, он сказал:

— Я ни разу там не был. Вы проведете меня?

— Могу, но если это не вы, то кто же?

— Наш общий враг.

— Странно, — сказала тогда Астана, — мне казалось, я вполне узнала противодействовавшую Силу. Она весьма и весьма походит на вашу.

— Вот именно. Откройте двери зеркал, миледи. Нам нельзя терять ни минуты.

Астана сделала со своей стороны зеркало проницаемым и, когда Мьяонель оказался в ее дворце, провела его по лесным дорогам, ведомым ей одной, к окраине континента. Остановившись на склоне старой горы, они обратили взоры к северу и увидели, что значительная часть безлюдного полуострова скрыта бурым туманом, из которого проглядывают стволы и ветви деревьев, уже почти совершенно лишенные листьев. Тогда Мьяонель призвал свою Силу и протянул ее к умирающему лесу и сотворил колдовство, сути которого Астана не сумела понять, ибо не была сведуща в колдовстве Безумия. Однако, если прежде она подозревала, что все поведение Мьяонеля — лишь ловкий трюк, то теперь была вынуждена признать, что он и в самом деле непричастен к гибели этого леса. Ибо она увидела рядом Силу Мьяонеля и Силу, которая поселилась в лесу: они были похожи, но и только.

— Что это, милорд? — Спросила Хозяйка Деревьев.

Сказал Мьяонель:

— К сожалению, именно то, чего я опасался.

Затем он добавил:

— Позвольте, я расскажу вам кое-что. Из некоей книги, повествующей о различных областях Царства Безумия, узнал я об узнике, содержащемся в одной из таких областей. Его титул — Повелитель Порчи, а имя — Мирэн. Я освободил его и вынудил на время стать моим союзником; позже, в последней битве, Келесайн Майтхагел убил его. Однако в Книге Безумия говорилось, что каким бы образом не убивали прежде Мирэна, всегда вновь возрождался он через довольно-таки непродолжительное время и очень быстро входил в полную Силу. Даже для того, чтобы изгнать его из пределов Сущего, его прежним врагам пришлось уничтожить Земли, где обитал он.

— Так это ваш союзник? — Облегченно вздохнула Астана. — В таком случае прикажите ему убраться отсюда, да поскорее!

— Боюсь, все не так просто, миледи, — сказал Мьяонель. — Мирэн не станет слушать меня. Как и я, он — из числа Владык Безумия, однако он, в отличие от меня, полагает, что разум — плохое подспорье в наших делах и оттого избегает пользоваться им. Я вынудил его принять упорядоченную форму и действовать согласно моим интересам, но ныне Мирэн освобожден от всех цепей. Ибо наш договор ограничивался временем, пока длится война, а она завершена и мир скреплен клятвой.

— Значит, следует изгнать его, — сказала Астана.

— Вы хотите разрушить Эссенлер? — Спросил ее Мьяонель. — Это единственный способ изгнать его.

— Что же, вы предлагаете мне закрыть глаза на происходящее и смириться с потерей еще одной части моих владений?

— Нет, миледи. Ибо если мы просто уйдем прочь, забыв о Мирэне, он станет распространяться до тех пор, пока не поглотит все Рассветные Земли, и все, что есть в них, и всех Обладающих. Ибо Мирэн — Порча, и он даже не утруждает себя тем, чтобы хотя бы казаться имеющим разум. Ни изгнать, ни договориться с ним мы не можем. Убьем его — он возродится снова.

— Будь ты проклят, — сказала тогда Астана. — Это ты привел его сюда и вверг нас в эту беду! Как и в случае с клинком, поразившим Ангела-Стража, ты вновь создал нечто, с чем сам совладать не в силах, но что грозит погубить многих.

Мьяонель же ответил на это:

— Ваш упрек несправедлив. Что до клинка, то не менее меня виновен в создании его Келесайн Майтхагел и другие, помогавшие ему. Если бы не их неумелая работа, другим бы был результат моего волшебства. Что до

Мирэна, то я надеялся, что в ходе войны никто не сумеет убить его. Пока длилась война, он оставался в моем подчинении, а ближе к ее исходу я намеревался увести Мирэна из этого мира и прикончить его в каких-нибудь пустынных Землях, или, может быть, в Преисподней — и пусть бы тогда Князья Ада раздумывали, как избавиться от этой напасти!

— Но вышло иначе, — сказала Астана. — И, похоже, раздумывать придется нам, а не Адским Князьям.

— Раздумывать?! — Переспросил Мьяонель. — Нет, только не это! От этого мыслительные части, помещающиеся у меня в черепе, начинают шевелиться и кусать друг друга. Лучше уж...

Астана с опаской посмотрела на него, как на сумасшедшего.

Впрочем, он и был сумасшедшим.

— ...Лучше уж, — продолжал Мьяонель, — немедленно привести в действие тот блестящий, гениальный, превосходнейший план, который только что пришел ко мне в голову.

— Что же это за план?

— Мы не станем ни изгонять, ни убивать Мирэна. Мы воспользуемся тем, что он отвергает разум и обманом его. Пока еще здесь собрана не вся его Сила; мы остановим ее на этом уровне и запрем Порчу, пока еще не имеющую какого бы то ни было олицетворения, в пределах этого леса. Наша магия противоположна, миледи, и вместе мы сможем сотворить заклятье, которое совместит в себе наиболее сильные стороны нашего колдовства.

— Я все еще не понимаю, милорд, — сказала Леди Астана, — каким образом вы собираетесь осуществить это и какой видите мою роль.

Сказал Мьяонель:

— Хотя Мирэн и Владыка Бреда, но, проявляясь в Сущем, он вынужден до известной степени подчиняться законам Сущего — по крайней мере, до тех пор, пока не наберется достаточно силы, чтобы преодолеть эти законы. Когда у Мирэна есть выбор, какую из предложенных вещей проглотить в первую очередь, он выбирает ту, которую проглотить легче всего, и, усилившись, принимается за следующую. Поэтому мы предложим ему пищу, и пищи этой всегда будет в изобилии вокруг него, и получить ее будет легче легкого.

Сказала Астана:

— Что же, вы предлагаете откармливать его «на убой»? Но что это даст? Мирэн быстро усилится и поглотит и нас с вами, и весь этот мир.

Сказал Мьяонель:

— Нет, ибо он будет пожирать себя самого. Я собираюсь изобрести

болезнь, которая станет пожирать Порчу. А, пожирая Силу Мирэна, эта болезнь, это заклятье будет превращаться в свою противоположность и вновь давать ему жизнь.

Сказала Астана:

— Я по-прежнему не понимаю. Если вы способны изобрести нечто, что будет пожирать самого Мирэна, почему бы попросту не остановиться на этом?

Сказал Мьяонель:

— Потому что подлинная Сила Мирэна покоится в Царстве Бреда и прорывается в Сущее так, как выгоднее и удобнее ей — так же, как реки текут вниз, а не вверх. Но если я начну поглощать энергию, исходящую от Мирэна, он либо подыщет себе другую дорогу в Эссенлер, либо изменит способы своего проникновения. Ведь бывает так, хотя и редко, что вследствие особенных условий местности реки на какой-то части пути начинают течь вверх, а не вниз. Поэтому наше заклятье будет не только поедать Мирэна, но и кормить его. Пусть наше заклятье станет подобным растению — ибо именно этот атрибут волшебства имеется и у вас, и у меня. Я дам заклятию корни, которые будут поглощать Порчу, а вы, миледи — листья и плоды, которые будут питать ее.

Так они и поступили. И это возымело действие, ибо Мирэн, отказываясь от индивидуальности и во всем уподобляясь чистой Силе, принимал не только все преимущества, но и недостатки, связанные с таким состоянием. Ведь ловушка, устроенная Астаной и Мьяонелем, была чрезвычайно проста, однако понять это могло лишь существо, наделенное разумом. Повелитель Порчи рвался в Рассветные Земли; никто не препятствовал ему и в Эссенлере для него всегда было вдоволь доброй пищи, однако он не усиливался и не продвигался ни на шаг.

И хотя Астане пришлось отказаться от части своих владений, вряд ли это можно назвать высокой ценой за сохранение целого мира.

Однако история на сем не кончилась. Через несколько лет, когда Восседающие в очередной раз собрались во дворце Джордмонда-Законника, и Хозяйка Деревьев подробно рассказала об этом происшествии, поднялся Лорд Зерем и сказал так:

— Трудно в это поверить. Слышал я о войнах между Владыками Бреда, но никогда не слышал, чтобы один из Владык Бреда вступил в противостояние с другим, защищая нечто упорядоченное. Это противоречит самой их природе.

Сказала Астана:

— Не хочешь ли ты сказать, что я лгу? До недавнего времени была я

последней в числе тех, кто стал бы защищать Хозяина Роци. Однако я видела своими глазами то, что видела, и не могу отрицать увиденное.

Сказал Келесайн мягко:

— Леди Астана, мы не сомневаемся в истинности вашего рассказа, мы сомневаемся лишь в том, верно ли вы истолковываете увиденное.

Удивилась Хозяйка Деревьев. Сказала она:

— Как же еще можно истолковать все это?

— Скорее всего, Мьяонель сначала навел порчу на этот лес, — ответил ей Келесайн, — а потом, заручившись вашей поддержкой и сделав вид, будто бы противостоит некоему противнику, полностью захватил его. Теперь полуостров — проклятое место, он более не принадлежит вам, но в нем властвуют силы, которые слишком уж похожи на те, коими повелевает Хозяин Безумной Роци. Возможно, там и в самом деле поселился Мирэн — но я ни за что не поверю, что Мьяонель бессилен что-либо предпринять против своего вассала. Также я не верю в их ссору. Мьяонель обманул вас, миледи, вынудив участвовать во всем этом и таким образом формально избежав нарушения клятвы.

Молвила Астана:

— Вы сказали «не верю». Это означает, что у вас нет никаких доказательств всех этих обвинений. Хотя ваши слова заставили меня усомниться, но, вспоминая нашу встречу с Хозяином Роци, я не нахожу в его поведении ничего, что указывало бы на обман.

Сказал Архайн:

— Вот как?! А не кажется ли вам, что так и должно быть?! Мьяонель — лжец, убийца и лицемер; вы же, миледи, чисты и доверчивы, и ему ничего не стоило обмануть вас.

Сказал ему Джеренион:

— Предвзятость — не самый лучший помощник в подобных суждениях. Милорд Архайн, мы все знаем, как вы ненавидите Хозяина Роци, но, как мне кажется, нынче мы пытаемся установить истину, а не изыскать новый повод для войны с Мьяонелем.

Архайн впился в лицо молодому Лорду ненавидящим взглядом, но не нашел ничего, что ответить.

Сказал Келесайн Майтхагел:

— Что ж, давайте попробуем установить истину. Всякое дерево узнается по плодам его. Вспомните дела этого Лорда и вы увидите, где правда. Без всякой причины Мьяонель вторгся в наши владения и завладел частью их. Без всякой причины он убил Комета, сына Архайна, и еще многих других, не имевших никакого отношения к нашей войне. Захватив

в плен наших учеников, он жестоко измывался над ними и унижал их. Ради достижения цели он был способен на все — вспомните клинок, погубивший Стражей — клинок, от ярости которого нас спасла лишь случайность! Таковы дела Мьяонеля. Он склонен к коварству, обману, жестокости и низости. А ведь эти качества плохо сочетаются с благородством, каковое благородство некоторые из вас хотели бы приписать ему.

Ирвейг слушал все это с молчаливой усмешкой. «Конечно, без всякой причины вторгся сюда Мьяонель, — думал он. — Когда он пришел в Эссенлер в первый раз, ты, Келесайн, своей рукой убил его. Тарнааль убил Селкет, его родственницу, а еще раньше мы убили другого его родича, Гасхаала. После Мьяонеля и Селкет вместе с Безумной Рощей сожгли мы также и дроу, пришедших в Эссенлер потому, что они доверились Мьяонелю... Но нет, Лорд Келесайн, конечно же, решительно никаких причин не было у Мьяонеля для войны с нами!»

И хотя последнее слово осталось за Повелителем Молний, Совет по-прежнему бездействовал и не желал предпринимать ничего против Владыки Бреда до тех пор, пока не появятся явные доказательства его вины.

Вскоре после того собрания, когда Келесайн пребывал в своих колдовских покоях в Грозовой Цитадели, ему доложили о появлении нежданного гостя. Это был Лорд Зерем. Подивившись столь необычному визитеру (ибо они никогда не были друзьями), Келесайн приказал впустить его.

Войдя, Зерем приветствовал его и пожелал говорить с хозяином Цитадели наедине. Когда слуги и ученики покинули комнату, сказал Повелитель Бестий:

— Келесайн, на многие вещи мы смотрим по-разному, однако у нас с тобой есть кое-что общее. Я вижу, что ты, в отличие от прочих членов Совета, не спешишь доверять прохвосту, которого мы вынуждены терпеть в Рассветных Землях. Я полагаю, что ты был бы не прочь избавиться от него и, если бы не клятва, давно предпринял бы что-нибудь в этом направлении. Я думаю, ты понимаешь, что тот лес, где Мьяонель будто бы «пленил» своего вассала — это только начало. Наверняка не сегодня-завтра «неожиданно» случится еще какая-нибудь «беда» такого же рода — и Мьяонель снова самоотверженно «спасет» нас. Потом беды будут случаться все чаще и чаще, Совет станет все больше доверять Мьяонелю и никто не будет замечать, что все больше владений попадают под его власть — тайную или явную.

Сказал Келесайн:

— Что толку говорить об этом? Они не поверят, пока тьма и безумие не пропитают насквозь Рассветные Земли.

Сказал Зерем:

— Не думаю, что они и тогда поверят. Что мы знаем о Владыках Бреда? Кто может поручиться, что Астана или Джеренион, или Ирвейг уже не отравлены его ядом? Ведь могущество Владык Бреда кроется прежде всего в воздействии на разум и душу. Можешь ли ты быть уверен, что его колдовство уже не начало изменять Восседающих?

Сказал Келесайн:

— Что ты предлагаешь? Мы не можем напасть на него — его оберегает клятва.

Сказал Зерем:

— Ты полагаешь? А давай-ка припомним, что мы обещали. Мы обещали не мстить — но мы не мстим, а всего лишь принимаем меры против будущей угрозы. Мы признали права Мьяонеля и его союзников на захваченные земли — но ведь мы покушаемся не на земли, а на жизнь Хозяина Роци. Мы обещали не нападать первыми — но ведь Мьяонель уже нарушил клятву, обманом захватив часть земель Астаны, а значит и у нас развязаны руки, по крайней мере — в отношении Хозяина Роци.

Сказал Келесайн:

— Ты предлагаешь убить только его одного?... Да, это правильное решение, ибо остальные его союзники поодиночке нам не страшны. Но есть одно препятствие, Зерем. Даже если ты, я и Архайн неожиданно обрушимся на замок Мьяонеля, мы не сможем быстро захватить его. Он призовет своих союзников и обратится к Совету, который, в свою очередь, будет вынужден отвергнуть нас и даже помочь Мьяонелю — ибо формально окажемся нарушившими клятву мы, а не он.

Сказал Зерем, повторив то, что когда-то говорил Огненной Танцовщице Ягани:

— Иногда следует отступить от буквы закона — ради его духа.

Усмехнулся Келесайн, услышав эти слова:

— Можешь не рассказывать мне об этом. Ибо я долгое время был священнослужителем в своем родном мире и знаю о букве и духе закона куда больше тебя. Мне не раз приходилось сжигать мужчин и женщин, которые не совершили ничего дурного — но только лишь потому, что не успели совершить. Я видел печати Мастера Леонардо, Повелителя Зла, на их душах, и знал, что если оставить этих людей на свободе, они начнут наводить порчу, насылать болезни и потом за плату излечивать их, убивать

младенцев в материнских утробах, портить посевы, заниматься всевозможным чернокнижием и соблазнять невинные души. Поэтому, скрепя сердце, был вынужден я посылать их на казнь. В начале я еще проявлял преступную жалость — и что же? Вместо одного негодяя умирало десять невинных людей. Поэтому я полагаю, что следует уничтожить Владыку Безумия прежде, чем сойдет с ума весь этот мир. Даже только лишь за то, что он покровительствует дроу, следует предать его смерти. Я знаю, за что были осуждены богами темные альвы. Нельзя допустить, чтобы эта раса возродилась, ибо возрождение ее будет означать гибель человечества и, может быть, еще многих других народов. Не надо уговаривать меня, Зерем. Ты дурной соблазнитель. Ты туп и жесток, и я хорошо знаю тебе цену. Но даже и твоя звериная жестокость — не такое уж большое зло, по крайней мере, до тех пор, пока в мире существуют лжецы и негодяи вроде Мьяонеля или Леонардо.

«О, ты даже не подозреваешь о том, на что в действительности способен их извращенный ум, мой святой друг, — думал, слушая Келесайна, Лорд Зерем. — Как-то раз я гостил в Преисподней, во дворце Баалхэаверда. Там был Мастер Леонардо и за обедом он рассказал нам превеселую историю. Узнав, что ты пытаешься в Клэреше, своем родном мире, создать некое идеальное общество, Мастер Леонардо весьма заинтересовался этим. Когда ты стал сжигать чернокнижников, Леонардо, развлекаясь, начал метить своими печатями совершенно невинных людей. Обнаружив метку, ты, естественно, тут же волок «чернокнижника» на костер. На твоих руках не меньше невинной крови, чем на моих, о Лорд Келесайн. Ну и посмеялись же мы тогда во дворце Баалхэаверда!»

Вслух же Зерем сказал:

— Так или иначе, но если ты согласен со мной, нам следует придумать, как застать Мьяонеля врасплох.

Сказал Келесайн:

— У меня нет на этот счет никаких идей.

Сказал Зерем:

— А у меня есть одна мысль. Я слышал, что с помощью некоего магического инструмента, называемого Зеркалом Судьбы ты можешь видеть, как прядутся нити времени. Загляни в прошлое Мьяонеля, и посмотри, нет ли там чего-либо, что укажет нам, как действовать. Возможно, существуют какие-то вещи, посредством которых можно уничтожить, изгнать или хотя бы ограничить его Силу. Возможно, у него есть могущественные враги, которые многое отдали бы за то, чтобы найти его.

Сказал Келесайн:

— Не знаю, улыбнется ли нам удача, но попробовать стоит. Приходи через несколько дней.

По прошествии этого времени Зерем посредством колдовского зеркала связался с Келесайном и спросил его, нашел ли тот что-нибудь; Келесайн же сказал: «Пока ничего» и наскоро попрощался. Зерем подождал еще два или три дня и повторил попытку, однако в ответ услышал все то же: «Ничего». После седьмого «Ничего» терпение его лопнуло. Подозревая, что Келесайн отыскал некое могущественное оружие, секретом которого не желает делиться, Зерем без приглашения прибыл в Грозную Цитадель и не уходил от ворот до тех пор, пока раздраженный хозяин наконец не впустил его.

Когда они остались одни, в восьмой раз повторил свой вопрос Повелитель Бестий.

— Глупец, — сказал ему Келесайн. — Ты сам — лжец и оттого всех подозреваешь во лжи. Я не отыскал в прошлом Мьяонеля ничего, что могло бы помочь нам. Я смог проследить его путь до той поры, как он стал Обладающим Силой, но не нашел ни значительных поражений, ни каких-либо явных уязвимых мест. У него есть несколько могущественных врагов, однако обращаться к ним бесполезно, ибо они знают о Мьяонеле еще меньше нашего. Например, Йархланга, Повелителя Падали, одного из Лордов Темных Земель, Мьяонель сначала подчинил себе, а потом, не иначе, как по какому-то капризу, освободил от оков своей воли. Полагаю, Йархланг мог бы стать нашим союзником в новой войне, но я бы погнушался таким союзником, да и пользы от него будет немного. Немногим отличаются от Йархланга и другие враги Мьяонеля. Увы, Зерем, неудачливой оказалась твоя идея.

Но сказал Повелитель Бестий:

— Если мы не можем действовать силой, надлежит обратиться к хитрости. Говоря об уязвимых местах, я вовсе не имел в виду только лишь какие-нибудь предметы или Лордов, которые знают о Мьяонеле нечто

тайное. Уязвимым местом может быть и привязанность. Нет ли у Мьяонеля чего-либо такого, что он ценит более всего на свете, что отнимает у него разум и может заставить забыть о всяческой осторожности?

Некоторое время размышлял Келесайн, а потом сказал так:

— Мне кажется, что нет. Его душа холодна; выбирая свои привязанности, друзей или женщин, он относится к ним так, как будто бы в любое мгновение может потерять их. В этом нет ничего странного: если он — ван, как он сам утверждает, то он должен помнить зарю мира и бесконечно долгие времена, следовавшие за тем. Ничего удивительного, что он научился терять. Удивительно, что он вовсе не разучился любить.

Сказал Зерем:

— Ты говоришь так, будто бы, вникнув в прошлое Мьяонеля, перестал считать его своим врагом.

Сказал Келесайн:

— Я никогда не считал его врагом, ибо у меня вовсе нет врагов. Есть существа, от которых Сущее должно быть избавлено — и я один из немногих, кто вполне понимает и покорно несет это бремя. Изучая прошлое Мьяонеля, я пришел к мысли, что прежде — до того, как стать Лордом — он был не так уж плох. Как ван, он не был лучше или хуже любого другого живущего. Однако с тех пор как он обрел Силу, в нем поселилось Безумие, которое стало использовать оболочку прежнего Мьяонеля для своих целей. Поэтому может возникнуть иллюзия, что ничего не изменилось и Мьяонель остался таким же, каким был когда-то. Но это не так. Его истинный облик — отвратителен и более чем красноречиво свидетельствует о его истинной природе. Я борюсь с Безумием, которое правит Мьяонелем, а не с ним самим, но, к сожалению, их нельзя разделить, и уничтожить Безумие можно только с тем, в ком воплощено оно.

Сказал Зерем:

— Меня успокаивают твои слова, ибо я начал уж было опасаться, не переметнулся ли и ты в стан друзей этого проходимца. Вернемся, однако, к уязвимым местам. Ты сказал, что наш враг не разучился любить. Кого же он любит?

Сказал Келесайн:

— Колдунью из Башни Луча, чародейку Ролу. Однако эта любовь — не страсть. Он не слишком-то часто приходит к ней, и, хотя они и делят ложе, во многом они — более друзья, чем влюбленные.

Спросил Зерем:

— Есть ли у нее другие любовники?

Сказал Келесайн:

— Нет. Изредка она предается любви с демонами, ибо не считает это изменой. Мьяонелю, впрочем, нет до этого никакого дела, и, если бы она спала с другими мужчинами, или с женщинами, или с животными, полагаю, ему не было бы дела и до этого.

Сказал Зерем:

— Странная это любовь.

Сказал Келесайн:

— Она нечиста, как и вся его Сила.

Рассмеявшись, добавил Зерем:

— Либо же это — свидетельство о природе ванов, которая извращена изначально. Но, как бы там ни было, такая любовь нам не нужна. Есть ли другая?

Сказал Келесайн:

— И да и нет. Обретя Силу, Мьяонель потерял сердце, но впоследствии купил сердце у влюбленного юноши, Тайленара, обещав юноше отомстить за него. Это сердце страстно любило девушку по имени Айнелла, и зов его превозмог все — и волю Мьяонеля, и его безумие. Повинуясь этому зову, Мьяонель желал обладать Айнеллой, но она отказала ему и покончила с собой.

Сказал Зерем, потирая руки:

— Великолепно! Это именно то, что нам необходимо! Но почему Мьяонель не воскресил ее?

Сказал Келесайн:

— Я не знаю. Ибо не все поступки и уж тем более — мотивы поступков можно прочесть по пряже времен. Но как раз это решение легко объяснить. Мьяонель любил ее больше себя и ставил ее желания превыше своих собственных. Он бы не стал брать Айнеллу силой, или отнимать у нее воспоминания о Тайленаре. Воскреснув, она бы снова стала терзать себя, возможно — снова бы попыталась свести счеты с жизнью. Что же, ответь, могло быть лучше для нее, чем отдохновение в Стране Мертвых перед новой жизнью?

Хихикнув, сказал Зерем:

— И в самом деле!.. Но вот что я скажу обо всем этом: нам следует немедленно найти душу Айнеллы, воскресить ее и использовать против Хозяина Роши.

Поморщившись, сказал Келесайн:

— Мне бы не хотелось этого. Когда я проник в прошлое Мьяонеля и увидел этих двоих — Тайленара и Айнеллу — то передо мной будто бы на

мгновение развернулся весь мир — такой, каким он должен быть. Я жалею их обоих, и юношу и девушку, и не желал бы в нашем деле использовать их.

Сказал Зерем:

— Право же, Келесайн, твоя мнимая святость иногда заставляет меня хохотать, а иногда — скрежетать зубами от бешенства. Подумай сам, что тебе легче сделать: обречь гибели весь Эссенлер, или «использовать» всего лишь одну девицу, которая, ручаюсь, и сама с превеликой радостью согласится способствовать нам против Мьяонеля, как только узнает, кто погубил ее возлюбленного?

И, приводя подобные аргументы, Творец Чудовищ в скором времени убедил Келесайна в том, что им надлежит поступить именно так, а не иначе. Да и Повелитель Молний не особенно-то спорил с ним, ибо и сам придерживался мнения, что допустить меньшее зло ради большего добра — не грех, но, скорее, необходимость.

Они приступили к поискам души Айнеллы, однако оказалось, что не так-то легко отыскать ее. Не обнаружили они Айнеллы ни в Стране Мертвых, ни среди живущих (полагая, что она могла вновь родиться в каком-нибудь другом облике), и лишь вновь использовав Зеркало Судьбы, смогли напасть на след ее.

А ведь не следует забывать, что время, когда умерла Айнелла, недалеко отстоит от времени, когда были изгнаны боги. В те дни во всем мироздании, в Сущем и иных Царствах гремели войны, о которых немного знают люди и альвы. Ибо прежние вассалы богов — Обладающие Силой, разные могущественные духи, Великие Демоны, младшие боги и полубоги делили между собой различные сферы влияния, проводили новые границы в небесах и аду, сражались за право владеть потоками энергий, которые ранее контролировали одни лишь шестеро Истинных. Оттого в некоторых Царствах наступила совершеннейшая анархия — до тех пор, пока перераспределение не закончилось, и сильные не взяли своего, а слабые — не унизились перед сильными. Так, когда сгинул Бог Мертвых, многие из Владык Ада из областей, соседствовавших с Страной Мертвых, стали отрывать части от прежней вотчины смерти и присоединять их к своим владениям, или перенаправлять незримые реки энергий, по которым текли души в эти миры, в свои владения. Естественно, каждый из них при этом стремился захватить те земли и те энергии и те души, которые по сути своей хоть в какой-то степени согласовывались с его собственной Силой.

Поэтому-то и не удивились Зерем и Келесайн, наконец найдя Айнеллу

— но не в Стране Мертвых, а в Преисподней, во владениях Гарасхэна, Повелителя Отчаяния. Смерть не отняла у Айнеллы память и не дала ей отдохновения — нет, в вечную пытку превратил Гарасхэн то состояние души Айнеллы, в котором она свела счеты с жизнью. Гарасхэн собирал души, подобные ей — самоубийц и иных людей, умерших в отчаянии — и, как драгоценными светильниками, украшал этими душами свой дворец и сады, и от энергии, которую излучали души, питал свою Силу.

Ни Зерем, ни Келесайн не стали и пытаться отнять у него эту душу. Ибо магия Царств различна, и если Келесайн, один из сильнейших Лордов Небес и Сущего, на своей земле смог бы без труда одолеть Гарасхэна, то в Аду иным было бы соотношение их сил. Зерем, знакомец многих Адских Князей, попытался было вступить с Гарасхэном в переговоры, чтобы обменять Айнеллу на кого-нибудь из живущих, но ничего не сумел добиться. Лишь при посредстве Галлара, короля джинов, удалось заполучить ее. О том же, как вырвался Галлар из темницы, созданной для него Гюрзой и Каскавеллой, и какова была сущность его тесной связи с Владыками Ада, будет рассказано в другой раз.

Заполучив душу Айнеллы, Келесайн искусственно провел ее через те превращения, которые проходит душа после смерти, излечил ее и очистил от боли. После того душа Айнеллы была помещена в утробу некой женщины, жившей в предместьях Кольмениона, и, по истечении известного времени, покинула материнское лоно — в теле новорожденной. Родители, не ведавшие ничего о замысле Зерема и Келесайна и не подозревавшие ничего особенного в своей дочери, назвали ее Ранхильд.

Прошло двадцать лет. Девочка выросла и стала на удивление красивой и стройной женщиной. Она ничего не помнила о своей предыдущей жизни, новая же ее жизнь не была омрачена никакими бедами или неудачами — как будто бы кто-то незримый во всем покровительствовал ей. Хотя она была из бедной семьи, благодаря стечению счастливых обстоятельств она обучилась грамоте и наукам, и, по совершеннолетию, поступила в высшую школу, где, помимо прочего, обучали и колдовскому Искусству. Без больших денег и связей поступить в эту школу было невозможно; но у Ранхильд неожиданно отыскивались богатые и известные покровители, о которых она ничего не знала и причину расположения которых не могла понять. В школе среди учеников ходили слухи, что эти покровители — ее любовники, но это было не так, ибо они сторонились ее и, оказывая те или иные благодеяния, более не вспоминали о ней и не следили за ее успехами, как будто бы помогали не по собственной воле, но выполняя чье-то повеление.

Когда ее обучение близилось к завершению, Келесайн лично, уже без посредников и следящих заклятий, встретился с ней. Поначалу он не открыл ей своего подлинного имени, но пробудил часть ее памяти и этим навсегда заставил забыть о той беззаботной жизни, которую она доселе вела. Богатство, появившееся неизвестно откуда, по-прежнему сопровождало ее, но отныне она не находила в прежних невинных удовольствиях хоть сколько-нибудь радости. Вино казалось ей уксусом, люди — фальшивыми марионетками, день — сумерками, любовь — чем-то потерянным и невозможным. Повелитель Молний не торопился окончательно пробуждать ее память — он опасался, что это может снова заставить ее свести счеты с жизнью. Однако Ранхильд-Айнелла чувствовала, что связана с Келесайном чем-то большим, чем просто золото или беззаботная жизнь; она смутно чувствовала, что в его руках — ключи к ее душе и к ее прошлому. Она стала подозревать, что уже не впервые живет на свете.

В это время ее и познакомили с Мьяонелем. Прделано это было искусно — так, чтобы Хозяин Роши ничего не заподозрил. О некоторых его визитах в человеческие города нетрудно было узнать заранее, а подстроить так, чтобы Ранхильд в нужное время пересекла его путь — и того легче.

План блестяще удался. Мьяонель, встречаемый с почетом у ворот Кольмениона бургомистром и представителями городской аристократии (прошедшие десятилетия сильно изменили к нему отношение его ближайших соседей), лишь мельком взглянул на Ранхильд — и тут же вновь перевел на нее взгляд, чувствуя, как наливается сладостной болью застывшее в груди сердце. Ранхильд была выше Айнеллы и ничуть не похожа на нее лицом, но сердце Тайленара узнало ее, как узнало бы в любом облике. С этого момента Мьяонель обращал внимание не столько на знатных сановников, собравшихся встречать его, сколько на девушку из толпы. Сановники не могли не заметить этого и поспешили сим обстоятельством воспользоваться, надеясь расположить могучего соседа в свою пользу. На торжественном обеде, происходившем в здании муниципалитета, Хозяин Безумной Роши был познакомлен с молодой колдуньей, которой, без сомнения, весьма польстило внимание одного из самых могущественных Лордов Эссенлера. Вскоре Мьяонель увез ее в свой замок. Он так сильно любил ее, что это казалось безумием, но перед этим безумием был бессилен сам Владыка Бреда. Ранхильд же не любила его, но только отвечала на любовь, однако Мьяонель, ослепленный страстью, не замечал этого. Впрочем, он не хотел замечать и многого

другого, ибо, поистине, в те дни превратился в раба своей любви. Был заключен брак, и была сыграна свадьба.

С Ролой же Мьяонель расстался. И хотя расставались они как будто бы друзьями (ведь никогда не давали они друг другу никаких обязательств), кто расскажет нам, отчего долгие часы провела на вершине своей башни колдунья Рола, и отчего прозрачные дорожки слез пересекали лицо ее?

Вскоре после свадьбы Ранхильд захотела вернуться в Кольменион, чтобы закончить обучение. Мьяонель, не желая расставаться с нею, предложил сам обучать жену Искусству. Она не отвергла предложенное, но заявила, что хотела бы иногда отдыхать от мрачного замка и жить своей прежней жизнью. Мьяонель отпустил ее, ибо ни в чем не мог отказать ей.

— Так же, — сказала Ранхильд, — я бы хотела, чтобы ты пообещал мне, что не станешь следить за мной и интересоваться тем, чем я занимаюсь в городе. Ибо, несмотря на все нежные чувства между нами, иногда твое внимание становится чересчур назойливым, а мне бы не хотелось, чтобы ты сопровождал меня даже и в этих коротких отлучках, пусть даже и незримо.

И Хозяин Безумной Роши, признавая правоту ее слов, поклялся ей в этом.

В Кольменионе Ранхильд встречалась к Келесайном и Зеремом. Там же она познакомилась и с другими участниками заговора. Постепенно ее память полностью раскрылась, и бывшая привязанность к мужу превратилась в искусную игру, а зарождавшаяся, еще слабая любовь — в жгучую ненависть. Ей стало трудно играть свою роль, хотя, и Ранхильд хорошо понимала это, если она желает отомстить, ей придется доиграть роль до конца. Однако копившаяся ненависть требовала выхода и однажды в богатом доме, купленном Келесайном, она неожиданно оборвала разговор и показала пальцем на одного из его учеников — Танталя.

— Это мальчик пойдет со мной и в соседней комнате разделит со мной ложе, — сказала она. Поначалу собравшиеся подумали было, что ослышались. Ранхильд же стояла на своем.

— Что за нелепое требование? — Изумился Повелитель Молний.

Сказала Ранхильд:

— Нелепое или нет, но вы примите его, если по-прежнему рассчитываете на мое сотрудничество. Я хочу отдохнуть от объятий гнусного чудовища, которого ненавижу всем сердцем.

Все молчали, не зная, что сказать, и даже Лорд Зерем, никогда не бывший сторонником строгой нравственности, был немного удивлен. Все же требование Ранхильд пришлось исполнить, ибо и в самом деле, она

была нужна Лордам более, чем они ей. Танталь также не противился ее выбору.

Она предавалась любви неистово, но ненависть, а не любовь, была причиной тому. Изменяя клятвам, которые они с Мьяонелем дали друг другу, она испытывала сильнейшее наслаждение, более острое, чем судороги страсти. Так она мстила убийце Тайленара, ибо пока не могла отомстить иначе.

Дав выход своей ненависти, она на время снова становилась способной к роли, отказаться от которой пока не могла. Мьяонель же ничего не подозревал. Искусный колдун, Обладающий Силой, один из Владык, ван, видевший, как тысячелетия, словно песок, текут сквозь пальцы — он стал слеп, как семнадцатилетний юнец. Он обучил Ранхильд многим секретам колдовского искусства и поведал ей многое о природе Сил и Стихий. Так же он показал ей ключи от всех заклинаний, работавших в его замке и не скрывал от нее ничего из тех приемов, которыми пользовался в своей волшбе.

И вот, настал день, выбранный заговорщиками для осуществления их плана. Пока Мьяонель увлеченно работал в лаборатории, Ранхильд, позаботившись заранее, чтобы в замке не было никого из друу (ибо они могли почувствовать неладное), сотворила волшебный путь и провела в цитадель Лордов во главе с Келесайном. Затем она позвала своего мужа. Охранные заклятья ни о чем не предупредили Мьяонеля, а его Сила в тот час не была с ним. Когда он вошел в тронный зал, Лорды, наконец, обнаружили себя. Во мгновение ока составили они круг и соединили свою власть, в центре же круга оказался хозяин замка. Увидев их, он попытался было вызвать свою Силу, но объединенное могущество Лордов превозмогло ее. Вот имена их: Лорд Архайн, Лорд Имрадим, Леди Данира, Лорд Галлар, Лорд Зерем, Лорд Келесайн Майтхагел, Лорд Навранд. Еще были с ними Джезми и Танталь, ученики Келесайна, и Дайнеан, ученик Зерема. В те дни их еще не называли Лордами. Увидев Ранхильд, понял Мьяонель, что предан.

Спросил он, глядя в глаза той, которую любил больше жизни:

— Почему?

Сказала Ранхильд:

— Когда-то меня звали Айнеллой. Ты убил моего возлюбленного. Ты забрал его сердце и выпил его душу. После того ты обманул меня и желал обманом заполучить мою любовь. Наверное, ты полагал, что твое могущество защитит тебя от какого бы то ни было возмездия. Ты ошибался. Ибо то, что теперь будет с тобой — именно возмездие.

Сказал Мьяонель:

— Я любил тебя.

Сказала Ранхильд:

— Украденной любовью. Я же тебя — ненавижу.

Некоторое время Мьяонель молчал, а потом громко засмеялся. И был это — смех безумца, смешанный с плачем.

Сказал он:

— Гвехтинг, старая мошенница... если бы не умерла ты от меча Тайленара, то, клянусь, непременно отыскал бы я тебя и задушил бы собственными руками!.. Законы, по которым движется это мироздание, иногда безумны даже для меня, Владыки Бреда, ибо имя этим законам — глупость. Так, пытаюсь исправить одну ошибку, мы часто совершаем другую, еще большую. К чему мне Сила, если она лишила меня сердца? Зачем мне сердце, если оно убило женщину, которую я полюбил более всего? Зачем мне возлюбленная, если более всего на свете она ненавидит меня?...

Он опустил голову и долго молчал. Затем, вновь посмотрев на Ранхильд, сказал:

— Сердце Тайленара сгорело и стало пеплом. Более ты мне не интересна. Если мне суждено умереть — я умру свободным, а не рабом, пусть даже и у столь высокого господина, как любовь.

Более не сказал он ей ничего, но, усмехнувшись, обвел взглядом Лордов, пленивших его. Спросил Мьяонель:

— Ну, а вы — какое же вы оправдание найдете нарушению клятвы?

Сказал ему Келесайн:

— Это — наше дело. Достаточно тебе и того, что мы дали тебе несколько минут, чтобы прояснить кое-что о твоей семье. Теперь ты умрешь — так, как заслуживаешь.

Они уничтожили тело Мьяонеля и, сколь могли, его душу. Но, зная, что, будучи связан с Силой, он может рано или поздно возродиться, они заключили зерно его души в тесную оболочку и по волшебной дороге отнесли в Земли Изгнанников и бросили в тамошний круговорот жизни и смерти. Так сбылось давнее проклятие тирана Казориуса, которого Мьяонель сам некогда заточил в Земле Изгнанников. Взяв в жены Ранхильд, познал Мьяонель сладость рабства, преданный и плененный — вкус бессилия, а бремя ничтожества и горечь унижения ждали его в бессрочной ссылке в мире, где умирает всякое волшебство.

После того Лорды разрушили колдовской замок своего врага, уничтожили все проявления его Силы в Эссенлере и сожгли значительную

часть Безумной Роши. При этом были истреблены многие дроу, и в том числе — князь их, Кемерлин Отступник. Келесайн охотился за оставшимися и желал предать смерти и их — отчего-то он сильнейшей ненавистью ненавидел этот народ. Однако, совершенно истребить их ему не удалось, потому как дроу были охранены от его произвола многими Лордами, и в том числе теми, кто входил в число Восседающих.

Говорят, что когда огонь стих, и лишь дым и пепел остались от колдовского замка Мьяонеля, на тех развалинах видели сына Кемерлина, Герхальта, и будто бы долгое время провел он там, отыскивая что-то. Когда же покинул он руины, то будто бы унес с собой странное украшение — драгоценный камень, напоминающий рубин, свет в котором пульсировал, словно живое сердце.

Прошли годы и десятилетия. Кое-где лес восстановился, хотя, конечно, бывшая магия так и не вернулась в эти места. Развалины покрылись мхом и травой. О деяниях Лордов и героев складывали легенды и сочиняли баллады. Поскольку Совет к тому времени вновь распространил свою власть на земли, соседствовавшие с былой вотчиной Мьяонеля, то и создаваемые сказителями истории почти всегда были такими, какими их желали видеть Восседающие. Бывали, однако, и исключения, ибо многое еще в этом мире было несовершенно и ученикам Келесайна Майтхагела и ему самому предстоит еще много работы, чтобы превратить этот, да и другие миры Сущего, в обители порядка и бесконечной гармонии. Так, спустя почти столетие после гибели Мьяонеля находились еще люди, которые откуда-то узнавали о том, каковы были настоящие деяния его и каковы были обстоятельства его гибели. Некоторые поэты пленялись этими историями и даже пытались добраться до развалин его замка, но немногие возвращались из леса, окружавшего руины. Ибо остатки Безумной Роши по-прежнему таили в себе смертельную угрозу для незваных гостей, с какими бы благими намерениями не приходили они. Говаривали также, будто бы до сих пор обитают в этом лесу темные альвы — им-то часто и приписывали гибель людей, без вести сгинувших в немеречье. Однако находились и немногие, кто, возможно — чудом, возможно — благодаря странной прихоти дроу, проходили лес и достигали руин. Говаривали, будто бы там до сих пор таится что-то особенное, будто бы в воздухе до сих пор витает некий неуловимый аромат темного волшебства, аромат безумия и смерти, аромат чудес и поэтического вдохновения. Ибо любое творчество — это безумие, и музыкант, и художник, и стихотворец безумны еще более чем юродивые и больные, и безумны все те, кто внимает им, ибо любое творчество в своем основании

не имеет никакого очевидного смысла и никакой практической ценности.

Один из тех немногих, кому повезло достичь руин, прежде наслушавшись историй о Хозяине Роши и теперь, по-видимому, вдобавок еще надышавшись разлитого в воздухе тлетворного аромата, сложил такие стихи:

*Безумьем полон белый свет
Волна безумья — тьма.
Иного объясненья нет
И я схожу с ума.*

*Безумны звезды и луна,
Безумны небеса.
Плыву, безумию сполна
Доверив паруса.*

*Волны гонец, седой как снег,
Не раз мне говорил:
«Безумен каждый человек,
Что в этот мир вступил.»*

*Ты можешь этот мир спасти
Одним движеньем глаз
Согласно веки опусти -
И не разлучишь нас.*

*И плащ с плечей ее упал
Примяв застежкой рожь...
И понял я, что променял
Безумье — на него ж. [\[9\]](#)*

На сем заканчивается повествование о Безумной Роше и Хозяине ее, Лорде Мьяонеле. Однако, чтобы совершенно завершить эту летопись, следует рассказать еще одну, самую последнюю историю.

ЛЮБОВЬ

(история тридцать первая)

Влажные ручейки бегут по стеклу; неугомонный шелест дождевых капель заполняет пространство; дождь стучится в окно.

Нинель девятнадцать лет, у нее черные волосы и карие глаза, тонкая талия и нежная кожа. Она сидит у окна; ее глаза пусты, а взгляд устремлен в никуда. В дожде, несомненно, есть какое-то волшебство — Нинель знает это лучше многих. В такие дни она становится задумчива и молчалива, она почти не выходит из своей комнаты и почти ничего не ест. Время она также перестает замечать; в такие дни она оказывается будто бы отрезанной от остального мира и ее душой овладевают странные чувства, причину которых она не может понять. Тут смешано все — тоска и надежда, отчаянье и задавленная глухая боль. Тело пребывает под властью болезненной слабости, мысли текут вяло или вовсе исчезают, когда бездумный взгляд Нинель устремляется куда-то сквозь оконное стекло. Да, в дожде есть магия, но магия эта совсем не добра.

Нинель красивая девушка, у нее нет недостатка в ухажерах, и хотя она еще ни на ком из них не остановила свой выбор, Нинель живет не затворницей. Ее смех заразителен, у нее много подруг и друзей, она любит танцевать и сочиняет не самые плохие стихи в этом городе.

Но бывают дни — подобные этому, нынешнему, о котором пойдет речь — когда с ней происходит что-то странное. Она чурается людей и предпочитает проводить время в одиночестве. Она будто бы чего-то ждет — но чего именно, не знает и сама. Внешний мир с его радостями и многочисленными заботами начинает казаться ей чем-то нереальным, чем-то надуманным, своего рода искусной театральной игрой, скрывающей... что? Она не знает — что.

Стук копыт на мгновение приводит ее в чувство. Она наклоняется к стеклу и видит крытую карету, запряженную парой; извозчик кутается в плащ и подгоняет лошадей.

От окна пахнет сыростью, всегдашний фабричный смог прибит дождем к земле, только холод и влага сочатся из оконных щелей. Извозчик скрывается за углом, и Нинель, на короткое время избавленная от чар, снова оказывается в их власти.

Она будет сидеть здесь до позднего вечера, до тех пор, пока родители не позовут ее ужинать. Она съест что дадут, не заметив вкуса пищи, а потом вернется к себе. Ночью во сне она будет плакать, но почему и что ей снилось — утром она так и не сможет вспомнить.

Но до ужина, впрочем, еще час или два; у Нинель мерзнут руки и она плотнее закутывается в длинную шаль.

Дождь давно пленил ее. Даже захотев, вряд ли бы она сумела разорвать эту связь. Дождь — это слезы, которое небо проливает на землю, но кого оплакивают небеса? Нинель спросила, если б небо не было так далеко и могло бы услышать ее слабый голос.

...Внезапно чья-то тень закрыла окно; в следующее мгновение ставни широко распахнулись, впустив в комнату ветер и водопад холодных брызг. Нинель не вскрикнула — она не могла даже пошевелиться, ибо тот, кто вступил в ее комнату, не был человеком. Он был немного выше, чем положено человеку, но главное отличие заключалось не в этом. Его темная блестящая кожа казалась неестественной, она скорее походила на каучук или пластик, чем на брентную плоть. Ни единой морщины, ни единой капли жира, идеально стройная, соразмерная фигура. Лицо его также было красиво, но если тело этого существа могло привлечь женщину, то лицо мгновенно остудило бы любые плотские влечения. Тонкое и узкое, лишенное каких-либо изъянов, не имеющее ни одной детали (за исключением глаз), которые бы прямо указывали на его нечеловечность, оно, тем не менее, не могло принадлежать смертному. Как и тело, лицо было слишком, чересчур, неестественно совершенным, оно было идеально-бесстрастным и больше подошло бы каменной статуе, чем живому существу. Глаза лишь усиливали это противоестественное ощущение — их белок был темным, а радужка — черно-золотистой. И последняя деталь — два черных крыла за спиной. Они сверкали бриллиантами дождевых капель, но когда пришелец перешагнул через подоконник и уверенно встал на ноги, и на мгновение раскрыл крылья — как делают птицы, чтобы избавиться от воды, попавшей на оперенье — Нинель увидела, что отнюдь не все драгоценности наколдованы непогодой: в крыльях этого существа покоились настоящие драгоценные камни, светившиеся мягким серебряным светом.

Комната оказалась слишком мала для ангела; распахнув крылья, он свернул книжную полку и перевернул письменный столик. Впрочем, похоже, что все это его не слишком-то беспокоило; Нинель тоже. Вид пришельца пробудил в ней что-то; отдельные части ее души, находившиеся до сего дня в вывихнутом, неестественном положении, теперь будто

выправлялись и вставали каждая на свое место. Прежняя жизнь отступила, она и раньше напоминала Нинель бесцельный, однообразный спектакль, теперь же Нинель кое-что вспомнила о том, кем была прежде, чем пришла в театр.

«Но, если все это верно (думала она, поднимая голову и вглядываясь в лицо ангела), я должна испытывать хоть какие-то чувства. Почему же... почему я не чувствую ничего?»

И все-таки (досадуя на себя за то, что память, вернув ей часть воспоминаний, не торопится возвращать и всю силу прежних чувств) она спросила:

— Это... ты?

В ее «ты» заключалось очень многое; весь мир, все сущее, вместе с бездной и небесами, заключались в ее словах.

Сказал ей ангел:

— Нет. Нет, Нинель, которую прежде называли Соблазн и Королева Синего Тумана, о невинная убийца, ты ошибаешься. Воспоминания еще вернуться к тебе, и ты вспомнишь лицо того, с кем спутала меня; я же, о Нинель, всего лишь одно из его творений и один из его учеников.

Сказала Нинель:

— Я... я не понимаю. Почему ты называешь меня убийцей?

Сказал ангел:

— Потому что ты была причиной смерти моего создателя. Но вины твоей нет в этом, Нинель, ты не желала его смерти и не знала ни о чем, и поэтому я также называю тебя невинной.

Сказала девушка:

— Страшны твои слова.

Сказал ей ангел:

— Может быть, ты полагаешь, что я пришел для того, чтобы развеселить тебя?

Помолчав, негромко сказала Нинель:

— Кажется, что нет.

Сказал ангел:

— Тебе угрожает опасность и, повинуясь велению долга, я обязан защитить тебя. Для меня ты не ценна; и я, и мои собратья полагаем, что лучше, если бы тебя не было б вовсе; но ты была ценна для того, кого мы чтим, и поэтому мы будем оберегать тебя, пока сумеем. Но, оберегая от того, кто охотится за тобой, мы не станем оберегать тебя от правды, и если не тот, кто охотится, но правда убьет тебя, значит, такова твоя судьба — и, может быть, это будет лучшим исходом. Выслушай то, что я расскажу тебе,

Нинель, и не задавай вопросов, если можешь обойтись без них, ибо время, которым мы располагаем, не так уж велико. Я расскажу тебе о том, кем ты была прежде, и кем был наш создатель, любивший тебя так, как способны любить лишь немногие. Его звали Каэрдин, он был старше богов и могущественнее их, но его могущество не происходило из какого-либо внешнего источника, это не была сила или стихия, которая явлена, но сила, которая стоит за всем, что явлено и, вместе с тем, эта сила не принадлежит существу. Это не пустота и не отрицание, не бездна, не хаос и не безумие. Также можно сказать об этой силе, что она сокрыта в сердце, но сказать так — значит не сказать ничего. Это — внутреннее состояние всего, это нельзя увидеть извне, но этого и невозможно достичь, разъяв предмет на части. Душа человека заключается в сердце, но, разрезав сердце, найдешь ли ты душу? О Нинель, знай, что у Сущего также есть свое сердце, но это не то, чего можно достичь посредством заклинаний или земляных работ, а ведь сила Каэрдина была схожа с этим сердцем. Впрочем, сказать «схожа» означает солгать, но у меня нет слов, чтобы в полной мере выразить то, что не имеет имени. Я могу произнести все слова и назвать это всеми именами, и произнесенное будет правдой в такой же степени, в какой будет ложью. Это то, из чего истекала сила Каэрдина, это то, что было его могуществом, то, чем он повелевал, это то, что было им самим — оно не имеет имени и смысла, и вместе с тем оно заключает в себе все имена и является единственным смыслом и сутью. Лишь двое были причастны к этому, ибо лишь их высокое происхождение позволяло им воспринимать вещи не *кажушимися* — так, как видим их все мы — но видеть подлинную действительность, лишенную каких-либо форм и цветов, лишенную имен и самого времени. Замени слово «видеть» словами «пребывать» или «являться» — не будет никакого различия. Они оба некогда были Элами, равные, но разные, неразрывно связанные друг с другом, но никогда не встречавшиеся здесь, на поверхности вещей, в мире явленном. Один из них тот, кто сотворил нас — Каэрдин, хранитель Сущего, садовник, бережно лелеявший древо времени. Второй — тот, кто еще только должен был родиться, спаситель, тот, кто должен был собрать плоды древа времени, посаженного Каэрдином. Даже среди смертных о его приходе существовали предсказания; бессмертные же называли его Судьей Стражей. Изначально природа этих двоих была нетленной, а могущество — не знающим ни пределов, ни ограничений, ибо от их силы берет свое начало все, что питает все существующее, и жизнь и смерть; и ты, и я, о Нинель, существуем лишь потому, что дыхание Элов течет через нас.

Элы не разделены между собой, как не разделена вода морей и рек, но

Каэрдин и Судья Стражей не были только источником, что дает бытие всем мирам. Ибо для того, чтобы осуществить должное — взлелеять древо времени и собрать его плоды, сохранить мироздание и вознести его в иное состояние, в состояние, что выше всех совершенств — для того они должны были войти во время, стать такими же, как мы — смертными и уязвимыми. Как сложилась бы судьба Судьи Стражей, мы не знаем, ибо он так и не был рожден, но о Каэрдине я могу рассказать. До начала времен он был всемогущ, как всякий Эл, но когда заструилось время и он вошел в этот поток, то стал не сильнее любого смертного. Он был вынужден постигать грамоту и колдовство, учиться фехтовать, бороться с голодом и усталостью. Впрочем, в отличие от смертного, он не был обязан стариться или умирать от старости. Прошли века и тысячелетия, он научился многому и, хотя и не стал полностью тем, кем был прежде, но приблизился к этому. Он стал одним из тех, кого называют Обладающими Силой, хотя и особенным Обладающим. Его называли Повелителем Затмений, но эта Сила была лишь дверью, через которую он входил в то, что было его подлинной Силой. Ибо ни другие Обладающие, ни боги не могли творить того, что мог он.

...Затем ангел рассказал ей о том, как была сотворена Соблазн и как Кадмон поссорил небо с землею, как впервые встретила она Каэрдина и как потом, когда Кадмон, оказавшись во власти Адского Князя, погиб, Каэрдин вступил в Преисподнюю и, повергая в прах всех, кто осмеливался встать на его пути, захватил дворец Баалхэаверда — но слишком поздно, ибо Баалхэаверд и Леонардо уже открыли Дверь в Ничто и бросили туда женщину, ради которой Каэрдин затеял эту войну. Рассказал ангел о том, как вошел в эту Дверь Каэрдин и как говорил затем с Добрым Богом, который, меж тем, был всего лишь маской на лице Ничто. Рассказал ангел о заключенной сделке и о последствиях ее, и о том, как Каэрдин, ставший последним из смертных, лишенный всей своей прежней мощи, отвергнутый возлюбленной, стал жить дальше, не жалуясь на судьбу, пребывая в тоске, но не в отчаянии. Потом ангел вернулся назад и поведал о мече Каэрдина: как был сотворен этот клинок, как, поразив Стражей мира, отправился к истокам времени, как был у самих истоков перекован Каэрдином и подчинен ему, как служил ему от начала мира до тех пор, пока не была заключена сделка с Добрым Богом, как получил освобождение в тот миг, когда Каэрдин, согласно сделке, вынужден был начать все с самого начала. Рассказал ангел и о том, как клинок пришел к своему прежнему хозяину и выпил его душу.

Ровный голос ангела заглушал звуки дождя и ветра. Ставни

раскачивались из стороны в сторону, в комнату проникал ночной холод, иссушавший слезы Нинель. Слова ангела были бесстрастны, он не испытывал к Нинель ни ненависти, ни сочувствия. Нинель узнала, что Клинок погубил уже многих из его народа, ибо они, умеющие управляться с временем и легко путешествующие от одной ветви древа времени к другой, оставались единственными, способными уберечь Нинель от ищущего взгляда Клинка. О том, как велась эта война, ангел рассказал немного, но и сказанного было достаточно, чтобы понять, что средства, используемые в этой войне и сам ход ее вряд ли могут быть постигнуты разумом смертного. Ибо речь шла о ткани времени и способах управления этой тканью, о проникновении внутрь ее и о разделении непрерывной линии не на различные отрезки, но расщепление ее так, как будто бы эта линия могла обладать какой-либо толщиной, и о прочих подобных вещах. Единственное преимущество противостоящих Клинку заключалось в числе, и они могли действовать сообща, но Клинок скоро свел на нет это преимущество, устраняя своих противников одного за другим. Их осталось немного, последние барьеры, отделяющие Нинель от Клинка, вскоре падут, ибо существуют только две возможности: либо Клинок переиграет немногих оставшихся в управлении временем, и войдет в реальность, где пребывает Нинель, либо он сначала уничтожит их, и лишь затем войдет в эту реальность.

Казалось, что посланника, говорившего с Нинель, не беспокоит ни возможная смерть, ни уничтожение всего его народа. Его беспокоил только долг, и этот долг он намеревался исполнить до конца. Поскольку оберегать реальность, где обитает Нинель, более невозможно, он собирался унести девушку в какую-нибудь другую часть древа времени, или даже за его пределы, чтобы добиться передышки в войне или, по крайней мере, оттянуть ее неизбежный итог.

Сказала Нинель:

— Стоит ли поступать так? Если итог неизбежен, зачем же всем вам гибнуть вместе со мной? Я благодарна за все, сделанное вами, но, право же, вам лучше отступить и позволить осуществиться тому, что должно осуществиться.

Сказал ангел:

— Ты права в том, что мы не знаем, как противостоять этому злу и права в том, что мы гибнем без всякой пользы. Но даже если наше поражение неизбежно, кроме неизбежности и необходимости, вытекающей из хода вещей, есть еще и другая необходимость, внутренняя. Какая же из этих необходимостей важнее? По-моему, вторая. Поэтому мы не отступим.

Сказала Нинель:

— Это бессмысленное самопожертвование.

Терпеливо повторил ангел:

— Это не самопожертвование, а необходимость, вытекающая из долга.

Такова наша природа и мы, хотя и можем изменить чести, не станем делать этого, разменивая большее на меньшее. Поистине, этот мир дурно влияет на своих обитателей, внушая им мысль, что существование есть высшее благо! Но довольно об этом. Пойдешь ли ты со мной, Нинель?

Сказала девушка:

— Да. Каким бы не было мое решение, я вижу, вы не измените своего.

И тогда ангел обнял ее и покинул комнату. От удара его алмазных крыльев вдребезги разлетелся камень стены, ибо крылья его были таковы, что с равной легкостью разрезали как воздух, так и гранит. Он уберег Нинель от каменных осколков, она же, оглянувшись назад, крикнула:

— Зачем ты разрушил дом моих родителей?

Сказал ей ангел:

— Забудь о них, Нинель. Они уже мертвы.

Тогда девушка зарыдала и забилась в его руках, но ангел нес ее дальше, не обращая внимания на ее слезы. Ибо за его словами стояло то, чего Нинель не могла знать: сама реальность, в которой прежде существовала Нинель, истончалась и исчезала, и выцветали и таяли все обитатели ее, ибо Клинок был уже близок к этой нити времени.

Поднявшись к небесам, ангел и Нинель покинули время и оказались в необъяснимом, и Нинель, оглянувшись в последний раз, увидела как ссыхается и темнеет серебряная ветвь времени, как рассеивается все то, что прежде казалось ей столь прочным.

Сказала она ангелу:

— Если наш враг обладает властью над временем, почему же он не может явиться до нашей беседы, или в самый момент ее?

Сказал ангел:

— Несомненно, так и произойдет. Но это уже не имеет никакого значения.

Сказала Нинель:

— Я не понимаю.

Сказал ангел:

— О Нинель, ты вынуждаешь меня касаться вещей, о которых трудно говорить на языке смертных, избегая противоречий. Знай же, что существуют два вида существ — существующие во времени и существующие в вечности, хотя между ними и нет разницы. Первые — это

как бесконечные отражения, дробящиеся в древе времени: множественное, различное и, вместе с тем — единое. Так, существуют миллионы Нинель, но все они различны, хотя все — Нинель; на разных ветвях древа времени существуют они. То же и с остальными обитателями времени — а число ветвей времени безгранично! Их прошлое реально и существует постоянно, также реально и их будущее — но бесконечно число их «прошлых» и «будущих». Второй род, что от вечности — наш народ принадлежит к нему — не обладает ни прошлым, ни будущим в смысле их сохранения, и от того мы, не сплетенные с деревом времени, можем свободно путешествовать между его ветвями. У нас нет ни прошлого, ни будущего, но лишь настоящее, и от того мы можем помещать это настоящее в любой поток времени, какой только захотим, в любую его часть. Ибо мы, способные существовать без времени, все же нуждаемся в нем для того, чтобы изменяться и совершенствоваться. Ведь только там, где есть последовательность событий, возможно изменение и совершенствование.

Сказала Нинель:

— Мне пришла в голову простая и очевидная мысль: почему вы, умеющие перемещаться во времени, не предупредите Каэрдина обо всех бедах с тем, чтобы он изменил что-либо из того, что привело к столь плачевному положению вещей? Почему вы не отправитесь в день, когда мы с Каэрдином встретились впервые? Тогда он забрал бы меня от Кадмона, и я не попала бы к Баалхэверду, и не случилось бы всего, что случилось.

Сказал ангел:

— Хотя мы, как и все прочие существа, существующие в вечности, и способны перемещаться в любую часть древа времени, тут существуют определенные законы, которые нельзя нарушить. Если в каком-либо моменте времени мы уже были, мы не можем войти именно в тот момент, поскольку он уже был использован нами. Подобных тебе можно уловить посредством времени, Нинель, но нас уловить невозможно, ибо мы не принадлежим ему. Поэтому, когда один из нас входит во время и сколько-то часов, дней или лет живет с той же скоростью, что и обитатели времени, нельзя войти в его прошлое и поймать его. Также и он сам не может сделать этого. Впрочем, мои объяснения не полны, Нинель, и мне потребовалось бы долго беседовать с тобой об этих вещах, чтобы дать хоть какое-то представление о них. Определенные уловки тут все-таки возможны, но и Клинок знает эти уловки. Это и есть та война, которую мы вели с ним, но он победил в ней. Я сравню это с осадой. Враг перевалил выставленный нами частокол, преодолел ров, взял первую стену, потом

вторую, потом город и вот подступил к центральной башне. Защитников осталось не так уж много; скоро враг разнесет последние ворота и овладеет цитаделью; предвидя это, я вывел тебя из крепости через подземный ход. Что будет с тобой дальше — неизвестно; но наш враг не победил до тех пор, пока не захватил тебя. Он может бесноваться в захваченной цитадели, может сжечь весь город, но все это не имеет значения, ибо ты уже не прячешься там. В тот миг, когда мы покинули твой мир, ты перестала принадлежать древу времени. В определенном смысле, теперь у тебя также нет ни прошлого, ни будущего, ты, как и я — лишь точка, нечто единое, перемещающееся туда или сюда, но не линия, за которую можно ухватиться.

Сказала Нинель:

— Если бы мы не существовали во времени, то не смогли бы общаться с тобой.

Сказал ангел:

— Я творю время для наших личных нужд, но оно не непрерывно, хотя ты и не замечаешь провалов. Впрочем, даже будь оно непрерывным, через него нельзя было бы достигнуть нас, потому что мы сами — не непрерывные протяженности, а, скорее, замкнутые сферы, которые движутся по туннелю. В определенном смысле, создав время и использовав его, мы его тут же уничтожаем.

Сказала Нинель:

— Ты полагаешь, теперь мы неуязвимы для Клинка?

Сказал ангел:

— Нет. Мы лишь прекратили способ борьбы, в котором терпели поражение. Несомненно, наш враг будет искать нас, но уже другими способами. Однако ему придется ловить нас в нашем настоящем, а я не представляю, как это можно сделать. Впрочем, я далеко не все знаю о законах времени и вечности. Каэрдин, например, каким-то образом обходил это правило и мог общаться с нами даже тогда, когда мы находились лишь в своем собственном настоящем, вне древа времени. Я надеюсь, что это из-за его происхождения, ибо если дело тут не в происхождении, а в том, что может быть постигнуто, тогда нам грозит большая опасность. Ибо слишком многое сумел перенять Клинок от того, кого убил.

Сказала Нинель:

— Почему Клинок преследует меня?

Сказал ангел:

— Хотя Каэрдин и был всем, одновременно он был и чем-то

определенным. Можно сказать «был по большей части» или «выбрал быть». Ты знала, каков он. Таким же могуществом обладает и Клинок. В определенном смысле он тоже включает в себя все, что есть, но будучи вынужденным также (или «по большей части») быть чем-то определенным, пребывает в состоянии демона-охотника, склонного к бесконечной ненависти и бесцельной жестокости. В чем причина этого, я уже говорил тебе, повествуя о происхождении Клинка. Отчасти в этом виноваты те, кто создал его, отчасти — судьба. Поэтому, хотя Клинок и обладает могуществом, что выше могущества богов и Стражей, собственный разум его не сложнее, чем разум демона-охотника, и не сложнее сфера чувств, способность к сопереживанию и тому подобное. Скорее всего, его мотивы более всего подобны жажде бесконечной власти. Но вместе с тем, у него есть и иное оправдание своей цели, не связанное с эмоциями. Видишь ли, он получил чудовищную мощь, вкусив крови Судьи Стражей. Я уже говорил тебе о том, что эти Элы — Каэрдин и Судья Стражей — стали уязвимы в нашем мире. Каждый из них — по-разному, ибо разные у них дороги и разными способами должны были они осуществить в видимом мире свою силу в ее полной мере. Но именно через это стали они уязвимыми. Как кажется мне, Судья Стражей в грядущем должен был принести великую жертву; поэтому он стал уязвимым через жертву. Поэтому, когда кровь Судьи Стражей легла на Клинок, Клинок отпил от его силы. С Каэрдином было иначе. Хотя Клинок и убил его, но полностью забрать его силу он сможет лишь при соблюдении определенных условий. Для того он и преследует тебя, чтобы исполнить эти условия, хотя демоническое сознание его направляется не расчетом, но только голодом и жаждой силы и власти.

Спросила Нинель:

— Что это за условия?

Бесстрастно ответил ангел, продолжая полет:

— Я полагаю, он желает, чтобы ты отдала ему свое сердце, как хотела бы отдать Каэрдину.

Нинель долго молчала, а затем сказала:

— Но я не понимаю, почему я что-то значу во всем этом...

— Поверь мне, — сказал ей ангел. — Таков порядок вещей. Мне трудно объяснить тебе его вот так вот, наспех, поэтому просто поверь мне. Достаточно сказать, что Судья Стражей заключил бы бесконечность в жертве, а для Каэрдина эта бесконечность заключилась в любви к одной-единственной женщине. И то, и другое, не следует измерять внутри существовавшего прежде или какими-либо известными правилами, но,

напротив, эти заключения бесконечности сами устанавливают подобия, правила и порядок вещей. Ибо таков выбор Элов, а что может быть превыше этого?

Сказала Нинель:

— И все же, я не понимаю...

Сказал ангел:

— Понятнее я объяснить не могу. Однако нам следует оставить беседу, ибо мы пребываем на один из островов, существующих вне древа времени. Здесь нам предстоит определить дальнейший путь. Полагаю, хозяин острова, великий колдун, не откажется помочь нам.

Спросила Нинель:

— Кто он?

Ответил ангел:

— Лорд Гиверхинэль, Повелитель Обратного Мира, один из сильнейших Владык Чар. Некогда он воевал с богами, победив же их, перестал интересоваться глупостями и всецело посвятил себя изучению магии. В числе прочего он заинтересовался природой времени и многого достиг в этом; мы обучали его, но кое-в-чем он пошел дальше нас. Он сотворил этот остров и с тех пор живет здесь, внутри собственного древа времени, на краю сотворенной им вселенной, совершенствуя свое магическое искусство.

Сверкающим был этот остров в темноте безвременья, малое подобие древа времени, что покинули путники. Казалось, будто бы невидимый хор возносит славословие к небесам от алмазных башен острова. Не были башни красивы — нет, казалось, не башни, но сама красота, торжество и величие застыли там, впереди, ненадолго приняв видимый облик. Золотые и серебряные свечения окружали владения Гиверхинэля, и глаза Нинель увлажнились, и на мгновение она забыла о всех бедах, созерцая открывающееся великолепие.

Они вошли во время и приблизились к одному из миров Гиверхинэля, к области, где высился один из его дворцов. Как серебряная игла, возносилась центральная башня дворца на семьсот лиг над прочими постройками. Там был узкий балкон, ангел, бережно держа Нинель, опустил на него...

И в тот же миг что-то раскололось в сути этого мира, в сути самого времени. Исчезли башни и сады, замолк незримый хор, свет сменился тьмой, торжество — холодом, с которым разграбленный дом встречает случайного путника. Не было более ни балкона, ни дворца Гиверхинэля — они стояли на темной мертвой земле, под черным беззвездным небом, и

едва видели друг друга.

Они были там не одни. Нинель поняла это, когда фигура, стоявшая перед ними, пошевелилась, но тот час же ангел шагнул вперед и закрыл ее собою. В руке его, как осколок черного зеркала, сверкнул меч.

И тогда Нинель услышала голос.

— Глупцы, — сказал остававшийся в тенях. — Бороться со мной для вас то же, что бороться с самой судьбой: победа столь же немислима. Раб, ты рассчитывал на помощь чародея, победившего богов, но знай, что ты стоишь на месте, где некогда была великая битва, и в той битве боги одержали победу над Гиверхинэлеом. Все времена принадлежат мне и все, что наполняет эти времена, и я могу распоряжаться всем этим по своему усмотрению.

Сказал ангел:

— Я не раб. Убить ты меня можешь, но подчинить себе — нет. Ты же сам — только слуга, лишенный хозяина, и еще вор — ибо личина, которую ты носишь, украдена у твоего господина.

Сказал Клинок:

— Я уничтожу тебя, как уничтожил всех твоих собратьев. Я вижу в твоей руке оружие. Оно не поможет. Может быть, как-нибудь ради развлечения я и создам весь мир заново, а вместе с ним и ваше племя; может быть, и нет, я еще не решил. Но все это будет потом; перед тем мне придется выполнить еще одно дело.

И, сказав так, он изменился. Изменившись же, он устремился к груди ангела, ибо суть его в этом состоянии была — стремление и смерть. Даже и царапины не оставило на нем оружие ангела. Что до Клинка, то он поразил противника в середину груди.

Нинель зажала рот рукой, чтобы не закричать, когда ее спутник упал и остался недвижно лежать у ее ног. Когда она перевела взгляд на его убийцу, то увидела не стремление и смерть, а вновь — подобие человеческой фигуры.

Слабый свет, разлитый в воздухе, усилился, ибо того пожелал Клинок. Ему самому свет не был нужен, но глаза смертных слабы, а он желал, чтобы Нинель могла хорошо разглядеть его.

Нинель долго всматривалась в его лицо; он же молчал и улыбался, и эта улыбка была страшнее всего. Последние печати милосердного забвения были сорваны с души Нинель в эти минуты. Все в этом лице было знакомо ей, не было ни одной лишней черточки, но все же это была лишь личина. Ничто не шевельнулось в ее сердце, когда она смотрела на его лицо; улыбка же его была ей отвратительна.

Сказал враг:

— В чем же дело, Нинель? Ты отвергаешь нищего, который приходит к тебе, и отвергаешь меня; ты непоследовательна. Вот, взгляни — разве мое лицо незнакомо тебе? А мое могущество — разве хоть в чем-то уступает могуществу, которое ты помнишь? Я тот, кого ты ждала.

Сказала Нинель:

— Нет. Ты лжешь. Я смотрю на твое лицо и вспоминаю нищего, некогда приведенного ко мне во дворец. Теперь я вижу ясно, что он говорил правду и действительно был тем, за кого выдавал себя. Ибо он более похож на Каэрдина, чем ты, имеющий его лицо и его могущество.

Сказал Клинок, рассмеявшись:

— Темного ангела я одолел легко, как и всех прочих врагов — Лордов и Стражей, богов и самого Каэрдина. С тобой же, я вижу, мне придется повозиться — да и оружие, которым мы собираемся фехтовать, мне внове. Каэрдин был сильнейшим, ты низвергла его, значит, ты и есть сильнейшая, и я со всем тщанием приготавливаю к поединку с тобой.

Сказала ему Нинель, горько усмехнувшись:

— Что ж, нападай. Тебя удивит, с какой легкостью ты убьешь меня. Ты походя уничтожил моего спутника, защищавшего меня, а я вряд ли смогу оказать тебе какое-либо сопротивление.

Сказал Клинок:

— Да, я могу отнять твою жизнь и сломать твою волю. Я даже могу сделать так, чтобы ты никогда не рождалась. Я могу изменить твои чувства так, что сам Казориус, Повелитель Сердец, увидев это, пожелал бы стать моим учеником. Но ничего из этого мне не нужно.

Спросила Нинель:

— Что же тебе нужно? Для чего ты преследуешь меня? Разве тебе мало того, что ты сделал, чудовище?

— Что мне нужно? — Переспросил Клинок. — Трудно ответить. Я — мощь, не знающая равных. Я постиг все. Я почти всемогущ. Все, что я поглотил, стало частью меня, а поглотил я все сущее, вкусив и от плодов древа времени, и от корней его. Но есть маленькая загадка, которую я так и не смог решить — а ты, я надеюсь, мне ее решить поможешь.

— О чем ты говоришь?

— О том, что ты называешь «любовью».

— Ты никогда не узнаешь, что это, — с презрением бросила девушка.

Сказал ей Клинок:

— Ошибаешься. Я знаю, что это. Знаю намного лучше тебя. Знаю — но все же не могу понять. Я созерцал десять тысяч миров в течении десяти

тысяч лет. Я видел разные виды любви. Я видел, как запахи проникают в ноздри мужчины и женщины, как следят их глаза за друг другом, как происходят различные химические превращения в их телах. Так рождается желание. Я видел влюбленность и страсть, видел, как меняются эфирные тела мужчины и женщины, приникая друг к другу. Видел я и притяжение разумов, наблюдал и взаимное уважение, и привязанность, и терпение, рождающееся после долгих лет совместной жизни. Видел я и многое другое. Все это довольно примитивно и легко поддается расчету. «Высокие чувства» не более таинственны, чем телесное влечение — все отличие состоит в том, что во втором случае изменяются определенные вещества в телесном мире, а в первом — происходят схожие превращения в мире более тонком. Умеющий видеть легко поймет, как это происходит. Я знаю о любви все. Стоит мне оказать определенное воздействие на некоторые участки твоего тела, или твоего разума, или твоей души — и ты станешь такой, какой я захочу и будешь испытывать те чувства, которые я пожелаю. Я знаю все — и все-таки есть одна вещь, которую я не могу понять.

— Какую? — Спросила Нинель.

— Если я знаю все это, то и Каэрдин должен был знать, — ответил Клинок. — А раз так, почему же он не сумел уберечься от тебя? Ведь если все, что вы называете любовью — лишь определенные изменения в плоти, душе и сознании, как ты могла пленить Каэрдина? Что стоило ему создать соответствующую колдовскую преграду — как поступил один из твоих создателей, Эмерхад? А если он хотел испытать некоторые приятные ощущения, которые дает влюбленность, почему Каэрдин не выдавил из себя этот гной, когда стало ясно, что эти же самые ощущения подталкивают его к саморазрушению? Вот что мне непостижимо.

Сказала Нинель:

— Ты разделил целое на части, исследовал каждую часть и теперь удивляешься, куда же исчезла жизнь, прежде соединявшая части. Да ведь эту самую жизнь ты уничтожил, когда разделял целое! В том, что мы зовем любовью, соединяется не только желание, страсть, влюбленность и привязанность. Кроме того есть еще и *стремление любить* — то, что собирает все наши чувства, соединяет их, усиливает, развивает и направляет их дальше. Есть не только данность, не только то, что присутствует, что *дано* нам, но и то, к чему мы стремимся, то, что мы выбрали для себя и что желаем осуществить. Будь иначе, мы были бы лишь механическими существами, с которыми что-то происходит; в любви же было бы не больше ценности, чем в росте ногтей и волос. Это стремление не всегда сознательно, но...

— Все это, — перебил ее Клинок. — Я и без тебя знаю. Я знаю еще тысячу других объяснений. Все они бессмысленны. Я легко читаю твои мысли и вижу, что ты говоришь именно то, что думаешь, и не лжешь мне. Из этого я заключаю, что ты и сама не понимаешь природы оружия, которым уничтожила Повелителя Затмений. А раз так, мне придется приступить к изучению этого оружия другим способом.

Спросила его Нинель:

— Что ты хочешь сделать?

Сказал Клинок:

— Мне известно, при каких условиях это оружие стало действовать, а раз оно слепо, то должно сработать еще раз. Я воссоздам эти условия. Первое условие — ты; и ты сейчас стоишь передо мной. Второе условие — Каэрдин. Как видишь, мой облик уже соответствует его облику, мое колдовское могущество также ничем не отличается от того, коим обладал Каэрдин. Теперь я буду постепенно изменять свою сущность так, чтобы она во всем совпала с сущностью Каэрдина, я буду менять свое мышление, и чувства, и некоторые аспекты волшебства таким образом, чтобы совпадение стало совершенным. Ведь Каэрдин пребывает во мне, как и все древо времени, а я могу стать всем, что пребывает во мне. Я буду внимательно следить за тобой, ведь в какой-то момент моего превращения незримое оружие обязательно должно будет покинуть ножны твоей души и обратиться ко мне. Тогда я пойму природу этого оружия, захвачу его и достигну желаемого.

Сказала Нинель:

— Ты никогда не сможешь сделать этого. Ты просто не сможешь в точности стать им.

— Почему ты так думаешь?

Сказала Нинель:

— У Каэрдина была честь.

— Я сделаю себе ее точное подобие.

— А как же стремление, о котором я говорила тебе? Недостаточно просто испытывать те или иные эмоции. Тебе придется еще и своей волей стремиться к этому, как стремился Каэрдин. Тебе это не по силам, ведь твоя воля — это голод и разрушение.

Сказал ей Клинок, усмехнувшись:

— Не беспокойся за меня. Я сумею выполнить то, что хочу. Я вижу, что ты боишься удачного перевоплощения, ведь если оно произойдет, ты потеряешь над собой контроль и кинешься в мои объятия. Ты правильно боишься. Ибо хотя ты утверждаешь, что любовь измерить нельзя, в

глубине души, однако, ты знаешь, что прав я, утверждающий, что можно.

И еще сказал он:

— Привлекает меня в этом опыте и кое-что другое. Видишь ли, Нинель, я убил Каэрдина тогда, когда он был слаб и ничтожен, и это немного отравляет мое торжество. Но Повелителя Затмений нельзя уже воскресить, чтобы испытать наши силы на равных. Некогда, на заре времен, так уже было, и тогда он подчинил меня своей воле. Как же мне теперь превзойти его, когда он уже мертв? Я вижу только один способ. Я одержу победу там, где он потерпел поражение. Он не успел или не смог воспротивиться действию твоего незримого оружия. Я буду наготове. Я смогу и успею.

И вот, начал он изменение. Изменение же это было невидимо для глаз Нинель, и она с затаенным ужасом ждала, что последует дальше. Но вот увидела она, что глаза врага ее внезапно остекленели и рот исказила судорога, и пальцы рук искривились и стали похожи на крючья. Что-то пошло не так, как рассчитывал Клинок. По всему его телу прошла сильная дрожь. Он откинул голову и полуоткрыл рот. Тело его стало судорожно содрогаться, как в припадке эпилепсии, крылья беспорядочно били воздух и раскалывали камни. Он упал на землю. Мучительный вой вырвался из его глотки — отчаяние и страшнейшее страдание заключались в нем. Казалось, он борется с кем-то или чем-то невидимым — но бесполезно, и он безнадежно проигрывал в этой борьбе. Наконец, он застыл.

Нинель ждала, не шевелясь. Бежать было бесполезно, а приблизиться к чудовищу, убившему ее возлюбленного, она опасалась.

Но вот он пошевелился. Оперевшись рукой о землю, встал на колени. Поднял голову. И увидел Нинель.

Ее сердце бешено забилося, когда она увидела его лицо. Перед глазами все поплыло. «Не лги себе! Ты ведь знаешь, что это только обман!» — Закричала она мысленно, но сердце ее, казалось, зажило своей собственной жизнью, и сделалось неподвластным разуму.

Не отпуская ее глаз, враг встал. Он не произносил ни слова и, казалось, не мог оторвать от нее глаз. Протянул к ней руки...

— Нет!!! — Закричала Нинель, отступая и тщетно пытаясь сдержать слезы. — Убирайся, тварь! Я никогда не буду любить тебя так, как любила его! Ты можешь подчинить себе мой разум и мое сердце, но по своей воле я никогда не буду принадлежать тебе!

Сказал темный ангел:

— Я — Каэрдин.

Закричала Нинель:

— Но только «некоторой частью», не так ли?!!

— Нет. — Он покачал головой. — Не так. Клинок потерпел неудачу. Ты победила его и спасла меня. Все возвращено на свои места. И слепая Сила, которая едва не натворила непоправимых бед — также возвращена на свое место.

Тогда Нинель перевела взгляд на его пояс и увидела ножны, и в тех ножнах — клинок.

— Это обман, — сказала она, но в голосе ее уже не было прежней уверенности. — Как я могла победить и спасти тебя? Я не Леди и не колдунья...

Сказал Каэрдин:

— Ты — та, кому отдано мое сердце. Никто — ни Леди, ни колдунья, ни богиня — не может сравниться с тобой. Как ты смогла победить? Ты приняла вызов Клинка и противостояла ему, не отступая ни на шаг. Ведь он жаждал победить тебя не силой и не волшебством, а иным оружием. Но твоя воля была тверда, а любовь — столь чиста и сильна, что теперь я могу лишь склониться пред тобой, ибо я недостойн этой любви.

— Ты... — У Нинель перехватило горло и она была вынуждена начать снова:

— Ангел говорил мне, что Каэрдин убит, а его душа поглощена Клинком. Как же ты смог вернуться... если ты — это действительно ты?

Сказал Каэрдин:

— Нелегко ответить в двух словах. И хотя ничего не желаю я больше, как прикоснуться к тебе, все же, я вижу, мне придется ответить, чтобы изгнать твой страх.

Скажи, Нинель, чем отличается видимость от подлинного, а иллюзия — от того, что она изображает? Где сходство перестает быть всего лишь сходством, а становится самой вещью? Представь, что есть некий плод и иллюзия плода, и ты по своему желанию можешь изменять степень этой иллюзии. Сначала эту иллюзию можно лишь увидеть, потом — потрогать и ощутить ее запах и вкус. Потом — ты съешь этот плод и утолишь голод так же, как будто бы это был настоящий плод. Дальше — еще больше: иные видят этот плод, и полагают его существующим в мире, вне зависимости от тебя: иллюзия той степени насыщенности, при которой иллюзия уже неотличима от материи, которая, впрочем, сама есть иллюзия. Но и это еще не предел. Сделаем так, чтобы второй плод стал состоять в точности из тех же веществ, что и первый, поместим его в то же место в пространстве и в то же время, где находился первый. Не будет ли он тем же самым плодом, с которого мы сделали копию?

Сказала Нинель:

— Люди — это не яблоки и не груши.

Сказал Каэрдин:

— Верно. Но все в человеке, относящееся к сотворенному миру — душа и тело, чувства и разум — ничем не выше яблок и груш, и лишь более сложно устроено. Отличие не в этом, а в том, что содержится в сердцевине того «Я», с которым человек себя отождествляет. Содержащееся в сердцевине не имеет ни качеств, ни свойств, ни имени. Оно как будто бы никак не выражает себя, как будто бы подобно пустоте, но это не пустота в смысле недостатка или отсутствия чего-либо. Это — единственно подлинное, что у нас есть. Это — мы сами. Если отнять у человека руку, он останется самим собой; если убить, останется самим собой; если уничтожить сознание, останется; если уничтожить саму душу, останется это подлинное, высшее, истинное «Я». Если отнять тело, «Я» всего лишь будет лишено возможности действовать в плотском мире, если отнять разум и душу — будет лишено возможности действовать в мире сотворенном, но по своей природе оно — бессмертно и вечно.

Клинок был почти всемогущ, но он был лишен этой сердцевины. Так и должно быть, ведь он — всего лишь орудие, выпавшее из моей руки. Натолкнувшись на твоё сопротивление, вынужденный прибегнуть к последнему способу, обладая силой и мощью, но не тем, что подлинно, он сам создал для меня новое вместилище. И когда я вошел в это вместилище, он не смог сопротивляться мне, как было и раньше, ибо инструмент не может сопротивляться своему владельцу.

И темный ангел подошел к девушке, а она не отступила, и лишь со страхом и надеждой продолжала вглядываться в его лицо.

Сказала Нинель:

— Как я могу быть уверена, что все это — не ложь и не хитрость, не маска, которую принял мой враг?

Сказал Каэрдин, протягивая ей руку:

— Никак. Тебе придется или поверить мне, или нет.

И сказала ему Нинель, вкладывая свою ладонь в его, сказала, отбрасывая страх и открывая свое сердце:

— Я верю.

И тогда Каэрдин взял ее руки в свои и укрыл ее крыльями, что черней самой ночи. Нинель же прижалась к своему возлюбленному и почувствовала, что невыразимое счастье наполняет ее; и казалось ей, что некая чистейшая эссенция циркулирует в них, соединяя двоих в единое целое. И еще долго так стояли они, чувствуя, что обрели нечто много более ценное, чем значил каждый из них по отдельности.

И лишь много вечностей спустя Нинель тихо сказала:

— Я так счастлива... Но неужели наше счастье должно стоить столь дорого? Тот ангел, который хотел спасти меня... и другие...

Сказал ей Каэрдин:

— Смотри.

И она, по прежнему прижимаясь к нему, оглянулась и увидела гибкие темные фигуры, скользившие в ночном небе вокруг них. И темные ангелы приветствовали своего вождя и его возлюбленную.

Спросила Нинель:

— Ты воскресил их?

Сказал Каэрдин:

— Нет. Я владею временем и вечностью; поэтому они никогда не умирали и никогда не сражались с Клинком в безнадежной войне.

Сказала Нинель:

— Владеешь временем и вечностью? Значит, ты — и в самом деле один из Элов, как говорили мне?

Услышав это, Каэрдин рассмеялся.

— Покажи мне того, кто не является Элом! — Смеясь, сказал он. — Мое происхождение не ниже и не выше твоего. Ты знаешь меня и, вслед за другими, полагаешь меня едва ли не творцом мира, но я знаю Нинель, которая сотворила вечность и время, заполнила древо времени многочисленными мирами, а миры населила людьми и животными, богами и демонами. И вот, среди сотворенных ею созданий был некто Каэрдин, которого она полюбила и глаза которого открыла, показав ему подлинную суть вещей; и вот уже Каэрдин, стоящий у истоков времени, впервые встречает Нинель в одном из сотворенных миров.

— Я не понимаю. Значит, есть два древа времени?

— Нет, — сказал Каэрдин. — Только одно. Не только ты или я, но каждый из живущих является Элом и каждый когда-либо сотворил древо времени или когда-либо сотворит — тут между «было» и «будет» нет разницы. То, что называют истинным «я» также можно назвать Элом, ибо оно без труда вмещает в себя всю вселенную и является ее истоком. Я покажу тебе подлинную суть вещей, возлюбленная моя.

И вот, он распахнул крылья, как будто бы собирався обнять все мироздание, и мироздание пришло в движение. И показалось Нинель, будто бы вознеслись они надо всем что есть или проникли в самое сердце сущего — тут между словами «вознеслись» и «проникли» нет никакой разницы. Сущее стало сферой, границы которой нигде, а центр везде, все помещалось во всем, и если Нинель вглядывалась в какой-либо предмет, то

оказывалось, что в нем заключается вся вселенная, все древо времени со всеми ответвлениями его, все множество вещей. И тогда оказывалось, что за пределами этой вселенной нет ничего, но стоило взглянуть в какую-либо частицу этого множества, как она вырастала до размеров вселенной, и заключала в себя все прочие вещи и существа, и среди них — и саму Нинель. Истинная природа вещей открылась ее взору, и узнала она, что не только люди или ангелы обладают истинным «я» — в любом целом пребывает оно. В яблоке не было его, но у яблони было оно; в горсти земли не было его, но у любой из Земель было оно; в куске мяса не было его, но в человеке было оно. И еще увидела Нинель, что реальны не сами люди или вещи, сколь не были бы они прекрасны и высоки, но реальна Великая Красота, что стоит за ними и воплощается в них. Самое же ужасающее заключалось в том, что эта Красота была той же природы, что и истинное «я» в сердцевине каждой души и внутри собственной души Нинель.

И она услышала, как Каэрдin, по-прежнему обнимавший ее, сказал:

— Хотя у этого подлинного, истинного, у того, что ты воспринимаешь как Великую Красоту или Великую Музыку, проникающую во все и воплощающуюся во всем, и нет имени, все же есть имя, вполне ясно выражающее природу этого незримого, предвечного, истинного. Это имя...

— Любовь, — промолвила Нинель.

— ...любовь, — вторил ей Каэрдin.

сентябрь 2000 — январь 2002.

Примечания

1

— На хрена ты меня разбудил, Майки? Что тут происходит?

2

— Капитан сказал, что у нас гости.

3

— В своем ли ты уме, Майки? Какие гости? Мы ж в гипере, мудила!

4

— Сам не пойму, что кэпу в голову взбрело. Главный компьютер, наверное, барахлит. Или метеорит пробил силовой экран и повредил обшив... Дерьмо!.. Какие метеориты, мы же в гипере!..

5

— Шел бы ты к себе в каюту, приятель. Приляг там, отдохни. А я тут сам посмотрю, что и как.

6

— Заткнись, Иван!

7

— Ах, какие мы нежные — уже и пошутить нельзя!

8

— Не нас сюда надо было посылать, а ремонтную бригаду. Вот что я об этом думаю.

9

К сожалению, автор этих замечательных стихов мне неизвестен. Саму песню слышал много лет назад на каком-то квартирнике, интернет относительно авторства выдает противоречивую информацию.